

Андрей Жолуд

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМЫСЕЛ ХЭА

Андрей Жолуд

Последний замысел Хэа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70521418

SelfPub; 2024

Аннотация

Мир, геометрия которого не поверхность шара и даже не плоскость. Каждые десять лет день сменяется ночью. Днём люди живут на равнине, к ночи уходят в леса. Бок о бок существуют два мира, но их пищевые цепочки не пересекаются. Где-то за морем лежит таинственный Остров. Где-то в горах живёт Создатель. Но до гор далеко. Чтобы туда добраться, нужно пройти холмы, со своими тайнами и опасностями. Загадок много. Они бы так и оставались загадками, если бы не случилось невозможное...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. ПЫЛАЮЩИЕ НЕБЕСА	24
ГЛАВА 2. СКАЗКИ ДЛИННОГО ЛЕСА	125
ГЛАВА 3. ЗАГАДКА ШЕСТИЛАПОВ	213
ГЛАВА 4. ДНЕВНИК БЕЗЫМЯННОЙ ДЕВОЧКИ	308
ГЛАВА 5. ГОРОД НАДЕЖДЫ	391
ГЛАВА 6. ОБИТЕЛЬ	477
ГЛАВА 7. БЕЛАЯ РОССЫПЬ	567
ГЛАВА 8. РАССВЕТ	638
ГЛАВА 9. СОБЫТИЯ	774
ГЛАВА 10. ПРЕДСКАЗАНИЕ АЯДЫ	896
ГЛАВА 11. РЕШЕНИЯ	1026
ГЛАВА 12. САМАЯ КОРОТКАЯ	1093
ЭПИЛОГ	1099

Андрей Жолуд

Последний замысел Хэа

ПРОЛОГ

Днём в Лесу темно.

Густые кроны деревьев смыкаются, задерживая свет, не позволяя ему коснуться подлеска. Блеснёт крыло лесного ангела, пролетит огонек, над головой сверкнёт молния. Эти молнии пугают больше, чем темнота. Шокеры – создания опасные, лучше держаться подальше.

В Лесу просторно. Это не листопадная роща, в которой берёзы жмутся друг к другу, и ты продираешься, помогая руками. Здесь места хватает. Деревья большие, втроем не обхватишь, между ними поместится всё – дом, загон, игровая площадка.

Мутный вздохнул.

Блуждающий огонек – вот кто они такие. В этом большом зримом Лесу. Тусклый блуждающий огонек. Если потеряются, будет блуждать, пока не погаснет.

Он мысленно отругал себя за халатность – что, выходя из селения, забыл долить масла. Теперь нужно спешить, фонарь может погаснуть. Но спешить не получится.

Щербатый шёл сзади, стараясь поспеть. Потому что фонарь у Мутного, а у него поводок, к которому привязан топтун. Но поводок не натянуть – топтун-двухдневка, да ещё дикий, мог заупрямиться, упереться своими лапами. Что тогда делать? Придется вернуться. Поэтому иди себе медленно, но старайся поспеть.

Свет позади померк, и темнота стала вязкой. Она опутала ноги, руки, она мешала дышать. Да и пугала не темнота, не столько темнота, сколько звуки – редкие, непонятные, они наполняли Лес, и ведь за каждым что-то стояло. Но что?

Еще и дыхание. От каждого дерева – впереди, за спиной, слева, справа. Дышали деревья, дышал Щербатый, топтун. Он не был уверен, не дышит ли кто-то ещё.

Вглядываясь вперед, Мутный искал пятно света, тот слабый, но явный проблеск, которого ждали, и сердце стучало, мешая прислушиваться. Воображение рисовало кучу шептунов, что притаились в Лесу. "Ну и пусть, меня то они не тронут" – поёжился парень.

– Смелей, не бойся, – сказал он Щербатому, – Зримые души людей не трогают. Девятый Лес далеко.

– Да я не боюсь. Это вот он боится, – Щербатый натянул поводок, но осторожно, зря разозлить животное он не хотел, – зачем его взяли? Ты же слухач, мы бы справились.

– Ты, видно, забыл, что случилось у герцога.

– Деревья саммаков?

– Да. Там был лучший слухач. Самый лучший. Древоведы

за ним приходили, звали к себе. С герцогом разговаривали.

– Его бы не отпустили, – даже в темноте Мутный чувствовал улыбку приятеля, щербатую и такую запоминающуюся.

– Да он бы и сам не пошел... А история жутковатая вышла. Слухач перепил накануне, а может, расслабился, знаешь, есть поговорка – «натёртое ухо». Послушал, вроде мертвы – можно рубить. И ошибся... Слухач не ошибается дважды, – Мутный прислушался, – Сипатый сказал, собирали по поляне, всё, что осталось от древорубов. Подумай. Добродушные саммаки превращаются в шкодников, когда потревожишь их дерево. Саммаки, которые обычно лежат сверху брюшком. А теперь представь, что бы сделали топтуны, – парень помолчал, чтобы у приятеля разыгралось воображение, и продолжил, – что-то странное происходит, Щербатый. Скоро ночь, а должен быть день. Корявый смеётся, говорит, дозорные месяц проспали.

– Корявый всегда смеётся.

– А чо смеяться-то? – Мутный вздохнул, – посёлок растёт, домов не хватает. На нас вся надежда. А вернёмся ни с чем, так мы и окажемся крайними.

– Ну есть и другие поляны.

– Поляны то есть. Времени нет...

– Ну кто же знал. Ночь всегда начиналась ко времени.

– Смотри, – Мутный приподнял свой фонарь. На стволах, прямо над головами, виднелись наросты – бутоны. Скоро распустятся цветы, в Лесу станет светло. Деревья чув-

ствуют наступление ночи, все зримые души чувствуют. Синеокая говорит, что видела дикого прыгуна с кристаллами вдоль спины. А спроси у дозорных, сколько лет длится день?

– Пять, ну, может, чуть меньше.

– Ладно... пошли.

– Тропу то видно? – поинтересовался Щербатый, – а то уйдём не туда...

– Двудушный! – приятель склонился, поставил на землю фонарь и протянул свои руки. Потом повернулся к свету и медленно приоткрыл.

На ладонях лежал зверёк – маленький, с колёсиками вместо задних лап. Квадратный носик пульсировал, черненькие, почти слепые глазки блестели, ушки крутились из стороны в сторону, словно флюгерочки на крыше. Колёсиками и задними лапками, которые правильнее было бы назвать средними, зверёк прижимался к ладони, а передними в отчаянии молотил воздух, как будто угрожал или пытался что-то поймать. Потом повалился на спинку и мелко-мелко затрясся. Животик пересекала рана, в которой блестела жидкость, тёмная и вязкая как желе.

– Это ангел, – заметил Щербатый, – подрал, но не съел. Вот он и дался в руки. Поймать бруму, тем более лесного...

– Плохо бедняжке, – Мутный нахмурился, – тоже загадка. Чего это ангел его не добил? Плащеносцы – отличные охотники.

– Мутный, ты на фонарь погляди. Масло закончится, как

возвращаться?

Брума на ладони вдруг дернулся, раз, другой. От него отделилось облачко, бледное, почти прозрачное, как две капли воды похожее на зверька. Оно поднялось над телом, поболтало лапками и уплыло. Какое-то время облачко будет жить своей жизнью, но после исчезнет, как исчезает любая другая зримая душа, уходя из этого мира. Душа без тела долго не живет.

Мгновение очаровало. Они и раньше видели Расставание, много и много раз – так приходят к концу жизни зримых, всех, животных, растений. Даже сорванная тянучка так умирает. Но душа тянучки не дрыгает лапками, не шевелит ушками, не смотрит тебе в глаза. Может, в этом секрет. А может, в темноте – и дыхании, наполняющем лес.

– Умер маленький брума, – Мутный встал на колени и положил беднягу на землю.

Потом огляделся.

Топтун стоял как ни в чем не бывало. Не урчал, не хлопал ушами. Короче, не волновался.

– Пошли, Щербатый, – парень забрал фонарь, – Скорее всего, волноваться не о чем. Деревья мертвы.

– Хорошо, если так. А то я даже не знаю, как его отводить. Если упрётся, придется бросать. Ох, Синеокая меня накажет...

– Ох, накажет...

– Сильно.

– Больно.

– Страстно.

– Жду не дождусь.

– Почему? Это я её жду. Ты упустил своё счастье.

Друзья рассмеялись.

Идти стало легче, даже топтун приободрился.

Тропа ветвилась, петляла, но путники шли уверенно.

Скоро забрезжил свет.

– Ты никогда не задумывался, – спросил Щербатого Мутный, в своей обычной слегка философской манере, – почему мы такие разные – зримые и незримые?

– А почему нам быть одинаковыми?

– Вот смотри, – продолжил слухач, – зримые рождаются редко, ведь так? Раз в десять лет, перед самым началом дня. А возьми там какую ни будь кошку, допустим, и мышь. Или птицу. Или возьми человека. Несутся как вздумается. Есть солнце, нет солнца – неважно.

– Ну почему? Солнце важно. Ночью, когда гаснет, люди в Лесу, днём – на равнине.

– А представь, солнце исчезло. Совсем. Ну представь. Что тогда?

– Что?

– Кто бы выжил? Зримые выжили?

– Нет.

– А люди?

– Шкод его знает.

– Люди бы выжили, даже без Леса. Особенно проводники. Что им ночь? Небо пылает, значит, светло – и ладно. А если темно, есть сонхваты – собирай их плоды, выжимай из них масло. Масло сонхватов горит хорошо.

– Но сонхваты бы не выжили.

– Забери меня чёрный, – Мутный остановился, – ты прав. Об этом я не подумал. Ну... есть незримые растения, тот же подсолнух и конопля. Правда, их масло так не горит...

– Даже незримые растения ночью не плодоносят. Сезон пылающих длится недолго, пятьдесят суток. А нужно ещё зацвести...

– Говорят, есть какая-то жидкость в земле, там, где Девятый Лес. Она горит лучше любого масла.

– Лучше не напоминай. В Безвестном Лесу никто не живет, только двудушные.

– Они сейчас не опасны.

– А вдруг? Ты бы рискнул? Там, помимо двудушных, много чего. Говорят...

– Что?

– Удивительное место, этот Девятый... – Щербатый вздохнул.

Мутный задумался.

Да, скоро наступит ночь, солнце погаснет, на землю сойдёт туман, и люди уйдут в Леса. На долгих пять лет. Посёлок вырос, появились новые семьи, и кучки маленьких домиков среди Леса уже недостаточно. Нужна древесина, а де-

ревья топтунов, или топтуны, считались одними из лучших. Они не гнили, если, конечно, тщательно удалить сердцевину, полусгнившие кишки, сосуды, смазать смолой остролапок. Но деревья должны быть мертвы, иначе случится беда – даже добродушные топтуны превращаются в шkodников, когда потревожишь их дерево. Они связаны прочным узлами, деревья и шестилапы – что топтуны, что саммаки, что плащеносцы. Первые кормят вторых по ночам, дают, если нужно, убежище, а шестилапы оберегают поросль, высаживают её в конце ночи, и не покидают, пока та не вырастет. “Как же всё подогнано, подбито, – думал Мутный, идя на свет, – одно завязано с другим. Но у зримых подогнано лучше, словно вначале Бог создал незримых, а уже после учёл ошибки”.

Да, он слухач, возможно, лучший в селении. Он мог приклониться к дереву и услышать его дыхание. Или голос. Мутный не знал, что он слышит, не знал даже как – ушами, сердцем, или каким-то особенным внутренним слухом. Но слышал. Такое дано не каждому.

Но иногда слухачи ошибались.

Но только не шестилапы – дикие, не домашние, у домашних еще детенышами удаляли лобную шишку – орган связи животного с деревом.

И если топтуна подводили к топтуне, которая давно лишилась листвы и казалась иссохшей, но при этом дышала, слабо, неуловимо дышала, он поднимал лепестки полных губ, расправлял ажурные уши и громко урчал. Шишка на лбу

пульсировала – и ты отбежал от дерева, как отбегает саммака от шептуна, и молился Обиженному, благодарил, что всё обошлось, а вот если бы ты понадеялся на местного слухача...

Да, слухач – профессия важная. Не только, чтобы рубить, но чувствовать, ощущать настроение Леса. Ведь если дерево недовольно – надо узнать причину, а не поможет – пора уходить, возможно, переселяться. Иначе случится беда. Слухач – ремесло востребованное, но, как и лекарь, гарантии не даёт.

Лес

Поляна была огромной.

– Забери меня черный, как ярко, – Мутный крутил головой, пытаясь запомнить детали.

Солнце посте тёмного Леса слепило. Могучие стволы старых стодневных деревьев вращали в небо, и где-то там, высоко, они расширялись, от них отходили ветви, которые когда-то поддерживали листву, не резкие и прямые, как у незримых, к примеру, хвойных и листопадных, а плавные, словно каркас огромного купола.

– Сколько же здесь древесины, – Щербатый присвистнул.

– Немало, – Мутный пытался настроиться. Внутренне. Услышать дыхание, которое надо услышать.

Все деревья казались мертвы. Листвы на них не было, бутонны не выросли. Казалось, что тут гадать. Но внешность обманчива, и никогда ещё поговорка не звучала так кстати.

После потери листвы деревья ещё жили, бывало, довольно долго. Ни одно поколение людей выросло и старилось, в ожидании, пока те умрут.

А ошибка могла стоить дорого. Пускай не придут топтуны, пускай пронесёт. Сипатый вот говорит – это грех, срубить дерево, которое дышит...

А деревья дышали.

Мутный не сразу почувствовал, настолько он был очаро-

ван.

Деревья дышали.

Слухач повернулся назад, чтобы увидеть.

Увидел.

Лепестки губ раскрылись, мох на спине поднялся, топтун заурчал. Протяжно. Как кошка, когда её гладишь. Или сам-мака.

– Пошли, – произнёс Щербатый, – не повезло.

– Погоди, может, живы не все? – Мутный ходил по поляне, стараясь прислушаться.

– Вряд ли. Поросль одной ночи. Я бы не рисковал... Да и масло почти закончилось.

– Уболтал, – Мутный остановился, – пожалуй, ты прав.

И он хотел сказать что-то ещё, вставить одно из своих выражений, которое понимай как знаешь (за что его, собственно, так и называли – Мутный).

Но не сказал.

Откуда-то сзади послышался треск, будто десятки пил работали вместе.

– Стриклы, – шепнул Щербатый

"Не к добру" – решил Мутный.

– Пора уходить, – Щербатый.

"Пора" – Мутный остался стоять.

Треск становился громче.

На поляну летела стая. Не совсем птиц, конечно. И вовсе не птиц. В красном одеянии, с жёлтыми прожилками. Четы-

ре прозрачных крыла били воздух и издавали звук, который не спутаешь больше ни с чем.

Танцующий стрикл, рисунок на междуреченском ковре

Дерево ЗАКРИЧАЛО.

Ещё до того, как вонзился клюв, длинный как спица, и острый как бритва. Протыкая толстую древесину, будто нож протыкает масло. Ещё и ещё. Второй, третий, четвёртый...

Древопийцы – так называли стриклов в народе.

– Брось топтуна!! – крикнул Мутный.

Но было поздно.

Зверь заревел, и ударом большой головы сбил напарника с ног. Падая, Щербатый задел лампу. Масло вылилось, а вместе с ним и надежда на скорое возвращение.

"Бог с ним, с маслом" – подумал Мутный.

– Щербатый, ты жив??

Он только успел отстраниться от очередного удара, как случилась напасть. Новая, более страшная.

К древопийцам приближались зеленые силуэты, изорванные и неправильные, похожие на отдельные ленты на празднике Возвращения. "Не может быть, – думал Мутный, – они не живут на таких старых деревьях... Или живут?"

Восп

Это был ещё один довод уйти, сразу, не дожидаясь того, что случилось. Воспы, или шокеры – рваные тряпки, иначе не назовешь, жили на кронах деревьев и строили там свои улья. Если кто нападал на их дерево – они давали отпор.

Мутному часто приходилось наблюдать следы былой битвы под какой-нибудь плащеноской – красные тела стриклов в многочисленных рваных порезах вперемешку с зелёными тряпками этих созданий, бьющих разрядом боли и кромсающих жертву своими острыми как бритвы конечностями. "Как будто набросали травы на могилу" – думал, бывало, слухач. И никогда не приглядывался, всегда уходил подальше.

Стриклы увидели воспов. Точнее, услышали, вынимая из ран свои клювы. Развернулись, зависнув в воздухе, и приготовились к битве. Тела древопийцов выдерживали разряды, а мощные лапы могли разорвать эти тряпки в отдельные нити. "Делайте ваши ставки" – сказал бы Сипатый.

Но всё любопытство Мутного куда-то пропало. Любопытство и угрызения совести по поводу лежащего навзничь друга.

Бежать, бежать...

Он повернулся.

Будто тысячи игл вонзилось в затылок.

Последним, что пронеслось в голове перед тем, как

упасть, были строчки баллады, давно позабытой, но всплывшей при виде опасности:

"Под листвою деревьев могучих
Стриклы смерти танец танцуют".

Карта равнины

ГЛАВА 1. ПЫЛАЮЩИЕ НЕБЕСА

Жил-был Бог.

И было ему одиноко.

"Чего-то мне не хватает", – подумал Бог.

И вспенил море.

И обнажил остров.

И населил его людьми, которых создал по подобию своему.

И посадил деревья, травы всякие.

Придумал зверей, птиц разных.

И отпустил их в леса и на равнины острова, чтобы служили людям, и жилось тем привольно и счастливо.

И обрадовались люди, и благодарили небо, что такой у них Бог, заботливый, любящий. И подбегали к нему с вопросами, и водили вокруг него хороводы. Смеялись, пели, радовались...

Да только устал от них Бог.

"Вот, – сказал он детям своим, – я создал для вас эту землю. Берегите её, улучшайте. Живите на ней. А я ухожу"

"Почему же? – спросили люди, – ведь мы тебя любим"

Ничего не ответил Бог, и ушёл на большую землю. Там придумал Бог для себя новую усладу – других животных, другие деревья и травы, чтобы было на что смотреть, что

слушать и чем любоваться. И нашёл Бог, что это хорошо.

И отдыхал от трудов своих, лёжа на равнине, и слушал звуки своих созданий, и предавался Бог размышлениям.

Но ушли люди с Острова. Построили лодки, и приплыли они на большую землю. И заселили её до холмов.

Нашли люди Бога, и снова водили вокруг него хороводы.

Осерчал тогда Бог, обиделся на людей. "Я дал вам всё, а вы ослушались меня. Я просил оставить в покое, а вы нашли меня."

"Но мы тебя любим" – сказали люди.

"И я вас люблю, – ответил им Бог, – но я не могу иначе. Я был один, слишком долго я был один, и я привык к одиночеству"

Но люди ходили за ним по пятам и задавали вопросы.

Ещё больше обиделся Бог. И погасил тогда солнце.

И ушёл ещё дальше, в горы.

И заплакали люди.

Сидели в Лесах и переживали.

Но оттаяло отцовское сердце. И вернул он солнце обратно. Да только остался в горах, и больше уже не спускался.

Так повелось с тех пор: вспомнит Бог об обиде – и меркнет солнце. Смягчится отцовское сердце – и снова светит.

История Обиженного Бога, в пересказе брата Шестипалого

– Варварский обычай, – Первая изучала лица.

Глаза одного навывкате, голова мечется из стороны в сторону, вены надулись, кажется – еще немного, и лопнут.

Другой будто не видит, смотрит куда-то сквозь, а растрескавшиеся губы шепчут молитвы. Или ругательства. Что, в общем, одно и то же.

Кто-то с пеной у рта пытается разорвать свои путы. В лице ничего человеческого руки уже посинели, а он всё рвется и рвется. Пожалеешь такого – и он вцепится в горло.

Четвёртый в отключке. Возможно, его уже нет.

А пятый... Пятый нормальный.

Взор помутнел, но глаза умоляюще смотрят на девушку.

– Кто такой? – На лице приговорённого играли сполохи неба, расцветившая черты молодого и в общем то симпатичного человека. Несмотря на то, что парень не брился, давно, и вообще – выглядел мерзко. “Не удивительно” – подумала Первая, – повторяю – кто такой?

– Не помню...

Голос был тихим и сирым, настолько тихим и сирым, что только она и услышала.

– Флягу, – девушка повернулась к напарнику.

Тот будто того и ждал.

“Почти пустая”. Первая вынула пробку и протянула несчастному.

Губы схватили горлышко и начали пить – жадно, стараясь вобрать в себя всё, и чуточку больше.

– Похоже, из наших.

– Похоже, – своё первое слово Долговязый буквально выдал. Говорил он весьма неохотно.

– Этого отвяжи. Он не опасен... А вы, ребята, простите.

Девушка вскрыла ножны, висевшие на широком дорожном поясе, части костюма той гильдии, к которой она принадлежала, и достала кинжал. С простой, но красивой рукояткой, выточенной из блестящего чёрного камня с точечными вкраплениями какого-то белого минерала. Этим рукоять отдаленно напоминала Белую Россыпь, которая была чем-то вроде оберега в гильдии проводников, ведь это единственный ориентир в ночном небе, если солнце не светит, небеса не пылают, а туман над землей мешает больше, чем темнота. Поэтому каждый проводник почитал за должное иметь хоть какой-то предмет с её изображением.

"Милосердие, – прошептала девушка, так, чтобы никто не услышал, – сделай свою работу". Потом оттянула локоть, и вонзила кинжал в подреберье. Первому... второму... третьему... Перед четвёртым помедлила.

– Мёртв, – прошептала она, – а если жив, то не выживет, – и, вздохнув, завершила начатое.

– Я надеюсь, над ними совершают обряд? – Первая, шатаясь, отошла от берёз.

Тишина. Молчаливый укор содеянному.

Руки и ноги дрожали, и проводница села на землю. Вытерла лезвие о росшую рядом траву – злаки вперемишку с

тянучками и грустно посмотрела наверх.

Сполохи красного, зелёного, синего цвета носились по небу, быстро, непредсказуемо, молча. Они покрывали весь небосвод, от недоступных гор до далекого моря, от Заводья до Девятого Леса. Начинаясь самый красивый, но и самый опасный сезон. На целых два месяца мир окажется пленником стихии, внушающей ужас практически всем жителям равнины.

Первая

Смотреть на такое небо мучительно – человек сходит с ума, слышит голоса, его голову сдавливает боль, а внутренности выворачивает наизнанку. Но небеса манят, небеса увлекают, и он смотрит, пленённый и изувеченный одновременно, пока разум не превратится в пустую оболочку, а в человеке не исчезнет всё человеческое.

Чем дольше ты смотришь на небо, тем дольше небо смотрит в тебя. И убивает.

Не всех.

Были неподвластные этой стихии. Те, что сохраняли рассудок, и со временем переставали её замечать. Таких людей было мало. И почти все эти люди

принадлежали к самой особенной гильдии – гильдии проводников. Эта особенность – быть прикрытым от неба (их так и называли – прикрытые) передавалась по наследству, но не всегда и не только.

И наглядный пример сейчас стоял перед Первой, и смотрел на неё своими большими глазами, в которых застыла мука.

– Пойдёшь? – проводница вздохнула.

– Мне некуда... Правда, некуда.

– Тогда повторяю вопрос. Кто такой?

– Не помню... – незнакомец сказал это тихо. И обречённо.

– Не помнишь, – Первая фыркнула, – А почему?

Парень молчал.

Запах человеческих испражнений заставлял дышать лишь поверхностно, а значит – довольно часто. Хотелось уйти, и как можно скорее. Покинуть вонючее и зловещее место.

– Так почему? – повторила Первая.

Незнакомец ответил не сразу.

Он будто сжался и стал меньше ростом. Губы дрожали, пытаюсь найти ответ.

– Не помню, – глаза изучали кинжал, который девушка до сих пор держала в руках. “Вот дура, – подумала та, и спрятала “Милосердие”.

– Я правда не помню... Я... У меня...

– Ты очнулся и всё забыл.

– Да. Днём.

– За что тебя так?

– Не знаю. Я ничего им не сделал. Это дикие люди. Дикий поселок... Они говорили, что я колдун.

– Ты колдун? – девушка улыбнулась.

Она не верила в колдунов. Более того, она считала, что люди, которых клеймят этим именем, более знающие и более сведущи во многих делах. За что их не любят. Её бабушке повезло – она многое знала, многое умела, но на Посту никто не считал её колдуньей.

Парень молчал.

“Вот уж разбойник” – Первая фыркнула.

– Есть место в дилижансе. Поедешь? – она смотрела в глаза и пыталась понять, верное ли принимает решение, – парень кивнул, – пошли.

Девушка повернулась и направилась прочь, стараясь не оборачиваться. Следом шёл незнакомец. За ним Долговязый, пронзая спасённого тяжёлым неодобрительным взглядом.

Содеянное давило, но она не могла иначе, она не могла уйти и позволить чьим-то страданиям продолжаться, зная, что имела возможность их прекратить. Прекратить эту казнь, злую, мучительную.

Разбойников привязывали ночью, перед самым наступлением пылающих, и оставляли умирать. Кто-то погибал от голода. Кто-то от жажды. Но большинство убивало небо, его разноцветные сполохи. Медленно проникая в сознание.

Проводница прибавила шаг.

Сквозь листья тянучек, острые и прямые, как и всегда в это время, по крушинкам, которые не успевали схлопываться. “Днём они схлопываются мгновенно, – думала девушка, – странный это сезон – пылающие небеса. Как будто бы лишний”.

Подошли к дилижансу.

Серо-зелёный топтун, как минимум четырёхдневка (для дальних поездок более мелких животных не запрягали) недовольно заурчал, чувствуя, что скоро будет тянуть. Первая провела рукою по мшистой зелёной спине и вроде бы

успокоила. Животное протянуло небольшие передние лапы, забрало очередную крушинку и ловким движением большого серповидного когтя сорвало с крушинки панцирь. Потом вытянуло лепестки своих больших мясистых губ и начало громко и самозабвенно чавкать. Неспеша, наслаждаясь её содержимым, зная, что скоро придётся идти.

Крушинки считались излюбленным лакомством топтунов, хотя из-за этого лакомства животное часто ломало коготь. Сломанный коготь не отрастал, и в большинстве случаев, после нескольких болезненных попыток разбить панцирь лапой, топтун переходил на другую, более безопасную пищу. Такое происходило с молодыми и неопытными животными, по прошествии трех-четырех дней топтуны становились весьма осторожными.

Топтун

Первая смотрела на незнакомца.

"Печальная статуя», – думала девушка (она видела такие на морском берегу, эти печальные статуи стоят в ряд, и смотрят в сторону моря). Бледный, молчаливый, словно не верит в спасение или боится проснуться.

– Не думай, что я поверила, – чуть слышно сказала девушка, – я всё равно узнаю, рано или поздно узнаю, – рука тронула ножны, словно добавляя весомости сказанному.

"Зачем я его спасла? Зачем? – думала Первая, – разбойника, которого приговорили. Который придумал себе оправ-

дание. Самое безобидное. Наверное, однажды я пожалею... Впрочем, я уже жалею".

Долговязый постучал. Раз, два. Как и было условлено.

В карете кто-то задвигался, кто-то закашлял.

– Повязки у всех? – крикнула Первая. Ответом было мычание, значит, у всех.

Дверь приоткрылась. Напарник, кое-как перегнувшись, протиснулся, при этом задев потолок. Спустя мгновение вышел, так же, как и зашёл, задом вперёд. И молча кивнул.

Девушка залезла в дорожную сумку и вытащила обрезок плотной, но мягкой ткани. Такая ткань была связана из внутренних покровов, выстилающих колоколовидные утолщения кубышек – жилище маленьких носатиков. Свет она не пропускала, совсем, и была важным предметом для всех неприкрытых. Если эти неприкрытые решатся путешествовать во время пылающих.

– Нагнись, – приказала Первая.

Незнакомец нагнулся.

– Зажмурься.

Зажмурился.

"Пока как по маслу", – Первая развернула повязку.

– Только скажи, что ты прикрытый, – прошипела она ему на ухо и завязала глаза.

– Теперь входи, – Первая помогла подняться, а после зашла сама.

Последним входил Долговязый.

– Можно снимать, – сказала девушка. И захлопнула дверь. В карете было темно.

Большая дорожная лампа висела под потолком, но горела она вполнакала, даже, скорее, в четверть. Дорога длинная, масло приходилось экономить.

В карете было душно.

Ставни закрыты плотно, так, чтобы даже случайный отблеск пылающих не беспокоил сидящих. Присутствие же еще одного попутчика, к тому же целые сутки проявленного на дереве, свежести не добавляло, и Первая в очередной раз согласилась, что совершила ошибку.

Но делать нечего, взяла так взяла, обратно не выкинешь...

Кроме неё и спасенного ею разбойника, в карете сидело трое. Все трое носили жёлто-бурые плащи из кожи морских ползунов, отличительный знак малоизвестной гильдии – гильдии искателей. Все её члены жили в Прихолмье – далёком Лесу у самых холмов, причём в самом отдалённом селении этого Леса. Днём, когда жители других поселков возвращались на равнину, искатели уходили на холмы. У холмов было чуть холоднее, и, хотя тепло, исходящее от земли, согревало, дул довольно прохладный ветер. Поэтому они и носили кожаные плащи. Вполне вероятно, поэтому. Правда, была в этом доля иронии – ползуны жили у моря, на другом конце мира.

Черноволосая кареглазая женщина с красивым, но обветренным из-за долгой дороги лицом, молодой человек с лег-

кой улыбкой, которая, кажется, прилипла к нему с рождения, и уже пожилой мужчина, заросший, словно отшельник Озёрного края, с резкими, будто бы вырубленными чертами. Даже в полумраке кареты отличие между сидящими казалось разительным. Крупное загорелое лицо "отшельника" весьма контрастировало со светлой, и даже как будто бледной кожей попутчиков. "Это Прихолмье, – подумала Первая, – в Прихолмье стекаются отовсюду, поэтому все и разные." Она немного насторожилась, ведь белая кожа была одной из особенностей двудушных. Но в полумраке глаза пассажиров не выделялись, отметин в районе лба не просматривалось, а значит, и волноваться не стоило.

Молодой человек, сняв повязку, откинулся, закрыл глаза, и стал делать вид, что заснул. Бородатый мужчина скрестил свои руки и чуть сблизил брови, будто ушёл в свои мысли, а женщина... Женщина улыбнулась.

Выражение лица этой женщины напомнило Первой молитвы, которые посылают стражи, отправляя только что умершего человека в последнее бессрочное плавание. Вот с таким выражением.

– Давайте знакомиться, – предложила попутчица, – дорога длинная, ехать нам долго.

"Нет, не стражи, – подумала девушка, – так разговаривает учитель, на первом уроке". И ненароком фыркнула.

Слава Обиженному, никто не заметил. А может, заметил, но виду не показал.

– Сестра Любящая, – женщина улыбнулась и прижала к сердцу ладонь.

– Брат Терпеливый, – произнес пожилой мужчина, густым хрипловатым басом. Он только глянул на девушку и снова ушёл в размышления.

– Брат Веселёхонький, – молодой человек проморгался и улыбнулся чуть ярче. Глаза при этом блестели, а голос дрожал.

Проводница поджала губы.

Ей захотелось прыснуть, легко и непринуждённо. Особенно после того, что она увидела, там, у берёз. "Смех – лучшее лекарство, тем более смех, который ты держишь в себе" – говорила бабушка. Мало того, что эти люди называли себя братьями-сестрами (так поступали члены всех бессмысленных гильдий), так они ещё так забавно представлялись. Хоть сразу в стражи. Впрочем, гильдия стражей была эталоном глупости и ненужности, так считала девушка, и сказанное не походило на комплимент.

Повисла тишина.

– Дай поесть, – приказала Первая, кивая на незнакомца, – видишь, какой он голодный.

Глаза притянулись к разбойнику.

Разбойник молчал.

Долговязый полез за переднее сиденье, запустил туда свои широкие ладони, и показал на них то, что удалось откопать – початую головку козьего сыра, мешочек, в котором лежали

сухари и небольшой круглый бурдюк с каким-то напитком. Всё это он выложил на сиденье.

Незнакомец что-то пролепетал, взял в руки головку, и ненадолго замешкался.

– Ешь, – подсказала девушка, – нож я тебе не дам.

Тот отломил кусочек и начал жевать.

– Это брат Беспольный, – продолжила проводница, добавив ненужную приставку, – Ему в Междуречье.

– Но это в стороне от Прихольмья, – возразил Терпеливый. Нет, скорее не возражал – он просто хотел уточнений.

– Мы отвезем его после вас, вы – наши главные наниматели, – успокоила Первая.

– Спасибо, – мужчина кивнул, – Вы проводник по рождению? – почтительность, с которой он говорил, низкий глубокий голос только усиливал.

– Я предначертанная в трёх поколениях, – ответила Первая. Без всякого пафоса. Девушка знала, чем можно гордиться. "Гордись тем, чего добилась сама, родословная – не слуга" – говорила ей бабушка.

– Весьма почётное ремесло.

– Да, и весьма доходное.

Проводница задумалась.

Про скупость проводников, их жадность до денег ходили легенды. Члены этой гильдии могли отправиться на любое задание, сложное или опасное, провести в самое тёмное и туманное время. "Сколько?" – это был единственный вопрос,

который они задавали.

Первая вспомнила анекдот.

Собрались как-то старейшины двух селений, которые находились рядом, и, как это бывает, тихо, а иногда и громко враждовали, на очень важный совет. В соседний Лес.

И обратились к проводникам.

– Вам придется ехать в разных дилижансах, – сказали им в гильдии.

– Понятно, – догадались старейшины, – вы, наверное, заботитесь о нашем комфорте.

– Нет, мы заботимся о нашем доходе, – ответили те.

Подобных историй ходило много.

Конечно, была в этом правда.

Но работа проводников считалась

важной, особенно ночью, когда в течение пяти долгих лет они объединяли Леса, связывали разрозненные человеческие селения в единое целое, будь то сезон пылающих, или тёмное межсезонье. А гильдия искателей? В ней-то какой будет толк?

Первая смотрела на путников и старалась прогнать свои мысли.

Смотрела на Бесплезного, и мысли опять возвращались.

Наконец тот наелся.

Долговязый осторожно, задом, вылез из дилижанса.

Скрипнули козлы, послышалось знакомое урчание, и карета отправилась в путь.

В дороге подташнивало.

Может, всё дело в жёстких рессорах, которые не дали усадку. Может, в той духоте, тесноте, и как следствие – напряжённости. А может, всему виной небеса. Даже сквозь закрытые ставни ты чувствовал их присутствие, оно раздражало. Хотелось укрыться в Лесу. Но Лес далеко. И понимание того, что за пределами этой кареты равнина буквально пронизана небом, давило и заставляло желудок сжиматься.

Первая вспомнила игру, весьма популярную у путешественников.

– Давайте играть, – предложила она.

– Давайте, – ответила Любящая, – я знаю одну. “Найди бруму”.

– О, – удивилась Первая, – я только о ней и вспомнила.

– Что за игра? – спросил Веселёхонький.

– Как раз для дороги. Можно играть впятером, вшестером, и так далее. Разница в подсчёте очков. У каждого карта, но только одна – брума, саммака, ангел, бегун и шептун.

– Можно играть и втроём, только меняются правила, – добавила Любящая.

– Да. Помню, играла, когда была маленькая. Мы собирались за большим круглым столом, все вместе – я, мама, папа, соседи, бабушка. Бабушка играла замечательно. А папа чаще проигрывал. Я ещё удивлялась – умный, большой, а проигрывает.

– Он поддавался, – сказал Терпеливый.

– Он поддавался.

– Мы в детстве играли в другие игры, – мужчина вздохнул, – но там тоже были и брумы, и ангелы, и даже кошки и мышки. А эту игру я помню. Играл, и не раз.

– Правила очень простые, – сказала женщина, – всем, кто не знает, я расскажу, а всем, кто знает, напомню. Не против? – обратилась она к проводнице.

– Не против, – ответила та.

– Так вот, – женщина смотрела на Бесплезного, – у играющих карты. У каждого только одна, и он её знает. Но только он, больше никто. А дальше – игра, – казалось, Бесплезный прислушался, – задаются вопросы. Спрашивать можно что хочешь, у кого хочешь, смысл игры в том, чтобы ангел, саммака или бегун догадались, кто из сидящих брума. Ты можешь задать вопрос, а можешь ответить. Или перевернуть свою карту и показать на бруму. Угадаешь – тогда победил, получаешь два камня. Если покажешь на ангела, бегуна и саммаку – камень теряешь. На шептуна – теряешь три. Раунд закончен, и начинается следующий. Пять карт, они раздаются.

– Понятно, – сказал Бесплезный.

– Понятно?

– Да. Лучше быть шептуном. Тогда ничего не теряешь. Первая фыркнула.

– Значит, Вы поняли суть, – Любящая казалась доволь-

ной, – вот уж не думала, что умею доходчиво объяснять.

– Вполне возможно, он просто сообразительный, – девушка улыбнулась. Интересно, она съязвила, или сделала комплимент?

– Вполне, – ответила женщина. Может быть, тоже съязвила, а может, и нет, но Первую это тронуло.

Стали играть.

Карт в дилижансе не было. Были бумажки. Девушка достала карандаш и начертала изображения животных, начертала так, как могла.

Рисовала она не очень. Поэтому при первом раунде вышел казус – саммака поймал саммаку. Пришлось перерисовывать.

Играли долго, игра затягивала.

– Я знаю другую игру, – Первая собирала бумажки.

– Да, давайте играть во что-то другое, – Любящая отдала “шептуна”. “Быть шептуном не так интересно” – подумала девушка

– Есть игра, – сказала она, – очень старая. Моя бабушка говорила, что играла ещё со своею бабушкой, а та со своей. Короче, так. В игре несколько карт, половина здоровые, один из которых прикрытый, половина тронутые, бабушка их называла сожжёнными. Почему – я не знаю.

– Нет, – резко ответила женщина, – Игра тяжёлая. Лучше не будем.

Проводница пожала плечами:

– Давайте тогда разговаривать.

– Мы же почти ничего друг о друге не знаем, – Любящая смотрела на Бесплезного. И улыбалась. Всё так же очаровательно.

"Вот сдался он ей, – подумала девушка, как будто сказала, сквозь зубы, – можно подумать, она его и спасла".

– Тогда тушу лампу, разговаривать можно без света.

– Да, к тому же это добавляет таинственности, – заметила женщина.

И Первая вдруг поняла, какая она всё-таки дура – сидеть в темноте, с незнакомым прикрытым разбойником – большего идиотизма ещё поискать.

Но делать нечего. Пост будет не скоро, масла немного. "Отдаюсь в твои руки, Обиженный, и будь что будет", – девушка села вполоборота.

– Вы едете в Междуречье, молодой человек? – спросил Терпеливый, специально не называя имени, – можно поинтересоваться зачем?

– Торговля, – ответил парень, немного подумав, – я торгую слюной речных ползунов. Собираю заказы.

Из слюны речных ползунов варили клей – наверное, лучший. Но добыть его в больших количествах было непросто, а, значит, дорого, поэтому клей применяли тогда, когда это было особенно нужно – к примеру, для инструмента, или особо ценных изделий. В Междуречье их склеивали, в Междуречье и продавали, на крупнейшем междуреченском рын-

ке. Само Междуречье было самым большим и самым населённым Лесом равнины, в котором жили богатейшие люди, и правили там не советы во главе со старейшинами, как во многих других посёлках, и не какой-нибудь выскочка-герцог, а уважаемые представители гильдии торговцев – главных нанимателей проводников.

– Вы, должно быть, торговец? – спросил Веселёхонький. Его голос звучал тонко и как-то фальшиво. Было непонятно, серьёзно ли он говорит.

– Я? – Беспольный задумался, – пожалуй, торговец.

– Опасное всё же занятие. Всё время в дороге, в разъездах. Нам тоже пришлось путешествовать, хотели засветло, да вот, задержались на острове... – парень осёкся, услышав кряхтение.

Терпеливый прокашлялся и объяснил:

– Мы едем издалека, по делам нашей гильдии.

– И как поездка? Успешно? – поинтересовалась Первая.

– Думаю, да. Основные задачи выполнены. Но... возникли... короче, пришлось задержаться.

Повисло молчание.

– Веселёхонький вспомнил об острове, – напомнила девушка, – вы путешествуете от Малого Приморья?

– Скорей, от Большого... Да, вынужден признаться, – Терпеливый опять прокашлялся, – хотя члены гильдии и не одобряют мое многословие... Видите ли, у нас специальная поездка, – он сделал ударение на слове “специальная”, – и

хотя кое-чего мы достигли, говорить ещё рано.

– Говорить о чём? – Первая была любопытна, не в меру для членов своей гильдии. Обычно проводники не интересуются целями нанимателей, а, бывает, и вовсе не разговаривают. Меньше знаешь – лучше ешь, сказала бы бабушка. Долговязый в каком-то смысле был идеальным проводником – сильный, исполнительный, молчаливый. А Первая скорей исключение – слабая, дерзкая, разговорчивая.

– Хорошо, – Терпеливый пожал плечами, – кое о чем мы расскажем, – он помолчал, – помните историю об Обиженном Боге?

– Все её помнят.

– Так вот. Бог создал Остров, – примерно так она начинается. И каждый понимает это по-своему.

– Но среди толкований есть основное, – добавила Любящая.

– Да. Основное толкование есть, и стражи его объясняют примерно так. Остров – все те существа, чью душу в момент Расставания мы не видим, то есть незримые – люди, собаки, птицы. Бог сотворил этот мир и уединился от дел.

– Но после он создал другой.

– Да. Людям он дал завет – владейте тем, что я создал, используйте в своих целях. И после придумал тех, чью душу в момент Расставания видно – существ со зримой душой, или, как говорят для краткости, зримых. Шестипалый пишет – в усладу, себе. Ну, там есть некие домыслы, для чего Бог всё

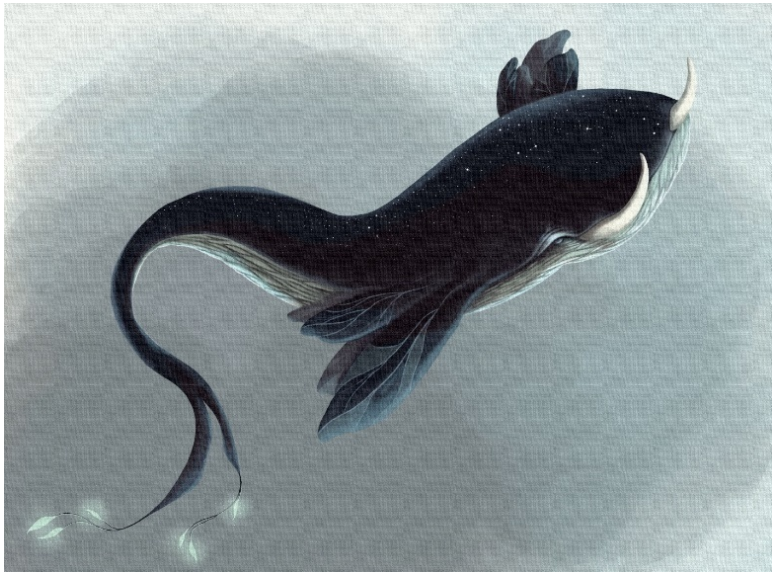
это придумал, и что это значит – улада. Но домыслы – это всё-таки домыслы, с точки зрения стражей, они так и остаются домыслами. А мы говорим о каноне. Так вот, Бог создал зримых, и уединился от дел. А люди завет нарушили, стали зримых использовать. Топтунов, прыгунов, плащеносцев. В своих собственных целях. Бог, значит, обиделся, и с этой поры мы его знаем как Бога Обиженного.

– И появилась история.

– Да... То есть если понимать иносказательно. Но... Но... – Терпеливый выдержал паузу, – что, если эту историю понимать буквально? Что, если Остров действительно существует?

– Тогда бы его нашли, – вставила Первая.

– А что, если искали не там? – Терпеливый сказал это тихо, своим низким бархатным голосом, а темнота только усиливала таинственность сказанного, – известно несколько островов у побережья Приморья. Мало. На островах нет зримого Леса, ночью они безлюдны. Это маленькие острова, и в качестве источника этой истории вряд ли подходят. Дальше обычно не плавают. На чернильщиках далеко не уплывёшь, а на шхунах опасно – могут напасть бивнебои. Да и море за островами другое, более беспокойное.

Бивнебой

Первая знала, о чём говорит Терпеливый. Бивнебой были опасными созданиями. Они принимали рыбацкие шхуны за парусники – существа, чьи кожистые паруса надувает ветер. Бóи пробивали их снизу своими могучими бивнями, и шхуны тонули. А море за островами такое, что лучше не плавать, особенно днём. Ночью море потише, но ночью темно.

– Те, что плавали дальше, – продолжал Терпеливый, – рассказывают, что видели противоположный берег, туманный,

далёкий, похожий на дымку. Больших островов в море нет, а других морей мы не знаем. Маленькие острова ничем выдающимся не отличаются, и трудно представить, что это о них говорилось в истории.

– Но вы же добрались до Острова? – поинтересовалась Первая.

– Да... Точнее, нет. Тот самый Остров мы не нашли. Но мы узнали много чего нового, надеюсь, это поможет тем, кто продолжит. В будущем. Плохо лишь то, что пришлось задержаться. Ночь – не лучшее время для путешествий.

– Ладно. Если вы нашли, что искали, – Первая вспомнила о дорожной сумке, которую Терпеливый ещё ни разу не снял, – поездка прошла успешно. Мы, проводники, умеем хранить секреты, но с этим человеком я бы была осторожна.

Конечно, все поняли, кого она имела в виду. Движение глаз, метнувшихся в сторону Бесполезного, было почти осязаемо. Даже во мраке.

– Не надо, – ответила Любящая, – вы его вгоните в краску. Первая промолчала.

Конечно, Любящая права. Конечно. Не надо при всех смеяться над Бесполезным (хотя она чувствовала, что в краску его не вогнала). Кто там дергает её за язык? Это какое-то наказание – с той поры, как она научилась говорить, слова всегда идут раньше, чем мысли. "Ты, девушка, думай, – учила бабушка, – а после подумай, о том ли ты думала. И только потом говори".

Фонарь скрипел, карета качалась. Временами что-то хрустело – это колёса давили панцири крушинок, приползших и пустивших корни на пути дилижанса. Может, хрустели шишки, а может, ветки, упавшие с соседних деревьев. Или под колёса попала какая-нибудь особо крупная твердотелка. Они такие нерасторопные в этот сезон, такие сонные.

Искатели уже заметили, что проводница – человек непрстой. Поэтому возвышенные или там околонаучные темы старались не обсуждать. Говорили в основном об обыденном. Как ночью выращивать овощи, как покрыть расходы, если брать попутно кое-какие товары, спорили, чья кожа мягче – ползунов или свиней. В основном говорила Любящая, ну или Первая, что-то вставлял Веселехонький. Терпеливый больше молчал, он то ли заснул, то ли ушёл в раздумья. Бесплезный отвечал на вопросы. Впрочем, и отвечал он весьма неохотно.

Пару раз зажигали фонарь. Первая извинялась, что приходилось сидеть в темноте, и обещала, что на Посту они маслом заправятся.

Но до Поста ещё нужно было доехать.

Путники устали от встряски. Им надоела духота. Хотелось выйти, размяться. Подышать полной грудью.

Словно в ответ на их просьбу карета остановилась.

Искатели завязали глаза, то же сделал и Бесплезный. Проводница вышла, но тут же зашла.

– Повязки можно снять, – сказала она сидящим, – Облака.

Похоже, надолго.

Это было самое лучшее время. Маленький день посреди ночи. Небо затянуто, можно выдохнуть. Успокоиться. Главное – не смотреть наверх.

Света мало, вокруг полумрак, но полумрак только подчеркивал окружающие предметы. Добавлял загадочности. И если взгляд останавливался, то останавливался надолго.

Море знаков, чуть колышимых ветерком, прерывалось островками тянучек, высоких, распушившихся, вытянувших по всем сторонам свои острые длинные листья. Иногда они этими листьями шевелили, но неохотно – в основном для того, чтобы согнать твердотелку-листоеда, и ровно настолько, чтобы согнать.

То тут, то там виднелись огоньки маячков, или брумид – невысоких растений со светящимися головками. Их вечными спутниками были равнинные брумы – маленькие шестилапы, чьи задние лапы превратились в колёсики. В отличие от лесных, глаза этих брум напоминали большие монеты, особенно в полумраке, а носик был маленький и аккуратный. Когда пронесётся несколько сезонов пылающих, прерываемых тёмными межсезоньями, и ночь подойдёт к концу, головки маячков погаснут и станут колыбелью детёнышей. Только они коснутся земли, ночь закончится, маленькие брумы покинут свои колыбели и залезут на спины родителей. По тому, как склонялись головки, можно было судить

о приближении дня, даже не обращаясь к дозорным, членам еще одной (бессмысленной) гильдии, "хранителям времени", как сами себя эти дозорные называли.

Маячки (брумиды)

Другим украшением были кубышки – красные, синие, зелёные растения с толстыми шершавыми стеблями, которые расширялись кверху, превращаясь в небольшие колоколо-видные утолщения. В них отдыхали носатики, маленькие юркие шестилапы, и если хорошо приглядеться, можно было заметить торчащие то тут, то там мордочки с круглыми ушками и небольшими хоботками.

Прямо у дороги раскинулась ель, наверное, самое красивое растение равнин. Её лапы, тяжелые и грациозные одновременно, покачивались, следуя капризным дуновениям ветерка. Вокруг валялись шишки, погрызанные белками, другими местными обитателями. Найти этих зверьков было непросто, но оно того стоило – силуэт с пушистым хвостом, скачущий то вверх, то вниз по тёмному дереву, забыть невозможно. Впрочем, иногда они опускались на землю и поглядывали на людей. Как и носатики, белки были весьма любопытны.

Впереди росла роща, в основном из берёз, и дорога изгибалась, следуя ее очертаниям. На деревьях уже распустились листочки, молоденькие, а потому нежные, хотя не все старые ещё опали – первый сезон пылающих начался почти сразу с наступлением ночи. Впрочем, опавших хватало, и сброшенная листва заполняла ямки, так, как во время дождя они заполнялись водой. В этих ямках шуршали нежданчики, верт-

кие пугливые твердотелки, скачущие на задних лапках. Своё название они получили за то, что во время опасности выпускали длинную едкую смесь.

Летающие твердотелки роились вокруг зонтиков – двухметровых растений с большими шляпками, которые отдаленно напоминали гигантские грибы. Снизу вся шляпка была покрыта пупырышками – маленькими сосочками, которые твердотелки самозабвенно посасывали. И даже выстраивались в очередь, зависая как нити, если сосочков на всех не хватало. Сосочки светились, слабо, неброско, чем ещё больше заманивали клиентов.

Наступит день, и шляпка раскроется. Из неё, словно стая семян одуванчика, вылетят зонтики-малютки, с полукруглыми сферами и длинными нитевидными щупальцами, а твердотелки, разжиревшие за долгую сытую ночь и потому ленивые и неповоротливые, станут их главной добычей. Зонтики будут расти, становиться все больше и больше, а только солнце погаснет – сядут на землю, выпустят корни и станут кормить твердотелок.

Крушинки, или хрумки (в разных селениях их называли по-разному) словно бардовый ковер покрывали землю, добавляя дополнительных красок. Топтун, снятый с упряжи Долговязым, всё так же брал их своими лапами, ловко отбрасывал панцирь и высасывал содержимое. При этом довольно урчал и шевелил своими большими, слишком большими ушами. Изнутри эти уши были покрыты мембранами, напо-

минающими узор на ладонях. Знающие люди полагали, что именно благодаря широким ушам и покрывающим их мембранам топтуны могут видеть и чувствовать, даже когда темно. С завязанными глазами проблем у животного не было. Но только сгибали уши – топтун терялся.

Беспользнь смотрел на животное, и отдыхал.

Он словно получил второе рождение, в душе оживало новое чувство – чувство сопричастности всем существам этого мира. Он ПОНИМАЛ топтуна. Он слышал, что тот говорит. Он впитывал его наслаждение, и впитывал так добросовестно, что захотелось попробовать. Ту же крушинку. Тянучку.

О да...

– Молодой человек, – к нему подошел Терпеливый, – у природы много секретов. Казалось бы, что тут такого, количество лап – у кого-то их шесть, у кого-то четыре. Но что говорят об Обиженном? А говорят, что вначале он создал незримых. Придумал и создал. Придумал людей, придумал собак, кошек, птиц, придумал белку, – мужчина махнул в сторону ели. На лице загорелась улыбка, оно стало ярким, как у мальчишки, что совсем не вязалось с обликом угрюмого, погружённого в раздумья искателя, – Бог подарил нам четыре конечности. Но прошло время, и Бог заскучал. Тогда он подумал и создал зримых. Топтуны, плащеносцы, саммаки. Брумы – пускай у них сзади колёсики вместо лап, но это конечности. Прыгуны, бегуны, шептуны... Есть, правда, стриклы, есть струйки, есть долгоносики, но это другое, это

уже исключения. А мы говорим о правиле. Мы говорим о плане. И он различный... Как будто два мира, построенных дважды. Из разных наборов.

Терпеливый говорил с придыханием. Слова давались с трудом. И Бесплезный его понимал – во время пылающих, на равнине, любой неприкрытый чувствовал себя неуютно. Но слова увлекали, слова отвлекали от мысли, что вот оно, небо, которое может открыться. Внезапно.

– Не знаю, я вот смотрю на него, – парень кивнул в сторону дилижанса, рядом с которым стоял топтун и чистил стельку тянучки, – И слышу, что говорит. Не урчит, а именно говорит. Я знаю, что ему нужно, в каком он сейчас настроении. Люди не любят меня за это.

– Возможно, – Терпеливый потрогал бороду, – вполне возможно. Пожалуй, я верю.

Они помолчали.

– Это топтун-четырёхдневка, – сказал наконец искатель, – он вырос достаточно, чтобы везти карету.

– Он долго везёт, и это ему не нравится. Ещё, похоже, он с кем-то поссорился. Но сейчас он доволен, – Бесплезный глядел, как топтун разбирает тянучку, и думал, как мало надо для счастья.

– Есть люди, которые слышат деревья, – сказал Терпеливый, – так почему бы не слышать животных?

Топтун отложил остатки тянучки, подобрал очередную крушинку и с каким-то упоением, даже остервенением начал

её вскрывать.

– Мы многого не знаем. Нам столько ещё предстоит...

Давно?

– Что?

– Давно вы слышите?

Парень ответил не сразу:

– Вы думаете, я путешествую в Междуречье? – сказал он чуть слышно, – эту легенду придумала Первая, – Беспольный вздохнул, – всё для того, чтобы не задавали вопросов... А меня привязали. К дереву. Знаете этот обычай?

Терпеливый кивнул.

– Я никого не убил, не ограбил. Но людям не нравилось, когда я стоял и шептался с животным. А я пытался ответить. Просто пытался... У меня не получилось. Я не могу издавать эти звуки. Слышать могу, а издавать – нет.

– Их можно понять, – произнёс Терпеливый, – Шептуны самые опасные животные. Они шевелят губами, а потом убивают. Возможно, что-то и шепчут, но мы не слышим. Мы только видим их губы... Вы делали то же самое, возможно, насылали на порчу – так думали люди.

Беспольный вздохнул:

– Я потерял память. Когда очнулся, был день, а я лежал на равнине. Рядом бродил древоходец.

– Гээды слепы, – ответил искатель, назвав древоходцев более редким именем, – но в кронах гээдов струйки, они бы предупредили. Струйки всё им рассказывают, а может, по-

казывают. Обиженный знает, как это всё происходит, – Вы не слухач?

Парень задумался:

– Нет. Точнее, не помню... Но деревья я слышу.

– Значит, слухач. Это не ремесло, это способность.

Беспользый пожал плечами:

– Пускай.

– Вы прикрытый? – спросил Терпеливый, после раздумья, – вы же висели.

– Не знаю... Возможно... Наверно.

Искатель улыбнулся:

– Любопытные у Вас обороты – "не знаю", "возможно".

Но вы прикрытый. Иначе бы вы погибли.

– Похоже, то, что случилось, пошло мне на пользу. Я стал невероятно способным.

– Видимо, да, – искатель задумался, – спасибо, – добавил он вдруг, – большое Вам человеческое спасибо. За то, что доверились. И знайте – я тоже Вам доверяю... Здесь мало кому можно доверять.

– Вы имеете в виду Первую? – спросил Беспользый. С тех пор, как они ступили на землю, он чувствовал взгляд, который сверлил ему спину, – я ей благодарен. Она спасла мою жизнь.

– Если бы... Знаете, я родился в самом начале ночи. Шесть дней назад. Мне было четыре года, самый возраст, в котором всё, что открываешь, запоминаешь надолго. Я впер-

вые увидел солнце. Я увидел изменившуюся природу, увидел равнину. До той поры я не знал, что такое листопадная роща. В том могучем зримом Лесу, в котором я вырос, их не было. Все, что я видел до этого – это маленькие неказистые кустарники. И вот – я увидел берёзы. Я прикоснулся к листочкам, они были нежные, такие нежные, в самом начале дня. Я вдохнул запах листьев. До сих пор для меня это лучший запах на свете... К чему это всё? – Терпеливый задумался, – Возможно, я увидел ваш взгляд. Точно таким же взглядом смотрел тогда я. Я удивлялся и открывал что-то новое.

Парень смотрел.

Любящая с Веселёхоньким стояли под зонтиком и о чём-то беседовали. Первая искала раковинки поземных твердотелок – если их раскрошить и приклеить к основе, выйдет точило. Долговязый глядел на небо.

"Вот уж кого ничего не волнует" – решил Бесплезный.

Он посмотрел на девушку, как та наклонилась за новой ракушкой – и задержался. Первая распрямилась, как будто что-то почувствовав. И посмотрела в ответ, тоже внимательно. "Ну, посмотрела и посмотрела" – подумал парень. Но взгляд не отвел. "Она подарила мне жизнь, и я благодарен".

Терпеливый глядел на землю и сглатывал, Любящая с Веселёхоньким продолжали ворковать, а он словно встал на распутье, не зная, что делать.

Ну отвезут они искателей, а дальше то что? Ему то куда? Опять по селениям? И что пойдёт быстрее – он, или молва о

человеке-шептуне, портящем скот? Кто-то скажет, что стражи считают подобное суеверием. Но где они были, те стражи, когда его привязали к берёзе? И потом – это непонятное, и потому пугающее отношение к зримой душе. Вся равнина кается, замаливает грехи, несколько раз в году проводит обряд очищения, ведь завет Обиженного нарушен, и зримых – топтунов, прыгунов, ангелов, пыхчиков повсеместно используют. Грехи отпускают, но делают это натянуто, подчёркнуто натянуто, как будто – мы вас прощаем, но это в последний раз (и так год за годом). А тут – кто-то со зримыми шепчется, чего никто никогда не делал. Что скажут стражи?

Или напроситься к проводникам? Почему-то мысль о том, что он останется с Первой, скользнула вовнутрь, словно струйка в ветвях древоходца, и задержалась. И подняла настроение. Здорово подняла.

– Бесплезный, давай помогай, – крикнула девушка, и парень тотчас задвигался.

Раковин было немного, но они старались, глядели под кустики, в ямки, заросли злаков, тянучек. Тревожили носатиков, брум. Короче, залезли везде, пошарили всюду. И всё это время рядом, бок о бок.

Мешочек был собран.

Первая аккуратно его завязала и весело посмотрела на парня.

– Спасибо, – сказала она, – пользы от тебя стало чуточку больше. Ты извини, что так называла. Мне неудобно. Но, –

девушка развела руками, – придется пока потерпеть. Слово не шестилап, выбежит – не поймаешь, так говорила бабушка.

– Пожалей её Обиженный... .

– Да, пожалей Обиженный.

– Мне очень неловко, но я должен спросить. Раз уж ты меня назвала. Откуда такое имя – ”Первая”?

– Всё просто, – ответила девушка, – я родилась первой. Мои родители хотели второго ребенка, но... только хотели. Я как была, так и осталась единственной.

– Если бы тебя так назвали...

Первая покосилась.

Но ничего не сказала.

Обычно имя давалось поздно, когда человек повзрослеет. То, как тебя называли родители, оставалось в семье. Если кличка, которую давали ровесники, к тебе приставала, она становилась именем.

Но с ней случилось иначе.

Сказался авторитет отца, который был на Посту кем-то вроде старейшины. И если он называл её Первой, Первой называли её остальные. И даже не плохо, что так получилось. Девушка выросла амбициозная, имя ей помогало.

– Неплохо так держатся, – проводница кивнула на парочку, щебечущую под зонтиком, – посмотри, как его выворачивает, – она показала на Терпеливого, – а им что прыгуну ограда.

– Они беседуют. От этого легче. Мы тоже беседуем.

Первая фыркнула.

– Давай в карету, – сказала она, улыбнувшись, – давай...
собеседник.

Долговязый запряг топтуна. Прогулка закончилась.

Путники зашли в дилижанс, отдохнувшие от нескончаемой тряски, от духоты, помещения, в котором было темно и тесно.

Облака по-прежнему покрывали небо, и ставни решили не закрывать.

– Он постучит – мы закроем, – сказала Первая, имея в виду Долговязого.

Беспольный смотрел в окно, пытаясь унять беспокойные мысли, но те носились, как стая слетевшихся стрижков. "Может, так прямо ей и сказать – я прикрытый, хочу в вашу гильдию? А может, чуть подождать, заслужить доверие? Тогда не откажут... Но – нужен я ей?"

Последняя мысль казалась ключом ко всем остальным, и он посмотрел на девушку

Проводница глядела в окно.

Невозмутимая, как кошка при встрече с саммакой. И даже не посмотрела в ответ. "Хорошо, что не считает меня разбойником, – успокоил себя Беспольный, – я думаю, уже не считает... Надеюсь, что не считает." И он погрузился в раздумья.

Как будто подуло прохладой, откуда-то с гор...

Дорога изматывает. Тем более если всю эту дорогу сидишь закрытый, как носатик в кубышке. В карете, лишь изредка освещаемой светом дорожной лампы, которая светит даже не впол, а вчетверть накала. Душно, тесно, темно – это ещё полбеды. Однообразие достаёт больше. Однообразие и невозможность принять какую-то особую, конечную позу.

Пятые сутки, Бог мой Обиженный, пятые сутки... От бодрости первого дня остались воспоминания. Путники устали, тела внутри дилижанса крутились, как струйки в ветвях древоходца, пытаюсь принять новые, ещё не испробованные позы, хотя ехать было и ехать...

Днём бы оно было проще. Днём можно нанять прыгунов. Сдать багаж в курьерскую карету, и нанять. Те бы домчали к Посту суток за двое, а может, и меньше. Прыгун животное быстрое, но прыгуну нужен отдых. Долгие остановки. Но остановки днём, при свете солнца – не посиделки в темноте, и уж тем более не пылающие.

Однако стояла ночь, её скверный сезон, и выбора не было.

Дилижанс остановился.

В карете спали. Не спал Беспольный. И Первая – последнее время они просыпались вместе, минута в минуту. Есть же истории, в которых спасённого и спасителя объединяет что-то глубокое, такое, что даже напоминает любовь. Возможно, их случай из этих. А может, из этих, но только с его

стороны, думал парень.

Снаружи скрипело. Как будто лебёдка поднимала тяжёлые блоки. Послышались голоса, кто-то кричал, кто-то смеялся...

Это был Пост.

Да, это был Пост. Наконец.

Путники заворочались.

– Надо было заказывать спальник, – сказал Веселёхонький.

И зевнул.

– Отоспишься, – ответила девушка. Звонко и весело (еще бы, она наконец-то дома), – качественный отдых я вам обещаю. И мягкую постель.

Бесполезный задумался. Спальники – дилижансы с местами для сна, заказывали редко. Такая карета слишком громоздка, ломается чаще, да и везут её более возрастные, а значит, менее расторопные топтуны. Но дорога дальняя, и, может, действительно стоило раскошелиться. Хотя вот торговцы богаты, ездят невесть куда, а спальники не заказывают. С другой стороны, торговцы зарабатывают деньги, поэтому стараются снизить расходы, в том числе на дорогу. А кому нужны спальники? Тем, кто денег уже не считает. Или ещё не считает. Молодожёнам и старикам.

Скрип открываемых петель закончился, начался скрип колёс.

Проехав по мостовой, мощёной, если судить по звуку, не

из булыжника, а хорошо подоогнанных, словно кирпичики, каменных плит, карета сделала разворот. Топтун заурчал – в его урчании было так много счастья, что Беспольный ему позавидовал.

Путники вышли.

Ткань на глаза была повязана добросовестно, поэтому подсмотреть, что творилось вокруг, не представлялось возможным. А жаль. Из каких-то картинок, увиденных в детстве, которые он наконец начинал вспоминать, Беспольный знал, что все три Поста, что находятся на равнине, удивительно друг на друга похожи. Их окружает не слишком высокая, но достаточно толстая стена из светло-желтого, почти белого камня. Со всех сторон, откуда к Посту подходят дороги, она открывается широкими железными воротами. В центре стоит башня, высокая и узкая, а на самом верху этой башни крутится флюгер, сделанный одинаково – в виде большого многомачтового корабля. Все домики стоят по периметру, почти вплотную к стене, внутреннее пространство свободно и вымощено камнем. Сады, огороды, хозяйственные пристройки – всё это находится там, снаружи, по ту сторону стен. Зачем эти стены нужны – не очень понятно. Ни одно другое селение их не имеет, что в Лесу, что на равнине. Стражи совместно с воинами поддерживают порядок, а Пост – селение важное, можно сказать стратегическое, кто его тронет? Тем более ночью. Конечно, многого он не знал, и, возможно, многого не помнил, с той самой поры как за-

был своё имя. И всё же, подумал парень, зря ничего не бывает, может, всё дело в том, что стены как будто спасают? От неизвестного – ангелов смерти, к примеру? И, следуя мыслям, пожал плечами.

– Можно снимать, – разрешила Первая, как только они прошли за порог и сзади захлопнулась дверь, – мы приехали рано и у вас уйма времени. Каждый может заняться, чем только душа пожелает.

– Моя хочет есть, – ответила Любящая.

– И моя, – поддержал Веселехонький.

– Наша коллективная душа хочет есть, – сказал Терпеливый. За всех.

– Ваши души найдут всё необходимое там, – девушка махнула на зал, за соседней дверью, – а я уйду. Часов через двадцать после того, как вы выспитесь, тронемся в путь. А пока – отдыхайте, копите силы, нам до Долины пять суток. Ни в чём себе не отказывайте – кушайте, пейте по полной, всё включено.

Первая показала ладони, и ещё раз взглянула на Бесплезного. Но это был другой, совсем другой взгляд, в нём не было ни усмешки, ни какого-то заигрывания или кокетства. Когда-то на него так смотрели, однажды, он это помнил, но кто и когда – оставалось загадкой.

Загадкой.

Возможно, вот так и пройдёт его жизнь.

Двадцать часов отдыха. Но на самом деле они просто сме-

нили одно замкнутое пространство на другое. Выйти за пределы гостевого дома нельзя, все окна закрыты, единственный свет – это лампы, подвешенные к потолку. Но можно было помыться, скушать горячее, полежать. Первая обещала, что в этот раз запасётся маслом как следует, так что в дороге будет светлее. Да и повезёт их другой, более проворный топтун, много раз ходивший маршрутом. Так что в Долину придут в срок. А там рукой подать до Прихолмья.

Беспольный уже решил, для себя, что, если в проводники не возьмут, он поселится у холмов – там, возможно, кто-нибудь да оценит его способность. Все не от мира сего съезжались в Прихолмье, там никто не покажет пальцем, не скажет, что ты колдун.

Кроме его и искателей, в гостевом доме остановилось четверо. Трое путешествовали в Междуречье. Четвёртый постоялец утверждал, что едет на знаменитое борцовское состязание, которое состоится в Долине, где должен был стать одной из главных изюминок (да, да, он так и сказал – изюминкой) главным образом потому, что едет из Озёрного края и знает секреты местных борцов. Судя по тому, сколько он в себя заливал, эту изюминку лучше бы было послать на конкурс разлившегося бочонка, который проходил на островах. Но тут борец опоздал – конкурс шёл днём, по ночам острова безлюдны.

– Ума не приложу, что столько времени делать? – убивался искатель. Он похлопал себя по сумке, с которой ни разу

не расставался, которую клал на колени даже когда засыпал – и посмотрел в конец зала. Там, за отдельным столиком, скучал тот самый борец, который собирался в Долину. А за большим осталось двое – он с Бесплезным. После привала путники стали ближе, можно сказать, сдружились, и теперь, оставаясь наедине, часто беседовали. О природе, о географии, новых изобретениях. Рассказывал в основном Терпеливый, а Бесплезный слушал и задавал вопросы. Вопросы были такие, что иногда заводили в тупик, но искатель на то и искатель, чтобы искать. И Терпеливый искал ответ.

Он рассказывал о Прихолмье, о тайнах холмов, о том, как это прекрасно – жить во имя познаний, всегда узнавая новое. Зазывал Бесплезного в гильдию, подводил к нужному шагу, “тихо настаивал”.

– Лучше бы ехали сразу, – продолжил искатель, допивая местный напиток.

– Я никуда не спешу.

– Хорошо, когда никуда не спешишь. Самое лучшее время. Понимаешь это только потом, по прошествии дней и ночей, – Терпеливый нахмурился, как будто о чем-то соображал, и покрутил странный продолговатый предмет на поясе, вторую вещь, с которой не расставался. Бесплезный мог только догадываться, что эта за вещь и каким целям служит.

Мог, но не догадывался.

– Что это? – спросил он в лоб, показывая на предмет.

– Это? – Терпеливый задержал на одно мгновение взгляд

и на другое задумался, – это потеряшка, – сказал он вполголоса, – я не знаю её назначения, я... хочу разобраться. Ведь я же искатель?

– Искатель, – Бесплезный кивнул.

Конечно, он знал, что такое потеряшки. Такие предметы находили повсюду, от Заводья до Озёрного края. Пожалуй, в Крае их было больше. Что это за вещи и кто их однажды оставил – оставалось загадкой. Возможно, Обиженный. Или его помощники, служники – в народе ходили легенды, какие они хорошие и как ему помогали. А может, и шkodники – эти уже плохие, и только мешали.

Некоторые потеряшки проявляли себя внезапно, когда им вздумается. Рядом взрывалось яйцо, голову резала боль или, к примеру, человек засыпал, да так, что добудиться его было то же, что оживить мертвеца. После этого потеряшки выбрасывали, или передавали умельцам. Но те пожимали плечами и отдавали обратно.

– Вещь интересная, но опасная, – сказал Бесплезный.

Искатель мигнул:

– Не всегда. Некоторые приносят пользу...

И замолчал.

К ним приближался борец, улыбаясь и прижимая к себе любимую кружку, которая стала его продолжением. Шел ровно, мягко, без лишних зигзагов, хотя после стольких вливаний ходить было трудно.

– Разрешите, – сказал мужчина, изящно склонившись над

путниками.

Вблизи он борцом не казался, как, впрочем, и вдалеке. Мягкие, округлые черты лица, переходящие в мягкое и округлое тело.

– Меня зовут Трехглазый, – мужчина поджал свои губы, – вы спрашиваете, почему меня так называли? Вопрос интересный. Возможно, без всякой причины. Возможно... с причиной. Я, правда, не знаю, – он как-то напрягся, как будто оправдывался, хотя на самом то деле его никто ни о чем не спрашивал, – как остров? – спросил он внезапно, – нашли?

– Остров? – искатель смутился, – почему вы спрашиваете про остров?

– Ну как же ж? – Трехглазый опять поджал губы, словно обиделся, что приходится говорить такие очевидные вещи, – вы искатель? Искатель. На вас желто-бурая мантия. Вы в пути? В пути. Ночью. Значит, за день не успели. Куда могут ехать искатели? Либо к морю – они ищут Остров. Либо в сторону гор – туда, где Обиженный. Вы едите со стороны Длинного Леса, стало быть, с моря. Значит, искали Остров. Логично?

– Логично, – сказал Терпеливый. Натужно.

– Нашли? – борец улыбнулся и протянул свою правую руку.

– Нет, не нашли.

– Жаль, – Трёхглазый убрал руку за спину, и снова находился.

– Вы путешествуете в Долину? – спросил искатель, чтобы продолжить беседу, – вы борец?

– И да, и нет, – мужчина вздохнул, – я знаю пару приёмчиков, их показали в Озёрном. И этим приёмчикам я хочу научить местных жителей. Разумеется, за отдельную плату.

– Разумеется, – кивнул Терпеливый.

– А так, я бываю везде – и тут, и там. Путешествую, нахожу, что можно продать, и продаю. Так и живу, – ответил борец.

И замолчал.

"Удивительно, – думал парень, – такое впечатление, что всё это время он пил только воду. Рассуждает здраво, речь правильная... Даже слишком правильная."

– Похвальное у вас ремесло, – одобрил искатель, – покупаете то, что можете продать и продаёте, что могут купить. Не надо возиться с предметами, таскать на себе, как говорят, "на горбу". Торговать услугами проще и выгоднее.

– Ну... – Трёхглазый слегка улыбнулся, как бы сказав – "вот видите".

И повернулся к Бесплезному:

– Однако, у вас в Длиннолесье удивительные попадаются кадры. Я имею в виду Длинноногого, герцога.

– Почему вы подумали, что я с Длиннолесья?

– Как же ж? Вы разве не с Длиннолесья? Вы въехали с главных ворот, – мужчина изобразил изумление, настолько неподдельное, что Бесплезный смутился. И покраснел, – на

Вас нет плаща, значит, вы ни член этой гильдии, – он кивнул на искателя, – Но едите с ними, значит, хотите присоединиться. По пути Вас могли подобрать либо в Длинном, либо в Приморье... Извините, но на жителя Приморья вы не похожи. Те на каждом шагу матерятся и упоминают гарпун. Протащи меня, протащи, типа того. Вы парень из Длиннолесья, обычный сельский парень из Длиннолесья. Я прав?

"Логично" – Бесплезный задумался. Но тут он вспомнил про герцога:

– Длинноногий?

– Что Длинноногий?.. Ах, Длинноногий. Этого я упомянул без причины, так, чтобы спасти разговор. Длинноногий – ваша самая большая достопримечательность. Даже имя соответствующее. Длинноногий в Длинном Лесу. Ха-ха. Извините за каламбур.

– Он придает людей страшной казни, – возразил Терпеливый.

– Ну... – Трехглазый вытянул губы, – люди меняются. Меняются времена, а с ними и люди... С этим предметом поосторожнее, – борец указал на пояс искателя, как Бесплезный понял, на потеряшку, – вдруг выстрелит.

Терпеливый напрягся.

– Ну опять, – мужчина, казалось, расстроился. Как учитель, который в десятый раз объясняет одно и то же простое правило, – оно же блесит, оно необычно, вы проверяете постоянно – на месте оно или нет. ... А так, осторожнее. А то,

знаете, как бывает – сегодня Вы владеете потеряшкой, а завтра все поменяется, и уже потеряшка владеет... Хммм...

Повисло молчание.

– Белая Россыпь, – сказал Терпеливый. Медленно, будто бы так, между делом.

И посмотрел на Трёхглазого.

– Бывал, – ответил борец. Таким же внимательным взглядом.

"Нет, он всё-таки перепил" – решил Беспольный. Где это видано, чтобы на Россыпи кто-то жил? Это как побывать на солнце.

Однако искатель смутился.

Он стал поглаживать, или даже почёсывать бороду, и о чем-то задумался.

– Лобастого знаете?

Трёхглазый пожал плечами:

– Всех не упомнишь. Вас на холмах становится больше.

– На холмах?

– А как же ж. Прихолмье, стало быть, на холмах.

Искатель открыл было рот, но тут же закрыл.

Лицо собеседника вдруг исказилось, он весь изменился, полез на скамью, вытянул кружку, и завопил:

– Настали времена, когда всё, что происходит в этом маленьком уголке обитаемого мира, имеет значение для всего мироздания! Время и место выбраны не случайно – смотри-те, вот они, наши герои, – он вскинул руку в направлении

Бесполезного, – Решающая битва начнётся, делайте ваши ставки! К барьеру!!! – крикнул Трехглазый и осушил свою кружку. Залпом. Потом закачался, и, словно подкошенный, рухнул.

– Бедняга, – сказал Терпеливый после молчания и громко вздохнул, – перепил. Ну что ж, приключения продолжаются.

– Да, – Бесплезный очнулся, – это был номер.

– В программе о нём ни слова, – продолжил искатель, – впрочем, как выясняется, в программу по ходу действия вносятся изменения.

Новый топтун оказался резвее. Путники это заметили, как только сели в карету.

В дороге потряхивало, чаще и резче, но это значило только одно – колёса катятся быстро.

– Мы доедем до Леса за четверо суток, – пообещала Первая, – там остановимся, но ненадолго. Осмотрим карету – и в путь.

Пассажиры выглядели свежее, раскованнее, и уже все, включая обоих парней, делились впечатлениями.

– Странный человек этот Трехглазый, – сказал Бесплезный, – пил, пил, пока не свалился. Мне показалось, что он прорицатель.

– Ничего удивительного, молодой человек, – объяснил Терпеливый, – в Озёрный край стекаются безумцы. Кто-то становится отшельником, залезает в берлогу, где когда-то

дневал шептун, кто-то, как наш выпивоха, скитается. У этих безумных мозги устроены иначе. Вначале они не пьянеют, как будто. А после их сразу срубает. Как на Посту. Все они прорицатели, все провидцы. По-другому мыслят, поэтому нам и кажется, что что-то такое знают, чего не знает никто, – искатель хотел закрыть эту тему, и внимательно посмотрел на парня.

– Странно, к нам не приставал, и даже казался любезным, – заметила Любящая.

– Они такие, – мужчина вздохнул, – давайте уже о другом. Или давайте сыграем.

– Давайте, – проводница достала бумажки, – сейчас нарисую...

Так, в общем, и ехали.

Играли, шутили, рассказывали истории. Но больше молчали. Всё-таки пять человек на камеру – это уже перебор.

Третьи сутки после Поста тянулись долго, как, впрочем, и остальные. Пора было спать, и путники заняли позы, настолько удобные, насколько это позволяло пространство. Пытались заснуть, ворочались, бормотали...

Бесполезный проснулся первым.

И понял – что-то случилось.

Будто затих шум, шедший со всех сторон, постоянный, привычный, которого не замечал. Но вот он исчез, и стало

заметно.

Колёса скрипели, карета катилась, путники спали как ни в чем не бывало. Но что-то произошло.

Он начал думать...

И тут появилась догадка. Быстрая, как молния, простая и нелепая одновременно.

Бесполезный аккуратно поднялся с сиденья, стараясь никого не тревожить, и приоткрыл дверь в карету.

На равнине было темно. Станный гул, который затих, возможно, был связан с небом. Во время сезона его не замечаешь, как не замечаешь шум падающей воды, если живёшь рядом с мельницей. Да и потом, всё эти звуки можно было списать на ужасную казнь, к которой его приговорили. Такое не исчезает бесследно.

Но теперь парень понял – гул шёл с небес, они погасли – и стало тихо. И как он слышал животных, как слышал деревья, так же он слышал и небо. Небо волновало не только светом, и, возможно, поэтому даже с завязанными глазами люди чувствовали себя неуютно.

Обо всём этом парень подумал, пока стоял, склонившись над входом и сквозь приоткрытую дверь смотрел на равнину.

Но больше его поразило другое. Сезон пылающих только начался, шёл первый месяц, а небо погасло. Такого быть не могло.

Карета вздрогнула и остановилась.

К двери подошёл Долговязый.

– Добрых, – поздоровался парень.

Мужчина кивнул.

Путники нехотя заворочались, не желая вновь возвращаться в тусклую душную реальность. Но вид открытой кареты разбудил их мгновенно, так, как будит щелчок у самого носа.

– Неужели, – Первая приняла у напарника лампу.

– Подождите, – Терпеливый прокашлялся, – за всю мою жизнь я такого не помню. Хотя нет, однажды похожее было. Небеса погасли чуть раньше. Но чтобы сезон закончился, только начавшись...

– Видимо, люди совсем разозлили Обиженного, – добавила Любящая, – напомним, и день закончился раньше.

– Какой-то несезон сезонов, – скаламбурила Первая.

И тут же фыркнула, осознав самую главную проблему – теперь, в темноту, помноженную на туман, остаётся одно – полагаться на чутьё топтуна, который уже не раз ходил этим маршрутом. Но ходить по маршруту днём, и ходить по маршруту ночью – это не то же самое, хотя топтуны и в темноте не сбивались с дороги.

Сквозь легкую дымку сияла Белая Россыпь – вечный ориентир проводников, небольшое светлое пятно, напоминавшее распростёршую крылья летучую мышь. Как, собственно, его и называли в Заводье.

Надо держаться Россыпи на случай, если топтун вдруг заблудится, а других ориентиров не будет. Впрочем, до Доли-

ны остались сутки, мимо Леса они не проедут.

И всё-таки было тревожно. "Выскочил нежданчик, выскочат и другие" – говорила, бывало, бабушка, замечая листву. Эх, бабушка, бабушка, как тебя не хватает, с твоей-то уверенностью.

Первая вспомнила, как они её хоронили. Она, мама, папа, другие родственники, друзья и подруги (все, кого называли ближайшими) отправились в Большое Приморье – ритуальный центр человечества. Сюда свозили покойников, здесь с ними прощались и отдавали последние почести.

Прощание проходило так. Тело клали на лодку с глубоким килем и небольшим парусом и обкладывали всевозможными дарами, в основном тем, что человек любил в этой жизни. Или тем, что любили другие, и поэтому отрывали от сердца. Этим они показывали, что погибший забирает с собой не только себя, но и частичку других. После лодку толкали, и она начинала плыть. Медленно, но постоянно, всё отдаляясь и отдаляясь, пока не исчезнет, теряясь в дымке.

Возможно, тело тонуло, возможно, его прибывало, к какому-то берегу, хотя и это не факт – ветра дуют с суши, так что возможно и третье – оно до сих пор крутится в море. Одинокое и неуспокоённое. Первая вздрогнула.

Стражи говорят, что человек уплывает на Остров. Условный. В этом мире Острова нет. Но в загробной жизни всё иносказательное становится настоящим, и Остров уже существует. Так говорят стражи.

Постичь смысл обряда может не каждый, для этого надо стараться. Например, оставить всё нужное дома и отправиться на Озёра. Там выбрать себе землянку, или берлогу, из которой ушёл шептун, и прожить целую ночь, вылезая лишь в межсезонье. Или, допустим, пообщаться с умными стражами. Первый путь долог и труден, второй более прост, поэтому чаще всего выбирают второй. На Озёра уходят только самые твердолобые.

Первая очнулась от мыслей.

– Сохрани нас Обиженный, – прошептала она.

– Мы дети твои, – ответила Любящая.

Путники вышли.

Где-то в тумане, в тумане не разберешь – далеко или близко (скорее всё-таки близко, иначе они бы не видели) то тут то там горели огоньки. Возможно, головки маячков, возможно, стайка острокрылов. Эти маленькие ангелы всегда зажигают крылья, когда собираются вместе.

Кроме горячей лампы, тех огоньков и Россыпи, равнина была темна.

Но дышать стало легче. Сезон пылающих отступил, и, если они не свернут, это, возможно, к лучшему.

– Дозорные сходят с ума, – сказал Веселёхонький.

– Ага, – ответила девушка, – придумывают себе работу.

Верстать новый календарь. Как говорила моя бабушка: "Был бездельником, стал дозорным – пошёл на повышение".

– Самая лёгкая и ненужная работа, – добавила Любящая, – Что они делают? Считают сутки?

Первая фыркнула.

Было забавно наблюдать, как одна ненужная гильдия ругает другую.

– Поехали, – сказала она, и путники сели в карету.

Ставни решили не закрывать, лампу не погасили.

"Надеюсь, что небо зажжётся" – подумала девушка, понимая, что что-то предполагать неразумно, можно только надеяться.

– Волноваться не стоит, – сказала она, – даже если уйдём с маршрута, Лес не пропустим.

– Да и бояться нечего, – сказал Терпеливый, – чудовищ во тьме не бывает. Это у нас в голове чудовища.

– А как же чёрные ангелы? – спросил Веселёхонький. При чем последнее слово буквально выдохнул, как выдыхают колечко в курилке.

Наступило молчание.

– Существование чёрных ангелов не доказано, – Терпеливый сказал это спокойно, без пафоса.

Упоминание этих существ, мифических или реальных, вселяло ужас. Они появлялись в самое тёмное время, когда пылающие гасли, а на равнину спускался туман. Летали чёрные тихо, приземлялись неслышно, но самое страшное – они забирали людей. Быстро, и так же бесшумно, так, что похищенный не успевал даже крикнуть. Ни крови, ни следов ка-

кой-то борьбы. Не было ничего. Загадка...

И возникал вопрос – а если не было ничего, так, может быть, ничего и не было? Может, и нет чёрных ангелов, ангелов смерти, как их называли особенно впечатлительные? Может, человек убежал, может, убился. Потому и исчез. Ночью многие бывают того. А ты испугался, оставшись один, а после дорисовал. Точнее, не ты, а тот, кто сидит в голове.

Всё это вкравце объяснил Терпеливый, добавив, что точного описания чёрного ангела не существует, очевидцы путаются в показаниях. Многие видят тени, а тень в темноте, это...

– Но путники исчезают, – возразила Первая, – не просто умирают, они исчезают.

– Вы задаете правильные вопросы, как и ваш молодой человек, – искатель осёкся.

Девушка вскинула брови.

Бесполезный открыл было рот, но снова закрыл.

– Извините, – улыбнулся мужчина, – по поводу исчезновений. Люди могут исчезать по разным причинам. Потеряться ночью, в межсезонье, нетрудно. Кругом туман, по Белой Россыпи ориентироваться сложно, если никогда этого не делал, к тому же нужна карта. Да и туман бывает густой и настолько высокий, что даже скрывает Россыпь. И что? Ты блуждаешь, теряешься, умираешь. Кто будет искать твоё тело несколько лет, тем более ночью? А там его и собаки погрызут, и земля покроет. В любом случае, сложно что-то найти на равнине.

Равнина огромна. Да и потом, вряд ли ангелы съедают людей целиком. Что-то должно остаться. И где это что-то?

– Людей они просто уносят, так говорила бабушка.

– Вы часто упоминаете бабушку.

– Да, бабушка знала многое. И многому меня научила.

– Храните память, это всё, что у нас остаётся. В остатке, – искатель вздохнул, – я многих людей потерял. В том числе и тех, от которых всему научился.

– Прошлую ночь я часто путешествовала с бабушкой, и это она сделала меня проводницей.

– Мы Вам доверяем, – ответила Любящая, – мы верим, что Вы проведете даже несмотря на возникшие обстоятельства.

– Вам надо ему доверять, тому, кто везёт карету, – проводница кивнула вперёд.

И наступило молчание.

Каждый думал о предстоящей дороге, о природе, которая преподносит сюрпризы, и каждый ждал Леса.

Лес не показался на следующие сутки.

Прошли ещё сутки, а всё осталось как прежде. Та же равнина, тёмная, непонятная. Тот же туман.

– Возможно, топтун ещё раньше ушёл с маршрута, – Первая не заметила, как произнесла это вслух, – он шёл слишком резво. Может, он объезжал...

– Что объезжал? – Любящая очнулась от мыслей.

Проводница пожала плечами:

– У топтунов свои секреты. И свои страхи.

– Он боится, – сказал Беспольный, – он жалуется не на дорогу, он просто боится. Точнее, боялся.

Девушка поглядела на парня.

– Молодой человек знает, о чём говорит, – ответил искатель.

“Ну да, – думала девушка, – возможно, он знает”. Она ещё не совсем доверяла Беспольному, но Терпеливый вызывал у неё уважение. “Что будем делать?” – хотела она спросить.

Но вовремя остановилась. Она здесь хозяйка, и только она решает, что делать. “Тебе должны доверять, – говорила ей бабушка, – если доверия нет, жди беды”

Эх, бабушка, бабушка.

Проводница вздохнула.

Потом постучала вознице.

– Посидим у костра, отдохнём, – объяснила она сидящим, – надо развеяться.

– Смотрите, озеро, – Любящая показала на маленькие желтые огоньки, – мы у самого берега.

– Это совсем небольшое озеро, – ответила девушка, – на карте таких нет.

Путники подошли к самой кромке.

Стояло безветрие, поверхность воды была гладкой, и слабо подсвечивалась – это резвились огнетелки, верткие, похожие на рыбок существа, внутри которых горел огонёк. Над водой стоял туман, лёгкий, словно душа, он почти не шеве-

лился, чем только усиливал волшебство.

Огнетелка

– Когда я была маленькая, – девушка смотрела на огоньки, – мама рассказывала сказку.

– Ну вот, наконец-то мама, – перебил её Терпеливый, – а то до сих пор была бабушка.

Первая улыбнулась:

– Может, вы её знаете. Про огнетелку и плавунца. Огнетелка всё что-то делала, занималась делами. А плавунец лежал на воде. День прошёл. Пришла ночь. Огнетелка зажглась, и уплыла по делам. А плавунец растерялся, опустился на дно и умер.

– Много ненастий делают крепче, а случится одно – и сломают, – объяснил Терпеливый, – такая мораль.

– Осталось понять, много у нас ненастий или одно, – съязвил Веселёхонький.

– Ну... – Терпеливый вздохнул, – ненастий у нас было много, дорога не близкая. Да и не только у нас, – ты это хотел услышать?

Веселёхонький не ответил.

Первая склонила голову набок.

Любящая, обычно такая разговорчивая, спустилась к воде.

Беспольный сидел на подножке.

Туман, безветрие, тишина. Огоньки, которые блуждали в этом тумане, в этой тишине и безветрии, зонтик, шляпка которого слабо мерцала, добавляя загадочных розовых красок – всё это заставляло молчать.

– Скоро должна появиться река, – чуть слышно сказала Первая, – если мы её не объехали. Доедем до реки, найдём переправу. А найдём переправу – поймём, где находимся.

– Но если мы переправу объехали? – поинтересовалась

Любящая.

– В таком случае надо доехать до холмов. А потом повернуть на Россыпь.

– Но как мы заметим, что поднимаемся? Холмы не начинаются резко, – спросил Терпеливый.

– Топтун остановится. Он не пойдёт на холмы. Топтуны равнинные животные, и подыматься не любят. Он повернет на Россыпь, и мы доедем до Прихолмья. Минуя Долину.

– Точно? – переспросил искатель.

Проводница вздохнула:

– Давайте достигнем реки. А поедем по берегу – всё равно во что-то упруемся, – она усмехнулась, понимая, как неуклюже сказала, – карта у нас под рукой, небо затянется – достану прибор. Не потеряемся, – Первая помолчала, и после добавила, – обещаю.

Терпеливый кивнул.

“Как же обстоятельства меняют людей” – думала девушка. Любящая и Веселёхонький, казавшиеся такими жизнерадостными пару суток назад, теперь приуныли, задумались. А Терпеливый, наоборот, приободрился, собрался и стал источником хорошего настроения.

– Нам нужен костёр, – Первая хлопнула по шее, чтобы раздавить твердетку, а может, и насекомое. Причём в этом случае разница всё же была – на раздавленное насекомое никто бы внимание не обратил, а за твердетку могли пожурить, те же стражи. Сами ездят на прыгунах, ползунов обди-

рают, а учат. Интересно, что бы они сказали о многочисленных крушинках, раздавленных по дороге? Или тянучках, из которых варят напитки?

Беспольный был рядом. Пару раз оба нагибались за одной и той же веткой. Пару раз чуть не стукнулись лбами. Да, одна лампа, далеко не уйдёшь, и всё же...

– Вот чёрные ангелы, – сказал Беспольный, возможно, желая начать беседу и не зная, с чего начать, – почему же они охотятся на людей? Если едят, значит они незримые. Зримый незримого есть не будет. Если незримые, почему же летают только ночью?

– А я почему знаю? – сухо ответила девушка, – спроси у искателя.

– Он в них не верит.

– А ты спроси.

Беспольный повторил вопрос, но уже Терпеливому.

– Посмотри на летучую мышь, – искатель глядел на Россыпь, – душа незримая, но темнота для неё – лучшее время. Так и ангелы смерти, если они существуют. В чём я очень, конечно же, сомневаюсь, – Терпеливый задумался.

А парень пошёл на свет.

Веток насобирали мало. Стеблей тянучек, которые высохли, оказалось больше. Горели они не очень, но если разгорятся, то долго не затухали, и их положили на ветки.

– Давайте подумаем об опасностях, – предложила Любя-

щая, обхватив свои ноги и наблюдая, как разгорается пламя, – пускай черных ангелов нет. А дальше? Что нам ещё угрожает?

– Разбойники в такое время не ездят, – сказал Терпеливый, – они боятся. В пылающие возможно, но ближе к Лесу.

Была одна банда прикрытых. Управлял ей хромой мужичонка с черной повязкой на глаз, бывший воин. Дороги перекрывали, шмонали проезжающие кареты. Всё то у них получалось, везде то они успевали, в том числе и удрать. Маршруты меняли вовремя, нигде не задерживались. Пытались эту банду накрыть, да бестолку. Уходили, и снова за дело.

И вот однажды устроили они засаду, по дороге, что идёт с Длиннолесья в Малое Приморье. Сидели и ждали. Да вот незадача – ехал дорогой самый известный воин, да не один – возвращался с другими воинами. С тех самых мест, где получил своё имя. С той самой победы, за которую получил. Звали человека Заговорённый. "Стоять! – закричали разбойники, – кто такие, откуда?" И ну шмонать. "Вы не знаете? – удивились проводники, – это известные воины, едут с победой. Не трогайте их, плохо будет". Струхнули разбойники, хотели уже уходить. Да мужичонка отговорил. "Спокойно, – сказал он товарищам, – чего вы боитесь? Посмотрите на небеса, вы же прикрытые, они нет. Шмонайте, глаза не откроют." Обступили разбойники первую карету, велели вылезать. Обшмонали одного, обшмонали второго. Подошли к третьему. "Это герой, – говорят проводники, не трогайте. Мастер меча,

всё такое..." Остановились разбойники. Не знают, что делать – и обшмонать боязно, и уйти жалко. Но не растерялся наш мужичонка. Подошёл так вразвалочку, насвистывая, и только хотел запустить свою руку, глядь – а руки то и нет. Взвыл не своим он голосом, отступил от мастера, и бежать. А тот развернулся, и рубанул того, что стоял сзади. Ровно так рубанул, сверху донизу. Так две половинки и упали, с гулким таким звуком. Услышали воины, что что-то происходит, и напали на тех, кто был рядом. Завыли разбойники, раненые, целые, и разбежались. Да с той поры об этой банде не слышали.

– Даа, – Первая фыркнула, – весьма познавательно. Особенно в тёмное время.

– Это он так с завязанными глазами? – спросил Веселёхонький, о чём-то соображая.

– Давайте расскажем что-то весёлое, – предложила девушка.

– Давайте, – Веселёхонький оживился, – я знаю одну историю. Увидел зонтик, и вспомнил.

– Рассказывай, – ответили путники. И посмотрели на Долговязого. Тот умудрился поймать кролика, которого и заметить то в такой темноте было сложно, и теперь гордо держал за уши.

– Горячий кусок мяса поднимает настроение не хуже, чем хороший рассказ, – заметил Терпеливый.

– Да. Уж, – Первая улыбнулась, вспомнив, какую "вдох-

новляющую" историю тот рассказал.

– Так вот, – продолжал Веселёхонький, – в общине Прихолмья есть брат. Он постоянно что-то придумывает. И вот однажды решил полетать. Смотрел как летают зонтики, и решил. В самом конце дня зонтики становятся крупными, настолько, что могут поднять человека. Поймать зонтик, привязать корзину, чтобы потом в неё сесть, у него получилось. А как управлять? Брат думал, думал, потом собрал твердотелок (долго собирал, для этого смастерил специальный сачок), поместил их в сеточку, сеточку привязал к веточке, и начал приманивать зонтик. В какую сторону манит, туда тот летит. И так это ловко у него получалось. Летает брат, радуется. Увлёкся, что не подумал о важном – а как же спускаться. А как подумал, то растерялся. Кричал, руками размахивал, уговаривал (зонтик!), просил опуститься, обещал, что сразу же отдаст все твердотелки, и те, что поймал, и те, что поймает в будущем. Да где там. Летал он, летал, пока не врезался в дерево. Оттуда его и сняли.

Путники заулыбались, представив человека, летящего под зонтиком.

– Такая вот история, – закончил Веселёхонький, – эксперимент нужно готовить тщательно.

– Загадка в том, как эти зонтики летают. У них только маленькие крылышки по бокам, – заметила Любящая.

– Ой, ладно, – сказал Терпеливый, – это известно. В шляпках воздух, но теплый, почти горячий.

– Все равно подъемной силы не хватит, – возразила иска-
тельница.

– Да-да, – поддержал Веселёхонький, – ведь те же струйки
и долгоносики летают без всяких там крыльев. И воздуха.

– Это загадка, – Терпеливый чесал свою бороду.

– Вы говорите интересные вещи, – заметила Первая, – воз-
можно, пользы от вас всё-таки больше.

Она улыбнулась.

– Да, сударыня, – искатель словно и не заметил подкол, –
ведь что из этого следует? Если сделать большой шар и на-
полнить горячим воздухом, мы полетим.

– Природа всегда даёт нам подсказки, – отозвался вдруг
Бесполезный, – люди смотрели на брум и придумали колесо,
смотрели на парусник – и придумали корабли.

– А вот крылья как у ангелов не придумали, – добавила
Первая.

– Пробовали, – Любящая помешала костёр, – но тут уж
подъемной силы точно не хватит. Нужны огромные крылья,
или не такие огромные, но молотить ими нужно как стриклы.

– Жаль.

Долговязый уже насадил угощение на вертел, и путники
вдыхали ароматный ни с чем не сравнимый запах жареного
мяса. Особенно ночью, особенно если в пути.

– У вас талант, – заметил Терпеливый, глядя на провод-
ника, – вы, наверное, хороший охотник?

– Да, – ответила Первая. Она всегда отвечала за своего

напарника, – у нас на Посту, если Долговязый уходит на охоту, делают ставки.

– Приятно вот так посидеть, ночью, да ещё у костра, – Любящая оглядела каждого из собравшихся, – но давайте вернёмся к опасностям. Чёрные ангелы, разбойники, – что ещё может появиться из темноты?

Первая фыркнула.

– У нас говорят, – продолжила женщина, – не так страшен враг, которого знаешь в лицо.

– У вас – это где? – спросила девушка.

– Не важно, – ответила Любящая, – такая поговорка подходит всем. И всегда.

– Ну что же, – сказал Терпеливый, – есть дикие собаки. Ночами они сбиваются в стаи и бродят. Но не так далеко от Леса.

– Может быть, Лес не далеко, – предположил Веселёхонький.

Терпеливый пожал плечами:

– Кто знает. Возможно, не далеко. Но собаки на группу путников не нападут. Беспокоиться не о чем. Вот если мы попадём в долину сонхватов, – сказал он задумчиво.

– Это немного не здесь, в стороне, – успокоила Первая, – а одинокие сонхваты за пределы долины в это время заходят редко.

– Совершенно согласен. К тому же с нами топтун. Зримую душу они предпочтут скорее, чем человека.

– Моя бабушка тоже так думала. С ней был прыгун – четырёхдневка. Но они предпочли мою бабушку.

Путники засмеялись.

Из плодов сонхватов, которые те откладывали в землю, получали замечательное масло. Им смазывали всё, что скрипело, но главное – его использовали в лампах. Оно горело долго и почти не коптило.

Плоды появлялись днём, но в самом его конце, почти в сумерки. Обычно отправлялись двое, ведь если ты уснёшь, то останешься совершенно беспомощен. Сонхваты тебя не тронут, но обстоятельства могут покалечить. Бабушка поехала одна, но, слава Обиженному, она взяла с собой плащеносца. Когда он вернулся на Пост, стало понятно, что что-то случилось.

Сонхваты едят только зримых, ночами, днём им хватает солнца. Днём это просто растение, безобидное во всех смыслах слова. Только перед самым началом сумерек, после плодоношения, сонхваты становятся хищными. Они выдирают корни, припорашивают свои плоды и начинают бродить. В основном по долине, которая так и называется – долина сонхватов.

Хищные растения оберегают потомство, которое будет лежать целую ночь, и прорастёт по её окончании. Но им надо есть, и механизм для этого они придумали замечательный. Жертву, что подошла слишком близко, растения усыпляют, и, пока она спит, высасывают внутренности. Делают это

сонхваты довольно кропотливо, ведь времени много, жертва мертва, и можно уже не спешить. Корявые лапы медленно погружаются в тело и так же медленно его пожирают, а может, и выпивают. Мнения, как они это делают, в общем расходятся, ни у кого нет желания наблюдать, что случилось. Во всяком случае, по окончании трапезы от жертвы остаётся лишь оболочка, словно пустой бурдюк, из которого вытек напиток.

Незримых сонхваты не трогают, но могут их усыпить. Кого на сутки, кого надолго. Бабушка проснулась не скоро, и именно это событие подорвало её здоровье.

– Расскажите о бабушке, – предложила Любящая.

– Хорошо, – ответила девушка, – я, пожалуй, расскажу об одном путешествии. Прошлой ночью бабушка часто забирала меня с собой. Однажды мы выполняли опасный заказ – из Озёрного края в Прихолмье нужно было доставить двудушного.

У костра стало тихо.

Двудушных боялись. Эти существа, которых не всегда даже считали за людей, не просто использовали зримых – они соединялись с ними в единое целое. Тот Лес, в котором жили двудушные, назывался Безвестным, или Девятым. Потому что он был девятым, по счету, после известных восьми. Но в этом девятом, кроме двудушных, никто не селился. Лес был заражен. В Лесу обитал паразит, состоявший из одной только души. Этот паразит заселялся в чужое тело, в основ-

ном это были тела больных или ослабевших животных, и изгонял их душу. Благодаря паразиту животное выздоравливало, становилось сильным, но только это было другое животное, в нём жила другая душа, душа паразита. Жила и ждала своего часа.

У людей нет зримой души, и паразит заселялся легко. Человек начинал видеть в темноте, слышал шорох, шёпот, у него обострялись чувства. Но самое главное – люди обретали почти что бессмертие. Для этого нужно было пережить страшные муки перерождения, и, если останешься жив, удалить шишку, которая в скором времени вырастала на лбу. Поначалу об этом не знали, и в конце ночи душа паразита могла покинуть заражённого, и оставить того умирать, а могла впустить другого такого же паразита, спариться с ним и стать рассадником новых душ, которые, словно капли тумана, покидали заражённое тело. Без шишки двудушные жили долго, даже слишком долго, но что при этом творилось в их душах – шкод его знает.

В Девятом Лесу не селились, считалось, что это далёкое прокажённое место, но если двудушные его покидали, их обычно ловили и предавали казни. Публичной.

Бледная кожа, светящиеся в полумраке глаза и незаживший рубец, который обезображивал лоб – всё это было признаками, по которым их узнавали.

– Мы ехали впятером, – продолжила Первая, – на козлах сидел Долговязый, в карете бабушка, я, двое стражей и ка-

кой-то человек с повязкой на лбу. На руках и ногах были цепи, глаза светились, а кожа бледная, как будто обсыпан мукой. Я раньше таких видела, и, помню, не на шутку струхнула. Однако со временем привыкла – человек как человек, у него был такой любопытный выговор, он немного шепелявил и иногда заикался. Стражи с ним разговаривали как будто вовсе не стражи, а он спокойно разговаривал с ними. Тяжелых взглядов, проклятий – не было. "Каждый работает. У нас своя работа, у стражей своя" – объяснила бабушка. То, что двудушного отвозили на казнь, я поняла не сразу, настолько обыденными казались речи, которыми обменивались сидящие. Они играли в карты, смеялись, шутили. И настолько благородным сейчас мне представляется то, как этот пленник держался.

– Его всё-таки повесили? – спросил Веселёхонький.

– Да, – ответила девушка, даже не поднимая головы, – мы доехали до Прихолмья... Но я хочу рассказать один случай, – она посмотрела на пламя. Тени огня танцевали на лице проводницы и Беспольный буквально застыл, не в силах оторваться – настолько неотразимой в игре этих красок казалась девушка, – ехать от Длиннолесья до Прихолмья можно по-разному. Можно как мы, через Пост и Долину, а можно левее, и дальше, оставив в стороне Междуречье, по так называемой "громкой дороге". Этот путь короче, но не пересекает ни Долину, ни Пост, где можно остановиться, да и перегон достаточно долгий, дней десять-двенадцать, пример-

но. Там редко кто ездит. Только когда надо успеть, ну или в нашем случае – когда провожаешь двудушного, – проводница вздохнула, – у излучины Быстрой есть место. Говорят, там когда-то был Лес. От упавших деревьев почти ничего не осталось, но... в общем, потряхивает. Иногда очень сильно. Берёшь в руки горшок и сидишь. И вот в этом месте одному из охранников стало плохо. Так плохо, что он упал. Карету остановили, но оказалось, что поздно – сердце уже не билось. Ситуация скверная, для гильдии искателей это удар. Но я в то время думала не об этом, мне было просто не по себе. Буквально час назад разговаривала с человеком, и – вот... – девушка пару секунд помолчала, – тогда наш пленник поднялся, подошёл к умершему, и стал давить на грудь, прямо в цепях. Давил, давил, потом послушал. Так несколько раз. И охранник вдруг не задышал.

– Ожил? – спросил Терпеливый.

– Да, – ответила Первая, – потом наш пленник объяснил, что в Безвестном давно так делают, там у них много чего знают о человеке, как спасти, как вылечить. Во время перерождения многих приходится спасать.

– Он спас своего стражника. Что ж, благородно, – искатель отрезал крольчатины и положил в тарелку, – этот способ возвращения к жизни. Я о нём слышал. Не все знают, и мало кто практикует. И потом, как к этому относятся стражи? Ведь это всё равно что выдёргивать человека из того мира в этот. Против порядка.

– Во всяком случае один страж этот способ одобрил, – заметила Любящая. Она тоже положила крольчатины и стала вгрызаться в мясо.

– Такое пренебрежение к собственной жизни и спасение чужой. Как-то не вяжется с обликом двудушных, который навязывают, – продолжил Терпеливый и вытер рот тыльной стороной ладони, – они приняли муки телесные и духовные, чтобы жить долго.

– Возможно, прожив долгую жизнь, уже не настолько к ней и привязан, – предположил Бесплезный. Он снова глянул на Первую.

Девушка посмотрела в ответ:

– Возможно. Но более благородного поступка не помню.

Наступила тишина. Путники молча переваривали кролика.

Или рассказ.

Или и то и другое вместе.

– Теперь моя очередь, – произнесла Любящая после того, как сидящие наелись и были готовы слушать очередную историю, – я расскажу вам легенду. Как раз для ночи. В тех краях, откуда я родом, знают, что когда-то на небе была ещё одна Россыпь, её называли Малой. А ту, которая Белая, считали Большой. Малая Россыпь была совсем рядом и походила на яркое насекомое, за которым охотилась летучая мышь. Эти две Россыпи были самым прекрасным творением ночи, они не просто украшали небо, они помогали в пути. И вот од-

нажды поглядел Обиженный в свои запасы, прикинул и понял – масла маловато, надо экономить. Что делать? Вздохнул он, почесал свою голову, и постепенно, фитилёк за фитильком, погасил Малую Россыпь. Но только не навсегда. Есть предсказание, что когда-нибудь запасы пополнятся, и Россыпь снова зажжётся. Такая легенда.

– Подожди, подожди, – Терпеливый изобразил удивление, – так это всё-таки легенда?

– И да, и нет. То, что вторая Россыпь была – это правда. Есть старинные записи, в которых о ней говорится. А, собственно, легенда – это объяснение, почему эта Россыпь исчезла.

– Хотелось бы почитать эти записи, – сказал Терпеливый. Его голос напомнил урчанье напомнило Первой голодного топтуна, который тянется за сочной крушинкой.

– Скоро они станут известны, – пообещала Любящая, – и вы их прочтёте.

Терпеливый нахмурился и почему-то опустил свою голову. "Искатели всегда такие, ревнуют к чужим открытиям" – подумала Первая.

– Точно, – сказала она, – масло для солнца тоже заканчивается, поэтому и ночь наступила раньше.

Любящая улыбнулась.

– Одно не могу понять, – отозвался вдруг Веселёхонький, – где он берёт это масло?

Женщина пожала плечами.

– Интересная история, – Терпеливый помешивал угли, – изумительная.

– Теперь ваша очередь, – Любящая посмотрела на Бесплезного, – что вы расскажете?

Парень задумался:

– Не знаю... – он поглядел на небо, – быть может, то, что меня удивило. Это даже не история, так, впечатление, – Бесплезный пожал плечами, – совсем недавно, в самом конце этого дня жил я в одном селении. Зарабатывал перевозками. Селение переезжало в Лес, шли последние сутки, работы много. Там на одном из домов стояла такая высокая башенка. А на башенке, на самом верху, прибор, в виде большой здоровенной трубы. Типа глаза, но глаз можно сложить и спрятать в карман, глаз маленький, а труба огромная. Шло Угасание, последние сутки. В селении остались я и ещё один человек, мы должны были разобрать и перевезти прибор. И вот, солнце погасло. Мы поднялись на башенку. Туман же, он вьётся внизу, а выше тумана нет – на башенке видно небо. И, знаете, это потрясающе. Кроме Россыпи на небе горели другие, очень маленькие и почти незаметные огоньки, с земли их не видно. Некоторые из них горели, некоторые только появлялись. Человек, который поднялся, стал дёргать какие-то рычаги и наводит трубу в сторону Россыпи. И Россыпь, пятнышко за пятнышком, вдруг загорелась. Вся. Он посмотрел в трубу, и дал посмотреть мне. И это так замечательно – когда видишь то, что не увидишь глазами. Россыпь

состояла не из тумана, и не из пятнышек, как я думал раньше, это были маленькие колечки, где-то они были подогнаны, один к другому, где-то лежали отдельно. Мне хотелось заглянуть дальше, расширить колечки, но большего я не увидел. Я смотрел на Россыпь, смотрел на другие пятнышки, тоже крошечные, и эти крошечные состояли из пятнышек поменьше. А некоторые выглядели как колечки. Всё время хотелось увеличить изображение – и проникнуть. Ещё глубже.

– Дальнезор и не позволит заглянуть дальше, – объяснил Терпеливый, – это, пожалуй, предел.

– Возможно, это чашечки, в которых плавает горящее масло, – предположила Любящая, – с отверстием посередине.

Терпеливый усмехнулся:

– Это легенда, сударыня. Это легенда...

Путники заулыбались.

Каждый рассказал какую-то историю, за исключением Долговязого. Но Долговязый почти не разговаривал, а просить от него истории всё равно что ждать от саммаки пойманную мышку. Да и обед он приготовил что надо.

Впрочем, истории не кончались. Тлеющий костер, озеро в тусклом мерцании огнетелок, чарующий свет зонтика – в таком обрамлении путники слушали рассказы.

Потом Любящая встала и пошла собирать опавшие листья.

Долговязый притащил большой бурдюк с каким-то хмель-

ным напитком, и попутчики, уже вкусно пообедавшие, всё это так же вкусно запили.

Иногда, сквозь туман, свет догорающих углей выхватывал силуэты носатиков, глядящих из темноты и удивлённых происходящему.

Костер догорел.

– Пора в дорогу, – сказала Первая, и путники, разомлевшие от напитка и разговоров, дружно ввалились в карету. Долговязый сел на козлы, колёса зазаскрипели ("надо будет промазать" – подумала девушка), озеро осталось позади. Сытая и довольная компания отправилась в путь, с надеждой, что скоро приедут в Лес.

Любящая отложила гербарий и томными глазами поглядела на окружающих:

– Как будто груз с души свалился, слава Обиженному. Мне кажется, эти разговоры нас как-то сблизили.

Никто не ответил. У каждого были мысли, и эти мысли ушли в сновиденья.

Проснувшись, решили так – только карета достигнет реки, кто-нибудь выйдет с фонарём и будет идти вдоль берега, потом его сменит другой, третий, пока не найдут переправу. Дальше сориентируются по Россыпи.

– Переправ не так уж и много, – сказала Первая, – река петляет, все они расположены по-разному. Лучше, если най-

дем ту, которая показывает прямо на Россыпь. Тогда мы почти у Долины.

После хорошо проведенного времени путники так же хорошо выспались, и поездка уже не казалась такой монотонной. Даже несмотря на похмелье, впрочем, достаточно лёгкое. Окна были открыты, и пускай немного укачивало – ласковый ветер с холмов, он словно напоминал, что они у цели.

Но время шло, а река не появлялась.

Прошло двое суток.

Долговязый гнал, чтобы топтун шёл быстрее. Животное протестовало. Беспольный кусал свои губы – он чувствовал недовольство.

И вдруг – почувствовал страх.

– Надо остановить карету, – обратился он к Первой, – оно боится.

– Оно?

– Животное.

– Я бы его послушал, – сказал Терпеливый.

– Ты работал в загоне? – спросила девушка, – откуда ты так много знаешь о топтунах?

– Возможно, я слышу, – Беспольный с усилием выдохнул.

Карета остановилась.

Долговязый просунулся в дверь и посмотрел на напарницу.

– Топтун боится, – ответила девушка.

Тогда он глянул на парня:

– Он в ужасе, – произнёс Бесплезный.

– Допустим, ты слухач, – нервно спросила девушка после того, как Долговязый ушёл, – и можешь слышать животных. Но нам то что делать? Ждать, пока успокоится?

– Я не знаю, что его напугало, – парень мотал головой, – но переждать надо.

– Да, ситуация, – сказал Веселёхонький.

– Как говорила бабушка – "препятствий на пути не бывает, бывают ситуации", – заметила Первая.

– А из любой ситуации можно найти выход, – Терпеливый ободряюще улыбнулся.

– Спасибо, – кивнула девушка.

И посмотрела вокруг.

Место для остановки было выбрано не самое удачное. Ни водоемов, ни зонтиков. Даже маячки не горели. Тёмная, туманная равнина.

И одно существо на этой равнине страдало.

Топтун не просто стоял, он начал раскачиваться из стороны в сторону, как будто пытался освободить свою упряжь.

– Распрягай! – приказала девушка.

Но Долговязый уже распрягал.

Теперь недовольство животного видели все. Путники стояли и хмурились.

Но только Бесплезный знал – это не просто недовольство, это паника, это холодный ужас, который обволакивает целиком и не дает сдвинуться с места.

По спине парня пробежали мурашки, жилы надулись, глаза не могли оторваться от широкой мохнатой спины.

Топтун вытянул губы и, словно воду, начал проглатывать воздух. Мох на спине поднялся, уши прижались к бокам, широкие мощные лапы вдавились что было сил в мягкий глинистый грунт.

Веселёхонький наблюдал, расставив в стороны руки. Любящая что-то шептала, возможно, молитвы.

Топтун как будто подуспокоился, и кто-то даже вздохнул с облегчением, как вдруг легкий туман около тела сгустился, осел и превратился в белые очертания.

– Маара, – выдохнул Долговязый.

И упал на колени.

Это была маара, хищная душа шептунов. Те же рога над головой, те же раскосые глаза, те же большие дрожащие губы.

Любая другая зримая душа, расставаясь с телом, вскоре исчезала, отдавая себя, частицу за частицей. Душа без тела жить долго не может, и она растворялась, будто туман с наступлением дня, постепенно, неотвратимо, или отдавала себя деревьям – вечным спутникам зримых.

И только у шептунов, крупных хищников, манивших жертву своим неслышимым шёпотом, она ещё долго бродила, атакая на слабых животных и пожирая их душу. Душа и тело неразлучны, и, если умирала душа, умирало и тело.

Только сильная душа могла сопротивляться мааре, душа в

здоровом, окрепшем животном. Но то ли топтун заболел, то ли его загнали, но животное очень ослабло. И Бесплезный знал, что сопротивляться оно не может.

Топтун ревел, уже совершенно открыто, и этот рёв слышали все. Но каждый переживал по-своему.

Долговязый стоял на коленях, уставившись в землю. Веселёхонький отвернулся. Любящая шептала молитвы. Терпеливый глядел в темноту и словно ушёл в свои мысли.

И только Первая с Бесплезным глядели, на эту борьбу, глядели, не отрываясь ни на секунду, зная, что не могут помочь. И если девушка переживала, волнуясь и надеясь одновременно, сжав костяшки пальцев, так, что они побелели, то парень боролся и страдал ВМЕСТЕ с животным. Каждое движение, каждую потугу топтуна ощущал он в собственном теле. Тело ломило, терзало, словно прессом сдавило голову...

И Бесплезный упал.

Но никто этого не увидел – всех приковало животное, которое рухнуло набок, как падают стебли тянучек под чьей-то косой, в то время как белесые очертания маары уносились прочь. Более густые и более белесые...

– Кончено, – прошептала Первая, – теперь мы одни.

И это понял каждый – да, теперь они одни, горстка заблудившихся путников, на бескрайней равнине, среди темноты и тумана.

– Бесплезный, – позвала девушка, и обернулась назад.

– Он упал, ему плохо, – сказал Терпеливый. Он наклонился – парень дышал, значит жив, – давай отнесём в карету.

Беспольного положили на сиденья, под голову сунули подушку, и Терпеливый с Веселехоньким молча сошли на равнину. В карете осталась Первая.

– Значит, слухач, – сказала она вполголоса, – который понимает животных... Когда он проснётся?

– Не знаю, – Терпеливый погладил волосы, провёл рукой по лицу. Отец, ласкающий сына, – даже Совет гильдии Лекарей вряд ли ответит. Те, что слышат деревья, бывает теряют сознание...

– Мы оставим его в карете, а сами пойдём на поиски, – предложила Любящая.

– Я пойду на поиски, – ответила Первая, – у нас два фонаря, один я беру с собой.

– Я пойду, – сказал Долговязый.

– Хорошо, – девушка посмотрела на путников, – остаётесь на месте. Дальше река. Мы дойдем до неё и вернёмся.

И в эту минуту, когда все растерялись, а голова после пережитого ужаса отказывалась соображать, слова проводницы казались спасением.

– Спасибо, – сказал Терпеливый, – мы будем ждать.

Но Первая и сама растерялась. Что делать, куда идти, чтобы не тратить время? Какое решение было бы правильным? Бабушки не было рядом, оставался лишь Долговязый – спутник её семьи.

Проводница открыла сумку и достала прибор, идти без которого было бессмысленно. Маленькая коробочка с небольшой стрелочкой в центре, которая, как коробочку ни крути, показывала в одном и том же направлении – на вершину Магнитной горы. Направление, указываемое Россыпью, держать было трудно, точность была недостаточной, они могли заплутать. Поэтому девушка и благодарила себя, что не забыла и всё же взяла этот точный прибор.

– Компас, – сказала Первая.

Она протянула коробочку Долговязому, а сама достала блокнот, в который будет заносить пройденные шаги и замеченные ориентиры.

– Храни нас Обиженный, – чуть слышно шепнула девушка, так, чтобы только она и услышала.

Важно было не отклоняться от направления, и проводница надеялась, что Долговязый внимательно следит за прибором. Впрочем, в этом она была уверена. Мужчина не раз выручал, она знала, что выручит он и сейчас.

В глубине души девушка ругала себя за то, что не воспользовалась компасом раньше. Она понадеялась, что животное, не раз ходившее по маршруту, не будет сворачивать в сторону. Как видно зря. Топтун свернул, и свернул очень круто.

Бурная часто петляла – это было и плохо и хорошо. В сумочке карта, и, если они достигнут реки, по излучине можно понять, что за местность. Появится хоть какой-нибудь ори-

ентир. Но если она не поймёт – что тогда делать? Идти вдоль реки, следуя многочисленным изгибам?

Проводница вздохнула.

Главное – не метаться, главное следовать плану. То, что выбрал однажды, доводить до конца. Так бы сказала бабушка.

И они шли. Не слишком быстро, чтобы не сбиться с маршрута, и не слишком медленно, потому что уже потерялись. Белая Россыпь светила слева, но сами места были не слишком живописными. Зонтики не попадались, маячки не горели, ни листопадных деревьев, ни елей, ни сосен. Может, днём тут красиво, но ночью... Горела бы шляпка у зонтика, взяли бы и нанесли на маршрут, чтобы не потеряться. А так. Девушка на секунду остановилась, мысли чуть не сбили её со счета.

– Остановись, – попросила она Долговязого, – надо перекусить.

Ели молча – с Долговязым особо не побеседуешь, да и сама ситуация не очень-то располагала к каким-нибудь разговорам. “Как хочется спать” – подумала девушка. Зевнула – раз, другой. Захотелось прилечь, отдохнуть... “Подремлю минут десять, и пойдем. Всего лишь десять минут. Это мало. А можно и двадцать. Двадцать не много. И разве есть разница – двадцать минут или десять. Или тридцать...”

Ты поспи немножко.

Видишь, дремлет кошка.

Улеглась собака.
Но не спит саммака.
Сон оберегает,
Мушек отгоняет...”

"Первая, – позвала её мать, – иди сходи к кустам, набери малины".

Девочка посмотрела на небо – солнце стало оранжевым, значит, скоро наступит ночь, надо спешить.

"Где бабушка?"

"Бабушка спит наверху."

"Как долго она будет спать?"

Мать ничего не ответила, только вздохнула и промазала очередную закатку.

"Ну и зачем мы её отпустили?"

"Нам нужно масло" – ответил отец, рассматривая лопнувший ремень. Упряжь часто ломается, топтун животное сильное, повернёт чуть порезче – и всё.

"Взяла бы меня, я бы ни за что не заснула. Чтобы какой-то сорняк лез мне в голову."

Отец усмехнулся:

"Да, в следующий раз я так и скажу."

"Да уж, так и скажи" – ответила девочка, хватая корзинку.

Малина была душистая, она собирала её в ладошку, и пригоршнями запихивала в рот. Надо сперва наестся, а потом собирать.

Какая-то пчела, очевидно, из дедушкиного улья, уселась на ветку и испугнула сидевшую там твердотелку.

Девочка ела и ела, а в голове, как будто издалека, звучали слова: "долина сонхватов, долина сонхватов ..."

– Долина Сонхватов, – сказал Долговязый, укладывая Первую на сиденья.

Путники ждали молча.

– И что же? Она проснётся? – спросила Любящая.

– Проснётся, и хорошо, если скоро. Бывает, засыпают надолго, – объяснил Терпеливый, – теперь важно другое. Теперь мы знаем, где находимся.

– Мы спасены, – произнес Веселёхонький, быстро и будто на выдохе.

На карте, которую достал Долговязый, поместили крестик – место остановки дилижанса.

– Подумать только, как это мы завернули. Река вообще слева, – Терпеливый почесывал бороду, – Двое суток в пути, а может, и меньше. Отдохнуть уже не получится, места в дилижансе заняты, – он посмотрел на спящих – в одной стороне Бесплезный, в другой Первая, – надо идти. Дойдём до Леса, и отправим спасателей.

Долговязый кивнул.

– Надо оставить записку, – продолжал Терпеливый, – она то умеет читать, – он посмотрел на девушку, – а что насчёт парня, я не уверен, – напряжение на небритом, но достаточно

юном лице Бесплезного разгладились полностью, – в его-то годы, – произнес почему-то искатель, – будем надеяться, Первая выпитая первой.

Никто не улыбнулся его каламбуру. Хотелось скорее покинуть это далёкое заброшенное место, которое даже звери обходили стороной, и выйти к людям.

– Подождите, – сказал Веселёхонький, и начеркал небольшой набросок лежащей карты, добавив крестик и стрелочку, – я думаю, он поймёт.

Терпеливый кивнул.

Путники побросали припасы, надели мешки и отправились в путь.

Теперь только лёгкий ветерок нарушал покой дилижанса, в котором лежали двое – проводница и спасённый ею разбойник.

– Зачем ты убила их?

– Что? – девушка поняла не сразу.

– Ты убила их и спасла меня.

Они поднялись с равнины и теперь смотрели на этот простор. Там, за холмами, неведомый художник нарисовал очертания гор, величественных и недоступных.

– Никто не пробовал дальше? – спросила Первая.

– Зачем? Нам и равнины хватает... А если там нет лесов? А если там живут чёрные ангелы? Ты не боишься?

Девушка промолчала.

Холмы тянулись далеко, очень далеко. Они вели к горам, а горы вселяли страх. Нет, уважение. Нет, всё-таки страх. Но, может быть, там, и только там найдутся ответы на все их вопросы...

– Пошли? – спросила вдруг Первая. Блеск пылающих, отражённый в её глазах, делал их притягательными. Лёгкий ветерок, спустившись с холмов, играл с распущенными волосами. Девушка чуть улыбнулась и взяла его за руку, – мы будем первыми...

Парень услышал гул.

"Небо".

Веки открылись с трудом.

Да, это небо.

Красные, синие, зелёные сполохи проникали сквозь ставни и расцветивали всё, до чего могли дотянуться. Как кисти безумца.

По телу будто проехали, мышцы болели, во рту оставался привкус чего-то отвратного.

"Топтун" – вспомнил пареньь.

И сел.

Напротив лежала она.

Лежала.

ОНА.

Но где остальные? Ответов не было. Скорее всего, без сознания он пролежал слишком долго, и что-то случилось.

Но что?

Парень склонился над спящей и посмотрел ей в лицо. Боясь не услышать.

Но он услышал. Сквозь приоткрытые губы пробивалось дыхание. Слабое, равномерное.

Значит, спит. Значит, в порядке.

Он прикоснулся к лицу, провёл рукой по рассыпавшимся волосам. Наклонился ближе. Слабый, но отчетливый стук вытеснил все его переживания.

Он взял её за руку и стал поглаживать пальчики. Медленно, нежно. Поцеловал. Каждый. В отдельности.

Девушка не просыпалась.

– Как долго она уже спит? – произнёс Бесплезный. Думать о чём-то другом не хотелось, но всё же пришлось.

Из кареты он вышел шатаясь.

Вид упавшего животного, который буквально усыпали твердотелки, заставил согнуться.

И никого. Пустая бескрайняя равнина, злаки и тянучки.

"Они ушли. Но куда? Куда, заberi меня чёрный?"

Возможно, ответ был в карете.

Бесплезный вернулся.

И увидел записку, вернее, чертёж.

Путники ушли туда, куда указывала стрелка, а стрелка указывала на Лес.

На душе полегчало, ведь Лес – это спасение.

Разбудить Первую и уйти. Но вначале разбудить.

Он подошел к девушке и тихонько позвал. Потом громче. Ещё и ещё. Потом закричал.

Тишина.

Беспользый коснулся лица и приподнял её голову. Сердце стучало, дыхание сбилось. "Первая, Первая, давай, давай, просыпайся".

Он тормозил тело, пробовал посадить. "Как я ослаб, – подумал парень, с трудом поднимая девушку.

И положил обратно, а сам прилёт, рядом.

– Что же мне делать? – он гладил её по щеке.

Оставить здесь, в этом заброшенном месте?

Тащить на себе?

Или всё же оставить?

Лицо девушки, такое прекрасное в своей безмятежности, расцветивали небеса. Приоткрытые губы, распущенные волосы. Нарисовать бы. Вот если бы он умел рисовать. И если бы было время.

Беспользый вздохнул.

Он собрал кое-какие припасы, закинул в мешок. И задумался.

Кое-что он забыл.

Парень полез за сиденья и стал настойчиво рыться, вытаскивая всё, что там находилось. Какие-то тапки, ремни, котелки. Все это падало на пол, катилось, звенело.

Пока не нашел.

В руках была книга, в худом изорванном переплете, по-

трепанная, старая, казалось, написанная в те далекие времена, когда вокруг Обиженного водили хороводы.

Он положил эту книгу в мешок.

Грустно взглянул на спящую, и вышел за дверь.

Как тяжело было расставаться, в тот самый момент, когда они впервые остались вдвоем. Одни. На бескрайней равнине.

"Она проснётся, – сказал он себе, – проснётся. Когда я вернусь."

Березы, брумиды, кубышки, какой-нибудь камень или озерцо – нужно было постоянно держать направление. Мысль о том, что небеса загорелись, поражала, но и радовала одновременно. Да, не было Россыпи, вечного и неизменного ориентира, но идти в темноте-то ещё удовольствие. Даже если не веришь в ангелов смерти. Даже если не боишься диких собак и разбойников.

Оставалось гадать, когда же ушли остальные. Во время пылающих или раньше? Были ли они готовы к такой перемене? Взяли ли повязки? Небеса загораются внезапно, это не солнце, которое гаснет за несколько суток, может случиться беда.

Беспольный отогнал свои мысли. Они ушли не одни, там Долговязый, он проводник со стажем, переживать не стоит.

А он и правда переживал. Осознание этого факта его поразило. Будто они не попутчики, точнее, не просто попутчики, будто они что-то большее. Наверное, казалось время,

проведенное в дороге.

"Я, Первая, Терпеливый, Любящая, Веселёхонький. Все мы когда-нибудь встретимся. Встретимся и поговорим. И вспомним. Как сидели у костра, как рассказывали истории. Вспомним ночь. Вспомним ужин от Долговязого. Вспомним топтуна..."

Он тяжело задышал. Воспоминания не исчезли, воспоминания затаились. Тогда он не просто слышал, тогда он переживал, а если быть точным, то проживал. Всё, что терзало животное, терзало его. Топтун сопротивлялся так, что слушать это было невыносимо. Так ревет человек, которого режут, так гибнут, сгорая заживо. И так умирает душа, которую съедает маара. Возможно, те же муки испытывают и двудушные, когда вселяется паразит. Возможно...

Мысли были тяжелые, и Беспольный остановился.

Где-то кружили вороны.

"Странно, – подумал парень, – чего это вдруг? Кто-то подох? Дикие козы или, может быть, свиньи? Собака? Так далеко от жилища?"

Он решил посмотреть. Оставив сумку и запомнив ориентир, парень двинулся к стае. "Их слишком много, – думал он по дороге, – Их очень много. Забери меня чёрный, как много..."

Сердце сдавило предчувствие. Идти не хотелось, но он всё же шел. С трудом, преодолевая растущее беспокойство, боясь увидеть то, что он ожидал. Надежда еще теплилась, теп-

лилась и...оборвалась.

Человек лежал навзничь.

Руки раскинуты, земля у груди почернела. Вороны, что были на теле, вспорхнули. Плащ, сшитый из кожи морских ползунов, одетый сверху, уничтожил сомнения. Парень взял убитого за руку и перевернул. Да, Терпеливый.

Терпеливый, который поверил ему, который доверил тайну. Самый приятный из собеседников, пусть их было не так уж и много. Повязки на его глазах не было, значит, это случилось раньше. Ещё до пылающих.

Или повязку сняли.

Но кто?

Ночью равнина безлюдна, по ней ездят редко, по делам, и то самым важным. Кто сунется в захолустье? Разбойники? Поджидающие в самом неподходящем месте?

Где его сумка? Где потеряшка, с которой он никогда не расставался?

Неужели??

Беспольный хотел отогнать эту мысль, объяснить по-другому, но она возвращалась.

Чуть дальше лежало двое, странно, что он не заметил их сразу. Повязок на лицах не было, но одному она была не нужна. Высокий рост и длинные конечности с большими ладонями сомнений не оставляли. Это был он. Молчаливый и всегда доброжелательный, проводник лежал на боку. Будто бы спал, подогнув свои ноги. Ни раны, ни даже следов от удара

не было. Как и чем он убит, оставалось гадать.

Рядом лежал Веселехонький. Расставив в стороны руки, он словно глядел в разноцветное небо и улыбался. Расцветенный всеми его цветами.

Бесполезный сглотнул.

Он ожидал увидеть ещё одно тело, он даже желал его видеть – чтобы отогнать ту отвратительную мысль, что уже подобралась. Но кроме этих троих не было никого.

Никого...

Та иллюзия хоть и трудного, но победного путешествия, та сплоченность их маленькой группы, которая сидела у костра и слушала истории, оказалась разрушена. Как домик на берегу Заводья, снесённый бурлящим потоком.

Надо было признать очевидное.

И Бесплезный признал.

"Ей нужна была сумка. Терпеливый держал её при себе, чувствовал, что может потерять. А может, и знал".

И он вспомнил Пост.

Ту самую харчевню, в которой они сидели.

Харчевня уже опустела, Трёхглазого унесли, большинство ламп погасло, и только в одном уголке длинного крепко сбитого стола теплилась жизнь. Там, под светом последней горячей лампы сидело двое – бывший приговорённый и Терпеливый. Предметы отбрасывали тени, и эти тени дрожали, добавляя таинственности и какой-то потаённой важности в их разговор.

Он вспомнил, как в глазах старика блеснул огонек, они сели ближе и тот произнес, медленно, вкладывая смысл в каждое слово:

– Мы нашли.

Беспользительный вопросительно посмотрел на искателя.

– Мы нашли этот Остров, – продолжил старик, – тот, о котором рассказывает история. Мы знали и раньше, что он где-то там, но отправились только ночью. Корабль нашли с трудом, капитан запросил большие, ну просто огромные деньги. Но деньги были, и их дала даже не гильдия. Впрочем, не важно... Нас было шестеро. Двое исчезли, один погиб, – искатель вздохнул, – но то, что мы плыли ночью, собственно, нас и спасло. Бивнебои не нападают, потому что боятся темноты, да и парусники ночами держатся только у побережья, – Терпеливый выдержал паузу и усмехнулся, – как сказал один человек, "в темноте не возвращаются". А зря. Ночью море спокойно и безопасно.

Искатель посмотрел в тёмный угол, думая и вспоминая. Ему хотелось выговориться, рассказать всё, что случилось, и он говорил.

– Доплыли без приключений. Но плыли долго. Очень долго. Море огромно, то, что мы знаем, лишь маленькая бухта, а противоположный берег, который видели мореходы – это Остров, тот самый, о котором говорит история. Не берег, что с другой стороны моря, до того берега ещё далеко.

Размеры Острова поражают. Мы плавали вдоль побере-

жья, и, знаешь, расстояния просто огромны – это как от Приморья до Длиннолесья, может, и больше. Но не это нас поразило. Остров большой, но мы не нашли ни одной зримой души. Ни одной! Ни крушинки, ни тянучки, ни твердотелки. Деревьев много, но все незримые. Там есть еловые леса, сплошь и только еловые, большие, тенистые, – Терпеливый говорил вкрадчиво, словно рассказывал сокровенное, – в этих лесах темно, не так как в зримых, но и не так светло, как в листопадных. Там столько животных, которых я раньше не видел. Зверей, насекомых. Есть похожие на ящерицу, но без ног, есть с рогами, как ветви деревьев. Там есть хищники размером с шептуна, у которых четыре лапы. А столько цветов, столько трав, ты даже не представляешь...

И там жили люди. Когда-то. Селений полно, но все заросло, прогнило. Иногда раздается скрип, и думаешь – вот, сейчас выйдет к тебе человек. Оборачиваешься и видишь – это скрипнула дверь, которая шатается на одной лишь петле. И – никого.

То, что там однажды случилось, ужасно. Есть места, буквально заваленные черепами. Начинаешь копать землю, и натыкаешься на кость. Человеческую. Масштабы поражают, как будто что-то произошло, внезапно, и люди оказались не готовы...

Он замолчал. Уставился в стол и погрузился в раздумья. Потом посмотрел на юношу:

– Мы продирались сквозь заросли и заходили в дома. Мы

нашли книги, написанные на непонятном языке, но Любящая знала перевод, и могла прочитать, эта женщина много чего знает, – старик усмехнулся, – лучше не спрашивай откуда. Секретов так много... – он помолчал ещё с полминуты, – Мы отыскали дневник, недописанный. Это самая ценная вещь, когда её читаешь, становится понятно, что все-таки произошло. Не до конца, но понятно. Скажу сразу – стражи мошенники, то, что рассказывают стражи – сказки, придуманные на скорую руку. Истина другая, истина гораздо болезненней. Истина бьёт наповал. Мы приоткрыли великую тайну, и тайна эта...

– В сумке, – догадался Бесплезный.

Искатель усмехнулся:

– Все думают, что в сумке. Но тебе я открою, куда её спрятал. Обещай, если что-то случится, вдруг разделимся, да, шкод его знает, мало ли что, мы же в пути, может произойти всякая неприятность. Обещай, что поедешь в гильдию и отдашь её Дельному. В руки. Обещай.

– Обещаю, – Бесплезный поднялся над телом и произнес, – я отвезу.

Он шёл вторые сутки, без сна, по бескрайней безлюдной равнине, по морю злаков и тянучек, огибая одинокие рощи и густые заросли, мимо тенистых зонтиков и раскидистых елей. Все шёл и шёл.

Пока не увидел Лес.

Тогда он посмотрел назад, пытаясь запомнить то место, откуда пришел. Запомнить в мельчайших подробностях.

Чтобы вернуться.

За ней.

ГЛАВА 2. СКАЗКИ ДЛИННОГО ЛЕСА

Как брума стал царем зверей

Собрались как-то видимые души на совет – кто у них будет царём.

– Царём должен быть я, – сказал топтун, – я большой и сильный.

– Ты слишком неуклюжий, чтобы быть царём, – ответил прыгун, – пускай буду я – я быстрый.

– Ты служишь людям, – возмущился шептун, – царем стану я, меня все боятся.

– Какой в этом толк, если тебя все боятся, – усмехнулся саммака, – к тебе не подойдут, не спросят совета. Какой же ты царь? Выберите меня – я ловкий, умный и нравлюсь всем.

– Ты постоянно играешь, скрываешься в рослых тянучках, а ещё хвастун, каких поискать, – возразил плащеносец, – а я летаю высоко и всё вижу.

– Даже слишком высоко. Ты редко спускаешься на землю, – сказал остроклювый стрикл, – выберите меня – я и быстрый, и смелый.

– От тебя больше шума, чем пользы, – возмутились звери.

И долго так еще выбирали себе царя. Пока не поняли, что выбирать больше не из кого. Остался брума.

– Ну что же. Если вы закончили, тогда скажу я, – прощай зверёк, – я маленький, трусливый, не шибко умный, я высоко не летаю и далеко не вижу. Выберите меня – тогда никому не будет обидно.

*Поразились звери мудрости брумы, и сделали его царём.
Из собрания сказок Длинного Леса*

Ночью в Лесу светло.

На деревьях распускаются цветы – синие, зеленые, фиолетовые, и освещают радужным светом богатый красками мир. Деревья саммаков, деревья плащеносцев, деревья бегунов – саммачки, плащеноски, бегуны – все стоят группами и светят по-разному. И когда ты идешь по этому Лесу, ты не просто купаешься в цвете, ты начинаешь по-разному думать. Как будто одеваешь очки с разноцветными фильтрами.

Цветы плащенок и острокрылки

Ночью в Лесу шумно. Это не редкие звуки, пугающие днем. Плащеноксы с равнин, дикие топтуны, прыгуны, мелкие хищники, вроде саммак, бегунов, и даже грозные шептуны – все возвратились к деревьям.

Над многочисленными ручейками роятся твердотелки, в зарослях тонких лесных тянучек прыгают нежданчики, любопытные лесные брумы прислушиваются возле своих маячков.

Ночью в Лесу людно. Селения словно плоды чертополоха цепляются к Лесу, и на ночь все эти селения переселяются вглубь. Дороги, заросшие днём, оживают, истоптанные сотнями ног, изъезженные десятками колёс. Иногда одно селение плавно переходит в другое, другое в третье. Но Лес огромен, не объедешь за неделю, места хватает всем.

Быстрорукая была в пути уже которые сутки, изъездила, наверное, половину Длиннолесья. Она искала. Его. Её наречённого. Того, кто подарен судьбой, того, кто должен быть рядом.

И неважно, что говорят бородатые старцы – угасла их молодость, не понимают они в делах любовных. Подумать только – решили заставить её, единственную дочь лучшего воина Леса, самого Заговоренного, отказаться от зова любви и выбрать нового жениха. Как будто любовь – прыгун, которого можно сменить на Посту. Как будто чувства тасуют, как

карту в колоде.

С тех пор, как нашли Щербатого, убитого рассвирепевшим топтуном, она обошла все окрестности, прошла все тропинки, искала его на полянах, в Лесу, на равнине. Ни следов, ни даже намека, что же случилось.

Парень ушел, но куда? Фонарь оказался разбит – как он надеялся выйти? Почему оставил еду? Или его забрали? Но кто? Зачем? Вопросы, вопросы, вопросы...

Вопросы терзали, мысли ходили по кругу, и о предательстве не хотелось и думать – он не из тех, кто предаст. Да, иногда она была строга, даже слишком. Да, стоит признать, перегибала палку, есть такое в её характере.

Быстрорукая посмотрела наверх:

"Если найду тебя, Мутный, всё будет иначе. Обещаю. Я стану нежной и кроткой, как объятия плащеносца." Она бы всплакнула, но Быстрорукая – дочь лучшего воина Леса, самого Заговоренного. С тех пор, как исчезла мать, решившая (ночью!) отправиться в Междуречье, отец посвятил ей всё своё свободное время. Только ему она могла верить свои чувства. Ему и Мутному.

Быстрорукая вспомнила, как они познакомились.

Она вошла в речку, а Мутный подглядывал. Тогда девушка рассердилась и так обработала парня, что тот больше суток лежал, не вставая, потому что вставать было больно. А потом... полюбила. Когда пришла в соседнее селение, чтобы проведать, узнать, как дела и... извиниться. Тогда он под-

нялся с кровати, только она вошла. И уже не ложился. Быстрорукая никак не могла понять, чего было больше в том взгляде – страха или обожания? А может быть, восхищения?

С тех пор они часто встречались, и девушка вдруг заметила, что стала меняться – превратилась в более чуткую, более ласковую. Выбирала наряды, у неё появились подруги, которых раньше она презирала. За их мягкотелость и глупость.

Впереди была свадьба, и как эту свадьбу ждали! Ждали они, но не только – её ждали оба селения, Военный городок, где жила Быстрорукая, и родное селение Мутного. Шутка ли, дочь Заговорённого собирается замуж.

Но случилась трагедия. Щербатый погиб, а Мутный пропал...

Быстрорукая уже и не помнила, как долго его искала – днём, в Угасание, ночью. Искала упорно. Пока в селении Червивого не нашла на след. Человека, который похож на Мутного.

И она найдет. Его. Её наречённого.

Быстрорукая вздохнула, и только сильнее натянула поводья.

С плеча поднялся ручной плащеносец – и радостно застрекотал.

Плащеносец

– Вот скажите мне, люди, чего же вам не хватает? – Длинноногий сидел на диване, обитом кожей ползунов, не каких-то там жёлто-бурых, а редких, серебристых, ел фрукты и беседовал с капитаном. Точнее, говорил только он, от капитана требовалось соглашаться и в нужный момент произ-

носить нужные фразы. Всё.

Мука на лице собеседника была скрыта под таким слоем нажитого годами подобострастия, что разглядеть эту муку было под силу разве что главному дознавателю. Что тот и делал, с большим удовольствием, развалившись по правую руку.

– Они говорят... Нет, вы слышали? – герцог глянул на дознавателя, – будто один человек не может принять верного решения. Будто бы надо собраться, всем вместе, посидеть, поскандалить, – герцог развел кулаки, – и только тогда прийти к результату.

– Ваше высочество еще не приняло ни одного немудрого решения, – капитан произнёс очередную нужную фразу. Фраза буквально просилась, а то, что просится, необходимо спустить.

– Так я работаю, – сказал Длинноногий. Спокойно и кротко, – я работаю, я стараюсь. Я кропотливо изучаю предмет, – он покрутил в руке виноградину, – и только потом решаю, что с этим предметом делать, – виноградина полетела в рот, – Вот Бледный не даст соврать, – герцог кивнул дознавателю, – не дашь?

– Не дам, – дознаватель сверкнул изуверской улыбочкой, которую знали и которую так боялись в селении.

– Видите ли, их не устраивает единоличное правление. Может они хотят сутками сидеть, обсуждать, терять своё драгоценное время? Вместо того, чтобы делать всё то, что

действительно нужно? Хотят?

– Уже нет, – сказал дознаватель.

– Спасибо, – герцог хлопнул того по плечу, – ну что, Упитанный, понял, как надо работать?

Капитан кивнул:

– Ваше высочество воодушевляет одним своим присутствием.

– Да, забыл тебя спросить, – Длинноногий скорчил гримасу, – что там по поводу обвинений? Будто бы селение Червивого крадёт чужой лес. Они что, пойдут на меня войной? – последнее слово он даже не выговорил, а пропищал.

– Полагаю, беспокоиться не о чем, мой герцог, – Упитанный приосанился, выпрямился на стуле, от чего стул легонечко хрустнул, – они не посмеют. Причина не столь значительна, чтобы тревожить гильдию воинов, да и согласия нет. И стража у вас самая крепкая.

– Стража – да, – подтвердил Длинноногий, – Благодаря тебе, всё благодаря тебе, капитан. Я ведь знал, кого поставить главой собственной стражи. Скажи, Бледный?

– Скажу, – дознаватель посмотрел на Упитанного, и тот осел. Снова.

– Все-таки, стража стражей, – заметил герцог, – а гильдия воинов – это серьезно. Нельзя доводить до конфликта.

– Работаем, – Бледный кивнул. Небрежно, словно с работой полный порядок.

– Кто, ты? Но ты дознаватель.

– Работаем над теми, кто над этим работает.

– Ах, так, – герцог заулыбался, – похвально. Весьма похвально, – он откупорил бутылку и разлил на троих, – за наше селение Червивого.

– За Ваше селение, – сказал капитан. И выпил до дна.

"Вот болван, – думал герцог, – не капитан из тебя, а шут. Есть такой в "Приключениях Листика". Впрочем, тот был умнее".

Он посмотрел на бокал. Свет, что шёл из окна, придавал жидкости роскошный сине-зеленый оттенок, казалось, будто это и не вино, а кровь зримых душ, искрящаяся в сосуде. Кажется, одна из мистерий Озерного Края включает нечто подобное.

Длинноногий опять развалился и сделал глоток.

– Совет Длиннолесья, – он скривил свои губы и покачал головой, – пустой и никчёмный совет. Как, впрочем, Совет любого зримого Леса... Трещат как те острокрылы – каждое селение, бла-бла-бла, имеет свой сектор, бла-бла-бла, для хозяйственных, бла-бла-бла, нужд. И не поспоришь. А всё почему? Потому что их много. Был бы один человек – можно было бы договориться. А толпа – она недоговороспособна. Ведь так, капитан?

– Так, Ваше высочество, недвоспособна.

В дверь постучали.

– Войдите, – Длинноногий отставил бокал и развалился.

– К Вам гость, – сказал голос, – из гильдии воинов.

– Да чтоб тебя шkodник, – герцог нахмурился и посмотрел на Упитанного. Взгляд был тяжёлый, и капитан под тяжестью взгляда ещё сильнее вдавился в стул. Стул затрещал, – пускай проваливает... Хотя нет, зови. Гостей надо принимать радушно.

Он поставил бокал и постарался принять самую безмятежную позу.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Она.

Четыре дня и четыре ночи провел Длинноногий на этой земле. Многих женщин встречал. Со многими расставался. С одними время тянулось быстро, другие сами тянули время. Но ни одна не стоила той, что стояла сейчас перед ним.

Густые черные волосы падали на обнаженные плечи, как падает водопад в далеком Заводье. Чуть вздернутый нос, большие зеленые глаза, чувственные губы, сжатые в ниточку – всё это придавало лицу волевое, и в то же время задорное выражение. Линии плавные, божественные, словно ваза, которую ваял лучший гончар селения (этот олух, кстати, так и не сделал заказ, а, может быть, сделал, но не вернул).

Короче, перед ним стояла Она, Герцогиня. Вот только, как сказать ей об этом?

Герцог поднялся:

– Вы зажигаете. Этими глазами. Что-то во мне зажигаете. Как вы это делаете?

Гостья молчала.

– Прошу Вас, садитесь. Наше совещание всё, – он зыркнул сидящим. Те тут же поднялись и вышли. Стул, на котором сидел Упитанный, снова издал некий звук, на этот раз более тонкий.

– Всё свежее, даже виноград, – заметила девушка ("о, этот голос"), – не какие-то сушки.

– Угощайтесь, – пролепетал Длинноногий, – Вы не поверите, сударыня, но этому винограду больше года. Ещё раз, прошу Вас, садитесь, – он показал на диван, – лесной сад еще не зацвёл, но так хочется чего-нибудь свеженького. Есть у меня один парень, с Озёрного. У них, говорит, делают так. Берут, значит, глину, солому, ваяют посуду, и, знаете – всё сохраняется. Свежее свежего. Извините за каламбур... Не стесняйтесь, ради Обиженного, садитесь.

– Вы верите в Бога? – спросила девушка. Но осталась стоять.

– Верю, – герцог потупил взор, – верую в Господа Бога Обиженного, и в служников его исполнительных, и в Великое Разделение, и в таинство Расставания души и тела, и в Остров Незримых Душ, и да не тронут меня шkodники лукавые, ибо просто совратить с пути истинного душу мою грешную, ведь нарушаю я заветы Твои, Господи.

Он плеснул в два бокала:

– Позвольте узнать Ваше имя?

– Быстрорукая.

– Длинноногий, волей Его Мудрости Случая правитель этого селения.

– Не сказала бы, – девушка пригляделась, отчего Длинноногий стал как-то и ниже, и уже, и мельче.

– Может, у меня и нет таких длинных ног, как у Вас, сударыня, – герцог отошёл чуть подальше, чтобы разница в росте не бросалась в глаза, – но я в свое время прыгал метров на десять. Был самым прыгучим. В Червивом.

– Ого, – удивилась девушка, – с такими-то данными.

– Не смейтесь, пожалуйста, – Длинноногий вздохнул, – выпейте.

Гостья взяла бокал, и, даже не пригубив, вернула обратно.

– Значит, Вы верите в Случай?

– Как же не верить, сударыня? Случай сделал меня герцогом.

– И в Бога Вы тоже верите.

– Верю.

– И как это всё уживается?

Длинноногий пожал плечами:

– Да шкод его знает.

– Вера в Мудрый Случай – ересь, так говорят стражи.

– Так говорят, сударыня. Но одно и другое, – герцог отмахнулся от кружившей над ним твердотелки, – они не мешают, друг другу. Не мешают, – твердотелку пришлось прихлопнуть, – кто знает, что нас там ждёт – Остров, а, может быть, жребий? – Длинноногий вздохнул и, сказал, будто бы

извиняясь, – я, сударыня, знаю, зачем Вы пришли, – он подошел к Быстрорукой, и заговорил уже тише, – так трудно иногда быть правителем. Любая трагедия в селении – твоя личная трагедия. Вы знаете, что я имею в виду. Я имею в виду несчастье, которое нас постигло. Вы, наверное, думаете, был другой выход. Не было, сударыня, не было, – герцог нахмурил брови, – все деревья в нашем секторе Леса живые. Все. Кроме одной поляны. То есть, мы думали – кроме одной. А оказалось... – он помолчал, как-то неопределённо жестикулируя и гримасничая, – я говорил – не спешите, делайте всё по инструкции. Саммаки, да еще вислоухие – звери свирепые, – при этом определении Быстрорукая хмыкнула, – особенно, если ими овладевают деревья. Вы бы слышали, бог мой Обиженный, что здесь творилось, когда привезли тела. Ужас, сударыня, – он посмотрел на заросшее, покрытое сыпью лицо. Портрет Червивого, первого правителя селения, – людей стало больше, нужна древесина. Что было делать? Мы не украли чужое, сударыня, Лес – он ничей, Лес никому не принадлежит. Да, его поделили на сектора, но поделили несправедливо. Согласитесь, несправедливо. Да, возможно, мы и нарушили закон. Но надо жить не по закону, надо жить, по справедливости.

Быстрорукая отмахнулась:

– Я не по этому делу.

– Да? – герцог расцвел, – а я тут стараюсь, что-то доказываю. Болван!

– Я ищу одного человека, – девушка посмотрела в окно. Синий свет плащенок придавал этому красивому лицу дополнительную целеустремленность. Герцог ахнул, так благородно смотрела сейчас Герцогиня.

– Не так давно он ушёл в ваше селение. Его зовут Мутный. Он мой жених.

В Длинноногом что-то хрустнуло и рассыпалось на мелкие осколки. Такого поворота событий он не предвидел. "Уж лучше бы явилась сюда по делам своей гильдии".

– Вот как. Этого имени я не знаю.

– Возможно, он назывался иначе. У него светлые волосы, слегка вьющиеся. Голубые глаза. Чуть шепелявит. И этот... рубец... над правым глазом, – Быстрорукая поморщилась, вспомнив, откуда у Мутного этот рубец.

Длинноногий сел.

И задумался.

– Был тут один. Только не верю, что он ваш жених. Этот оказался разбойником.

– Где он? – Быстрорукая будто окаменела.

Герцог нахмурился.

Потом посмотрел на девушку.

Снова нахмурился:

– Его казнили. Его и четырех остальных...

– Покажите, – потребовала воительница.

– Нет. Извините... но я не могу этого сделать. И никто в Червивом не сможет. Он там, на равнине, под пылающими

небесами.

Беспольный открыл глаза.

Было тихо, только в углу монотонно посапывал пыхчик, собирая домашнюю пыль. "Беззаботный, – подумал парень, – сосёт себе всякую хрень, чтобы пустить в чью-то морду."

Люди держали пыхчиков вместо метлы. Эти небольшие неуклюжие шестилапы подолгу бродили по углам, засовывая свой нос во всякие дыры и набивая мешочек. Их выпускали на воздух, не забывая при этом привязывать (хотя это было не обязательно – пыхчики далеко не убежали, вообще бегали они весьма неохотно), и за вечер мешочек пустел. Домашние питомцы, собаки там, плащеносцы, знали зверька и обходили его стороной, овечки и козы – и вовсе не замечали, но пришлым, бегунам или саммакам, приходилось несладко – пыль почему-то всегда попадала в глаза.

Дикие пыхчики водились в одном только месте – на озёрах Озерного Края, и местные жители наладили промысл, за счёт которого многие жили.

Как и все шестилапы, зверьки в неволе не размножались. Поэтому охотники зорко следили за тем, чтобы нужное количество пыхчиков оставалось нетронутым, и в то же время оберегали коробочки. Как маячки брум или кубышки носатиков, эти растения служили колыбелью для будущего потомства.

Беспольный сел. За окном стояло дерево, на котором

росли небольшие цветы, покрытые замысловатым переплетением линий. Чем-то похожим на сетчатые коконы ползунов. Зелёный свет, что они излучали, и бодрил, и успокаивал. Снилось какая-то хрень, и теперь она отступала. "Дерева бегунов, – сказал себе парень, – бегуны. Их в этой части немного, но гостевой дом построили рядом". Он уже отметил отзывчивость и доброжелательность местных жителей. Теперь он оценил и их гостеприимство.

Бесполезный протёр глаза, которые не хотели до конца разлипаться и тут же вскочил.

"Первая!"

Эта мысль ужалила где-то в паху, и безмятежность растаяла, словно туман.

Ему повезло. Когда он, уставший, дошёл до ближайшего селения Леса, в этом самом селении находились проводники. Он рассказал, что случилось. Рассказал, и заснул. Потому что валился с ног.

"Повезло, – подумал тогда Бесплезный, – сейчас такое время, сонхваты только что плодоносили, и Долина буквально кишит проводниками. Подремлю в гостевом, буду ждать".

Теперь он проснулся, но ждать было трудно. Даже не трудно – ждать было мучительно...

Раздвинув шторы-верёвки, сплетенные из внутренностей кубышек, парень вышел во двор.

Это был Лес Долины, или просто Долина, как говорили в народе. Рядом лежали холмы, но, в отличие от Прихолмья,

которое к ним прижималось, Долина была в стороне.

На равнине дул ветер, прохладный, сухой и не меняющий направления. "Дыхание гор" – называли его местные жители. Даже в Прихолмье подобного не было. Возможно, всё дело в долине, узкой и длинной, где ночью селились сонхваты, от которой Лес и получил своё название. Холодный горный воздух, пересекая холмы, спускался в долину и проезжал по ней, словно брума на задних колесиках. Кожаные, а иногда и меховые плащи в этой части носили и днём, но только за Лесом, в Лесу было тепло.

Бурные речки с холмов накладывали особый отпечаток на уклад местных жителей. Количество водяных мельниц, которые здесь стояли, было, наверное, больше, чем где-то ещё. Чем на всей остальной равнине. С помощью мельниц мололи, пилили, раздували меха. В Долине находились центры различных ремесленных гильдий – гильдии кузнецов, гильдии стеклодувов, гильдии плотников.

Хотя вот с последними было непросто. Гробовщики и корабельщики с Большого и Малого Приморья были как будто бы плотниками, но имели свои собственные гильдии. Причём добились этого сами. Более старшее поколение еще помнит конфликт, который прозвали "войной гробовщиков". Стражи приняли сторону плотников – они всегда возвращали традиции, но отступили – производство гробов прекратилось, а с ним прекратилась и основная статья дохода. Ведь без гробов и ритуальных лодок тела на Остров не отправля-

ли, а, значит, пришлось бы искать другой, узаконенный способ прощания с покойником.

И этот способ нашли. Им оказалось сжигание. Если тело горит, душа воспаряет к Обиженному, а после уходит на Остров.

В Озерном Крае сжигали давно, и посредничество стражей в этом вопросе казалось ненужным. Пришлось срочно, на коленке, переделывать Писание, написанное Шести-палым, и объяснять, что сжигание тела – это уже более поздние приписки. Ну и договариваться с гробовщиками. А заодно и корабельщиками.

В посёлке, куда пришёл Бесплезный, жили кузнецы. Здесь раздавался стук наковальни, шум раздуваемых мехов и журчание падающей воды. Каждые сутки, каждый час, каждую минуту. "Наверное, по набору звуков можно определить, в каком ты селении. Даже не глядя" – подумал парень.

И огляделся.

Места между деревьями много, и небольшие деревянные домики с покато́й крышей и торчащими то тут, то там башенками не стояли вплотную, а были разбросаны на достаточном удалении.

Ребятишки весело кричали, играя с язычками – небольшими растениями, которые выбрасывали длинный липкий язык, чтобы поймать твердетелку. Твердетелок ловили, насаживали на конец длинной нитки и таким образом дразнили язычок.

Другие дразнили пыхчиков, и театрално огорчались, когда те опорожняли содержимое мешочков. Важно было закрыть глаза, и закрыть глаза вовремя, иначе потеха становилась опасной.

Более тихие пускали кораблики, благо ручейков через селение протекало немерено. Кораблики плыли вниз по течению и застревали в водных тянучках, а ребятишки их доставали и снова пускали в воду.

На это смотрел Бесплезный.

И удивлялся.

Взрослые куда-то пропали. Остались одни только дети.

Да, жители долины отличались завидным трудолюбием, такого в Длиннолесье, к примеру, не встретишь. Там празднующихся как твердетелок под зонтиком. Об этом он помнил, несмотря на потерю памяти. Хотя что значит празднующихся – люди отдыхают. Здесь же казалось, будто все либо работают, либо делают вид. Ну или спят. И всё.

Парень остановился.

Карусель мыслей все время возвращалась туда, к той самой девушке, которую он оставил. Оставил одну, на безлюдной равнине. Карусель крутилась, крутилась, как мельничный жернов, пока Бесплезный не понял, что давно уже принял решение.

Тогда он пошёл к старейшине.

– Старейшины нет, – сказал бородатый мужчина, выйдя из кузницы, и вытирая о фартук руки, – я за него. Что угод-

но?

– Мне нужен прыгун, – Бесплезный старался не мямлить, говорить так, чтобы звучал металл. Но выходил какой-то истерический писк.

– Хм, – мужчина задумался, – но проводников в селении нет. Те, что были, ушли.

– Но мне не нужен проводник. Я прикрытый.

– Вот как...

Повисло молчание.

– Нанять прыгуна без проводника дорого. Сам понимаешь – во время сезона, риски.

– Денег нет. Но обещаю, что отработаю, – Бесплезный смотрел в глаза. И опять выходило глупо – будто бы он умолял, – у меня нет другого выхода. Поверьте. Я всё равно ведь отправлюсь, чего бы ни стоило.

– Вот как...

Они изучали друг на друга какое-то время. Мужчина стоял, задумчиво теребя свою бороду.

– Возьми любого, – сказал он наконец, – Там, за околицей. Скажешь, Патлатый разрешил. Вижу, что очень надо.

– Спасибо, – Бесплезный сглотнул и стремглав полетел к околице

– Как зовут-то? – спросил Патлатый.

– Не помню, – кричал Бесплезный, уже на бегу.

– Совсем замечательно, – кузнец усмехнулся и возвратился к делам.

Лишь тяжелая поступь топтуна, да хныкающий герцог на поводке держали внимание Быстроукой.

Похитить этого выскочку оказалось не сложно. Длинноногий пал жертвой своих собственных страхов. Для этого строил тоннели, где думал скрываться, когда придут убивать. Те получались длинными, и куда выходили, в ближайшей округе знал только герцог, ну, может, парочка-тройка надёжных друзей. А может, их не было, этих друзей – когда занимаешь высокое положение, все надежное становится ненадежным.

Рабочих он нанимал из далёкого Леса, возможно, Заводья. Работали в темноте, вдали от людей, поэтому и строительство обходилось недёшево. В межсезонье рыли равнину, днём – Лес. В первом случае – ладно, всё было в норме. Во втором стражи могли вмешаться – и наказать. Как и Совет старейшин. Даже так – не могли, а должны взять и вмешаться. Ведь стоило повредить корневую систему, и на головы тех, кто работал в Лесу, мог обрушиться гнев не только Обиженного. Воспы и разъярённые звери, да ещё темнота – сочетание страшное.

Но в гильдии разленились, это была не та самая гильдия, которую когда-то основал Шестипалый, нарушения замечали редко, и только в тех случаях, когда бездействие напрямую угрожало авторитету. Строительство, о котором никто не знал, но на самом деле все знали, прошло вроде гладко, и гильдия стражей забыла. Тем более, если герцог привёл до-

казательства, вполне осязаемые. Стражи любили подобные доказательства, хотя утверждали, что деньги – не главное.

Ага, не главное.

Гильдия была одной из самых богатых, наряду с торговцами или проводниками. Щедрость не возбранялась, щедрость приветствовалась.

В данном случае герцог и правда перемудрил – для бегства подземку вполне можно было и засекретить, но для похищения вся эта таинственность была даже кстати.

Быть может, стража за дверью ещё бросает друг другу ухмылки, быть может, спохватилась и ищет хозяина. Не это её волновало. Не это заставляло гнать своих спутников. Все мысли о нём, и она найдет, живого или мертвого, но найдет. Его. Её нареченного.

– Давай, поторапливайся, скотина такая, – произнесла девушка обычным будничным голосом. Так гонят свинью на рынок.

Внешне она, быть может, спокойна, но в груди притаилась боль. Боль и ненависть к этому мерзкому человечешке, посмевавшему приговорить к чудовищной казни. Его. Её нареченного.

– Мы твоего жениха не спасем, – хныкал герцог, – напрасно. Если бы только знал, я бы никогда такого не допустил, никогда, – он выделил последнее слово, – но столько дел, столько всего навалилось. Просто куча какая-то... куча...

Быструрукая, казалось, не слушала.

– Там... – Длинноногий пытался подобрать нужное слово, – опасно. Пылающие, – он почти перешел на фальцет, – мы сойдем с ума.

Фиолетовый свет острокрылок – деревьев небольших острокрылых ангелов затаился в зрачках и только подчеркивал смысл его слов.

– Не всё ли тебе равно, если я тебя зарублю, вот этим отцовским мечом? Ты ведь слышал истории о Заговорённом? – ответила девушка, – или могу привязать. Там, на равнине. Я пока не решила.

Герцог затих. Только широко открытые глаза выдавали его беспокойство. О, сколько всего передумал он в эти минуты. О скольком жалел. В том числе и о том, что однажды стал герцогом, взвалил на себя это бремя. Не надо было нервировать совет, спорить со старшими. Сидел бы себе под арестом, домашним, занимался хозяйством... Нет, надо было поднять людей на восстание, доказывать правоту. Одиннадцать лет он правил селением – и одиннадцать лет как на углях.

Длинноногий вздохнул.

В конце дня надо было подводить итоги очередного пятилетнего правления. Пять лет назад, после праздника Возвращения, он пообещал, что сделает своё селение известным, да что там известным – самым знаменитым в Лесу. И если бы он не выполнил обещание, правление пришлось бы оставить, ну, или доказывать – но уже силой. Силовые доказательства герцог не любил – они почти всегда ненадёжны. Это как под-

ставить тазик под прохудившуюся крышу, вместо того чтобы отремонтировать. Но случилось несчастье, то самое, когда рубили деревья – и селение стало известным. Самым известным. Ирония? Да. Но технически он своё слово сдержал. Не придерёшься.

Длинноногого аж перекосило от собственных мыслей. "Использовать чужое несчастье – последний довод правителя" – сказал бы стратег в "Приключениях Листика", но он был неправ, этот стратег, на чужом несчастье собственное счастье не построишь. И то, что сейчас происходило – наглядный тому пример.

Однако, несмотря на скверное состояние, близкое к паническому, одна странная мысль всё-таки в нем зародилась. "Как хороша эта женщина, не только своей красотой, но и качествами. Что, если стянуть их к себе? Дать ей место, допустим, советника?"

Сама нелепость этой мысли в свете последних событий поражала, но то, что она возникла, говорило о многом. Возможно, он не такой уж плохой управленец. И, возможно, ещё есть надежда на лучший исход. Хотя нет, надежда – это, пожалуй, громко. Выхода нет. Она не простит его за то, что он сделал с её возлюбленным. Он бы не простил.

– Я знаю, о чём ты думаешь. Ты думаешь, у меня не хватит смелости с тобой разобраться. Возможно, ты считаешь меня добрее. Ну что же, считай – если это поможет тебе двигаться быстро, – девушка хлопнула топтуна по широкой шее, наде-

сь, что тот пойдёт чуть живее, – надо было взять твою лошадь. Ты бы тогда побежал. Пешком... Дорогое, наверное, удовольствие – содержать лошадей?

– Да, но оно того стоит, – ответил, подумав, герцог, – если ты правишь, и хочешь, чтобы народ исполнял твою волю, – он замолчал, ожидая очередной убийственной шутки.

– Сегодня ты исполняешь мою волю, правитель.

Пленник вздрогнул – настолько презрительно произнесла Быстрорукая последнее слово.

"Ну хоть в чем-то она предсказуема".

По мере того, как граница Леса становилась всё ближе, Длинноногий всё ниже опускал свою голову, стараясь, если и увидеть пылающие, то как можно позднее. Сердце хотело выскочить, так оно било о рёбра, а надежда на то, что по следам топтуна отправят погоню, и та вот-вот их настигнет, измельчала настолько, что стала похожа на совесть разбойника. Или его собственную.

Правитель вздохнул. Ещё и ещё. И перечитал молитву к Обиженному.

– Слава небесам, они погасли, – сказала вдруг Быстрорукая, – хотя, забери меня чёрный, но это престранно.

Герцог поднял глаза.

Они находились на самом краю Длинного Леса. Дальше было темно.

Сама ситуация, конечно же, радовала, но даже в своем положении герцог не мог не опешить.

"Пожалей меня Обиженный, это знак".

"Надо же быть таким идиотом, – ругал себя Бесплезный, прижимаясь к широкой спине прыгуна, – оставить ее одну, там!.. А если она испугается? А если придёт убийца? – лицо Любящей, такое приветливое и доброжелательное, не уходило из памяти, – а если появятся чёрные ангелы? А если сонхваты?"

Что случилось, он понял. В долине так просто не засыпают. Оставалось надеяться, что спящих сонхваты не трогают. Тем более спящих незримых.

Бесплезный сильней натянул поводья, надеясь вскоре увидеть. Ту, о которой думал.

Чтобы не заплутать (это казалось совсем не кстати), он повернул на дорогу, соединявшую Лес и самое сердце долины. Важно было свернуть там, где нужно, тогда ничего не случится, и долина сонхватов останется в стороне. Поэтому Бесплезный и прихватил с собой карту, которую обещал вернуть.

Обещал вернуть прыгуна, обещал вернуть карту. Все только на честном слове. Люди Долины не просто гостеприимные и трудолюбивые, люди Долины ещё и отзывчивые...

Карету проводников, которые отправились за дилижансом, Бесплезный нагнал на выезде. На топтуне не поскачешь, но топтуна можно запрячь. И всё же, даже с учетом медлительности животного, которое двигалось со скоростью

пешего человека, отправились они поздно. "Совсем не торопятся, – думал парень, – Господи, только бы не опоздать..."

Но прыгун попался что надо, с настроением у него оказался полный порядок.

Беспольный чувствовал настроение, и слушал, как тот бормочет своим низким, гортанным голосом. Звуки животного повторялись, и, казалось, прыгун поёт. А, может быть, так и было. Всё-таки многое обрёл Беспольный, когда научился слышать. Он понимал, что это не просто скотина, хотя так считали многие, что это очень даже чувствительное существо, которое способно взгрустнуть, способно обрадоваться, и даже способно петь, если захочет.

Понимая животное, парень давал ему отдых. Так часто, как тот попросит. Ведь если прыгун заупрямится, далеко не ускачешь. Да и ехать на счастливом довольном животном приятнее, чем слушать глухое ворчание.

Прыгун садился на землю, вытаскивал из кармашков небольшие конечности, и срывал все тянучки, которые видел. Обычно то место, где пообедал прыгун, выделялось – это была полностью прополотая площадка, в виде овала, который кто-то согнул. Или в виде рогалика.

Если в этом овале встречалась крушинка, она становилась обедом. Правда, раскалывал панцирь прыгун не когтём, как топтун, а своими ороговевшими губами, напоминавшими клюв. Беспольному казалось, что крушинки пищат, очень тонко и очень противно, хотя, возможно, это свистело их со-

держимое, выдавливаемое через расколотые половинки.

Зримые души мёртвых растений кружили над полем – и уходили, как дымка от чьих-то курений.

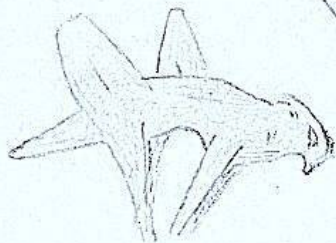
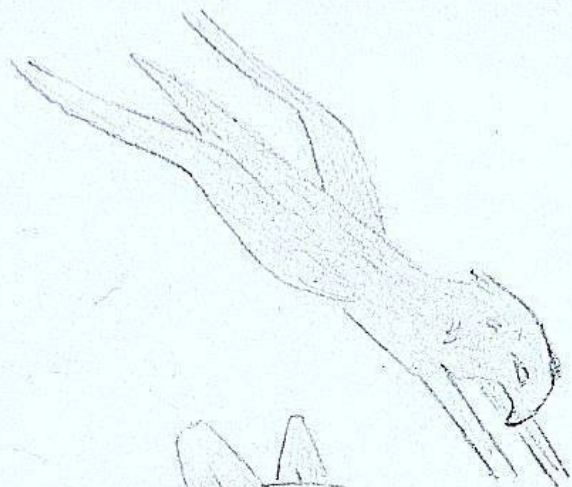
Небо расцвечивало самозабвенную неторопливую трапезу, и Бесплезный подумал, что он мог бы долго, очень долго наблюдать за этим буйством красок, звуков, движений, настолько пленительной казалась картина.

Но надо было спешить.

Похлопав животное по спине, парень дождался, пока тот закончит. В этом случае оно убирало передние лапы и громко урчало.

Бесплезный лёг на мшистую спину, взял в руки поводья, натягивая чуть, самую малость, слегка дунул в ушко...

Прыгун полетел.

Прыгун, зарисовки

Нет на равнине животного быстрее прыгуна. Отталкиваясь от земли четырьмя сильными лапами, он пролетает метров двадцать, а то и больше, прежде чем снова её коснётся. Прыжок – полет – приземление – прыжок – полет – приземление. Все это так плавно и мягко, что всадник почти засыпает.

Да, лёжа на спине самого быстрого животного равнины, всадник почти засыпает...

Недаром в гильдии воинов молодых нетренированных новобранцев обучают быть "изящными как прыгун", и только потом "стремительными как сокол" и "изворотливыми как струйки".

Конечно, прыгун не единственное животное, на которое можно садиться. Есть топтун. Медлительный, но выносливый, может двигаться сутки без остановки. Или лошадь. Животное редкое, но престижное. "Как я хочу покататься на лошади" – думал, бывало, парень.

Но не сейчас.

Сейчас Бесплезный отдался полёту, прижавшись к широкой мшистой спине. Казалось, что он плащеносец, парящий в небе, или острокрыл, преследующий добычу. Бесплезного охватил азарт, помноженный на желание достичь намеченной цели. "Быстрее, быстрее". Он чуть не загнал бед-

ное животное, желая съесть последние мили. Совершая отчаянный бросок...

Сердце стучало как молот. Оно стучало как колокол на вершине самой высокой звонницы Длиннолесья, когда, стреножив животное, Мутный влетел в дилижанс. Буквально срывая дверь.

И вдруг... замолчало.

Карета была пуста.

Пять берез стояло на краю леса. На четырех висели тела. Дряблые, окоченевшие. Тела, которые тронуло разложение.

Их лица кричали.

И это всё, что осталось.

Остальное исчезло – мука, страдания, даже проклятия, посылаемые миру.

Кричали они из другого.

Болезненно-сладкий запах проникал сквозь открытые ноздри и заставлял ужасаться той смерти, на которую их обрели.

Но не запах сейчас волновал Быстрорукую.

Она изучала лица. Одно за другим. Сжав губы, чтобы не закричать, не расплакаться. Ведь она не может расплакаться – Быстрорукая дочь самого Заговоренного.

Одно, второе, третье...

– Здесь его нет.

Девушка почти прошипела эти три слова. Ей не хотелось

вспугнуть ту надежду, которая вдруг появилась.

– Как хорошо, – трясся герцог, – он не погиб.

– Ты говорил – привязали. Но его нет.

– Почему я знаю, сударыня. Был. Я уверен, что был. Но кто-то его отвязал, – Длинноногий от радости вытянулся, – ругаюсь, висел, на берёзе, на крайней. Разбойников было пять.

– Он не разбойник.

– Вот и я говорю – не разбойник. Было пять, стало четыре. Потому что он не разбойник. Он спасся. Живой ваш разбойник... не разбойник. Спасся! – Длинноногий почти отплясывал.

Со стороны это выглядело, конечно, картинно: четыре привязанных трупа, в лица которых всматривается высокая девушка, а рядом отплясывает коротышка.

– Здесь кто-то был, – Быстрорукая показала на раны, – все четверо убиты ножом, причём аккуратно. Чересчур аккуратно... Достаточно давно, иначе убивать было бы некого... Такое мог сделать прикрытый.

– Оо, – протянул герцог, указывая связанными запястьями, – в той стороне Пост. Проводники примерно отсюда и выезжают.

– Как далеко этот Пост?

– Суток пять, а может, четыре. Не меньше. Если на топтуне. Если пешком, то шесть.

– Ты покажешь дорогу, – произнесла Быстрорукая, сухо и властно.

"Герцогиня" – подумал герцог.

– Конечно покажу, – он посмотрел в глаза похитительнице, – всё покажу, расскажу. Ездил туда, и нередко, по разным делам, даже, наверное, часто. Дорогу я помню.

Они подошли к колее, продавленной сотнями разных колёс.

– Держитесь, сударыня, справа, тогда не потеряетесь. Дорога прямая, – напутствовал герцог, – главное, проверять, чтобы Россыпь светила слева. Куда бы вы ни свернули, всё время слева... И всё-таки, позвольте предостеречь, – Длинноногий приблизился к девушке и произнес так, будто он выдыхал каждое слово, – дорога опасна. Туманно. Темно. Ехать не близко... Я знаю, Вы девушка смелая, но... Когда эти небеса запылают, одному Обиженному известно. Подумайте... Можно, в конце концов, отправить на Пост почтового, – он искоса глянул на ангела, что примостился на камне, – или поискать проводников. Лес большой, кто-нибудь да найдется...

– Не старайся. Ты поедешь со мной, – Быстрорукая будто отрезала. Острым отцовским мечом.

– Я? – герцог замялся, – но, сударыня. Я буду обузой. Зачем?

Он замолчал и опустил свою голову. Смиренно и обречённо.

Значит, судьба. Наказание за все его преступления.

Длинноногий смотрел на девушку – и подумал, что, веро-

ятно, не так уж сердит на него Обиженный, если выбрал наказание с такой сладкой начинкой. Мелкая дробь пробежала по телу, и стало не так уж и страшно.

– Ладно, – девушка вынула меч и на глазах изумлённого пленника перерезала путы, – ступай. И чтобы тебя я больше не видела.

У герцога всё опустилось, но, по мере того как меч проходил между рук, начало подниматься, и, наконец, забило раскрытыми крыльями.

К чести последнего, он не понёсся, навстречу свободе, а даже остановился, и, может, хотел что-то сказать, но раздумал и медленно скрылся из виду.

"Зачем я его отпустила?" – думала Быстрорукая, глядя, как тот удаляется.

Она вложила меч в ножны и посмотрела на Россыпь.

– Пойдём, – сказала она, то ли Россыпи, то ли себе, то ли топтуну. А может быть, плащеносцу. Тот услышал знакомое слово и взмыл, нарезая круги.

В сумке осталось мясо. И сыр. Пожалуй что всё. Повезёт – доедет за четверо суток. Но тут прогнозировать сложно. Топтун – скотина с характером, не захочет – не сдвинешь с места.

И всё же проблема не в этом.

Масло.

У неё был запас, но хватит его ненадолго. Быть может, на половину. Длинной, тёмной дороги. Придётся надеяться,

что топтун будет держаться маршрута. И чаще поглядывать в небо. "Проверить, чтобы Россыпь светила слева" – напутствовал герцог.

Ох негодяй... "Зря ты его пощадила" – говорила себе Быстрорукая. Он же не пощадил. Его. Её нареченного. Девушка нахмурилась, вспомнив обезображенные лица разбойников. Так бы висел и Мутный.

Что бы сделал отец? Разорвал бы он путы? "Да, разорвал" – сказала она себе.

И успокоилась.

Словно ответом на все эти мысли что-то блеснуло. И не просто там что-то. Это был силуэт самого удивительного животного – с телом молочного цвета, длинным и гибким, трепещущими крылышками по бокам, легко, словно пёрышко, над равниной проплыл долгоносик.

Он прорезал темноту, словно масло, оставляя светящийся след, в том месте, откуда ушёл. Рисовал узоры – и они появлялись, лёгкие, невесомые, появлялись и таяли – не уносились прочь, а именно таяли, словно порывы ветра их не касались. Как души всех зримых – они ведь тоже не слушают ветра, не слушают притяжения, и летают, куда хотят. Пока не исчезнут.

Долгоносики были редкостью, появлялись они только ночью, и увидеть такое животное считалось удачей. Огромной. Событием, которое знаменует явные перемены к лучшему. И хотя Быстрорукая не верила во всякие там поверья, а сказ-

ки про Обиженного считала не просто глупыми – вредными, но всё-таки улыбнулась. Теперь то она найдет. Его. Её нареченного.

Если Междуречье было торговым, Лес Долины – ремесленным, то Прихолмье считалось духовным и религиозным центром.

В этом месте, где Лес словно сползал на равнину, приютились небольшие посёлки самых разных общин, все члены которых назывались братья и сёстры.

Было что-то мистическое у тесного соседства с холмами, за которыми в голубоватой дымке проступали очертания далеких и неприступных гор. Ещё никому на равнине не удалось разглядеть их вершины, ни слабым человеческим зрением, ни в специальные трубы, через которые по ночам смотрели на небо. Казалось, горы уносятся ввысь, высоко-высоко, и у особо впечатлительных захватывало дух, едва они представляли, как поднимаются, будто по лестнице, по этим заоблачным склонам. Кто-то тонул в этих мыслях, кого-то приходилось вытаскивать. В противном случае человек оставался в Прихолмье уже навсегда, и становился членом общины.

Именно здесь пустил корни таинственный орден древоведов, члены которого посвятили себя общению с загадочными деревьями зримых душ. Бывшие слухачи, они и сейчас оставались слухачами, орден был своеобразным продолжением

гильдии. Точнее, ее обновлением. Её завершением, можно сказать и так. Как утверждали древоведы, в мире видимых душ между животными и деревьями существовала глубокая и таинственная связь, понять которую сложно. Но к тайне можно и приобщиться, даже не понимая – для этого нужно лишь правильно слушать, и делать, что скажут старшие.

Были у ордена и другие селения, в разных частях равнины. Но только в Прихолмье древоведы становились древоведами. Только тут проходили обряды инициации. Здесь, усевшись кружком вокруг могучего дерева и склонив свои головы, они причащались древесным соком, густым, словно мёд, который буквально вымаливали, и, что удивительно – дерево понимало, оно начинало течь, и сока хватало на всех.

Именно отсюда древоведы направляли миссии во все концы человеческого мира, в том числе и в далекий Озёрный Край. Там тоже общались с деревьями, но делали это несколько по-иному и потому неправильно. "Не древоцентрично", как объясняли в ордене.

Бывало, миссии не возвращались, тогда древоведы ворчали. "Братья ушли" – говорили они, так, будто братья покинули мир. Хотя те сидели в селении какого-нибудь Приморья, Большого, Малого, и их окружали заботой. Считалось, что древоведы общаются с тайными силами, которые жили в деревьях, а потому способны прорицать. Вера в прорицателей неистребима, поэтому во все времена и во всех локациях нашего бесконечного многообразия их окружают заботой.

Здесь же, со стороны Междуречья, расположились и селения гильдии стражей.

Гильдии стражей... Пожалуй, самой известной и самой влиятельной. И в то же время самой противоречивой.

Стражей не любили за многое. В Заводье, Долине, Междуречье, в тесных междусобойчиках или во время путешествий их порицали открыто, ругали шёпотом, обзывали самыми нелестными словами. Высокомерные, жадные, чёрствые – такими считал их народ. Но авторитет не оспаривал. Ведь они выполняли важную и в общем-то необходимую роль – поддерживали общность различных частей равнины, заботились, чтобы всё было так, как и раньше, чтобы никто никого не щемил, ну, кроме, возможно, самой этой гильдии. Стражи стояли на страже традиций. А значит, благополучия, потому что именно изменения обычно и становились началом конфликтов.

Даже гильдия воинов считалась чем-то вроде приложения, инструмента в руках самой высокомерной, но и самой влиятельной гильдии. Или, может быть, так – самой влиятельной, потому и самой высокомерной.

И уже на другом конце Прихолмья находился тот самый посёлок, в который направился Бесплезный. Бурная речка рассекала его пополам, что днём на холмах, что ночью в Лесу.

Община гильдии искателей – так называли себя эти люди. Те, что верили в опыт и поклонялись исканиям.

Найти общину было несложно – надо было идти и идти до конца. В разных направлениях тянулись дороги Прихолмья, но все замыкались в общине.

Прямо перед поселком кто-то поставил табличку: "конец пути". И жирную жирную точку. Бесплезный читать не умел, а то бы он оценил. Хотя, возможно, и нет. Чтобы понять два этих слова, недостаточнo было здесь побывать, здесь надо было пожить.

Привязав прыгуна, которого нанял в Долине, Бесплезный пошёл в посёлок. "Дельный – кто-то вроде старейшины" – говорил Терпеливый. "Ну, хорошо, – думал парень, – меньше придется искать". В тех селениях, где он бывал, дом старейшины находился в центре, и походил на добротный особнячок. Всё потому, что старейшина был богатым зажиточным селянином, чьи предки жили в посёлке давно, почти что с самого основания, а, значит, селились в центре.

Ан нет, здесь всё было иначе – идти пришлось долго, почти в самый край, да и домик был маленький, неказистый, и даже как будто заброшенный. "Это Прихолмье, сынок, – вздыхал Терпеливый, бывало, – необычное место, не "в", а "за" этим миром".

Бесплезный хотел постучать, молоточком. И начал искать. Молоточек обычно висел перед входом, справа, а, может быть, слева, бывало висел перед дверью. "Обычно" – значит "всегда".

Но молоточка он не нашёл. Зато где-то слева торчала

кнопка, такая же, как на некоторых клавишных инструментах.

"Это Прихолмье, сынок", – сказал себе Беспольный и стал нажимать.

Раз, другой.

Что-то сказали. Весьма неразборчиво. Но он особо не разбирался. Парень устал, так устал, что вошёл бы, наверное, в баню. Даже не став раздеваться.

Разувшись в крошечном коридорчике, Беспольный открыл шелестящие шторы и оказался в комнате, просторной, и, как казалось, единственной.

Здесь всё было просто, и как-то не по-домашнему. В самом центре, занимая значительную часть помещения, стоял массивный грубо струганный стол. В конце этого стола на точно таком же стуле сидел человек с испещрённым оспинами лицом и неухоженной седой шевелюрой. Старик листал книгу и делал пометки, а может, подчёркивал текст. Справа шумели часы, слева висела доска, заполненная разными знаками (возможно, буквами, думал парень, только записанными безобразно. А может, так надо – сам он писать не умел). Сбоку кровать. В единственном помещении дома стояла кровать.

Это было понятно, но это было и странно. Даже в самых маленьких домиках Длиннолесья спали отдельно, пусть в крохотной, но особой комнате.

Парень прокашлялся, чтобы хоть так обратить внимание.

Старик оторвался от книги и покашлял в ответ. При этом смотрел не на гостя, а сквозь:

– Что нужно?

– Мне нужен Дельный.

– Дельный уехал. Я за него. Моё имя Лобастый.

"Где-то я это слышал" – подумал парень.

– Сяду? – спросил он с надеждой. Тело после дороги болело, хотелось не то что присесть, хотелось свалиться на стол. Свалиться и спать.

– Пожалуйста, – Лобастый снова уткнулся в книгу.

Бесполезный присел.

"Хорошо, теперь я готов разговаривать"

– Вы знаете Терпеливого?

– Конечно, знаю, – старик оторвался и чуть более внимательно посмотрел на гостя, – Это один из самых уважаемых членов общины... Но постойте. Он должен приехать.

– Терпеливый погиб, – сказал Бесплезный.

И выдохнул.

От усталости, горя, от раздражения.

В той новой жизни, которую он обрёл, там, под пылающими небесами, были двое – Первая и Терпеливый. Искатель и проводница. И обоих он потерял.

Парень открыл дорожную сумку:

– А перед смертью велел передать вот это, – он положил манускрипт, потёртый, древний, как "Приключения Листика", хотя те отбиты в металле, – Терпеливый сказал, здесь

говорится о многом.

Старик поднялся со стула.

– Терпеливый... А двое? С ним были двое.

Беспольный не знал, что сказать. До этого момента он полагал, что Любящая направилась сюда. Но теперь он и сам понимал неразумность своей догадки. В таком случае убийство спутников выглядело желанием самой снискать славу всего путешествия. Это было цинично и глупо.

Скорее всего, у убийцы есть план. Какой-то особый, коварный. И дай то Обиженный, чтобы в тот самый план не входило похитить Первую.

Появись эта женщина здесь, она, скорее всего, попытается его очернить. Ей, конечно, поверят. Он – человек ниоткуда, пришёл, принёс книгу, что-то сказал.

Но всё-таки он обязан, он должен предупредить. Если хочет остаться.

– Веселёхонький погиб, – сказал Беспольный. Устало и грустно, – Любящая... сбежала.

Взгляды сидящих встретились.

Лобастый молчал.

– Это она? – спросил он внезапно. Нет, не спросил – про-рычал, низко и глухо.

– Да.

Фиолетовый свет острокрылок падал на щёки старейшины, чем только подчеркивал каждую ямку и делал лицо безобразным.

– Не всё так просто. Никто и не предполагал, что будет просто, – старик смотрел за окно, – расскажи, – попросил он чуть слышно.

– Откуда?

– С самого начала.

И Бесплезный рассказал.

Как потерял память, как его привязали к березе, как был спасён. Рассказал про путешествие, про то, как они заблудились, как умер топтун, а он потерял сознание. Рассказал, как обнаружил тела.

Лицо Лобастого стало ещё более мрачным.

Наконец он сел и зажал голову в руки.

– То, что Вы рассказали – ужасно. Я с самого начала был против включения Любящей. Она не искатель. Как, впрочем, и Веселёхонький... Эта вещь, – старик показал на книгу, – бесценна. Иначе и быть не может... Не давал ли Терпеливый какое-нибудь сопроводительное письмо?

– Не давал. Он думал, мы вместе приедем в Прихолмье.

– Да. Да... Я вынужден задать Вам ещё два вопроса, – старик, вздыхая, поднялся, – Во-первых, как много Вам известно о целях экспедиции?

– Ффф... – Бесплезный задумался, – я знаю, что Остров есть. И знаю, что этот Остров нашли.

– Хорошо, – Лобастый глядел не мигая, – тогда хочу спросить о другом. Как я понял, Вам некуда идти. Вы не знаете, кто Вы, откуда... Хотите остаться в общине, хотя бы на вре-

мя? Как человека, которому доверял Терпеливый и который выполнил его последнюю просьбу, мы Вас приглашаем.

– Согласен, – Беспольный почти засыпал, – но я хочу научиться читать.

– Человек за бортом! – воскликнул Косматый.

Старая морская привычка.

Теперь он живёт на Посту.

А когда-то был моряком.

Случилось несчастье, в самое Угасание – корабль унесло в открытое море. И наступила ночь.

Он говорил капитану – не надо, вдруг потеряемся? Все говорили. Но капитан любит деньги. “Давайте, ребята, последняя ходка, – кричал он команде, – плеснём по звенящей монетке”.

Плеснули...

Днём потеряться нельзя – днём видишь берег, берег и горы, всегда. А ночью темно, темно и туманно. Надо найти Маяк, в устье Бурной, и всё – они спасены. Главное – успеть до пылающих. Или смотреть на Россыпь и плыть, чтобы та оставалась слева. Когда небо ясно. А если пасмурно... Что же, есть компас. Но компас – прибор дорогой, а капитан был прижимистый, деньги впустую не тратил, тем более на то, что вряд ли когда пригодится.

Не пригодилось...

Когда на море темно, это ещё не страшно. Страшнее, ко-

гда пылающие. Той ночью они начинались рано, и капитан, отправляясь почти в Угасание, конечно же, рисковал. Надо успеть, а то запрутся в вонючем трюме, на полтора долгих месяца, а корабль унесёт.

Не успели...

Тогда Косматый и обнаружил в себе эту способность – сопротивляться пылающим. Вывел команду домой.

А после уехал на Пост.

Проводники – профессия важная. И доходная, особенно ночью.

Он ещё стоял на верхней площадке, когда ворота вдруг заскрипели, и во внутренний двор ввели малорослого топтуна, по виду двухдневку. На спине покоилась девушка. Навзничь. Вцепившись в животное.

Губы её шевелились. А может, дрожали. Глаза были плотно закрыты.

Косматый спустился.

– Жива? – крикнул он, на ступеньках.

– Жива. Но, кажца, не прикрытая, – Усатый пытался спустить наездницу. Девушка выглядела изумительно, даже после такой тяжёлой дороги. Густые черные волосы, небольшой вздернутый нос, сочные, хотя и потрескавшиеся губы, плавная линия подбородка. "Ух ты ж, ух ты ж" – подумал Косматый.

– Давай йё быстрее в дом.

Вдвоем они занесли незнакомку в гостиницу – большое

двухэтажное здание.

Но едва положили на кровать – бормотание прекратилось, и гостья, как будто, уснула.

– Хоць не умерла? – спросил Усатый. Как у любого жителя Озёрного края, у него был особый свистящий выговор.

– А я почем знаю? – парень насторожился, – проверь.

Усатый наклонился, послушал грудь, пощупал запястье. Всё это он делал достаточно долго, особенно когда склонялся над грудью, и, как казалось, с особенным удовольствием. "Вот же ж" – Косматый и сам был не прочь всё проверить. И перепроверить.

– Кажись, да.

– Что – да?

– Жива.

Они помолчали.

– Я к Искушенному. А ты оставайся, – Косматый смотрел на спящую и не мог оторваться, – то й вдруг проснётся.

Он всё-таки оторвался, и вышел.

По диагонали, мимо колодца Косматый прошел в небольшой двухэтажный домик, на самой вершине которого всеми цветами пылающих небес переливался натёртый до блеска флюгер, выполненный в виде стоящего на четырех лапах плащеносца. Плащеносец держал в своей пасти не то бруму, не то носатика, да Обиженный знает кого он там держал в своей пасти. Флюгерá на Посту любили не меньше, чем в том же Приморье, да и сама атмосфера чём-то напоминала ры-

бацкую, так что привыкнуть к здешним порядкам для бывшего моряка труда не составило.

Косматый покосился на железный корабль на дозорной башне, с которой недавно спустился, и ради приличия постучался в дверь.

– Суток! – буркнул с порога, и ради того же приличия вытер о коврик ноги.

– Косматый! – ответил высокий пожилой человек с зычным и резким голосом, – рад тебя видеть.

– Я тож... Ись какие вести от дочки? От Долговязого?

Человек мрачнел на глазах:

– Пока нет, – ответил он сухо, – с той поры, как они выехали, к нам не прилетал ни один плащеносец.

– Знашь, она же оставила Ходкого. В Долине почтового может не быть. Такое время – почтовые нарасхват.

– Да, урожай масла, – кивнул Искушённый, так звали хозяина, – топтун то тот опытный. Вот только... Все эти странности. Небо погасло, потом загорелось.

– Первая предначертанная в третьем поколении, – Косматый улыбнулся во весь свой широкий рот, – с нею ничто не случится.

– Спасибо, – Искушённый положил на плечо большую увесистую руку, – кажется, гости?

– Да... Девушка с Длиннолесья. Не прикрытая. Еле добралась...

– Длиннолесье... – Искушённый погладил бороду, – зна-

чит, так и думала, что доедет пока темно... Спит?

– Вродь спит. Усатый проверил.

– Ещё не понятно, что у неё в голове. Сутки под небом.

Косматый поднял свои брови:

– Останется здись, в лекарне, – он улыбнулся, – там уже ись небольшая команда, с прошлой ночи. Лекарь будет до-
волен.

Искушенный слегка усмехнулся:

– Ребята приносят пользу, помогают по хозяйству. Так что не просто там пациенты.

Они поговорили о делах, посетовали на нарушение сезона, на неопределённость ближайшего будущего. Почти половина проводников в Долине – сбор плодов подошёл к концу, масла много, а значит, много торговцев, которых нужно доставить в Леса.

Они говорили и говорили, пока Косматый не спохватился – пора было возвращаться на башню. Дозорный не должен отлучаться надолго.

Искушенный смотрел ему вслед.

“Пора” – сказал он себе и пошел к гостевому дому. У них гостья, и он, как старший на этом Посту, должен её навес-
стить.

Девушка проснулась.

Усатый предложил ей чашечку бодрящего напитка, и внимательно наблюдал, как та обхватывает эту чашечку руками, подносит ко рту, и вытянув губы, медленно отпивает.

Он бы ещё наблюдал, наблюдал, но вошёл Искушённый.

Усатый что-то процокал, обнажая заметный озёрный выговор, но, посмотрев на вошедшего, вынужден был удалиться.

– Меня зовут Быстрорукая, – представилась девушка.

– Искушённый. Я тут за главного. Вы пришли...

– Не я, сюда пришёл топтун... Я просто закрыла глаза, и доверилась. Как оказалось, не зря.

– Но если бы он не пришёл? По какой-то причине?

– Я доверилась.

– Вы рискованная девушка, – Искушённый, казалось, искренне изумлялся такому вовсе не женскому поступку. Хотя, что значит “не женскому”? Его мать для многих казалась примером как раз-таки мужественности, – что же заставило Вас отправиться? Одной, да ещё ночью.

– Я ищу человека, – гостя смотрела в глаза, – его зовут Мутный. Он мог проезжать несколько суток назад, с дилижансом, со стороны Длиннолесья.

Искушённый смотрел на лицо, смелое, но в то же время красивое. “Да, мужественность вовсе не удел одних только мужчин, здесь даже нет никакой зависимости”.

– Они проезжали, – сказал он, подумав, – трое нанIMATEЛЕЙ, и еще один человек... Подождите, как, Вы сказали? Мутный?

– Да, – девушка быстро моргала, пытаясь прогнать надоедливые мушки, которые до сих пор носились в глазах, – этот

человек – мой жених.

– Ах, так, – мужчина слегка улыбнулся, – ну... и... как Вы его потеряли?

– Это долгая история, – Быстрорукая чуть заметно вздохнула, – он и ещё один, из посёлка, пошли на поляну. Там появились воспы. Ну... Приятель погиб, Мутный пропал. Может, что с головой, после воспов бывает. А потом один самопровозглашённый привязал его к берёзе... Вы понимаете?

Искушённый кивнул.

– Все, кто висел, мертвы, а моего как будто и не было. Кто-то его отвязал, и, возможно, забрал. Если Вы знаете, куда отправились наниматели, скажите. А лучше отвезите. Я заплачу.

Девушка рассказывала, как будто рубила. Мечом. Тон, которым она говорила, отсекал любые сомнения. Да, она ищет своего жениха. Да, она его любит, иначе бы не отправилась в такое рискованное путешествие. И она его найдет, чего бы ей это стоило.

– Теперь я понимаю, – сказал мужчина, – Светлые волосы, голубые глаза. У него ещё шрам, вот здесь, – и показал на бровь.

– Это он, – девушка сжала чашку, да так, что, казалось, та хрустнет, – скажите, куда? Куда он поехал?

– Я расскажу, – Искушённый говорил медленно, чтобы умерить пыл, – я выделю Вам проводника, обещаю. Но пока отдохните... пожалуйста... Должен сказать одну вещь.

– Какую? – Быстрорукая глядела так, будто перед вовсе не проводник, а по меньшей мере какой-нибудь служник, и не какого-нибудь заступника, а служник Обиженного.

Искушённый присел на кровать.

– Видите ли, – мужчина задумался и с тоской посмотрел на окно, закрытое ставнями, – вы ищете жениха, а я ищу дочь. Проводницу в том самом дилижансе. Дилижанс отправлялся в Прихолмье, в общину искателей. Наверняка Вы слышали о такой, – Быстрорукая быстро кивнула, – так вот. Трое суток назад они должны были быть в Долине. И послать оттуда почтового. Но... – Искушённый вздохнул, – вестей никаких, – он вновь посмотрел на окно, – обещайте, что, как только найдете своего жениха, Вы узнаете, где моя дочь и отправите весточку. Денег я не возьму. Про нас, проводников, говорят всякое, и часто, увы, справедливо, но... Обещайте.

– Обещаю, – девушка положила ладонь на ладонь, и взглядом коснулась взгляда.

Беспольного поселили в небольшом уютном домике на берегу бурной извилистой речки. Впрочем, это ни о чем не говорило. Почти все здешние домики были небольшие, достаточно уютные и строить их старались на берегу. А речки в Прихолмье всюду бурные и извилистые.

Соседом оказался здоровый такой детина под два метра ростом. Широкий в плечах, с огромными ручищами и круг-

лой как мяч головой, которая плавно переходила в плечи. И всё же, несмотря на свои внушительные размеры, парень был в общем то тихий. Но при этом подвижный. Постоянно ходил взад-вперёд, что-то готовил, мастерил. Мастерил он красивые и иногда очень сложные вещи – часто это были уменьшенные копии настоящих приборов и механизмов. А некоторые и вовсе выглядели ни на что не похожими. Копии работали как оригиналы и были сделаны точно. Бесплезный не знал – увлечение это, или задание гильдии, но к поделкам присматривался.

Если парень входил в их общую комнату, полезное пространство уменьшалось наполовину, за вычетом мебели – кроватей, стола и парочки шкафчиков. "Половина" – так называл Бесплезный сожителя, конечно же, про себя. Но у сожителя было и имя. Невинный. Почему, отчего – на равнине не задают такие вопросы, как говорится, в лоб. Задают мимоходом и вскользь. Но чтобы спросить мимоходом, нужно с чего-то начать. А начинать разговор было сложно. Мутный и сам не особо то разговорчивый, а Невинный всё время молчал.

Просыпаясь, Бесплезный завтракал, делал домашнее задание и шёл через речку. На той стороне через несколько домиков жил искатель, который его учил. Пару суток – и он читал отдельные фразы. "Каких-то особенных домашних заданий больше не будет. Пиши, выписывай буквы, слова, набивай себе руку. И да, читай. Что-нибудь, понемногу, главное

– интерес. Чтобы читать хотелось. И постоянно – это тоже немаловажно" – сказал ему как-то учитель. И попрощался.

В общине была библиотека (что не удивительно, искатели – народ любознательный). И парень решил выбрать книгу.

Пройдя вдоль рядов, Беспольный нашёл одну книжку. "Сказки Длинного Леса".

"То, что надо", – подумал парень, вспоминая, что эти сказки ему когда-то читали. А значит, они помогут вернуть его прошлое.

Придя домой, он уселся за стол (сердце, казалось, выпрыгнет), открыл наугад страницу и прочитал:

Огнетелка и плавунец

Плавунец

Вы, конечно, знаете маленьких вертких огнетелок, которые без усталости носятся в воде и постоянно чем-то да заняты. И ленивых неуклюжих плавунцов, что любят лежать на

поверхности и только чуть загибают лапами.

Вот и теперь суежилась одна огнетелка, искала что бы поест, строила домик из водных тянучек, прогоняла с подружками озёрного дьявола. Вся запыхалась, устала, но дел было много, везде нужно было успеть.

Остановилась она на минуту.

Глядит – а над ней плавунец, подставил солнцу широкую спину – и ничегошеньки больше не делает.

– И не надоест тебе вот так вот лежать, нашёл бы занятие, – обратилась к нему огнетелка.

А плавунец чуть качнулся, и медленно так ответил:

– Ступай. Не трогай. Мне солнца хватает.

– Ну-ну, – сказала ему огнетелка, – лежи себе тут полёживай, а я поплыву, займусь чем-то полезным.

Вильнула хвостом, и уплыла по делам.

И вот наступила ночь.

Увидела огнетелка, что солнце погасло, зажгла в себе огонек и – снова в хлопоты.

А плавунец растерялся. “Привольная жизнь закончилась, солнце не греет – подумал лентяй, – что же мне делать?”. Выбирать он не мог, потому что не из чего было выбирать – когда лежишь на поверхности, и ничего другого не знаешь.

Почернел плавунец, погрузился на дно, и умер.

Недаром же говорят: много ненастий делают крепче, а случится одно – и ломает.

Сказка оказалась короткая. "Сколько же времени я потратил, чтобы её прочитать?" – подумал Бесплезный.

Но, как бы там ни было, это был первый рассказ, прочитанный полностью.

– Уфф, – выдохнул пареньь.

И перевернул страницу.

Бегун

Саммака

Почему бегуны и саммаки в ссоре

Многим может похвастаться бегун.

Мало кто бегаёт так же быстро, разве что брума, да и то, если встаёт на колёсики. На своих задних лапах бегун догонит любого.

Никто не разит стремительнее. Лапы-кинжалы пронзают любого, будь то носатик, пушистик или зазевавшийся острокрыл.

Ни у кого нет подобной хватки, когда парюю средних лап бегун держит обед. Даже у грозного шептуна.

Саммаки не столь искусны. Ходят вразвалочку, лапы короткие, добычу свою не преследуют. Ждут, когда подойдёт. Подойдёт и ляжет, поближе.

Зато умом и хитростью превзойдет саммака любого.

Не любят бегуны саммак, и если встретят, то непременно погонятся.

А как такое случилось, послушай.

Как-то раз поймал бегун носатика. Но был он не голоден и решил оставить его про запас. Выкопал ямку и зарыл в неё тушку.

Приходит обратно, чтобы полакомиться. Глядь – земля то разрыта, носатика нет. "Кто-то крадет добычу" – подумал бе-

гун. И расстроился.

Но ничего. Равнина широкая, зверья на ней много. Поймал бегун бруму. Долго охотился, но поймал. Принёс, закопал чуть подальше.

Пришел, чтобы съесть. Смотрит – заначка раскопана, кто-то сташил и бруму.

Рассердился бегун, поймал пушистика, только тот закопался в земле, забрал его в лапы и отнес на то самое место. Закопал, оставив заметный холмик, а сам спрятался, ждёт.

Прошёл чуток времени, глядь – сползает с березы саммака и лениво подходит к холмику. Жирный такой, упитанный. "Ишь, разъелся, на дармовых то харчах" – подумал бегун, наблюдая, как тот выкапывает добычу. Его добычу. Хотел подбежать, задать ему трепку – да передумал. Решил проучить.

Но только как это сделать?

Думал, думал, и пошёл на край Леса. Там, в зарослях тянучек, за поваленным деревом жил в глубокой землянке... ну, вы, конечно же, поняли.

– Уфф, – ответил шептун, вдавив кулачищи в землю, – добыча сама идёт в гости.

– Послушай, господин, у меня к тебе дело, – начал бегун. А у самого лапы трясутся, хочет бежать, без оглядки.

Но только вспомнил обиду – всё, уже не боится, и продолжает, уверенно, – что толку тебе от меня – кожа да кости. Я приведу саммаку, жирного и упитанного. Прямо в лапы. Пойдем, господин, со мной.

Усмехнулся шептун, но пошёл.

Дошли они, значит, до места...

Шептун остался в кустарнике, а бегун схватил припасенного острокрыла – и закопал под березой.

Долго ждать не пришлось. Появился тот самый саммака, еще более разжиревший и, как обычно, вразвалочку, подходит к добыче. Раскапывает и начинает лакомиться.

И вдруг понимает саммака, что что-то не так, и чувствует он загривком, как сзади в него кто-то дышит. И не просто кто-то – шептун. Да, да, грозный и злобный шептун.

"Ох! – завопил зверек, но даже не обернулся, схватился за свой живот, – плохо мне, плохо! Отравил меня бегун страшным ядом. И поделом – нельзя брать чужое. О-о-о-о! Как же мне хочется жить, увидеть братьев, увидеть сестёр, ещё хотя бы разок. Но, увы, мне умирать". Тут он упал, дёрнул лапками, раз, другой, и затих.

– М-м-м... – промычал Шептун, шевеля губами, – так, значит, ты его отравил? Чтобы я съел отравленного саммаку?!

Затрясся бегун, запричитал.

Но жизнь дорога, и стремглав бросился прочь.

Шептун посмотрел с отвращением на лежащее тело, надул свои пухлые губы, и скрылся.

А саммака встал, как ни в чём не бывало, и так же, вразвалочку пошёл к своей стае. Там получил обнимашки и успокоился.

Но только с тех пор ненавидит бегун саммаку, и если встретит, то обязательно погонится.

Беспольный закрыл глаза и стал вспоминать.

Он вспомнил, как в детстве любил приманивать саммак, как приносил к полю тянучек добычу – пару пойманных брум или пыхчика, которого, играючи, подрал плащеносец. Плащеносцы пыхчиков не едят, но покалечить могут. А вот саммаки не брезгуют.

Как же стучало сердце, когда он слышал шуршание, и из тянучек, вразвалочку, выходил саммака. Позевывая круглым широким ртом и высовывая шершавый язык. Саммаки не пугались людей, как и равнинные ангелы, да, впрочем, и большинство зримых душ. Но и тут они были особенными – разрешали гладить по зеленой бугристой спине, ложились на спину, протягивая лапки, чтобы ты их помякал, но убежали, как только переходил границы дозволенного – а где эти границы, каждая саммака решала по-своему.

Хотя вот в неволе, несмотря на мягкий характер, саммаки не жили. Плащеносцы жили, а эти нет.

Парень захлопнул книгу.

Невинный возился с моделью какого-то странного механизма. Как он работает и для каких целей служит, Мутный не знал. Предположения возникали разные, но напрямую спросить у сожителя он не решался. Искатели – люди особые, сказал себе парень.

И вышел во двор.

Прогуляться вдоль речки, привести мысли в порядок, и, может, что-нибудь вспомнить. Что-то ещё.

То, что память наконец возвращалась – дело хорошее, он хотел, чтобы память вернулась. Но боялся. Новых открытий. Боялся того, что неожиданно вспомнит что-то особое, важное, неотложное, что-то такое, что тут же изменит жизнь. Или заставит уйти. Так после тяжёлой попойки вспоминаешь её подробности, которые проявляются голове. Медленно и с издёвкой.

Кроны деревьев смыкались над речкой, цветы, красные, зеленые, синие освещали бегущие воды, огнетелки, словно желтые огоньки, проносились то тут, то там, добавляя света, и он удивлялся – почему не все селения строят вдоль речек, почему обязательно по краю зримого Леса. Ведь один только вид беззаботно текущей воды лечит лучше любого знахаря. Или лекаря. Членов лечащей гильдии называли и так и так.

Он присел над водой и веточкой полуводный тянучки попытался коснуться дна. Это не получилось – веточка тут же погнулась. Слишком быстрые воды в Прихолмье. В Длиннолесье реки спокойнее.

Опять Длиннолесье. Да, он, похоже, скучает.

Оглядевшись, парень заметил, как кто-то идет. Не заметить было нельзя – ведь это Невинный шагал в его сторону. Буквально след в след.

Бесполезный задумался.

Может, они одинаково мыслят? Ведь оба решили остаться в Прихольмье, в самой далёкой гильдии. Возраст у них одинаковый. Вот и ходят теми же тропами, по тем же дорогам. Куда бы ни шёл Беспольный, Невинный шёл следом.

Может, он ищет что-то сказать? Но сказать не решается. Или просто хочет поговорить.

Думать о плохом не хотелось, но оно лезло в голову.

Карета покачивалась на кочках, в дороге немного подташнивало, но рессоры были что надо, так что поездка проходила комфортно. Тем более, если рядом с тобой собеседник, чьё простодушие подкупает. И освежает душный дорожный воздух.

– Любимая то у тебя есть, а, Косматый? – Быстроходящая одним движением ножа разрубила гранат пополам и отдала половинку.

– Была, – парень хрустнул, разламывая половинку на части, – я уехал, а она осталась в Приморье. Малом, на островах. Дак я ж не жалею, расстались – и ладно. У йё щас другой, а мне что грачу...

– Твердетелка, – закончила девушка.

– Да, – Косматый потряхнул волосами, – тут было замутил с попутчицей, планы, что шхуна с поднятым якорем. А она пропала. Уехала к родственникам, так мне сказали. Зато теперь я свободен. Открыт предложениям, – он улыбнулся своим широким щербатым ртом.

"Очаровательная улыбка, – подумала девушка, – нет, правда, может, не столь красивая, но такая обезоруживающая".

– У тебя всё сложится, с такой-то улыбкой.

– Спасибо, – парень опять улыбнулся, – время с тобою летает, как парусник. У меня ещё не было такой очаровательной спутницы.

– Если ты хочешь меня покорить, то зря стараешься, Косматый, – Быстрорукая впилась зубами в свою половинку, – у меня уже есть наречённый. Это к нему я еду.

– Искушенный так и сказал, – собеседник не оставлял свой вечно неунывающий тон, – но ты всё равно очаровательна. Уж в хорошеньких девушках я разбираюсь.

"Что правда, то правда" – подумала Быстрорукая.

– Я знаю, ты дочь самого Заговорённого, – сказал вдруг Косматый.

– Ты слышал об отце? – девушка как будто слегка удивилась, хотя это было не удивительно – об отце слышали многие.

– Вот те ж раз, – парень всплеснул руками, – да кто ж о нём не слышал, тем боле в Малом Приморье.

Быстрорукая вспомнила.

Три дня тому назад, ещё до её рождения, произошел конфликт между жителями Малого Приморья и рыбацкими деревушками на островах, конфликт настолько острый, что его прозвали войной, "рыбацкой". Приближалась ночь, и остро-

витяне переселились на равнину. Своего Леса на островах не было, поэтому они занимали дома в паре селений Малого Приморья. Такая система сложилась давно, и каких-то открытых конфликтов до тех самых пор ещё не было. Селения, в которые заселялись рыбаки, предоставляли кров. Островитяне пользовались всеми услугами, что были доступны обычным жителям, но жили отдельно, тем, что заработали, не делились.

И вот однажды собрались селяне и договорились положить этому конец. Жирный и окончательный. "Каждую ночь они живут с нами. Пусть будут членами общины". А значит – отчисляют часть своего дохода. Так и сделали. Часть товаров была передана в общую собственность, часть денег просто забрали.

Но рыбаки не собирались сидеть сложа руки и обратились к Совету старейшин. Старейшины спорили, спорили долго, но в конце концов встали на сторону Леса. Тогда островитяне потревожили самую строгую гильдию – гильдию стражей. Те поддержали рыбаков (особенно после весомых доказательств в виде каравана доверху гружённых телег) и даже задействовали гильдию воинов, задачей которой с момента её возникновения было поддержание порядка, когда обычные, мирные средства исчерпаны.

Возник опасный прецедент – традиция, которую соблюдали веками, и которая таким образом обрела силу закона, была нарушена. Теперь следовало наказать виновных, и вер-

нуть всё обратно.

Среди воинов, отправившихся наводить порядок, был и отец Быстрорукой. Еще не Заговоренный, тогда его звали иначе. Задорный, насколько помнила девушка.

Семейные предания сохранили образ взбалмошного юноши, весьма отдаленно напоминающего того серьезного и ответственного человека, каким стал отец после того, как что-то сломалось в душе. Что там сломалось, какого рода надлом – девушка не знала. Но это случилось ещё до того, как исчезла их мать. До того, как родилась Быстрорукая. И, конечно же, до того, как он получил своё новое имя.

Надо сказать, задача, возложенная на воинов, была не из лёгких. Селяне взяли посёлки в грамотную оборону, проникнуть через которую было непросто. Проникнуть без жертв, но жертв никто не хотел. На равнине ещё помнили самую разрушительную войну, случившуюся два столетия назад, которая получила название “война ресурсов”, и делали всё, чтобы такого не повторилось. К тому же, воинов послали стражи, а стражам было важно хранить репутацию.

Что в таком случае оставалось пришедшим? Разбить лагерь и ждать, когда бунтовщики выйдут сами. Или рискнуть. Что, собственно, Заговоренный и сделал.

Он забрался на ствол прыгуньи, забрался под самую крону, что само по себе было непросто, ведь использовать ножи и другие острые предметы было нельзя – дерево могло рассердиться. Приходилось взбираться по мелким неровно-

стям, надеясь, что ты удержишься.

Накинул на ветку аркан, и, шаг за шагом, с кроны на крону, добрался до центра селения. Осталось незаметно подобраться к старейшине и заставить того согласиться. На новых условиях.

Но незаметно не получилось. Заговорённого заметили.

Десятки стрел было выпущено в воздух, но ни одна не попала. Половина мужского населения искала отца, когда он спустился, но никто не нашёл.

Говорить со старейшиной было некогда, пришлось взять в заложники.

За время своей вылазки Задорный не получил ни одного ранения, да что там ранения – ни одной царапины, но самое удивительное поняли позже – отца не тронули воспы, хотя он буквально летал по их гнёздам.

Тогда Задорный и стал Заговорённым. Воином, почти в одиночку завершившим войну.

– Твой батя – легенда, – сказал Косматый, сказал уважительно, – хотя я, кнешн, считаю, что это несправедливо, если кто-то живет в общине и общине не помогает. Ну, мож, потому, что я сам с Приморья.

– Как говорит мой отец – справедливость у всех разная, – Быстрорукая вытерла руки и склонила голову набок, – закон один. Поэтому надо жить по закону, а не по-справедливости. Хотя один мой знакомый герцог утверждал обратное.

– У тебя есть знакомый герцог? – удивился Косматый за-

дорно, – уж не наш ли господин Сострадательный? С Малого Приморья?

– Нет... Но это так, знакомство мимолётное. Надеюсь, оно не повторится.

Девушка задумалась.

– Косматый, а этот ваш Сострадательный ездит на лошади?

– Нее, – тот улыбнулся, – у нас такую скотину отродясь не видывали.

– Представь, а мой ездит, – девушка нахмурилась, когда услышала, как произнесла слово “мой”.

– Лошадь – животное редкое, у нас не все о ней даже и знают. Мало кто знает, – Косматый обтёр свои руки, – зато есть чернильщики, и кататься на них одно удовольствие.

– Чернильщики, – воительница провела языком по губам, – я не каталась.

– У Приморья полно островков, и чернильные демоны – самое то, – парень вздохнул, – у отца есть загон. Хочешь, ижжай, покатаешься.

– Я подумаю, – Быстрорукая улыбнулась, – предложение заманчивое.

– А лошадь у нас отродясь не видывали, – Косматый задумался, – была дна история. Я чуть не забортахнулся, когда ей услышал.

Стояла, знач, на одном из островов закусовая. Да она й щас там стоит. И вот пришел корабль. Невеликая такая

шхуна. У нас все корабли невеликие, в море далёко никто не уходит. Кто й там перевозил лошадь, зачем. Мож заказ в Большое Приморье. Есть чудаки. Бывает, даже шептунов держат, засади в меня гарпун. Ну и этот, проводник, что перевозил лошадь, передал ёй хозяину. А наутро поинтересовался: "Как там лошадка?" "Какая лошадка? – спрашивает хозяин, и улыбается, – ах, лошадка. Во знач чо йна за зверь. Буду знать." "Так как? Я отплываю. Скоро". "Хорошо, – grit хозяин, – отплывайте, пожалуйста. И не волнуйтесь. Вот ваши деньги". "Какие деньги??" "Да за лошадку. 100 кэгэ мяса. Ну раз животина редкая, заплатил за кэгэ больше. За коз даю меньше. Коли Вы не согласны, так и быть, могём договориться. Вы, главное, grit, это, приежайте. Многие постояльцы просят чё-нить такого, особенного."

Быстрорукая рассмеялась.

Косматый оказался простым собеседником, а значит, приятным, особенно для такой изматывающей дороги. Слова убаюкивали, беседа затягивала, и минуты привала текли незаметно.

Они приближались к Долине. Навстречу шли дилижансы, и Косматый приглядывался. Может быть, Мутный с попутчиками и останавливался в каком-нибудь селении, но всё не объедешь, а время терять не хотелось.

Задержавшись в Долине всего ни на что, они повернули к Прихолмью.

"Всё-таки скверное это время – думала Быстрорукая, –

пылающие небеса. Если бы я верила в Обиженного, я бы его проклинала. Хотя бы за это."

Карета тряслась, внутри было душно, и безумное небо давило одним своим присутствием.

Но оставалось всего ничего, четверо суток, такая малость, и девушка надеялась, что скоро обнимет. Его. Её нареченного.

Шептун и брума

Шептуна боятся все – и быстроногие бегуны, и остроклювые стриклы, и ленивые саммаки. А поваленные деревья, за которыми он лежит, даже топтун обходит подальше. А ангелы облетают.

Но есть один зверек, которого боится и он. Не прыгун, не шая и даже не ядовитый ползун. Это самый обычный брума, слабый и беззащитный.

Бояться он начал в то самое время, когда люди пришли на равнину.

А как так случилось, послушай.

Проголодался шептун, и решил найти себе обед. Шептал он, шептал, надувал свои губы. Но только никто не пришёл.

Оглянулся зверь, смотрит – стоит маленький брума. Стоит и трясётся.

– А ты что здесь делаешь? – спросил он, зевая.

– Я заблудился, господин.

– А что трясешься?

– Так я боюсь, что ты меня съешь.

– Ха, – засмеялся шептун, – ты слишком маленький, чтобы тебя есть. Вот если бы вырос и стал как бегун. Или там покрупнее.

– Нет, господин, я больше не вырасту, ну если чуток.

– Да ты постарайся. Как вырастешь, приходи. А не придёшь, найду твою семью, возьму вас в пучок и съем. Пучком то оно пожирнее. Ступай. Слишком мал, чтобы стучаться в живот.

Опечалился брума, пришёл домой невеселый, да всё молчит, не рассказывает, что же случилось. Маленькие брумята, братья и брумы постарше бегают вокруг, веселятся, а он встал под маячок и думает, как же быть.

Но ничего не придумал и вышел на дорогу.

А там как раз проезжала карета.

"Пускай себе давит, – думает брума, – выхода нет. Лучше так, чем в пасть шептуна".

Но тут пришла к нему мысль, и брума отъехал.

"Карета, – подумал зверек, – у неё есть колёса. Что, если ..."

И пришел к человеку.

– О человек, – пропищал брума, – ты повелеваешь всеми незримыми душами, зверями, птицами, гадами. Снизойди до моей просьбы, не оставь маленькую бруму.

– Послушай, брума, ты интересный зверёк, – сказал чело-

век, – у тебя есть колесики, твои маячки светят ночами и помогают в пути. Проси чего хочешь, выполню.

– Спаси меня, человек. Мне угрожает шептун. Грозится съесть мою семью, если я не поправлюсь и сам не приду на обед. Хочет, чтобы стал вот таким, – и показал на карету.

– Нуу, – рассмеялся мужчина, – таким тебе точно не стать. Хотя... есть у вас что-то общее.

– Колёса! – воскликнул брума, – поэтому я и пришёл.

– Ага, – человек задумался, и почесал свою бороду, – я, кажется, понял. Шептун хоть и грозное, но глупое животное, а карету отродясь не видывал. Сидит в своей берлоге на краю Леса. Вот и подумает, что ты разжирел. Да так разжирел, что стал ленивый и неповоротливый. Иди себе домой, остальное мы сделаем сами.

Брума сказал спасибо и убежал. А человек пошёл к шептуну.

Тот удивился, и даже сначала подумал, что вышла ошибка.

– Это моя берлога, я тут хозяин, – сказал он грозно.

– Да погоди, погоди, – человек показал свои руки, говоря, что пришёл к нему с миром, – я от брумы. Той самой, которой ты велел разжиреть. Он выполнил просьбу и стал большой как топтун.

– Ха, – шептун вылез на свет, – хоть в это и сложно поверить, но чего не сделаешь ради семьи. Веди меня, человек, я проголодался.

Они минули завалы и шли, шли, всё дальше и дальше. Через поля тянучек, рощи берез, поляны зонтиков. Шептун никогда так далеко не ходил. Ворчал он, ворчал...

Пока не увидел карету. Большую и на колёсах. "Вот как, – подумал шептун, – и правда, жирный. Но это брума, ведь только он имеет колёса".

И, долго не думая, прыгнул на козлы.

Чуть лапы не переломал. Кто-то накинул на него веревку, вторую, третью. Из кареты выбежали люди и так обработали шептуна, что тот забыл, что он голоден, забыл, что свиреп – лишь бы вырваться. Не тут-то было – верёвки держали крепко.

Уже не грозный, шептун вопил, кричал, умолял о пощаде. И всё это время он представлял себе бруму – такую маленькую, но такую коварную. Сжалились люди, отпустили животное, и то убежало. Вприпрыжку. Долго ещё подвывал бедолага, сидя в берлоге и залечивая раны.

Да с той поры, как увидит бруму, бочком, бочком, и уходит подальше.

Шептун

Брума, рисунок ребенка

Беспольный задумался.

Он вспомнил игру, в которую играл ещё в детстве – брума, шептун, саммака. Первый бил второго, второй третьего, третий – первого. Круг замыкался. Как давно это было, но как свежо оказалось. Как будто в голове навели порядок, и теперь каждый кирпичик лежал где положено, свободный от пыли и грязи.

Вспомнив игру, он вспомнил приятеля, высокого беззаботного парня со щербатой запоминающейся улыбкой. С этим парнем случилось что-то плохое.

Беспольный нахмурился.

Это плохое ему предстояло вспомнить. Воспоминания – это медаль, где две стороны. Одна тебя радует, другая печалит.

Парень вздохнул, и вновь опустил глаза.

Шаи и их история.

Шаи – зверьки неуклюжие, и, кажется, беззащитные. Питаются твердотелками и личинками.

Но стоит обидеть зверька – случится такое, что убежишь. Это понятно всем – хитрым саммакам, быстрым бегунам, и шептуну, грозному, но осторожному зверю.

Но было так не всегда.

Было время, когда шай считались вкусным и самым доступным лакомством среди зримых душ. На них охотились все, кто охотится.

Мало стало зверьков.

Собрались они на совет, а после совета – к Обиженному. Мол, помоги, не дай умереть.

– Хорошо, – сказал тот, – но что вы хотите? Я исполню ваше желание. Только, пожалуйста, поточнее.

– Великий, – взмолились шай, – сделай так, чтобы все нас боялись. Чтобы все убегали, как только мы появляемся.

– Ну, – ответил Создатель, – пусть будет по-вашему.

И сделал так, что шай стали бояться все – настолько они отвратительны. Теперь не только бегуны и саммаки обходили их стороной. Попрятались даже личинки и твердотелки. В страхе разбежались на своих тоненьких ножках.

И сказали шай Обиженному:

– Так мы, пожалуй, с голоду все подохнем. Не хотим, чтобы нас боялись, сделай так, чтобы были большими.

– Будь по-вашему, – согласился Обиженный. И выполнил просьбу.

Теперь никто шай не трогал, не обижал, даже шептун – и тот обходил. Но большое тело не насытит маленькими личинками, а никакой другой пищи шай не знали.

Опять обратились Обиженному, опять сказали:

– Пожалей нас, Великий. Не хотим быть большими. Толь-

ко сделай нас шустрými, лёгкими, чтобы носились по воздуху, как долгоносики, и никто бы нас не поймал.

Задумался снова Обиженный, и сделал так, как просили. Словно невесомые зонтики носились по ветру шаи, и никто на них не охотился.

Но не могли спуститься на землю, чтобы найти пропитание. Только они приземлялись, как уносились порывами ветра, все выше и выше, а твердетелки хлопали лапками и праздновали спасение.

Взмолились шаи опять и попросили помочь.

– Ну что же, – сказал им Обиженный, – пожалуйста, помолчите. Я о вас позабочусь.

Он забрался на самый высокий холм и начал думать. Думал, думал, потом спустился и говорит:

– Я сделал так, что вас будут бояться. Вы станете большими и сможете легко носиться по ветру, но тогда и только тогда, когда угрожает опасность. А в обычное время вы останетесь теми же милыми и беззаботными шаями.

Как сказал, так и сделал.

С тех пор никто не трогает шаю. Да и как её тронешь, если та раздувается, словно мех, и пока, сбитый с толку, ты пытаешься что-то понять, улетает куда подальше

Не подойдешь к такой ни-ко-гда.

Беспользый дочитал свою книгу и теперь валялся в кровати. В руках он крутил веревочку, усеянную узелками, пе-

ребирал их и думал.

Прошлое возвращалось.

Парень вспомнил длинного худого человека с вытянутым остроносым лицом и сильно охрипшим голосом. Кажется, Сиплый. Или Сипатый. Как-то он рассказал им историю шай, и после ввернул нравоучение. Мол, лучше формулируйте желание, знайте, чего вы хотите, иначе будете попусту тратить время. И время других – прибавлял он в конце, подняв кверху тощий и длинный и палец.

Мать.

Отец.

Беспольный вспомнил их лица. Родительский дом. Сестру. Она смеялась, так громко и весело, что, казалось, смех – это отдельное существо, которое поселилось в их доме. На контрасте с братом – Беспольный всегда был угрюмым.

Он вспомнил их шалости. Вспомнил, как однажды, вместе с друзьями, подпалил дерево зримого Леса, чем мог навлечь настоящую беду на селение. Кажется, они разжигали костёр (под деревом!) и хотели поджарить парочку дохлых носатиков – чтобы проверить, едят ли ангелы жареное. Ох и досталось тогда. Посёлок гудел, отец целые сутки ходил пунцовый и старался ни с кем не встречаться.

Однако теперь Беспольный вспоминал эту шалость с улыбкой. Почему?

Он посмотрел на соседа. Тот лежал на боку, подоткнув свои лапы под голову, и, казалось, уснул.

Парень задумался.

Во сне Невинный могуч – это работает мельница, это рокот, который ничем не заткнёшь. А сейчас лишь посапывание, и даже оно не слышно. Значит, не спит, притворяется.

Бесполезный решил проверить.

Тихо поднявшись, так, чтобы не скрипнули половицы, он прошёл прямо к выходу. Раз оглянулся и вышел.

Ответ пришёл сразу. Не прошло и минуты, как грузное тело соседа вывалилось наружу.

"Что и требовалось доказать".

– Добрых суток, – приветствовал Бесполезный, бросая камешек в реку.

– Суток, – сказал низким басом Невинный. И громко зевнул.

"Вот скотина".

– Так значит, правда?

– Что правда?

– Ты постоянно за мной следишь. Пожалуйста... – Бесполезный сделал рукою жест, отсекая все возражения, – это заметно.

Невинный опешил:

– А я то при чем? Меня попросили, я и слежу. Какие вопросы? К тебе? К тебе нет вопросов.

– Это старейшина, – сказал Бесполезный. Не спросил, а сказал.

И вновь бросил камешек.

– Он...

– Я так и думал, – парень вздохнул, – разреши, я схожу и спрошу его прямо.

– Иди. Я разве задерживаю? – Невинный пожал плечами, – меня попросили следить. И всё.

Беспользый вернулся.

Оделся, уже по-походному (мало ли что), забросил за плечи мешок. Чуть помешкался, сбросил мешок, положил туда книгу, снова забросил, вышел.

– Ну что, пойдёшь сзади? – спросил он Невинного.

– Да не. Погляжу. С расстояния.

– Честный ты парень.

Беспользый нахмурился и зашагал по тропе. Туда, на окраину, к дому старейшины, вернее, к тому, кто его замещал.

Идти было непросто. Сердце стучало как молот. С чего он начнет разговор? Что спросит? Лобастый казался умным, но жёстким и даже жестоким. Почему? Ведь он однажды с ним говорил. Только однажды. Но ощущение какой-то недосказанности в том разговоре присутствовало. "Хоть бы сейчас всё решилось, пусть даже арест. Я не виновен и каяться не о чем".

Беспользый прибавил шаг.

И скоро жал кнопку. Ту самую, с которой и началось знакомство с общиной.

Никто не откликнулся.

Парень вздохнул и присел рядом с дверью. Спросить, зачем вы следите? Но это понятно. Пришел внезапно, с ценной реликвией, вместо тех, кого ждали. Да ещё с обвинениями. Как бы он поступил на месте Лобастого?

Бесполезный задумался.

Может, сбежать? Скрыться, пока есть возможность?

"Нет" – в ответ своим мыслям, парень мотнул головой. Он так не сделает. Не зря сюда шёл, не зря давал слово, там, в той харчевне, где сидел с Терпеливым. Ведь что будет значить побег? Что он виноват, что он, возможно, убийца, а Любящая будто и ни при чём. Вот что побег будет значить.

И оставалось ждать, когда подойдёт Лобастый. Ждать, а потом задавать вопросы. Лоб в лоб.

– Добрых суток, – старик, казалось, не удивлялся. Он пригласил Бесполезного внутрь.

– Суток. Мы можем и здесь... говорить, – парень не исключал возможность побега.

– Что ж, говори. Как, кстати, твоя учёба?

– На днях прочитал первую книгу.

– Похвально. Весьма похвально. Тебе бы ещё научиться писать.

– Я уже думал... потом, – Бесполезный не знал, как начать, – что рукопись?

Старик приподнял свои плечи. И опустил.

– Другой язык. Терпеливый нам не оставил намеков, как её прочитать. Приходится разбираться, – Лобастый вздох-

нул, – Возьми, к примеру, язык, наш, равнинный, допустим, говор Приморья. Или Долины. Многие слова звучат по-другому. Пыхчика называют пых-пых, а где-то и вообще пылесямбр (старик усмехнулся). Ты же бывал в Долине, знаешь тамошний говор.

– Но вы говорите как в Междуречье.

– Здесь люди со всего света. Вот и стараемся говорить правильно. Хотя, что значит правильно? Мы тоже говорим каким-то особым говором. Междуреченским. А копни глубже... Есть книга, называется "Приключения Листика". Слышал, наверное? – Бесплезный кивнул, – она написана очень давно, тогда, когда люди еще не пришли на равнину. Стражи скажут – они жили здесь, всё своё время, а Остров – что-то иносказательное. Остров незримых душ. Так они говорят. Но мы то знаем, что это не так. Да люди и раньше знали, вернее, не знали, догадывались. Может, память. Есть такая общая человеческая память. В сказках же так и написано: "когда люди пришли на равнину", – Бесплезный кивнул, – так вот. Язык "Приключений" похож, но всё же другой, отличается больше, чем говор Долины. Или Приморья. Таким он и выбит на медных пластинах. Возможно, дневник отличается так же. Возможно, больше. Возможно, это один язык с "Приключениями", возможно, другой. Мы не знаем. Нужно провести полный анализ текста, чтобы ответить. Но буквы его не похожи. И надо соотносить, хотя бы ту же частотность, с которой они встречаются, с частотностью в самом обычном

тексте. Понятно?

Парень кивнул. Для приличия.

– Я отдал рукопись одному человеку, которому доверяю. Надеюсь, будут подвижки, – Лобастый помедлил, а после спросил, – ты это хотел узнать?

– Нет, – резко сказал Бесплезный, – я по поводу моего сожителя, брата Невинного. Он за мною следит. Постоянно. Куда бы я ни пошёл. И, кажется, это Вы ему приказали.

Старик усмехнулся:

– Начнём с того, что в этом селении я никому ничего не могу приказывать. Я могу попросить... А что касается тебя, – Лобастый выдержал паузу, – ты и сам понимаешь. Может, ты сам ответишь на этот вопрос?

Старик замолчал.

Бесплезный не знал, что сказать. Молчание стало вязким.

– Я никуда не сбегу, – ответил он сухо, когда понял, что нужно хоть что-то ответить, – Хотел бы – сбежал.

– Верю. Мне кажется, ты парень честный, порядочный.

– Не божись Обиженному за чужую душу, – съязвил Бесплезный, – хорошо, я принимаю правила. Разрешите только бывать в загоне.

– В загоне? – старик усмехнулся, – почему бы и нет? Ты не пленник. Считай себя новым членом общины. А все эти необязательные обстоятельства – ну, чём-то вроде испытания... Однако, я могу поинтересоваться – зачем?

– Я слышу животных. Так же как и деревья. С некоторых пор, – парень вздохнул, – и мне необходимо это общение, чтобы научиться их понимать.

– Ты слухач. Что же, похвально. Занимайся тем, что тебе по душе.

Собеседники встали и посмотрели друг другу в глаза.

– МУТНЫЙ! – раздался вдруг голос. Сзади.

И где-то внутри отозвалось, как эхом: "Мутный, Мутный, Мутный..."

Беспольный медленно обернулся. Потому что не мог он быстро – в голове стало что-то крутиться и проворачиваться, как шестерёнки того механизма, что собирал Невинный.

– Быстрорукая, – прошептали губы.

И пазлы встали в пазы.

Пальцы дрожали, пока Искушённый вскрывал письмо. Плащеносец важно прогуливался вдоль длинного, выдавшего вида стола и молча просил награды. Конечно, заслуженной.

– Сейчас, Ходкий, сейчас...

Сердце стучало в висках, в ушах звенело, но глаза поглощали каждое слово:

"Добрых суток! Пишу Вам по поводу дилижанса, как обещала. В дороге произошло происшествие. Топтун, который их вёз, заблудился. Позже его убила маара. Ваша дочь и Долговязый стали искать дорогу и попали в долину. Там ваша

дочь уснула. Её оставили в карете, чтобы добраться до селения и позже забрать. Все остальные ушли. В пути Долговязый погиб, возможно, его убил наниматель. Ваша дочь пропала. В карете её не было. Б."

Вот и всё.

"Долговязый погиб... Дочь пропала..."

Искушённый оставил письмо и стиснул голову руками.

ГЛАВА 3. ЗАГАДКА ШЕСТИЛАПОВ

Собрались слушающие, и сказал Господь:

“Долго радовались вы жизни, и я радовался с вами.

Но знайте, что придут последние времена.

Когда погаснет солнце и большие уже не зажжётся.

Когда не родятся дети ваши.

Умрут матери ваши.

И навсегда погрузится во тьму этот мир.

Черви прогрызут тело земли, и войдут во владение ею.

И всё, что вы любили, погибнет”.

Притихли слушающие, потупили взоры.

“Тяжёлые слова услышали мы сегодня.

Печальные мысли принесем мы народу нашему.

Если в силах Твоих остановить это пророчество,

Смилуйся,

Спаси от несчастья”.

И подумал Господь, и сказал:

“Вы дети мои, и я помогу вам, как вы помогаете детям

вашим.

Нет в этом мире другого исхода, и будущее безжалостно.

Но есть другие миры.

И когда пробьёт этот час,

Когда судьба начнёт вершить свое пророчество,

Придёт спасение из другого мира.

Примите его частичку с любовью и уважением.

Так, как уважаете вы братьев ваших, когда они станут избранными."

Из собраний пророчеств Народа Холмов.

Он смотрел на решетку окна. Глаза болели. Голова хотела упасть во что-нибудь мягкое и провалиться.

Община заснула. Они ещё будут спать, а ему выходить, готовить завтрак. На всех. Зря согласился на такую работу, забери меня черный.

Пытливый потряс головой.

На столе стоял лучший прибор, какой только можно придумать. "Зоркий глаз" – так он его назвал. Должно быть, есть у прибора и другое название. Тот, кто его придумал, наверняка знал, что он придумывает. Но... не всё ли равно?

А прибор удивительный. Любую деталь ты можешь увеличить в сотни, в тысячу раз – и разглядывать то, что никогда не увидишь глазами. Будто глядишь в новый мир. Всё равно что подняться на башню, так, чтобы туман остался внизу, и смотреть в увеличительную трубу. На ту же Белую Россыпь. Или невидимые огоньки, что сверкают в небе. С земли не увидишь, из-за ночного тумана, а с башни – пожалуй-

ста. Днём можно направить трубу на горы. Наблюдать за животными. Всё. Остальное разглядывать неинтересно. Что ты увидишь в селении? Как кто-то кого-то?

Пытливый вздохнул.

А с “глазом” проникнешь туда, куда мало кто проникал. А может, и вовсе никто – прибор то новый, раньше такие не делали. Нет, существуют стёкла, что увеличивают в десять, двадцать, в десятки раз. Но чтобы в тысячу...

С прибором проникнешь. Как сладострастно...

Пытливый ввалился в кресло.

На столе стоял поднос, на подносе ошмётки существ – брумы, носатика, крысы, воробушка. Кусочек стебля гвоздики, лепесток дорожной крушинки. Даже кусочки дерева Леса (конечно, давно уже мёртвого – живое трогать нельзя). Казалось, это разложено хаотично, как на столе мясника. Но нет – здесь просматривался порядок, понятный только ему. И если этот порядок нарушить, нарушится вся система, которую он старательно создавал.

По левую руку листы, с быстрыми и понятными только ему зарисовками. Нужно аккуратно подготовить образец, навести резкость, зарисовать. Это давило на зрение и отнимало время. Но это было интересно. Безумно интересно. Самое увлекательное приключение в жизни, и оно, конечно же, стоило всех усилий. Ещё как стоило.

Вибрируя от приятных забот, Пытливый становился рассеянным.

Опять завтра забросит в суп сухофрукты, или в компот чечевицу. Опять ушедшие в себя искатели этого не заметят. Или заметят, но виду не подадут. Если бы он так готовил в родном Длиннолесье, его бы попёрли с кухни. Давно бы попёрли. А здесь – вроде терпят.

Ну и пошла она к шкоднику, эта кухня. Гораздо важнее рисунки. Он будет их сравнивать и размышлять, возможно, получит ответ. На все те вопросы, что мучают.

Пытливый сглотнул. И задышал, быстро-быстро.

Мучают, мучают. Иначе и быть не может...

Почему все живущие в мире делятся поровну – условно существа со зримой и не зримой душой? Первые, умирая, отдают свою душу. Вторые как будто не отдают, ничего. Но душа у них есть – ведь не может же человек быть бездушным. Есть, правда, 2пэ, такое учение, оно утверждает, что души у людей всё же нет, как нет её у Создателя, но это учение – чушь. Сплошные сравнения, и все доказательства исходят из факта, что Бог существует. А это не факт.

Душа...

Если бы всё заканчивалось этим. Но нет. Возьмем рацион. Первые не едят вторых, вторые – первых. Какая тут связь? Да, он пробовал мясо носатиков, это было давно, ещё в детстве. Ребята зажгли костер (под деревом!), чтобы узнать, едят ли ангелы жареное. Мясо оказалось приятным, слегка сладковатым, но после... В ближайшие сутки горшок был пределом мечтаний.

Пытливый протёр глаза.

Есть и другие различия. К примеру, сам процесс размножения. Зримые рождаются редко, раз в десять лет, как только восходит солнце. Даже тянучки или крушинки, даже деревья зримого Леса, чью поросль берут шестилапы, а после несут на равнину. Твердотелки, совсем уже мелкие – и те приносят потомство раз в десять лет. Не то, что незримые – люди, собаки, птицы.

Но почему? Обиженный знает (хотя и нет никакого Обиженного).

Загадки... Которые хочется разгадать. Пока существуют загадки, жить интересно. Не будет загадок... Впрочем, загадки – они не закончатся. Ни-ког-да.

В дверь постучали.

"Лобастый. Хочет узнать, как там книга" – Пытливый взглянул на рукопись.

Дверь отворилась.

Но это был не старейшина.

На пороге стоял... Мутный.

– Привет, человек! Какими судьбами? – Пытливый вскочил и протянул свои руки.

– Я?? А ты что здесь делаешь? Гильдия потрошителей? – Мутный глядел на ошмётки. И улыбался.

– Да я... изучаю.

– Стражи за такие изучения... – парень увидел "глаз", – а это?

– Это... – Пытливый напустил как можно больше загадочности, – это замечательный прибор. Всё, что положишь сюда, – он показал на маленький столик у самого основания, – в тысячу раз станет больше. Для глаза.

– Ого, – Мутный присвистнул, – и правда, славный прибор. Где ты его откопал?

– Всё там же. На междуреченском рынке, – искатель смутился, – правда, стоил он дорого. Очень. У меня таких денег не было, я забрал...

– Своровал, говори уж как есть... Узнаю, – Мутный цокнул, – помнишь, как ты стащил карту из дома Сипатого?

– Помню, – Пытливый чесал шевелюру, – я её срисовал. И вернул.

– Вернул... Сипатый слюной изошёлся. Если бы он узнал, кто это сделал...

– Ладно, ладно, – искатель скривился, – отдам. Только закончу исследование.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Они обнялись, на этот раз крепко.

– Дружище... Вот уж не думал, что встретимся. Мне показалось, ты уехал в Долину.

– А-а... – искатель махнул рукой, – я думал учиться книгопечатанию. Ведь это дорога к знаниям. Прямо. Но... встретил тогда Терпеливого. Есть такой человек, замечательный. Ты, конечно, не знаешь.

– Ошибаешься. Знаю. Знал... Терпеливый погиб.

Пытливый задумался.

– Так это ты ехал с ними?

– Я. И книгу привёз тоже я, – Мутный кивнул на дневник.

– Рукопись?

– Рукопись. Я потому и пришёл. Хотел узнать, как продвигается дело.

– Ну, если честно, никак. Я увяз... – Пытливый вздохнул, – завтра займусь. Ты меня знаешь, пообещал – значит, сделаю.

– Постарайся, – Мутный смотрел на дневник, – Терпеливый его берёг. Если хочешь, приду к тебе завтра, будем работать вместе. Заодно вспомним дом.

– Приходи. Ты научился читать?

– На днях, – Мутный пожал плечами, – и прочитал одну книгу.

– Какую?

– Сказки Длинного Леса.

– Хорошая книга, – Пытливый говорил без иронии, – прочитай ещё, есть такая, в нашей библиотеке – "Племя кошек и племя саммак"... Нет, серьёзно. Читается влёт.

– Ну у меня влёт не получится. Но спасибо. Запомнил. "Племя кошек..."

– Завтра займёмся рукописью. А с этим, – искатель кивнул на ошмётки. И выдохнул, – продолжу позднее.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Они, бывает, приходят сами. Но мы далеко от Леса. Что он пришёл – чудо. Чудо чудесное.

Отец держал её за руку – большой, умный, спокойный. Он знал так много, что хотелось сидеть возле него часами, и слушать, слушать...

Но больше получалось спрашивать.

"И откуда у тебя столько вопросов? – сказал он однажды, – ненасытная моя стрикляточка". Отец был добрым и почти никогда не ругался. А масло, которым он натирал свои щёки после бритья – она помнит запах этого масла. Запах уверенности и безопасности.

Теперь они стояли около Поста и глазели на невесть откуда появившегося древоходца. Листья в его раскидистой кроне шуршали, то ли сами, то ли под колыханием ветра, а может, их шевелили струйки, жёлто-зелёные создания, похожие на маленьких долгоносиков, которые, словно рыбки в пруду, резвились среди ветвей.

Такое чудо зашло к ним в гости. И уж, конечно, оно принесет удачу.

Ведь близость древоходца – это лучшая защита любого зримого от ужасной маары. Как говорила бабушка – на каждую маару есть свой древоходец. А отец говорил, что душа этих существ буквально разрывает маару на части, если та подлетит слишком близко.

– Мы сделаем так, чтобы он остался у нас, – девочка сжала ладонь, и посмотрела в глаза.

Отец улыбнулся:

– Давай попробуем. Чтобы приманить древоходца, надо приманить его струек. Струйки – его глаза, его уши. Что бы ты предложила?

– Кому? Струйкам? – задумалась девочка, – а что едят струйки?

– Ну... Твердотелок. А иногда выкапывают клювиком каких-нибудь червячков. Или личинок.

– Тогда я думаю так, – она подбоченилась, – если мы наловим твердотелок, измажем их в кленовом сиропе – это будет лакомство, от которого струйки ну то-очно уже не откажутся!

– Ты умница, – отец взял её на руки, – давай так и сделаем. Только кленовый сироп заменим чем-то другим. То, что нравится умненьким девочкам, зримые не едят. Давай заменим... – он посмотрел на дочку.

– Соком тянучек! – закончила та, – хотя даже не знаю, вкусный он, или невкусный. Мальчишки пробовали – говорят, сладкий. Хотя, как ты там говоришь? Зримые души, тэ-тэ...

– Ну почему ты такая умная? – отец улыбался, – стрикляточка.

– Папа, – девочка положила на плечи руки и посмотрела в глаза, заговорщески, – давай всё же кленовым. Я давала его

Ходкому, ему понравилось. Он даже, – она приблизилась к уху и прошептала, – облизал тарелочку.

– Ах вот как, – отец задумался, – поэтому-то он и обкакал карниз.

– Ууу... Я же не знала. Я хотела, чтобы он попробовал лучшее угощение на свете.

– Хорошо. Только так больше не делай. У них своя еда, у нас своя. Как ты там сказала? Зримые души, тэ-тэ... Договорились?

– Договорились...

Контуры предметов, ещё туманные и зыбкие, медленно прорисовывались в сознании. Очертания небольшого помещения, освещённого непонятным синим светом, вводили в недоумение, и Первая стала вспоминать, что же случилось.

Она вспомнила Долговязого, вспомнила, как они шли по равнине. Вспомнила дилижанс, путников из гильдии искателей. Вспомнила его – загадочного разбойника. Светлые волосы, голубые глаза, шрам.

Кажется, кто-то погиб. Разбойник? Нет, он заснул. Так кто же погиб?.. Топтун, его убила маара.

Первая снова вернулась к равнине, по которой шла с Долговязым.

Она уснула. Уснула надолго. Но почему?

Девушка попыталась пошевелиться.

Каждое движение давалось с трудом, мышцы ослабли, те-

ло не слушалось. Она оперлась на локоть и огляделась.

... И тут же легла обратно.

У противоположного края комнаты стояло существо. Стояло и смотрело.

Большие раскосые глаза, широкий нос, сужающийся книзу, выступающий подбородок, сжатый и как будто ороговевший рот. По бокам головы, словно впалые щеки, тянулись ямочки, переходя в заострённые уши. На лбу роговатый вырост, такой же, как у всех шестилапов. Сзади что-то похожее на крылья, которые, будто плащом, окутали плечи. Чуть ниже руки, и в них существо держало предмет, круглый, гладкий, переливающийся всеми цветами пылающих небес.

Трёхпалые ноги оканчивались большими, немного тупыми когтями. Кожа, как у ангела равнины, темно-, а кое-где светло-серого цвета, с серебристым оттенком, и только крылья и плечи в лазури.

"Что, забери меня чёрный, тут происходит??" – Первая попыталась оценить положение.

Получалось с трудом. Зацепиться тут не за что, в такие ситуации она ещё не попадала. Что делать? Бежать? Ждать, что случится дальше? Девушка ощущала беспомощность.

Но от существа не исходила опасность, она это чувствовала. Вспоминая взгляд плащеносца. И губы. Если тот угрожает, они растягиваются в зловещей улыбке.

Плащеносец.

Будь существо поменьше, и стояло бы оно на четырех, а не

на двух длинных лапах, то походило бы, наверное, на ангела равнины. Или леса.

Этот пронизательный взгляд больших жёлтых глаз напомнил Первой её питомца, которого она оставила на Посту. И сколько раз в дороге об этом жалела. Она скучала по его ласковому стрекотанию, по его величавой и несколько вычурной походке. А объятия ангела, когда он обвивает твою шею своими мягкими бархатистыми крыльями и губами касается кончика носа, не сравнятся, пожалуй, ни с чем.

Возможно, из-за этого сходства она и не знала страха. Только испуг, лёгкий, внезапный. И любопытство. Первая была любопытной. Ещё бабушка говорила: "Ты, девушка, засунешь свои пальцы в любое тесто".

А возможно, она не совсем проснулась, и воспринимала окружающее как часть необычного сновидения. А вдруг это сон? Первая поморгала.

Картинка осталась прежней.

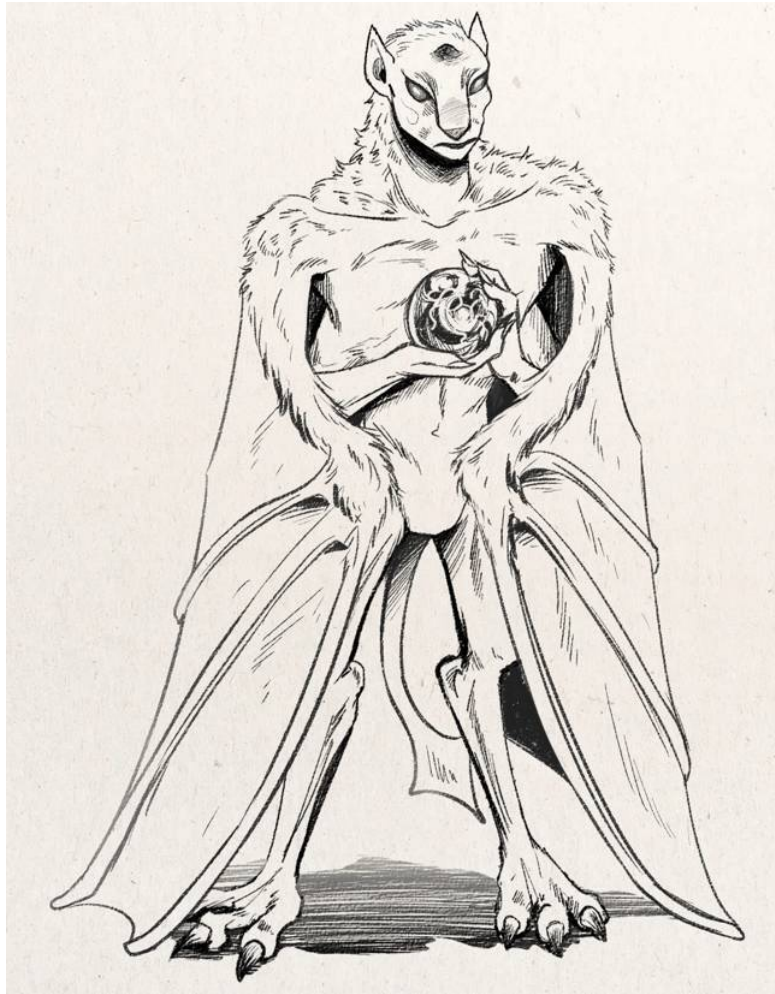
Но не совсем.

Существо приближалось. Медленно, тихо ступая на мягких лапах.

Вытянув руки, оно предложило сферу. Девушка помедлила, но подарок взяла.

"Как умно, – подумала Первая, – предложив эту красивую безделушку, он словно сказал, что желает добра. Разве помыслишь что-то плохое, разве посмеешь помыслить, если даришь такие подарки".

И улыбнулась.

Пестрокрылый

А вещица была шикарная. Как будто стеклянная, но легче и как-то мягче. Но это только казалась. Она была твёрдая, словно камень, и всё-таки тёплая.

Нет, словами не передать.

Девушка то приближала, то отдаляла шар, в котором, словно пленённые души, резвились красные, зелёные, синие огоньки. "Двудушный рассказывал, – вспомнила она, – что души цветные, это нам они кажутся белыми. И будто прозрачными. А сами плотные, как тела, и издают звуки. Но мы их не слышим... Красота".

Незнакомец вышел.

Сквозь приоткрытые шторы, которые закрывали узкий арочный вход, Первая заметила небо.

"Оно запылало, – подумала девушка, – вначале погасло, а теперь запылало". С природой что-то творилось. Как, впрочем, и с ней.

Первая встала с кровати, и вдруг поняла, что хочется пить. Пить и есть.

Словно услышав желания, шторка открылась, и в комнату вошло существо, то самое, что предложило ей сферу. Только теперь незнакомец держал в руках столик, даже не столик, скорее поднос на маленьких ножках.

Девушка ахнула.

Кроме кувшина, быть может, с водой, здесь лежало всё,

что она могла пожелать – жареное мясо, нарезанное ломтиками, кубики овощей, вроде тыквы, даже какая-то выпечка. "Неужели, – подумала девушка, – ведь я готова поклясться, что душа у них зримая, такое они не едят. Откуда же ЭТО?"

Но голод прервал размышления, и Первая села за столик.

В кувшине оказался морс, по вкусу вишнёвый, хотя среди обилия вкусовых ощущений, когда поглощает кусок за куском, сказать сложно. Первая снова вспомнила бабушку, которая любила готовить напитки.

Утолив первый голод, и чувствуя приятное урчание, девушка задумалась.

Нигде и никогда она не слышала о том, что где-то живут существа, столь разумные, как и люди. Древоходцы? Да, порой они кажутся разумными, но, скорее, кажутся. Деревья? Чёрные ангелы? Про то, что не знаешь, приятно додумывать. Но незнакомец не казался разумным, незнакомец разумным **БЫЛ**.

Первая даже предположила, что её разыграли, что это шутка, а под странным нарядом скрывается человек. Но взгляд жёлтых глаз был настолько естественен, что она не могла верить в розыгрыш.

Поднявшись на ноги (надо сказать, с трудом), девушка, шатаясь, прошлась.

Светло-голубые круглые стены высоко подымались вверх, где превращались в купол. Свет исходил отовсюду, но это она поняла не сразу. Девушка постучала по стенам – нет, не

дерево, камень, бело-голубой камень, который светился.

У людей все жилища из дерева, срубленного или в Лесу зримых душ, или, что было реже, из хвойных и листопадных деревьев. В Приморье была ещё глина, да, глина, смешанная с каким-то вяжущим веществом. Но чисто каменных цельных построек она не видела. Нет, всё же не цельных – стены пронзали швы, но тонкие и еле заметные.

Жилище было обставлено под неё – кровать (тоже каменная), с каким-то многослойным меховым матрасом, маленький шкафчик, в который она положила сферу, столик с едой, даже удобства в углу – ничего лишнего, всё самое необходимое. Первая изумилась прозорливости новых знакомых. Как будто они заранее готовились к встрече. Да, скорее всего, заранее и готовились...

Она заглянула за шторку – вокруг, на достаточном удалении друг от друга раскинулись такие же точно строения, с такими же стенами. Но снаружи они не светились, они отражали небо. А небо пылало.

И это была не равнина. Скорее долина, со всех сторон окруженная холмами, а может, это и были холмы.

Прямо перед девушкой, чуть в отдалении, стояло существо, и, не отрывая глаз, смотрело, смотрело, смотрело...

Если бы это делал человек, она бы испугалась. Но плащеносцы любят смотреть, чем выражают свою привязанность. В глаза врагам плащеносцы не смотрят.

Незнакомец медленно подошёл, и также медленно указал

на жилище. Не отрывая взгляд. "Хочет, чтобы зашла обратно? Или просит пустить?" Первая отступила.

Стоять на ногах было трудно, и она присела за столик.

Незнакомец вошёл.

Он постоял у входа (может, из вежливости?) и показал на свой рот.

– Я поела. Спасибо, – ответила девушка, впервые что-то сказав. "Скорее, выдавила" – подумала она, так неестественно прозвучал её голос.

Незнакомец не понял. Он вновь показал на рот.

Первая молча кивнула.

После столь долгого сна голова соображала с трудом, и они ещё долго играли – один показывал рот, а другая его уверяла, что всё хорошо.

Наконец, девушка догадалась.

– Я, – указала она на себя, – ты, – указала на незнакомца. Потом опять на себя, – я – Первая. Ты, – опять на него. И сделала паузу.

Незнакомец задвигал губами.

– Я – Первая, – сказал он внезапно, и показал на девушку. Потом на себя, – ты – Луы.

Причем сказал это ясно, и чуть ли не голосом Первой.

– Стол, – Первая показала на столик, – кровать... стена... пол... – её охватил азарт, – дверь... голова... ноги...

Луы повторил сказанное. Причём без запинки, показывая на те же предметы и в той же последовательности.

"Или он очень способный, или я слишком талантлива, как педагог, – девушка подвела итоги первых минут обучения, – может, из-за отца". Отец был учителем на Посту и учил правильно считать, писать, разговаривать. А она часто сидела в классе и наблюдала.

Но поражало даже не то, с какой быстротой Луы обучался. Поражала та правильность, с которой он говорил. Если закрыть глаза, она бы подумала, что слышит голос, свой собственный, может, чуть огрубевший, но свой.

Собеседники вышли на воздух.

Высокие здания вбирали в себя всю палитру небес. Какие-то выше, какие-то шире, но все они были из камня.

Вдали выступали горы. Такие же далёкие и недоступные, они терялись в белесой дымке. И нет, они не приблизились, а стали мощнее и выше.

За долгой цепочкой домов Первая видела Лес. "Леса растут на холмах, – заметила девушка, – ну да, почему бы и нет".

Дышалось легче, но было заметно прохладнее. Иногда откуда-то сбоку налетал ветерок. "Наверное, с гор" – Первая вспомнила, что точно так же дует в долине, в которой она бывала, достаточно часто, и в которой заснула.

Воспоминания тут же кольнули, и стало грустно. Где их компания? Где Долговязый? Где этот разбойник, снятый с берёзы? Девушка вспомнила топтуна, и чудесное настроение, что подарил Луы, куда-то пропало. Ей надо домой, надо узнать, что же случилось. На Посту будут ждать плащенос-

ца, уже, наверное, ждут, но она не может его отправить. Долговязый, возможно, отправит. Если в Долине. Возвращайся, девочка, ты проводница, ты в ответе за нанимателей. Так бы сказала бабушка.

Но грустные мысли ушли, только начавшись.

К ним приближались двое. У обоих такие же крылья, как у Луы, такого же сине-лазурного цвета. И оба смотрели в глаза.

"Как удивительно всё, что со мной происходит" – подумала девушка.

– Ты погляди. Какой же он маленький. Ни травиночки, – Мутный смотрел на пушистый комочек, дрожащий в ладонях, – я в детстве поймал летучую мышь. До сих пор вспоминаю, какая она была тёплая. Мать заставила отпустить, сказала, что всё это души каких-то там вредников, их не пускают на Остров, они и летают.

– В вредников я не верю. Как и в Обиженного. И в служников его исполнительных, и в Великое Разделение, и в таинство Расставания души и тела, – Пытливый забрал пушистика и осторожно отправил в клетку, – сиди, пищалка.

Пушистики – зверьки неуловимые, но в самом начале ночи, когда прошло Угасание, это создание можно поймать.

Все другие зримые души приносят потомство в самом начале дня, но только пушистики появляются после его окончания. Они покидают своих матерей в лёгких воздушных оболочках и вместе с ветром, который во время ночи дует в

сторону Леса, уносятся прочь. В Лесу оболочка сдувается, и через несколько суток из лёгкого потрескавшегося мешочка появляется чудо – маленький пушистый зверёк, который с первых минут своей жизни борется за право в этой жизни остаться. Для этого ему нужно встать на свои длинные пока ещё слабые ножки, а это не сразу и не у всех получается. Но если не встанет – беда, полакомиться столь лёгкой добычей хотели бы многие – саммаки, бегуны, плащеносцы, даже топтуны не прочь разнообразить своё питание. Ножек у пушистиков две, как у стриклов или приводных разбойничков. Вместо рта небольшой хоботок, которым они всасывают склизняков, переползающих с места на место. В течение ночи пушистик окрепнет, научится прыгать на уже достаточно сильных ножках, мох на спине подымет, станет зелёным и будет похож на траву. Или листья тянучек. Тут уж какое сравнение нравится. Появится солнце – зверёк убежит на равнину и закопается. А травинки оставит снаружи. Так проживёт целый день, а в самом его конце появятся шарики. Они оторвутся от матери и полетят в сторону Леса. Всё повторится.

Пушистик

– Зримые, – Пытливый смотрел, как пушистик сгибает ножку, чтобы вцепиться в прутья, – развиваются медленно. И это, наверное, к лучшему, что незримые их не едят. Иначе давно бы сожрали. До того, как у зримых будет потомство. Когда размышляю об этом, начинаю верить в Обиженного.

– То верю, то не верю, – Мутный взял склизняка, точнее, его кусочек, и просунул в решётку. Пушистик к нему присосался, – я вот всегда в него верил. Смотри, у нас будто два

равных мира, и все существа повторяют друг друга, – он стал загибать свои пальцы, – твердотелки и насекомые, шести- и четырехлапые, тянучки и злаки, деревья зримые и деревья незримые – хвойные, листопадные.

– Огнетелки и рыбы, – продолжил Пытливый.

– Древоходец и человек.

– Ну это ты натянул, – искатель развёл свои руки.

– Помнишь, я говорил, что потерял память. Так вот, когда я очнулся, рядом был древоходец, и он уходил. От меня. Как будто вот был со мной рядом, исцелил, и ушёл.

– Не спорю, древоходцы создания умные. Но где ты видел гээда, который строит дома? Или ездит в карете? Торгует на рынке? "Горячий хлеб, прохладительные напитки! Подходим, покупаем, улыбаемся!"

Пытливый изображал торговца, и так это здорово у него получалось, что Мутный начал подыгрывать. Пушистик насторожился и замер. Лапка, которую он оторвал от решётки, так и повисла в воздухе.

– Ты прав, – сказал наконец искатель, – мира два. И, если верить в историю, Обиженный создавал два раза.

– Терпеливый так и сказал, – согласился Мутный, – что брал он из разных наборов. Лепил, собирал, но из разных.

– Осталось узнать, кто их даёт, эти наборы. Ладно, – Пытливый смотрел на пушистика, – здесь есть над чем думать. Наборы разные, это правда, я всё это видел, когда изучал образцы. Собирают одно и то же. Только вот схема слегка отли-

чается. Тот же скелет, сосуды, панцирь у твердотелок и насекомых. Будто купил разные кубики, но строишь похожие домики.

– На междуреченском рынке? – Мутный слегка улыбнулся.

– На междуре... Да, ты не дашь мне покоя, – заметил искатель, – я знаю, не дашь. Зачем я тебе признавался?

– Не дуйся, как шая. Помнишь, там, в Длиннолесье, ты говорил, что раскроешь секрет шестилапов. Их самый главный секрет.

– То, как они появляются, – продолжил Пытливый.

– Есть что-то новое?

– К сожалению, нет. Так, мысли, – парень пожал плечами, – известного мало. Потомство шестилапов заползает в кармашки, на теле родителей, и сидит, пока не появятся лапки. Но что происходит до этого, откуда выходит потомство...

– Может, родильный канал, который затягивается?

– Возможно. Это самый популярный ответ. Даже, пожалуй, единственный. Ведь не из попы же они вылезают, – Пытливый задумался, – если поймать беременного шестилапа, допустим носатика, и вскрыть. Но как узнать, что она беременна? И потом, сейчас же не вскрыешь, только начало ночи, а разродятся в конце. Пока, насколько я знаю, беременных шестилапов не видели. Стриклов, разбойничков – да. Тех же гээдов и струек. А шестилапов – нет.

– Гильдия потрошителей. Действие два, – Мутный при-

нюхался, – чем это, кстати, воняет? – он показал на ошмётки, лежащие на подносе, – может, вынесем это?

– Ты прав, – искатель принёс мешок, сгреб в тот мешок ошмётки и завязал.

– За дверь? – спросил он у Мутного.

– Да, – ответил приятель, и резко провёл рукой, показав, что компромиссов не будет.

Искатель вздохнул и вынес ошмётки на улицу.

– Ну что, – спросил он приятеля, вытирая руки о полотенце, – начнём?

Это были способные ученики.

Первая закрывала глаза и слушала, как они говорят. И наслаждалась. У неё, всю жизнь прожившей на Посту, речь, конечно, отличалась от более "правильного" междуреченского говора. Так вот, синекрылые, как она назвала своих новых знакомых, говорили так, словно с Поста никуда не уезжали. Закрывая глаза, она представляла, что находится дома.

Конечно, грамматические конструкции давались с трудом, но это не важно, главное – пусть повторяют, скоро научатся.

И они понимали. Память, помноженная на слух, помноженный на прекрасный голосовой аппарат – произведение этих множителей давало великолепные результаты.

Между собой синекрылые тоже общались. Она это знала. Хотя и не слышала. Многие зримые души общаются. Может,

посылают друг другу сигналы, не обязательно голосом. Может, делают это тихо, и только люди с прекрасным слухом, вроде её разбойника, могут услышать.

Её разбойника...

Первая вспомнила Бесполезного, и мысли вернулись домой. Девушку беспокоило, что родители даже не знают, жива ли она. Что она не отправила весточку. А отправил её Долговязый, и написал...

Проводница вздохнула.

Но потом смотрела на синекрылых. И ей хотелось остаться. Чуток. Ненадолго. Разбойник её подождёт, родители встретят, обнимут, а гильдия, если узнает, что же случилось, конечно, простит.

"Удивительные создания" – она лежала, опершись о локти, и наблюдала, как, сев в полукруг, синекрылые ловили каждое слово, каждое движение, каждый взгляд.

"Не синекрылые, – поняла девушка, когда на занятиях стали появляться другие – с крыльями фиолетовых, красных, зеленых оттенков, – пестрокрылые – пожалуй, так будет правильнее".

После занятий она беседовала, чаще с Луы, и узнавала много чего интересного.

Каждый пестрокрылый жил в собственном жилище, один или с верным другом – саммакой. Пестрокрылые очень любили саммак, и те отвечали взаимностью. Эти домашние саммаки несколько отличались от диких, особенно от висло-

ухих саммак Длиннолесья. Они были меньше, чуть грациознее, мало зевали, но смотрели в глаза хозяевам так, что те ни в чём не могли отказать. "Как плащеносцы, – подумала Первая, – или кошки, когда им чего-нибудь надо".

Саммака

Саммака к ней ластился, показывал брюшко, но только ты умилялась и хотела его приласкать, убежал и возвращался в конце их беседы.

– У Вас прекрасные питомцы, – похвалила девушка, – может, люди тоже когда-нибудь приручат саммак.

Луы помедлил, стараясь обдумать сказанное, но после кивнул, как она и учила.

Первая встала и подошла к стене.

– Прекрасный камень, – сказала она, проводя рукой по поверхности – красивый, светится, да ещё и тёплый.

– Это камень с гор, – ответил Луы, – он поглощает огонь небес, а потом отдает его нам.

– Мы, люди, строим в основном из дерева.

Луы, казалось, не понял сказанного. Или был удивлен.

А может, разочарован.

– Дерево... Лес...

Пестрокрылый склонил голову набок.

– Те деревья, что растут в Лесу с большой буквы, который мы называем Лесом зримых душ, – попыталась помочь ему Первая, – из них мы и строим. У вас же есть деревья, свой?

"Ну как же, – подумала девушка, – есть же саммачки, есть плащеноски, шептуньи – значит, есть пестрокрылки. Ведь пестрокрылые шестилапы".

– Мы, Лес – одно, – ответил Луы наконец, – Лес – часть

Народа Холмов. Наши сёстры и матери. То, что вы назвали "деревья". Они живут в Лесу. Мы живем рядом. Мы – братья, они – сёстры.

Первая пыталась понять.

Её поразила мысль, даже скорее не мысль, озарение. настолько элегантно, и в то же время такое громоздкое, что с трудом помещалось в сознании. "Неужели..." – подумала девушка.

– Погоди, погоди...

Она поняла, что же такого странного было в этом народе. Первая привыкла, что у других зримых душ, тем более шестилапов, выявить отличие между мужскими и женскими особями невозможно, если оно даже и есть. Кто-то ей говорил, что его и нет, этого отличия, что выносить потомство может любой, а самки, самцы – это всё про незримых. Прирученные людьми шестилапы не размножались, поэтому и смысл в этих поисках отпадал.

Но пестрокрылые – это не просто животные. Это почти что люди. А значит, и жить они должны по-человечески. Чтобы и женщины, и мужчины. Все жили рядом.

Так она думала. До этой минуты.

Девушка открыла рот и долго смотрела на пестрокрылого.

– У вас не так, – сказал тот, будто оправдываясь за свои объяснения, – у стриклов, у древоходцев не так. Братья и сёстры одно. Я прав?

Девушка выдохнула:

– Не совсем... Я женщина, я – сестра в вашем понимании. Дерево. Но различия между сёстрами, братьями небольшое. У нас. У вас, как я вижу, не так...

Она закрыла глаза и постаралась расслабиться. Это давалось с трудом.

Простая проводница, случайно, можно сказать, мимоходом, разгадала великую тайну, над которой бьются лучшие бездельники равнины. "В качестве бонуса" – как говорят проводники своим нанимателям.

Самое смешное, что ответ то лежал на поверхности. Но его никто не мог подобрать. Он просто не мог прийти в голову. Или казался безумным. Чем-то вроде горячего бреда. Но теперь этот ответ прозвучал из уст самого шестилапа.

Словно сложилась мозаика, и многое стало понятно. В том числе, почему топтуны, прыгуны, плащеносцы не размножились в неволе. У молодых животных удаляли шишку, чтобы не бегали в Лес, чтобы потом, по прошествии нескольких дней, на их спине не вырастали кристаллы, из-за которых они отдавали душу. Но, отдавая душу, они отдавали и семя. Так поняла это Первая. И даже не стала спрашивать.

Получалось, связь шестилапов с деревьями не просто выгодное сожительство – это одна семья. И если дерево – твоя мать, ты будешь защищать её до последнего и придёшь на помощь, когда угрожает опасность.

Отсюда и разъярённость саммак, если дерево рубят.

– Луы. Люди этого не знают, – Первая словно просила

прощения.

– Понимаю. У вас не так.

– Расскажи мне подробнее, – попросила девушка, – я хочу знать, как вы живёте, как общаетесь со своими сёстрами. Как воспитываете детей.

– Расскажу. Мы должны многое знать друг о друге.

И Луы рассказал.

Он говорил о многом. Говорил, как братья общаются с сестрами, на каком языке. Этот язык немного другой, не тот, на котором братья общаются с братьями. Но Первая вряд ли его услышит. Быть может, услышат те, кого зовут слухачами.

Он говорил, какое это сильное чувство – любовь двух частей единого целого, пестрокрылого и его избранницы. Насколько прекрасны их отношения. Пестрокрылый ждёт наступления ночи, а на его плечах прорастают кристаллы любви. И после того, как последний луч солнца коснётся земли, он входит в Лес, чтобы отдать свою душу и в одном последнем объятии воссоединиться с любимой.

Избранные – так называют в народе тех, кого повязала любовь. Их дети – плод этой любви. В течение ночи они будут жить в колыбели, укрытые матерью от внешних невзгод. И, как только появится солнце, выйдут на свет.

Братья, и сестры растут поначалу вместе, и те, и другие питаются одинаково, заползая в кармашки на спине пестрокрылых. Но в конце концов сёстры уходят в землю, и прорастают ростками, о которых нужно особо заботиться в те-

чение первого дня.

Луы рассказал старую и грустную историю. Прекрасную как сама жизнь. О том, как влюбились Он и Она, пестрокрылый и его избранница.

Как долго они общались и ждали начала ночи. Но что-то случилось, пестрокрылый исчез – и больше уже не вернулся. Скорее всего погиб. Так все и поняли.

Но она ждала. Ждала долго.

Проносились дни и ночи, небеса зажигались и гасли.

Она ждала.

К ней приходили другие и предлагали любовь. Её окружали заботой. Ей рассказывали истории. Ей пели песни.

Она ждала.

Она ждала и надеялась, что наступит час, когда он вернется. И ради этого часа она жила.

Пока однажды не услышала звук, долгий, протяжный.

Это на крытой телеге везли её суженого, вернее, то, что от него осталось.

Она поняла это сразу.

Листья зашелестели, воспы слетели с гнёзд и стали носиться под кроной.

Все ждали, что она скажет.

Но не было слов, только молчание. Молчание давило и сползало на окружающих словно туман.

Она не пережила этот день, и умерла ещё до наступления ночи.

Луы замолчал.

– Любовь всегда прекрасна, – ответила Первая, – но, отдавая душу, ты гибнешь. Неужели это ещё никого не оставляло?

Собеседник казался озадаченным:

– Вы можете удержать свою любовь?

Девушка вздохнула:

– Наверное, мы так не любим. У нас любовь – это разменная монета. Хотя бывают и исключения.

Наверное, бывают.

– Что там такое? – Искатель смотрел на дверь, у которой стоял Мутный и корчил гримасы.

– Иди посмотри.

Пытливый оторвал свою задницу и нехотя последовал совету.

Мешка не было. Разорванные тряпки, разбросанные за дверью – вот всё, что осталось. Образцы тканей, кусочки органов валялись в хаотичном порядке по всей домовой территории вплоть до дороги. Над ними кружили мухи и твердотелки, они волновали ноздри и вызывали неприятные мысли.

– Здесь был бегун. Или саммака, – заметил Мутный, – нет, пожалуй, всё же бегун. Саммаки так не свинячат.

– Ну да, согласен... Ладно, пошли, продолжим свои изыскания.

Мутный усмехнулся:

– А это убрать ты не хочешь?

– Зачем?

– Как зачем? Ведь оно так и будет валяться.

– Растащат подальше. Это называется – самоочищение.

Пошли, – искатель смотрел на приятеля. Почти умоляюще.

– Замечательные у вас порядки в общине. В Длиннолесье давно бы пришли и сказали "ай-ай". Странно, что при всём при этом у вас в целом чисто. Вон домики какие аккуратные.

– Потому что делаем то, что надо и на мелочи внимание не обращаем. А теперь давай в дом.

– Совок. Дай мне совок... И метлу, – Мутный был непреклонен.

– Пожалуйста, – Пытливый пожал плечами и снова зашёл в свой дом. Через минуту принёс всё, что нужно, – уберёшь, не уберёшь – жизнь от этого не изменится.

– Если ты забросишь свои изуверские опыты, – парировал Мутный, – жизнь тоже от этого изменится не особо.

– Не скажи. Я получаю огромное удовольствие. И оно вдохновляет меня... на опыты. Новые.

– Изуверские?

– Ну это как получится.

Искатель принес мешок, но в нём оказалась дырка, и пока добирались до свалки, тот похудел в два раза. На свалке рылись собаки и прыгали вороны. Бегунов с острокрыльями не было – у человеческого жилища редко попадались отходы

незримых.

– Соберём? – спросил Мутный.

– Ладно, шкодник с тобой, – Пытливый вздохнул, – но знай, это вроде болезни – пытаться собрать весь мусор.

– Тогда пыхчики – разносчики заразы.

Пытливый молчал.

– Не знаю, что и ответить, – сказал он наконец, – твоя взяла. Будем считать, ты уложил меня на лопатки. Своим остроумием.

Он усмехнулся и стал помогать.

Пришлось идти за мешком, но этот проверили.

– Скоро мешков не останется. Куда я буду складывать образцы?

– Я куплю тебе сколько надо. Вот только появятся деньги.

– Ты будешь работать? Здесь?

– Почему бы и нет. Жить в долг как-то стыдно.

– Тогда иди на кухню. Будешь мне помогать.

Мутный пожал плечами:

– Кухня так кухня. Согласен.

– Отлично. Будешь следить, чтобы я в компот не положил чечевицу. Или наоборот.

– Узнаю своего приятеля. Как же тебя ещё терпят?

Теперь уже Пытливый пожал плечами:

– Не знаю. Может, им нравятся гастрономические опыты.

Друзья рассмеялись и уже весело закончили с уборкой.

– Интересная у нас интермедия вышла, – сказал искатель,

после того, как вернулись домой.

– Да уж, – Мутный зевнул, – как однажды сказал Терпеливый, "в программе о ней ни слова".

Первая проклинала себя за то, что согласилась на такой безрассудный поступок. Она была во власти этих двух крылатых существ, полной и абсолютной. Она умоляла их быть аккуратнее, крепче держаться за хрупкую, как ей казалось, конструкцию, а также следить, чтобы она не сломалась. Точнее, не развалилась. Умоляла, конечно, не вслух, про себя. Но вслух она тоже кое о чём говорила, больше кричала, и в основном это было упоминание вредителей, чёрных и всякой нечистой братии. Громкое и нескончаемое.

Волновала не только и не столько высота, сколько скорость. Уши закладывало. Тело продувало насквозь. И это несмотря на белую шкуру какого-то неизвестного животного, в которую её обернули.

Летели в сторону гор. Летели давно. Но горы не приближались. Горы росли на глазах, становились мощнее, но оставались такими же недоступными, что на равнине, что на холмах, что у самого моря. Небеса пылали, и эта иллюминация только добавляла беспокойства.

Да, прикрытых, да еще и предначертанных не трогает это сияние, но... как сказать – не трогает? Очень даже трогает. Не так сильно и разрушительно, как других, но не заметить его невозможно. Оно разрисовывает мысли, раскрашивает в

одному ему нужных тонах.

Из разговоров с пестрокрылыми она поняла, что у тех это вовсе не так. Сезон пылающих небес – время подумать, осмыслить пройденное и построить планы на будущее. То есть, попросту, время отдыха. Когда ты остаёшься наедине со своими мыслями, наводишь в мыслях порядок и выкидываешь ненужное.

Первая вспомнила слова Бесплезного о том, что во время пылающих он слышит какие-то звуки, и, наблюдая за свитой, она представляла, что те слышат тоже. Тогда всё вставало на место, и излишняя сосредоточенность Народа Холмов находила своё объяснение. Хотя, возможно, они такие всегда. Задумчивые и безупречные. А не болтливые и порочные, что можно сказать про её собственный народ. Трудно им будет общаться с людьми. Ну, кроме, пожалуй, отшельников Озёрного Края.

Первая смотрела на землю.

Земля приближалась.

"Мы снижаемся, забери меня чёрный". Девушка как-то скукожилась, взяла ноги в руки и стала молиться.

Но, к чести своих компаньонов, она не сломала ни одной своей косточки, ничего не ушибла. Её даже не вывернуло. Первая освободилась от пут, медленно, как будто суставы после полёта стали особенно хрупкими, и, довольная тем, что осталась цела, спрыгнула вниз.

Они стояли на утёсе, широко, как плато Заводья, кото-

рый выдавался вперёд и нависал, словно хищная птица над бесконечными холмами, раскрашенными в зелёные, а кое-где сине-фиолетовые цвета. Где-то там, ещё дальше, лежала равнина, далёкая, покрытая дымкой и населённая людьми.

Как-то она спросила Пестрокрылых, почему они живут на холмах, ведь на равнине теплее, не дуют холодные ветра, и животный мир, как заметила девушка, более богат и разнообразен. Неужели из-за любви к полёту? Из-за того, чтобы встать на широком утёсе, и сразу расправить крылья? Она долго не понимала, что же пытается втолковать собеседник, но всё-таки смысл дошел. У пестрокрылых свои страхи. Один она уже знала. Народ холмов боялся маару, бестелесную душу равнин. Вспоминая смерть топтуна, Первая их понимала. Но она понимала и то, что маара – не единственный страх, есть что-то ещё, что-то глубокое, но что – спросить не решалась. Люди тоже много чего боятся. Не маару, так черных ангелов, мифических существ, что прилетали с холмов. Как девушка не пыталась объяснить, кто это такие, пестрокрылые так ничего и не поняли. Да она и сама перестала бояться, ведь находилась под лучшей защитой, которую можно придумать. Казалось, всё это собрание высоких красивых существ служит одной единственной цели – защитить маленькую потерявшуюся проводницу.

Девушка скинула шкуру, и тотчас о том пожалела. Здесь дул холодный пронзающий ветер, и она не помнила, чтобы когда-нибудь ей было так холодно, ну разве что во время её

первого и пока единственного полета.

Одевшись обратно, Первая оглядела присутствующих.

На утёсе находились существа с самой разной расцветкой крыльев – члены синей, зелёной, красной, фиолетовой стаи. Все четыре семьи Народа Холмов. Братья с братьями, каждая стая отдельно, это она заметила сверху, во время полёта.

Однако чуть поодаль стояла странная группа, представители которой не имели какой-то особой расцветки крыльев, скорее, их крылья переливались всеми цветами пылающих небес.

– Кто это? – спросила Первая у Луы.

– Мы считаем ту стаю особой... Многоцветнокрылыми – кажется, так это звучит на вашем языке.

– Многоцве... Язык можно сломать. Пусть будут... допустим... радужнокрылыми, – решила девушка, – это особая стая?

– Они рождаются в каждой. Началось это давно, до того, как люди пришли на равнину.

"Надо же, мы опять возвращаемся к Острову", – подумала Первая.

И посмотрела в даль, далекую и близкую одновременно, туда, куда возвращались все её мысли. Голова кружилась, воспоминания распускались, словно цветы на деревьях, и девушку снова тянуло домой.

– Вначале мы не понимали почему, – приятный голос Луы вернул её в настоящее, – но потом поняли, что это дар Бога.

Каждый радужнокрылый – член ещё одной, пятой стаи. И после своего обучения отправляется к братьям. Они живут выше, у самых гор.

– Это изгнание? – Первая смотрела на шкуры, которыми закрывали тела члены новой семьи.

Луы задумался:

– Да, было время. Когда-то мы отрекались от этого дара, – пестрокрылый склонил голову набок, как будто он вспоминал. Или как будто печалился, – нам стыдно, что было так. Но сейчас родиться радужнокрылым... – он не мог подобрать нужное слово.

– Почётно?

– Да, – Луы помолчал, потом добавил, – они другие. Днём почти не едят, им хватает и солнца. Парят в небе, не опускаясь на землю. Очень и очень долго. Понимают друг друга без слов. Мы это считали проклятием, теперь говорим – благословение.

Гордые и замкнутые, а может, просто отстраненные, радужнокрылые стояли, сцепив трехпалые руки, и смотрели... нет, не на других, не на неё, как это делали представители одноцветных семей, а в небо, будто пытались впитать в себя каждый оттенок.

"Зачем ты смотришь отстранённо

Туда, в глубины океана?

Ты просто маленькая шхуна,

Тебя снесет в мгновение ока", – вспомнила Первая.

Здесь, на высоком утёсе, разыгрывалось очередное состязание пяти разнокрылых семей. Пестрокрылые соревновались в полёте, поражая друг друга красотой и сложностью фигур, которые рисовали в небе. "Как кузнецы, что соревнуются в замысловатости поделок" – подумала девушка, вспоминая праздник Возвращения. До Возвращения ещё далеко, почти пять долгих лет, и проводница взгрустнула.

Каждый пытался показать что-то оригинальное, не столь изящное, сколь невозможное, что-то, что ещё никто не показывал. Ну, так она поняла.

Быть может, таким образом пестрокрылые себя выражали. Так же, как люди во время своих состязаний. Поэтому, возможно, не всё потеряно, и два народа найдут общий язык.

На Первую смотрели как на почетную гостью (тот же немигающий взгляд плащеносца), и её присутствие придавало состязанию какой-то особый, глубокий настрой. Во всяком случае, так казалось.

Краснокрылый спикировал вниз, резко, на бешеной скорости, и стал притормаживать, почти у самой кромки утёса. Перевернувшись в воздухе, он снова поднялся вверх, только теперь вниз спиной. Замер в воздухе, быстро двигая крыльями, и, несколько раз крутанувшись, исчез, бросившись вниз. Однако потом появился, закручиваясь, словно волчок.

Дошла очередь и до радужнокрылых. Девушка напряглась, ожидая увидеть нечто ошеломительное.

Однако полёт членов гордой семьи не впечатлил. Совсем.

Казалось, будто они не пытаются ничего показать, а просто летают. Да, высоко, да, красиво, но летают. В свое удовольствие. "Удивительная стая, – подумала девушка, – какие-то несостязательные".

Первая начала уставать. От бесконечных пируэтов, самовыражений. Так иногда смотришь на очередные разборки мужчин, и хочется уйти, настолько они утомляют.

– Долго это продлится? – спросила она.

– Да, – Луы посмотрел на девушку.

"Он понял, – подумала та, когда её стали пристегивать к уже знакомой конструкции, – хорошо, что не стал уточнять. Всё-таки пестрокрылые – это не люди".

Вскоре она была дома.

Какой-то саммака постоянно крутился поблизости. Молодой, а, может быть, зрелый – саммаки на холмах значительно мельче, и возраст угадывался с трудом. Она потрепала животное по бугоркам, провела рукой по спине. Саммака сделал брык и упал кверху брюшком. "Ты мой хороший" – девушка пожалала каждую из шести поднявшихся лапок. Саммака застрекотал и выгнулся. "Совсем как кошка, – подумала Первая, – как же мы все похожи, зримые и незримые, маленькие и большие..."

Она зевнула. Хотелось спать. Спать, спать, спать... Всё-таки первый полет в её жизни. Событие незабываемое, но, конечно, выматывающее.

Около кровати Первая обнаружила ужин. И снова удиви-

лась – откуда пестрокрылые знают их кухню? Ведь они же боятся равнины.

Ситуация выглядела странной, таким же странным казалось и то, что она никому не задавала этот вопрос.

"Здесь какая-то тайна, – подумала девушка, в то время как веки её тяжелели, – кто же я всё-таки – гостья или пленница?"

– Сегодня ты приходил не один, – Пытливый выписывал очередную букву, стараясь не упустить каждый её изгиб, в то время как Мутный что-то считал.

– Её зовут Быстрорукая. Она дочь Заговорённого, – гость перевернул страницу и стал считать дальше.

– Ого, – удивился Пытливый, – самого Заговорённого. Она подалась в искатели? Или пришла за тобой?

– Второе, – парень нахмурился. Тема разговора ему не нравилась, – а ты? – спросил он Пытливого, – у тебя-то кто есть?

Парень вздохнул:

– Да приходит одна, интересуется. На днях предложила уборку. Я сказал – не люблю, когда трогают вещи, потом не найдешь. Она – у тебя беспорядок. Я – какой беспорядок? Это порядок, понятный мне одному, всё лежит на местах. Вначале надулась, потом успокоилась. Вчера напросилась мне помогать.

– На кухне?

– Да.

– Помогала?

– Да больше тёрлась. Всё рядом и рядом. Не давала сосредоточиться. Я кухней почти и не занимался, только она. Иначе бы вообще всё смешал – и суп, и компот, и второе с колбасками.

Мутный прицокнул.

Он посмотрел на искателя, и произнёс, словно хотел объяснить что-то само собой разумеющееся, – да она уплыла в твои сети. Как говорят в Приморье. И, кажется, ты не отвечаешь взаимностью.

– Я?? – Пытливый выдохнул. Громко, – да у меня от неё дыхание перехватывает. Я даже думать не могу. Когда она приходит, у меня все дела останавливаются. Она уходит, а я как в тумане. Какие-то нежданчики в голове. Всё прыгают, скачут. И снова собраться – не получается.

– Ооо, – смех сотрясал тело Мутного, – да у тебя всё серьёзно!

Тут же затрясся Пытливый.

Если бы кто-то в этот момент решил заглянуть к ним в окошко, он бы увидел, как двое молодых и с виду серьёзных людей склонились над старой рукописью и странно гогочут и лают. "Колдуны" – подумал бы он, – стражей на них не хватает", и зашагал бы прочь, а то мало ли что, наведут ещё порчу.

– Дааа, – Мутный утёр слезу, – рассмешил...

– Да ладно тебе, – искатель тыкал на знаки и что-то считал, – 156... Это не звуки, скорее слоги... Ты подсчитал?

– Подсчитываю.

– Давай, – Пытливый нахмурил лоб, – если письмо слоговое, скорее всего, вторая часть знака – гласная. Вторая часть сложного знака. А простые, не сложные знаки – слог, состоящий из одного только звука. Если следовать тайнописи древоведов.

– Простые встречаются чаще, – заметил Мутный.

– Ну если я прав, – Пытливый накручивал локон, – Самые распространенные буквы – гласные. Вторая часть сложных. Если они хоть немного похожи, мы правы.

– Вот, – приятель отдал свой листок, – по простым. Пять страниц.

– Достаточно. Теперь осталось подсчитать вторую часть сложных... Но на простые они не похожи, – продолжил он грустно, – ладно, я сам. Будем надеяться, что наш язык и язык дневника суть одно. Как "Приключения Листика".

– Ага, – уловил Мутный, – зная, как читаются буквы, мы сможем прочесть и текст.

– Да. Но схожесть поможет ещё и в другом. Если языки похожи, будет легче догадываться. Хотя бы по частоте, с которой буквы встречаются.

– Не понял, – Мутный чесал затылок, – но верю тебе на слово.

– Спасибо, – искатель сделал кислую мину, – но я и

сам как саммака в воде... Слушай, Мутный, – спросил он вдруг, – так это, с дочерью Заговорённого, какие планы? Останетесь здесь?

Тот покачал головой:

– Нет, скорее всего, не останемся. Мы уезжаем.

– Это она так решила?

– Это мы так решили.

– Жаль, – приятель вздохнул, – очень жаль.

– Что за хрень? – Первая не заметила, как громко это сказала. Слава Обиженному, ни один пестрокрылый не понял – таким выражениям она не учила.

Состояние было такое, как будто мимо неё пролетела стая из тысячи стриклов. Голова гудела, в уши забились вата. "Даа, – подумала девушка, – развлекаются... ничего себе так развлекаются. В мире людей всё гораздо спокойнее. Хотя..." И она улыбнулась, представив, как изменились бы в лице пестрокрылые, увидев всё то непотребство, что вытворяют её сородичи. К примеру, на Возвращение.

Девушка оглянулась.

Зал Гармонии. Огромное полукруглое здание, такое высокое, что междуреченская звонница в сравнении с ним казалась частью какого-то детского городка. Подобно другим домам синей стаи, Зал Гармонии был сделан из того же лазоревого камня. Но размеры, конечно, внушительные, такого строения Первая раньше не видела.

А внутри... Внутри это смотрелось ещё грандиознее.

Огромное пространство, наполненное светом, который исходил отовсюду, со всех направлений. Многочисленные трубы разной длины, ширины, мутные, блестящие, всевозможных оттенков, подсчитать невозможно – все они покрывали широкую стену напротив, но было понятно, что в глубине этой самой стены, за узкими проходами, скрыто гораздо больше.

Зал был наполнен жителями селения. Да что там селения – под сводами собралась вся Синяя стая. Это казалось, но, возможно, оно так и было. Пестрокрылые стояли за отдельными кафедрами, совсем как представители стражей во время своих взываний, и слушали музыку. Если можно назвать это музыкой – такое безобразное сочетание звуков девушка раньше не слышала.

Во время концерта она скосилась на спутника, им был Луы, и поняла, как велика всё же пропасть между двумя народами. Этот взгляд. Так глядит плащеносец, нацеленный в бруму. Так смотрит Ходкий во время полёта.

Звуки то резали слух, то стучали, будто из-под земли, и однажды, когда наступила тишина (странная такая тишина – как будто где-то поблизости бродит стадо топтунов), она с надеждой спросила:

– Всё?

– Нет, – сказал пестрокрылый, так громко, что девушка вздрогнула. И в голове появилась догадка – музыка не пре-

кращалась, музыка и теперь звучала в полную силу, поэтому-то Луы и крикнул, пытаясь перекричать. Так бывает во время праздника, когда бродячие музыканты выжимают из своих инструментов всё, на что те способны, и ты пытаешься говорить. А потом, по приходу домой, начинаешь хрипеть – настолько громко ты говорила.

В который раз Первая убедилась – пестрокрылые слышат то, чего не слышат люди.

Её слух терзали такие душераздирающие переходы, что теперь, выйдя из здания, девушка удивлялась, как это она способна о чём-то думать. Казалось, её расшили, а после зашили, заново. При этом всё старое вынули, а вставили новое, и к этому новому нужно привыкнуть. Хотелось плакать, кричать и биться в истерике одновременно.

Среди выходящих она заметила Коэ, старейшину Синея стаи. Хотя говорить “старейшина”, конечно, неправильно – у пестрокрылых не было правителей, в человеческом понимании слова. Дети слушались старших, ученики – учителей. И всё. Каждый из членов общины был равноудален от другого. Общество взаимного уважения – возможно, так будет правильно. Как это общество обходилось без твёрдой руки, без кнута, без пряника, без многочисленных гильдий, поддерживающих порядок, оставалось загадкой.

Между двумя их народами пропасть, и этот ответ был единственным.

Ну а Коэ просто старший, и только. Коэ помнил многое,

многое знал, и мог рассказать значительно больше, чем кто-то другой.

– Я хочу услышать, – обратилась к старшему Первая. Обычно так начинали разговор её ученики, – давайте где-нибудь поговорим.

Синекрылый остановился и внимательно посмотрел ей в глаза. Взглядом плащеносца, который ожидает задание.

– Я готов слушать, – Коэ говорил хорошо, без особого выговора. "Это не люди, – подумала Первая, – человек бы, скорее, сказал – "пройдёмте", "давайте присядем", возможно, они отошли бы в сторонку. Пестрокрылый остался стоять, где стоял, готовый ответить.

– Мне не совсем понятно моё положение, – сказала она Коэ, и продолжила, выделяя каждое слово, – Вы. Меня. Похитили. Не пригласили, а именно похитили. Я первый человек, который у вас побывал. Почему же вы не спускались к людям, если знали, что мы живём на равнине?

Собеседник задумался. Задумчивость вообще то была нормальным состоянием пестрокрылых.

Девушка набирала воздух и медленно выдыхала, чтобы дожидаться ответа.

– Пророчество сбывается, – ответил Коэ, – порядок нарушен. Наступает ночь, а должен быть день. Небо темнеет, а должны быть пылающие. Господь говорил о спасении, и это спасение – вы, те, кого он привёл. Он просил вас принять, как братьев, когда придёт это время. И время пришло.

– Пророчество, – задумалась девушка, стараясь повернуть это слово на языке, настолько оно было ёмким, – ну почему же вы раньше молчали? Почему не сказали сразу?

Коэ скрестил свои руки:

– Вы наша гостья. Мы не хотели Вас...

– Беспокоить, – подсказала девушка старшему.

Робость – пожалуй, еще одно качество Народа Холмов. Пестрокрылые боялись стать в тягость. И в то же время доставляли ей массу неудобств – взять хотя бы сегодняшнее представление.

Девушка усмехнулась:

– Вы удивительно любезны. Конечно, похищение – не ваша выдумка, конечно, так сказано в пророчестве.

– Вы правы, – Коэ опустил свою голову (как это по-человечески, подумала Первая, не во всем же, забери меня чёрный, мы разные), – вы правы, – повторил он опять, – наши посланцы были в пути, когда обнаружили Вас. И это их собственное решение. От имени стаи хочу извиниться. Мы Вас отправим обратно, когда захотите, – старший смотрел ей в глаза, – что делать дальше, не знаю. Пророчество об этом молчит.

– Тогда мне совсем ничего не понятно, – девушка помолчала, и после продолжила, выделяя каждое слово, – я – первая из людей, которая побывала у вас. Как вы узнали, что мы едим? Как смогли, – она пошевелила пальцами, – приготовить?

Коэ склонил голову набок. "Думает", – Первая фыркнула. В такой позе стояли её ученики, если пытались что-то понять. Так напрягался Луы в первые сутки знакомства.

– Хранители, – произнес наконец пестрокрылый, – хранители знают все.

В самом холмистом Лесу равнины, в самом отдалённом селении этого Леса, в одном из самых невзрачных домиков сидели двое.

Сидели и оправдывали название места. Потому что они искали. Искали, но долго и тщетно.

– Столько времени потрачено впустую, – Пытливый опустил свои руки, так, словно в каждой висело по гире, – моя догадка оказалась неверной. Получается, это совсем не догадка. Вторая часть сложного знака – не гласный. Но что? Вспомогательный знак? А первая часть? Согласный? Или, может быть, гласный? Что, заberi меня чёрный, за слог? Это какое-то издевательство, вовсе не слог. Типа "ч – ел – ов – ек".

Он громко выдохнул и попытался подняться. Быстро и непринуждённо.

Непринуждённо не получилось. Искатель рухнул обратно. Мутный учился писать, а заодно помогал. Теперь приятель старался переписать первую страницу, и попутно делил сложные знаки на составляющие.

– Если ты запутался, распутывайся в обратном направле-

нии, – предложил он искателю.

– Вечно ты со своими поговорками. Хорошо. Отбросим последние рассуждения. Начнём с того, с чего начали, – парень взъерошил волосы.

На противоположной стороне дороги, на маленькой, не по размерам скамье сидел Невинный. И что-то чертил, в небольшом карманном блокноте.

– Давно он здесь? – спросил Пытливый у Мутного.

– Кто?

– Твой сокамерник.

– Ааа, мой духовный брат, моя половинка, – Мутный слегка сдвинул брови, – пускай. Пока не уйду, будет сидеть. Такая работа...

– Он помогал мне на кухне. Однажды. И постоянно жевал. Поэтому я беспокоюсь – как он там? Может, проголодался? – искатель расстроился. Конечно, картинно.

– Ну вынеси что-нибудь, чтобы не мучился. Хотя ... пускай посидит. Голодать полезно. Саммака поголодает – тогда и бруму гоняет.

– А твоя воительница? Она... как ей твоя половинка?

– Быстрорукая ушла на охоту, – Мутный сказал как отрезал. Говорить о невесте ему не хотелось.

– Ммм...даа, – Пытливый задумался, – начнём, сталбыть, заново. Так... Общее количество знаков 188. 32 простых. Гипотеза – звуки. 156 сложных, можно разделить на простые. Это важное замечание, – искатель поднял кверху па-

лец, – потом. Знаки не похожи на наши. А если похожи, то только частично. Первая часть встречается чаще, вторая – реже. Итак...

– Тяжелую задачу ты мне подкинул, – Мутный выписывал букву, – я и по-нашему то писать не научился.

– Труден путь искателя, да сладок плод.

– Терпеливый.

– Да. Он любил поговорки, – искатель прошёл мимо клетки и открыл многодверчатый шкаф, – подышим?

– У тебя есть?

– А как же ж, – ответил Пытливый с явным приморским акцентом, – жить у холмов и не насобирать холмистых чадилок? Дружище, мне не надо пилить полравнины, чтобы покупать неизвестно что, неизвестно где, да еще втридорога. Вот, – он достал небольшую коробочку и протянул её гостю, – чистейший, собранный этими руками, – искатель раскрыл ладони.

Мутный слегка улыбнулся.

Открыв коробочку, он долго втягивал аромат, знакомый, терпкий, и даже прикрыл глаза, чтобы лучше впитать этот запах.

– Более чистый, чем тот, которым дымили мы, в нашу последнюю встречу, – я, ты, Щербатый... – Пытливый нахмурился. Он вспомнил историю, услышанную от Мутного. Неужели это случилось? Неужели они никогда не соберутся втроём?

– Давно не дымил, – глаза у Мутного стали красными и будто бы влажными. То ли от кропотливой работы, то ли от нахлынувших воспоминаний, – заряжай.

Искатель набил самокрутки, и стал утрамбовывать содержимое.

– Тебе не страшно? – спросил его Мутный, когда они задымили.

– Что именно?

– Ходить на холмы. Говорят, там живут чёрные ангелы.

– Ах, ангелы... – Пытливый закрыл глаза, затаился и стал выдыхать колечко, – и ради этого лишать себя удовольствия? – приятель всем видом показывал, что получил удовольствие, – возможно, они существуют, возможно. Но днём их не видели. А значит, сидят по норам и не высовываются. А если кто высунется, у того спрашивают – "тебе не страшно?"

Мутный пожал плечами:

– Говорят, многие уходили на холмы, но никто не возвращался. Я не имею в виду собирателей, вроде тебя, я о тех, кто уходил далеко.

– Были такие. Я слышал. Возможно, там и живут. Возможно, нашли себе Лес, и поселились. Я бы сказал тебе больше, но не могу, – Пытливый многозначительно пыхнул.

К потолку поднимался дым, закручивался книзу, и, изогнувшись, убегал сквозь решётки окна. Дым уносил тяжёлые мысли, и эти мысли не волновали. Думать совсем не хотелось, да и не думалось...

– Вот это я понимаю, – Мутный встал, пошатнулся, и посмотрел на искателя. Глазами, налитыми кровью, – как нам работать? Теперь?

– А никак, – искатель уплыл, – сегодня отбой.

– Уверен?

– Уверен.

– Можно я заберу листочек? – приятель смотрел на каракули, – хочу глянуть дома. Вдруг догадаюсь.

– А забирай, – Пытливый вдохнул. И выдохнул, – вдруг догадаешься.

Мутный забрал листочек, и медленно, как в полусне, проплыл мимо клетки, из которой глядели глаза. Так удивлённо, загадочно, как никогда ещё не глядели.

– Всё говорит, говорит...

– Я не слышу. Для меня он щебечет под настроение. Для тебя целый день, – Пытливый пожал плечами, – мы разные.

Он посмотрел на Мутного, который остановился у зеркала и что-то разглядывал:

– Любуешься? Хочешь увидеть цвет своих глаз?

Тот не ответил.

Он глядел на исписанный лист, точнее, его отражение, и шевелил губами. Безмолвно.

А потом прочитал, медленно, растягивая слова, так, будто читал молитву:

"Прошел целый месяц, как уплыл последний корабль. Никто не вернулся."

Это было прекрасно.

В рот будто вставили кляп из плотно спрессованного воздуха, грудь придавило чем-то тяжелым, а в голове проносится вихрь, срывая остатки мыслей.

Первую тошнило, крутило, вытряхивало, мышцы сводило судорогой, холод вползал под кожу (несмотря на меха, в которые её закрутили), но девушка просто вопила от счастья. Буквально.

Не так, как тогда, в прошлый раз.

Может, всё дело в скорости. Или в огромных белых горах, которые будто совсем уже близко, а ты летишь им навстречу, песчинкой, и – йе-хху! ба-бах! Ща как вдарись в эту громаду!

Тогда, в прошлый раз, было страшно, Первая ощущала себя потерянной. Маленькой девочкой, которую что-то несёт, а куда – непонятно. Теперь же полёт заставлял трепетать и в то же самое время смеяться. Да, маленькая, да, девочка, но, в конце то концов, это прекрасно, можно и потерпеть.

А горы и впрямь необъятные.

Где-то там, уголком сознания, девушка понимала, что это только кажется, что они близко, до них еще лететь и лететь, как до самого моря, а, может, и дальше, и эта безмерность её поражала.

"Уфф" – Первая вздрогнула, когда они приземлились. Словно пьяная, освобождалась она от пут, и, словно обку-

ренная, смотрела на своего оруженосца. Всегда услужливый (хи-хи) Луы помогал ей спуститься.

– Вот это полет. Тррр, – девушка затрещала, как плащенок. Она произнесла это звонко и радостно, не смотря на то, что тело болело, голова кружилась, а воздуха было мало, – здесь тяжело дышать.

– Это горы, – ответил Луы, – мы у подножия.

– Горы? Мне то казалось, до гор далеко.

– Это только начало гор. Горы больше равнины, и больше холмов.

– Брр... Как тут холодно.

Первая потопала, помахала руками, чтобы согреться, но вдруг поняла, что это плохая затея – она дышала, как загнанный саммака, и чуть не валилась с ног. “Дыхание не сбивай, не восстановишь”, – усвоила девушка.

И огляделась.

Здесь, в предгорьях, растительность отличалась от той, что росла на холмах, и уж тем более на равнине. Отличалась заметно. По большей части скудостью. Почва не везде покрывала землю, кое-где обнажались скалы. Куда ни глянь – всюду мох с какими-то усиками, которые колыхались под порывами ветра, маленькие ползущие растения с разрезанными листиками, крушинки... и всё. Не было даже тянучек. Что говорить о незримых растениях. Уже на холмах их становится меньше, в основном это злаки. Здесь же они исчезли.

Крушинки какие-то странные – мелкие, полуоткрытые. Дома они закрывались сразу, как только ты появлялся, бывало, так плотно, что даже топтун бросал безнадёжное дело, и не решался вскрывать. Но если ты отходил, они обнажались, полностью. Здесь же крушинки не схлопывались, а если вокруг было тихо, не открывались. Они словно начали открываться, и замерли. Но почему? Возможно, от ветра, который то затихал, то подымался, холодный, резкий, порывистый.

Чуть вдалеке разнообразия было больше – красные, синие, фиолетовые пятна. Видимо, где-то природа богаче. А может, это отблески небосвода играли на начищенных до блеска камнях. Играли на самом краю этого мира, где скалы дышали – и выдыхали живое.

– Никто не пробовал перевалить через горы? – спросила Первая, скорей удивляясь вопросу, чем ожидая ответ.

– Никто, – голос Луы поражал своей сухостью, – для нашего народа это невозможно, – он помолчал и добавил, – Ээф.

– Ээф? Что за Ээф?

– В горах, – Луы посмотрел на вершины.

К нему присоединились другие.

Вся синяя стая глядела в горы, словно застыла в молитве.

– Там спит Ээф, – объяснил пестрокрылый. Низко и глухо.

Почти прорычал, – Создатель мира.

– Обиженный? Наш Обиженный – ваш Ээф?

– Это он. Тот, кто послал вас сюда. Тот, кто привёл ваш народ.

– Значит, Вы тоже верите в Остров, – девушка закуталась поплотнее, пытаясь укрыться от этого бесконечно холодного ветра, который искал лазейки в одежде – и находил, – если два народа верят в одно и то же, значит, . Вот только вы говорите – привёл, но у нас люди приходят, сами. А Обиженный как будто не при делах.

Синекрылый молчал.

– Каков он, Ээф? – спросила, зевая, девушка. Подозревая, что ей опишут высокого статного пестрокрылого с правильными чертами лица.

Луы опустил свою голову. Потом произнес, словно взвешивал каждое слово:

– Ээф большой и могучий. И длинный. Глаза Ээфа сверкают. Шерсть Ээфа блестит. Он летает легко и быстро, как длинноносик. Сейчас Ээф спит в горах, свернувшись у входа. Но скоро проснётся. И слушающие услышат.

"Как неожиданно" – думала Первая. Когда она размышляла о Боге, то представляла сурового дядьку, который накажет. За шалости. Высокого, бородатого. Ты пошалишь, а он тебя – на! И накажет.

Фантазия пестрокрылых её поразила. Но, может, они знают больше?

Коэ, стоявший чуть поодаль, что-то сказал, обращаясь к собратьям. Девушка ничего не услышала, но то ли по трепетанию воздуха, то ли ногами, обутыми в мягкую обувь, она уловила, что сказано громко.

– Хранители там, – обратился старейшина к девушке, махнув в сторону гор, словно напоминая, зачем они здесь.

Стая отправилась по узенькой чуть заметной тропинке, уходящей к высокому тёмному камню. Крушинки втягивали лепесточки, мох пригибал свои усики, когда компания из пяти крылатых мужчин и одной потерявшейся девушки ступала по грунту, тревожа безмолвие, в котором твердотелки, и те не летали.

За камнем оказался проём. Скорее, вход.

Первая вздрогнула, ей стало страшно. Она никогда не входила в горы. Да, из каких-то полузабытых рассказов, пересказанных бабушкой во время их посиделок, обрывков книг, в том числе приключений того же Листика, она знала, что в горы можно войти. Что там живут большие лохматые существа вроде драконов и охраняют сокровища. Да что там драконы, говорят, рудокопы Заводья тоже бывают в пещерах.

В пещерах. Она даже вспомнила это слово.

Как много приключений выпадает на долю маленькой проводницы. Но это не так уж плохо. В конце концов, с ней рядом те, кого она понимает, кому доверила тело во время полета. Да, пестрокрылые – трусы, они не спустились к людям, похитили спящую девушку. Но девушка в целом и общем довольна, и даже... ну да, благодарна.

Первая улыбнулась.

В пещере было темно. Сполохи что-то ещё рисовали на стенах, у самого входа, но стая двигалась медленно, стараясь

не оступиться. Только Коэ впереди чуть ускорился.

– Он не боится? – спросила Первая у Луы.

– Он слушает.

– Слушает?

– Слушает стены. Голосом. Здесь много поворотов.

– Я ничего не слышу.

– Да, – сказал Пестрокрылый, – возможно, что ты не слышишь.

Первая не поняла, как это – слышать стены, но особо и не пыталась. Всё, что происходило в обществе высоких двуногих ангелов, невозможно понять до конца. Она и так знала многое. Столько, что всё это нужно собрать, уложить, осмыслить. И да поможет Обиженный, она когда-нибудь это делает.

Здесь было холодно, и темно, ветер дул в спину. "Ветер дует туда, где теплее, – думала Первая, – с холодных гор на прохладные холмы, с холмов на равнину, с равнины на море. Значит, там, впереди, тепло". Эта мысль, конечно же, согревала. Но ещё бы знать, далеко ли выход, долго ли красться в пещере.

Впереди появилось пятно. По мере продвижения пятно расширялось, всё больше и больше – и превратилось в проём. Или обрыв.

Путники остановились.

Коэ подошел к самому краю, прыгнул вперёд и... исчез.

Потом исчезли другие.

Первая растерялась.

Её схватили и понесли.

“Бог мой Обиженный”. Свет ударил в глаза, ноги лишились опоры и она поняла, что летит, в какую-то бездну, подерживаемая с обеих сторон.

“Долго ли нам ещё падать?” – подумала девушка, надеясь, что спутники расправят наконец свои крылья и мысленно умоляя об этом. Обиженного, Ээфа, да и самих её спутников.

Наконец Коэ, а следом за ним и другие молитвы услышали, и стая словно по желобу влетела в ярко освещённое пространство, на сводах которого горели мириады светящихся точек. “Возможно, это и есть те самые звёзды, которые видел Листик. Возможно, он плыл под сводами гигантской пещеры, – у Первой перехватило дыхание, – а если так, то это не сказки. Значит, не сказки и всё остальное. Значит, и солнце может ходить по небу, куда ему вздумается”. Девушка открыла рот, не в силах представить, какие бы это имело последствия.

Вдалеке сверкали непонятные зелёные, красные, синие огоньки. Разбросанные повсюду. Словно пылающие небеса пробились в самое сердце гор, но застыли, не в силах вырваться. Каменный пол пещеры отражал идущее сверху сияние, как будто это вовсе не камни, будто это груды огранённых кристаллов, разбросанные в исполинском подземелье, спрятанные от посторонних глаз.

Впереди, на достаточном отдалении девушка увидела радугу. Да, это была радуга, самая настоящая. Каменный пол обрывался вниз, и она появлялась за выступом, откуда глубоким раскатистым рокотом слышался шум падающей воды. Как после водяной мельницы, но во много, во много раз громче. Первая никогда не видела водопадов, только небольшие пороги, которых полно в Долине, Прихолмье или далеком Заводье, там, где несут свои воды быстрые реки. Водопады были чуть дальше, уже за Заводьем, где холмы резко превращались в предгорья, и можно было услышать рокот, похожий на топот тысячи топтунов. Первая не была в тех местах, но знала по рассказам, и если это хоть отдаленно походило на то, что она сейчас слышала, то не удивительно, с каким воодушевлением ей об этом рассказывали.

В пещере было тепло. Не так, как на равнине, но гораздо теплее, чем перед входом. Волны тепла шли откуда-то снизу, и казалось, что если они спустятся, туда, за выступ, за которым шумела вода, ласковый ветер обнимет их так, будто они у моря.

"Арраэxon! – крикнул Коэ, настолько громко и зычно, что мурашки пробежали по коже, – Арраэxon!"

Раскатистый звук отразился под сводами, перекрывая шум водопада, потом зазвучал в отдалении, дальше и дальше...

Коэ обернулся, сузив большие жёлтые глаза. Первая сузила тоже. Она настолько привыкла к мимике пестрокрылых,

что это получалось произвольно, само собой. Как будто она улыбалась.

Спутники перестали двигаться и слегка опустили головы. В воздухе замерло ожидание.

Первая вглядывалась вперед, туда, за таинственный выступ, ожидая со всеми. Хотя и не знала чего.

И слышала.

Еще вдалеке, тихо-тихо.

Как будто кузнец куёт гвозди. Слегка распрямляя металл. Бриньк-бриньк.

И вот уже целая группа кузнецов стучит по металлу. Бриньк-бриньк.

Из-за выступа показалось... яйцо. Сплюснутое, растянутое. Второе, третье, четвёртое... Яйца словно всплывали, одно за другим.

И вот уже Первая насчитала четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать яиц.

Существа были мелкие. Достаточно мелкие – если сравнить с людьми (и уж тем более с пестрокрылыми). Что-то размером с собаку. Из яйца выглядывала морда (назвать её лицом было сложно), узкая, будто у черепахи, сморщенная, с чёрными бусинками глаз. Морда кончалась тупым и подвижным концом, на котором угадывалось что-то похожее на рот. По бокам шли какие-то дыхальца. Дыхальца поднимались и опускались, словно жабры у пойманной рыбы, брошенной в лодку. "Косматый оценил бы моё сравнение" – подумала

Первая, чуть улыбнувшись.

Вытянутое яйцеобразное тело поддерживало шесть достаточно длинных и тонких лап, хотя казалось, что лапы эти должны поломаться. Впрочем, наблюдая настоящих пауков, Первая всегда удивлялась, как это они умудряются на таких тонких ножках поддерживать такое объёмное тело.

Ещё две лапы торчали под мордой, в них существо что-то держало – что-то похожее на трость, сделанную из яркого серебристого металла. И вот концом этой трости оно и стучало о камни, издавая "бриньк-бриньк".

Когда подошло последнее из существ, звук прекратился.

– Арраэхон, – произнес незнакомец, тот, что стоял впереди, гораздо глуше и тише, чем это сделал Коэ.

– Арраэхон, – повторили за ним пестрокрылые.

Коэ подошел чуть ближе и что-то сказал.

Быстро и непонятно. Процокал, пробулькал, причмокнул.

Незнакомец втянул морду в яйцо, потом снова вытянул.

И заговорил.

Говорил он медленно, тихо, делая паузы. То булькал, то скрежетал. Недолго, и, как показалось Первой, по делу.

Коэ обернулся:

– Те, кого мы называем хранители, приветствуют Вас, – он внимательно посмотрел на девушку и снова сузил глаза. Но в этот раз слегка по-другому. "Натянута, – подумала Первая, – так улыбаются, если вдруг нужно ответить улыбкой".

И тоже сощурилась.

– Скажи, что и я их приветствую. Спроси, откуда знают о нас. Где узнали, что мы едим и как справляем потребности.

– Хранители знают всё, – Коэ повторил то, что говорил накануне. Так, что, возможно, только Первая его и услышала.

Он повернулся к пришедшим и что-то сказал. Точнее, присвистнул. "Как мало слов, – подумала девушка, – вряд ли он передал мою просьбу".

– Они наблюдают за вами. Они наблюдают за миром. Мир огромен, мы – это малая часть. Знать и хранить свои знания – самое важное в жизни, – продолжил Коэ после ответа незнакомца. Потом помедлил и тихо добавил, – потому они и хранители.

– Пускай, – ответила Первая, – пускай будут хранители. Паучки. С палочками...

“Прошел целый месяц, как уплыл последний корабль. Никто не вернулся. Они уже не вернутся, сказал отец, в темноте не возвращаются. Если небеса погасли, море потопит. Он сказал, это хорошо, что мы остались, а не уплыли.

Боже, зачем ты это делаешь? Зачем убиваешь? Пастор сказал, что мы избранные, ведь нас ты оставил в живых, а остальные погибли. Но они-то в чем виноваты? Моя мама, моя сестренка, она же совсем кроха, она еще (неразб.) сисю (неразб.) никому не сделала зла. За что ты её убил? (неразб.)

Лучше бы я уплыла на этом корабле (неразб.) утонула.

Я не могу (неразб.) оставаться, слышать крики сожжённых. Это же те, кого мы любили (неразб.) огородились частоколом и не пускаем. Ты сжёг (неразб.) разум и они умирают.

Так и будем (неразб.) темноте как крысы. (неразб.) сказал, что небо должно снова измениться, а нам надо выстоять. Пускай оно изменится. Пускай даже снова загорится солнце, я больше (неразб.) нормально спать. (неразб.) этим жить дальше.

Я буду писать дневник, чтобы не умереть от ужаса. (неразб.) используя лампу. Пусть отец меня убьёт или пастор. Мне всё равно. Боже, на кого мы похожи? За что ты нас так?”

Мутный перечитал написанное и замолчал.

– Сожжённые. Где-то я это слышал, – сказал он, подумав.

И вспомнил. Карету, путешествие, и ту, которую потерял. Навсегда.

– Ну и как ты думаешь, кто они такие? – спросил Пытливый. Он подошёл к окну и посмотрел на дорогу. Скамейка была пуста.

– Тронутые?

– Да, тронутые пылающими небесами, чей разум сожжён. Интересно... Люди уплыли. И не вернулись... А те, что остались на Острове, обезумели. Выжили только немногие. Избранные. То есть прикрытые... Небеса загорелись внезапно... А может, они и раньше пылали, но без последствий... И ещё темнота... Ах да, Терпеливый говорил, что на Остро-

ве нет зримых душ, а значит... а значит, и Лёса... – искатель взъерошил волосы и радостно выдохнул, – это неопишимо. Ещё столько предстоит узнать...

– Удивительный ты человек, – откликнулся приятель, – как ты можешь так радоваться? Где твоё сострадание?

Пытливый нахмурился:

– Ты прав. Но... – он постучал пальцем по рукописи, – если мы поймём, что написано здесь, то научимся и сострадать. Переживают тому, что понимают.

Мутный усмехнулся:

– Состраданию не учатся... Ладно, ты есть, какой есть. Таким и оставайся, – он посмотрел на страницу, – эти неразборчивые пятна – слёзы. Читать будет непросто.

– Но оно того стоит! – Пытливый не оставлял своего ликования, – пошли, отметим.

– Ну, выпить то я не прочь, – Мутный поднялся с кресла и поглядел на пушистика, – лучше бы ты его выпустил. Совсем извёлся, бедняга.

– Это для тебя он извёлся. Для меня молчит, – Пытливый подсчитывал гирики, мелкие деньги равнины, – знаешь, дружище, иногда мне кажется, что ты – моя совесть. Уедешь – и я её потеряю.

Он улыбнулся, как всегда криво, и начал завязывать плащ. Мутный накинул свой, и приятели вышли во двор.

Минут через десять друзья сидели за длинным столом, сделанным из крепкой, как железо, древесины. “Саммач-

ка”, – заметил Мутный.

Кроме них, в помещении было пусто. За перегородкой суетился хозяин, чуть слышно напевая известную песенку ("мы опять, мы опять на холмы пошли гулять"), да где-то поблизости попыхивал пыхчик. Всё это создавало удачный шум, в котором приятно беседовать.

Перед друзьями стояли кружки, наполненные не особо крепким пенистым напитком, очень популярным у жителей Прихолмья, и не встречавшимся больше нигде. Напиток варили с холмистых тянучек, чем, собственно, и определялась его оригинальность. На широкой тарелке лежало мясо, провяленное, но достаточно мягкое в самом начале ночи, да ещё смачные дольки каких-то засушенных фруктов. Друзья макали всё это в широкую чашку с кленовым сиропом и таким образом закусывали.

– И всё-таки мы молодцы, – Пытливый сиял, медленно прихлёбывая из кружки, – ты молодец.

Мутный редко видел друга настолько довольным, ну разве что когда тот стащил у Сипатого карту. Он и сам был доволен не часто. Вместе они составляли довольно угрюмую парочку, и только Щербатый спасал положение. Вечно улыбающийся Щербатый.

– Молодец, – повторил искатель, – мне бы твою смекалку. Я бы сумел отгадать все загадки.

– Нуу, – Мутный пожал плечами, – это случайно.

– Не скромничай. Мы же не верим Его Мудрости Слу-

чаю. Мы верим в Господа Бога Обиженного. А у Господа Бога Обиженного случайностей не бывает.

– Господь не играет в кости.

– Вот-вот.

– Только ты в него не веришь.

Пытливый вздохнул:

– Конечно, то, что мы прочитали, веры не добавляет.

– Это точно. Выпьем.

– Давай.

Друзья выпили и закусили.

– Я думал, почему это произошло, – Пытливый жевал своё мясо, – федь, фот сфотфи, фто фолуфяется, – он проживал до конца, и продолжил, – текст написан слева направо, а не справа налево, как пишем мы. Понимаешь? – Приятель покачал головой, – подумай, в каком случае так происходит.

Мутный напрягся.

– Понималка уже не работает.

– Ладно. Скажу, – искатель сделал загадочное лицо и медленно, по слогам произнес, – кни-го-пе-ча-та-ни-е.

– Хмм...

– Пластины. На которых выбивают текст, – Пытливый прогулял свои пальцы по столешнице, – чтобы потом напечатать. На пластинах текст слева направо. Также, как в рукописи. Только в рукописи ещё и буквы объединены по слогам. Вот!

– Хмм... – Мутный обдумывал сказанное, – Поймаешь

хвост в темноте, вытянешь пыхчика.

– Так я его вытянул, – искатель выдержал паузу, – знаешь пластины, медные, которые хранятся у стражей? С текстом, что выбивали, когда Обиженный был с людьми?

– "Приключения Листика"?

– Именно! Считают, что так выбивали текст, чтобы он лучше хранился, – Пытливый наклонился чуть ближе и таинственно произнёс, – так вот, это не просто текст. Это печатные доски.

Мутный согласно кивнул:

– Теперь понимаю. Если учиться читать и писать с этих пластин.

– Которых много, – искатель раздвинул руки, – словно вся типография. Как так произошло, Обиженный знает. Но если с Острова перевезли только пластины, а книг не было, то это всё объясняет. Мы пишем справа налево, а раньше писали наоборот.

– Выпьем за наши догадки, – Мутный придвинул кружку. Пытливый придвинул свою, – я всегда поражался твоей сообразительности.

– Верить не веришь, я сам поражён.

Глаза заблестели.

– Считай, что мы квиты. Я похвалил тебя, ты меня. Сегодня хороший день, – искатель взял кусок мяса и обмакнул в сиропе.

– Хорошо, если так, – согласился Мутный, – расскажи про

ХОЛМЫ.

– Да что там рассказывать, – искатель пощёлкал по кружке, – мы на холмах. Видишь речку, – он показал за окно, – такой бурной нет даже в Долине. Прихолмье – Лес не равнинный. Частично.

– Вот как? – Мутный нахмурился, – а что ты знаешь о сонхватах? Тех, что живут в долине.

– А почему так вдруг? Ах да, – Пытливый вспомнил, – там же уснула твоя проводница. Ты не волнуйся. Сонхваты с карет не вытаскивают. На незримых они не охотятся. Да и в долину приходят на время случки, ну и ещё присмотреть. За плодами. Но охотятся – нет, не в долине. Точнее, не только в долине. Где ты встречал хищника, который устраивает засады в одном и том же месте? – искатель скорчил гримасу, – а что с проводницей... ну... может, проснулась. А если проснулась – ушла. Зачем ей сидеть? Чего ей ждать в этой карете?

– А если она поняла, я имею в виду ту, другую, что книги нет, и вернулась? – Мутный казался подавленным.

– Вариант, – Пытливый произнёс это просто, как будто они говорили о жизни каких-то жучков. "Вот за это я тебя одновременно и люблю, и ненавижу" – подумал Мутный, и, чтобы сменить тему, сказал:

– Давай продолжим о пластинах. Там, говорят, столько всего непонятного.

– Пластины, – искатель задумался, – "Приключения Ли-

стика". Эта книга есть почти в каждой уважающей себя библиотеке. Но понять её непросто. Нет, она написана легко, тира твоих "сказок"...

– О чём там написано?

– Хм... – Пытливый задумался. "Дольше соображает, – усмехнулся приятель, – да и меня вроде как сносит. Видать, напиток наш крепче, чем кажется".

– Там описано приключение какого-то парня, который отправился в плавание. Ну и вскользь, мимоходом говорится такое... такое... В гильдии стражей долго ломали голову, как это всё объяснить. Народ то просит объяснений.

– Например.

– Ну, например... Например, получается, что земля круглая. Не как вот это, – Пытливый потрогал тарелку, – как мяч. Что можно уплыть из одной её точки, и вернуться обратно.

– Бесподобно, – Мутный присвистнул, – это же надо додуматься. Чего это Листик курил?

– Да там не только Листик. Там целая компания, – Пытливый икнул, – Но утверждение безумное. И опровергнуть его не трудно.

– Попробуй.

– Нуу... Допустим, мы в Большом Приморье. И видим корабль. Допустим. Он уплывает всё дальше и дальше, – Пытливый чуть пригубил.

– И что, плавали?

– Плавали.

– И что?

– Ну, корабль, если земля круглая, должен исчезать. Ты же не видишь твердотелку, если она уползает за мяч.

– Не вижу.

– Так и корабль.

– И что, только ради проверить плавали в море? Всё дальше и дальше?

– А ты как думал? – искатель улыбнулся, – всё ждали, когда исчезнет. А он не исчезает.

– Даа. С этим не поспоришь.

– Не поспоришь...

– И что говорят по этому поводу стражи?

– Они говорят, – Пытливый икнул, – они говорят, что корабль этот плавал вдоль берега. Море то круглое, – он начертил воображаемый круг, – всё оплывешь, и вернешься обратно.

– Гениально.

– А то. Это же стражи.

– Выпьем, – Мутный поднял свою кружку.

– Давай...

– А я, – сказал Мутный, после того как они выпили и закусили, – я слышал одну вещь.

– Какую?

– Я слышал про солнце. Будто оно падает и подымается, – он показал руками, – как мяч. Вверх-вниз, вверх-вниз. Но медленно.

– Есть такое, – Пытливый нахмурился, – если с землей все боль-мене понятно, то с солнцем... Пфф... – он покачал головой, – тут уже просто какая-то околесица... Представь солнце, – искатель развёл свои руки, – над головой. Везде. В Прихольмье, в Заводье. В одном и том же месте. Это как же оно далеко от нас, какое оно огромное. И вот всё это вот падает, – парень ударил ладонью, – а потом подымается, – он опустил свою челюсть, чем стал походить на рыбу, которую бросили в лодку.

– Мысли. Есть какие-нибудь мысли? – Мутный глядел на искателя.

– Мысли есть. В смысле мысли есть всегда, – Пытливый задумался, – но не сейчас.

– Выпьем.

– Давай.

– Даа, – протянул Пытливый, когда они снова выпили и закусили, – чего-то не хватает.

– Чего?

– Вернее, кого... Где твой сокамерник? – он показал на окно, – сегодня его не видно.

– Сокатерник... Невинный? Так его и не будет. У него дела, – приятель вздохнул, – быть может, мне доверяют. Уже.

Из-за перегородки показался хозяин. Он подошел к пыхчику, сгрёб в охапку и вынес за дверь. Пыхчик легонечко пискнул, но сопротивляться не стал.

Теперь только чавканье раздавалось в харчевне, переме-

жаемое голосом двух собутыльников.

– Пора, – сказал Мутный, вставая, когда неожиданно отворилась дверь, – за мной пришли.

Пытливый обернулся и остолбенел.

В светлом проёме стояла женщина. В высоких сапогах, коротком, но плотном плаще, талия схвачена поясом с длинными ножнами. Вдоль плеч рассыпались волосы, губы манили, глаза... Глаза заставили задержаться.

Он уже видел пассию друга. Но сейчас, но сегодня, в этой харчевне, в дорожном наряде она выглядела божественно.

Девушка улыбнулась и взяла под руку жениха, которому и вправду не мешала поддержка.

– Пытливый – Быстрорукая, Быстрорукая – Пытливый, – пробубнел жених, показывая руками то на одного, то на другую.

– Мы уже знакомы, – сказала девушка ("божественно!").

– Знакомы, – искатель поднялся. Парочка вышла за дверь, а он всё смотрел, размышляя.

"Не надо так пить, – заметил он наконец, – а то можно совсем потерять... Чего потерять? Рассудок... И всё-таки, чем она его зацепила? Нет, конечно же нет – чем он её зацепил?"

Пытливый вышел во двор.

Спустившись к реке, он долго смотрел на течение, присев на корточки и пуская случайные камушки.

Потом окунул лицо, и держал, держал. Пока не стал задыхаться.

И так несколько раз.

Слегка протрезвев, искатель поднялся. “Как хорошо, – думал он, – я даже смогу поработать. Впереди ещё столько всего интересного”.

До дома он шёл уже твердо.

Дверь была нараспашку.

“Да я её, наверное, не закрывал. Сейчас приду, лягу, посплю, там, часок – и за работу”.

Пытливый услышал шаги.

– Вы? – парень не удивился, увидев старейшину. Он удивился тому, что тот держал рукопись, сунув под правую руку, – я ещё не закончил.

– Не скромничай. Невинный всё рассказал. Считай, это первое задание Ордена, и ты его выполнил, – Лобастый хотел проскользнуть.

– Зачем вы её забираете?! – Пытливый встал перед дверью. Он не мог даже представить, что больше её не прочтет, ни строчки. Что никогда не узнает, что же случилось на Острове.

Старейшина встал совсем близко.

– Во имя Ордена, замолчи. Эта книга бесценна. Её прочитают старшие. И только они решат, что делать дальше.

– Эту книгу должен прочесть каждый. Во имя истины.

– Истина может быть открыта только тем, кто встал на путь истины. Первое правило.

– Тогда я выйду из Ордена.

– Из ордена выйти нельзя, – Лобастый оскалился, – как же ты это не понял.

– Я имею право первым её прочитать! – Пытливый вцепился в книгу.

Старик увернулся и зло посмотрел в глаза.

– Ошибаешься, – процедил он сквозь зубы, – зря ты пришел. Сидел бы в харчевне...

Острая жгучая боль вспыхнула где-то в боку и разлилась горячим сиропом.

Искатель стал падать. Всё дальше, и дальше...

Пока не упал.

Первая стояла перед собравшимися, и ощущала себя персонажем самого старого и самого странного произведения. Он тоже стоял на корме корабля, который отправлялся в дальние страны, и прощался с родными. В те времена в море ещё не водились чудовища, типа бивнебоев, да и корабли были более устойчивы, то ли от того, что не дули такие сильные ветра, то ли просто строили лучше. А значит, и плавали дальше, туда, куда теперь не доплыть.

Книга настолько древняя, что даже стражи о ней говорят и приводят как лучшее доказательство того, что зримые души были созданы после незримые. Всё потому, что в книге нет ни одного упоминания зримых. Зато есть совсем уже необыкновенные животные, типа огромных огнедышащих ящериц или здоровенных косматых чудовищ, похожих на ко-

шек или собак, но крупнее, гораздо крупнее. Возможно, они до сих пор существуют в далёких краях, куда отправился Листик (так звали героя), возможно, эти земли лежат по ту сторону моря. А если море огромно, если оно необъятно, как утверждал Терпеливый, то теперь туда не доплыть.

В книге происходили и другие, совсем уже странные вещи. К примеру, дни и ночи сменялись часто, почти как сутки – ночью ты спал, днём работал. Солнце не просто светило в небе, солнце по небу гуляло. И если с первым могли согласиться – для незримых это комфортно, даже желательно, то второе вводило в ступор. “Неисповедимы пути Обиженного”, – отвечали обычно стражи и заводили глаза.

Но книга читалась легко. Будучи девочкой, Первая часто её доставала, из большой папиной библиотеки, и пожирала буквально глазами, начиная читать, уже не могла оторваться.

И вот теперь, отправляясь к себе на равнину, она представляла себя героем, покидающим гавань.

“Перед тем, как корабль унесёт меня в неизвестность, позволь поймать твой последний взгляд, самый лучший взгляд во вселенной. Пускай останется в моем сердце. И когда я вернусь, спустя много лет, старый, больной, я узнаю тебя по этому взгляду”.

И хотя не было и сотой доли того расставания, которое испытывал герой, девушка вспомнила эти строки, и где-то в глазу появилась слезинка.

“Трусы, – думала Первая, – довольные трусы. Радуются,

что исполнили волю Бога. А я отдувайся как знаешь – рассказывай своим соплеменникам сказки про высоких крылатых существ, которые строят жилища”

Девушка усмехнулась.

– Самим то спуститься никак?

Коэ промолчал. Он опустил свою голову и задумался.

– Мы не живем на равнинах, – ответил Луы.

– Если вы так боитесь маару...

– Мы не живем на равнинах, – повторил пестрокрылый.

И сузил глаза, чтобы она не обиделась.

– Слышала, – девушка глубоко и протяжно вздохнула, – вы – на холмах, мы – на равнине. И не сойдёмся. Как Быстрая с Длинной, – Первая вспомнила реки.

– Люди живёт на холмах, – заметил Луы, – у самых гор.

– Да? – задумалась девушка, – что-то не слышала. Далеко?

Пестрокрылый показал куда-то рукой.

– Там Прихолмье. Оно почти на холмах.

– Нет, ближе.

– Хмм, – девушка вскинула бровь, – интересно. Что же вы с них то не начали? Не надо бы было спускаться.

– Их мало. Ночью они не выходят из Леса.

– А нас много. И мы выходим, – Первая усмехнулась, – ну да... ну да... Вот скажи мне, друг пестрокрылый, эти ваши паучки, – она улыbnулась, зная, что её собеседник не поймёт этого слова, – эти хранители, они-то чего не выходят? Так много знают о нас, а не выходят.

Коэ посмотрел на Луы, потом на Первую:

– Хранителям солнце вредит, – сказал он, подумав, – но, думаю, хранители встречались с вашим народом, часто встречались.

– С теми, что на холмах?

– С теми, что в пещерах.

– Понятно, – ответила девушка, хотя ничего не поняла.

Откуда люди в пещерах? На холмах то понятно, были истории, когда кто-нибудь уходил на холмы, а после не возвращался. Но пещеры...

– Хранители – древний и мудрый народ, – продолжил Коэ, как будто рассказывал лекцию, – мы многому у них научились. Они знают нас. Они знают вас. Они знают мир. Они знают другие миры.

– Довольно, – отрезала Первая, – моя голова сейчас лопнет, – шучу, – объяснила она, когда пестрокрылый встревожился, – я много чего услышала, много увидела, и хочу отдохнуть... Иначе я стану хранителем, – проговорила она вполголоса, с интересом смотря на Коэ.

"Так я и думала, – заметила девушка, – шуток не понимают".

Но, несмотря на это, было в них что-то. Что-то такое. Достоинство, прямота, может быть, честность. Что-то, что её зацепило. И расставаться было действительно грустно, недаром же вспомнила Листика. "Я вернусь. Не скоро, потом, но вернусь" – пообещала девушка, пообещала себе. Она чув-

ствовала, что так думают и другие, и Луы, и Коэ, и каждый из этих высоких крылатых мужчин.

– Жалко, – сказал Луы, – нам всем очень жалко, что вы не слышите нас, – он соединил свои руки, и, помолчав мгновение, добавил, – есть многое, что мы бы могли рассказать, но только на языке Народа. Если бы был у вас кто-то, кто может услышать. Кто-то, кто может понять наш язык.

– Кто-то, – в ответ повторила девушка. Откуда-то дунул ветер и растрепал её волосы, – я знаю такого человека.

В небе носились ласточки и ловили не расторопных насекомых. Пахло слежалой травой после привала, сочной, еще молодой крапивой, только что зацветшей акацией... Запахов было много.

– Здесь всё по-другому, – Щербатый откусил травинку и начал жевать, – солнце бродит по небу, поднимается и падает, когда поднимается – наступает день, когда падает – ночь. Ночью всегда темно, можно спать с открытыми окнами. Люди, да и другие незримые так и делают – спят по ночам и просыпаются днём.

– А зримые, как они живут по ночам? – Пытливый сидел, обхватив свои ноги. Яркое, даже слишком яркое солнце щипало глаза, и он не смотрел в его сторону. Стояло оно не над головой, как обычно, а чуточку ниже, и эта деталь настораживала – казалось, ещё немного, и упадет. За то время, что они разговаривали, солнце немного подвинулось, но,

это, возможно, казалось.

– Зримые? – Щербатый улыбнулся. Его широкая немного беззубая улыбка всегда дарила хорошее настроение, и Пытливый улыбнулся в ответ, – не, не встречал.

– Ты шутишь? – Пытливый внимательно поглядел на приятеля.

Тот покачал головой.

– Это Остров?

Щербатый пожал плечами:

– Не думаю. Возможно, это Лучший край. То место, куда мы попадаем после смерти.

Пытливый усмехнулся:

– Тогда это Остров. Так говорят Стражи... Мы умерли? – спросил он приятеля.

– Да, – Щербатый лег на траву и заложил руки за голову, травинка торчала у него изо рта, – мы умерли... Тебя убили?

– Ну если мы умерли, значит, убили, – ответил Пытливый. Громко и весело.

– Ага, – Щербатый смотрел на солнце и щурил глаза, – и мы опять встретились. Разве что Мутного не хватает.

– Появится, – искатель произнес это буднично, мимоходом, и приятель опять улыбнулся, – осталось чуток подождать... Мутный! – он закричал, растерянно глядя вокруг, как будто искал, – Мутный!

Щербатый улыбался и весело покачивал головой.

– Мутный!

– Я здесь, – ответил голос, далёкий и близкий. Одновременно. Поляна, на которой они лежали, вдруг задрожала, Щербатый исчез, а вместе с ним солнце, цветы, деревья и насекомые...

Пытливый открыл глаза. Белокурые волосы, шрам над правым глазом, лицо, задумчивое и внимательное одновременно.

– Это ты? – спросил он чуть слышно. Во рту пересохло. В груди что-то ныло и не давало подняться.

– Я, – ответил приятель. В глубоких словно озёра глазах играл огонёк.

– Это был сон, – искатель сказал это тихо, и будто разочарованно, – знаешь, я видел Щербатого.

Мутный кивнул:

– Ты жив, это главное. Тот, кто тебя ударил, видно, спешил – нож только скользнул, по ребрам, и важного не задел... Лекари здесь хорошие, возможно, одни из лучших.

– Где Лобастый? – искатель опёрся на локоть, – где книга?

– Так это он? Лобастый? Мы так и подумали. Когда это случилось, Лобастый сбежал, – парень пожал плечами, – но знаешь, убежать убежал, да убежать не получится. От Быстрорукой не скроешься, – и усмехнулся, – как ни пытайся.

– А книга? Книга?

– Ну, если её здесь нет, – Мутный искал глазами, – значит, она у него. Но ты не волнуйся, Быстрорукая – дочь самого Заговорённого. И не вставай, лежи, я о тебе позабочусь, –

приятель помог улечься и укрыв одеялом.

– Но вы уезжаете.

– Мы никуда не уедем. Пока не поправишься.

– Спасибо, – Пытливый пожал запястье.

– Как неожиданно с твоей стороны, – Мутный пожал в ответ.

"Никогда не упустит возможности поиздеваться" – подумал Пытливый и попытался изобразить улыбку.

Получилось не очень.

Дверь скрипнула, и он повернулся на звук.

На пороге стояла девушка. Грустная, растерянная и немного испуганная.

Искатель хотел было забыться и уйти в спокойный ненавязчивый сон, но Мутный его опередил:

– Очнулся, – сказал он вошедшей и, снова взял приятеля за руку, – я пойду. Надо заняться... не важно. А ты не теряйся, и, пожалуйста, – он наклонился чуть ближе и тихо добавил, – будь немного повежливее.

Потом поднялся, оставил какой-то сверток, и, пройдя мимо девушки, вышел.

"Вот гад" – подумал Пытливый. Но улыбнулся.

Косматый прищурил глаза. Что-то носилось, возле тянучек, у самой дороги. Что это – свора саммак или собачья стая? Небеса над головой постоянно меняли цвет и даже с таким зрением как у него было трудно увидеть детали. А ви-

дел он хорошо, недаром когда-то его звали Зоркий. Когда-то он был впередсмотрящим на одном из самых быстроходных кораблей Приморья. Пока не случилось несчастье. Тогда он стал капитаном и спас полуобезумевший экипаж. Но на Посту уже жил человек с таким именем, и первое имя, которым Косматого звали ещё до того, как попал на корабль, стало единственным.

Парень зевнул.

Проделать такой долгий путь и почти сразу попасть в наблюдающие. Зря согласился, надо было выспаться. "Эх, бивнебой меня протащи, – Косматый взлохматил волосы, – высплюсь. Вот подежурю, рухну на койку, и – спать."

Он посмотрел на листопадную рощу – в основном березы, но есть также клёны, ольха и другие. Нежные листики, как всегда в это время.

Скоро небо погаснет, и они опадут. Зато в темноте можно будет собрать сок деревьев – берёзы, клёна, варить сироп. Не такой сладкий, как у тянучек, но более питательный и без ненужных последствий. Хотя сироп тянучек такая вещь – если однажды попробовал и полюбил, уже не разлюбишь. И будет крутить живот всю твою жизнь.

Но шкод его знает, погаснут ли небеса, с природой творится неладное.

Собако-самаки продолжали носиться, в небе кружили два плащеносца и делили добычу.

Странно. Вот чтобы плащеносец отбирал пойманного

бруму или там носатика у бегуна или другого хищника – такое он видел – случай не редкий. Но чтобы два плащеносца что-то не поделили. В полёте...

Косматый прищурился.

Плащеносцы летели на Пост.

"Заряди в меня гарпун, – Косматый взгляделся в тени, – да они не дерутся, они несут, вдвоём. Что же они несут?" Он нахмурился, а когда разобрался, то открыл от изумления рот и заморгал, не веря глазам. "Это никакие не плащеносцы. И это не чёрные, порази меня бой, – те не летают в пылающие. Но кто тогда, кто?!"

Когда же он разглядел добычу, которую несли эти двое, то просто застыл, не в силах о чём-то думать. Да, это был человек, и человек был привязан к какой-то конструкции, которую неизвестнокто держали в передних лапах.

Они уже подлетели к самым воротам Поста, стали снижаться, и надо было спуститься, звать остальных, а Косматый стоял и стоял, не в силах пошевелиться.

"Порази меня восп, – на лице просияла улыбка, – и убей меня чёрный!" Он закричал, и этот крик услышали все, кто находился внизу. Кто-то бежал к воротам, отдавал команды, а он всё глядел и глядел, как непонятные двуногие существа не торопясь разбирают доски и бережно отвязывают девушку. Наконец он не выдержал и начал спускаться, сломя голову, перелетая через ступени, думая об одном – сегодня праздник, сегодня у них объявилась та, которую ждали, та, о

которой переживали и о которой молились. Самая отвязная девчонка на этом Посту, дочь Искушённого – Первая!

– Йоххуу! – кричала девушка, и махала рукой на спутников, – смотрите, и не говорите, что вы не видели! Смотрите, пока они здесь!

– Дочка! – крикнула мать, и побежала в объятия, – доченька...

– Ма, – та закрыла глаза и заплакала, – прости меня, ма...
Косматый пустил слезу. Всё это было похоже на сказку, волшебную, со счастливым концом. Он посмотрел на неведомых ангелов, что стояли там, за воротами и глядели на людей своими большими прищуренными глазами – и прищурился в ответ. "Плащеносцы, – подумал он, – или кто вы такие, спасибо".

Подошла его очередь обниматься, и скоро все, кто хотел, получили свои обнимашки.

Все, кроме одного.

Он вышел из дома. Медленной и какой-то хромой походкой.

– Па! – кинулась Первая, – мне столько нужно тебе рассказать...

– Стрекляточка, – отец запустил в её волосы руки, – расскажешь, обязательно расскажешь. Всё мне расскажешь...
Договорились?

– Договорились.

Ночью дожди случаются реже. Да и выпадают в основном мелкие, морозящие. Больше всего в сезоне пылающих. Но если начнутся, то льёт и льёт, и сложно угадать, когда этот дождь закончится, и уже не помнишь, когда начался.

Такой затяжной накрапывающий дождик действует на нервы. Крушинки, кубышки схлопываются, тянучки прижимают листочки, даже животные, которые по ночам живут на равнине, уходят в Лес.

В Лесу более сухо.

Хотя вода всё равно просочится. Что-то уйдет по стволам, а часть этого бесконечного потока найдет свою дырочку, и будет лить, лить, лить... Будто из прохудившейся крыши. Но если избегать таких дырочек, можно остаться сухим.

На равнине ничто не спасает.

Проехав от Долины, точнее, пролетев на недовольном прыгуне, Первая промокла насквозь. Теперь, покинув равнину, она уже не дрожала, а когда добралась до самого дальнего и самого странного селения Прихолмья, так и вовсе согрелась. В Лесу было влажно, но в Лесу было тепло.

Под ногами хлюпала грязь, и пока девушка отводила наконец успокоившегося прыгуна к загону, который в такую погоду походил на большую огороженную лужу, два раза чуть не упала. "Будь аккуратной, – сказала она себе, – а то испортишь свидание".

Ходкий кружил, готовый отправиться куда угодно, под какой угодно дождь, чтобы доставить какое угодно послание.

– Спасибо, – Первая потрепала его по загривку, когда тот опустил ся и обхватил её шею своими мягкими немного пушистыми крыльями. При этом прищурился (прямо как пестрокрылые), и коснулся кончика носа, – ты самый верный ангел на свете.

Ходкий отлетел, потом поднялся, открыв свой рот, будто пытаясь что-то сказать, и девушка вдруг поняла, что он и вправду что-то сказал, только она не слышит, как не слышала пестрокрылых. Она многое узнала об ангелах, побывав у Народа Холмов.

Что если бы у людей были такие же братья, похожие на них, как похожи пестрокрылые и плащеносцы. Что если бы они улыбались, смеялись, грустили, как человек.

Но у Обиженного не хватило воображения.

Первая села камень (к счастью, он оказался сухим) и на минуту задумалась. Потом расстегнула сумку, достала бумагу, небольшой карандаш, и стала писать.

Дописав, она просунула бумагу в конверт, и позвала Ходкого.

– Мне жалко, мой друг. Мы так давно не виделись, а уже приходится расставаться. Но ты должен доставить это на Пост, – Первая чуть прищурилась и вложила конверт в кармашек на правом боку. Кармашки были у многих зримых – в конце ночи и в самом начале дня в них подрастало потомство. Но у плащеносцев, живших с людьми, потомство не появлялось – в кармашки клали письма.

– Лети, – Первая вскинула руки, и Ходкий поднялся.

Потом встала и осторожно пошла по дороге.

Здесьние дома заметно отличались от тех, что она видела в Длиннолесье, Междуречье или других центральных Лесах. Их фасады не украшали узоры, на них не стояли башенки с маленькими уютными беседками, они были сколочены просто и надёжно. Этот стиль Первой нравился, впрочем, ей вспомнился Пост – на Посту не любили излишеств.

На Посту... Что на Посту? Наверное, думают, что она поехала к стражам, ведь это и было целью её визита в Прихольмье. Письмо от отца и текст, что диктовал пестрокрылый. Трусы. Какого труда ей стоило уговорить их спуститься к людям, сколько усилий она потратила, пока преодолела всё это тягучее сопротивление, с долгими размышлениями, со взвешенным и осторожным подходом. Она повторяла, что люди не такие, что на равнине никто не поверит ей на слово. Они молчали. И думали, думали, думали...

Проводница вздохнула.

Пойдёт она к стражам, пойдёт обязательно. Но не сейчас. Но потом. После. После того, как встретит его. Встретит, и не отпустит.

У неё было время подумать, оттуда, с холмов, отстранившись от сиюминутных дел, со стороны наблюдая за тем, что любила, за что держалась, пересматривая всё, что оставила на равнине. Теперь Первая знала, чего она хочет. И в центре желаний был он – угрюмый и довольно странный человек,

с красивыми светлыми волосами и шрамом над правым глазом.

Девушка улыбнулась.

Она подошла к самому крайнему дому и постучала. "Войдите" – сказали внутри.

Дверь отворилась. Сама.

"Чудеса" – подумала Первая. Но удивляться уже не могла. И не хотела.

Внутри было просто, как и снаружи, только неведомые механизмы тянулись вдоль потолка. Что-то похожее она видела и в Долине, но не в жилище, а в ремесленной мастерской, которых там много, почти как торговых лавочек в Междуречье. Невысокая просто одетая женщина лет сорока с волосами, собранными в узел и большими (непомерно большими) очками неспешно проплыла навстречу.

– Добрых суток, – сказала женщина, медленно и вальяжно, словно время остановилось и можно уже не спешить.

– Суток, – ответила Первая, – я хочу найти человека. Он ехал сюда с Терпеливым, Его зовут ... Бесполезный, – она покраснела, представив, каким ужасным и глупым именем одарила возлюбленного, – но, возможно, его зовут по-другому...

Женщина внимательно изучала вошедшую. Подавляя спокойствием.

– Был такой, – сказала она после паузы, которую вставила, чтобы добавить сказанному ровно отмеренное количе-

ство весомости, – приехал от Терпеливого, назывался Бесплезным. Потом оказался Мутным.

– Светлые волосы, – продолжила Первая. Внутри колотилось, как будто кто-то стучал.

– Светлые волосы, – подтвердила хозяйка, все также вальяжно.

– Шрам над правым глазом.

– Да, помню, был шрам. Над глазом. Думаю, правым.

– Почему – был? – Первая чуть не кричала.

– Потому что они уехали. Только вчера, кажется.

– Кто – они?

– Он и его невеста. По-моему, в Длиннолесье...

Как будто ткань разорвалась перед глазами, в груди что-то съёжилось...

Первая не помнила, как вышла на улицу. Не попрощавшись, не закрыв дверь.

Было уже не важно. Уже ничего не было важно.

"И поделом. Ты просто привыкла, что все уделяют внимание. Привыкла, что всё тебе падает в руки. Считаешь себя богиней. Казнишь, милуешь. А на деле – избалованный ребенок. Кто дал тебе право убивать тех несчастных, кто дал тебе право решать, кому жить? Надумала, что он тебя любит. Потому что ты такая неотразимая."

Нетвердой ковыляющей походкой добралась Первая до дома, на котором была нарисована кружка. Заказала местный напиток и тарелку чего-нибудь погрызть (она так и ска-

зала – "погрызть") и тут же упала на стул.

Мыслей не было. Ничего не было.

Одна пустота. Давящая, гнетущая. Даже плакать не было сил.

Напиток оказался необычным, с непонятным каким-то привкусом. Возможно, крепким. Возможно, не очень. Какое это имеет значение.

У окошка попыхивал пыхчик. За перегородкой суетился хозяин. Всё как обычно, всё, как всегда, так же, как и во всех других заведениях.

Но мир стал другим. Мир уже никогда не будет прежним.

Девушка глядела в окно.

На деревьях горели цветы – зелёные, жёлтые. Стебли тянучек раскрылись, распрямляя свои лепестки, крушинки открыли раковины.

"Да, дождь закончился. А я не заметила. Последний дождь сезона пылающих, – она посмотрела на кружку, уже опустевшую, – что же, пора уходить."

Дверь заскрипела.

Кто-то вошел.

– О, – хозяин вышел навстречу, – вы вернулись.

– Я никуда и не уходил, – раздался голос.

Знакомый.

Голос.

Первая съёжилась.

– А ваша невеста? – хозяин говорил громко, слишком

громко. Или это казалось, все слова звучали набатом.

– Она не моя невеста, – вошедший чихнул, – это всё дождь, извините. Провожал свою гостью.

Девушка встала.

Стремительно.

Как бегун, наступающий жертву.

Она пронзила вошедшего взглядом, и тот обернулся.

Глаза человека расширились, челюсть отвисла, и шрам над его правым глазом стал более виден.

– Первая, – прошептал он губами.

– Беспольный, – глаза увлажнились, коленки забила дрожь, и девушка чуть не упала.

– Первая, – он подошел. Медленно, стараясь ничем не испугнуть, не отогнать своё счастье, – привет.

– Привет.

– Столько всего случилось. Одни приключения.

– У меня приключения интереснее. Спорим?

– Спорим. На что?

– Поцелуй.

– Что же, – Мутный приблизился и взял в ладони лицо, – Я проиграл.

ГЛАВА 4. ДНЕВНИК БЕЗЫМЯННОЙ ДЕВОЧКИ

Иногда я подхожу к забору и смотрю. Между досками. Там, с другой стороны, сожжѐнные. Они рычат, стучат кулаками, грызутся. Бывает, много, бывает, никого.

В этот раз я увидела маму. Я сразу её узнала. Хотя она изменилась. Волосы были спутаны, в них ползали какие-то насекомые, или гусеницы. Лицо расцарапано, раздуто. Она грызла кость и как-то странно глядела на забор, хотя меня не видела.

Пастор говорит, что сожжѐнные безумны, они всё забыли. Но мама посмотрела так, как будто знала, что я здесь. Ну, мне так показалось.

Вся одежда, которая была на маме, слиплась и превратилась в грязные лохмотья.

Но я вспомнила.

Однажды мы поехали в столицу. Мама для этого случая всегда хорошо одевалась. В своё лучшее платье. Красное с синими и чёрными цветочками. Это было очень красивое платье. Я тогда хотела, когда вырасту, носить точно такое же. Волосы были уложены. На ногах туфли, такие золотистые, почти невесомые. И аромат маминых духов...

Она заказывала лучшие духи.

Мы поехали в открытой повозке. С нами ещё сидела её подруга, с дочкой. Где эта девочка, не знаю. Среди нас её нет. Может, тоже сожжѐнная. А может, погибла. Многие сожжѐнные погибли.

Я помню, как мы гуляли по центру. Видели Дворец Стратега, фонтаны вокруг дворца, ходили по аллеям. Мама тогда нам купила какие-то сладости. Я ещё помню, как они пристали к зубам и на обратной дороге я всё пыталась их отковырять.

Даже в столице мама была самая красивая. А как она улыбалась, когда я ходила вся чумазая, после этих сладостей. Она подвела меня к фонтану и я умылась.

Мама.

Тогда на ней было то же самое платье. Сейчас от него ничего не осталось, только лохмотья, прилипшие к телу.

Я заплакала возле забора. А мама как будто прислушалась и даже оставила кость.

Отец потом меня оттащил, отругал.

Но я видела, как он плакал перед сном. Я стояла за дверью помещения для взрослых, и тоже плакала.

Интересно, а мама? Плакала она или нет?

Из дневника безымянной девочки, найденном на Острове

Ему снилось Заводье. Глубокое ущелье, в котором бурли-

ла и рокотала вода. За этим ущельем домики рудокопов, с односкатной пологой крышей. Почерневшие от пыли, покосившиеся от времени. Ведь их строили из сосны, впопыхах, строили временку. Кто же знал, что руды окажется много, и придётся задержаться на несколько дней.

Солнце пока светило. И рудокопы работали, всё свободное время – поспят, поедят, и работают. Ведь скоро наступит ночь, и они отдохнут. А сейчас надо стараться, чтобы у них были деньги. Хорошие деньги. Плавильные печи не останутся ночью – пока остаётся руда, эти печи будут гореть. А руды много, очень много, жила оказалась богатой.

И рудокопы кололи, кололи, забыв об усталости, о боли в мышцах, спине, об одеревеневших от долгого стояния ногах. В штольнях горели огненные часы, горели, пока не закончится масло.

Мысли были не здесь, а где-нибудь там, на междуреченском рынке, где перед самым Угасанием будет твориться невообразимое. Народ повалит со всей равнины, чтобы превратить заработанное во что-нибудь крупное, что-то, о чем мечтали с праздника Возвращения.

А сейчас тележки, запряжённые топтунами, вереницей тянулись через ущелье, по крепкому мосту из самачьего дерева, или саммачки. Его светло-фиолетовая древесина, промазанная смолой остролапок, до сих пор не потеряла свой цвет. А прошел не день, и не два. И даже не десять. Вряд ли мост перестраивали со времен самой глупой и самой ненуж-

ной войны – войны ресурсов. Почти двадцать дней прошло с той поры, как закончилась эта война, а воспоминания до сих пор не изгладились. И стражи грозятся – не будет порядка, и вновь пойдет селение на селение, снова начнут убивать, снова начнётся голод, болезни. Но ведь живут же озерники, без всяких там стражей, и вроде как не воюют. Да и двудушные как-то справляются. Но двудушные – случай особый, у них в Безвестном свои порядки, никто на самом деле не знает, как там живут.

Бескостный созерцал.

Этот сон он готов был смотреть бесконечно. Здесь, на самом краю равнины, где она резко, практически сразу переходит в предгорья, природа особенно живописна. Скалы, нависшие над головой, ущелья, куда стекают потоки, водопады, в брызгах которых сияет радуга. И прямо под этим Лес, прижавшийся к скалам. В любом другом месте Лес выглядел могучим исполином, выроставшим посреди ровной и безмятежной равнины. Здесь же он будто заполз под отроги, встал под защиту огромных и вечных гор.

Заводье далеко. Очень далеко. Озёра, в которых он спит, на другом конце мира.

Но память рисует сны. О крае, который покинул, и неизвестно, вернётся ли снова.

– Мила, перестань, – Бескостный чесал свой нос. Картинка исчезла, и он с огорчением вздохнул. И сразу же улыбнулся – ну разве можно сердиться, когда перед тобой носится

струйка и касается клювиком носа? Впрочем, не только. Губы, лоб, щёки – всё получило внимание.

– Бррр, – отшельник затряс головой, – ну ты и шалунья!

Струйка перестала кружиться и тут же застыла в воздухе, разглядывая мужчину.

– Ну, ладно, ладно, ты меня разбудила. Как всегда, на самом интересном месте. С тебя картина, – Бескостный продолжал улыбаться. Сердиться не было смысла – струйки не чувствуют плохих эмоций. Да и сердиться ему не хотелось.

– Эхх, – художник расправил руки, и смачно зевнул – где твой гээд? Сбежала?

Гостья тоненько пискнула и тотчас же юркнула из жилища. Обычно струйки послушные и редко покидают ветви своих древоходцев. Но Мила была особенной. Даже внешне. Не просто желто-зеленая, а с фиолетовым пятнышком на голове. Привязалась она к нему почему-то, и не любила смотреть, как он спит. Струйки не спят. Для этих созданий сон – вроде небытия. Быть может, потому и будила. Словно спасала от смерти.

Ночью на равнине темно.

Но если тебя благословил древоходец, ты можешь видеть зримых. Как светлые и раскрашенные силуэты. Даже камни немного светятся, но только чуть-чуть, и приходится быть осторожным, чтобы не оступиться, не споткнуться о ветку или корягу.

Бескостный вышел наружу. Мила носилась, всё время виляя телом, и тыкала носиком в воздух.

– Конечно же, Мила, вижу. Вот твой хозяин.

Да и как не заметить – гээд светился как башенка, украшенная десятками лампад. Такие зажигают, как только выходят из Леса, и начинается Возвращение – первый и самый великий праздник равнины.

Светился не столько сам древоходец, сколько струйки в его ветвях. Как только Мила приблизилась, они радостно зачирикали, приветствуя вернувшуюся беглянку. А может, об-

радовались Бескостному. Тот давно стал своим, показывая забавные картинки, которые рождались в его голове. Струйки смотрели и пересказывали гээду. Иногда мужчине казалось, будто он слышит смех. Не совсем смех, да и совсем не смех. Просто гээд был доволен, и шелестел листвой.

Древоходцы звуков не издают. Но им и не нужно. Как не нужны глаза. Струйки – вечные спутники гээдов, всё и всегда покажут, расскажут. Древоходцы не слепы. Как не слепы деревья в огромном зримом Лесу. Теперь то он знал.

"Мила тебя волновала" – раздался голос в его голове.

Это не было речью. Гээд как будто проник в его мысли и положил свою. Сверху. Как мать, которая накрывает ребенка.

По телу пробежал холодок.

"Не ругай её, она заботится" – подумал Бескостный. Именно подумал, говорить необходимости не было.

"Хорошо".

Мила спряталась в ветви и затерялась среди сестер. Десятки глаз глядели с развесистой кроны гээда, мелькая то тут, то там, танцуя свои неспешные, одним им понятные танцы.

"Знаешь, мне снилось Заводье. Опять. Думаю, я скучаю"

"Ты можешь уехать".

"Могу. Но тогда я буду скучать по вам. Кто мне поможет нарисовать?"

"Возвращайся".

"Это долго. На другом конце равнины. Может, пойдём все

вместе?"

Древоходец вздохнул. Точнее, так показалось Бескостному. Ветерок пронесся в ветвях, и затих.

"Не уйду. Ты это знаешь".

Теперь вздохнул и отшельник.

"Я предложил. Времени много. Могли бы пройтись."

"Хорошá прогулка" – великан рассмеялся. Своим весёлым беззвучным смехом. Струйки опять зарезвились, довольные хорошим настроением древоходца.

"Но ты же ходил в Длиннолесье".

"Ходил".

"Ты благословил одного человека".

"Спасал от смерти".

"И даже перенес на равнину".

"Да".

"Он стал видеть и слышать".

"Только слышать. Я дал ему ровно столько, сколько необходимо. Чтобы он жил".

"То, что мы называем душой".

"То, что вы называете душой".

"Вот как, – Бескостный улыбнулся, – ты говорил, что у всех людей есть душа. Зримая".

"У всех. Но её мало. Ваш народ живёт здесь недолго. Душа есть у всех. Иначе бы вы не увидели души тех, кого называете зримыми".

"Сложно всё это понять. Душа не душа. Зримая незримая.

Но ты вдохнул в меня больше, чем у других. Спасибо".

Древоходец молчал.

"Одолжишь мне на время Милу?" – спросил наконец Бескостный.

"Как я могу одолжить тебе ту, которая решает сама? Спроси у неё".

– Мила, – мужчина смотрел на струйку, – пойдём на озеро. Покажешь картину, а я нарисую.

Мила коснулась клювиком носа и снова нырнула в ветви.

– Ну Мила, пойдём... Я покажу тебе водопад, – продолжил он после раздумья.

Предложение было заманчивое, и Мила затрепыхала. Восторженно.

На озере было туманно. Бескостный поставил треногу, закрепил доску, натянул сверху холст. Мила летала над озером и поглядывала на огнетелок. "Ищет точку для наблюдения" – думал Бескостный и чесал свою бороду. Но струйку не торопил. Мила – девушка своенравная, может и передумать. Да и торопиться им некуда.

Поэтому он и поселился здесь, в этом краю, чтобы никуда и никогда не торопиться, жить плодами труда и наблюдать за природой. Рисовать картины. Днём на равнине, ночью в Лесу. Построил избушку из обычной березы. Развёл огородик. Охотился. Так и жил.

Пока не стало вдруг плохо, так плохо, что не мог разогнуться, изо рта пошла кровь. Выполз он на равнину и стал

помирать.

Тогда-то и спас его древоходец. Вылечил, благословил дыханием и оставил лежать на опушке.

Стал он ближе к природе. Бродил по равнине, спал в бывшей берлоге, которую когда-то покинул шептун. Мылся в озёрах, рисовал картины.

А однажды закрыл глаза, и привиделось ему что-то в радужных точках, даже не точках, скорее брызгах, маленьких, разноцветных. Поначалу он удивился палитре, настолько богатой и необычной, это было профессиональное удивление художника – и даже не пригляделся к тому, что привиделось. А как пригляделся, ахнул – это был он, но портрет был написан так точно, как будто ты смотришь в зеркало и рисуешь на его поверхности, копируя каждую чётточку, но нанося её брызгами, точно и элегантно.

Так познакомился с Милой.

Струйки обладали поразительной способностью передавать другим то, что видели сами. Гээд не слепой, пока рядом струйки, он видит что видят они. Со всевозможных сторон, с разного ракурса.

Бескостный закрыл глаза.

– Мила, я жду, – сказал он чуть слышно, зная, что струйка услышит. Сами слова она не поймёт, но уловит его интонацию. Уловит правильно. И выполнит то, о чём просишь.

Если захочет.

И струйка хотела.

Она показала озеро, и огнетелок, резвящихся в нем. Показала тянучки, которые чуть колыхались в воде, вытягивая кверху свои острые, но такие нежные лепестки. Показала нежданчиков, что шныряли поближе к зарослям, выискивая себе пропитание.

Бескостный рисовал, то открывая, то закрывая глаза, чтобы ещё раз увидеть, что показала струйка. Рисовал такими же брызгами.

С каждым разом у него получалось лучше, он всё точнее и точнее переносил то, что увидела Мила, и теперь достиг мастерства, такого, что струйка сама подолгу разглядывала картины и радостно щебетала. А это было самой высокой похвалой его творчеству.

– Вижу, тебе понравилось, – улыбнулся художник, глядя, как та облетела картину. Несколько раз, – извини, что так долго. Наверно, устала.

Мила как будто фыркнула и сделала разворот. "Пустяки" – словно сказала она.

"Хорошо, если так" – подумал отшельник.

И улыбнулся.

– Скоро сезон пылающих. Появится работа. А то... скушно-новато, – Первая рисовала на стене пестрокрылого. Тенью от света лампы. Такой способ рисунка давался ей лучше, она даже фыркнула, и почувствовала себя художницей, пусть не великой, но начинающей – настолько живым казалось изоб-

ражение.

– Мне не скучно, – Мутный лежал на кровати, заложив руки за голову. Ему не хотелось ни приключений, ни тайн, он в кои то веки чувствовал себя счастливым и умиротворённым. На столике лежала книга, которую посоветовал Пытливый – "Племя кошек и племя саммак". Местная библиотека оказалась богатой, книжек в ней было много – читать не перечитать.

Первая легла рядом. И смотрела, смотрела на Мутного, пока тот не обратил внимание и не начал её щекотать. Девушка взвизгнула, и стала пихаться руками.

Всё закончилось как обычно.

Спустя какое-то время, разомлевшие и умиротворённые, они лежали в кровати и изучали потолок. Теперь вместе.

– Ладно, ты тут полежи, а я пойду прогуляюсь до кухни. Помогу там с уборкой, – прощebetала девушка, заставляя себя подняться.

Мутный взял её за руку:

– Пойдём вместе.

– Ты будешь помогать.

– Ну... буду. Мне нечем заняться. Твой отец просил подойти, разобрать кое-какие запасы, но это не скоро.

– Какие запасы?

– Не знаю, – парень пожал плечами, – он так и сказал "кое-какие запасы".

Первая встала и стала себя одевать. Мутный ещё лежал.

– Ну... – сказала она, видя, что тот не торопится.

– Сейчас, – парень поднялся с кровати, – Быстро только ангелы стрекочут. Делай всё медленно, чтобы не уронить достоинство.

– Свое достоинство ты уже уронил, – заметила девушка, и томно вздохнула, когда Мутный решил доказать обратное.

И всё началось сначала.

– Мы никуда не уйдем, – подытожила Первая. Точнее запела, – мы не уйдём.

– Угу, – согласился Мутный.

– Давай попытаемся встать, на счёт три, – девушка напряглась, словно готовясь к рывку, – раз... два... три...

И осталась лежать. Невозмутимая, как кошка, встречающая саммаку.

– Опять ты меня разыграла, – парень одел штаны и, улыбаясь, разглядывал девушку.

Первая села:

– Теперь ты меня подождешь.

Через пару минут они стояли за дверью.

Было темно.

Уличные фонари этой ночью не зажигали, хотя раньше была такая традиция. Что-то непонятное творилось с природой, пылающие оказались какие-то усечённые, и масло пришлось экономить.

– Мы не взяли фонарь, – девушка нащупала руку.

– Я сейчас, – Мутный освободил свою, и уже хотел воз-

вернуться. Но замер.

К ним приближался огонек.

Это был часовой, которых дежурил на воротах, ведущих в сторону Долины.

– К вам гость. Точнее, гостья, – обратился он к Первой.

– В такое-то время? – девушка фыркнула.

В темноте ездили редко. Ведь кроме тьмы, поглотившей равнину, стоял туман, а единственный ориентир, Белая Россыпь, была видна только в безоблачную погоду. Однако которые сутки небо было затянуто, и путешествовать во время полного межсезонья, как называли это самое тёмное время, казалось безумием.

"Значит, очень надо" – подумала Первая, и стала гадать, кто это пустился в опасное путешествие. Со стороны Долины. Какие-то родственники жили в Длиннолесье, но Длиннолесье не в той стороне, к нему ведут другие ворота.

– Пойдём, – сказала она часовому.

И они отправились в путь.

"Зачем на Посту часовые, зачем стены? – думала девушка, – кто будет пытаться проникнуть, в такую-то темень? Лес далеко, идти в межсезонье, да вдобавок и в полное". Загадки, загадки, загадки...

Например, этот флюгер на крыше, один в один, на всех трёх Постах. Она спрашивала бабушку, пока та была жива, но бабушка и сама не совсем понимала.

Поначалу проводники жили на корабле, рассказала она

историю, которая, как легенда, передавалась из поколения в поколение, и только потом появился Пост. Первый, второй, третий. Поэтому и флюгер в виде корабля, и башня похожа на корабельную. А стоял корабль на берегу, вдали от Леса, и много было охочих на корабль тот пробраться. Время было такое, что все воевали со всеми. Вот и поставили часовых, возле трапа, а на башню дозорного. Такая история.

Но бабушка в неё и сама до конца не верила. Уж больно история странная, притянутая. Зачем было селиться на корабль, с какой целью? Да еще и в Приморье, не в центре – на перекрестках торговых путей. Загадки, загадки, загадки...

Они приближались.

Гостя сидела в сторожке, у небольшого окна. Разглядеть лицо было трудно, свет был неяркий. К тому же туман. Густые темные волосы – вот, пожалуй, и всё, что заметила девушка.

Пока не приблизилась.

"Любящая".

Сердце забилось в бешеном ритме, в висках застучало.

– Ты??? – Первая готова была вцепиться в эти ухоженные длинные волосы, превратить их в безобразные космы, и занесла уже руку.

Но Мутный остановил.

– Подожди, пусть скажет что-нибудь в оправдание, – прошептал он любимой, хотя понимал, что оправдания тут не помогут. Преступление слишком явное, не отвертишься.

– Я знаю, о чём вы думаете, – женщина смотрела на Мутного. Первую она то ли боялась, то ли не хотела тревожить – а значит, опять же боялась, – мы посидим втроём, часовой подождёт. Выслушайте меня, пожалуйста. И потом принимайте решение.

Часовой с подозрением посмотрел на прибывшую, но Первая молча кивнула. Тогда он ушёл.

Наступило молчание, вязкое, словно слюна ползунов. Все трое дышали, громко, впитывая всё, что у них накопилось – ненависть, подозрения, воспоминания о поездке, которая могла завершиться достойно, но...

– Ты убила Долговязого, – сказала Первая, точнее, процедила. Сквозь зубы, – убийца.

– Кто бы мне говорил, – Любящая раскачивалась и с каким-то рисованным непониманием глядела на стол, – так убивать беззащитных, привязанных к дереву. Протыкать их тела словно мясо, насаженное на вертел, и глядеть, как они дышат. Это, конечно, прекрасно.

Первая молчала, поражённая даже не обвинением, а такой удивительной осведомлённостью.

Женщина посмотрела на девушку:

– Ой, только не надо, – сказала она, – Свои секреты у каждого. Я не собираюсь кого-то сдавать, тем более так, без повода... А Долговязого я не убивала.

– А кто же тогда? – спросил Мутный и сжал руку девушки, так, что та побелела.

– Давайте сядем, – Любящая придвинула стул, – что вы знаете о Терпеливом? – спросила она, когда собеседники, нехотя, против воли, но всё же уселись.

– Это был один из лучших людей, с которыми я встречался, – ответил парень, спокойно – настолько, насколько он мог успокоиться в этих условиях. Эмоции были некстати.

– Вам знакомо вот это? – Любящая достала твердый продолговатый предмет и положила на стол.

– Это потеряшка, – ответил Мутный, – Терпеливый никогда с ней не расставался.

– А знаешь почему? – спросила женщина.

И улыбнулась – нежно, как только она одна и умела.

Потом положила предмет в левую руку и навела в сторону пыхчика – тот беззаботно посасывал пыль в полуметре от правой ноги проводницы.

Сверкнула вспышка – и пыхчик замер.

– Какого... – сказал было Мутный.

И вспомнил.

"С этим предметом поосторожнее, вдруг выстрелит". Говорил тот самый борец из Озёрного Края, когда во время их путешествия они встречались на этом же самом Посту.

– Можете проверить, он мёртв, – Любящая кинула потеряшку на стол. Она прокатилась и остановилась напротив девушки, – ты же знаешь, как были убиты те двое. Все, кроме Терпеливого, – женщина посмотрела на Мутного. И улыбнулась (в который раз), все так же, нежно и ласково.

Первая сжалась в комок. Казалось, ещё немного, и этот комок покатится, словно с высокой горки, и, набирая скорость, сметёт говорившую с ног.

– Я тебе не верю, – сказала она, – не надейся. Ты сгниешь в подвале. Одна. В тёмном глубоком подвале.

Любящая посмотрела на девушку, как смотрит учитель на несмышлёного ученика, который никак не поймёт, почему два его яблока превратились в одно.

– Милая, – сказала женщина, тихо, губами, – в таком случае мы будем сидеть вдвоем. Потому что вся равнина узнает, скольких убила дочь самого влиятельного человека на самом богатом Посту. И никакие папины деньги тебе не помогут. Совет – не стражи, совет подкупить не получится. А стражи простой поножовщиной не занимаются. Тебе это известно.

– Говори, – процедила Первая, – что тебе нужно.

Любящая вздохнула:

– Не сердитесь. Я не желаю зла. Ни вам, ни кому-то еще. Видит Обиженный, не я убивала Долговязого, и уж тем более Веселёхонького. Я знала Веселёхонького с детства, он был почти что сын. Или брат. Их обоих убил Терпеливый, а я убила его, чтобы остаться в живых. Если бы я помедлила, на долю секунды, то лежала бы там, вместе с другими.

– Зачем Терпеливому тебя убивать?? – Мутный как будто кричал. Тихий, задумчивый Мутный.

– Есть такой орден, – ответила женщина, после небольшого молчания, – называется Орден Свидетелей Карты. Нас бы-

ло шестеро. Тех, кто отравился, на тот самый Остров. Трое из Ордена, трое нас. Эта организация – что-то вроде вершины искателей, туда принимают самых достойных. И самых талантливых, – она поглядела на Мутного, – в сумке лежало письмо. Сопроводительное. В нем Терпеливый описывал тебя, то, как ты дорог, как он тебя полюбил. Больше, чем брата, – женщина продолжала глядеть на юношу, – И просил принять тебя в орден, пока в кандидаты, но даже минуя гильдию. Писал – ты талантлив и можешь услышать то, что не слышат другие. Поэтому будешь полезен... Письмо у меня, в этой сумочке. Зачитать?

– Не надо, – Мутный хрипел.

Любящая чуть наклонила голову.

– Живут они на холмах. В основной своей массе. Не в Прихолмье, а именно на холмах, в Верхнем Лесу, как они его называют. Но некоторые остаются в Прихолмье, типа Лобастого.

– Ты знаешь Лобастого?

– Знаю, – Любящая усмехнулась, – я много кого знаю. Когда мы решили ехать на Остров, то пришли на холмы и предложили ордену сделку – мы отправимся вместе, но, только найдем дневник, орден его напечатает и отправит по разным селениям. Использует своё влияние, свои деньги, чтобы люди узнали, что случилось на Острове. Чтобы захотели вернуться.

– Куда? – промолвила Первая. Точнее, выдавила. Её на-

полняла злорада, настолько ёмкая, что любой разговор мог её выплеснуть.

– Туда, откуда мы родом, – женщина говорила спокойно, как будто разговаривала с приятелями. Но смотрела всё время на Мутного, на него одного, – ты же читал дневник? Хотя бы начало?

– Читал. Но я ничего не понял. Дневник у Лобастого.

– Ошибаешься, – Любящая как-то странно смотрела на парня, – дневник у меня.

– Значит, вы заодно – ты и Лобастый, – ответил Мутный. И словно сложилась картина – слева злодеи, типа этих двоих, справа – герои, злодеями оклеветанные. Мир становился понятнее.

Но женщина улыбалась. Все той же улыбкой, в которой не было и намека на какие-то злобные мысли:

– Опять ошибаешься. Дневник мне дала Быстрорукая.

– Но она упустила Лобастого.

– Не упустила.

– Тогда зачем же она отдала? И почему именно Вам?

– Потому что я – её мать.

Мутный открыл было рот. Но ничего не сказал.

Он понял, кого напоминает Любящая. Те же волосы, тот же нос, те же глаза. Правильные, красивые, и в то же время волевые черты лица. Быстрорукая говорила, что мать их покинула ночью. Ушла, но потом не вернулась.

Допустим.

Но всё же дневник. Она отдала, но зачем? И почему не сказала ни слова, ни гильдии, ни ему. Чем же Любящая её убедила?

– Я сказала, что если она отдаст мне дневник, – ответила та, будто читала мысли, – я больше её не увижу. Не потревожу, уже никогда. С этим условием. Она меня ненавидит, – женщина постарела. В ту минуту, когда говорила. Вечно обворожительная улыбка слетела, точнее, сползла, как театральная маска по окончании действия. И парень увидел лицо, настоящее – грустное, понурое, бледное. В глазах горела искра, в глазах затаилась цель, но вокруг этих глаз было пусто.

И в этот миг, вот сейчас, он понял, для себя, неожиданно, что Любящая говорила правду. Если ТАКОЙ ценой забрала дневник. Если назвала эту цену.

– Но зачем Терпеливый убил?

Женщина тихо вздохнула:

– Я кое-что поняла на Острове. Но было поздно. Нам не надо было идти на холмы, впрягать в это дело Орден. Орден любит секреты. Чем больше он знает тайн, тех, о которых не знают другие, тем выше в своих глазах. И в глазах тех, кто хочет в него вступить. Но есть еще одна причина, – продолжила женщина, – о ней вы узнаете, если пойдёте со мной.

– Куда? – Первая с Мутным спросили одновременно. Уходить не входило в их планы. Тем более с Любящей.

– Вы мне нужны, – та будто не слышала, – точнее, не мне,

своему народу.

– Почему именно мы? – процедила Первая.

"Спокойно, – подумал Мутный, – она сама к нам пришла, хотя и знала, что это опасно. Значит, мы ей нужны".

– Да, – словно в ответ его мыслям, продолжила Любящая, – именно вы. Есть причины, по которым должны пойти именно вы. Из тех, кто живёт на равнине.

– На равнине? – не понял Мутный.

– Да. Я представляю тот самый народ, что остался на Острове. Я – одна из потомков той девочки, которая написала дневник. Теперь мы живем в горах.

– Я слышала, – Первая вспомнила, что говорил ей Коэ, во время прощания. "Те, что в пещерах" – сказал он о людях, с которыми встречались хранители.

– Да, – Любящая вздохнула, – жизнь на Острове была невыносима. Как только наступала ночь, мы как крысы прятались в дома. От темноты, от потомков сожжённых, которые выжили и превратились в дикарей, потеряли человеческий облик, и нападали на наш городок. Не все, кто рождался, были способны противостоять небесам. Конечно, с годами таких становилось больше. Но как глядели те, кто был вынужден прятаться, на счастливых, что выходили во двор с началом пылающих. Можно было построить корабль, и попробовать уплыть. Но ни один из кораблей не вернулся. Кто знал, что там, за пределами Острова, Зримые Леса, освещенные пещеры. Те, что уплыли – предали нас и не вернулись, –

Любящая глядела в пол, – все знают эти предания. Это написано в дневнике. Дневник переписали, напечатали и везут по селениям. Каждый узнает о том, что случилось. Каждый узнает правду. Ту, которую хотел скрыть Орден Свидетелей Карты. Это не наша земля, нас бросили сюда, как бросают в воду щенят. И мы должны вернуться. В тот самый мир, который описан в "Приключениях Листика", да много в каких других книгах, – Любящая вздохнула, – мы отправимся на встречу с Создателем. Если он привел нас сюда, то сможет вернуть обратно. Надеюсь, что сможет.

– Обиженный? – Мутный не верил ушам. Он было подумал, что Любящая повредила рассудком. Быть может, когда встретила с дочерью. Но что-то его убедило, что это не так. И женщина знает, о чем говорит.

Та встала и повернулась к выходу:

– Жду через час. За этими воротами.

– Нет, – ответила Первая и взяла потеряшку.

– Не пытайся, – гостя даже не посмотрела.

Первая фыркнула и положила на стол. Женщина дёрнула ручку, но о чём-то задумалась и вернулась обратно

– Вы не против? – спросила она, забирая предмет.

И ушла. Не оборачиваясь.

Она знала, что эти двое придут.

И они пришли...

Любящая ждала за воротами, как обещала.

Впереди что-то было. Чёрное и внушительное.

"Странно, если это карета, то очень большая, просто огромная". Первая вцепилась в любимого.

Они подошли ближе.

Мутный приблизил фонарь.

Из каких-то картинок, набросков, которые рисовали очевидцы, детских историй, что говорили шепотом, сидя под одеялом, он понял, что это такое.

И обомлел.

Перед ними стоял черный ангел.

Больше всего на свете он любил вырезать. Мелкие деревянные фигурки. В основном животных – бруму, собаку, плащеносца. Все эти фигурки он вырезал тонким маленьким ножичком, вырезал из цельного куска древесины, и только у брумы отдельно делал колёсики. Так же, как у кареты.

Работать с древесиной листопадных, к примеру, берёзой, приятно. Материал податливый. Режется мягко, послушно. Потом, уже после работы решит – что-то оставит детям, что-то себе, в свою небольшую коллекцию. Или подарит, гостям. Которых много. Должность такая, всё гости и гости...

Шестой нахмурился. Лицо шептуна казалось слишком веселым. В коллекцию не годится.

"Деткам, так деткам, – подумал старик, – Осталось немного". Вставил в глазницы зелёные камушки, вытянул руку, оглядел поделку со стороны. "Шептунишка-шалунишка, ты задорный как мальчишка", – произнёс он губами.

И улыбнулся.

Тело от долгого однообразного сидения затекло, глаза защипало. А нога... это отдельная история.

"Пойти, прогуляться".

Свет острокрылок умиротворял и приводил мысли в порядок. Но иногда хотелось спать. Здесь, в этой части Леса, деревья бегунов, или, как их ещё называли, бегуны, почти не встречались, а ведь зелёный свет, который испускали цветы этих деревьев, считался самым приятным – он успокаивал, и в то же время бодрил. Но старик обычно не жаловался – фиолетовый цвет для стража-заступника самое то, не даст превратиться в сурового, злобного старикашку. С людьми надо помягче.

Так он думал до недавнего времени.

Пока не случилось невероятное.

Двадцать дней, после того, как закончилась война ресурсов, авторитет стражей можно было сравнить с зеркалом, в которое смотришь, и видишь своё отражение. Ты же не спрашиваешь у зеркала, почему он показал тебя именно так. Чтобы сделать своё отражение безупречным, ты меняешь себя.

И вот – это самое зеркало дало трещину. Да ещё какую. Само существование гильдии оказалось под вопросом.

Теперь надо быть суровым и жёстким, чтобы доказать, что трещины нет. Теперь надо карать.

Старик накинул зелёный плащ, застегнул ярко-алую застежку, и, опираясь о свою серебристую трость, вышел во

двор.

Городок, в котором поселились самые влиятельные люди равнины, был небольшим. Все домики аккуратно причёсаны, построены в скромной озёрной манере (старик усмехнулся – два полюса этой равнины, можно сказать, идеологические противники, вопросы быта решали одинаково). Здесь не было междуреченской роскоши или ощущения вечного праздника, которое охватывает тебя, как только въезжаешь в Длиннолесье. Всё просто, но в то же время со вкусом.

Не было даже башенок, столь популярных у обычных селян. Впрочем, так было во всем Прихолмье, от городка стражей до общины искателей. Что в Лесу, что на равнине.

– Добрых суток, заступник, – поздоровался служник.

Ближайших к хранителю стражей именовали служниками, так же, как в различных историях называли мифических помощников Обиженного. Были они, эти помощники, или их не было – решение отдавали на откуп мирянам. Сами стражи не говорили ни да, ни нет – предания Шестипалого об этом молчали.

– Ты ко мне?

Служник заколебался:

– Д-да.

– Что так неуверенно?

– Я думал пойти к секретарю, доложить о визите. И только потом...

– Пустые формальности, – Шестой поиграл своей тро-

стью, – мы должны следовать традициям, а не пустым формальностям. Чувствуешь разницу? – он посмотрел на мужчину, который глядел на него широко открытыми глазами.

– Чувствую.

– А я вот нет... Ладно, пойдём.

Заступник хромал. Правая нога болела давно, иногда ступать было невыносимо. Лучшие лекари Прихольмья, Длиннолесья и Междуречья брались исцелить эту проклятую конечность, которую хотелось оторвать и выбросит вон, на съедение диким собакам. Но лучше не становилось. Временами она болела адско, временами терпимо. И он пытался найти закономерность в приступах боли, чтобы уменьшить первое и увеличить второе. Но закономерности не было. Нога жила по своим собственным законам.

– Присядем, – Заступник сел на скамейку, вся местность вокруг которой была окрашена синим, из-за многовековой плащеноски, росшей напротив.

– Что делать, Смуглый? – спросил он спутника. Острокрылы летали, как ласточки, быстро и ловко, и гоняли нерасторопных твердотелок.

"Как же всё мудро устроено, – думал старик, – будет много острокрылов – мало останется твердотелок, мало останется твердотелок – острокрылы не смогут выносить потомство, значит, их будет меньше, будет меньше острокрылов – будет больше твердотелок, будет больше твердотелок – будет больше острокрылов".

Большую ногу он вытянул, надеясь, что та уймется.

Куда там.

Старик усмехнулся.

– Что же нам делать?

– Обиженный его знает, заступник, – служник вздохнул и продолжил, как можно тише, – книга подлинная. Её действительно забрали с Острова. Серый сказал, была встреча с агентом, он подтвердил.

– Невинный?

– Да.

– Стало быть, Остров существует? – старик постарался расслабиться и придать телу непринуждённое положение. Лучше бы он этого не делал. Нога была против.

– Заступник, – Смуглый прижал руку к груди, – "я верую в Господа Бога Обиженного..."

– Давай по делу, – Шестой не любил пустые молитвы, – Остров существует?

– Но ведь Шестипалый говорил...

– Я не у Шестипалого спрашиваю.

Служник задумался.

– Заступник, – ответил он тихо, – по этому делу я к вам и пришел.

Старик нахмурился:

– Говори.

Смуглый поднял свою голову:

– Меня послала Братия. Мы уже подписались под этим

документом, – он вытянул из-за пазухи свернутую в трубочку бумагу, – надо меняться. Существование Острова не противоречит трудам Шестипалого. Происходит переосмысление его трудов.

Старик молчал.

“Братия” – значит, так они называют эти свои посиделки, на которых молодые члены гильдии хотят что-то решать за старших. Ну-ну...

– Люди вышли с Острова и расселились по равнине, – продолжал говорить Смуглый, – Тем самым нарушили завет Создателя. И были наказаны. Незримые души созданы на Острове, зримые – на равнине. Противоречий нет.

– Кроме одного, – промолвил Шестой.

– Кроме...

– Одного обстоятельства. Маленького обстоятельства. Такого маленького, что можно его упустить. Тем более Братии. Братия же мыслит широко, глубоко, куда ей вдаваться в детали? Давай бумагу.

– Какого... обстоятельства? – служник казался растерянным.

– Да не бери себе в голову. Давай.

Старик развернул протянутый свёрток:

– Так я и думал. Ни слова.

– О чём? – Смуглый глядел на заступника и пытался прочесть его мысли. Впрочем, он, кажется, догадался.

И молча опустил свою голову.

– Ты читал дневник? – старик говорил мягко, даже немного лениво.

– Да, заступник.

– Что случилось на Острове?

– Там неожиданно наступила ночь. Зажглись небеса. Люди сошли с ума.

– Почему это произошло?

Служник молчал.

– Смелей, – подбодрил Шестой.

– Возможно, их наказал Обиженный?

– За что? – старик заморгал, – они же не нарушили завет.

– Не знаю, – Смуглый мотал головой, – возможно, он знал что они нарушат. Возможно...

– Вначале преступление, потом наказание. А как же иначе? Но люди ничего не нарушили. Они **ВЫНУЖДЕННЫ** были отправиться на равнину. Вынуждены. Потому что злой Демиург решил над ними поиздеваться. Ведь так?

Служник качал головой:

– Заступник...

– Какой я тебе заступник? Нет больше такой должности. Кого я защищаю? И главное, перед кем? Это Обиженный должен просить прощения, за всё, что он сделал.

– Но это ересь.

– Это правда. В дневнике написана правда. Ты сам сказал.

– Но...

– Что?

– Что делать, учитель? – Смурлый назвал старика самым почитаемым именем. Так его не называли с той самой поры, как он оставил свой пост в академии, стал служником, а потом и заступником.

Шестой посмотрел на сидящего. В этот раз более мягко.

Несмотря на свет, исходящий от плащенок, щёки его собеседника казались пунцовыми. То ли от напряжения, то ли от стыда, то ли от неумения выразить мысли.

Старик отвернулся.

– Для начала, – он потянул за бумагу и разорвал её пополам, – начнем с чистого листа. Был дневник и нету, – Шестой продолжал делить бумагу на части, медленно, наслаждаясь каждым движением, – нет никакого дневника, – он разбросал кусочки перед скамейкой. Так, будто рассыпал зернышки, – есть попытка опрокинуть существующий порядок. Внести раздор. Для этого и была написана рукопись. Кто её написал, мы не знаем. Но мы знаем с какой целью. От этой мысли и будем отталкиваться.

– Но что, если в книге написана правда? Что, если истина... – не унимался служник.

– Истина... Истина не выскакивает неожиданно, из-за угла, как какой-то разбойник. Истина – хорошее вино. Хорошее вино должно быть выдержано. Годами. Днями. Столетиями, – Заступник взял трость, и начертил под ногами три круга, соединенные линиями – символ их гильдии, – то, что хранили стражи, то, на чем держался порядок, мо-

жет быть разрушено. Каракулями какой-то девчонки... Зачем она, гильдия, если нечего искупать? Зачем отправлять мёртвых к Острову, если можно отправить живых? Зачем сохранять традиции, если они бессмысленны? И, наконец, кто будет поддерживать мир на равнине, если стражи уже не авторитет?

Служник молчал. Воздух вокруг сидящих сгущался, как сгущается темнота в момент Угасания.

– Что делать, Заступник? – произнес Смуглый. Вернее, прошептал. Губами.

– Действовать. Наступило время действовать, – старик сжал свои зубы.

Адская боль пронзила конечность.

Это был чёрный ангел. Ангел смерти, как называли его впечатлительные.

Вытянутая морда, похожая на заостренную лопату, хвост, длинный и кривой, словно коготь исполинского шептуна. Крылья не сложены, как у птицы и плащеносца, а раскинуты в стороны, словно сейчас полетит. Или с лёту вцепилось в добычу. Тело чёрное, настолько чёрное, что кажется порождением ночи, её самой зловещей частью.

И это чудовище дышало...

Мерно, негромко. Чуть слышный гул исходил из утробы. Как будто плавил металл.

Первая вздрогнула.

– Не бойся, – ответил Мутный и сильнее прижался к девушке. Ему самому было страшно.

Однако что-то было не так.

Чудовище не шевелилось. Оно замерло и даже не смотрело в их сторону. Да и смотреть вроде как было нечем. Глаза животных, что живут в темноте, днём в Лесу, а ночью на равнине, светятся от случайного лучика света, а ангел казался слепым.

– Да, – ответила Любящая, после того, как дала насладиться мгновением, – это он. Чёрный ангел собственной персоной. Как видите, не опасный. И даже немного застенчивый.

– Это машина, – глаза у парня полезли вверх, настолько ошеломляющим казалось открытие.

– Это летающая машина, – поправила женщина.

– Вы сами её построили?

– Нет. Её построили те, что забрали нас с Острова, – Любящая посмотрела на девушку, – Те, кого ты назвала паучками. Хранители.

– Откуда ты знаешь? Ах да... – Первая усмехнулась, – пестрокрылые меня обманули. А я-то думала... Теперь всё стало ясно – и познания в кулинарии, и способности к языкам.

– Ошибаешься, – женщина улыбнулась, – это неуловимый народ. Просто так на контакт не идут. Ты была первая, это точно. Но они верят своим легендам. И они верят хранителям. А откуда я знаю... Вот.

Она вытянула правую ладонь и провела по ней левой. Будто делала надрез.

Воздух между ладонями задрожал, словно это не воздух, а поверхность озера, по которой бежала рябь – и появилось изображение, светлое и удивительно правдоподобное. Будто изображение рисовал дотошный художник, перерисовывая с натуры, один к одному, чёрточку к чёрточке, не опуская ни одной самой мелкой детали.

Но еще удивительнее оказалось его содержание. На рисунке была она. Она с пестрокрылыми. Они стояли в пещере, освещенной мириадами огней, или звезд, как называла их девушка, в тот самый миг, когда Первая посещала хранителей. Она поняла это сразу. Каждые сутки, проведенные на холмах, четко ложились в памяти. Иногда ей казалось, что это своеобразное колдовство, или какая-то способность её новых знакомых, которая передается и тем, кто бывает в их доме. А может, то, что случилось, потрясло её так, что она всё запомнила?

Картинка зашевелилась. Пестрокрылые с Первой задвигались, и раздался голос, поразивший своей правдоподобностью:

– Те, кого мы называем хранители, приветствуют Вас.

– Скажи, что и я их приветствую. Спроси, откуда знают о нас. Где узнали, что мы едим и как справляем потребности." Любящая щёлкнула пальцами. Картинка остановилась.

– "Хранители знают всё" – повторила она за Коэ, – к со-

жалению, нет. Они не знали, откуда мы появились. Остров вызывал у них недоумение и отвращение. Он возник из ниоткуда, нарушая все существующие законы. Они говорили, что это... неправильно, это уродливо, потому что внезапно и непонятно... Такое есть слово, – Любящая задумалась, – его ещё любят искатели... аномалия. Кажется, так. А мы – аномальные.

– Зачем же они вас приняли? Ведь вы – аномальные? – Первая фыркнула.

– Они хотят всё вернуть. Чтобы тот, кто привел нас сюда, отправил обратно. Не только нас, но и Остров, и даже людей на равнине. Они провели расследование, и расследование показывает, что это мог сделать тот, кто находится за пределами мира. Только он. Работа слишком затратная, и проделать её столь быстро никто в этом мире не может. В легендах крылатых сказано, что это Создатель.

– Крылатых? – спросила Первая.

– Ты называешь их пестрокрылым, – женщина помолчала, – Хранители нам помогают, нам – это тем, кто остался, после того, как ваши предки уплыли, – сказала она после паузы, – это они забрали нас с Острова. И этим спасли. Пять лет, во время ночей, мы страдали от холода и темноты. На Острове нет ни зримых Лесов, ни пещер, в которых светло, а земля по ночам не греет. Продукты можно выращивать в ограниченном количестве. И мы страдали. Пять лет мы ждали дня, но когда этот день наступал, нам приходилось бо-

роться. Селения осаждали потомки сожжённых, и пять долгих лет мы отбивались. Хранители нам помогают. И всё для того, чтобы однажды мы встретились с Богом и попросили о милости.

– Я не хочу никакой милости, – ответила девушка. И посмотрела на Мутного, – может, ты хочешь милости?

– Нет – парень сжал её руку, – это мой дом.

– Вы не понимаете, – Любящая занервничала. Даже с её то способностью держаться, – это не наша земля. Здесь всё не так. Мы должны засыпать, только Солнце уходит, и просыпаться, когда появляется. Небеса не должны пылать и сводить нас с ума. Лес не должен пугать темнотой. Мы должны видеть наши, незримые души. И только. А здесь всё чужое. И мы здесь – чужие.

– Это тебе паучки диктовали? – поинтересовалась девушка.

Любящая улыбнулась:

– Дневник.

– Не читала я никакой дневник.

– Прочти. Один экземпляр я оставила в сторожке. Странно, но жить на Посту и не знать новостей... – Любящая посмотрела на Мутного, после на Первую, потом снова на Мутного, – хотя оно и понятно. Вы заняты только друг другом.

И улыбнулась, усталой и потускневшей улыбкой.

– Сейчас темно, – промолвила Первая, – проводники в межсезонье ездят не часто. Те, кому нужно отправиться в

путь, ожидают пылающих.

– Я не сказала о главном, – женщина помолчала, словно указывая на важность того, что собиралась сказать, – Создателя нашли. Точнее, его воплощение. И воплощение спит.

– Пестрокрылые говорили о каком-то Ээфе.

Любящая кивнула:

– Воплощение скоро проснётся, и мы заставим его вернуть всё обратно

– Заставите? Вы?

– Не мы, – Любящая пропустила иронию. А может, ей было не до неё, – Хранители. С помощью нас. Им нужен чистый, нетронутый мир. Без аномалий, без аномальных. Они дадут нам то, что потребуется.

– Допустим. Создатель проснётся. Если уж Бог, Обиженный там, или Ээф, а может быть, кто-то ещё перенёс этот Остров, наверно, была причина. Вряд ли он согласится вернуть всё обратно. Он, милая моя, Бог, а не проводник на Посту, – девушка объясняла простые понятные вещи. Точно так же, как пару часов назад, в сторожке, то же делала Любящая. Точно таким же тоном.

"Ох, женщины, – Мутный смотрел на обоих и думал, – как же вас много, когда вы вдвоем".

Но Любящая казалась невозмутимой. Как кошка при встрече с саммакой.

И Первая вдруг поняла, что говорила напрасно. Наверняка та давно всё передумала, проиграла в своей голове все

возможные сценарии возможной встречи с возможно Создателем.

– На этот случай есть козырь. Когда придёт время... – женщина замолчала, возможно, считая, что может сказать что-то лишнее, – прошу, – повернулась она к машине и плавно взмахнула рукой. Бочина открылась.

Внутри была мгла.

– За мною, не бойтесь, – Любящая посмотрела на спутников и улыбнулась.

– Скажи, зачем? Зачем мы тебе? – спросила Первая.

– Мне нужны люди с равнины.

– Почему мы?

– Потому что вы знаете. Потому что поверите. Потому что пойдёте, – женщина выдохнула и сделала приглашающий жест.

Первая фыркнула, и ещё крепче вцепилась в Мутного. А Мутный вцепился в девушку.

Медленно, словно танцуя, парочка вплыла в чудовище.

Бочина закрылась, и стало страшно.

Неожиданный свет ослепил и заставил зажмуриться. Белый, как молоко, исходящий от стен, пола и даже потолка. Первая вспомнила дом, в котором жила на холмах. Там тоже был свет, такой же ровный и не навязчивый. Хотя, пожалуй, помягче. Тот успокаивал. Этот бодрил.

Как только глаза попривыкли, она огляделась.

Помещение казалось пустым. Нет, не казалось – оно бы-

ло пустым. Какие-то ниши в стенах, несколько кресел перед доской, широкой и белой. И всё.

В одном из кресел сидел человек. Лохматый, но с аккуратно подстриженными усами, в блестящей чёрной жилетке, надетой на голое тело, со светлой, почти бледной кожей. Как у Любящей. Или Веселёхонького, упокой Обиженный его душу. Свет лишь подчеркивал бледность, намекая на сходство с двудушными.

– Пришли, – мужчина поёрзал на кресле, но остался сидеть.

– Да, – ответила женщина, – всё прошло благополучно. Спасибо, что дождался, не улетел.

– Опасно от так открываться.

– Знаю. Но дело того стоило. У нас гости.

– Ща плетим. Птичка вже заскучала.

"Какой странный выговор, – подумала девушка, – вроде приморский, а вроде и нет. Говорит быстро и кратко, слова проглатывает. Как Косматый. Но всё же не так."

Мужчина обернулся, вернее, не он – обернулось кресло, вместе с мужчиной.

– Добр суток. Сударыня. Сударь. Разшит представиться – мня звут Хвостень, я каптан этой птички.

– Первая, – промолвила девушка.

– Мутный.

– Ну что, плетели, Фиалка? – мужчина воззрился на Любящую. И подмигнул. "Фиалка? Пожалуй, идёт" – подумала

девушка. Но всё-таки фыркнула.

– Ущипни меня за попу, Хвостень. И зацелуй меня до смерти. Ты умеешь уговаривать девушку, – Любящая выдохнула последнее слово.

Капитан дёрнул ус и повернулся к доске. Руки взлетели, будто он отпускал плащеносца на празднике Возвращения. Перед доской возникла картинка. Точки, линии, мелкие, крупные, какие-то надписи, цифры. "Карта" – подумала девушка.

Хвостень мигнул пару раз, и точка в правом верхнем углу этой карты расширилась, запульсировала, словно раздутая шишка у зримых.

Картинка исчезла, сложившись с боков, и Любящая попросила садиться.

Первая уселась, и тут же почувствовала, как что-то вдавило в сиденье. Как будто она оттолкнулась ногами. Но ноги свисали рядом.

Она посмотрела на Мутного. Парень закрыл глаза. Первая тоже закрыла и постаралась расслабиться.

Потом открыла:

– Ну что, когда полетим?

– Вставай, – ответила Любящая (она же Фиалка).

– Зачем?

– Прилетели.

Деревья ангелов – плащеносцев и острокрылов, были из-

любленным местом селян. Именно здесь появлялись селения. Летающие существа редко опускались на землю, предпочитая обсиживать ветви, а синий или, тем более, фиолетовый свет успокаивал, даруя спокойствие и безмятежность.

Конфликтов и так слишком много. Люди, запертые ночами, особенно когда на равнине пылающие, становятся нервными. Пускай в зримом Лесу и просторно, пускай звуков много, и все они разные – в душе кто-то шкодит. Особенно когда смотришь вверх. И видишь косматые тени.

Шокеры – отвратительные создания.

И если ты заперт в Лесу, выбирай плащеноску – тихо, спокойно, и слышно негромкое стрекотание, вперемешку с пением птиц.

Но воины – гильдия особая, безмятежность им не нужна. В любой момент тебя могут дёрнуть и ты уедешь, за несколько суток от дома. Какая тут безмятежность?

Да и в своем Лесу нужен порядок. Совет старейшин любит давать задания. А случись что серьёзное – кто поможет? Гильдия воинов не только карает, гильдия спасает от неприятностей, будь то пожар или внезапное нападение воспов, которые время от времени сходят с ума. Надо быть начеку. И постоянно тренироваться.

Поэтому и поселок выглядел по-другому. Зеленые, сине-зеленые, желтые краски преобладали. Деревья бегунов, саммак, шептунов. Главное – держать хозяйство подальше. Шептун – животное сильное, а группа этих животных, кото-

рых, как и других шестилапов, тянет к своим деревьям, может снести постройку.

Но Заговоренный нуждался в спокойствии. Чтобы лечить свою память. Хотя и знал, что никогда не залечит.

Поэтому и выбрал дом на окраине, так, чтобы в окно светил синий свет, свет плащенокски. Этот свет убаюкивал, позволял забыться, расслабиться. Позволял – забыться не получалось.

Он снова готовил завтрак, и снова для неё. Хотя и знал, что съест его не она, съест другая, близкая и далёкая одновременно.

А та умерла. Ту он уже не увидит.

Заговорённым восхищались – как он любит своих женщин, приносит завтрак в постель. И никто ведь не знал, никто в посёлке не знал, для кого он готовит. Воин представлял, как приносит поднос, ставит на столик. А в постели она – просыпается, и улыбка... Эта улыбка. Редкая и незабываемая.

Он бередил свои раны. Хотел залечить, но делал большее.

Три дня прошло с той поры, как простился. Поцеловал её пальчики, посиневшие губы, пятно, то самое пятно на лбу. Душа рвалась в клочья, а он целовал.

Тогда он не плакал. Слез не было. Возможно, выплакал всё, наблюдая её страдания. Проживал её боль, мучительно долго, пытался вжиться и забрать себе всё, но он и представить не мог, насколько ей больно.

Двудушные не сжигают, двудушные не отправляют за море. Двудушные хоронят. Заговоренный знал, где её могила. И в мыслях туда возвращался. Снова и снова. Но только в мыслях. Прийти он не мог. Да и не надо. Прошлого не вернешь, не испушишь. Но если бы было возможно, он сделал бы всё по-другому. Если бы было возможно...

Безвестный Лес. Странное и зловещее место. Так думают многие. Лес, в котором живет паразит, зримая душа, не имеющая собственного тела, и заражающая других, по большей части ослабленных и больных. Животное выздоравливает, но когда приходит пора размножаться, оно выпускает новорожденные души живущего в них паразита, которые заражают других. Раз в десять лет, в начале ночи. В остальное время паразит не опасен.

Но люди в Лесу не живут. Точнее, живут, но только те, что переродились, и при этом остались живы. Их называют двудушными.

В самый разгар Угасания, как только солнце меняет свой свет и становится тусклым, со всех концов равнины, разными путями, кто тайно, кто явно, в Лес съезжаются люди. Те, что готовы продать свою душу и совершить самый страшный грех – грех слияния. Тем самым нарушив главную заповедь Обиженного – не использовать зримые души, и нарушив её в извращённой форме. Стражи за это казнят. Поэтому двудушные не покидают Безвестный, который называют Девятым, а днём, когда светит солнце, живут по ту сторону Леса,

где к морю подходят предгорья. Чтобы попасть в это место, нужно пройти через Лес, таинственный и пугающий.

Почему человек заражается сразу, не знает никто. Слабый, здоровый, старый, молодой – заражаются все. Быть может, всё дело в отсутствии зримой души, а если тело свободно, проникнуть легче.

И паразит проникает.

Начинается ломка. Перерождение, как называют её двудушные.

Это время боли и страдания. Человека лихорадит, внутренности выворачивает, кости сжимает в тисках. Лоб краснеет, его середина выпячивается, кажется, что-то стучит изнутри, пытаясь выйти наружу. И это что-то выходит, темное и шершавое, подсыхая, словно засушенный плод.

Эта шишка, вырастающая на лбу, напоминает шишки других зримых душ. Если её оставить, человек погибнет, как только пройдет новый цикл и снова закончится ночь. Новорожденные души паразита выйдут из тела и будут искать жертвы. Поэтому шишку после перерождения удаляют, оставляя большой кровавый рубец.

Тогда человек живёт долго и почти не стареет. Видит и слышит то, что не слышат другие, а его осязанию позавидует слепой. Раны заживают, болячки уходят. Но он становится двудушным.

Стражи двудушных презирают. Но торговлю при этом ведут. И отправляют легатов.

Или представителей гильдии воинов.

Это решение выглядит логичнее. Никто не задаёт лишних вопросов, а если и спросят, то можно сказать, что это разведка. Боем. Ну или подобную чушь. В чушь верят с охотой, она необычна.

Шли последние пылающие.

Ему, тогда еще не Заговоренному, в то время его звали Задорный, предложили работу. Нужно было съездить в Девятый и забрать товар. На равнине за Лесом росла трава, экстракт которой считался лучшим обезболивающим. В диком виде она росла и в других местах равнины, но встречалась редко и обезболивала хуже. Да и готовить лекарство умели только двудушные. Для них это было важно, ведь во время перерождения человек испытывал боль, которая считалась одной из самых мучительных. Выживали немногие, даже с лекарством, а без лекарства – уже единицы.

Задорный тогда согласился.

Потому что не мог отказаться. Точнее, мог, но не хотел. Бежать от задания не в его характере, ни тогда, во времена молодости, ни теперь, когда стал командиром отряда Длинного Леса.

Было страшно. Вначале. Да, время не то, самый конец ночи, заразиться нельзя. Но кто его знает? Говорят, в Девятом Лесу и другие напасти. Не все возвращались обратно. "Девятый Лес, Девятый Лес" – повторял он во время поездки. Если чего-то боишься, называй это вслух. Пока не переста-

нешь бояться.

С виду местность была обычная. Безвестный не отличался от других таких же Лесов – Длиннолесья или Долины. Те же деревья, те же лохматые тени над головой, те же острокрылы ловят тех же твердотелок. Птиц было меньше, как и других незримых. Но в остальном – Лес как Лес.

И двудушные оказались самыми обыкновенными. Немного менее озабоченные, и, вроде как, более гостеприимными. Кузнецы, ткачи, скотоводы, те же ремесленные мастерские, та же кухня, сочетавшая в себе всевозможные блюда, которые готовили в разных районах и в разных общинах. Ведь в Девятый стекались все – кто бежал от прошлого, кто порвал прежние связи и хотел начать новую жизнь, бежали от правосудия, бежали от того, что этим правосудием прикрывалось, бежали, казалось, без всякой причины, а чаще даже и не бежали, а просто шли – медленно и упорно, к намеченной цели, той цели, к которой давно готовились, взвесив все за и против, шли, чтобы остаться уже навсегда.

Все пришедшие в Лес отдавали плату во время перерождения и приносили клятву верности. А после становились частью Безвестного.

Здесь попадались старожилы, которых можно бы было назвать глубокими стариками, ведь они помнили события самой кровопролитной войны – войны ресурсов, то время, когда и стражей то не было. Но старики ковали, строгали, готовили наравне с остальными.

Были те, кто моложе, допустим, бывшие разбойники, которые одумались и решили начать новую жизнь. О бандах давно забыли, или же они стали чем-то вроде предания, все части которого перемешаны и уже не понять, где там правда, где вымысел. Никто на равнине не думал, что герои преданий живы, и что живут те не где-нибудь, а в самом далёком Лесу.

Здесь были искатели, те, что стояли у истоков создания гильдии. Были посланники стража-заступника, которые не вернулись и у стражей считались мучениками, пострадавшими за веру. Если бы они видели довольные или, скорее, умиротворённые лица всех этих мучеников, то, наверное, поменяли бы своё отношение. Не к двудушным, к посланникам.

Были и молодые. Действительно молодые. Пришедшие в последнее Угасание.

Среди этих пришедших была и она.

Он её задирает. Постоянно. Иногда девушка обижалась. Тогда он давал задний ход и становился серьёзным.

Парень не мог понять, чего же его зацепило, что влечет к этой странной и неказистой девчонке. Желание понять, или, может, желание помочь? Но вскоре он понял, что это другое желание.

И тогда его жизнь изменилась.

Он не мог её покинуть. Не мог уйти. Он полюбил её странности, её манеру молчать, когда о чем-нибудь спрашивал. Её рисунки на воде, которые исчезали, стоило лишь подуть на

поверхность. Её задумчивость и её созерцательность.

Она редко смеялась. Почти никогда. Но если у него получилось её рассмешить, на глазах проступали слезы. Он радовался за неё и за себя. Буквально сиял от счастья. Он обещал самому себе, что сделает её счастливой.

И не сдержал обещание...

Она любила рисовать. Медленно, аккуратно. Кисточка только касалась воды, но вместо расплывчатых пятен появлялся узор.

Она никогда и никуда не спешила. "Прекрасное всегда неторопливо".

Но он её не понимал. Зачем так стараться, если то, что рисуешь, исчезнет так быстро?

– Зачем ты здесь? – спросил он однажды. И думал, она не ответит.

Но она ответила.

– Я хочу уйти от времени, – сказала девушка. Сказала, и снова взялась за работу.

Она любила всё медленное, застывшее. Ей хотелось, чтобы прекрасное замерло и осталось уже навсегда.

И рисовала по воде...

Когда она пришла и он увидел её состояние, то даже не знал, что же делать – радоваться или тревожиться. Лихорадочный блеск в глазах, и улыбка, которую он не забудет. Ему постоянно снится эта улыбка – напряженная и в то же время торжествующая.

– Что случилось? – спросил он её. Понимая, что что-то случилось.

– У нас будет ребенок, – сказала она.

Воин знал, что это означало. Уже знал.

Двудушные редко имели детей. Ведь чтобы выносить ребенка, нужно вытерпеть страшные боли. Душа паразита, живущая в человеке, поддерживает тело здоровым, препятствуя любым изменениям. Если ты сломал руку, она срастается быстро, но при этом болезненно. И если в теле женщины появляется ребенок, начинается борьба. Обычно природа берёт своё, и ребенок рождается. Но муки, которые при этом испытываешь, невыносимы.

И на ребёнка решались редко.

Она решилась.

Им предстоял долгий и мучительный путь, который нужно пройти. Вдвоем.

Но он не знал, чем этот путь закончится.

Он проводил с ней все время, переживал её страдания. Он не отходил от нее ни на шаг.

Но однажды он отошел.

И когда вернулся, было поздно.

На столике у изголовья стояла пустая баночка. Баночка с обезболивающим. Девушка выпила всё.

И умерла.

Тогда Задорного не стало. Тот человек, который вернулся в Длиннолесье, не был похож на весёлого развязного парня.

Его перестали так называть. Говорили – "приятель", "дружище".

А потом он стал Заговорённым.

Безвестный Лес – не какое-то особое место. Там люди верят, любят, страдают. Так же, как в Длиннолесье, Приморье или Долине. Быть может, в Девятом меньше суеты, быть может, больше думают о вечном.

Но для него этот Лес стал особенным.

Заговоренный перевернул прожаренный ломтик и чуть больше закрыл поддувало. Запах ароматного хлеба носился над кухней и заставлял желудок сжиматься.

Готовить его научила она. Девушка была из Заводья, а кухня тех мест считается лучшей кухней на равнине. Там не боятся пробовать новое, и смело добавляют что-нибудь зримое – те же специи из перемолотых тянучек или сало речных ползунов.

А потом он готовил для неё, и каждый раз, когда она просыпалось, на столике у её изголовья стоял завтрак. Каждый раз.

Он поставил всё на поднос и медленно вышел из кухни. "Прекрасное всегда неторопливо".

Игривая сидела в кровати.

Она взвизгнула, как довольный саммака, и повисла на шее.

– Тише, тише. Я ещё не поставил.

– Необыкновенный, заботливый, милый, – щебетала Иг-

ривая (та, из Девятого, не щебетала), – куда пойдём?

– Погоди, – Заговорённый разлил компот, – что происходит в селении? Почему все такие озабоченные?

– А, это... Дневник. Может, слышал?

– Что за дневник?

– Девочки с Острова. Если рассказывать вкратце, – женщина вздохнула, – Обиженный оказался подонком.

– Я не верю в Обиженного.

– Но ты веришь стражам.

– Я верю в порядок. А стражи и есть порядок.

– Но они нас обманывали. Остров существует, Обиженный сам нас заставил уйти. Так что заступничество стражей не нужно.

– Нет никакого Обиженного.

– Всё то же, по кругу, – Игривая подошла и потянула мужчину за руку.

Они вышли во двор. Миновали кухню, беседку. Прошли между бегуньями.

– Куда ты меня ведёшь? – удивился Заговорённый, – я думал, мы будем завтракать. Во рту пересохло.

– Командир! – услышал он голос, – к вам прилетели.

У дороги стоял Палёный, взводный отряда. Перед ним, стрекоча и хлопая крыльями, важно шагал плащеносец.

– Подожди, – Заговорённый освободил свою руку, – давай.

Взводный вручил конверт.

Словам печать, Заговорённый начал читать:

– "Канцелярия Стража-Заступника. Командиру отряда Длинного Леса. Прошу явиться к концу десятого межсезонья двадцать первого угасания к Плацу Прихолмья вместе с вверенным Вам отрядом. При себе иметь всё необходимое для строевого построения. Проводники в дороге."

Заговорённый поднял глаза:

– Даже не в сезон пылающих. Интересно. Что же такого срочного?

– Дневник, – подсказала Игривая.

– Дневник...

Воин задумался.

– Хорошо, – сказал он мужчине, – готовьтесь. У нас восемь суток.

Первая стояла на площадке, огороженной светящимся контуром, и ощущала себя героем самого древнего и самого странного произведения. Листик так же стоял на мостике, когда корабль после долгих скитаний приплыл в необычную и загадочную страну, так не похожую на его собственный остров.

Солнце уже погасло, и город, к которому они приближались, утопал в сотнях, а, может быть, в тысячах огней. Фонари зажигались с наступлением ночи, и горели, горели...

Еще будучи маленькой девочкой, Первая поражалась жителям Дальнего города, которые ради освещения собствен-

ных улиц, не всегда необходимого, изводили такое большое количество масла. Но если учесть, что ночь в мире "Приключений" длилась десятков часов, такая щедрость казалась не расточительностью, скорее, рачительностью его обитателей.

Листик, однако, и сам удивлялся. На его родном острове этого не было – фонари зажигали в самых нужных местах, и только тогда, когда это действительно необходимо.

Пещера хранителей и та пещера, в которую влетел черный ангел, были похожи, но похожи не абсолютно. То же ощущение чего-то громадного и величественного. Тот же шум падающей воды. Те же мириады светящихся точек, разбросанные под сводом. Однако здесь не было разноцветных огней, благодаря которым пещера хранителей походила на пол исполинского подземелья, покрытого драгоценными кристаллами, которые охранял огнедышащий дракон.

Но здесь был город. Настоящий, большой город. По размеру напоминавший торговые посады Междуречья. Но только по размеру. В остальном окружающее наводило на мысли о Дальнем, из "Приключений". Те же дома, построенные из камня, те же прямые улицы, та же аккуратная застройка. И всё это тонуло в бесчисленных белых огнях.

– Сами построили? – спросила у Любящей девушка.

– Что? Город? – переспросила та, – ну да, город построили мы. Хранители помогли. Они поделились... возможностями.

– Конечно же, бескорыстно?

– Конечно же, нет. Разве кто-то что-то делает бескорыст-

но? – женщина посмотрела на девушку. Не так, как зрелый человек смотрит на юного с высоты своего опыта. И даже не так, как мать смотрит на дочь. Заботливо и в то же время слегка настороженно. Нет. Она посмотрела с надеждой.

"Что, заberi меня чёрный, ей нужно?" – подумала Первая. И покосилась на ангела – теперь поговорка звучала иначе.

– Мы все нужны друг для друга, – продолжила Любящая, – люди Острова, люди равнины, хранители. Что-то произошло, и в результате имеем то, что имеем. Теперь предстоит понять, зачем это нужно, и исправить ошибки.

– Искатели знают о городе? – Мутный старался разглядеть как можно больше деталей в том многообразии, которое открывалось глазам.

– Искатели нет. Орден знает. Орден... Это было ошибкой. Зря мы их взяли на Остров, – женщина сузила взгляд, – Орден держит любое важное знание взаперти, внутри собственных стен. Они хотят знать, что не знают другие. Я поняла это поздно.

– Почему вы отправились на корабле? – продолжал спрашивать Мутный, – почему не на ангеле?

Любящая усмехнулась:

– Представляю, что бы случилось, узнай Орден об ангеле. Мы бы на Острове и остались. Убитые или потерянные. Все, кроме меня, погибли, и я не уверена, что кто-то погиб случайно. Уже не уверена, – женщина помолчала, – чёрный ангел – слишком ценный подарок, и только один.

– Постой, – нахмурилась Первая, – ещё моя бабушка рассказывала, что однажды увидела стаю.

– Хранители, – ответила женщина.

– Зачем?

– Они собирают информацию. Для них очень важно знать всё обо всём.

– Но черные ангелы забирают людей.

– Люди – тоже информация, – Любящая замялась, – я не думаю, что хранители делают что-то плохое.

По улицам города двигались какие-то повозки. Одни закрытые, другие открытые сверху, словно прогулочные кареты.

Мутный щурился, стараясь увидеть детали. Если у этих повозок и были колёса, то спрятаны они глубоко и снаружи почти не видны. Но больше всего поразило не это. Повозки никто не тащил – ни топтун, ни лошадь. Никто. Колёса, если таковые имелись, крутились за счет непонятной внутренней силы.

Впрочем, после черного ангела всё удивление было размыто.

– А как же вы возвращались? – спросил он, подумав, – с Острова? Терпеливый сказал, что нужно плыть ночью. А в самом начале ночи вас подобрали в Лесу, Длиннолесье. Значит, вы плыли днём?

Любящая посмотрела на Мутного. Как будто пыталась понять, чего же он хочет.

– Мы плыли не днём, – сказала она, – на Острове много чего случилось. Да мы и не плыли. Корабль сожгли, и сделали это люди – не люди с равнины, не горожане, другие... Потомки тех, кого тронули небеса, но которые выжили. Обезумели, но всё-таки выжили. И у них появились дети, – Любящая посмотрела на спутников, – потомки тронутых не говорят, они лишь бормочут. И что-то показывают.

Первая слушала, пытаясь среди хаоса звуков, раздававшихся снизу, разобрать отдельные голоса. Город бурлил, и жил своей жизнью. Насыщенной, многообразной. Сколько там жителей? Тысячи?

– С Острова мы улетели, – продолжила Любящая и покачала головой, увидев, как Мутный кивнул, – не на ангеле. Чёрные ангелы днём не летают – это условие, которое дали хранители. Мы улетели на шаре.

Мутный открыл было рот.

– Да, – подтвердила женщина, – на том самом шаре, про который рассказывал Веселёхонький. И на котором мы чуть не погибли. Все вместе, – она посмотрела назад и улыбнулась своему вечно неунывающему капитану. Тот делал движения – вправо-влево, вверх-вниз, танцуя какой-то безумный танец. Эти движения напомнили Первой упражнения гильдии воинов. "Будьте изворотливыми, как струйки" – говорит инструктор, в то время как ученики попеременно парировать удары, изгибаясь всем телом.

Хвостень продолжил своё упражнение, закрутившись в

воздухе словно волчок и слегка оторвавшись от пола. "Как это он?" – думала девушка.

– Шар начал терять высоту, – продолжила Любящая, после того как Хвостень поставил жирную точку в занятиях, медленно и изящно спустившись, – мы упали на остров. Маленький рыбацкий остров у побережья. Наш капитан погиб, насадившись на вертел. На мачту. И дальше мы плыли на шхуне.

– Представляю, как глядели рыбаки.

– Рыбаков уже не было. Мы плыли в одиночестве...

Первая не знала, чему удивляться – пещерному городу, рассказу Любящей или капитану воздушного судна, творившему нечто невообразимое.

– Как будем спускаться? – поинтересовалась она, – ведь мы же спустимся в город?

Скала отвесно падала вниз – ни ступенек, ни лестницы не было.

– Конечно, – женщина улыбнулась. Обворожительно и естественно. "Как у нее получается?" – подумала Первая. Ей хотелось насадить эту спокойную уверенную в себе самочку на мачту, как того капитана. Тогда бы она потеряла свою обаятельность.

– А как это будет – ответила женщина, – вот, – и показала рукой. Из скалы выступало что-то овальное, с разрезом посередине.

– Хвостень! – крикнула женщина.

– Что?

– Спускаемся.

Капитан воздушного судна махнул, словно пускал плащеносца на празднике Возвращения, и произошло очередное маленькое чудо. Створки вокруг разреза раздвинулись, и Первая с Мутным вошли в помещение, освещённое тем же светом, которым светился и город.

Затем вошла женщина.

Хвостень смотрел на Любящую, излучая какое-то безграничное восхищение, но только они зашли, радостно хлопнул в ладоши.

Двери закрылись.

"Мы в западне, – подумала Первая, – зачем же я согласилась?"

Но было поздно. "Ты, девушка, засунешь пальцы в любое тесто" – говорила бабушка. И была, как всегда, права.

Что-то задвигалось, и девушке показалось, будто они полетели. Вниз, на огромной скорости.

Вначале она стала легче. Потом тяжелее. Как будто несёшься на прыгуне. Только наоборот – тебя отпускает, а потом словно вдавливают. И ощущения, конечно, не те. Ты не видишь, куда летишь, с какой скоростью, и не знаешь, когда это кончится.

Но в целом, терпимо. И даже понравилось.

"Сколько ещё ощущений мне предстоит испытать этой ночью?" – подумала девушка, и снова вспомнила тесто.

Створки открылись.

В уши ударил рокочущий шум падающей воды. По лицу пробежал холодок.

– Здесь необычный воздух, – заметил Мутный, – как будто с запахом, – он вытер ладонью лицо и смахнул с пальцев капли.

– Брызги водопада, – ответила Любящая, – слишком мелкие и почти незаметные. Вода падает вниз, и брызги взлетают вверх.

– Так пахнет после грозы, – Мутный дышал полной грудью, слегка раздувая ноздри.

– Надышишься. Времени много, – ответила женщина.

Девушка вспомнила ту, первую пещеру, в которой встретила паучков. Воздух там был такой же – тяжёлый и лёгкий одновременно, он поражал чистотой, но его как будто бы не хватало.

Напротив стояла повозка. Точнее, висела в воздухе. "Так и есть, – думал Мутный, – совсем без колёс".

Но только стоило сесть, она опустилась. Пока не коснулась дороги.

Плавно, словно кто-то посредством лебёдки спускал подвешенный груз.

В повозке не было ни рычагов, ни ручек, ни даже кнопок. Впрочем, и в чёрном ангеле, и в машине, в которой они спускались, их не было тоже.

Любящая взмахнула рукой, и появилась картинка. Всё те

же линии, точки, кружочки. Женщина слабо прищурилась, будто пытаясь что-то увидеть, моргнула.

Повозка слегка оторвалась.

И полетела...

Первая стала смотреть.

Дома были высокие, от трех до пяти этажей. Квадратные, с окнами, входами, похожими, как отражения в зеркалах. Даже Первая, с её любовью к простому и функциональному, приуныла. Здесь легко потеряться, а жить в таком городе скучно.

Все строения каменные, в основном тёмно-серые. Но попадались и черные, и бардовые, даже в крапинку. "Хоть какое-то разнообразие" – вздохнула девушка.

Камни большие, как плиты, на которые позже наносятся надписи. Такие ставят на месте, где случилось что-нибудь грандиозное. Например, стояние у Квадратной Рощи, самое важное из событий войны ресурсов, после которой гильдия стражей стала первой гильдией мира. Здесь же из похожих камней выложены дома. Все, деревянных не было. Каменные блоки подогнаны ровно, хотя и не так, как в домах пестрокрылых, стыки просматривались легко. Окна большие, и в основном без решёток.

Между домами деревья, везде. Сосны, березы, осины.

"Света здесь много" – подумала девушка. И посмотрела вверх. "Звезды" горели ярко. Но над дорогой было светлее – по обеим её сторонам тянулись светильники, в виде столба,

на самой вершине которого находился большой светящийся шар. "Неэкономно, – подумала девушка, и ужаснулась, представив, сколько же масла уходит на свет. Хотя, может быть, они горят не всегда, да и кто его знает, вдруг это не масло? Деревья же светятся? Светятся. И огнетелки, и зонтики. А масла в них нет.

Повозка остановилась. У правой обочины.

– Приехали, – Любящая вышла, медленно и, как всегда, грациозно, заставив девушку фыркнуть.

Она посмотрела на Мутного, точнее, проследила за направлением взгляда. Парень воззрился на женщину и будто о чём-то задумался.

– Ты чего? – спросила она.

– Погоди, – Мутный слегка отстранился, – откуда у Вас письмо?

– Письмо? – переспросила женщина.

– Ну это. Сопроводительное.

– Ах... – Любящая задумалась.

– Его же не было в книге.

– Конечно не было. Оно лежало в сумке у Терпеливого.

Парень занервничал. Первая еще никогда не видела его таким возбужденным. Стало даже обидно.

– Как же он хотел передать книгу без сопроводительного письма?

– А я почём знаю? – женщина смотрела в упор, почти прожигая взглядом, – этот подонок убил Веселехонького и напал

на меня. Мы пять лет (пять лет!) прожили вместе. На Острове. И что, я должна разбираться, что он хотел передать?!

Любящая была похожа на меч из алмазной стали, который можно считать отдельным героем из “Приключений”. Такой же острый и нестигаемый. “Похоже, она говорит правду, – подумала девушка, – Долговязого убил Терпеливый. Если бы сразу, вот так, без этих улыбок, жеманства. Без этой ненужной иронии. Я бы поверила.”

Мутный молчал.

Он опустил свою голову и будто смотрел на дорогу. Но в душе жила буря, и Первая это видела, хотя и не знала причину.

– Послушайте, я не хочу никого оправдать, – парень взглянул на женщину, прямо, – я просто пытаюсь понять. Мне нужно понять... Хорошо, – он вздохнул, – вы знаете человека по имени Дельный?

– Почему ты спрашиваешь?

– Терпеливый велел передать ему книгу.

Любящая усмехнулась:

– Дельный кто-то вроде старейшины. Но Дельный не в Ордене. Терпеливый не мог так сказать.

– Но он СКАЗАЛ, – Мутный, казалось, вскипел, – и ещё. Простите за домыслы, но я спрошу. Терпеливый хотел Вас убить, я в это верю. Но почему же тогда, а не раньше? Что его останавливало? Ведь у него была потеряшка?

Любящая смотрела в упор.

Парень смотрел в упор.

Первая хмурилась.

– Я задавалась этим вопросом, – ответила женщина, – но я могу лишь сказать – не знаю. А что касается письма, оно адресовано Лобастому.

– Будто два разных человека.

– Да.

– Там, на Посту, был такой тип, с Озёрного. Помните?

– Помню.

– Так вот... – Мутный задумался, и посмотрел в никуда, – он сказал одну вещь. Странную. Она тогда показалась странной. Но я запомнил. Потому что всё остальное, что он говорил, было правдой. Он знал кто мы, откуда, узнал потеряшку. Вот про потеряшку он тогда и сказал, – парень нахмурился, будто пытался вспомнить, – он сказал, что это еще непонятно, кто кем владеет – человек потеряшкой, или потеряшка человеком. И я теперь думаю, что имел в виду?

– Они угрожают? – герцог похлопал лошадь по морде. Та отстранилась и фыркнула, – ещё обижается... Угрожают?

– Да, угрожают. Но не в открытую, так, по сути... Да. Страж-заступник велел передать, что за добро надо платить добром.

– Как, как?

– За добро надо добром. Платить, – Бледный стоял у стены, скрестив руки и ноги, и разглядывал кончики туфель.

Сквозь проёмы меж досками лился розовый свет топтуны – дерева топтунов.

Обычно постройки возле таких деревьев не строили. За исключением, может быть, склада, в котором лежит то ненужное, что до наступления Возвращения точно не пригодится. Да и место для селения выбирали подальше. Кому захочется во второй половине ночи слушать топот десятков массивных лап? Топтуны возвратятся к деревьям, все шестилапы к ним возвращаются, земля задрожит, а низкий гортанный звук, пожалуй, не лучше топота.

Но в этот раз дали маху. Герцог уже вставил тем самым строителям, что на пьяную голову да на скорую руку возвели здесь конюшню. А эти вот оправдания – бу-бу-бу, мы же не знаем, что это такое, мы и лошадей-то в глаза не видели, он посоветовал им засунуть... они догадались. Но для склада самое то – ни один грабитель не сунется. Ладно, время покуда терпит, но в середине ночи нужно переносить.

– За добро добром... И какое добро, по-твоему, они имеют в виду? – Длинноногий решил поприбраться. Всё, что касается лошади – чистки, кормёжки и выгула, он делал сам, прислуги в конюшне не было. А то и без того сердится, что времени не уделяет. Сварливая женушка. Недаром он так её и назвал – Герцогиня.

– Они намекнули, что закрыли глаза на то, как вы стали герцогом. В нарушение традиций селения.

– Так это не они, это я тогда сделал добро. Весомое, –

Длинноногий засучил рукава и взялся за ёжистый веник, собранный из жёстких равнинных тянучек.

– Они всё помнят, мой герцог, – дознаватель нахмурился, – они помнят тоннели, помнят наше несчастье, с этими вислоухими саммаками.

Длинноногий остановился.

– Хмм... Кто бы ещё сомневался. Гильдия стражей и шантаж. Причина и следствие... И что ты сказал?

– Что Вы велели.

– ?

– Что нужно жить по справедливости, а не по закону.

– Да, – герцог начал мести, – а ты как считаешь?

Бледный задумался.

– Если позволите дать Вам совет.

– Говори.

Дознаватель подошел ещё ближе и встал за спиной Длинноногого. Тот развернулся и посмотрел в глаза. Тусклые и такие уставшие. "Не спит, бедняга. Думает. Решает вопросы" – улыбка вползла на лицо, буквально вползла.

– Конечно, не мне вам советовать, – сказал дознаватель, – но я бы не сорился с гильдией. Что бы не случилось, гильдия выстоит. Всё останется на своих местах, всё вернётся к порядку. Вы знаете – я ни разу не ошибался. Поверьте, мой герцог. Стражи – та сила, которая выстоит.

Длинноногий молчал.

– Вот как? – сказал он, задумавшись. И для пущей нагляд-

ности почесал себе лоб, – ладно, иди. Совет мудрый.

Дознаватель замешкался:

– Я... от всего сердца мой герцог...

– Иди, – Длинноногий махнул рукой.

– Иди, иди, иди, – повторял он вполголоса, когда дознаватель ушёл, – иди и не возвращайся.

Конюшня преобразилась.

Стало чище, уютнее, что ли. Хоть самому переезжай.

Герцогиня заржала, словно довольная хозяйка. Розовый свет падал на светлые бока и делал Её Высочество неотразимой. Необыкновенной. Мифической. Лошадь сама по себе – животное почти что мифическое. Мало кто видел, а держат её единицы. Ну, герцог и ещё там с десятков. Кто ради престижа, кто из-за любви ко всему необычному. Да ещё, пожалуй, заступник с парочкой служников – эти тоже любят покрасоваться во время торжественных выездов. Такое у них положение. Не может заступник нарушить завет и садиться на зримых. Всё может, а вот садиться не может.

Герцог задумался.

Дневник безымянной девочки спутал все карты. Те, чей авторитет был непререкаем в течение последних столетий, оказались обманщиками. Или глупцами. Что в этом случае хуже, Обиженный знает. Да и сам Обиженный – фигура неоднозначная. За что покарал свой народ? За какие такие непослушания? Ребенок не послушался, а ты его на! – со всей дури.

Всё разойдется по швам и обвалится. Весь порядок, который держали стражи. Рассыпется, будто карточный домик.

Надо рвать. Все отношения, все связи с этими неудачниками. Надо. Герцог это почувствовал. А по поводу того, что говорит Бледный... Ему ещё многое предстоит рассказать.

– Я здесь! – Упитанный возник словно из неоткуда.

– Напугал. Напугал, – Длинноногий оперся о веник, – как всё прошло?

Капитан показал кулак, что означало, что дело сделано.

– Сопrotивлялся?

– Да не особо. Точнее, нет, не сопротивлялся. Но был удивлен, над сказать, – капитан казался довольным. Его главного соперника, можно сказать, ходячую тень, посадили в темницу. Теперь можно выдохнуть, – мудро, очень мудро с вашей стороны, мой герцог. Я давно подозревал, что он предатель.

– Так чего не говорил?

Упитанный замялся. Удовольствие тут же сползло и исчезло. Как не бывало. Губы двигались, но не решались сказать.

– Ладно, расслабься, – герцог поставил свой веник к стене и накинул плащ. Этот плащ всегда приносил удачу. Именно с ним он и стал когда-то тем герцогом, которого знает всё Длиннолесье. С этим плащом он встречался когда-то со стражами, и с этим плащом он готовился разговаривать с Бледным. Не с Бледным – дознавателем Его Высочества герцога,

а с Бледным – агентом Его Святейшества стража-заступника.

Дыхание участилось, плоть хотела вырваться наружу и сделать всё то, о чем он мечтал. Взять её силой, порвать эти ненужные одежды и засадить.

Ооо, как давно он желал эту женщину!

Телец пытался взять себя в руки.

Ему, Первому Капитану Города Надежды, конечно, многое прощалось. Но не сейчас, не в этом случае. Он должен выполнить то, что должен. А после...

Телец облизал свои полные губы.

Уж после засадит.

– Старшая рулевая, – ответил откуда-то голос.

– Зовите, – капитан сел на стул и попытался собраться. Дыхание нужно восстановить, плоть успокоить. Дыхание, плоть...

"Чего это я? В мои то годы, на такой-то должности, а разволновался, ну ты посмотри..."

Он подошел к графину и быстро налил в бокал. "Фантазии... Сейчас не время фантазий. Одно неосторожное движение..."

Раздался скользкий звук, створки в стене раздвинулись, и появилась она.

– Ааа, – капитан поставил стакан и улыбнулся вошедшей. Широкой и плотоядной улыбкой, – Фиалка. Я ждал.

– Я знаю, – женщина улыбнулась и села. Уверенная и самодостаточная. Как всегда.

– Выпьешь?

– Выпью.

– Здесь воздух какой-то, – Телец помахал перед носом.

– Ну так живём же в пещере. Может, какой-нибудь газ, – женщина беззаботно откинулась и заложила ногу на ногу.

"Я так долго не выдержу. Убейте меня сожжённые" – подумал мужчина, чувствуя, как что-то стучится. В штаны. Плеснул из графина и нарочито лениво приблизился.

– Спасибо, – женщина улыбнулась. Взяла бокал, при этом немного помедлив, как будто бы делала милость, и, пригубив, поставила рядом.

– Как там равнина? – поинтересовался Телец.

– Равнина? – вошедшая вскинула брови, – на равнине ночь. Как раз середина. Хотя...

– Хотя да. Теперь ни в чем нельзя быть уверенным.

– Ты прочитал мои мысли.

– На то я и капитан этого корабля. Надеюсь, последний перед отплытием.

Наступило молчание.

– Что? – Телец посмотрел на Фиалку. Понимая, что та ничего не делает просто, даже молчит.

– Всё сложно, – ответила женщина, – равнина бурлит, но... я не думаю, что они согласятся.

Мужчина нахмурился:

– Если даже никто не согласится, это что-то меняет?

– Это ничего не меняет, особенно с тем подарком, который дадут хранители. Но... – женщина вздохнула, – мы мечтали о другом. Мы мечтали, как весь народ, в полном согласии, взявшись за руки и распевая псалмы, вернётся домой. Мы мечтали увидеть радость на лицах, и благодарность, – она склонила голову набок и усмехнулась, – мечта идиота.

– Это НАША мечта.

Женщина как будто не слышала:

– Получается, мы ничем не лучше того же Обиженного, как называют его на равнине. Он бросил нас, не спросив. А мы куда-то бросаем их.

– Не куда-то, – Телец смотрел плотоядно, хотя и пытался выглядеть этаким благодушно-ленивым саммакой. Женщина смотрела в ответ, она словно раздевала всё это благодушие и вынимала на свет его мысли, – мы их отправим домой.

– Они считают, их дом – это здесь. Я их понимаю.

– Пускай. Пускай так считают, – Телец улыбнулся, – всем угодить невозможно.. Как, кстати, стражи? – спросил он, вздохнув, чтобы сменить тему встречи.

– Боятся. Учение Шестипалого рвётся. Наш агент в Прихолмье, ну я рассказывала, тот, который навёл на дневник...

– Невинный?

– Невинный. Говорит, что возможна война. Заступник зовёт отряды.

– Они лояльны?

– Не знаю, – женщина пожала плечами, – у воинов два управляющих центра – совет старейшин Леса, в котором живут, и этот заступник. Как ляжет карта.

– Как ляжет, – Телец облизнул свои губы, – стражи – наша проблема. Когда окажемся ТАМ, они могут подмять под себя всех вернувшихся – и с равнины, и с Острова.

– Значит, стражи должны проиграть, – женщина улыбнулась.

Капитан улыбнулся в ответ:

– Что там гости?

– Гости? Да ничего... отдыхают.

– Ты извини, что спрашиваю. С этими постоянными ответствиями, рапортами, разбирательствами. Понимаешь, как сложно. Но... насколько они необходимы?

– Настолько, насколько необходимы и мы. Они представляют равнину. Мы представляем Остров. Две половины одного человечества. Точнее, три, выделяя проводников.

Мужчина задумался.

– Вот как.

– Девушка, к тому же, встречалась с крылатыми. А с ними у Создателя особые отношения. Парень обладает даром, и может услышать то, что не слышат другие. Не только услышать, но и понять, – женщина показала два пальца, – так что эти двое необходимы вдвойне.

Мужчина вздохнул и налил себе снова:

– Ты отважная, Фиалка. Я поражен.

– Да брось, – гостья слегка усмехнулась, – в свое время ты был самым отважным, – она подняла бокал и приблизила к свету, – за общее дело.

– За общее, – Телец осушил свой до дна.

И облизнулся.

"Лучше бы что-то покрепче" – подумал мужчина.

– Вот. Вот. Еще один. Ещё вот здесь, – кукла размахивала своими фетровыми ручками и показывала другим таким же куклам, куда ставить кирпичик. Папье-маше – лёгкий материал, и герои разыграншегося представления, приводимые в движение ловкими пальцами кукольника, без труда достроили стену.

Всё это происходило по правую сторону ширмы. А по левую бегали куклы, другие, на спинах которых развевались тонкие красные ленты. Ленты колыхались, приводимые в движение воздухом, который нагнетали меха.

– Ты видишь, Застывший? – Шестой оценил выдумку, – сожжённые изображены так, будто и вправду горят. У людей, знакомым с "Дневником", не возникает вопроса, кто же тут бегаёт.

И усмехнулся. В этом была очередная насмешка – стражи не воспринимали Остров буквально, а кукловоды буквально изображали сожжённых. Такая инверсия...

Он посмотрел на Застывшего, хотя и знал, что смотреть бесполезно. Понять, о чем думает экзекутор, всё равно что

представить мысли покойника, отправляемого в лодке. Это была болезнь, при которой лицо одевало одну и ту же маску – то ли безразличия, то ли презрения к окружающему. Поэтому он и заслужил свое имя. С самого детства Застывший сталкивался с непониманием и насмешками. Но в гильдии над ним не смеялись, в гильдии его ценили – за преданность, исполнительность и аккуратность, а также бесцеремонность с врагами Его Святейшества. За последнее его боялись, а, значит, и уважали.

А на помосте тем временем происходили удивительные вещи. Маленькая кукла с длинными волосами, очевидно, девочка, заглянула за стену и стала лить слезы, которые двумя нескончаемыми ручьями разлетались в стороны, забрызгивая стоявших поблизости

– Хочу к маме, хочу к сестренке! – кричала она, в то время как высокая фигура в зеленом плаще пыталась оттащить её от стены. Наконец оттащила, и две фигурки, сцепившись, упали. Мгновение спустя фигура в плаще вновь появилась на сцене, и, вскинув голову кверху, сказала:

– Мы избранные, а они, – кукла махнула налево, – проклятые! Так решил Обиженный, и мы должны благодарить его за великую милость.

– Но они же не сделали ничего плохого, пастор, – ответила девочка, пытаясь подняться.

– Неисповедимы пути Обиженного! – воскликнула кукла в зелёном и бросила ту за помост.

Только сейчас заступник вдруг понял, кого напоминает эта фигура. Особенно когда она, медленно и какими-то скачками, проковыляла перед строителями. В руке появилась трость, а высокий рост, помноженный на худощавость, зелёный плащ, седые волосы и нос, похожий на нос хищной птицы, не оставляли сомнений – это был он, он – Его Святейшество страж-заступник.

Народ недолюбливал стражей, а последние события словно бы сделали дырку в ведре нечистот, и нечистоты попали на гильдию. Например, в виде этого кукольного представления.

– Пора, – старик сделал знак.

Застывший махнул.

В ту же минуту из-за длинного строения, выполнявшего функции какой-то хозяйственной постройки и находившегося со стороны, противоположной помосту, показалось с десятков высоких плечистых мужчин, в светло-зеленых масках, такого же цвета плащах и перчатках. Сбоку висела дубинка, серые брюки были подвязаны серебристым шнурком. Мужчины рассыпались в стороны и стали двигаться к сцене, стараясь охватить её с каждого направления.

Народ зашумел, кто-то свистнул.

– Зелёные! – кричали со всех сторон.

В то время прибывшие, словно ножом, уже разрезали толпу, которая в испуге шарахалась в стороны.

Герои представления спрятались, исчезнув за ширмой.

Тут же упала и ширма.

Сцена была пуста. Если не считать впопыхах оставленного инвентаря, кукол, разбросанных, словно здесь разыгралась история массового убийства и пары-тройки опрокинутых стульев.

– Сюда! – закричал "зелёный". Откуда-то справа и к нему устремились другие.

В этот раз толпа не расступилась. Она сжалась плотной стеной и не давала пройти.

Но было поздно.

Другая группа исполнителей (так называли в гильдии исполняющих волю Его Святейшества) уже держала двоих – дородного бородатого мужчину в чёрной жилетке и широких коричневых штанах, который стоял, уперевшись, как дикий топтун, и молодого худощавого юношу. Юноша испуганно озирался по сторонам, пытаясь найти спасение, а по его молодому лицу стекала струйка. Алая, будто ленточка бегавших кукол.

Но толпа смотрела уже не на них.

На площадь вышел высокий хромой старик с острым носом, похожий на героя недавнего представления. На его спине красовался плащ, схваченный ярко-алой застёжкой, а в руке он держал блестящую трость с серебрянным наболдажником. Рядом стоял его спутник, который ещё никогда не снимал свою маску.

– Застывший, – зашелестела толпа, боясь спутника боль-

ше, чем старика.

Какой-то служник вёл под уздцы стройного серого коня со светлыми отметинами по бокам.

Он подвел его к старику и поставил у ног ступеньку.

Заступник остановился.

Он передал служнику трость, после чего встал на ступеньку здоровой левой и перекинул правую через животное. Лицо скривила гримаса внезапной боли, впрочем, всего на мгновение.

Когда, спустя много лет, знаменитый художник решится нарисовать стража-заступника, он нарисует его так, как запомнил – верхом на коне, с развевающимся зеленым плащом за спиной, который ещё не опал после того, как страж взлетел на коня, и убийственной мукой на гордом и умном лице.

Мгновения было достаточно, чтобы оно запомнилось навек.

– Вот смотри, Мила – мы на озере, – Бескостный закрепил холст на рамку. Но только верхнюю часть – нижнюю он держал в руках, – вот это я, – он показал в левый нижний угол, – стою и рисую. Ну, как? Ничего?

Художник свернул этот холст и достал уже следующий – камыши, тянучки, кубышки, между которыми струился ручей. Бескостный гордился этой работой. Казалось, ещё мгновение, и полотно оживёт, ручей зажурчит, потечёт, залив собой рамку, а вместе с ним краски, которыми рисовал.

Мила потыкалась носиком в маячки, горящие на холсте, потом перебралась к кубышкам, и вдруг начала щебетать, громко и безостановочно.

– Что случилось? – художник нахмурился, – ну да, кубышка. Всё правильно... Не тем цветом?

Но струйка опять щебетала.

– Не понимаю. Что-то не так? – Бескостный глядел то на холст, то на струйку, пытаясь понять причины внезапного возбуждения.

Мила подуспокоилась, зависла в воздухе, и стала рисовать клювиком. Отшельник напрягся. Но он был художником, поэтому, следуя контурам, которые пыталась чертить его муза, тыкая клювиком то тут, то там, рисуя какие-то чёрточки, понял, что та хотела сказать.

– Мила, прости. Проморгал.

У струек прекрасная зрительная память. Даже слишком прекрасная. Они запоминают всё, что видят в течение жизни. Он догадался сам, за время их долгой совместной работы. Художник специально запоминал отдельные детали, совершал как будто случайные движения, а спустя какое-то время просил Милу вспомнить, что она видела.

И струйка вспоминала.

Эти создания хранят бесконечные образы в своей маленькой зоркой головке, и Бескостный постоянно думал о том, насколько плотно там всё упаковано. Вот и сейчас Мила указала художнику на неточности. Из кубышки должна была вы-

глядывать мордочка живущего в ней носатика. Но мордочки не было.

Бескостный вздохнул, и стал натягивать нижнюю часть холста.

– Ты молодец, девушка. Как это я? Не понимаю. Наверно, отвлекся. Наверно. Что-то мешает. Но что?

Струйка защebetала.

Художник вынул из сумки палитру, достал краски, кисточки, скипидар и начал готовиться к работе.

"Неважных деталей нет, – сказал он себе, – важно всё".

По небу пробежала зеленая полоса, и тут же исчезла. Потом красная, синяя. Вспышки вполнеба прорезали темноту ночи, во всех направлениях. Начинались пылающие.

Но не так как всегда. Через некоторое время полос не стало. Небо погасло.

Художник смотрел то на струйку, то вверх:

– Вот это меня и беспокоит, Мила. Что-то случилось с природой. Ночь начинается раньше, пылающие наступают не вовремя, да так, будто им лень, – Бескостный склонил голову набок и начал смешивать краски, – однажды опустится ночь, уже без сезонов.

Струйка защebetала и стала игриво бить хвостиком.

– Эх, Мила, Мила. Мне бы твою беззаботность. Может быть, всё образуется? Может, и волноваться то нечего? День придёт как обычно, и всё потечёт как всегда...

Однако уверен он не был. Ничего не бывает случайно, и

если уж что-то пришло, так просто оно не уйдет.

"Надо спросить у гээда" – подумал художник, макнув кисть в палитру и нанося на холст точки – блестящие глазки носатика.

– Всё, девушка, всё. Большое спасибо Вам за работу. За вдохновение, – он взмахнул своей кисточкой и начертил в воздухе линию, изящную и непринужденную.

Струйка защебетала и унеслась.

Художник собрал инструменты, загасил свою лампу, и, сев под треногу, задумался.

После того, как гээд вдохнул в него душу, он научился мыслить глобально, чувствовать этот мир как гармоничное целое, где всё определяется всем, и маловажных деталей действительно не существует. Мир работал словно большие, однажды заведённые часы, со своим сложным часовым механизмом. Он сам был частью этого механизма, и ощущал свою вовлеченность в происходящее.

Но последнее время в механизме что-то сломалось. А, может быть, проржавело.

Что-то было не так.

Бескостный обхватил колени руками и посмотрел в воду.

Огнетелки резвились как ни в чём не бывало, подплывая и уносясь, в заросли водных тянучек. По небу прошла полоса, и снова погасла.

Что будет, если ночь никогда не закончится? Если исчезнут пылающие? Даже пылающие. Смогут ли эти создания

поддерживать свет, постоянно? И что случится с тянучками, которые не могут без света?

Когда он был маленьким, всё казалось ему непонятным. И удивительным. За ответом он обращался у старшим. "Сделаю так и сейчас" – подумал художник и отправился на поиски древоходца.

Долго искать не пришлось – великан стоял там же, на том самом месте, что и сутки назад.

"Мила сказала, что вы работали", – прошелестел в голове его голос.

"Да, мы рисовали, гээд".

Легкий ветерок коснулся ветвей и затерялся в листве. "Смеётся" – подумал художник. Струйки задвигались, почувствовав хорошее настроение хозяина.

"Вы многому научились, ты у неё, она у тебя, – сказал великан, – Мила – замечать главное, а ты научился видеть детали".

"Не совсем" – ответил художник.

И рассказал о последней картине.

"Ничто не приходит сразу, – заметил гээд, – Всему надо учиться. Ты ещё молодой. Ты ещё многому научишься".

Бескостный улыбнулся.

Голос древоходца звучал в голове и снимал напряжение. Он словно гладил, как гладила мать, тогда, в раннем детстве. Художник забыл, зачем он пришёл.

Но в небе опять пронеслась полоса, и заставила вспом-

нить.

"Хочу спросить".

"Спрашивай".

"Что происходит, гээд? Время сместилось. Ночь начинается раньше, пылающие позже".

Как будто безветрие тронуло листья.

Гээд задумался.

"Я многое помню. Помню те времена, когда люди пришли на равнину. Помню, что было раньше, ещё до людей. Помню, как на равнину ступили высокие стройные существа, они пытались проникнуть в мысли, мои и моих братьев. Бродили долго, но после ушли, оставив опасные подарки. Помню, как покидали равнину крылатые существа, чтобы не стать рабами чужих желаний. Я был ростком, ещё маленькой порослью, и в горы пришли чужие. Пришли, и остались. Но ни тогда, ни потом, когда появились пришельцы, ни после, когда они уходили, ни в час, когда нас покидали крылатые, ни тогда, когда на равнину ступили люди – такого ещё не было. Ночь всегда наступала вовремя, межсезонья сменялись сезонами, солнце загоралось и солнце гасло. Семьдесят дней живу я на свете, и семьдесят дней был порядок. Но порядок нарушен, – тут будто вздох пронёсся в ветвях, – и я не знаю причины".

"Я тоже, гээд, и это меня беспокоит... Ты раньше рассказывал о пришельцах" – добавил Бескостный.

"Пришельцы были давно" – ответил гээд.

"Это они оставили потеряшки? Те, что ты называешь подарками".

Древоходец задумался:

"Да. Это умные и организованные существа. Но вряд ли они изменили природу. Пришельцы – создания этого мира. А всем в нём живущим нужен порядок. Солнце одинаково светит для всех".

"Обиженный – это он меняет природу?"

"Не знаю... Мы – дети Создателя, Создатель не будет губить детей".

"Но кто тогда, гээд? Чужие?"

"Чужие – мирный народ. Для них порядок – главное в жизни. А живут чужие в пещерах, где колесо жизни крутится по-особому."

"Колесо жизни ... А может, ступицу колеса кто-то не смазал, и скоро оно остановится?"

"Я понимаю твоё беспокойство. Возможно... Возможно... Но что-то во мне говорит, что колесо не должно останавливаться. С Создателем или без".

"Что делать, гээд?"

Древоходец молчал.

"Ждать, – сказал он чуть позже, – и наблюдать".

"Я не буду ждать" – подумал Бескостный, но так, чтобы гээд его не услышал.

ГЛАВА 5. ГОРОД НАДЕЖДЫ

Это был Дальний Город, самый загадочный город на свете. И самый большой.

Когда Листик стоял на мостике "Веточки", и видел все это великолепие, он даже представить не мог, насколько оно огромно. Город терялся в дымке, сошедшей с предгорий, и самых дальних его кварталов было просто не видно. К тому же издалека всё кажется меньше.

По улицам города, ровным, как аллеи Дворца Стратега, разъезжали узорчатые повозки. И все бы ничего, за исключением интересного обстоятельства – было непонятно, что их тащило. Ни лошадей, ни мулов, ни каких-нибудь хвостатых рабов, как в Чертовски Приятной Пустоши, не было. Кареты катились сами.

– Как так? – удивился Листик, – ни лошадей, ни мулов, ни хвостатых рабов?

– Магия, – вздохнул чародей, – мы вселяем души в предметы, и заставляем работать.

– Весьма интересно, – парень притянул к себе провожатого – жест, которому научили матросы, – а я-то думал, там, шестеренки, паровые котлы, какие-нибудь магниты.

– Нет, это слишком сложно, и трудноосуществимо, – мужчина поёжился. Как видно, тяжёлая рука капитана

тяготила его не меньше, чем обязанность встречать ново-прибывших.

Листик убрал свою руку, и тот облегченно вздохнул.

– Легче вселить в тело душу, чем изменять конструкцию, – продолжал чародей, – если ты хочешь, чтобы человек работал, то скорее назначишь дворником Его Наимудрейшества, чем приделаешь веник вместо руки. Так и тут – вещи работают, если вселяешь в них понимание, для чего они созданы.

– А свет, что горит у вас ночью? У фонарей тоже души?

– Да, – чародей улыбнулся, – у них души светильников.

– И они не против гореть без масла?

– А чего они будут против? У них восьмичасовой рабочий день. Днём эти души свободны, и покидают тела, чтобы, допустим, выпить баночку света, сыграть в догонялки. Или поспать.

– Ого, – Листик присвистнул, – совсем как люди.

В небе летали орлы, сильные гордые птицы, спустившиеся с гор.

– А их, – капитан посмотрел на небо, – их вы тоже ставляете работать?

– Зачем, – чародей изумился, – их души слишком чисты, чтобы мараться о дело. Мы благодарны орлам за одно только их появление.

Из "Приключений Листика"

Тусклый свет люстры, подвешенной к потолку, освещал круглую залу. Стены, пол, потолок – всё было каменным. Как и стол, который стоял в центре, круглый, как и само помещение.

За столом заседали. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь мужчин, в одинаковых серых плащах, с обрюзгшими и немного застывшими лицами.

Весь стол занимала карта, кончавшаяся строго по его периметру, и свет, собранный зеркалами, подвешенными с разных сторон висящей над залой люстры, освещал эту карту столь хорошо, сколь хорошо оттенял сидевших.

Каждый сидевший не видел того, кто сидел напротив, а потому только слушал, и лучше обдумывал сказанное.

Какого-то особого места не было. Все сидевшие в зале были равны.

Если бы вы вдруг сумели забраться на люстру, и глянуть оттуда вниз, вам бы казалось, что вы на равнине и смотрите вверх, на ночное небо, настолько рисунок на карте напоминал Белую Россыпь.

Однако это было не просто пятно, каким видят Россыпь с равнины, и не скопление маленьких точек, если подняться на башню. Да, точки здесь были, да, пожалуй что яркие, но все они были собраны в небольшие окружности. Между этими окружностями тянулись тонкие линии и струились какие-то надписи на непонятном чужом языке. Кое-где на пересече-

нии линий находились уже не окружности, составленные из точек, а более интересные символы – треугольники, звезды, квадраты, где-то вписанные, где-то не вписанные в такие же звёзды, квадраты, окружности, помеченные цветами и подписанные такими же буквами.

В самом помещении не было окон, не было даже дверей. "Как же попали сюда эти люди?" – спросите вы.

И тогда я проведу Вас к стене, и попрошу надавить на чуть выпирающий камень. Вы надавите, поначалу легонько, потом посильнее. И вдруг этот камень уйдет, сдвинется вбок, а вместе с ним и другие, обнажая проём, достаточный, чтобы пройти человеку. "Смелее" – шепну я на ухо и дам Вам фонарь. Скрепя своё сердце войдете Вы в темноту, и увидите лестницу. Ступенька, другая, Вы будете опускаться всё ниже и ниже, с обеих сторон будут стены, и слева, и справа, тёмные, каменные и немного холодные. Вам будет страшно, и Вы сожмёте фонарь, как самое ценное, желая одно – чтобы он не погас, пока не закончится спуск. И он не погаснет, и спуск закончится. Вы попадете в тоннель, и продлите ваши молитвы. Из тоннеля ступеньки поведут Вас наверх, все выше и выше. И наконец Вы упретесь в какую-то дверь, и поймете, что это не дверь, а тупик, а может, и дверь, но она вроде заперта. Да, заперта. А ключа у Вас нет. Вами овладеет отчаяние, Вы пойдете назад, и пройдёте весь этот путь, но проём будет закрыт. Вы постучитесь, но Вам не ответят. В отчаянии сядете вы на ступеньки, и будете ждать.

И думать – ах, лучше б остался на люстре.

– Пожалуй, начну, – сказал человек с сильно посаженным голосом, – тема нашего заседания вам известна. Мы эту тему уже обсуждали, так, между собой. Теперь пришло время прийти к какому-то общему мнению.

– Хриплый, мы в курсе, – ответили справа.

– В курсе, – сказали напротив. И громко вздохнули.

– Мысли? – спросил председатель.

Справа прокашлялись:

– Ну, мысли на этот счёт разные. Кажется, стражи уходят, их учение оказалось ошибочным. С другой стороны, гильдия обладает очень большим запасом прочности, и авторитет не может взять и рассыпаться. В одночасье... Моё мнение следующее – да, стражи уйдут, но это случится не скоро. Процесс будет долгий и постепенный. Со всеми вытекающими обстоятельствами.

– То есть болезненный?

– Да.

– Особых потрясений не будет, – ответили слева, – стражи собрали воинов. Никто, кому выдали предписание, не отказался. В Прихолмье придут все. Ну, кроме, возможно, Приморья – там своих проблем выше крыши.

– Да? – удивился Хриплый, – откуда сведения?

– Невинный, наш осведомитель.

– Невинный? Это тот, который потерял дневник?

– Ннн... Это не он потерял дневник. Дневник потерял Ло-

бастый. Невинный тут ни при чем.

– Но он был рядом.

– Лобастый его отпустил. Всё случившееся – его собственная инициатива. А Невинный инициативу не проявляет, он совершенно такой... безынициативный. Зато хороший исполнитель. Сообщения Невинного всегда достоверны. Абсолютно.

– Даже так?

– Да. Он ни разу ещё не ошибся.

– Конечно, причастный?

– Кандидат.

– Без артефакта?

– Без.

Наступило молчание.

– Хорошо, – Хриплый выдержал паузу, – нужен прогноз.

– Я уже говорил, войны не будет.

– Будет, – возразили напротив, – стражи обязательно делают глупость.

– Я согласен, – ответили справа, – что-нибудь будет.

– Скорее всего нет.

– Равнина гудит, – сказал председатель, – всё зависит от личности. От того, кто стоит во главе этого муравейника. Лично я считаю, что со времен Шестипалого Шестой – лучший из стражей.

– Что значит лучший? – спросили напротив, – если быть твердым – можно сломаться. В ситуации, когда тебя ненави-

дит полмира, нужно проявлять гибкость.

– Шестой всегда проявляет гибкость.

– Позвольте не согласиться. Закрывать глаза, если на эти глаза положили монеты – не гибкость.

– Согласен, – ответили справа, – жадность сыграет со стражами шутку. Весьма неприятную. Они погонятся за монетами и растеряют остатки авторитета.

– Стражи сами виноваты в том, что случилось, – прошумел чей-то голос. Казалось, что вместе с голосом кто-то раздувает кузнечные меха, – Они поверили в сказки Шестипалого. Если бы позиционировали себя как силу, способную объединить человечество, всего бы этого не было.

– Стражи и возникли как последователи Шестипалого, не было бы Шестипалого, не было бы и стражей. Сейчас поздно что-то менять, гильдия слишком инертна, а народ её ненавидит. Стоит ей попытаться отыграть всё назад, как от порядка, сложившегося после войны, не останется камня на камне.

– Нет. Руководящий центр останется руководящим.

– Каждый Лес станет самостоятельным.

– Войны не избежать.

– Войны не будет.

– Довольно, – Хриплый прервал перепалку, – в любом случае условия игры поменялись. Мы пытались этому помешать. Но, что случилось – случилось. Дневник прочитали. Чтобы что-то решить, нужно начать с главного – вызывает ли подлинность дневника хотя бы какие-нибудь сомнения?

– Сложно сказать, – сказал тихий и вкрадчивый голос, – Вроде бы да. Нашли то его на Острове. Но написать можно что угодно и когда угодно. То же учение два пэ, самое неоднозначное. Начнем, хотя бы, с названия. Почему два пэ? Я не уверен, что даже уважаемые члены Совета знают причину. На самом деле всё просто. Кто-то зовёт основателя Проклятым, кто-то Просветлённым, вместе – два пэ. И что же пишет этот основатель? А он, почти как автор дневника, пересказывает свои ощущения. И утверждает на полном серьёзе, что бывал там-то и там-то, видел то-то и то-то, беседовал с Богом, посещал его в первые минуты творения. Возможно, дневник то же самое. Кто-то придумал историю про мерзкого Бога, которому нравится издеваться.

– Вы, наверное, плохо цитали дневник, – ответил мужчина с сильным озёрным акцентом, – И потом, Церпеливый не мог ошибиться. Проведзя на Острове дзень, он наверняка забрал самое главное.

– Терпеливый, – председатель нахмурился, – он отдал жизнь, чтобы дневник не попал в чьи-то руки. Значит, знал его ценность.

– И в то же время вручил его первому встречному, – ответили справа.

– Вы имеете в виду Лобастого? – спросили напротив.

– Я имею в виду паренька. С Длиннолесья.

– Ах, этот.

– Замечание, Холёный, – Хриплый смотрел в упор, хотя и

не видел лица собеседника, – Лобастый был членом нашего ордена. Он многое сделал, и сделал бы больше, если бы не ошибся. Прошу не отпускать колкости в адрес нашего брата, пускай и бывшего.

– Что-то Вы так не думали, когда согласились его загасить.

Хриплый напрягся. Он решил помолчать, ожидая поддержки.

– Мы все согласились, – спокойно ответили слева, – нельзя допустить, чтобы секреты Ордена вышли наружу. Лобастого могли отдать стражам, а что может делать Застывший, мы знаем. Прошу сохранять холодную голову и не вступать в перепалки.

– Замечание принято, – ответил Холёный, – приношу свои извинения.

– Хорошо, – Хриплый продолжил, – как всё случившееся отразится на Ордене? Какие будет иметь последствия для его благополучия? Средний, Ваши предположения?

– Если, как я считаю, стражи останутся у власти, – ответили слева, – значит, правила прежние, и благополучию тоже ничто не грозит. Если же стражи совершат ошибку и порядок сломается, в чем я глубоко сомневаюсь (Холёный прокашлялся), ну... Допустим, будет существовать восемь центров. Совет старейшин каждого Леса... Но это почти ничего не меняет. Мы живем на холмах, в Верхнем Лесу, и не подчиняемся власти. Ни стражей, ни Совета.

– Меняет, – прохрипел председатель, – нам нельзя допу-

стить разрозненности. Это обязательно приведет к конфликтам, а значит, поставит под сомнение нашу главную цель. Человечество должно быть едино, как едина Белая Россыпь.

Холёный усмехнулся:

– Человечество не будет единым. Стражам доверили власть, чтобы они держали порядок, а вместе с властью большие возможности. Но большие деньги всегда стоят рядом с большими возможностями. Не дневник безымянной девочки погубит гильдию, подумаешь, Обиженный оказался садистом (сидящие зашевелились). Новость из прошлого, мы живем в настоящем. Гильдию погубит жадность. Падая, она увлечет за собой всё, куда сумела залезть. Война ресурсов покажется приятным воспоминанием. Поэтому в наших интересах не дать гильдии слохнуть.

– Поддерживаю, – сказали справа.

– Поддерживаю.

– Поддерживаю.

– Поцерживаю.

– Поддерживаю.

– Да, – Средний помедлил, – в любом случае падение стражей совсем нежелательно. Поддерживаю.

– Поддерживаю, – Хриплый склонился. В свете люстры сверкнул стеклянный глаз председателя, – теперь перейдем к горожанам.

– Какой приятный свет, – Мутный провел рукой по све-

тильнику, – белый, ровный. Как будто светит солнце... Это не масло, – сказал он подумав, – масло так не горит.

– А Мне вот нравится хлопать в ладоши, – Первая ударила раз – свет погас, ударила два – загорелся.

– У них тут всё не как у людей, – Мутный сделал отмашку. В воздухе появился рисунок с пульсирующей точкой посередине, – мне кажется, это карта. А это – мы, – он показал на точку.

Парень задумался.

Потом посмотрел на браслет.

Тот светился мягким, голубоватым светом. "Как камни Заводья" – подумал Мутный.

И вспомнил, как в детстве любил разглядывать подарки, привезенные дядей. Среди них было и ожерелье, собранное из ярких разноцветных камней. Эти камни светились, так же загадочно и необычно. Особенно когда оденешь. Словно тепло человеческих тел превращается в свет. Мама одевала ожерелье, а Мутный не мог оторваться, и всё глядел, глядел...

Но браслет был не каменным, запястье не натирал. Мягкий и гибкий, как будто из кожи, но все же не кожаный. Так из чего же он сделан?

– Послушай, – Мутный прижал к себе девушку, – давай оставим браслет. И убежим.

– Предложение заманчиво, – Первая положила руки на плечи, и посмотрела в глаза, – но как ты его откроешь?

– Не беспокойся, – Мутный коснулся спины и стал целовать – щеки, глаза, кончик носа, но губы манили, и он задержался.

Девушка застонала.

– Да... – парень боролся с дыханием, – да...

Спустя полчаса, вконец обессиленные, они лежали на той же кровати и рассматривали браслеты.

– Зачем же снимать? – спросила девушка, – вещь красивая. На равнине можно продать, за хорошие деньги.

– Ты проводница, – ответил Мутный, – и думаешь как проводница.

Первая встала над парнем и посмотрела в упор. Волосы лезли в глаза, и Мутный зажмурился.

– Зато я самая веселая девчонка на Посту, а ты, – девушка опустила ниже, – самый занудный мальчишка. Из Длиннолесья.

– Хорошо, хорошо, я не прав, – парень раскинул руки.

– И всё? – обиделась девушка, – ты даже не будешь бороться?

– Зачем? Бесполезно. Переспорить женщину невозможно. А с красивой спорить и вовсе бессмысленно.

– Вот не пойму, – задумалась девушка, – ты говоришь комплименты. Но что-то не так. Какая-то муть.

Парень надулся:

– Меня не изменишь. Там сидит шкодник и постоянно бормочет, – он посмотрел за плечо.

– И меня не изменишь, – девушка стала тереться о нос. Своим вздёрнутый носиком.

Спустя полчаса, еще более обессиленные, они всё так же лежали в кровати и разглядывали браслеты.

– Зачем его снимать? – спросила Первая, – вещь красивая.

– Ты говорила.

– Нет, правда.

– Не знаю, – парень заложил руки за голову, – это как будто клеймо. Такими клеймили разбойников.

– Старейшины тоже носят.

– Но они снимают и одевают. А этот защелкнул и – цык. Как будто капкан. Мне это не нравится.

– Давай попытаемся снять.

– Во имя Обиженного, ты согласна, – Мутный присел.

– Ну мы же не пленники. Делаем всё, что хотим, – девушка улыбнулась.

Парень коснулся браслета и попытался его разобрать. Тщетно.

– Надо что-нибудь острое. Например, гвоздь.

– Возьми, – девушка вынула шпильку. Непонятно откуда – волосы были распущены.

Мутный пытался протиснуться в щель, но шпилька при этом скользнула и уколола.

Первая оторвала кусок от лежащего на столе полотенца.

– Давай, – сказала она, после того, как замотала запястье.

Мутный нахмурился. Ему казалось, что шпилька соско-

чит и снова сделает больно.

"Оставь" – хотел он сказать.

И не сказал – Первая держала браслет. Точнее, две половины.

И улыбалась.

"Какая она красивая, когда торжествует" – думал парень, и улыбался в ответ.

– Теперь снимем мой, – ответила девушка, – я сама.

Взяла свою шпильку и стала протискивать в щель. Браслет разошелся.

– Какая ты замечательная, – поддел её Мутный, – так и хочется сделать замечание.

– Да ну тебя, – Первая засмеялась.

– Пойдем.

– Куда?

– Наружу.

– Вначале покушаем, – девушка подошла к столику, накрытому кушаньями и выловила аппетитный кусок, – я пвогодавась.

– Вначале оденемся, – Мутный смотрел взглядом усталого хищника, – а то я не выдержу.

Пришлось одеваться.

Город Надежды не был похож ни на что. Даже примерно.

Казалось, что все строения стоят на одной высоте. Словно вначале выровняли площадку, нанесли сетку улиц, и только потом стали строить дома – квадратные, высокие и почти

одноцветные. Между домами виднелись рощи – в основном это были березы, но попадались и клёны, и ели, и сосны – короче, те же незримые, что росли на равнине.

Всё однообразное многообразие этого города было заботливо скрыто под сводом, похожим на свод гигантского купола. И на поверхности этого купола, словно звезды из "Приключений", были рассыпаны огоньки.

Но горожанам и этого было мало. Вдоль улиц тянулись столбы, тонкие, словно поросль незримого леса. На вершине светился шар, по виду стеклянный. Светился мягким, рассеянным светом, как в солнечный день. Этот свет не мигал, не менял свою яркость, и совсем не давил на глаза.

Да, если бы не скучная однообразная застройка, здесь можно бы было остаться. Как сказала им Любящая, горожане ведь так и жили, посещая холмы только днём, большей частью во время работы. Может, им запрещалось, может, они не хотели, а может, не у всех была такая возможность. Но город бурлил, внутри громадной пещеры, не растекаясь наружу. И Первая теперь понимала, отчего у бывших островитян такая светлая кожа.

"Почему бы вам не поселиться у нас, и не построить там город?" – спросила она как-то у Любящей. Понимая, что город затмил бы всё – и Посты, и селения Леса, даже прекрасные городки Междуречья. В межсезонье это было бы самое популярное место на свете, а во время пылающих горожанам нечего бояться – за время жизни на острове островитяне

стали прикрытыми.

"Не всё так просто, – вздохнула Любящая, – горожане не любят равнинников. Те их когда-то предали, уплыли и не вернулись. Нам пришлось выживать, спастись от тех же сожжённых, а после от их потомков. В межсезонье сидеть в темноте. Спасибо хранителям, приютили".

"Не все так просто" – повторила за женщиной Первая. И стала думать о паучках – тихих, умных и безотказных. Она вспомнила "Приключения Листика", где главному герою помогал уродливый карлик – маленький человечек с огромной душой. "Я-то их не влюбила. А они, гляди, помогают – и людям, и пестрокрылым".

Много раз Первая с Мутным спускались в город, они потеряли счёт суткам, но каждая эта прогулка их волновала. И возбуждала. Всё накопленное возбуждение они разряжали потом, когда возвращались в каюту (так жители города называли свои комнатухи). Чтобы заснуть, и снова отправиться в город...

Здесь были харчевни, где всё выдавали бесплатно. Театры, где можно смотреть представление, любое, на вкус. Смотреть на большом полотне, что было ещё интереснее, чем если смотреть вживую. Пускай не всё, не всегда, было понятно, ведь жизнь горожан – не равнина, но думают все одинаково, и желают примерно то же. Первая с Мутным грустили, Первая с Мутным радовались, так же, как грустили и радовались актёры.

Здесь можно было играть в различные игры, к примеру, в мяч. Игра напоминала нога-рука-тело, в которую Первая часто играла в детстве, за исключением маленького обстоятельства – мяч был нарисован. Но при этом скакал даже лучше, чем настоящий.

– В чём же секрет? – крутила руками Первая, – все эти повозки, мячи, представления?

– Не знаю, – Мутный задумался, – Может, они используют души, но только предметов. Помнишь, ты говорила. А может быть, магия. Вот магнетит, есть такой камень в Заводье, к нему прилипают предметы. Наверное, магия.

– Магия, – девушка улыбалась, – души предметов. Как интересно.

Люди здесь были приветливые, но чуточку отстраненные. Как будто всё время тревожились.

Первая вспомнила Любящую.

"Город Надежды – корабль", – говорила та с придыханием.

Старейшина города звал себя капитаном, комнатки называли каютами. Чем шкодник не шутит, думала девушка? И, бывало, с тревогой смотрела наверх, а может, и не с тревогой – надеждой, ожидая услышать звук, тот самый звук, что уже слышала, читая о "Веточке" – звук парусов, расправляемых в небе, и почувствовать телом, как город подался, всей мощью, вперёд, и плывёт, сквозь пещеру...

Здесь говорили иначе – быстро, как будто глотали. Иногда исчезали звуки, а бывало, слова. Первая с Мутным привык-

ли, и порой замечали, что сами так говорят.

В этот раз они решили лететь далеко.

Девушка посмотрела на карту:

– В левый угол, – сказала она уверенно.

– Назад то вернёмся?

– А как же? Я проводница.

В левом углу оказалось темнее. И как-то тоскливее. Здания были черные, совсем не такие, как в центре. Город пуст. Абсолютно.

– Здесь пусто? – спросила девушка. Скорее, сказала, – здесь пусто.

Мутный мотал головой, как брума, которая хочет прислушаться:

– А мы без браслетов...

Первая прямо опешила:

– Добрых суток, цветок плащенокски. Это же ты так решил.

– Сняла то их ты.

– Изумительно, – девушка улыбнулась.

Мутный пожал плечами и взял её за руку.

Бродить в этой части не было смысла, и они решили вернуться.

И тут слышали стоны.

Далёкие, но отчетливые.

Это не было механическим звуком, или звуком, которое издавало животное (хотя Обиженный его знает, какие в предгорьях животные). Это стонал человек.

В другой части города они бы его не услышали. Но здесь было тихо, подозрительно тихо, а контуры каменных зданий, строгие и высокие, заставляли прислушиваться.

Звук раздавался из дома, такого же, как и другие дома в этой части. Он звучал глухо, и это было понятно – стены то толстые. И Мутный подумал – каково это там, внутри этих стен.

– Пойдём, – прошептал он чуть слышно. И развернул к себе девушку.

Но та увернулась.

Мутный вздохнул, и отправился следом.

Внутри было тускло.

Свет от светильника, который тянулся вдоль черной и пыльной стены, словно светящийся меч "Приключений", освещал довольно крутую лестницу. Один пролёт этой лестницы поднимался вверх, другой уходил в подвал.

Стонали внизу.

– Идём, – промолвила Первая, и поёжилась – здесь было холодно. Мутный взял её за руку, и они стали спускаться.

Ступенька, ступенька...

Лучше идти по тёмному Лесу, тёплому тёмному Лесу, слушать стрекотание ангелов, видеть их крылья, чем опускаться в холодный сумрак, и слышать стон, в котором сквозит безысходность.

Лестница загибалась и уходила всё ниже, звуки звучали всё громче...

Наконец спуск закончился.

И показался проём. В большое тусклое помещение.

Внутри были клетки.

Трое пустых. Из четвертой слышался стон. Громкий, похожий на крик, он заполнял собой комнату, лестницу, здание, и терялся на улицах. В самой безлюдной части самого населённого города.

Сквозь сумрак слабо горящей лампы, подвешенной перед входом, они увидели человека, точнее, его очертания. Одежда в серое, а, может быть, грязное. Человек как-то съёжился, сжался в комок. Он обхватил свою голову и стонал:

– Аааа.... Аааа....

Первая попыталась войти. Она дёрнула прутья, в надежде, что клетка откроется, но решетку что-то держало, держало намертво, хотя замка вроде не было.

– Кто это Вас? – спросила она у сидевшего, громко, чтобы несчастный услышал.

Человек приподнял свою голову и посмотрел. Казалось, он видит Безухого, самого страшного шкодника, причём в самом мерзком его воплощении.

– Не надо! Не надо! – кричал он отмахиваясь.

Потом вдруг поднялся и стал прижиматься к стене, как будто хотел исчезнуть, войти в эту стену, замуроваться, – убейте! убейте! Вы обещали!

– Мы не хотим тебя убивать! – Первая пыталась перекричать этот визг.

– Нет! – продолжал человек, – не отдавайте меня! Не надо!
На лестнице послышались шаги.

Сердце учащенно забилося, капельки пота проступили на лбу, несмотря даже на то, что в помещении было холодно.

– Сюда, – Мутный толкнул девушку в нишу.

Сидящий вдруг замолчал.

Он услышал.

Шаги приближались, сердце стучало, глаза хотелось закрыть, но они открывались. Всё шире и шире.

В проёме возникли двое. В тёмной одежде, тёмных плащах, чёрных масках в районе глаз и сапогах, которые глухо стучали по полу. Один высокий и крупный, с пухлыми почти пунцовыми губами и головой, сидящей на толстой шее. Второй пониже, широкий, как будто кузнец. У этого шеи не было, а голова просто привинчена к телу.

– Его? – спросил он у первого.

– Ну а кого? Ты здесь ещё кого-нибудь видишь? (Первая вжалась в Мутного).

– Не надо, – сказал человек, в начале чуть слышно, потом закричал, – не надо! Не надо!!

Второй приложил какой-то предмет, и клеть отворилась.

Потом достал из-за пояса палку и ударил оравшего в голову.

– От судьбы не уйдешь.

– Он сам накаркал судьбу... Живой? Посмотри, – высокий чуть наклонился.

Коротышка потрогал лежащего:

– Дышит... Ты знаешь, я всё-таки профессионал. Хозяева будут довольны.

– Они не хозяева. Мы с ними так, поскольку. Скоро решится, Молот, скоро, возможно, решится...

– Скажи, Телец, – спросил коротышка, – а что делать с этим? Ну знаешь...

– С Ветром? Так он не подход?

– Может, его, того? Тоже?

– Нет, – ответил высокий, – я не могу рисковать. Эти, как ты говоришь, хозяева, могут сделать всё что угодно. Могут определить его в няньки. Могут оставить для опытов. Мне нужно, чтобы он сдох. Если всё вдруг получится и мы окажемся там... понимаешь?

Коротышка кивнул.

– Ээээй! – закричал он в проем.

Из проёма вышли ещё два человека, но без плащей, с рукавами в каких-то манжетах.

– Несите, – сказал коротышка, и пнул лежащее тело, – словно мешок. С фекалиями.

Высокий загоготал.

"Как он противно смеется" – подумала Первая. Ей не хотелось бы снова когда-нибудь услышать этот гортанный смех.

Мужчину схватили за руки, за ноги и потащили.

Высокий шёл следом.

Коротышка закрыл решетку, и осмотрел помещение. Он

почти дошел до той самой ниши, в которой сидели гости, но постоял, а потом повернулся

Десять минут Первая с Мутным сидели, боясь шевелиться, не то что сказать.

Медленно-медленно вышли они из ниши. Озираясь по сторонам, прислушиваясь к звукам, думая об одном – лишь бы кто-нибудь не попался. Всё это время держались за руки, так, что побелели костяшки пальцев. И попытались расслабиться только тогда, когда разглядели повозку. Ту, в которой приехали.

Но там уже кто-то стоял.

Сердце забило и упало куда-то вниз.

– Любящая, – крикнула Первая, как только смогла приглядеться.

Первый раз в жизни она радовалась этой встрече. Было желание прыгнуть на шею, расцеловать, эту милую женщину, которая улыбалась так, что хотелось размазать эту улыбку по такому красивому и вечно довольному лицу.

– Ну и зачем? – спросила она у девушки, – зачем вы ломали браслеты?

Первая с Мутным стояли, держали друг друга за руку – и молчали. Два непослушных ребёнка. Словно бы ждали, что если они будут стоять так и дальше, их не накажут.

– Ладно, – сказала женщина, – полезайте.

– Ты думала, мы сбежали? – спросила у Любящей Первая, как только повозка поднялась

Женщина вскинула бровь:

– Сбежать вы отсюда не сможете. Ну если недалеко. Всё равно ведь вернётесь. Можно угнать машину, чёрного ангела. Но тогда придется иметь дело с Хвостнем, а это непросто.

Девушка вспомнила, что вытворял капитан воздушного судна, и поняла, что непросто – сказано мягко.

– Браслеты нужны для вашей же безопасности. Если бы вы гуляли, пешком, я бы вас не нашла. Но у машины есть метка, и где эта метка – известно.

– А можно удрать на повозке? – зачем-то спросила Первая.

– А вот этого делать нельзя, – ответила женщина, улыбнувшись самой лёгкой из арсенала своих улыбок, – повозка, или машина дальше города не полетит.

– Да мы бы и не удрали.

– Я знаю, – сказала Любящая, посмотрев на сидящих так, словно пыталась о чем-то вспомнить, – то, что мне нравится в вас, людях равнины – ваша детская непосредственность. Вы широко живёте, широко любите, – женщина вздохнула, – это шикарно. Но мы этот шик потеряли.

– Вот зараза, а? – герцог посмотрел на Упитанного, – а еще дознаватель. Ведь должен же знать, что добиться от человека признания это как вычистить пыхчика.

Он незаметно лягнул ножку стула. Стул рухнул. Вместе с привязанным телом.

– Фу, сколько пыли, – Длинноногий закашлял, – вы хоть когда-нибудь убираетесь?

Упитанный молчал. Он лишь сурово смотрел на Бледного, как хозяйка смотрит на нашкодившего питомца.

Бледный заохал. Он попытался перевернуться на спину, и снова свалился обратно.

Капитан хотел поставить всё так, как и было – не потому что ему жалел валявшегося, скорее, любил порядок, но герцог остановил:

– Отойди, Упитанный, отойди. Не видишь – человек решил полежать. А ты его сразу на попу. Нет в тебе сострадания.

Капитан ухмыльнулся и лихо поправил усы. Картина доставляла ему удовольствие. Сам Бледный, зловещий дознаватель Червивого, лежал в ногах. И стонал.

Герцог посмотрел на лицо капитана.

И подумал, что хватит. Хорошего понемногу.

– Иди, Упитанный, отлей. Ну или там, прогуляйся. А мы побеседуем.

– Давай, Бледный, по-хорошему, – сказал он после того, как капитан подчёркнуто плотно закрыл за собою дверь. Мне про тебя всё известно.

– Откуда? – прохрипел дознаватель, всем видом пытаясь сказать, что источники бывают ошибочными.

– Ты считаешь, я идиот? Откуда... У меня есть дядя, у которого есть жена, которая общается с подругой. У этой по-

други есть сын, а у сына невеста. У этой невесты тетя, которая работает в канцелярии его святейшества. Понимаешь? Нет?! Объясню по-другому. Потому что у тебя яйца разного размера! Кретин!

Герцог пнул дознавателя в пах. Тот съежился и застонал.

– Нет, это неправда, мой герцог, – зачем-то ответил Бледный. Ох, лучше бы он молчал...

Длинноногий изобразил удивление:

– Да?? А меня уверяли, что... Надо исправить.

Бледный застыл, широко открывая глаза.

– Думаешь, я не сделаю? Думаешь практики маловато? – герцог опустил к лежавшему, и прошептал, – правильно думаешь, любое дело надо доверять профессионалам... Чёрный!

Дверь отворилась, и в комнату вошел высокий молодой человек, в красивой красной рубахе с засученными рукавами, заправленной в широкие штаны. В своей правой руке он нёс небольшой деревянный ящичек, из которого выглядывали очень необычные инструменты. И очень непонятные. Однако Бледному они показались почему-то знакомыми. Ящичек приковал внимание.

– Чёрный, – начал Длинноногий, – поработайте с яйцами господина дознавателя. Бывшего дознавателя. И, возможно, бывшего господина. Как говорится, слово не шестилап, выбежит – не поймает. Сказано – разные, значит разные. А если нет, то... не обессудьте. На нет и суда нет. Короче, фан-

тазируйте, импровизируйте. Молодой человек, всё в ваших руках...

Черный улыбнулся, поставил свой чемоданчик, и еще выше закатал рукава.

– Не надо, не надо, – прохрипел лежащий мужчина, ползая вместе со стулом. От того постоянно спокойного дознавателя, которого боялось селение, не осталось и тени. Бледный умоляюще глянул на юношу, потом посмотрел на герцога, и заплакал:

– Мой герцог, пожалуйста. Пожалуйста. Я правда не...

– Хватит! – оборвал его Длинноногий, – раньше надо было думать. Твоё признание, собственно, даже не нужно. Я все это делаю так, во имя искусства. Пока. Работайте, думайте, исправляйте...

И вышел.

Капитан стоял на крыльце.

– Ну что, капитан, готов идти до конца? Или ты тоже, как этот?

– Да я... Да мне... – Мужчина расправил плечи. Грудь подымалась, глаза выражали волю.

– Да я... Да мне... – поддразнил его герцог. Из дома слышался крик, и Длинноногий, взяв капитана под руку, тихонько увёл подальше, – скоро будет Совет. Сколько за нами, не знаю. Надеюсь, что много. Озёрники тоже приедут. Упитанный, – герцог вздохнул, – я знаю, мы сможем. Двадцатидневная попытка закончится, – крики слышались снова,

будто бы намекая, что не всякая пытка кончается, – Длиннолесье будет свободным. Как Озёрный, Девятый, – герцог закашлял, – Девятый постольку поскольку.

– Мне-то что делать? – спросил Упитанный.

Герцог глядел в эти яркие незамутненные глаза, чистые, как у недавно рождённого, и думал, каких же помощников послал ему Случай: один умный, но подлый, другой вроде верный, но глупый.

– На-блю-дать, – сказал он с улыбкой, – Всё, иди. Иди, Упитанный, с Богом.

Капитан развернулся и зашагал, выполняя приказ. Нарочито уверенным шагом.

Герцог вздохнул и вернулся обратно.

В домике было тихо.

"Неужто раскололся?" – подумал Длинноногий, но заходить не стал, а сел на крыльцо и задумался.

Он сам пригласил старейшин Длинного Леса. Селения Светлого, Благочестивого и даже Граничный поселок уже прислали своих представителей. Скоро приедут другие. Приглашение выслали и воинам, хотя, по слухам, всё это войско отправилось к стражам. Побежало по первому зову.

От этого собрания зависит многое. Если большинство скажет "нет", ничего не изменится. Кроме одного обстоятельства – ему наступит конец. Сдадут даже местные. Возможно, останутся верные, типа Упитанного, а может, и тот убежит.

Но выбор сделан, и отступать уже поздно. Он как тот брума из сказки, что несётся вперед. Бегуны так и охотятся – один гонит, другой поджидает. Зверёк развернуться не может – колёсики всё же не лапы, и врезаются в хищника.

Дверь заскрипела, на крыльцо вышел Чёрный.

– Ну что? – спросил его герцог, даже не оглянувшись.

– Сознался, – практик вытер ладони.

– Яйца проверил?

– Проверил. Хозяйство господина дознавателя на месте.

– Бывшего дознавателя.

– Как вы и говорили – одно больше другого.

Герцог повернулся.

И посмотрел на юношу.

Тот наклонился к горшку и нюхал какой-то цветок, чистый, невинный, он улыбался во весь свой широкий рот. Самый лучший практик дознавателя. Самый любимый практик.

– И что, тебе его не жалко?

– Кого?

– Ну твоего бывшего начальника.

– Дерьма-то? – парень вдыхал аромат.

– Это я спросил, чтобы понять, что испытывает человек в такой ситуации, когда щемит яйца тому, кто считал его лучшим учеником, – объяснил Длинноногий, – я так-то книгу пишу, мне нужно знать, что происходит в душе человека, какие он при этом испытывает эмоции, ну понимаешь...

– Понимаю.

– Ничего-то ты не понимаешь, – герцог вздохнул, – ладно.

Что ему стражи велели?

– Велели ждать. Сказали, указания будут позже.

– Это хорошо. Значит, скоро появится ангел. Если, конечно, он действовал в одиночку, – Длинноногий смотрел на Чёрного. Тот не моргнул. "Этот вряд ли, – подумал герцог, – или я не разбираюсь в людях от слова совсем".

– Иди, убери за бывшим, – велел он практику, – даже отсюда воняет. И, слышь, посади его в дом, его собственный. А то, боюсь, ангел развернется и улетит. Стражи там как-то по-особому их дрессируют, чтобы не просто летали, по адресу, а передавали нужному человеку. Пускай прикуют, основательно. Можно к стойке кровати. Понял? – практик кивнул, – охрана должна глядеть. В оба. Если что-то пойдет не так – сам понимаешь.

Чёрный ушёл.

– Эх, молодежь, молодежь. Этот мир. Куда же он катится? Шарик... Но говорят ведь, не шарик, плоский как блин. Или шарик? Или всё-таки плоский?

Герцог пошёл по дороге. Сзади, как будто привязанный, волочился охранник. Да пусть бы даже Заговорённый. Разве это спасет? Если придут, держи он хоть целую гвардию, вместе с Упитанным, толку то.

Вся надежда теперь на Совет.

Бросить вызов самой могущественной гильдии на равни-

не. Безумец...

– Отпустите. Мы не воюем с народом, – заступник сидел в затенённом помещении и глядел через полупрозрачное стекло. Такое стекло пропускало свет, шедший оттуда, и то лишь отчасти. Лица тех, что сидели здесь, были невидимы.

Поэтому актеры смотрели в зеркало, видя свои побитые рожи, и не знали, что с той стороны эти рожи кто-то разглядывал.

– Возьмите обещание, что больше подобного ставить не будут. Хотя... всё равно ведь будут. Народ такой народ, – старик посмотрел на Застывшего.

Экзекутор кивнул.

Он прошел в помещение, где сидели артисты, и что-то сказал.

Глаза сидевших смотрели почти не моргая. Они, казалось, не верили в то, что свободны, и ожидали подвоха.

"Мы сами виноваты, – Шестой наблюдал за эмоциями, – мы превратили гильдию из инструмента поддержки в инструмент наказания. Ну что же... раз это так, значит так будет и дальше. Никогда не меняй направления".

Сидевшие, казалось, подуспокоились и уже более смело глядели на стражников. И даже с каким-то вызовом. Парень – так тот вообще развалился на стуле и, наверное, ковырялся бы пальцем в носу, если бы руки не были связаны.

Экзекутор вошёл обратно, закрыл поплотнее дверь и по-

смотрел на заступника. Вопросительно. Хотя, конечно же, нет. Смотрел он никак, потому как застывший.

– Отрубите те пальцы, которыми они играют. И отпустите, – Шестой сказал это ровным почти безразличным тоном, как будто отвечал на вопрос своего личного повара, какое же блюдо готовить.

Он наблюдал, как изменились лица артистов, как раскрылись глаза, после того как стражники их встряхнули и экзекутор что-то сказал.

– Нннееет! – юноша упирался, пытаясь прижаться к полу, вдавиться в нарисованные окружности, но его несли, будто мешок, набитый соломой. Тогда он, возможно, жалел, что такой худосочный. Наверное, первый раз в жизни.

Мужчина же просто повис. Челюсть упала, язык показался наружу, руки висели, как плети и почти что касались пола.

Краем глаза заступник косился на экзекутора. Что-то понять по лицу Застывшего было нельзя, впрочем, как и всегда, и он перевёл взгляд пониже, ожидая увидеть то, что увидел. В штанах у Застывшего стало тесно, казалось, непрочный материал вот-вот разорвётся, и выпустит их содержимое.

Шестой отвернулся.

Он вспомнил, как в детстве мечтал стать лекарем, чтобы облегчить страдания. В итоге подался в стражи, стал лекарем душ. Точнее, не сам – в семье богатого торговца сыновей отдавали в самые престижные гильдии.

Но он не знал, что такое душа, он её ни разу не видел. У зримых души есть, это правда, но у незримых...

Потом, уже в юности, он внимательно прочитал учение Просветленного, как называют этого недоделанного пророка последователи Озерного края. Пресловутый Два Пэ считал, что душа и тело Бога суть одно, они неделимы и представляют собой нечто целое. А значит, у человека, созданному по образу Божию, всё едино. То есть душа совершенна, она, как у Бога, вошла в полную гармонию с телом. Зримые души – несовершенны, у них души и тела разлучаются. А незримые наоборот, к ним таинство Расставания неприменимо. К ним применимо таинство Растворения. Когда тело разлагается, отдавая себя природе, то же самое делает и душа, растворяясь и наполняя собою мир.

Шестому нравилось это учение, оно казалось более законченным, чем учение Шестипалого и куда менее противоречивым. Но тогда, на заре своей юности, он впервые встретил людей, подобных Застывшему, и понял, что не всякой душе следует растворяться. Сказка, рассказанная Просветленным (он же Проклятый, он же Два Пэ) слишком прекрасна, чтобы быть правдой. А, значит, опасна, как всякая ересь. И, как со всякой ересью, с ней надо бороться.

Заступника затошнило. Он взял свою трость и медленно встал со стула. Боль не давала покоя. Вот уже которые сутки она только усиливалась. К тому же появилась одышка.

Старик вышел на воздух и огляделся, выискивая глазами

посыльного.

– Серого. Зови... – выдохнул он подбежавшему.

И сел на ступеньку, стараясь вытянуть ногу. Это никогда не приносило облегчения, но почему-то казалось, что, если он вытянет её максимально свободно, она отвалится и прекратит его мучать. Ну или хотя бы исчезнет. На время.

Заступник вздохнул.

Жёлтый свет саммачих деревьев падал на окружающую обстановку и возбуждал и без того беспокойные мысли.

Длиннолесье хочет уйти вслед за Краем. Скоро в одном из селений соберется Совет, на котором появится этот... как его... герцог. Они могут принять решение, которое, если пройдёт, может всё поменять. Если уйдёт Длиннолесье, уйдут и другие. Кроме, возможно, Прихолмья.

Быть главным в Прихолмьем – значит, быть главным нигде. Здесь находятся центры различных духовных гильдий, которые имеют свои целеполагания, а учение Шестипалого молча считают внешней и не всегда необходимой обузой. Пожалуй, Прихолмье отвалится тоже.

А стражи станут чем-то вроде ордена древоведов. Хотя, может быть, хуже. Ведь против ордена нет аргумента, доказывающего его ненужность. А против гильдии существует дневник.

Поэтому нужно действовать. В борьбе побеждает самый отчаянный, самый дерзкий. Кто не будет обдумывать ход, а просто его совершит.

– Заступник?

Шестой повернулся на голос.

Перед ним стоял невысокий худой человек в какой-то рыбьей чешуе, покрывавшей щеки и скулы. Высокий ворот рубашки был поднят, и из-под этого ворота смотрела такая же серая кожа.

– Садись, Серый, рядом.

– Я постою.

– Садись.

Чешуйчатый сел.

– Длиннолесье? – старик спросил это тихо, чуть наклонившись к сидевшему.

Тот вынул записку и аккуратно её развернул.

"Герцог не решится что-либо предпринять. Большая часть старейшин осталась за стражами. Скорее всего, присягнет вам на верность. И это всё я. Жду награды"

Заступник разгладил помятые уголки и посмотрел на головки брумидов.

Из дома слышались крики.

– Когда прилетел плащеносец?

– Седьмые сутки. Десять Часов.

Старик улыбнулся.

– Герцог решил со мной поиграть. Да как выражается. Нет, вы послушайте. "Присягнет вам на верность, это всё я, жду награды". Ему бы книжку писать, этому герцога, а не лезть в серьёзные игры.

– Я тоже подумал, что что-то нечисто. Никогда ведь так быстро не прилетал.

– Это очевидно, Серый, это очевидно, – старик взял свою трость, и стал рисовать. Три круга, соединенные линиями. Символ гильдии стражей, – на этом герцоге клейма негде ставить. Начиная с того, как он вообще сделался герцогом, в нарушение всех традиций. Эх, Серый, Серый. Если бы мы не закрывали глаза на всякие безобразия, всего бы этого не было.

– Но кто же знал, Ваше Святейшество.

– Кто знал, кто знал... ты что-нибудь слышал о каменном масле?

– Горючая жидкость. Кажется, где-то в Озерном.

– Она хорошо горит. Очень хорошо... Ты когда-нибудь видел, как горит Лес?

Серый посмотрел на заступника:

– Зримый Лес почти не горит. Может, молния, но она должна быть чудовищной. Со времён Шестипалого...

– Времена меняются, Серый. Мы пишем историю, – старик показал своей тростью куда-то вперёд, будто протыкал воображаемого врага, – не они, мы пишем историю. То, что раньше было немыслимо, становится возможно. Обиженный умеет не только жалеть, но и наказывать.

Серый смотрел, не мигая:

– Обиженному будет сложно покарать. Даже если кто-то прольет каменное масло. Случайно.

– Я что, идиот? – старик посмотрел на служника, – я знаю, Серый, я – знаю, – ногу пронзила боль. Шестой пытался её переставить, но сделалось хуже, – Есть орден какой-то там карты. Малоизвестный. Но очень влиятельный. Скажу больше, Серый. Многие торговцы состоят в этом ордене, самые богатые из торговцев, – он перешёл на шёпот, – так что, сам понимаешь.

Служник кивнул.

– Их цели нам не известно, – продолжал старик, – известно только, что молятся они на Белую Россыпь.

– Проводники?

– Да, в этом ты прав – проводники тоже молятся, и тоже на Россыпь. Но лишь тогда, когда потерялись. А эти всегда, – Шестой с облегчением откинулся. Боль вроде как отпустила, – сутки назад они прислали письмо, и в этом письме предлагали помощь. Невинного знаешь?

– Искатель?

Заступник кивнул.

– Он многое знает об ордене. Даже знаком кое с руководством. Так вот, Невинный уверяет, что у ордена есть шары. На которых можно летать.

Старик посмотрел на служника. Чтобы увидеть реакцию.

– Я слышал, такое возможно, – реакции не последовало, – воздухоплавание, кажется, так. Если об этом сказал Невинный, думаю, можно верить.

– Ты правильно думаешь, Серый.

Наступило молчание.

– Я понимаю Ваши опасения, заступник, – тихо сказал секретарь, – Но тут мы уже не поможем. Нам остается ждать и молиться. Возможно, Обиженный смилостивится.

– Возможно, – старик поднялся. С усилием. В желтом свете саммачьих деревьев словно отблеск огня сверкнула застужка, – как там решит Совет... Всё, Серый, иди.

Служник кивнул. И ушёл. Медленно, словно под тяжестью мыслей.

Заступник глядел ему вслед.

"Мы пишем историю, – слышал он собственный голос, – Не они, мы пишем историю".

Веры не осталось, осталась воля. Воля победить, или погибнуть.

Бросить вызов самой природе. Безумец...

Солнце под потолком почти достигло зенита. Огромное куполообразное помещение было полностью заполнено народом.

– Здесь далеко не все, – объяснила Любящая, закрывшись рукой, настолько ослепительно было под сводом. Грудь поднималась и опускалась, словно волнуемая Залом, Залом Надежды – так называли его горожане.

Площадка, на которой они стояли, была заполнена меньше. На этой площадке, словно на мостике, находились лишь самые главные, те, что готовят корабль к отплытию.

– Отплытие. Что это такое и чем оно будет? – поинтересовалась Первая.

Любящая посмотрела на девушку и улыбнулась:

– Отплытие – всего лишь такой оборот. Правильнее сказать "возвращение".

– И все-таки – как?

– Неисповедимы пути Обиженного. Мы даже не знаем, зачем же он нас наказал. Тем более непонятно, как он вернет нас назад. Может, перенесет всех на Остров, а Остров отправит обратно. Может, только людей. Или город Надежды.

– Но вы же уверены, что вернёт.

Женщина сперва не ответила. Она посмотрела на солнце, которое подымалось всё выше, почти незаметно, как подымается в том самом мире, где жили их предки.

– Хранители обещали – вернёт, – сказала она вполголоса, – А если вдруг не захочет?.. Ну что же. На всё есть решение.

– А если мы не хотим?

– Нет ничего невозможного. Ведь это Создатель. Вы – часть равнины, как скажете, так и будет. Равнину оставить сложнее. Те, что живут в этом месте, сплелись с окружающим миром, возможно, Богу сложнее порвать эти связи. Гораздо легче отправить Город Надежды, с Островом или без. С другой стороны, – женщина усмехнулась, – откуда я знаю, что ему легче?

– Скоро, совсем скоро! – кричал чей-то голос. Откуда

он раздавался, понять было сложно. Голос гремел повсюду, словно это сам город говорил с горожанами.

Первая вздрогнула.

– Как скоро? – спросила она.

– Это знают хранители. И это знают крылатые. Пестрокрылые. Легенды этих существ хранят точное время и место, когда проснется Обиженный. Или Ээф, – Любящая взглянула на девушку, – это случится в конце десятого сезона.

– Так это вот-вот.

– У нас четверо суток.

– Мы не успеем, – ответила Первая, представив, какие же горы огромные, как в них легко потеряться. К тому же, время, проведенное в городе, похоронило любое желание путешествовать. Девушка считала себя горожанкой, и отрывать свою попу, куда-то срывать ей не хотелось.

– Если только на ангеле, – подсказала она.

– Успеем, – женщина улыбнулась, – мы отправимся через сутки. И не на ангеле, ангел не полетит. Мы отправимся ножками.

– Ножками?

– Ножками.

Девушка сдвинула брови:

– Там, наверное, холодно.

Первая не забыла предгорья, перед пещерой хранителей, не забыла тот холод, что доставал до костей. Ээф, как сказали ей Пестрокрылые, спал выше. Гораздо выше.

– Одежда у нас очень тёплая, – успокоила Любящая, – да и идти далеко нам не надо. Город Надежды построен поблизости.

– От места, где спит Создатель?

– Да. От Обители.

– Обители?

– Так мы зовём это место.

Девушка фыркнула. Она вспомнила легенду, которую когда-то поведал Коо́.

Давным-давно, рассказывал тот, Ээф поселился в горах. Он спустился к Народу Холмов, он спустился к Народу Равнины (тогда пестрокрылые жили везде).

Посетил их Господь и увидел, что живут они хорошо. И решил погостить.

Это было прекрасное время. Каждый, кто видел Ээфа, радовался близости Господа, и каждый стремился стать лучше. Казалось невероятным, что существо, сотворившее Мир, из всего того многообразия, которое было создано, выбрало их. И именно с ними ведёт беседу.

Долго летал Ээф. Наблюдал, как живут творения. Общался Народом, рассказывал о Вселенной, о трудностях и особенностях быта в том далеком высоком мире, откуда пришел.

Многое не понимали пестрокрылые, но всё-таки слушали. "Трудно быть Богом" – вздыхали они.

Но пришло время прощаться. И Ээф пригласил их к себе.

В то место, где появился. Народ выбрал слушающих, тех, что подымутся к Богу, попросаются и вернутся. С новым заветом.

Поднялись слушающие, и услышали Бога. И спустились обратно.

– Теперь мы знаем, где спит наш Господь, – сказали они, – Давайте поселимся ближе, и будем ждать пробуждения.

– Нет, – возразили другие, – мы не можем покинуть сестёр.

– Да и холодно там, – ответили третьи.

– И кушать там нечего, – сказали четвертые.

– У нас же есть избранные, – подсказали пятые, – они совершили свой выбор и скоро уйдут на покой.

– Да, – подхватили шестые, – Только они достойны Ээфа.

Так и решили. С тех пор пестрокрылые оставляли тела своих братьев, что отдали душу их сёстрам, рядом с жилищем.

Дни проходили, проходили ночи. Межсезонья сменялись сезонами, солнце появлялось и гасло.

И вот Ээф пробудился.

Лучшие из лучших встали у входа и собрались приветствовать.

“Чем так воняет?” – подумал Господь и открыл свои веки.

У жилища лежали трупы. Много, много трупов.

Возмутился Ээф и ударил своим хвостом.

– Уберите мертвецов, – сказал он сердито, – Не надо зава-

ливать вход. Лучше сжигайте. Дым от костра уйдёт к небесам, считайте – поднимется к Богу.

– Мы больше не будем, – ответили слушающие и стали оттаскивать мёртвых.

Первая вспомнила, как долго она смеялась. Не столько над тем, что рассказывал пестрокрылый, сколько над тем, как он рассказывал. Многим хорош их народ, но с юмором туговато.

– А вот и он, – вернула к реальности Любящая.

К ним приближался мужчина.

– Сударь. Сударыня, – мужчина слегка поклонился, – рад приветствовать вас в нашем городе.

– Наш капитан, – женщина улыбнулась, – а это наши герои. Они представляют равнину. Лучшую часть.

– Ах молодость, молодость, – зачем-то сказал капитан, – как вам в пещере?

– Неплохо, – ответил Мутный

– Терпимо.

"Где-то я слышала этот голос, – подумала девушка, – вот только где?"

Мужчина отвёл женщину в сторону и что-то стал объяснять. Та отвечала. Эти двое общались так, как будто только они контролировали происходящее. И только они решали. Одна и правда решала многое, а вот второй...

– Станный тип, – сказала Первая вслух, – Как будто я его где-то видела.

И посмотрела на Мутного.

Тот посмотрел на девушку.

Их взгляды встретились, и Первая поняла, что за тип разговаривал с Любящей.

– Ты не ошиблась, – Мутный взял её за руку, – Это он.

– Командир!

Коренастый воин, который не брился, наверное, с тех самых пор, как они покинули Длиннолесье, смотрел почти с вызовом. Заговоренный даже забыл его имя, настолько он утонул в своих собственных мыслях. И в этом знакомом запахе. Запахе лагеря.

Но всё-таки вспомнил:

– Да. Говори, Гнусавый.

– Народ волнуется, командир. Почти пятьдесят суток, а мы стоим. Какого шkodника? У меня вон, – он слегка оттянул рубашку, – к телу прилипла.

– Так отдай в прачечную.

– Ха! Для этого надо идти в другой конец лагеря. Да жалко всё-таки, вдруг потеряют. Моя вон сама стирала.

– Ну если ты не можешь проследить за своей одеждой, что говорить об оружии. Завтра сдашь взводному.

– Командир...

– Иди.

Гнусавый потопал на месте, как будто хотел что сказать, но, сплюнув, ушёл.

– Зря ты так, – воин в черной рубашке, черных штанах, черной повязке на лбу, заросший черной как смоль щетиной смотрел уходящему вслед, – люди устали. Если бы было дело...

– Ты, Острый, не видишь главного, – командир посмотрел на сотника, и опустил свою голову, – зачем мы стоим. Думаешь, нас позвали на сборы? Постоять и уйти?

Сотник нахмурился.

– Так это правда? – спросил он вполголоса.

– Да, Острый, правда. Совет Старейшин играет в какие-то игры. Поэтому нас и вызвали.

Воин знал, о чем говорит командир. Гильдия подчинялась двум разным центрам – стражам в Прихолмье и Совету старейшин Леса. И если два этих центра вступали в конфликт, то воины шли за первым, кто отдаёт приказ. Такое было в Приморье, во время рыбацкой войны – воины этого Леса остались верны Совету. Слава Обиженному, всё закончилось быстро.

– И что теперь? – Острый нахмурился, отчего стал чернее, – война?

– Войны не будет. Во всяком случае, я на это надеюсь. В Длиннолесье раскол, голосовали почти что поровну. Когда вернемся, многие передумают. А сила за нами.

– Так это герцог, – рука мужчины легла на эфес, – скользкий тип... Вот только не понимаю. Ладно бы этот. Но почему остальные? Они же знают, что мы вернемся.

– Я тоже не понимаю, Острый. Совсем. И потому беспокоюсь.

Заговорённый смотрел вперёд.

Лагерь, в котором две сотни. Суровых отчаянных мужчин, посвятившим свою жизнь изнурительным тренировкам. Почти весь отряд Длиннолесья. Дома остался маленький гарнизон, дома осталась дочь. Что там у них, неизвестно. С тех пор, как завязли в Прихолмье, не прилетал ни один – ни Важный, ни Крепкий.

К ним приближался всадник. Ярко-зеленый плащ, на груди такого же цвета эмблема – три круга, соединённые линиями. Он направил прыгуна в самую гущу воинов, то ли по неопытности, то ли из-за свойственного его гильдии призрения ко всем остальным, отчего тут же узнал о себе много чего неприятного. Не отреагировав на сказанное ни единым мускулом и даже не повернув головы, парень посадил животное и сразу отправился к командиру:

– Его Святейшество будет здесь через сутки, – сказал он с таким серьезным и важным лицом, что стоявшие рядом воины прыснули.

"Как эти стражи высокомерны, – подумал Заговорённый, – даже безусый юнец ведет себя так, как будто может приказывать командиру отряда"

– Передай Его Святейшеству, пусть бережёт свои нервы, – сказал он настолько спокойно, насколько взволнованным казался прибывший, – мы здесь. Уходить не намерены.

Посыльный открыл было рот, но тут же закрыл. Спокойный вид командира отряда Длинного Леса действовал отрезвляющего на любого, кто хотел возразить.

– Если устал с дороги, прошу, – Заговоренный кивнул головой в сторону большой длинной палатки, – сотник, отведите молодого человека в столовую. И пусть покажут барак.

– Нет-нет, я не устал. Всего хорошего, – последние слова парень выговаривал уже на расстоянии, после чего вскочил на толком не отдохнувшего прыгуна, и унёсся, оставляя позади хохот десятков мужчин. Наконец то они увидели хоть что-то забавное во время этого бесконечного стояния.

– А ведь у некоторых зажиточных торговцев есть обычай отдавать одного сына в стражи, другого в воины. Это же какая разница в воспитании, – промолвил сотник, задумчиво теребя свою бороду.

– Все зависит от человека, Острый. Хотя, пожалуй, ты прав – если назвать голубя уткой, он начинает крякать.

– В Заводье говорят – если назвать прыгунчика брумой, он встанет на колёса.

Заговорённый улыбнулся:

– У вас в Заводье красивые поговорки. А я вот ни разу не видел вашего озёрного прыгунчика. Говорят, у них тоже колёсики.

– Они скачут на средних лапах. А колёсики помогают плавать.

– Вот как.

– Ну на то они и озёрные... Эх, командир, – сотник вздохнул, – оставим всё и уедем в Заводье. Дочка твоя уже выросла, время на службе ты отработал. Пора подумать и о себе.

– Когда всё закончится, Острый. Когда все закончится. Но нас двоих не отпустят.

Сотник задумался.

– Такие места, ты бы видел... – сказал он мечтательно.

– Уедем, Острый, обязательно уедем. Я давно тебе обещал, что побываю в Заводье. Но, кроме тебя, даже не знаю, на кого оставить отряд.

– Палёный, он справится.

– Я подумаю.

Сотник кивнул:

– Пора, командир. Ухожу на разведку.

– Береги себя, Острый. Без тебя тут никак, – Заговоренный пожал запястье. И улыбнулся. Второй раз подряд. Заговоренный, который редко когда улыбался.

С Острым было легко, вся тяжесть куда-то стекала, и вечно серьёзный командир отряда Длинного Леса становился чуть более похожим на того самого Задорного, которого помнили. Да, были даже такие.

Это при том, что сотник и сам был не слишком весёлым, а улыбался... нет, сотник не улыбался.

Но он был честным, открытым. Если что говорил, то по делу, грустил по делу и по делу отчитывал подчиненных. Лучший фехтовальщик в отряде, изящный, будто прыгун и

изворотливый, словно струйка. Он был не слишком быстрым, но, когда фехтовал, казалось, всё замирает. Как будто умел обращаться со временем – и оно подчинялось.

Прекрасное всегда неторопливо.

Воспоминания возвращались, они никогда не оставят в покое.

Заговорённый подошел к арене. Воины как раз тренировали "танец скорпиона", один из самых сложных элементов в их тренировках. Суть в том, чтобы заставить противника сцепиться холодным оружием, и, пока заняты руки, ударить ножом, который ты прячешь в ноге. Сам элемент был коварным, здесь не было честного единоборства, но однажды в открытом бою этот танец спас ему жизнь. Правда, в его руках не было даже оружия. Противник настолько боялся Заговорённого, что отразил его руки, как будто в каждой из них по кинжалу. И поплатился.

Сам удар называют "укол скорпиона", ну или "воспа", как кому нравится. Заговорённый предпочитал второе – он знал, что такое восп, каждый житель равнины знал, но скорпион – животное "Приключений", а значит, мифическое, подобно драконам, медведям и львам. Воспы – всё-таки ближе, понятнее.

Мужчина остановился.

Воины всю жизнь тренируются, оттачивая своё мастерство. Десятки стоек, танцев, ударов. Но порой хотелось всё бросить, и уехать в Заводье, уже навсегда. Хотя бы в память

о ней.

Воспоминания возвращались, они никогда не оставят в покое.

– Ангел! – крикнул дозорный.

Заговорённый смотрел на небо.

В красивом тёмно-синем наряде, редком даже для ангела леса, в небе кружил плащеносец.

Намотав с десяток кругов, чтобы привлечь внимание, животное село на стойку. Это был Важный, тот самый, которого они отпустили, как только встали в Прихолмье.

Однако он не прогуливался вперёд и назад, как делал это обычно, и не щебетал, чтобы ему уделили внимание. Ангел просто стоял, сложив свои крылья. "Как будто его только что вынули из воды... Или огня" – подумал Заговорённый, разглядывая странные подпалины по бокам.

– Кто ж тебя так? – ласково спрашивал воин, в то время как командир доставал из кармашка письмо. "Без конверта" – удивился мужчина, зная, что Быструкая обычно ничего не забывала.

Собравшиеся расступились, понимая, что написанное может быть адресовано только Заговорённому.

"Два слова" – подумал мужчина, пытаясь осмыслить написанное.

И осмыслил.

– Герцог, – сказал он губами.

Командир передал письмо в первые руки, и зашагал к са-

мой дальней палатке, понимая, что вляпался.

"Длиннолесье горит" – пронеслось по отряду.

"Длиннолесье горит, Длиннолесье горит, Длиннолесье горит..."

Два слова звучали в лагере, два слова не выходили из головы, и каждый переживал их по-своему.

Деревья уже остыли.

Кое-где дотлевали последние угли и слышался треск. Обугленные стволы всё так же тянулись вверх, но листья скукожились, и сквозь обгоревшие ветви виднелось небо. Небо пылало.

Шли сорок седьмые сутки десятого сезона двадцать первого Угасания.

"Слухачи, наверное, сходят с ума" – подумала Синеокая, вспоминая, как сжал черепушку Сипатый. Он лучший, да что значит лучший, последний слухач в их селении. Когда-то их было больше, когда-то был Мутный, но Мутный исчез, и теперь, говорят живёт на Посту, с какой-то там вертихвосткой.

Синеокая вспомнила, как удивилась. Нет, поначалу она не поверила. Потом удивилась. Мутный – прикрытый? Да, это как если сказать, что Корявый старейшина.

В детстве они играли в опасные игры. В самом конце межсезонья ходили к опушке, вставляли в ряд и ожидали пылающих. Спиной к Длинному Лесу. Специально брали Красиво-

го, сына дозорного – затем, чтобы не сдал их родителям. И заодно подсказал, когда всё начнётся. И начиналось. Именно тогда Синеокая и нашла в себе дар – сопротивляться пылающим. А Мутный, укуси его шкодник, бежал. Почти сразу. С первым сполохом в небе. Даже Пытливый, и тот оставался, а Мутный бежал.

Слухачи были первыми, кто заметил пожар. Вернее, почувствовал. Почувствовал что-то неладное.

Деревья вдруг закричали. Сипатый метался, велел собираться, бежать. Но куда? И зачем?

Потом пришел запах. Как будто жгли шкуры.

Потом показались животные. Бегуны и саммаки носились, как разъярённые воспы, а люди бежали в дома, искали засовы, пытались закрыть, но закрыть не могли – ведь до этой поры засовы не трогали. Засовы никто никогда не использовал.

Налетели и сами воспы – самое страшное в зримом Лесу. Налетели и стали кружить.

А потом стало жарко.

Поселок окутал дым. Дышать было нечем.

И люди начали вылезать.

Родители хватали детей, кутали в плед, убегали.

Но куда? Кругом стоял дым, и разобраться, что и к чему, было трудно.

Где-то кричали "сюда!", где-то "назад!", кто-то вопил, сыпал проклятия. Люди начали задыхаться, многие падали, теряли сознание и становились жертвами пламени.

Это был ад.

Пожар разгорался, распространяясь на новые земли, всё шире и шире. Но, дойдя до какой-то черты, замирал, не решаясь продвинуться дальше. Притом как-то резко, как будто горело то, чему гореть предназначено. Как будто пожар – не хаос, а строгий расчёт.

Когда развеялся дым, стали считать потери. Червивого, Дельного, Рудный, Заречный и ещё два посёлка – сгорели. Военный, Граничный – задело, как и посёлок Светлого, родное селение Синеокой.

Кто-то кричал, что огонь пришел в наказание, что это кара Обиженного, что он не потерпит отступников. Другие зывали к ответу, проклиная при этом герцога.

Кто не верит в Обиженного, ходили понурые и озадаченные. Лес горел сверху. А это значит, что сверху пришёл и огонь. Спалить Зримый Лес могла только молния.

Однажды подобное было. Однажды молния чуть не убила пророка, первого стража-заступника, но всё же ударила в дерево. И расколола его пополам. Оно сгорело, почти моментально. Остался обугленный ствол.

Но это было однажды.

Листья зримых деревьев сочные и просто так не горят. Древесину живого дерева не сожжешь. И даже, пускай, гроза – но почему же её никто не услышал? Небесный огонь, но без грома?

А запах?

Говорят, перед пожаром слышали запах. Сладковатый, какой-то прокисший. С деревьев стекала жидкость. Но что это было? Масло? Откуда на небесах взяться маслу? А может, сочились деревья? И сами себя подожгли?

Бред...

Синеокая бродила с прикрытыми и искала выживших. Несколько раз пришлось переворачивать трупы, в том числе и детей. Это было несправедливо, страшно несправедливо, всё это хотелось развидеть. Но как? У неё у самой есть ребенок. Огонь пощадил её дом, и селение Светлого по большей части не пострадало. Но радоваться и даже благодарить Обиженного Синеокая не могла. Не время для радости...

Внутренности выворачивало, но, когда пару раз стошнило, стало немного легче. Девушка потеряла счёт тому времени, что ходила по пепелищу. Есть не хотелось, да и съешь она что-то – всё выйдет наружу.

Из загона несло чём-то жареным. И слышалось стрекотание. Острокрылы, падальщики зримого мира, заедали свой страх, тот ужас, что испытали совсем недавно.

Синеокая вспомнила, как однажды, вместе с ребятами, решила проверить, едят ли ангелы жареное. Пожарили пару носатиков, захотели скормить плащеносцу. Не получилось. Родители их отчитали, да так, что дети забыли и о носатиках, и об ангелах, и о том, для чего всё затеяли.

Ну вот, как видно, едят.

Девушка усмехнулась.

Но это была не усмешка, всё, что её окружало, вызывало одно отвращение. Других ощущений не было.

Выживших всё же нашли. Одна старуха лежала навзничь. Нога была сломана, лицо обгорело. Но она продержалась и даже сохранила рассудок. Парень, тому повезло меньше – огонь почти не задел, возможно, он потерял сознание, когда падал, но листья скукожились, небо открылось – и стало сводить с ума. Тронутый бормотал заклинания и почти не видел спасателей, он видел что-то другое, невидимое, куда постоянно тянул свои руки, и разговаривал с теми, кого рядом не было.

Да, тронутого уже не спасти, можно облегчить страдания. На это есть лекари.

Бывают, кому везет. Взять, к примеру, Корявого, сельского плотника. Двое суток бродил под пылающими, головой повредился так, что не мог говорить, да что говорить – не держал даже ложку. А через год уже вылечился. Строгал, вырезал – как обычно. Лекари – те всё время кружили около дома, заходили, беседовали. Пока Корявый их не послал. Но они приходили к соседям, выпивали, закусывали. Кто-то из них сказал – Корявый одним глазом не видит, поэтому разум его повредился наполовину. Ну а потом та половина, что оказалась здорова, стала сильнее. Ну, потому что здорова.

Но Корявый – явление уникальное, исключительное, утешительный анамнез, который только подтверждает неутешительный диагноз, как любят шутить в этой гильдии. Редко

кому везёт. Да и вылечился плотник не до конца. Смеялся к месту и не к месту. А однажды зашёлся так, что пришлось привязать.

Обычно же тронутые до конца своих дней живут в общем доме – большом, в решётчатых окнах, без башенок, и там постоянно кто-то дежурит. Режим, занятия, вроде вязания, спокойные, монотонные, прогулки в закрытом дворе, и всё это время присмотр – а вдруг что случится. Подобных домов немало, один вот сгорел. И что там случилось с жильцами – Синеокая это не знала.

Девушка взяла обгоревшую палку и стала ломать уголёк. Ещё не истлевший. Совсем недавно на этом месте была стена. Большого красивого дома. Видимо, сделан он был из незримых, возможно, березы. Или сосны. Те, что были из зримых, стояли. Пускай обгорелые.

Да, подумала девушка, то, что сезон – это к лучшему. Было бы трудно бродить в темноте, наполненной дымом, прислушиваться, чтобы услышать стон, переворачивать тело, светить фонарем. А потом вспоминать эти лица.

"Эгоистка, – Синеокая бросила палку, – думаешь о себе". Хотя, будь сейчас межсезонье, ее бы и не послали. Бродили бы лекари, ну или кто там покрепче – талант у прикрытых такой, что нужен в пылающие.

Раньше девушка редко видела смерть. Первый раз умирал её дедушка. Потом умирал её дядя. Он умер от какой-то страшной неизлечимой болезни. Иссохший труп, почти что

скелет впечатлил тогда так, что она целый месяц ходила убитая.

Но сегодня девушка видела больше.

Гораздо больше.

Под остатками бывшей стены Синеокая заметила труп. Почерневшая рука с остатками обгоревшего мяса торчала из-под развалин того, что когда-то кому-то было жилищем. Запястье этой руки было охвачено толстым кольцом, а от кольца начиналась длинная цепь, и эта цепь тянулась к железной кровати, точнее её каркасу – все деревянные части выгорели. Синеокая покопалась в потухших углях, горелых, но до конца не сожжённых досках, и раскопала лицо, местами обугленное, с пустыми глазницами, но ещё сохранявшее какое-то подобие человеческой маски.

Девушку стало тошнить.

– Пошли, – сказала она своим спутникам.

И обомлела...

Рука сжала пальцы. Раз, другой, третий. Тело, погребенное под стгоревшими досками, забилося в конвульсиях. Голова дёрнулась вправо, потом дёрнулась влево. Из груди слышалось бульканье. Запах стоял тошнотворный, и Синеокая сморщилась.

– Воды, – прохрипел умирающий. Прошипел. Остатками рта. Синеокая схватила флягу, которая висела на поясе и поднесла к почерневшим губам. Но это были не губы, скорее, оскал, из-под которого проступали кости с целыми нетрону-

тыми зубами.

Сопровождавшие девушку спутники стали искать носилки. "Поздно, – подумала Синеокая, – его не спасти". Она удивлялась, как этот труп мог шевелиться, не то что разговаривать. Да ещё попросил воды. Девушка знала людей с очень низким порогом боли, её подруга не замечала укусов, а однажды, сломав свою ногу, ходила. Но чтобы вещать с того света...

– Герцог, – человек мотал головой, как будто пытался увидеть.

"Мы же в селении Червивого" – вспомнила Синеокая.

– Герцог далеко, – сказала она.

Человек замер на время, как будто прислушиваясь.

– Заступник, – умирающий трясся, – это всё он. Но зачем?

И повернулся в ту сторону, откуда услышал голос:

– Они хотели спалить Озёрный, – прохрипел умирающий, как будто собрав последние силы, хотя эти силы должны были кончиться, – И Девятый. Предупредите. Они...

Синеокая слушала. Но было поздно. Труп замолчал.

Прибежавшие тут же носильщики молча смотрели на тело.

– Пойдёмте, – шепнула девушка.

И задрожала.

Сны. Это сказочный мир. Похожий на этот, но всё же другой, параллельный. Он открывает себя, когда засыпаешь. И

закрывается, только проснёшься.

Сны, что видела Первая, всегда были красочны. Она пыталась запомнить, каждый свой сон, и, проснувшись, часто лежала, не решаясь открыть свои веки. Боясь потерять сновидение.

А когда-то даже записывала, в тетрадь. Толстую, сшитую из многих школьных тетрадей. Эта тетрадь до пор лежит на Посту, под грузом увесистых книг. Когда-нибудь она её прочитает. Вернее, перечитает. Когда-нибудь, когда снова окажется дома.

Кому-то снятся кошмары. Но Первой они не снились. Девушка даже не знала, что это такое. И однажды спросила у бабушки.

– Счастливый ты человек, – ответила та, – если не знаешь. И посмотрела с улыбкой.

Эх, бабушка, бабушка, тебя бы в мои сновиденья. Они бы стали прекраснее.

Но бабушка в сновиденья не приходила.

Зато приходили другие.

И однажды пришёл целый город. Город Надежды.

Сегодня ей снилось, что он подымается, будто по волнам – и медленно уплывает. Подавая вперед свою мощь, сквозь большой необъятный проход. Как будто бы рядом стоит Косматый и указывает на звезды, и говорит, что это не звёзды, а звёзды появятся позже, как только корабль выйдет море, и поплывёт уже дальше, к далёкому Острову.

– Тебя не тошнит? – спросил он у девушки. И посмотрел ей в глаза, – а то ведь качает.

– Нет, – ответила Первая, наблюдая, как ветер схватил её волосы, – я же морячка.

– А то ж, – парень держался за снасти, улыбаясь широкой рыбацкой улыбкой, – пронзи меня бивень! Я знал!

Волосы лезли в глаза, щекотали губы и ноздри.

Но это было прекрасно.

Выйти наружу. Забыть своё прошлое и начать новую жизнь. С новой строчки. С новой главы. С новой книги.

В глазах зарябило...

Она смахнула с лица налетевшие пряди и посмотрела на Мутного.

Мутный смотрел на неё.

– Как думаешь, видят ли сны пестрокрылые? – спросила вдруг девушка.

– А я разве знаю? – парень присел на кровати, – нашла, что спросить.

– Ну плащеносцы же спят? Редко, но спят. Значит, и сны они видят.

– Видят, – ответил Мутный.

– Интересно, что же им снится?

Парень пожал плечами.

– Быть может, Ээф? – продолжала девушка, – А может быть, горы? Тебе снятся горы?

– Не знаю.

– Наверное, после нашего путешествия мне будут сниться горы, – девушка заморгала.

– Не слишком ли много у нас путешествий? – нахмурился парень.

– Скажи, а ты бы остался здесь, в этом городе?

– Нет, – Мутный ответил сразу, – я же с равнины. Мне нужно небо, мне нужен Лес. Но не пещера.

– Мне тоже, – вздохнула Первая, – интересно, что на Посту? Мы пропустили пылающие.

– Не первые и не последние.

– Да, оно так. Только... Мутный?

– Ну.

– Что значит “ну”?

– Ну ты же чего-то хотела.

– Будто не знаешь.

– Знаю, – парень склонился над девушкой.

В дверь постучали.

– Какого? – спросила Первая.

– Это я, – ответила дверь. Голосом Любящей.

– Зачем же так рано?

– Ладно. Даю полчаса. И спускайтесь.

– “Даю полчаса” – повторила за женщиной Первая. И улыбнулась. Так это здорово получилось, что Мутный чуть ухмыльнулся, что, собственно, означало улыбку, – нам хватит?

– Вполне.

Прошло полчаса, и наши герои, довольные, разомлевшие, спускались по лестнице.

– Знакомьтесь, – сказала Любящая, – Висмут и Кобальт. Эти люди нас доведут. До места.

Мужчины кивнули. Один молодой, высокий и жилистый. Второй постарше, заросший как рудокоп из Заводья. На черной одежде в районе груди красовалась нашивка – что-то подобное рогу, который заточен снизу. Со стороны казалось, что это охранники, а может, и конвоиры. Первой не хотелось верить в последнее.

– Я решила внести изменения, – женщина посмотрела в глаза. Мутному, Первой, – Мы. Уходим. Сейчас.

– А торжество? Проводы, слезы? Последние напутствия? – девушка приуныла.

– Всё это лишнее. Как сказал один классик: "Прекрасное не терпит суеты".

– "Прекрасное всегда неторопливо".

– Вот-вот. Поэтому и уходим. Чтобы спокойно, неторопливо дойти. Церемония состоится, но нас в этой части будет. И пусть капитан рвёт и мечет – мы далеко. Примерим? – женщина показала на свёрток.

Капитан. Первая вспомнила. Она давно хотела спросить, и всё не решалась.

"Потом", – подумала девушка, и развернула одежду.

Это оказался комбинезон, похожий на те, в которых работают рудокопы. Ну или гимнасты, на представлениях. Свет-

ло-серого цвета, закрывающий тело, от верха до низа. Легкий, просторный, но, кажется, теплый. Хотелось надеяться. Она не забыла предгорий, не забыла тот холод, что проникал сквозь одежду и доставал до костей.

– Надеюсь, я не замерзну.

– Не беспокойся, – ответила женщина, – он сделан из шкур остролапов.

Первой это ни о чем не говорило.

Но проводница увидела, что Любящая одевает такой же, и сомнений уже не осталось – да, шкуры у остролапов действительно вещь.

Она натянула боты, толстые, высокие и тоже обитые шкурами. Девушка заметила, что боты подогнаны по размеру, хотя и не помнила, чтобы кто-то снимал с неё мерку.

– Пойдем впятером? – поинтересовалась она. И оглядела собравшихся – комбинезоны были похожие, но Висмут и Кобальт носили ещё и эмблему – всё тот же серебряный рог.

– Да, – ответила женщина, – мы представляем исходы. Тех, что покинули Остров. Первый – когда стоял день, – женщины посмотрела на Мутного, – вторых, что приплыли ночью.

– Это я? – спросила у Любящей Первая.

– Ты и потомки первых проводников. Тех, что первое время жили на корабле, не решаясь сойти на равнину.

– Так вот почему флюгер похож на корабль, – “И вот почему это флюгер. Стрелка флюгера показывает туда, откуда

приходит ветер, а ветер приходит с моря”. Девушка даже не удивилась, откуда Любящая всё это знает, настолько правдоподобно казалось объяснение. Теперь она вспомнила, что говорила ей бабушка: "вначале проводники жили на корабле". "Эх, бабушка, бабушка, а я-то не верила, думала, это легенда. Но кто-то совсем посторонний сказал мне о том же, и я ей поверила. Да, странно устроены люди".

– И третий исход – это мы, те, что живут в этом городе, – закончила женщина – есть, правда, ещё и четвертые. Но это уже не исход...

– А Висмут и Кобальт?

– Они провожатые, и будут нас ждать. Пестрокрылые не хотят, чтобы к Богу ходили толпами (Первая фыркнула). Причём просили, через хранителей, чтобы взяли тебя. Они тебя любят.

– Тогда понятно, – последнее замечание женщины девушка пропустила. Ну или сделала вид, что не слышала, – понятно, почему именно мы представляем человечество.

– Я рада, – та улыбнулась и протянула запястье, – пора уходить. Чем раньше мы это сделаем, тем проще будет в дороге. Надеюсь, сезон не закончится.

Все пятеро вышли из дома.

Редкие прохожие останавливались и смотрели, как будто слегка озадачены.

– Сейчас узнают, кто мы такие, и прибегут, – заметила женщина, садясь в большую повозку. Позади провожатые

поспешно складывали провиант. Да еще небольшой сундучок. Так аккуратно, как будто в том сундучке что-то особое, к примеру – душа. “Души предметов” – вспомнила Первая, и улыбнулась.

Когда провожатые сели, повозка качнулась.

И полетела – не медленно, как это бывало обычно, во время прогулок, а быстро, как будто за ней погоня. Первая так не летала – ни раньше, на прыгуне – ведь это тоже полёт, какие-то двадцать метров прыгун проводит в воздухе, ни в обществе пестрокрылых. Ну, может, на чёрном ангеле, но тогда она даже не поняла, что летела, и ощущений особых не было.

Вскоре они попали в то самое место, с которого видели город. Как на ладони.

Всё, как тогда – та же площадка, те же перила. Не хватало лишь ангела с его эксцентричным пилотом.

Любящая показала на нишу, в которой стояла повозка.

– Чуть покатаемся, – сказала она, – замечаем следы.

– Мы же вернемся? – девушка обернулась и посмотрела на город. Так, будто оставила здесь немножечко больше, чем целый сезон своей жизни.

– Я думаю, да, – женщина открыла повозку, – впереди у нас самое важное.

Больше всего на свете он любил вырезать. Мелкие деревянные фигурки.

А еще ему нравилось строить из этих фигурок макеты.

К примеру, селения. Большая комната вмещала огромный, сделанный под само помещение стол, и на этом столе стояло множество аккуратно и очень правдоподобно выструганных фигурок, украшенных синими, зелеными, желтыми точками – деревьев зримого Леса.

Под деревьями домики, похожие на маленькие шкатулки, спрятанные большим великаном. На самом краю загон, с высокой оградой. В этом загоне топтун, скорее всего, однодневка – он будто ходил, переступая массивными лапами. Два прыгуна ковырялись во рту, как обычно. Забыв обо всём. Перед оградой прогуливались плащеносцы, поднимая переднюю лапу. Важные, будто вернулись с задания. Рядом сидела кошка, и если внимательно приглядеться, то можно было заметить маленький трупик, воссозданный очень точно. Да, кошка поймала мышку.

На макете суетились селяне, десятки фигур – и каждый занимался своим особенным делом. Кто-то строгал, кто-то пилил, кто-то готовил. Мамаша ругала ребенка, красиво одетые девушки делали вид, что беседуют. На девушек поглядывало трое парней, с озорным и в то же самое время весьма озабоченным видом. Высокий мужчина в фартуке, быть может, хозяин харчевни, вытряхивал пыхчика. Сутулая бабушка работала в огороде, орудуя совсем уже крошечной тяпкой. Несколько детей в пестрых ярких рубашках носились вдоль берега, наблюдая кораблики, и эти кораблики плыли по небольшой равнинной речушке.

Если хорошо приглядеться, то в глубине этого Леса можно было заметить пару мужчин в темно-зеленых плащах. Один опирался на трость с серебристым наболдажником. Другой стоял прямо и простирали свою руку.

Проследив направление, в котором она показывала, мы бы увидели мужчину, невысокого, худощавого, одетого в чистую голубую рубашку, светло-коричневые брюки и ботинки из бурой кожи, отполированные до блеска.

На рубашке человека нашивка в виде темно-синего плащенокса с виноградной кистью в зубах (да-да, детализация была невероятная) – отличительный знак селения Червивого. Скорее, всего, это и был пресловутый герцог – когда-то честный налогоплательщик, а теперь злейший враг самой могущественной гильдии в мире.

Всё, что стояло на столе, представляло детальный макет центральной части селения, с некоторых пор самого известного в Длиннолесье, но сгоревшего в результате пожара.

Всё было так, за исключением Леса – кроны зримых деревьев смыкаются, а на макете сквозь лес было видно. Но тут уж приходится выбирать – либо смотреть только сбоку, используя лампу, либо разглядывать сверху.

Шестой обожал макеты.

Когда-то он воссоздал поселок, в котором родился и рос. Каждый домик старательно зарисовывал, каждое расстояние измерял, сосредоточенно высчитывая шаги, забыв про большую конечность. А потом уходил в мастерскую отца и долго

работал.

Он бы стал резчиком. Ему нравилось выстругивать заготовку, придавая ей форму, чувствовать податливость материала, слегка нажимая на инструмент.

Он словно вкладывал души в свои изделия, одухотворял каждый кусочек, и этот кусочек вдруг оживал, превращаясь в деревья, животных, людей.

Или он находил эту душу, повторяя её изгибы, и душа выходила, душа становилась свободной.

Шестой был шестым ребенком и третьим сыном в семье богатого междуреченского ремесленника. В мастерской его отца работали искуснейшие резчики. По обычаям богатых семей Междуречья наследство переходило старшему. А следующих по старшинству отдавали в лучшие гильдии. Лучшие – значит самые уважаемые. Шестому уготовано было быть воином. Но он родился калекой, и в воины не годился. Жизненный путь будущего стража-заступника был начертан заранее.

А он хотел вырезать.

Интересно, стоит ли ещё до сих пор тот макет, что он построил в посёлке? Макет, созданный руками самого стража-заступника. Племянник, должно быть, продал – ведь это такие деньги. А деньги торговцы считали.

Сейчас Шестой вырезал еще одну маленькую фигурку. Фигурку Бледного. Именно Бледный когда-то по его настоятельной просьбе подготовил план и сделал зарисовки Чер-

вивого. Это обстоятельство сблизило их настолько, что, прибывая в Прихолмье, дознаватель и правая рука пресловутого герцога гостил у заступника. Беседовать с Бледным было приятно, он понимал с полуслова, и делал точные, а главное, нужные предположения. Бывало, старика заносило, и тогда, сидя за столиком и вдыхая аромат благовоний, он выдавал свои планы. И всё-таки понимал, что дознаватель не из болтливых. Лишнего он не скажет.

Заступник вздохнул. Умных людей очень мало, их не хватает, умных надо ценить. Кругом одни идиоты.

Он вспомнил Застывшего – и губы скривила гримаса.

Нож соскользнул и резанул по фигурке, оставив глубокий срез в том самом месте, где когда-то был нос. "Вот незадача, – подумал Шестой, – Никогда же такого не было".

"Это старость, да, это старость..." – шептал ему голос. Старик покрутил фигурку в руках – но отложил, понимая, что оплошность уже не исправишь.

"Селение Червивого, – он посмотрел на макет, – чем же ты мне понравилось? Во что же ты превратилось? Интересно, где сейчас Бледный, и будет ли он со мной, как и прежде?" Старик понимал, что дознаватель про всё узнает, вернее, узнал, и это было единственное, что его беспокоило.

В дверь постучали.

– Серый, – сказал Шестой, даже не повернув головы.

– Заступник, – ответил знакомый голос. Знакомый до отупения.

Старик даже вздрогнул. И обернулся.

– Ты что же, следил? – спросил он сердито. Так, бывало, он разговаривал со своими фигурками.

– Я по делу, – Застывший замялся, как будто чего-то стесняясь, чем сходство с фигурками стало заметнее. И посмотрел на дверь.

За спиной появился Смуглый.

Старику стало дурно. Да, до него доходили какие-то слухи, он и сам замечал потёки на запястьях вошедшего, или следы, вроде рубца, на шее. Причем в эти моменты служник сиял, как будто только что видел Обиженного. Но чтобы вот так, в открытую, проникать в святая святых, намекать на свои отношения. Это, простите...

– Я ничего не желаю знать, – ответил он твёрдо, – тем более здесь.

– Ваше святейшество! – начал вдруг Смуглый, – Просим заступничество перед Обиженным. Мы любим друг друга, – он словно подплыл к Застывшему, и нежно, до ужаса нежно коснулся груди, – благословите священный брак.

Шестому вдруг показалось, что он впервые смог разглядеть какие-то чувства на застывшем лице эскутора.

– Не здесь. Не сейчас. Не сегодня. Никогда! Вон отсюда, ублюдки! Терзайте себя, мучайте, бейте плёткой, теребеньте свои теребоньки, но только не здесь, не сейчас, не в мастерской, не в селении! Воооон!!

Всё это сказал бы заступник, будь он моложе. Но теперь,

глядя на двух извращенцев, он перестал что-то чувствовать. Не было ни сметения, ни гнева, ни озабоченности. У него заболела нога, заныла так, что, найди он пилу, то начал бы резать. Глаза стали мокрыми. "Каков пастырь, такова и паства" – повторил он слова Шестипалого. Повторил про себя.

А вслух промолвил давно заученный текст:

– Благословляю Вас от лица Господа Нашего Обиженно-го. Будьте вместе и в радости, и в печали. Живите дружно, помогайте друг другу во всем. Плодитесь и размножайтесь.

Лагерь гудел.

Воины хотели домой.

То, что случилось, затронуло каждого.

Два слова на сложенной наспех бумажке, два слова, отпечатанные на обожжённом боку плащеносца – эти два слова тревожили. Проникали в бараки и вместе с удушливым воздухом вызывало одну только мысль.

– Когда выдвигаемся?

Воины задавали этот вопрос и смотрели в глаза.

– Как только будет приказ, – отвечал командир.

И всё.

Заговорённый и сам хотел знать, когда же они выдвигаются. Небеса давно отгорели, и, даже шагая пешком, можно было прибыть в Длиннолесье всего за пятнадцать, нет, даже четырнадцать суток. С привалами, остановками, всё, как по-

ложено. Двигаясь по более короткой Громкой дороге, оставив слева и Пост, и Долину.

Он отложил свою книгу, которую читал в те минуты, когда пребывал в смятении. "Дневник полководца". Во времена Великой Войны, которую ещё называют Войной Ресурсов, творилось ужасное. Каждый боролся с каждым. Военачальников было много, главарей местных банд ещё больше. И только один побеждал, раз за разом, часто даже не начиная сражения. И в конце концов именно походы этого человека восстановили порядок, скреплённый авторитетом первого стража-заступника, легендарного Шестипалого.

Сутулый насиле не любил, пролития крови боялся, и, говорят, от одного её вида мог потерять сознание. Но он был стратегом.

"Никогда не дели свое войско" – эту фразу Заговорённый запомнил. "Лучше одержать убедительную победу в одном сражении, а второго избежать, чем с трудом выиграть оба".

Чтение успокаивало, а чтение умного человека наводило на нужные мысли.

Пожар.

Нет, он не верил, что это небесный огонь. Такого не было со времен Великой войны. Легенда гласит, что, когда Шестипалый подходил к Междуречью, неся своё Слово, в него ударила молния. Точнее, чуть не ударила. Но что-то, а, может быть, кто-то увёл её в сторону. Небесный огонь расколол одно дерево, одно только дерево в Зримом Лесу. Говорят,

что селяне, стоявшие рядом, а их было много, тут же спросили причастия.

Нет, Заговорённый не верил в Обиженного. А в кару его и подавно.

Это сделали люди.

Точнее, один человек.

Только ему был выгоден этот пожар, и только он мог решиться на подлость.

Скользкий и мерзкий тип. Мошенник, который всего добивался обманом. И каждый раз ускользал. Как ящерица, что оставляет свой хвост, или шая, которая надувается и улетает. Как шар, пустой и надутый. Изворотливости негодяя мог бы позавидовать Проклятый. Тот убегал от погони, вылезал из ловушек, и даже сумел одурить целый край, поселившись Озерном и сделавшись Просветлённым.

Да, Длинноногий...

Заговорённый выдохнул. Громко.

Само упоминание этого имени заставляло зубы сжиматься.

Ни в ком другом не могло зародиться подобное. Никто другой не обладал и десятой долей возможностей. С многочисленными тоннелями и схронами, с почти безграничной властью над целым поселком.

Осталось винить во всем стражей – и Лес сплотится, а если вдруг отобьется, то герцог станет не просто главным в селении. Главным в Совете. Считай – правителем Леса.

Но он просчитался.

Заговорённый его не оставит, не даст ускользнуть.

Заговорённый положит жизнь, чтобы достать этого выродка.

– Командир, – перед ним появился Острый, – мы отправляемся.

“Я не заметил, что кто-то вошёл” – подумал мужчина.

– Езжайте, – сказал он спокойно, – вы доберетесь раньше. Надеюсь, и мы не задержимся. Только, послушай, – Заговоренный пожал запястье, – без приказа... не смей.

– Понятно, – мужчина кивнул, – не беспокойся, мы едем домой, не в Девятый. Коротышка не сунется. К тому же там Ваша дочь, а с Быстрорукой шутить... сами знаете.

– Вот об этом и беспокоюсь – вздохнул командир, – Быстрорукая легко может вляпаться. В какую-нибудь гадость. Без приказа сидите тихо, поддерживайте порядок. Работы много, – Заговоренный нахмурился, – а о Девятом... Знаешь, я был в том Девятом, и, по-моему, это самое тихое место.

Острый скривил свои губы, чуть приподняв уголки.

– Знаете, командир. Я Вам не рассказывал, – он опустил глаза, как будто разглядывая лежащий чуть поодаль камень, – у меня там осталась сестра. Написала записку, ушла в Угасание, и не вернулась. Мне было шесть, но я хорошо её помню. Помню лицо. Помню, она мне читала, "Сказки Длинного Леса", знаете, эту книгу читают везде, в том числе и в Заводье. Помню волосы, они ещё лезли мне в рот. За-

пах крема. Помню, мама читала письма. Читала, и плакала. А потом, – Острый пожал плечами, – сестра исчезла. Ни писем, ни весточки.

Заговорённый молчал.

– Она любила искусство, – продолжал капитан, – такое, знаете, рисовать, но почему-то не по бумаге, а по воде. Любила стихи. Темнобрового. Кажется, это, – капитан посмотрел куда-то за стены и произнёс, тихо, слегка выделяя слова, как будто он рисовал, по той же воде, аккуратно касаясь кисточкой:

Как медленно рождаются цветы,
Под солнцем распускаются лениво.
Прекрасное не терпит суеты.
Прекрасное всегда неторопливо.

Свет от деревьев едва проникал на поляну, но масло решило не тратить – дел было много.

– Голова и ручки, голова и ручки, – причитала какая-то женщина и смотрела на дом. Точнее, на то, что осталось.

– Что у неё? – герцог немного помедлил. Он застыл с обгоревшей доской, но спохватился и подал напарнику.

– Стена её дома упала и придавила ребёнка. А она убивается, – Зоркий, хозяин харчевни, разумеется, бывшей, забросил доску в телегу. И громко вздохнул – не от того, что ему тяжело, нет, человек он был крепкий и жилистый. Но всё, что случилось, не нравилось, ох как не нравилось...

– Ты то не веришь в кару? – спросил Длинноногий.

– Я верю в людей, – мужчина смотрел на герцога. Так, будто он не правитель, а просто собрат. По несчастью. Собственно, так всё и было. Жители поселка своего жилья не имеют. Нет никакого посёлка. По крайней мере, в Лесу. А значит, и править нечем.

– Люди бывают хорошие, бывают плохие, – продолжил напарник, – от тебя я плохого не видел.

"Спасибо тебе и на том" – подумал герцог, не смущаясь нисколько, что тот обращался на "ты". Горе сравнило всё – звания, титулы, и пока не отстроят поселок, все они – погорельцы.

– Я отлучусь? – спросил он чуть тихо. Зоркий кивнул.

Упитанный стоял в стороне, и выглядел так, словно он плащеносец и принёс долгожданную весть.

– Ну что? – спросил Длинноногий.

– Несколько мы поймали, – сказал капитан, – знаете, что любопытно, мой герцог?

– И что любопытно?

Капитан наклонился чуть ближе:

– Они живут в Длиннолесье, но сами – не местные. Кто-то приехал с Прихолмья, кто-то – с Долины. Мой герцог, они, вероятно, шпионы. Забери меня чёрный, шпионы...

– Сколько? – Длинноногий нахмурился.

– Человек шесть. И все говорили, как будто читали, вы уж меня извините, что я повторяю, – Упитанный скорчил рожу,

как будто то, что он собирался сказать, несусветнейшая и наинелепейшая чушь, – “герцог спалил Длиннолесье”.

– Народ то им верил?

– Нет, что Вы, что Вы, мой герцог, да как в это можно поверить?! – глаза капитана вылезли, – ... сомневаются, – добавил он тихо.

– Ах вот оно что, – Длинноногий погладил щетину. Он не брился с тех пор, как сгорело селение, – хорошо подготовились, сволочи.

– Продолжать?

– Продолжай.

– А что мне... а что... а что же мне с ними делать? – спросил он растерянно. Так спрашивает ребенок, показывая корзинку с грибами. Сияет и спрашивает.

– Отдай их Чёрному. Этот знает, что делать. На опушке много бесхозных домиков. Пусть проводит дознание.

– А масло?

– Что – масло?

– Где достать масло? Его же мало, а дознание и без света...

– Упитанный, всё, – Длинноногий махнул, – Выполняй. Ищи, лови... Чёрный сам как-нибудь разберется. Он парень опытный.

– Иду, иду, – капитан гордо выкатил грудь и, развернувшись, ушёл.

"Бледный, тебя спалил твой хозяин, – подумал герцог, – но Чёрный тоже хорош, ведь мог отвязать, зараза. Ты же вло-

жил в него душу. Эх, молодёжь, молодёжь...”

Он вспомнил, как к нему подходила прикрытая и передавала последние слова дознавателя. Что Длиннолесье ещё не конец, что дальше будут Озёрный, а может, Девятый. Если всё это так, то Бледный, можно сказать, покаяться перед смертью.

Хотя, конечно же, чушь. Мертвецы говорить не умеют. А Бледный сгорел.

Скорее всего, у девушки разыгралось воображение. Столько увидеть и не поплыть головой. Сильная девочка...

Герцог постоял в стороне и сел на большой плоский камень. До пожара на этом месте была арена, на камень вставал победитель. Он сжимал свои руки, и, подымая их вверх, зывал к чувствам зрителей.

Толпа взрывалась восторженным криком. Пока тот, сияющий, не сходил с пьедестала, и не скрывался в той самой толпе. Чтобы когда-нибудь снова подняться.

Теперь ничего здесь не будет. Это место так и останется мёртвым.

"Тени ушедших эпох

Будут танец свой танцевать."

Длинноногий нахмурился. "До пожара". Как будто из прошлой жизни.

Он залез в свою сумку и достал небольшую коробочку. Потом вынул трут, кремь, кресало, и приготовился выжигать. Но помедлил.

В свете цветов острокрылок кто-то шагал.

Был лишь один человек, которого хотел видеть герцог.

И этот человек приближался.

Ночью в Лесу светло.

На деревьях распускаются цветы – синие, зеленые, фиолетовые, и освещают своим радужным светом богатый красками мир.

Но в погорелом Лесу темно. Деревья погибли, и только свет на окраине гари напоминает, что это Лес.

Быстрорукая верила, что отец с отрядом вернётся. Вернётся, чтобы защищать свою землю. Иначе и быть не может, самая главная обязанность воинов – защищать дом от врага.

А кто этот враг, девушка знала.

Кто пришёл на их землю, чтобы наполнить болью.

Кто спалил их дома, сжёг их деревья.

И кто не появится здесь никогда.

Не появится, пока жива Быстрорукая.

Не появится и потом. Потому что она уничтожит всю эту банду, в том числе главаря – Его Святейшество стража-заступника.

Она верила в то, что сказала ей Синеокая, бывшая пасия бывшего жениха. Человек с того света не врет. Не строит предположений. Человек с того света знает.

Девушка прошла нетронутый Лес и вступила в гарь.

Здесь суетились люди, десятки людей. Находили то, что

огонь не спалил, наводили порядок, собирали и вывозили мусор.

Погорельцы. Их можно поселить у себя, в Военном. Тех, кто еще не нашёл себе места.

Отец поймет.

Военный затронуло слабо. Сгорели постройки, в которых жили животные. Погиб топтун-однодневка, пара свиней, коз, овец, опалил свои крылья ангел.

И всё.

Огонь прекратил свою жатву и дальше уже не пошёл.

Что это за странный пожар, как этот пожар начался и почему так резко закончился, оставалось загадкой. Говорят, скоро приедут озёрники, может, они что-то знают. У озёрников всюду глаза, всюду уши, иначе бы им не выжить. Люди Озёрного Края бросили вызов гильдии, которая долгое время держала равнину. В своих цепких лапах.

Работы шли у самой границы селения. Фонари не горели, а света от окружавших деревьев здесь не хватало.

И всё-таки Быстрорукая разглядела.

Того, кого хотела найти.

Чтобы помочь, чтобы принять, чтобы вместе одолеть всё то зло, что проникло в их дом.

Он сидел на большом плоском камне и что-то держал. Она подошла, ладони раскрылись, и то, что было в руках, упало. Скатилось по камню.

Мужчина встал и постарался вытянуться. При этом под-

нявшись на цыпочки.

Девушка усмехнулась.

Она подошла и посмотрела в глаза. Как тогда – сверху вниз. Быстроюкая никак не могла понять, чего же больше в этих глазах – страха или обожания? А может быть, восхищения?

"Второй раз в жизни я захотела открыть своё сердце, и второй раз на меня так смотрят" – подумала девушка.

И сказала:

– Привет. Дел очень много. Давай делать вместе.

– Мы собрались, чтобы ещё раз подумать – что же случилось.

Председатель вздохнул. За столом было тихо. Никто не хотел быть первым, в кого полетят камни.

– Человечество далеко от идеалов Белой Россыпи, – продолжил он тихим, слегка виноватым голосом, – мы продолжаем терзать своё тело вместо того, чтобы сплотиться. Если возникнет угроза, мы не ответим.

– Угроза возникнет, – сказали справа, – сезоны короче, межсезонья длиннее. Что-то случится.

– Поддерживаю, – раздался голос напротив, – Это чем-то закончится, и точно ничем хорошим.

– Проблема есть, и мы эту проблему обсудим, – кивнул председатель, – но нужно понять, что случилось. Как мы превратились в убийц.

Собравшиеся закашляли.

– Не надо сгущать, – сказал Средний, – действовали не мы. Орден пошёл навстречу. Но, как оказалось, нас обманули. Такая формулировка будет достаточно точной.

– Я, кажется, предупреждал, какие это мерзавцы, – последнее слово Холёный сказал сквозь зубы.

– Обвинениям тут не место, – председатель блеснул своим глазом, сделанным из стекла, – решение поддержали все, здесь сидящие.

– Да, мы давали шары, но только и исключительно для разведки, – продолжил Средний, сделав ударение на слове "исключительно".

– И всё-таки снова, – Холёный нагнулся к столу, открыв присутствующим круглое гладковыбритое лицо, – впредь, принимая решения, давайте не забывать, с кем мы имеем дело. Это кучка жадных до денег негодяев, которая не остановится ни перед чем, чтобы остаться у власти. Потому что пока эта кучка у власти, у них будут деньги.

– Шестой – не самый плохой заступник, – ответил Хриплый, всё тем же слегка виноватым голосом, – я думаю, на него надавили. А может, даже действовали за спиной. Тот же Серый или Застывший.

– Застывший – экзекутор, – возразил председателю Средний.

– Но что же это как не экзекуция, – усмехнулся Холёный, – а Серый... он, конечно, исполнитель хороший, но с вообра-

жением у него туговато. На такое безумие мог отважиться только Шестой, – Холёный сказал это твёрдо, видимо, ожидая обоснованных возражений. В основном со стороны председателя. Тот знал заступника лично, и потому постоянно его защищал.

Но Хриплый молчал.

Случившееся потрясло его больше других. Он понимал, что без одобрения стража-заступника никто ничего бы не сделал. Понимал, но отказывался верить.

– Вопрос ребром, – сказал наконец председатель, – поддерживаем мы стражей или нет. После того, что случилось.

– У нас другого выхода даже и нет, – ответили справа, – в любом деле надо быть последовательными. Метания – путь к разложению. Так говорит Белая Россыпь... Поддерживаю.

– Поддерживаю.

– Поддерживаю.

– Поддерживаю.

– Поддерживаю, – сказал Холёный, – однако... – он выдержал паузу и продолжил, – нужен ли нам такой заступник?

Сидевшие смотрели на председателя. Тот должен был что-то сказать.

– Я понял Вас, – да, Хриплый понял, что отмолчаться уже не получится, – то, что сделали стражи, ужасно. Но... Давайте пока подождем.

– Подождем. Хорошо. Вы полагаете, это такая многоходовочка, – Холёный вздохнул, – что-то дальше произойдет,

что-то случится в Длиннолесье, и это что-то будет на руку стражам. Но... многоходовку не начинают столь глупо. Зачем было действовать в пылающие, если тебя могут увидеть? С того же Поста.

– Может, они спешили? – предположили справа.

– Я полагаю, стражи боялись, что воины Длиннолесья, которые стоят в том же Прихолмье, уйдут. Как только получают вести, – ответил спокойный чуть слышимый голос.

– Ага. Как будто сейчас, как только закончился сезон, они не уйдут.

– За это время можно было многое сделать. Например, убедить их остаться. Вы сами знаете, как стражи бывают порой убедительны. Потом, Военный Поселок практически не задет.

– Хмм, – Холёный задумался, – возможно, это аргумент.

За столом стало тихо.

– Теперь, – сказал председатель, и повернулся к Среднему, – ваш информатор и кандидат в сопричастные, как его...

– Невинный.

– Невинный... оказался не в курсе намерений стражей. Не сделал ничего, чтобы предотвратить трагедию.

Средний улыбнулся.

Свалить всё на одного человека – не в стиле председателя, как, собственно, и самого Ордена Карты. Коллективное принятие решений и коллективная ответственность – краеугольный камень дисциплины. Это идеал Белой Россыпи, к

которому они так стремятся.

– Об операции было известно немногим, – ответил мужчина спокойным и рассудительным голосом, – думаю, её планировало двое – заступник и его исполнитель. Возможно, Серый. А в этом случае любая утечка исключена. Что-то узнать от Первого Служника невозможно.

– Первого служника Его Святейшества избегают многие, – добавил тихий вкрадчивый голос, – из страха заразиться рыбьей болезнью.

– Обычно болезнь смертельная, – ответили справа, – и разная. Но когда выживаешь, зараза уходит, потому как уходит болезнь. Остаются последствия. Не опасные. Жаль, что многие это не знают.

– Кандидат, – сказал Хриплый, и тут же закашлял, – он здесь?

– Он на лестнице. Как и положено кандидату, – ответил Средний, вставая.

– Наверное, убивается, этот ваш кандидат, – Холёный попытался подняться со стула, – думает, замуровали. Помню, как сам чуть не обделался.

Он все-таки поднял своё грузное тело, отчего стул, на котором сидел, с облегчением скрипнул. Сам же Холёный засопел и задыхал часто-часто, словно бежавший саммака. При этом он не терял присутствия духа и задорно оглядывал окружающих.

– А я, помнится, встал в дальний угол и молился Обижен-

ному, – сказал тот, что справа и тоже поднялся.

– А я не молился. Я стучал и просился наружу, – ответил голос, больше похожий на свист раздуваемых мехов, – пока меня не освободили. Правда, разбил костяшки.

Собравшиеся прошли к дальней стене помещения и встали полукругом. Председатель надавил на камень, который чуть заметно выпирал из стены. Камень сдвинулся вбок, вместе с ним сдвинулись и другие, оставив проём, за которым члены Узкого Круга думали найти отчаявшегося молодого человека.

– Зажгите фонарь, я ничего не вижу, – сказал председатель. Губы его скривились в ожидании неизвестного.

Когда фонарь наконец зажгли, и Хриплый вступил в небольшое тёмное помещение, он чуть не упал, споткнувшись о что-то мягкое, лежащее на полу.

– А вот и он.

Невинный спал, подложив под голову руку и пускал беззаботные слюни.

ГЛАВА 6. ОБИТЕЛЬ

Важным представляется следующее.

Делать вывод о причинах заражения, основываясь только на его размерах, нельзя. Необходимо тщательно изучить феномен. Мелкие, кажущиеся незначительными детали могут оказаться существенными.

В то же время заниматься подготовкой обновления в новых условиях не представляется возможным. Прошу дать разрешение на приостановку работ в этом направлении.

По поводу причин случившегося.

В настоящее время прорабатываются две гипотезы:

1. Вмешательство удалённых (которые называют себя едиными):

В этом случае заражение не может быть злокачественным. Источник энергии находится внутри этого мира. Однако сам факт произошедшего вызывает недоумение. Развитие удалённых происходило не с опережением, а с отставанием от нашего собственного. Мы же, в свою очередь, не обладаем даже ничтожной долей возможностей осуществить нечто подобное.

Отдельное мнение Черного Шэа:

Сам характер развития нашего общества не предполагает экспериментов, в основе которых лежит включение

чего-то инородного, т. е. заражения. Поэтому сравнивать развитие двух систем некорректно.

В случае, если достоверность гипотезы достигнет трёх величин, необходимо признать ее рабочей. В этом случае заражение считается потенциально неопасным. По достижении правдоподобности в четыре величины работы по обновлению можно возобновить.

2. Беспрецедентное вмешательство Демиурга (Создателя, который после первого своего воплощения (Хэ) отвернулся от избранных):

Исходя из истории взаимодействия Демиурга с созданным миром событие представляется маловероятным.

Отдельное мнение Черного Шэ 1:

Исходя из характера заражения гипотеза вмешательства должна считаться приоритетной.

Отдельное мнение Черного Шэ 2:

Легенды Крылатых позволяют провести параллель между их Создателем (последнее воплощение которого т. н. Ээф) и нашим Демиургом. Если это так, последняя локация Демиурга ещё одно доказательство его вмешательства. В этом случае правдоподобность гипотезы сразу достигает двух величин.

В случае, если правдоподобность гипотезы 2 достигнет трёх величин, заражение следует считать чрезвычайно опасным и, возможно, злокачественным. Диагноз зависит от причин вмешательства, которые в этом случае необхо-

димо установить.

Архивация приостановлена.

Старый Хенши,

объяснительная записка Собранию

Прочитав представленные объяснения, Собрание ушло следующее:

1. Явление не имеет прецедента в истории.

2. Явление не может считаться вытекающим из логики развития мира.

Собрание постановило:

Явление изучить, используя самые мягкие и самые осторожные инструменты.

Не предпринимать никаких дополнительных действий.

Работы по подготовке обновления (эксперимента) остановить, вплоть до выяснения причин случившегося, работы по архивации тоже.

Последнюю архивную версию считать окончательной.

Решение Собрания Избранных

– Вы, наверное, облазили всё, – Любящая внимательно посмотрела по сторонам.

– В этом районе мы тоже были, – Первая сжала руку Мутного так, что она побелела.

– Я и не сомневалась.

Девушка фыркнула.

– Странное место, – сказала она, – никто не живёт.

– Этот район стал опасным. Как только здесь расплодились пещерные монстры... Пошли, – в руке у Любящей что-то блеснуло.

– Потеряшка?

– Подарок от Терпеливого, – женщина покрутила предмет, – хорошая вещь. Когда обходишь район. У горожан нет такого оружия. Есть маломощные электрошокеры. И арбалеты. Да, арбалеты вещь, но слишком громоздкая.

– Что за монстры? – спросила девушка, ускоряя шаг, и при этом прислушиваясь, не отстали ли провожатые. Нет, Висмут и Кобальт всё так же шагали сзади, невозмутимые, как и раньше, и их присутствие успокаивало, даже больше, чем потеряшка в руках у Любящей.

– Эти существа пришли вместе с хранителями, – ответила та, – давно, тогда ещё не было ни Острова, ни людей. Обиженный знает, что за твари. Может, что-то подобное крысам. А может, свинки, тех же хранителей. Хранители – они кушают то же, что кушаем мы, пища всяких там шестипалов им не подходит.

– Теперь понимаю, – сказала девушка, вспомнив, чем угощали её пестрокрылые.

– Может, монстров они разводят. Может, их развелось слишком много, они разбежались, хотя правильнее было бы сказать – расплозились. А есть то им хочется. Монстрам. Всякие брумы, остролапы или крушинки – это они не едят. И

вот заползли они к людям и поняли, что люди съедобны. А люди поняли, что съедобны монстры. Когда терялись в пещерах и есть было нечего, только монстры и вырочали. Но тут либо ты, либо он. Замкнутая пищевая цепочка – сказал бы ваш Терпеливый, – женщина посмотрела на Мутного.

– Незримые души, – Первая выдохнула. Они шли быстро, почти бежали, и девушка запыхалась.

– Нет. Я видела, как они подыхали. Сползала такая душа, очень плотная. Как молоко.

– Любопытно, – заметила Первая, – мы скоро придём?

– Уже, – Любящая замедлила шаг, – нам туда – она указала на высокую арку у последнего дома.

– Почему мы не сели в повозку? – спросила девушка.

– Пещерные слышат не хуже сов. И видят получше лесных острокрылов. Мы и без того слишком громко идём. И слишком громко разговариваем.

Первая вздрогнула. “Надо же, а мы здесь гуляли, и даже не думали об опасности. А нас могли съесть.”

Любящая остановилась, приложила палец к губам, и прислушалась.

– Пошли, – сказала она наконец.

Путники приблизились к арке. За аркой темнел проём, возможно, тоннель, темнел пугающе, потому что его темнота была абсолютной.

– С фонарём тут опасно, но без фонаря тут никак, – женщина спрятала потеряшку и достала небольшой плоский

предмет. Белый свет осветил тоннель, с потолка которого свисали какие-то сопли. И эти сопли имели крылья. Что это крылья, Первая поняла сразу – по тому, как сопли этими самыми крыльями двигали, то расправляя, то прижимая к себе. Медленно, но постоянно.

“Склизняки, только с крыльями. А может, и выделения. Вдруг эта пещера живая? Вот Листик однажды шёл, шёл, и шёл со своим отрядом. А потом оказалось, что они попали в пасть огромного существа и ходили по пищеводу...”

– Летульки, – ответила женщина, увидев её удивление, – так мы зовём эту пакость, – типа летучих мышей, но только без глаз, ушей и конечностей. Как будто произдевались над мышкой и измазали в гадости. Короче, мерзость.

– Пакость, мерзость, гадость, – повторила за Любящей Первая, – здесь все такие?

Женщина не ответила.

– Идём, – кивнула она головой и нажала какую-то кнопку. Свет стал рассеянным, теперь он светил как лампа. И оказалось, что мерзость, пакость и гадость существует не только на потолке, эта гадость ползёт по стенам, и даже по полу.

– Бррр, – вздрогнула девушка.

"Ладно тебе, успокойся, – шептала она про себя, – здесь не так уж и страшно. Впереди Любящая, позади провожатые. И Мутный. Он тоже. Здесь. Рядом".

Она вспомнила, как входила в пещеру, тогда, с пестрокрылыми. Да, ей было страшно. Но присутствие тех, что были

с ней рядом – спереди, сзади, её успокаивало, казалось, случись что плохое, они подхватят, и понесут её прочь. И ещё ей казалось, а может, оно так и было, а может быть, члены Стаи делали всё, чтобы она так и думала, но, находясь на холмах, Первую не покидало ощущение безопасности.

Теперь этого ощущения не было.

Быть может, из-за летулек. А может, из-за того, что у них был фонарь, и казалось, что там, впереди, он осветит что-то, что их остановит. И заставит бежать.

Хотя Любящая и уверяла, что они ценней некуда, что миссия важная, а путь у команды знакомый, но почему-то казалось, что, случись какая опасность, и каждый будет сам за себя. Даже Висмут и Кобальт. А если судить по рассказам – опасности были.

– Да, поход не из легких, – женщина словно читала мысли, – преодолеем тоннель, и вступим в предгорья. Холодные, но красивые. Только бы небеса не погасли.

"А что, они могут погаснуть?" – спросила бы Первая. Раньше. Сейчас же она понимала, что погаснуть они могут, и даже, скорее всего, погаснут, и мысль, что такое может случиться, добавила ей беспокойства.

Одно беспокойство, второе. А путь только начался.

Вначале казалось, что путь этот выдолблен, словно забой рудокопов. Но своды тоннеля расширились, потолок ушёл вверх, вместе с пакостью-мерзостью-гадостью, на правой стене появились наросты, а левая вообще куда-то пропа-

ла – и девушка вдруг поняла, что команда идёт вдоль огромного грота.

– А-а, – почти закричала она и услышала, как звук отразился под сводами.

– А вот это ты зря, – ответила Любящая, – лучше нам не шуметь. Я, кажется, предупреждала про монстров.

"Как глупая девочка" – подумала Первая и прикусила губу.

Она аккуратно дотронулась до наростов на правой стене, вдоль которой они продвигались. Это оказалось что-то упругое, но податливое, и всё-таки склизкое.

“Вот ты и вляпалась в мерзость, – подумала девушка, проходя мимо очередного нароста. И из-за свойственного ей с рождения любопытства и стремления доводить только что начатое до конца, она не удержалась и запустила пальцы чуть глубже.

Но тут же отдернула. Холодный ужас пополз по руке и дошёл до запястья, наткнувшись на плотно сидящий костюм. Вещество охватило руку, словно перчатка, повторяя её изгибы. Первая почувствовала давление чего-то чуждого и живого, чего-то, что хотело сжать её руку и раздробить. Пальцы начали скручиваться, запястье сжиматься, в ладони что-то колело. Девушка сжала зубы, чтобы не крикнуть, и со всего размаху налетела на женщину.

Та обернулась.

– Тебя, моя милая, не переделать, – сказала она вполго-

лоса и направила потеряшку в ладонь. Разряд сильной боли прошёл по руке и затерялся где-то в предплечье. Девушка сжала челюсти так, что хрустнули зубы. Вещество сползло, как сползает склизняк, если взять его в руки, и вязкой желеобразной массой плюхнулось вниз.

– Молодец, даже не пискнула, – похвалила Любящая. А может, не похвалила – поиздевалась, – ну вот и всё. Рука поболит, поболит, а после пройдет, – она улыбнулась, как улыбается мать, вынимая занозу, – Только, пожалуйста, поменьше движений. Здесь, кроме схватов, хватает и других неприятностей.

Предплечье горело, словно по нему ударили молотком, рука затекла и висела как плеть. Первая вспомнила бабушку. "Ты, девушка, засунешь пальцы в любое тесто", говорила та вместо нравоучения. "Не только в тесто, бабушка, я засуну пальцы в любую гадость", – подумала проводница и решила, что постарается измениться. Хотя это трудно, но постарается.

Мутный взял её за руку. Первая вспомнила, что точно так же держал и отец, чтобы она была рядом. Время прошло, девушка повзрослела, но осталась всё той же девочкой.

– Схватывания – создания мерзкие, – добавила Любящая, – с ними надо поосторожнее. Людей они не едят, но руки ты могла лишиться.

Она сказала что-то ещё, но Первая не расслышала. Рука оживала, а вместе с тем появлялась и боль – всё ниже и ниже.

“Ммм” – девушка сжала зубы.

Тоннель не кончался.

Казалось, они так и будут идти, вдоль длинной высокой стены, пока не уткнутся. В тупик. Где-то в сторонке горел огонёк, что-то чуть слышно капало, раздавался далёкий и непонятный скрип.

Пару раз она на что-то наткнулась, и это был вовсе не камень. Быть может, летулька, быть может, зверёк.

– Здесь много пещерных брум – объяснила ей женщина.

– Чем эти брумы питаются?

– Они не питаются. Они прячутся. В предгорьях живут остролапы, их много. Если наткнулись на брум, значит, скоро и выход.

После очередного поворота пришёл ветерок. Стало заметно свежее, и в то же время прохладнее. Холодок лишь легонько коснулся лица, тело, согретое тёплым костюмом, его не почувствовало.

Наконец показался и свет. Вначале маленький, тусклый, он разрастался, становился всё ярче, и превратился в пятно, которое играло всеми цветами пылающих.

“Небеса, – подумала девушка, – небеса не погасли”.

И улыбнулась. Довольная, пьяная после всего, что случилось, она повернулась к Любящей.

– Поздравляю, – сказала та, – мы вышли не там.

– Как такое могло случиться? – задумалась женщина и посмотрела на провожатых, – ведь мы всё время держались право.

– Понятия не имею, – Кобальт сбросил мешок. Висмут снял свой, но снял аккуратно, как будто в нём самое ценное и молча смотрел наружу.

Горы. Величественные и недоступные. Как великаны, которые смотрят вперёд, и не видят, что под ногами. Ты превращался в песчинку, твои проблемы казались ничтожными – и становилось легче. Ведь вот оно – то величие, выше которого нет.

Первая сделала шаг.

Земля не везде была мягкой. Небольшая прослойка тёмно-коричневой почвы покрывала её лишь частично. Кое-где обнажались скалы.

Растительность скудная. Всё те же растения сине-зелёного цвета – одни с длинными, закрученными на кончиках усиками, другие с разрезанными надвое листиками, прижатые к земле и будто ползущие. Крушинок немного, все они мелкие, полуоткрытые, тянучек не видно совсем. Как и незримых.

Какие-то фиолетовые, а кое-где синие, красные шарики. Такие она не видела. Они кучковались возле камней, вплотную, а если камни были высокие, то находились под ними. Может, скрывались от глаз, а может, от ветра, который в этих краях дул порывами, и, казалось, хотел раскидать всё живое.

Девушка сделала шаг, чтобы взять в руки шарик. Но то, что случилось в пещере, остановило.

– Жданки, – сказала Любящая, проследив направление взгляда, – пища пещерных брум. А почему жданки? Да потому что ждут, когда ты появишься. И прячутся. А брумы – те едут тихо и отгрызают.

Она подобрала камушек и бросила в кучку. Мимо.

Метнула другой.

Шарик качнулся и спрятался. Но не один – исчезла вся кучка.

– Чуть кто-то подходит – и исчезает.

– Быстро.

Первая услышала запах, резкий и неприятный, как будто компания стриклов решила опорожнить кишечник.

– Это они?

– Да. Жданки не любят компанию. Хотя правильно говорить – ОН, это один организм, – Любящая покопалась в мешке, оставленном Висмутом, и достала коробочку.

– Компас, – сказала она, – только более точный. Показывает не одно только направление, но и расстояние до Магнитной горы.

На экране забегали цифры.

– Так. Мы чуть дальше, чем нужно. Что это даст? – женщина села на камень.

– Придётся вернуться, – сказала она, чуть подумав, – не могу узнать это место.

– Я в этой части пещер не бывал, – Кобальт пожал плечами, – хотя и догадываюсь, где мы ошиблись.

И посмотрел на девушку.

– Точно, – за ним посмотрела и Любящая.

Мутный поймал её взгляд и тоже уставился.

– Вы, дорогие, дыру протрёте, – Первой стало неловко, настолько явно её разглядывали.

– Как рука?

– Ничего. Немного болит.

– Я виновата, – сказала женщина, и поглядела на Кобальта, – когда она вскрикнула, я уронила фонарь. Потом подобрала, но мы пошли прямо, и пропустили развилку. Вернёмся?

Кобальт кивнул.

– Но вначале покушаем.

– Точно. А то упадём, без сил.

– Мы найдём это место? – спросила у Любящей Первая.

– Не знаю, – ответила та, – скорее всего, найдём. Но, если что, пройдем заново, только назад.

Кобальт открыл мешок и стал вынимать продукты.

"Как-то всё буднично, – подумала девушка, – как будто речь о прогулке. Вернёмся, покушаем."

– Ну что же, – сказала она, – я не против.

Возвращаться назад всегда неприятно. Это как переделать работу, которую сделал неправильно. А возвращаться туда,

где сыро, темно и опасно, не хочется вообще.

Старались держаться левее.

– Теперь внимательно, – предупредила Любящая, – скоро пройдем это место.

Сверху кто-то вспорхнул, за ним ещё и ещё.

– Летульки? – вздрогнула Первая.

– Нет, – женщина посветила. Сверху глядела мордочка с ороговевшим ртом, похожим на клюв, и толстым квадратным носом. Глаз у животного не было, – это местные острокрылы. Питаются всякой мелочью, которую вынимают из трещин.

– Летулек не ловят?

– Нет. Летульки – их молодь. Только живёт не в кармашках.

– Вот как? – Первая фыркнула, – а где же их мамы?

– Они однополы, – ответила женщина.

“Странно, – подумала девушка, – или они в своём городе не знают загадку шестилапов, точнее, разгадку, или в пещерах и правда всё по-другому”.

Мимо пролетел огонёк.

“Как в Лесу, – подумала девушка, – там тоже летают светыющиеся твердотелки. Только в пещере их меньше”.

– Вот и оно, – женщина наклонилась. Под ногами застыла лужа, – тот самый схват, что начал душить твою руку, – она посветила вокруг, прошла чуть вперёд, чуть назад.

– То самое место, – Кобальт потрогал стену, – я помню эту

отметину, – он показал на глубокий след, как будто бы кто-то прошёлся ножом, но острым и из хорошей стали. Говорят, в Девятом вытачивают такие – могут разрезать камень.

– Копатель точил свои когти.

– Что ещё за копатель? – поинтересовалась Первая.

– Типа шептуна, только пещерный и меньше. А когти копателя толще, и твёрдые, будто металл. Хороший металл, – объяснил Кобальт.

– Интересно у вас.

– Интересно то интересно, – сказала Любящая, ведя фонарём вдоль стены, – только я немного запуталась... В тот ли вход мы вошли?

Развилки не было.

Стена не поворачивала, а тянулась вперёд. Так же, как и назад.

– В том ли городе мы поселились? – съязвила Первая.

– Город Надежды один, – ответила женщина, как будто не замечая издёвки.

– Наверное, я совершила ошибку, – призналась она наконец, – если бы мы не сбежали и пошли верхним путем, всего бы этого не было. Что будем делать? – спросила она у Кобальта.

Тот подобрал фонарь и постарался пройти вдоль стены.

– Идти назад – это потеря времени, можно нарваться на неприятности.

– Даа. Телец – тот еще жук, – женщина посмотрела на

спутников, – значит, пойдём к выходу. Надеюсь, мы не заблудимся.

– Если опоздаем... – Первая не закончила мысль.

– Лучше об этом не думать, – ответила рулевая, – плана Б у меня нет. Наверное, я плохо подготовилась.

Перчатки сидели как будто влитые. Тонкие и в то же время тёплые, сверху они были покрыты мягким, но плотным мехом, похожим на мех их одежды, но более нежным.

– Остролапы, – пожала плечами женщина, – их много. Есть большие, средние, маленькие. Последние чуть больше брумы. Первые едят вторых, вторые третьих, третьи твердотелок. Такая цепочка, – она коснулась своей потеряшки, – значит, к Магнитной горе. Немного левее. Так... Твои пестрокрылые вылизали Обитель, так её вылизали, что мы заметим. Должны заметить.

Рулевая смотрела на девушку.

И Первая впервые заметила неподдельную, настоящую тревогу в этих глазах, тревогу, которую женщина пыталась запрячь. На поход она поставила всё, всю свою жизнь, и теперь рисковала. Что будет, если они не дойдут, если всё это море тревоги прорвётся? Сможет она его успокоить? И будет ли успокаивать? Вряд ли...

Идти в горах тяжело, тем более подниматься. Где-то подъем был крутой, где-то не очень. Вокруг расстилался всё тот же бедный ландшафт – маленькие приземистые растения с

небольшими включениями ждунов. И всё. Ни кустиков, ни деревьев, ни даже тянучек.

Над головой расстиралось небо, небо пылало, и добавляло свои, необычные краски. Где-то падали камни, заставляя тревожиться.

– Что за зверь? – спросила у Любящей девушка, взглянув на пятно, что гуляло по склону.

– Это и есть остролап, – ответила та.

– Который из?

– Средний. Тот, что ест мелких, и за которым охотятся крупные.

– На людей нападают?

– Зачем? Люди для них несъедобны.

Девушка фыркнула. Но в этот раз с удовольствием. Понимать, что ты несъедобна, прекрасно, когда путешествуешь в неизведанное.

– Но крупные нападали. Крупные, они немного другие. У этого лапы острые, как зацепы. Тело серое, – Любящая показала на склон, – а крупные... они такие. Как будто голубоватые, с синеватым отливом. И лапы у них высокие, как ходули. Сама я не видела, но говорят, на людей нападают. У нас же на лбу не написано, что мы незримые и потому не съедобны. Отведдают кусочек, другой – и больше не трогают.

Первая съёжилась.

– Скоро река, – сказала женщина, – надо снять обувь и нести в руках. Но аккуратно, пожалуйста – камни здесь ост-

рые, можно пораниться. Как перейдем, ноги следует растереть, чтоб не замерзли. Вы к холоду не привычные, можете заболеть.

"Как добрая мама" – фыркнула девушка.

Она слышала, что рудокопы, работавшие в Заводье, часто болели. "Всему виною ветра, – объяснял ей отец, – холодные и порывистые, на равнине они не дуют".

Да она и сама чихала, и даже покашливала, пока гостила у пестрокрылых. А иногда, просыпаясь, не могла дышать носом. Так что придётся прислушаться. Иначе можно испортить очередное своё путешествие.

Очередное.

Своё.

Путешествие.

Ммм...

Река была бурная. Гораздо более бурная, чем, допустим, реки Долины. Быть может, в Заводье и есть что-то похожее, да, скорее всего, есть, но в Заводье она не бывала. Пока. Если её будет и дальше кидать по углам этого мира, глядишь – побывает и там.

Вода пенилась, рокотала. Ступить было боязно – казалось, ступишь, и тут же снесёт, прямо на камни, а может, и унесёт.

Но не снесло. Не унесло. Правда, вода оказалась холодная, в такую холодную воду она ещё не ступала.

Первая вышла на берег, растёрла затёкшие ступни и сунула в боты. Порезов было достаточно, но она ничего не чув-

ствовала. Стало тепло. Ноги почти не болели, только кололи – там, где порезалась, но, впрочем, кололи недолго.

Чем выше они поднимались, тем труднее было дышать. Может, устали, может, зашли высоко. Первая помнила, как летала, и знала, что воздух предгорий тяжелый. Но сладкий.

– Почему горы белые? – спросил как-то Мутный.

До того момента казалось, что он не проронит ни слова.

– Это снег, – объяснил ему Кобальт, – вода замерзает, когда слишком холодно. Становится твердой и белой.

– Понятно, – парень глядел на вершины.

– Ты не читал "Приключений", – добавила Первая, – там Листик как раз видел снег. Он падал и падал. А на земле уже таял и становился водой.

– Интересно, знает ли это Пытливый?

– Я думаю, знает. Все, кто читал "Приключения", знают.

– Когда-нибудь я прочитаю.

– Уж прочитай.

Каждый шаг давался с трудом. Мутный спросил поклажу у Висмута, но вскоре выдохся так, что еле стоял на ногах. Поступок, конечно же, благородный, подумала Первая, но парень потом шатался и часто-часто дышал, прямо в спину, сбивая дыхание.

Только Любящая носилась по склону, то убегала вперёд на разведку, то возвращалась назад.

– Здесь узкий проход, – сказала она, когда команда спу-

стилась меж скал, – а вот и ниша, можно поспать. Палаток нет, поэтому спим на земле.

– На камнях, – заметила Первая, – костёр жечь не будем?

– А не из чего, – Любящая показала на растения, которые Первая когда-то назвала усиками и ползунами, – фисточки и беглянки горят очень плохо. Кустиков нет, веток тоже. Перекусим, и спать.

“Одежда мягкая, – подумала девушка, – может, и не замёрзнем“.

Кобальт раскрыл свой мешок и достал очередную провизию. Слишком вонючий сыр, который тут же испортил воздух, сухофрукты, хлеб и полоски сушёного мяса. А также бурдюк, который наполнили, когда проходили реку.

Девушка взялась за полоску и стала жевать. Вкус оказался нежным, но чуть горьковатым. И вяжущим.

– Что за мясо? – спросила девушка, понимая, что на свинину оно не похоже, на птицу тем более.

– Да вот оно, это самое, – ответила Любящая.

Девушка ещё пожевала, и вдруг до неё дошло. Она тут же всё сплюнула и попросила бурдюк.

– Зря, – ответила женщина и пожала плечами, – мясо вполне съедобное. Даже приятное.

Она подобрала кусочек и медленно, словно смакуя, сжевала:

– Какое-то время монстров пришло очень много. Мы просто не знали, что делать. Пока не придумали арбалеты, с ла-

зерным наведением.

– Замечательная вещь, – отозвался Кобальт, – самое лучшее изобретение. Не какие-то шокеры, – и посмотрел на Висмута. Тот усмехнулся.

– Я с ним на остролапов ходил, пробивал на сто метров.

– У нас тоже есть арбалеты, но только без наведения, – добавила девушка.

Кобальт кивнул.

– Это вас хранители научили? – спросила она, когда Любящая потянулась за очередным кусочком, – ну кушать... монстров?

– Нет. Это скорее мы научили их есть остальное, – ответила женщина. Она откусила мясо и стала жевать, слегка прикрывая глаза, – они у нас просят продукты. Особенно сыр. Это особое лакомство.

– В том числе и вонючий, – заметил Кобальт.

– Вонючий и плесневелый, – поправила женщина.

– Даа, – протянула она, после того как наелась, – я до сих пор не понимаю, что же произошло. Вроде бы вход был тот, держались всё время право, а вышли не там.

Кобальт мычал, что-то пытаясь сказать, и при том жевать кусок мяса. Висмут пожал плечами.

Путники доедали свой ужин.

– Поставлю обманки от остролапов, – сказал после ужина Кобальт, – остролапы пугаются жданок.

Он снова залез в мешок и достал группу шариков, фиоле-

тово-синих, из которых торчали иглы.

Всё это воткнул у входа.

– Жданки как жданки, – сказал мужчина, зевая.

– Лишь бы небо не гасло, – промолвила Любящая, натягивая на голову капюшон и принимая самую защищённую позу – позу эмбриона, – хороших снов.

Сны – другая реальность. Она, конечно, отличается от той, в которой мы проводим остальную, большую часть нашей жизни. Своей плавностью, незаконченностью, своей открытостью. Во снах мы можем делать больше, чем наяву. Мы можем больше сказать. Подумать о том, о чём не думаем в жизни.

Но мы недооцениваем сны, и считаем их чем-то второстепенным, ненужным. Чем-то, не имеющим большого значения. Почему?

Возможно, потому, что сон – отдельное повествование. Мы не видим продолжения предыдущего сна, когда засыпаем. А значит, последствий.

И что бы там, во сне не случилось, оно тут же разрушится, как дом, построенный из песка. Исчезнет, как исчезает душа животного.

И мы забываем. А если и помним, то только обрывочек, хвостик того, что увидели. Как дорожить тем, что легко ускользает?

Но Первая помнила сны. И, может, поэтому их и ценила.

Даже когда-то записывала, в тетрадь.

Любовь была взаимной – обычно ей снилось хорошее.

Сейчас же ей снился Ээф. Или Обиженный. Или и тот и другой.

Он лежал, свернувшись калачиком. Как дракон в пещере из "Приключений". Такой же мохнатый и длинный, с красивой и умной мордой. Точнее, лицом. Ведь морда – это совсем не по-божески.

Ээф приоткрыл свой глаз. Большой и глубокий. В нем отражалась пещера, все грани которой сверкали от света, идущего сверху. А также равнина, предгорья, холмы. Всё отражалось, всё преломлялось и всё тонуло. Как в озере.

– Привет, – улыбнулась Первая. Легко, будто беседовала с приятелем.

– Угу, – приятель зевнул, – что скажешь?

– Не понимаю, – девушка села на камень и огляделась.

Те же звёзды под потолком, те же кристаллы. Всё необычно и в то же время по-домашнему близко.

– Я тоже, – ответил Ээф.

Первая фыркнула:

– Я думала, ты понимаешь. Ты всё понимаешь. Ведь это же ты создал мир. Конечно же, с умыслом? – она наклонилась к большой голове, как будто хотела услышать...

– Конечно же, с умыслом, – Ээф приподнял свою голову, – но увы, – он вновь её опустил, – всё вышло немного коряво.

– У меня всё и всегда проходит коряво, – сказала девуш-

ка, – а ещё я вечно хнычу, и вечно встречаю в какие-то неприятности.

– И я, – ответил Эф чуть тихо и посмотрел грустно-грустно, – я ошибаюсь. Всегда, постоянно. Создаю мир, но настолько не совершенный, что приходится тусавать в нём живущих, как карты в колоде. Вечно обижаюсь. Я прячусь от критиков, и иногда жалею, что что-то создал. Непостоянный, капризный. Ты бы знала, как я себе не нравлюсь, – он безнадежно вздохнул. Из ноздрей вышел воздух, похожий на пар. Или дым.

Девушка положила на голову руку, и улыбнулась.

– Как мы похожи, – сказала она, – люди и боги.

– Почеси чуть пониже, – ответил Эф, и заурчал, как довольный топтун, – вот тут, вот... Ещё... Ещё... И ещё... Ооо... Блаженство.

– Блаженство? – спросил чей-то голос.

Девушка открыла глаза.

И ничего не увидела.

– Любящая? – спросила она, понимая свою беспомощность.

– Та самая, – было темно, но Первая сумела увидеть улыбку. Каким образом, она и сама не знала, – я поздравляю, небо погасло. Теперь будет трудно.

– Спасибо, – сказала девушка, – Вы умеете вдохновлять.

– Какого? – Кобальт зевнул.

Где-то в углу заворочался Висмут.

Проснулись все.

Кроме Мутного.

“Засоня, – подумала девушка, – обычно ты просыпаешься первым”.

Любящая засуетилась и стала искать фонарь – в созданных условиях это оказалась самая важная вещь.

Свет ослепил. Кобальт забрал светильник и вышел наружу.

– Странно, – мужчина чесал свою бороду, – кто-то унёс пару шариков.

Он наклонился у входа и стал собирать обманки.

– Брума. Кто же ещё, – Любящая залезла в мешок, пытаюсь что-то нащупать.

– Но пещер рядом нет. Да и брума не утатила бы оба.

– Брума была не одна.

– Может, ветер, – предположил Висмут.

– Ветер. Брума. Нам хватит масла? – спросила Первая.

– Хватит, – рулевая достала продолговатый черный предмет, – к этому я готовилась. Только не масла. Светильники работают не на масле. Там... другой механизм.

Она повертела прибор, покрутила какой-то шарнир и надела себе на глаза. С обеих сторон оказались лямки, и эти лямки защёлкнулись.

В углу заворочался Мутный.

– Добрых суток, – сказала Первая.

– Суток, – парень опёрся на локоть и пытался хоть что-то понять.

– Вот и случилось, – сказал он собравшимся.

– Вот и случилось, – ответила девушка.

– Да не переживайте вы так. Светильник ещё горит, а в темноте мы можем использовать это. Вот, – она протянула прибор.

Первая покрутила, покрутила и захотела надеть.

– Выйди. Так будет лучше.

Девушка вышла наружу. Всего пару шагов. И то ей казалось, будто она слепая, бредёт в темноте, да ещё и с повязкой. Скорее всего, небо затянуто, иначе бы сразу увидела Россыпь.

Ни очертаний гор, ни намеков, куда же двигаться. Темно как в чулане, в котором все щели замазаны. Это не равнина, на которой маячки, зонтики или коконы ползунов хоть слабо, но светятся. И успокаивают.

"Фонарь погаснет, и нам конец" – подумала девушка, одевая странный прибор.

И от удивления чуть не упала. Она стала крутиться на месте, и пытаться запомнить всё, что увидела.

Горы, хоть слабо, но прорисовывались. Но самое главное – прорисовывались предгорья, каждый усик, каждое ползучее растение – всё было видно. Словно ткань из светящихся нитей виднелась тропа.

Она посмотрела назад, на то самое место, где они отдыха-

ли.

И задержала дыхание.

Лампу она не увидела. Как будто и не было лампы. Зато были люди. Любящая, Кобальт, Висмут. Светились все. Довольно слабо, но всё же отчетливо. Но ярче всех в этом месте светился Мутный. Он горел словно башенка на празднике Возвращения. Ну, может, чуть менее ярко.

– Вот это да, – Первая передала прибор парню, – посмотри, хорошо ли меня будет видно? Как это работает? – спросила она у женщины.

– Я точно не знаю, – ответила та, – если просто... Ну, у всего есть душа, возможно, у каждой вещи, и душа эта светится. Даже когда темно. У живых существ души яркие, у предметов еле заметные. У гор силуэты.

– Души предметов, – шепнула Первая, имея в виду "Приключения".

– Показать бы Пытливому, – Мутный вернул прибор, – интересно, как он его назовет? Глаз души?

– Преобразователь другого видения. Так мы его называем. ПДВ, если кратко.

– Так просто?

– Да, – улыбнулась женщина, – он преобразовывает другое излучение в то, которое видит глаз.

– В предгорьях никак по-другому, – Кобальт казался серьёзным, – ночью погаснет фонарь, и всё. Дороги уже не найдешь.

– Понятно, – Мутный глядел наружу, – прибор интересный. Пытливый его бы стащил.

– У нас ещё два перехода и сон, – заметила Любящая, – ну а сейчас перекусим.

Кобальт порылся в мешке и извлёк содержимое.

В этот раз Первая была более благодушна.

– Я и не то ещё пробовала, – похвалилась она, сунув в зубы полоску мяса.

– Расскажи, – попросила женщина.

– Самое любимое лакомство пестрокрылых.

– Ну, судя по плащеносцам, это, конечно же, брума, – предположил Мутный.

– Почти, – ответила девушка, – они, как и люди, любят всё сладкое.

– И как плащеносцы.

– Нуу... Пожалуй, – Первая оторвала кусочек и стала жевать.

– Любимое лакомство пестрокрылых – это колесики брум, – сказала она, видя, что спутники думать не собираются, – жареные в масле и вымазанные в сладком соусе из тянучек.

– Ого. И ты это ела? – спросил её Мутный.

Девушка фыркнула:

– Ела. И, шкодник меня заberi, это вкусно. Хотя и довольно жёстко.

– Я ел носатиков. Жареных. Ну и тянучки.

– А нас хранители чем только не потчевали. И мы чего только не пробовали, – Любящая посмотрела на Кобальта и заговорщески улыбнулась.

Мужчина улыбнулся в ответ.

– Есть напиток, – добавил он, – вкусный, зараза, крепкий. Но потом голова гудит так, будто по ней ударили. И раскололи.

Висмут чуть слышно хмыкнул.

– Если пить, то чуть-чуть, – Любящая притянула два пальца, – тогда ничего не гудит.

– Странно, – Мутный задумался, – напитки из зримых обычно не вызывают похмелья. Ну, если, конечно, в меру.

– Какое же удовольствие – пить в меру? – Кобальт достал бурдюк, – вода, – сказал он, попробовав, и немного поморщился, – ну что же, в долгом путешествии и вода пьянит.

– Ну, я бы не сказала, что путешествие долгое, – Любящая приняла бурдюк в руки и сделала пару глотков, – вы, горожане, совсем обленились, из пещеры почти не выходите. Ты бы видел, как путешествуют на равнине. Между Лесами, – она кивнула в сторону Первой.

– Они, между прочим, несли всю поклажу, – сказала девушка, посмотрев на Висмута так, что тот улыбнулся, – весь этот длинный переход. И почти не устали.

– Мы знаем друг друга давно, – ответила женщина, – Висмут и Кобальт лучшие. С другими бы я не пошла.

– Фиалка у нас рулевая, – добавил Кобальт, – с другой бы

мы не пошли.

Женщина улыбнулась самой очаровательной из арсенала своих самых очаровательных улыбок.

– Спасибо, Ко, – сказала она, – Спасибо, Ви. Вы замечательные. Иначе и быть не может. Экипаж серебряного полумесяца.

– Полумесяц? – спросила девушка.

Любящая смотрела загадочно, и в то же время задумчиво, как будто певец перед тем, как хочет пропеть балладу.

– Давным-давно, – сказала она, – когда Остров находился не здесь, а в совершенно другом не похожем на этот мире, на небе ночами горели звезды. И сиял месяц.

– Я об этом читала, – сказала Первая, – в "Приключениях Листика". И думала – что за звезды.

– Кроме "Приключений", есть и другие книги. На равнине знают только одну, но эти другие не менее интересные. Память о том, что когда-то мы видели месяц, осталась у нас в языке. Достаточно посмотреть календарь. Год, месяц, сутки...

– А что же тогда полумесяц? – спросила девушка.

Женщина сделала пару глотков и отдала бурдюк Мутному.

– Иногда месяц был круглым, как солнце, и светил, как фонарь, подвешенный в небе. Ночь от ночи он уменьшался, становился всё меньше и меньше, а потом пропадал. Перед тем, как пропасть, от него оставался рожок, маленький, то-

енький – полумесяц.

– Эмблема экипажа.

– Эмблема экипажа. Серебряного полумесяца. А потом он рос, становился всё толще, и превращался в круг. И так ночь за ночью, в течение месяца – тридцати ночей, ведь ночи там были короткие.

– Интересно, – задумалась девушка, принимая бурдюк, – звёзды. Месяц. Когда я попала в пещеру, то, было, подумала, что огоньки, там, вверху и есть эти звезды. И, значит, в то время, когда в “Приключениях” говорилось о звёздах, “Веточка” попадала в какой-нибудь грот, но только огромный.

– Это был мир, созданный для людей. Мы спали ночами, когда темно. Потом просыпались – светило солнце, – женщина помолчала и грустно продолжила, – зачем нас согнали сюда, с какой такой целью?

– Неисповедимы пути Обиженного, – ответила девушка. Любящая вздохнула.

– Когда мы вернёмся, – сказала она, – я покажу тебе книги. Эти книги написаны в мире, который мы потеряли. Их много, и все они интересные. Одну ты знаешь, и, если она тебе нравится, понравятся и другие. Усядешься перед зеркалом, откроешь страницу и будешь читать, – женщина помолчала и тихо добавила, – если вернёмся...

Двигаться в полной темноте, когда тусклый свет фонаря освещает идущего перед тобой человека, со странным при-

бором на голове – ощущение не из лучших. Особенно, если ты идешь по извилистому ландшафту, по узким тропам, где даже днём легко оступиться.

Ты слышишь, как дышит тот, впереди, слышишь дыхание сзади, и это тебя успокаивает. Немного, но успокаивает.

Но каково тому, кто идёт последним?

Ты думаешь об этом, и стараешься прислушаться, тут ли он. Не отстал ли. Переживаешь за него, не без этого, но больше и за себя – ведь если он потеряется, сзади окажешься ты.

– Мы могли бы рассказывать истории, играть в игру со словами, – женщина сверилась с компасом, – но... лучше не надо. В этих краях легко заблудиться. Отвлечемся и потеряемся.

– Хоть бы облака эти рассеялись, – Первая смотрела на небо, надеясь, что скоро увидит Россыпь.

– У неба свои планы. Как, впрочем, и у Обиженного. Чего и боюсь, – Любящая отвечала неохотно. Девушка чувствовала её напряжение.

Вечно неунывающая Фиалка, самоуверенная, самовлюбленная и как будто всегда доброжелательная, казалось, ждалась комок, стараясь сконцентрироваться по максимуму, не оступиться и выполнить задуманное до конца.

Как ни странно, этот её вариант нравился больше. Так было всегда. Когда кто-то рядом проявлял неуверенность, раздражался по поводу и без, Первая словно получала второе дыхание, собиралась и становилась более спокойной. Воз-

можно, она слишком корила себя, за то, что была такой вот капризной и раздражительной. И если видела это в других, терзания отступали, и приходила уверенность.

Как бы то ни было, но дыхание женщины Первая слышала. Не смотря на то, что впереди двигался Мутный. Учащенное и какое-то сбивчивое.

Но Мутный вдруг задышал. Часто-часто.

– Что-то случилось? – спросила девушка. Тихо, чтобы только он и услышал.

– Звуки. Слева. Как будто кто-то урчит. Или сопит, но громко.

– В чём дело? – Любящая сняла прибор с головы и посмотрела на парня.

– Слева. Кто-то урчит, – повторил Мутный.

Та посмотрела на девушку, снова на парня, снова на девушку.

– Он слышит. С тех пор как его долбануло, – ответила Первая.

– Я помню того топтуна, – рулевая одела прибор и попыталась всмотреться, – не видно. Возможно, там остролапы. Возможно, кто-то другой. Только бы не метальщики.

– Метальщики? – переспросила девушка.

– Типа острокрылов, но с большими широкими крыльями. На крыльях вырастают иглы, и этими иглами метальщики стреляют.

– Ого. Как у вас интересно, – заметила девушка.

– Я тоже слышу, – сказал неожиданно Кобальт.

– И я, – повторил за ним Висмут.

Первая постаралась прислушаться.

...Теперь услышала и она.

– Да что же это такое?? – Любящая оказалась на грани срыва.

Еще раз.

Любящая. На. Грани. Срыва.

Путники стояли как вкопанные.

Кромешная тьма, за которой кто-то урчал. И этого кого-то не видно. Даже в прибор.

– Да что это там?

Тьма стала вязкой, она окутала голову, руки, она мешала двигаться. Фонарь, который светил еле-еле, не помогал. Его свет лишь увязал в темноте, нисколько не ослабляя.

– Оно... вроде... стоит, – сказал Мутный.

– Может, из-под земли? – предположила Первая.

– Нет, – парень качал головой, – слева.

– Оно выжидает, – Кобальт сглотнул.

– Чего оно хочет?

– Дай погляжу, – Первая попросила прибор. Скорее, не попросила, а вырвала, прямо из рук.

Фисточки и беглянки горели ярко. Но их стало меньше. Почва, на которой они росли, выделялась заметным сиянием, в отличие от камней, которые были тёмные, но тоже чуть-чуть подсвечивалась. Еле видимые очертания гор теря-

лись, растворяясь в ночной темноте, как будто художник, который рисовал эту картину, стёр их вершины.

Но причину звука она не видела.

Девушка шагнула на звук. Вначале медленно, после смелее.

Она шла и шла.

Пока не увидела.

Что-то.

Что-то продолговатое.

И это продолговатое лежало. На спине, вытянув руки вдоль тела.

Лежало и мерно храпело.

"Человек".

От неожиданности девушка даже и не заметила, как кто-то взял её за руку.

– Это я, – прошептал Мутный. И девушка сжала ладонь.

– Спит, – сказала она, – а он весьма яркий. Как усики.

– Кто?

– Человек.

– Человек??

– Да. Представь себе, да.

Она хотела уйти.

"Ну спит, и спит, – подумала девушка, – у нас свои дела, у него свои. Хотя... Возможно, ему нужна помощь".

– Давай разбудим, – предложила она.

– Зачем?

– Может, он заблудился.

"Не надо" – почти сказал Мутный. Но не сказал.

– Он просыпается, – Первая сжала ладонь.

Человек открыл глаз, второй, и глянул на путников. Глянул и улыбнулся. Широкой, открытой, и просто счастливой улыбкой. Как будто сейчас встретил тех, кого давно хотел встретить.

– Он видит нас, – прошептала в панике девушка, испугавшись этого больше, чем если бы ей угрожали ножом.

– Спокойно, – ответил Мутный, плотнее прижавшись к любимой.

– Спокойно, сударыня. Чего волноваться? – незнакомец присел и глянул на Первую. Весело и задорно.

– Эх, ваши годы, ваши годы, – мужчина поднялся и протянул свою руку, – Трёхглазый. А с вами мы раньше встречались, – он повернулся к Мутному и какое-то время стоял с протянутой рукой, – ах да, вы же не видите. Душа у вас тонкая, почти незаметная, – Трёхглазый убрал свою руку, – ну что же, ведите. Ведите меня к вашей душевной попутчице.

– Откуда вы знаете? – спросила Трёхглазого девушка.

– А как же ж, сударыня? Как же ж иначе? – мужчина глядел удивлённо, – где ваша поклажа? Ведь вы не могли без поклажи? И не могли её где-то оставить. Там наверняка кое-что важное, – незнакомец мигнул.

– Оо, кого вижу! – сказал он, встретившись с провожатыми, – хорошие сутки, господа, хорошие сутки. И вы тут, суда-

рыня рулевая? – мужчина склонился в поклоне. Ужасно наигранном.

– Вы знаете, что я рулевая? – спросила женщина.

– А как же ж, как говорят в Приморье. А как же ж не рулевая? Ведь вы же ж всегда впереди? Вот у Вас даже следы от очков вокруг глаз. Кстати, покажите ваш компас.

– Зачем?

– Да покажите, не бойтесь.

– Покажите, – прошептал Мутный.

Любящая сморщилась, словно у неё попросили самое дорогое, но показала.

– Так, так, – мужчина задумался, как будто что-то высчитывал, – Возьмите правее, сударыня. Градусов так на десять. А лучше бы на двенадцать. Поверьте, сударыня, лучше бы на двенадцать, – Трёхглазый разговаривал так, будто он мастер, который обсуждает с клиентом план ещё не построенного дома, – тогда точно попадёте в Обитель.

– Вы знаете, куда мы идём? – спросила женщина.

– А куда же ж, сударыня? Куда же ж ещё? У вас костюмы горожан? Горожан. Вы, горожане, как и искатели, ходите по одним и тем же маршрутам – наверх, к Обители, и вниз, к Острову. Извините меня, конечно, сударыня, – мужчина положил руку на сердце, – но почему-то мне кажется, что к Острову вы не идёте.

– У Вас интересный способ рассуждать, – заметила Любящая, – Вы человек неординарный. И всё-таки – кто Вы та-

кой?

– Я хожу то тут, то там. Продаю свои услуги. Тем и живу... Да, – улыбнулся Трёхглазый, – к совету прошу прислушаться. Поверьте, у меня тут всё хожено-перехожено. Ошибка исключена. Ах, чуть не забыл, – добавил он сразу, как будто вспомнил о чём-то важном, – возьмите, – и вынул из-за спины два фиолетовых шарика, – это же вы потеряли? Почему-то мне кажется, вы. Тут бывают такие ветра, господа, такие ветра, скажу я вам, – он вновь приложил руку к сердцу, – будьте поаккуратнее... Ну ладно, – мужчина чуть поклонился, как будто благодарил за приём, – держитесь курса, тогда не потеряетесь. А я пойду, пособираю грибочки.

"Грибочки?? Что он несёт?" – подумала Первая.

– Главное, не оставить фонарь, пока собираю... Ай ладно, держите, – в руке появился предмет, и Трёхглазый отдал его Мутному, – держите, – повторил он настойчиво, – вам это нужнее, – потом улыбнулся, поклонился, нарисовал в воздухе какие-то непонятные знаки, и стал уходить, – я эти грибы насквозь вижу, я их с закрытыми глазами найду. Я эти грибы... ух...

– Что будем делать? – спросила Любящая, тихо и как-то рассеянно. Первая удивленно воззрилась на женщину.

– Поверьте ему, – Мутный вздохнул.

Он знал, что Трёхглазый не враг. Враги действуют тоньше.

– Убейте меня сожжённые, – Любящая покачала своей головой.

Но направление скорректировала.

– Кто такой этот Трёхглазый? – спросил Кобальт, когда они остановились после очередного перехода.

– Знакомый, – ответила Любящая, доставая продукты, – вот, спроси лучше Мутного. Он с ним беседовал.

– Да я особо то не беседовал, – начал парень. Поставил фонарик Трёхглазого и обхватил свои ноги, – ну... он оказался каким-то догадливым. Знающим. Знал кто мы, откуда, куда... Про потеряшку вот знал. Про людей на холмах. Что-то про Белую Россыпь. Хотя при чём эта Россыпь?

– При том, – Любящая взяла кусок хлеба и намазала маслом, – Терпеливый входил в Орден Свидетелей Карты, в Узкий Круг, то есть в тех, кто принимает решения... Что это за карта, знаете?

Она положила поверх бутерброда кусок монструозного мяса и предложила Мутному.

– Орден ведет начало от тех искателей, что отправились однажды в Озёрный и нашли карту. С городами, дорогами, реками. Всё, что было на карте, очень подробной, как сказал Терпеливый, напоминало Белую Россыпь. Особенно если смотреть в увеличительную трубу.

– Значит, там, на небе, всё устроено так же, как на земле? – спросила Первая.

– На небе нет, – женщина сделала второй бутерброд и отдала его девушке, – но мы видим не небо. Мы видим землю.

Только другую. Даже не так – другую сторону той же самой земли.

Любящая поймала недоуменные взгляды и улыбнулась.

– Поясню, – сказала она, – всё это мне рассказал Терпеливый, когда мы находились на Острове. Была такая ситуация – мы думали, что уже не вернёмся, – женщина помолчала, достала ещё один хлеб и намазала маслом, – на Острове остались люди, – продолжала она, – потомки тех, кого мы называем сожжённые. Ну или тронутые, если по-вашему. Эти сожжённые потеряли свой разум, он у них будто сгорел, и разучились говорить. Но плодиться не разучились, – Любящая вздохнула, – и вот у этих сожжённых появились дети. Дети выжили, у тех появились свои дети, и вот потомки этих детей в большей массе стали прикрытыми. Но говорить не могут. Почти. Что-то мекают, а что, – женщина пожала плечами, – был момент, когда мы поссорились. Однажды они окружили наш часток, за которым мы прятались – Я, Веселёхонький, Терпеливый, ещё человек, и хотели нас выкурить. Буквально. Подожгли там солому, какую-то хрень, и всё это бросили к нам. Мы думали, долго не выживем. Единственное более-менее серьёзное оружие разрядилось, – Любящая погладила предмет у себя на поясе, с которым не расставалась ни на секунду. Укладываясь спать, она снимала фонарь, компас, но только не потеряшку, – вообще, это всё Терпеливый. Он использовал потеряшку во время охоты, – женщина откусила свой бутерброд, – вот тогда-то, – продолжала она, – си-

дя за частоколом, мы и стали открывать друг другу секреты. Всё равно ведь умрем, так хоть расскажем что-нибудь интересное. Я о технологиях, а Терпеливый больше о знаниях, что известны Ордену. Тогда мы и правда думали, нам конец. Спасла случайность. В тот момент, когда островитяне уже танцевали, показывая, что с нами сделают, им в спину напали. Другие островитяне.

Любящая замолчала.

– И что же сказал Терпеливый? – напомнила Первая.

– Терпеливый? – женщина откусила свой бутерброд и продолжила, – примерно так. Наш мир – не плоскость. Но и не поверхность шара, как написано в старых книгах. Возможно, поверхность шара – это тот самый мир, в котором мы жили. Мир твоих "Приключений", – Любящая посмотрела на девушку, – Вокруг него крутится солнце, месяц и звёзды.

– А вокруг нашего мира крутится Белая Россыпь? То есть не крутится, а висит? И солнце? – предположила Первая, доедая свой бутерброд.

Женщина покачала головой.

– Нет, – сказала она, – всё не так. То есть про солнце так, но не совсем. Наш мир – это как поверхность большого пузыря. Только оочень большого. И изнутри. Мы ходим по этой внутренней поверхности. Но она такая огромная, что кажется плоской. Или даже так. Это похоже на сыр. Когда этот сыр ещё зреет, в нем образуются пустоты, которые растут и превращаются в дырки. Так вот, на внутренней поверх-

ности этих дырок мы и живем. А в центре светится Солнце. Оно не падает, потому что его притяжение отрицательное... Тааак, сейчас объясню, – Любящая вздохнула, видя, что путники хмурятся, пытаюсь понять, – мы притягиваемся к земле, поэтому падаем, когда пытаемся прыгнуть. А солнце – оно состоит из вещества, которое отталкивается, от нашей земли. Находится в центре дырки в сыру и отталкивается. Получается – отовсюду. Поэтому не падает.

– Хорошенький получается сыр, – Первая сидела, забыв закрыть рот, с остатками бутерброда в руке, настолько её поразило услышанное, – и что же мы, так и бродим по этой поверхности?

– По одной стороне. А на другой находится Россыпь. И эта Россыпь огромна. Она во много-много раз больше всей нашей равнины, наших холмов, наших предгорий и нашего Острова. Когда смотришь в трубу, видишь огромное множество светлых колечков. Каждое светящееся колечко – это равнина вокруг большого внутреннего моря. На этой равнине расположены города, и городов очень много. По ночам они светятся, ярче, чем Город Надежды. Но есть и другие места. Малая Россыпь, к примеру. Когда-то она светилась, но что-то произошло, и эта Россыпь погасла, а почему, мы не знаем. Остальные края мы не видим. Почти. Ночью они не горят, или горят, но слабо. Или маленькие, поэтому их и не видно. Или мешает туман.

– Я знаю, – ответил Мутный, – я смотрел в увеличитель-

ную трубу. Как же здесь не хватает Пытливого, – парень с досадой вздохнул, – Пытливый бы высосал всё, что вы знаете. Он бы считал это время лучшим временем жизни.

Женщина взглянула на Мутного и улыbnулась, самой непонятной из всех непонятных улыбок:

– Люблю, когда меня слушают. Предгорья, к счастью, не покрывает туман, – продолжала она, – и если облака вдруг рассеются, мы увидим больше, чем только Белую Россыпь.

– Мы увидим звёзды? – спросила Первая. И посмотрела на небо.

– Можно сказать и так. Всё это мне рассказал Терпеливый. А так, конечно, Орден много чего знает.

– Откуда? Из карты?– спросила девушка.

– Не только, – женщина склонила голову набок и тронула потеряшку, легко, будто гладила пальцами.

Мутный нахмурился.

– Не только, – повторила она, – им снятся сны. В этих снах приходят высокие существа и рассказывают. Или беседуют.

– Кому снятся сны?

– Тем, кто владеет потеряшкой.

– И Вам?

– И мне.

Наступила тишина.

– Зачем они рассказывают? – спросила Первая, – просто так? Или эти высокие существа чего-то хотят, взамен? Чего они хотят? – чутьем проводницы девушка понимала, что

просто так ничего не бывает.

– Не знаю, – задумалась женщина, – Это очень красивый и красочный мир. Там нет ни войн, ни преступлений. Полный порядок, гармония. Каждое существо словно окутано в кокон. Каждое думает о других и делает нужное дело, – она прикрыла глаза и немного откинула голову, обнажив свою шею. На губах заиграла легкая чуть заметная улыбка, – В этом мире все счастливы. Все. Возможно, они хотят, чтобы и мы были счастливы.

Первая фыркнула.

– Они, наверное, добрые, – сказала она, и передала воду Мутному.

– Добрые, – Любящая не заметила прозвучавшей иронии. Или заметила, но пропустила. Она держалась за потеряшку, и, казалось, вспоминала свои сновидения.

– А как же Трёхглазый? – Мутный сделал глоток, – он утверждал, что бывал в Белой Россыпи.

Женщина усмехнулась:

– До Россыпи далеко. Очень далеко. Но если он бродит за городом и в полной темноте видит лучше всяких приборов... Не знаю. Вдруг он умеет летать. Или перемещаться. Мгновенно.

– Шкодник, – раздался голос.

Путники обернулись. Висмут разговаривал редко.

– Есть такая легенда об Очарованном Шкоднике.

– Я где-то слышала, – ответила девушка, – скорее всего,

от бабушки. Но помню только название.

Висмут глянул на девушку и чуть задержал свой взгляд. Первая посмотрела в ответ.

– Жил-был шкодник, – рассказывал парень, – и, как любому шкоднику, ему положено было вредить. И мешать. Он делал прекрасные вещи ужасными. Шаю раздутой и безобразной, а склизняков противными и бесформенными.

– Про шаю есть и другая сказка, – заметила девушка.

Висмут пожал плечами:

– Сказок много... Так вот, – он отпил и передал бурдюк Кобальту, – Шкодник всё время вредил. И получал от этого удовольствие. Но однажды пришёл в Заводье, увидел реки, текущие в ущельях, увидел холмы. Увидел радугу в брызгах водопада. И Лес, на который падали брызги. И так очаровал его мир, что решил этот шкодник в мире остаться и жить, как простой человек. Очарованный шкодник пришел к Обиженному и сознался в грехах. "Смилуйся, – сказал он Создателю, – оставь меня в мире. Я перестану вредить и стану простым человеком". "Ну что же, – ответил Создатель, – вижу, что ты раскаялся. Оставайся, чего уж там. Но в наказание за то, что ты сделал, да будешь бродить по свету, продавать свои услуги, без дома, семьи, да будешь ты вечно странствовать". Так и решили. Бродит с тех пор этот шкодник по миру и продаёт, что умеет. Хоть и рад, что остался, но задержаться не может. Всё время в дороге, всё время один. Без дома, семьи.

– О да, – ответила Первая, и с интересом посмотрела на Висмута. Тот улыбнулся, – будем считать, Трёхглазый и есть очарованный шкодник.

– Давайте спать, – рулевая легла, натянув капюшон. Ноги поджала, одну из рук положила под голову, ладонью другой накрыла потеряшку.

– Погасите фонарь, – сказала она, – завтра последний... хррр...

– Звёзды, – Первая смотрела на небо.

Маленькие, не такие яркие, как в пещере. Их было меньше, но эти мерцали. Как в "Приключениях".

"Пойду, пройду, – подумала девушка, – пощекочу свои нервы".

Она поднялась, и медленно, чтобы не наступить на кого-то из спящих, вышла наружу.

Россыпь была на месте, но горела ярче, чем на равнине. Гораздо ярче. Да, не было зонтиков, маячков, не пролетали огоньки-твердетелки. Но небо было чарующим. И темнота уже не пугала.

Девушка распростерла руки и прошла пару шагов, стараясь дышать полной грудью.

И тут же остановилась.

Впереди кто-то стоял.

Первая видела силуэт, тёмный силуэт человека.

И слышала дыхание.

– Шкодник, – процедила она сквозь зубы и чуть громче спросила, – кто?

– Тише, – ответил голос, – это я.

– Висмут?

– Первая?

На душе полегчало. Но дышала девушка часто. В предгорьях труднее дышать и успокоить волнение сложно.

– Уфф, – призналась она, – ты меня напугал.

– Извини, – Висмут взял девушку за руку, – ну вот. Это я, не маара, беспокоиться не о чем.

– У вас разве водятся маары? – спросила Первая.

– Нет. Но я бывал на равнине, и знаю.

– Я видела, как она пожирала душу животного, – почти прошептала девушка. От слов, сказанных в темноте, пробежал холодок.

– Наверное, это ужасно.

– Ужасно, – Первая вздрогнула, – лучше не вспоминать.

Висмут опустил свою руку.

– Не отпускай, – сказала она, и взяла её снова, – здесь очень темно и таинственно.

Они стояли и молча смотрели. На небо. А небо смотрело на них.

– Интересно, что это за огоньки? – спросил у девушки парень, – быть может, там города, или леса, которые светятся?

– Я думаю, города, – проводница прижалась, – а в них живут существа, похожие на людей. Или на пестрокрылых.

– Какие они, пестрокрылые? – спросил её Висмут.

Девушка не услышала, она прислушивалась к дыханию.

Он дышал так же часто, и так же смотрел на небо.

"Конечно, в такую ночь" – подумала Первая.

И улыбнулась.

– Ты улыбнулась, – заметил Висмут.

– Да, – ответила Первая, – а как ты увидел?

– Не знаю.

Каждая звезда в этом небе светила по-своему. И каждую хотелось назвать.

Малютка, белянка, искорка.

Вокруг Белой Россыпи звёзд было больше, казалось, что это мошки, которых манила летучая мышь. И эти мошки слетелись, не зная, что летят на обед.

Высокие существа с добрыми лучезарными лицами. Что счастливы сами и хотят, чтобы все были счастливы. Кто они? И зачем потеряли теряшки? Теряли потеряшки? Потеряли...

По лицу побежало дыхание, и чьи-то тёплые губы прикоснулись к её губам.

– Не надо, – сказала она, и слегка отстранилась, – я знаю, ты славный парень, но... я уже сделала выбор.

– Не обижайся, – ответил Висмут.

– Ты тоже, – шепнула девушка. И сжала крепкую руку, – не будь у меня никого, я бы с тобой замутила. А так... замутила с Мутным, – Первая фыркнула, понимая, что произнесла каламбур.

– Ты так забавно фырчишь, – сказал парень, – сама научилась, или тебя научили?

– Меня научили, – ответила девушка, – я многим пошла в свою бабушку. Но до бабушки мне далеко. Бабушка была уверенная, она никогда и ни в чем не сомневалась. А я...

В укрытии загорелся свет.

"Как вовремя, – подумала Первая, – а то завела свою песню – а я, а я..."

И направилась к нише.

– Хорошо проводите время, – женщина улыбнулась, – у нас впереди переход. Последний и самый важный.

– Ты говорила, – заметила девушка, – а потом?

– Что – потом?

– Встреча с Создателем?

– Да.

– А как будем с ним... разговаривать? Жестами?

Женщина посмотрела на девушку и на мгновение задумалась.

– Хороший вопрос, – сказала она, поднимая коробочку с компасом, – предположения?

Висмут стоял в стороне и будто о чём-то думал.

Девушка сделала вдох.

Девушка сделала выдох.

– Возможно, переведут пестрокрылые, – сказала она, – они же уже общались.

– Возможно, – рулевая открыла прибор, – а может, так,

как с хранителями. Ты ведь не знаешь, как мы общаемся с хранителями?

– Как?

– Они читают образы, которые возникают у нас в голове, и отправляют такие же.

– Но я же слышала, как они говорят.

– Говорят то они говорят, – Любящая проверила стрелку и покрутила колёсико, – но вся их речь – это просто эмоции. Мимика плюс интонация.

Проводница задумалась.

– Ну, допустим, – продолжила женщина, – ты размышляешь о яблоке. И в голове у тебя “яблоко”.

Первая кивнула:

– Допустим.

– При этом ты можешь хотеть, чтобы яблоко тебе передали. Можешь просто желать условное яблоко, которого нет, но которое хочется. Можешь думать о яблоке сгнившем и морщиться. Можешь что-то с ним сравнивать. Можешь предлагать собеседнику. Можешь видеть, как яблоко падает с дерева. Можешь отвечать на вопрос. И в каждом из случаев твоя интонация отличается. И мимика тоже, – Любящая посмотрела на девушку, надеясь, что та понимает.

– Всё это мы говорим по-разному и по-разному морщим лицо, – ответила та.

– Именно.

– А хранители чирикают.

– Цокают. Булькают. Хрюкают. И даже шипят.

Первая вспомнила встречу, когда впервые спустилась в пещеру. Она слышала звуки, которые издавали эти создания. Но образы... она не видела образов. Никаких. Возможно, хранители не хотели, чтобы она их увидела, а может, и посылали, но она не сумела принять.

– Арраэxon, – девушка посмотрела на Любящую.

– Арраэxon, – повторила та, – это у них вроде приветствия. Или так – междометия. Типа "эй!" – рулевая повесила компас.

Мутный протёр глаза.

– Как всегда, ты проснулся последним, – заметила Первая, – и пропустил самое интересное, – она продолжила шепотом.

– Что пропустил? – парень в ответ проморгался и посмотрел на подругу.

– Мы говорили о том, как будем общаться с Ээфом.

– с Ээ... С Обиженным?

– С Обиженным.

– Как-нибудь договоримся.

Первая посмотрела на парня:

– Иногда ты бываешь скучным, – шепнула она.

– Расскажу я вам историю, – Любящая остановилась и снова сверилась с компасом.

Под светом маленьких мерцающих огоньков, которые

Первая, следуя своим любимым "Приключениям", называла звёздами, идти было легче. Белая россыпь светила ярче и слегка освещала их путь. А может, на третий день их похода зрение Первой привыкло, и темнота не казалась крошечной. "Нет, – подумала девушка, – всё-таки это Россыпь. И звёзды."

– Ты же просила молчать, – сказала она.

– Нуу... путь тут прямой, свернуть мы не можем. Трёхглазый прав... Если вообще существует Трёхглазый. Мне почему-то кажется, никакого Трёхглазого нет, а то, что мы видели – плод нашего общего помешательства.

– Даже в харчевне?

– Даже в харчевне. Уже тогда мы стали немного того. Хотя, возможно, всё это случилось на Острове. А в карете вы заразились. От нас.

Первая фыркнула.

Чем ближе они подходили к Обителю, тем раскованнее становилась их рулевая. И тем безумнее звучало всё, что она говорила.

– Я пошутила, – женщина словно подслушала мысли, – Но. Правда бывает невероятной.

– Историю, – напомнила Первая.

Любящая вздохнула и снова пошла вперёд. Начинался подъем.

– Осторожно, – предупредила она, – на камешках можно легко оступиться. Полетите кубарем вниз и будем с вами иг-

рать... Как это у вас называется?

– В бруму, которая потерялась.

– В бруму. У нас по-другому. "Поймай копателя". Этих копателей в пещере только и слышно по стуку когтей о камни. Видеть не видно, но слышно.

– Вы что же, на них охотитесь? – спросил у Любящей Мутный.

– А как же? У этих копателей тёплая шкура. Не хуже остролапов. И когти такие твёрдые, будто ножи, и даже не тупятся.

– А души?

– Нет. Души у них безобидные. Хотя ... не знаю. В тёмной пещере всего не увидишь. Тем более маару.

– Историю.

– Сейчас будет круче, – Любящая будто не слышала, – двое с мешками! – позвала она.

– Эй, – отозвался Кобальт. Порядком подзапыхавшийся.

– Возьмитесь за руки. И вы, ребята, тоже возьмитесь.

Путники взялись за руки и, почти что бочком, стали подниматься по склону.

– А вот и история, – продолжила рулевая, – вы её вряд ли слышали. Кобальт и Висмут, конечно же, помнят. Все горожане помнят... Это всё ночь, – вздохнула она, – ночь на Острове чем-то напоминает предгорья, вот я и вспомнила. Там так же холодно и такие же огонёчки над головой. У вас на равнине тепло, поэтому и туман. А на Острове земля осты-

вает, как только погаснет солнце. У моря, конечно, теплее, но ветер дует не с моря. Зато нет тумана и ясно. Почти что всегда.

Первые ночи островитянам было тяжело, особенно в самую первую, которая описана в “Дневнике”. Нетронутые жили в домах, похожих на крепости, их осаждали сожжённые. Когда сожжённые уходили, они искали съестное. Вслепую. Грелись и снова искали. Мёрзли, голодали, боролись. Пять долгих лет. Кто-то впадал в отчаяние, не выдерживал. Мастерил какое-нибудь судёнышко и уплывал. А после не возвращался... Так вот, – продолжила Любящая, – есть история про одного такого уплывшего. Только он плыл не к равнине, в обратную сторону. Оттуда не возвращались. С равнины – да, оттуда вернулся корабль.

Человека этого давно уже похоронили, считали погибшим. А он взял – и вернулся. Худой, дрожащий, с круглыми, как монеты, глазами. И начал рассказывать.

Говорит, занесло его в море. Так, что уже много суток не видел земли. Небеса погасли, стало темно. А он плыл и плыл. Плыл и плыл. И всё на Белую Россыпь. Об одном только думал – лишь бы она горела. А то придут облака, и совсем потеряется. Будет кружить по большому-большому морю.

Отчаялся наш человек, с голоду чуть не подох.

И вот однажды вдруг видит – плывёт. Что-то. Тихо-тихо, почти незаметно. Он пригляделся – корабль. Но странный. Большой и широкий. В ширину почти такой, как в длину. И

сделан будто бы не из дерева, а из какого-то странного материала. Ну или дерева, но необычного. Скользкого такого, блестящего. А по периметру корабля свет, тусклый и жёлтый. Такие как будто шарики.

И вот представьте.

Ночь. Темнота кромешная, не видно собственных рук. Кругом море. Судно качает на волнах. И вдруг появляется нечто. Совершенно необъяснимое. На корабль похожее только потому что плывёт. Сбоку висит вроде лестница, но без перил и ступенек, с наростами. Пришвартовал он суденышко, и по этим наростам поднялся. А на палубе – никого. Вообще. Всё чисто, как будто корабль только спустили на воду. Ну, стал он ходить, заглядывать. После того, как плывёшь в темноте, когда тебя ещё и качает, а снизу море, из которого может что-нибудь вынырнуть, заглянешь куда угодно.

И увидел двери. Эти двери тоже были странные – широкие, низкие, закрытые крышкой, с необычной такой ручкой. Тянешь на себя эту ручку, и отводишь дверь в сторону.

И вот там, внутри, он обнаружил. Что-то. Вернее, кого-то. Но это были не люди. За дверью стояли непонятные существа без голов и без рук. А вместо ног у них такие длинные присоски. И тело почти квадратное, а в середине шланг. Ну типа толстой кишки. А по бокам шланги поменьше. Человек сразу понял, что это не механизмы и не машины, а существа. Только стояли они и не двигались, словно статуи. Как будто мертвы, а будто и нет. Возможно, замерли, как только его

увидели. И когда наш скиталец об этом подумал, когда понял, что, скорее всего, так оно и есть, его охватил ужас, он повернулся назад, убежал, и ни разу не обернулся. Спустился, сел в лодку, отчалил и стал плыть обратно. Пока не доплыл.

Тогда ему, конечно, никто не поверил. Возможно, человек просто сошёл с ума, и это не удивительно. Один в тёмном море, почти без еды, вот и привиделось. Или приснилось. Но рассказ записали. Эта история считалась фантазией, как "Приключения Листика".

– Приключения Листика" – фантазия? – удивилась Первая, – то есть всех этих скорпионов, драконов и призраков не существует?

– Теперь нет, – ответила Любящая, – теперь так не скажешь. Если есть маара, могут быть призраки. Или дракон. Чем наш Ээф не дракон? Скорпионы... да какой только нечисти нет в этом мире. А раньше – да, раньше "Приключения" считали сказкой. Как и рассказ вернувшегося. Но время прошло, и всё изменилось. Люди увидели столько, что любые чудеса больше не кажутся чудесами. А то, к чему мы идём, так и вовсе за гранью. Встретаться с Создателем – это же надо придумать.

Женщина замолчала.

– Я думаю, то, что ты рассказала – правда, – Первая перевела дыхание, – если все моря этого мира внутренние, то по ту сторону моря должно что-то быть.

– Ты сказала, с равнины вернулся корабль? – задал вопрос Мутный, – в "Дневнике" же написано "не вернулся".

– Нет, вернулся. Но днём, а не ночью, – ответила женщина, – во времена "Приключений" Остров находился не здесь. И за морем вместо равнины лежала страна. Её называли Солнечная.

– Читала, – ответила Первая. Слова давались с трудом, и она решила их экономить.

– Да, Листик там тоже бывал, – Любящая, в отличие от остальных, запыхавшейся не казалась, – большинство кораблей поплыло в эту страну. Многие потонули. В мире, где мы живём, всё по-другому, любое судно держится хуже. Может, это связано с тем, что всё стало легче. В дневнике есть подобный момент, девочка про это рассказывает. Но есть и другие намёки, что когда-то всё весило больше. Я спрашивала Хвостня, он разбирается, и Хвостень говорил про остойчивость. Корабли стали легче, и остойчивость сразу упала. Ночью море спокойнее, и плыть уже можно. Но днём поднимаются волны. Да ещё бивнебои. Принимают за парусников, и таранят. Те корабли, что всё же добрались, обнаружили, что попали они не туда. Пища здесь не съедобна. Но страна в целом тёплая и красивая, жить, значит, можно. Но для этого нужно много чего завести. Растения, животных, инструменты. Собрали самых смелых, и эти смелые поплыли обратно. Приплыли, загрузились, и всё. И уплыли. А те, что остались на Острове, подумали, что уплывшие затонули.

– Последний корабль, – сказал Мутный, – они обещали вернуться.

– Да, – ответила Любящая, – этот корабль уплыл ночью. С ним уплыли прикрытые – будущие проводники. Есть описания тех, кто отправился, и есть описания первых проводников. Эти описания совпадают.

– Извини, – ответила Первая. Скорее, съязвила.

– Тебе то чего извиняться, – Любящая и не заметила иронию, – тебя же там не было.

Наступило очередное молчание. Оно было наполнено старательным пыхтением, как будто на Играх Возвращения участники из последних сил добирались до финиша.

– Может, люди живут и по ту сторону Острова? – сказала на выдохе Первая.

– Вряд ли. Тот берег дальше. Туда бы они не доплыли. Да и хранители ничего не рассказывали. А хранители знают всё.

– Поэтому они и называют себя хранителями?

– Поэтому. Они хранят знания.

– Пестрокрылые называли их так же.

– Они сами себя так называют. А ещё, кажется, избранными.

– Как долго, – девушка дышала с трудом. Легкие работали будто кузнечные меха – раздувались, сдувались...

– Мы уже близко, – Любящая, казалось, не уставала, она становилась бодрее и энергичнее. С каждым шагом женщина приближалась к своей самой заветной, да что там завет-

ной – единственной цели, – еще немного сударыня, – сказала она, – скоро мы оставим провожатых и дальше пойдем втроем. Обратно идти будет легче... Если, конечно, вернёмся.

Проводница нахмурилась. Потеряться в предгорьях в тёмное межсезонье – это почти приговор.

Кроме трудностей с подъемом и неопределенности будущего ещё одно обстоятельство не давало покоя – она находилась между мужчинами, держала обоих за руку, и ни одну не хотела разжать.

Впереди была Обитель. Так им сказала Любящая. Как будто увидела солнце в начале дня. Солнце, которое ждали.

– Посмотри, – говорила она, отдавая прибор.

Девушка надела очки.

И тут же зажмурилась – так было ярко.

Тропа поднималась полого, но постоянно, и терялась в паре километров от путников. Куда она упиралась?

Вполне возможно, в пещеру. Возможно, в пещере спал он – тот самый Ээф, и, возможно, у входа стояли её пестрокрылые (Её пестрокрылые – да, она так подумала). Во всяком случае, движение было.

Растений прибавилось. Те же фисточки и беглянки, но росли они часто, как будто их специально высаживали. Больше стало крушинок. И даже тянучек, которых до этого не было.

Земля тут светилась. Ярко и празднично.

– Там твои, – Любящая улыбнулась самой беспечной своей улыбкой, которая так не вязалась с её состоянием, возбужденным и сосредоточенным одновременно. "Умеет держаться" – подумала девушка. И улыбнулась в ответ.

– Покушаем, – рулевая взяла часы – небольшой прибор, который носила на том же дорожном поясе, – время ещё позволяет.

Они зашли под скалу, которая, будто хищная птица, нависала над маленькой нишей, и уселись на почву.

– Тут всё так прибрано, – заметила девушка.

– Всё пестрокрылые, – женщина посмотрела на провожатых.

Кобальт расстегнул свой мешок, достаточно поредевший, и путники стали обедать.

На этот раз молча.

Каждый думал о чём-то своём, и все вместе думали о предстоящем.

Любящая, которая обычно начинала и поддерживала разговор, сидела в углу и просто жевала мясо. Напряжённая и в то же время спокойная. Словно боялась пролить, расплескать то, что скопилось внутри. "Два километра, – Первая посмотрела на рулевую, – два километра до дела всей жизни".

И только сейчас осознала, насколько невероятно и предельно то, что они собираются совершить.

"Дело всей жизни".

Казалось, сейчас небеса запылают, и сразу покроют всё

небо, или засветит солнце, ярко, как днём. Ведь не может же это событие проходить в темноте. Разговаривать с Богом, слушать его и просить – это казалось непостижимым. Девушка открыла рот и примерно минуту сидела, пытаясь понять.

– Да, это грандиозно, – женщина вновь прочитала мысли, – мне приятно, что ты осознала.

– Да. Уж, – ответила девушка, – грандиозно – иначе не скажешь.

Мутный чуть двинул бровью.

Парень смотрел на женщину, и видел, как видел не раз, что, даже на пути к своей цели, она держит. Всё то же. Свободной рукой.

– Что дает потеряшка? – спросил он у Любящей, – кроме снов.

Женщина вздрогнула.

– Не знаю, – сказала она, – с ней как-то спокойнее. Как будто тебя укрывает. От боли, проблем, от всего. Как будто кто-то поддерживает. Ты становишься частью большого.

– Чувство сопричастности, – Мутный нахмурился, – так говорил Терпеливый. Он боялся этого чувства. Но не противился. Противиться он не мог.

– Зачем противиться тому, что не делает плохо? – рулевая прикрыла глаза.

Парень пожал плечами.

– Пора, – женщина выпрямилась и стряхнула приставшие крошки. Что-то сказала Висмуту, и парень зарылся в мешок.

Достал сундучок, который они вместе с Кобальтом так осторожно упаковали, и передал его женщине.

– Ребята, – сказала та, принимая вещь так, как будто это самый желанный подарок, – не скучайте. Мы скоро вернёмся. Но, если правда, не знаю, как скоро – аудиенция не расписана.

Она обняла Кобальта, обняла Висмута. То же самое сделал и Мутный. Первая простилась с первым, и немного замешкалась. Но только немного. Объятия Висмута были особыми, так её раньше не обнимали, даже отец.

Она опустила глаза.

Шли втроём. Женщина, Первая, Мутный.

Мутный нёс сундучок, чем был похож на представителя гильдии лекарей, или знахарей – в разных местах называли по-разному. Сундучок скрипел и раскачивался, и было件件но, что внутри вовсе не инструменты, мензурки и всякие порошки, а что-то другое, что – оставалось догадываться.

Девушка держала фонарь.

– Что же они во всё лезут? – спросила она, – я имею в виду хранителей.

– Хранители хотят знать, – ответила женщина, – всё. Знать и контролировать. Когда знаешь всё, можешь строить прогнозы. Наверное, так. А если строишь прогнозы, можешь что-то менять – чтобы прогнозы стали желательными.

Первая стала думать.

– Кажется, я понимаю. В их прогнозах что-то пошло не так. И это связано с нами. Вдруг появился Остров, и мы. Вылезло что-то, а что – непонятно. Поэтому они и хотят нас убрать, – девушка сделала жест, – чтобы мы не входили в прогнозы.

– Я бы сказала иначе. Они хотят нам помочь. Наши интересы и интересы хранителей находятся близко.

Первая фыркнула.

– Ваши интересы, – уточнила она.

– Ну, скажем так, – рулевая не стала спорить, – и ещё хотят знать, зачем же Создатель так поступил. Такие ребята. Дотошные. Им хочется видеть причины. Поиск причины они называют "прогнозом наоборот", или "обратным прогнозом" ... Ну вот, смотри, – сказала она, чувствуя, что Первая не понимает, – появился Остров. И люди. А почему? Может быть несколько объяснений. И только одно будет правильным. Это как карета будет двигаться по одному только маршруту. Мы знаем, кто управляет, знаем какие планы – и строим прогноз. Но можно думать обратно. Карета могла выехать из Приморья, могла выехать из Длиннолесья. С десятка мест. Но выехала из одного. И мы строим прогноз наоборот – откуда карета выехала.

– Ненужные сложности. "Прогноз наоборот", – девушка усмехнулась.

– Вот они построили свой прогноз. И выяснили, что Остров, а с ним и людей поместил в этот мир Создатель. И

построили предположение, что Создатель находится здесь. Вернее, его воплощение. А легенды крылатых предположение подтвердили.

– Что же они сами то не пришли? – спросил Мутный.

– Этого я сказать не могу. Возможно, у них не очень хорошие отношения. Я имею в виду с Создателем.

Парень присвистнул.

– Ну, или они думают, что не очень хорошие, – продолжила Любящая, – Может, Создатель вмешивается, а им это не нравится.

– А у нас какие отношения? – спросила девушка, – никакие, – ответила она на свой же вопрос.

– В легендах твоих пестрокрылых Бог любит нас. Просит принять, как собственных братьев.

Первая фыркнула:

– Странная всё же любовь. Я, конечно, не читала "Дневник", но примерно знаю, о чём там написано. Возможно, он такой же несовершенный, как мы. И тоже иногда ошибается.

– Да, – согласилась Любящая, – совершенно верно. Но ошибки можно исправить...

Кто-то стоял на широкой дороге.

Кто-то смотрел в темный саван небес.

Кто-то сидел, обхватив свои ноги,

В танце костра ожидая чудес.

– Да, не спешит-таки чудо

свершиться, -

Грузный мужчина тоскливо сказал.

Кто-то вздохнул:

– Чуду должно случиться,

Так, между прочим, мудрец прочитал.

Мудрому мудрость дана от природы,

Видит знаменья, знает закон.

Сквозь бесконечные выходы-входы

Словно змея пробирается он.

Искорки прыгали, пламя трещало,

Дым от костра превращался в туман.

А над каретой все так же сияла

Белая Россыпь – ночной талисман.

Где-то за речкой саммаки зевали.

Над головой стрекотал острокрыл.

Шляпки у зонтиков мило мерцали:

"Чудо придет, так мудрец говорил".

Грузному путнику что-то взгрустнулось.

Пламя потухло, костёр догорал.

Вот уже солнце на небе проснулось

И осветило застывший привал.

– Да, неудача. Чудес не бывает.

Люди вздохнули:

– Ошибся мудрец.

Этой побасенки глупый конец

Словно песок между пальцев стекает...

Только добавлю я – чудо свершилось.

Но, несмотря на прекрасную ночь,

Взору людей ничего не открылось.

Если не видишь – сложно помочь.

Это стихотворение Темнобрового Первая знала наизусть.

Хорошее было стихотворение, лёгкое, запоминающееся. И главное, в тему. Сейчас точно в тему.

Поэтому, наверное, она его и вспомнила.

Ведь они приближались. К тому, что казалось чудом. Чудом из чудес...

Девушка оглядела собравшихся.

Представители каждой стаи, в том числе радужнокрылые.

Она искала глазами Луы, но не нашла. Зато заметила Коэ.

И прищурилась в молчаливом приветствии.

Коэ ответил тем же.

Все пестрокрылые казались серьёзными и озабоченными.

"Не удивительно, – подумала девушка, – я тоже слегка озабочена". Шутка ли – существо, создавшее мир, собирается проснуться. Чтобы беседовать.

Её вновь окатило сознание чего-то большого и важного.

И закружилась голова. Как будто в полёте.

Девушка остановилась.

Очнулась она от понимания того, что что-то упустила.

– Свет, – подсказал Мутный, видя её замешательство, – здесь очень светло.

И Первая вдруг поняла, что сумела разглядеть пестрокрылых, даже опустив свой фонарь. Про него она забыла, да и надобности в дополнительном освещении не было. Всё вокруг как будто светилось.

Изнутри.

Вначале она думала – это пещера, свет исходит оттуда. Но Мутный светился сильнее, хотя стоял ещё дальше. Так же светилась и Любящая. Члены стаи горели сильнее. Но в целом светилось всё, даже камни.

– Это чудо, – сказала женщина, – мы не должны светиться.

– Но всё-таки светимся.

– Да.

– Долго нам ждать?

– Мы пришли вовремя. Спасибо Трёхглазому.

– Когда-нибудь ты ему это скажешь, в глаза. Он встретится, и не раз, – Первая помолчала и после добавила, – точно. Я думаю, встретится.

– Очарованный шкодник, – Любящая сама казалась очарованной и говорила вполголоса, чтобы случайно не навредить. Не испугнуть то, что уже намечалось. Она всё время поглядывала на сундучок, и казалась сосредоточенной и в то же время спокойной. Максимально спокойной и максимально сосредоточенной.

"Как же она владеет собой, как же умеет создавать нужное настроение" – думала девушка. И кусала от зависти губы. "Никогда не завидуй, – говорила ей бабушка, – иначе за-

будешь себя". Эх, бабушка, бабушка, как же тебя не хватает.

Достойна ли она того, что случится?

Первой казалось, что нет.

Есть люди гораздо более цельные, более уверенные, более добрые и более отзывчивые. А выбрали её, ту, которая ни в чем не уверена. Даже в том, кого любит. Теперь не уверена.

Она вдохнула.

И выдохнула.

Неудивительно, что такие мысли возникли сейчас, перед самым ответственным моментом. Удивительно то, что они возникали и раньше. Возникали, чтобы потухнуть. Она ничегошеньки не делала, чтобы стать лучше. Просто жалела себя – ах я такая-сякая, и всё. И оставалась всё той же капризной девчонкой.

Да. Уж.

Ей захотелось узнать, о чём сейчас думает Мутный. Залезть в его мысли. "Ты, девушка, засунешь свои пальцы в любое тесто" – говорила ей бабушка. Но девушка лезла. Пытаясь понять другого.

Но с Мутным было не так. Понять, о чём же он думал, непросто. Этот человек постоянно от неё ускользал. "Этот человек". Ей стало плохо от собственных рассуждений. Но парень никогда не казался открытым. Он был простым и сложным одновременно. Простым – потому что соглашался и редко противоречил. А сложным – потому что когда соглашался, впечатление было такое, как будто его заставили.

Ещё несколько суток назад она над этим и не задумывалась. Почти не задумывалась. Но последнее время что-то её беспокоило. И девушка знала что.

Мутный смотрел на любимую.

И любимую передёрнуло. Настолько чистым казался ей взгляд.

Они сели рядом.

– Что чувствуешь, – спросила она, – перед встречей?

Мутный пожал плечами:

– Как ни странно, почти ничего.

– А я вот чувствую. Обними.

Парень обхватил её сзади и сильно прижал.

– Теперь и я тоже чувствую, – сказал он негромко.

Первая улыбнулась.

Но это была не улыбка, точнее, улыбка, но улыбка натянутая. Ах нет, не улыбка, скорее, усмешка.

"Всеми виной предстоящее, – сказала она своим мыслям, – потом всё вернётся, как было".

Но всё ли вернётся?

Коэ всё-таки подошел.

И протянул руку. По-человечески.

Первая пожала запястье.

– Я рад, – сказал пестрокрылый, – что ты снова с нами.

– И я, – ответила девушка, – я тоже рада, Коэ.

И она действительно была рада. Они стояли в окружении

гор, где всё светилось, торжественность момента зашкаливала, а к ней относились так, как будто она королева.

Королева...

Как в "Приключениях Листика". Именно оттуда она и помнила это слово. Королева Солнечной страны. Самая могущественная женщина Заморья. Самая умная, самая красивая и прочее. Девушка склонила голову набок.

Коэ сузил взгляд.

– Это великий момент, – старейшина Синей Стаи говорил тихо, чем только добавлял весомости сказанному, – ты видела картины, ты помнишь.

Первая помнила.

Момент встречи Ээфа, пестрокрылых и загадочных существ, пришедших из неведомого мира, был излюбленной темой местных художников. "Встреча" – так назывался сюжет.

Все картины, что были посвящены этой встрече, тянулись вдоль одной из стен длинной, очень длинной галереи.

Ранние работы выглядели необычно. Тогда люди еще не пришли на равнину, да и Острова, судя по всему, ещё не было. И художники фантазировали. Существ из другого мира они рисовали так, как подсказывало воображение.

На одной из картин это были те же пестрокрылые, даже, скорее, радужнокрылые, в пестрой окраске, но с ушами более длинными, глазами более крупными и ртом, широким, как у саммаки. Другой художник изобразил маленьких весе-

лых эффов, наверное, полагая, что существа придут из того же самого мира, что и Создатель. Ну или Создатель их создал по своему образу и подобию. Были саммаки, но только большие, и стояли на задних лапах. А одна картина так и во все изобразила хранителей. Наверное, были те, что считали хранителей тем самым народом.

На более поздних уже были люди.

Кто-то стоял, опустив свою голову. Кто-то протягивал руки. Эфф то лежал, то поднимал свою шею, то просто летал.

Картины её поразили.

Теперь, перед входом в пещеру, девушка понимала – это случится. И в будущем появятся новые. На которых будет она. И Любящая. И Мутный.

Первая затаила дыхание.

Чтобы потом задышать, часто-часто.

– Я хочу рассказать историю, – сказал Коэ утвердительно.

– Рассказывай, – девушка знала – старейшина спрашивает. Пестрокрылые всегда таким образом задавали вопросы.

– Последний раз Эфф просыпался сорок ночей назад, – Коэ поднял голову, что означало особую значимость всего, что он скажет, – это было днём. "Я покажу вам Остров, – сказал Господь, – нам придётся лететь над равниной". "Как же мы полетим? – спросили слушающие, – мы боимся лететь над равниной". "Не бойтесь, я с вами" – ответил Эфф. И никто не боялся.

Члены всех пяти стай окружили Создателя, сомкнулись

кольцом, и летели. Пересекая равнину, наблюдая те земли, откуда ушли. И скоро увидели Остров. Большой, необычный. Увидели города, увидели дороги. Увидели повозки, которые тянули небывалые животные. Увидели самый большой и самый красивый из всех городов, и в центре этого города увидели дом. Великолепный, как Зал Искусств, и огромный, как Зал Гармонии. А вокруг этого дома, посаженные ровно и аккуратно, в несколько рядов, росли высокие пушистые растения.

"Аллеи Дворца Стратега" – вспомнила девушка.

– В этом городе жили существа. Много существ, – продолжал Коэ, – мы летели высоко, всё казалось маленьким. Но дом большим. Даже сверху. "Это и есть тот народ, о котором ты говорил?" – спросили слушающие. "Да, – Ээф выдохнул, – любите их, как любите братьев ваших. Примите их, когда наступит тот час, о котором я говорил. Но не сейчас. Время ещё не пришло". "Когда же оно придёт?". И создатель сказал: "Я вернусь к этому времени. Приходите сами и приводите тех, кто пришел из другого мира, чтобы помочь".

Коэ замолчал.

– Спасибо, Коэ, что всё рассказал, – ответила девушка, – это так вдохновляюще. Непонятно одно – что же нам следует делать? В чём заключается помощь?

– Не знаю, – пестрокрылый задумался и опустил свою голову, – я думаю, знает Он. И Он скажет.

Первая фыркнула. Но в этот раз скорей по привычке.

Предстоящее не вызывало у неё беспокойства. Только волнение. Приятное, как предвкушение встречи. С любимым желанным другом.

Возможно, если бы не было этого сна, в котором она гладила щётку и чесала за ушком, она бы переживала. И беспокоилась. А так...

Девушка оглядела собравшихся.

И почувствовала.

Все это почувствовали.

И все повернулись к пещере.

Он был таким, каким она его представляла. Тем самым Эффом, что посещал сновидения. Тем самым, что был изображён на картинах в Зале Искусств.

Большая голова, густая серая грива, покрывавшая шею, макушку и отчасти лицо. Тело, длинное, гибкое, как у ящерицы. Или змеи, из приключений того же Листика.

Ну или дракона.

Возможно, Эф был драконом. Возможно. Тот тоже большой и длинный. И обитает в пещере.

Но только дракон охраняет сокровища, и просыпается в самый ненужный момент. Эф же не спал на богатствах, а просыпался когда было нужно.

– Ааахв, – зевнул проснувшийся Бог, вытягивая голову и оглядывая собравшихся своими большими глубокими глазами, – как управлять этим телом? Отвык.

Говорил он негромко, и тем, что стояли подальше, приходилось прислушиваться.

– Что же так тихо? – спросил Ээф, скорее себя, чем других, и, уже более звучно, добавил, – давно это было. Прошло столько времени.

ВЫ? – он посмотрел на людей, и, как показалось девушке, улыбнулся (скорее глазами, но она поняла) – вы правильно сделали, что пришли. Хочу извиниться. Простите. Зря я, конечно...

Наступило молчание. Это событие ждали сорок ночей, и опасение сказать что-то не то, или сказать это что-то не так, или вообще сморозить какую-нибудь глупость, чтобы о ней потом говорили и передавали из поколения в поколение – это опасение удерживало даже самых болтливых.

Наконец нашёлся смельчак.

– Народ Холмов приветствует тебя, – произнес радужнокрылый, – мы ждали твоё пробуждение.

И Первая удивилась – радужнокрылых она не учила своему языку. Но не учила она и Ээфа. Теперь девушка понимала, почему то, что говорил ей Коэ, казалось ей странным – он употреблял слова, которые не должен был знать. "Здесь все понимают всех, даже не зная чужих языков – и люди, и пестрокрылые, и Создатель. Если есть одно чудо, – подумала Первая, имея в виду свечение, – то почему бы не быть и другому".

И улыбнулась.

Ээф заметил улыбку. Он молча кивнул пестрокрылому и повернулся к девушке.

– Как вам живется? – спросил дракон. Будто хозяин, который интересуется у остановившихся в его гостинице постояльцев.

– Неплохо, – ответила девушка, словно она проживала в гостинице, – довольно неплохо.

– Я рад, – дракон положил рядом голову.

Потом посмотрел в глаза.

И замурлыкал.

Такой картины не было, ни в Зале Искусств, ни в какой другой галерее.

– Я боялся, что сделал вам плохо. Но вижу, что вы не сердитесь.

– Не все, – ответила Любящая. Голос хрипел, как будто она боялась.

Первая удивилась – у неё самой нервы были послабже, но страха она не испытывала. Совсем.

– Не все, – повторила женщина, – мы хотим вернуться в тот мир, откуда пришли.

"Вот так, сразу за дело, – девушка была недовольна, – не даёт нам с тобой пообщаться".

Ээф приподнялся и с грустью воззрился на небо.

– Довольны не все, – повторил он за женщиной, – я совершил ошибку. Но я хотел спасти ваш народ, – дракон оглядел пестрокрылых, – и спасти этот мир. Я так хотел спасти этот

мир.

Он вновь положил свою голову и грустно вздохнул. Потом прикрыл свои веки и будто задумался.

– Всё можно исправить, – почти прошептала Любящая. Как будто давала подсказку.

Первая слышала, как она дышит. Слышала и удивлялась. Так вырывается воздух из приоткрытой кастрюли. Казалось, всё то спокойствие и уверенность, которые та копила к одной единственной встрече, могут сбежать за пару мгновений.

Ээф прикрыл свои веки.

– Такие проблемы. Я так оплошал, – он посмотрел на Первую, – и там, откуда я родом, всё тоже непросто. Все ставят друг другу подножки и ожидают падения. Здоровая конкуренция – так они говорят. А я хочу дружбы, хочу понимания, хочу поддержки. Я много чего хочу? – спросил он у девушки.

Та не ответила.

– Ты говорил об опасности, угрожающей миру, – продолжил радужнокрылый, – мы ждали сорок ночей, чтобы узнать. Ты привёл их народ, но они даже не знают, зачем. Что же должны они сделать, чтобы свершилось пророчество?

Ээф выдыхал через ноздри. Первой казалось, что вместе с дыханием вырывался и пар, как у дракона из "Приключений".

– Я виноват, – сказал он так грустно, так тихо и так обреченно, что не простить его было нельзя, – когда я творил

этот мир, многое было упущено. Я спешил, желая закончить в срок, и не сделал прогноз развития. Спешка никогда ни к чему хорошему не приводит, – Ээф приподнял свою голову и огляделся, – темно. А небо должно гореть. Э-эх, – он прикрыл свои веки и снова прилёг возле девушки.

– Хочешь, тебя пожалею? – спросила та нежным и чувственным голосом, настолько нежным и чувственным, что Мутный нахмурился.

Дракон не ответил.

Первая грустно вздохнула. "Какая печальная встреча".

Она посмотрела на Любящую, и поняла, что та пребывает в растерянности и даже не знает, как подступиться. С какой стороны. Нет, не того она ожидала. Она хотела седлать прыгуна, но тот оказался прыгунчиком.

– Э-эх, – продолжал сокрушаться дракон, – когда я привёл ваш народ, то думал, что спас этот мир. От тех, что пришли ещё раньше. Они осторожны. Они щепетильны. Всё делают наверняка. Никогда не спешат, не совершают ошибок. Я не такой – я спешу, и я ошибаюсь, – Создатель вздохнул. Всё так же печально.

– Почеши, – попросил он у Первой. И поглядел на неё снизу вверх, как ребёнок, желающий ласки.

"Приятно" – подумала девушка, перебирая густую и мягкую гриву.

– Вот здесь... Ещё... Ещё... – шептал дракон.

– Те, что пришли в этот мир, не совершают ошибок. Ты не

такой, – подсказала Любящая, надеясь хоть как-то продолжить беседу.

– Да, – ответил Эф, – они старательно изучают предмет, и только потом что-то делают. Такие они получились. То же мои создания, – он вздохнул, но потом опять замурлыкал, чувствуя прикосновения, – изучают н. у., строят прогнозы. Архивируют то состояние, в котором остался мир. А после меняют. Время для них не имеет значения, они могут ждать. Они не такие как я, – он снова прикрыл свои веки, – есть ниши, которые уже архивированы, и по которым началось обновление. Так называют они свои безобразные эксперименты. Где-то процесс запущен, где-то уже завершился. Когда-то красочные миры превратились в тусклые и заброшенные.

– Причём здесь люди? – спросила Любящая, – люди то здесь причём? Мы же не можем остановить то, что уже происходит.

Эф приподнял свою голову, и девушке показалось, что эти большие красивые глаза как-то по-особому заблестели. Стали ещё более глубокими и ещё более влажными. "Слёзы" – подумала Первая.

– Вы многое можете, – ответил дракон, – Вы остановили обновление. Жаль, что только на время, – он вновь опустился у ног, – Те, что пришли в этот мир, изучали его. Долго и тщательно. И приготовились к архивации. Архивации... хм... Зачем? Для чего это им? Ну, может быть совесть, кто

знает... Но совесть – определение неопределенное. Так говорил мой учитель, – Создатель задумался, – возможно, они считают, – сказал он, нахмурившись, – что, если переписать целый мир, то он не погибнет. Ведь если ты что-то опишешь, оно остается. Записанным... Когда я об этом узнал, то сильно расстроился. А потом сделал то, чего делать нельзя.

Ээф замолчал. Первая гладила его по загривку и чесала за ушком.

– Но как же мы можем помочь? Теперь то, наверно, того. Не можем, – Любящая изобразила недоумение. Она глядела на Бога и удивлялась. Тот, кого она считала могущественным и всесильным, выглядел таким обычным, закомплексованным, со своими ошибками и недостатками. И всё же слегка успокоилась, понимая, что этого можно добить. Убедить.

– Создатель не должен вмешиваться в развитие, – продолжал говорить Ээф, – пятое правило. А я вмешался. Потому что не видел выхода. Если оставить как есть, вселенная превратится в кучку тусклых невзрачных миров. А всё потому, что я не доработал начало и не сделал оценку развития.

– Всё можно ещё исправить, – ответила Любящая. Так, будто знала решение. "Невозмутимость этой женщины – блеф, – подумала Первая, – Интересно, если убрать напускное, всю эту уверенность и доброжелательность, что же останется?"

– Кто эти пришельцы и зачем им исследования? – спросил радужнокрылый, – скажи нам прямо. Может, мы вместе

найдем решение.

– Они пришли из соседнего мира, и вы их знаете. Я создал их мир точно так же, как создал и ваш. Но создал последним. Они мне казались умными, добрыми, славными, но однажды вдруг изменились... Я запустил оценку развития, но было поздно. Мне не стоило вмешиваться. Создатель не должен влиять на создание. Пятый закон проявления. Но я полюбил этот мир, и не мог не вмешаться.

– Но причем же здесь мы?? – Любящая решила действовать прямо, – верни нас назад. Туда, откуда забрал.

Дракон прикрыл свои веки, влажные от проснувшихся переживаний, и снова выпустил пар.

– Это невозможно, – ответил он женщине, – вы росли в этот мир, и если я выдерну вас, я выдерну всё остальное.

Наступило молчание.

Наконец радужнокрылый решился и вышел вперед. Он протянул большой сияющий шар, такой же, как тот, что однажды дарили и Первой, но больше и ярче.

– Мы ждали, и ты к нам пришёл, – сказал он Ээфу, – прими этот дар. Будь с нами столько, сколько ты сам пожелаешь. Что бы теперь не случилось, мы верим в тебя. Верим в силу и верим в могущество.

– Спасибо, – ответил дракон, и вздохнул, – жаль, что я ничего не могу для вас сделать. Увы, я бессилен.

– Кто эти черви, Господь?

– Вы их знаете. Вы...

Эф не продолжил.

Любящая открыла ящичек и что-то видимо сделала. Свет, что вышел оттуда, словно невидимой сетью поймал говорившего.

Воздух вокруг задрожал. Само существо стало прозрачным.

И тут же исчезло.

То, что случилось потом, станет сюжетом для многих картин. В Зале Искусств ему будет выделена отдельная стена. Сюжет "Расставание". Среди пестрокрылых, которые присутствовали у пещеры, будет тот, что первым его нарисует. Нарисует так, как запомнил.

Первая держит ещё свою руку, продолжая гладить того, кого уже нет. Любящая присела над ящичком. Руки её повисли, тело прогнулось назад и, кажется, падает. Мутный нахмурился и молча смотрит на действие.

Сами же пестрокрылые как будто ещё не поверили. Радужнокрылый, что беседовал с Богом, держит протянутый шар.

Мгновения было достаточно, чтобы оно запомнилось навек.

Любящая сжалась в комок и что-то шептала.

И девушке стало жалко. Впервые ей стало жалко эту высокомерную и обычно невозмутимую женщину.

Она изменилась. От бывшей уверенности не осталось и

следа. Да что там следа – даже очертаний от этого следа уже не осталось. Казалось, будто из Любящей вынули стержень.

Или она сама этот стержень сломала. Своими руками.

– Что я наделала... Что я наделала, – голосила испуганная горожанка.

И если у Первой до этой поры ещё оставались сомнения о связи между открытием ящичка и исчезновением Ээфа, то теперь она поняла.

Да, виноват в этом ящичек. Бог исчез, и, возможно, уже не вернется.

Мутный склонился над женщиной:

– Пойдём, – сказал он негромко.

– Пойдём, – повторил он опять, понимая, что здесь оставаться опасно. Пестрокрылые ждали встречи с Ээфом, из года в год, из ночи в ночь, и непонятно, как они отнесутся к тем, кто её оборвал. Точнее, понятно.

Поэтому надо идти.

И он пошёл той дорогой, которой они пришли, предложив свою руку Любящей.

За ними отправилась Первая.

Она была ошарашена происходящим, настолько ошарашена, что даже забыла, как пестрокрылые выражают эмоции. На лице появилась улыбка, виноватая и какая-то глупая. Мол, что поделаешь, извините, но мы уходим.

Только потом, когда они приближались к укрытию, её озаарило, что именно таким чуть заметным поднятием уголков

своего рта и сближением век и Коэ, и Луы, и другие её ученики выражали победные чувства, когда во время учебы у них получалось то, над чем они упорно работали и чему отдавали все силы.

Первая фыркнула.

"Ладно, потом разберемся, – подумала девушка, – в конце концов это не столь очевидно, что Ээф исчез из-за ящичка".

Но тут же вздохнула. Конечно, конечно же очевидно, не надо себя обманывать...

Висмут лежал, отвернувшись от входа и положив под голову руки. Кобальт что-то точил.

– Фиалка... – мужчина встал, собираясь приветствовать.

Но замолчал.

– Что я наделала... – Любящая даже не посмотрела на провожатых. Она медленно опустилась на камень, заботливо поддерживаемая спутниками, и опустила голову, – что я наделала...

Висмут поднялся и посмотрел на вернувшихся.

Но ничего не сказал.

Всё было понятно и так. Цель путешествия провалилась.

Сидели молча, каждый в собственных мыслях.

Висмут и Мутный сами по себе были неразговорчивы. Кобальт слишком хорошо чувствовал настроение, и потому молчал, не желая взорвать тишину. Тишина была напряженной, настолько напряженной, что, казалось, любое слово бу-

дет подобно удару кремня о кресало и зажжёт этот воздух, сухой и плотный, как трут.

Первая просто не знала, что ей сказать. А Любящая... Любящей рядом не было.

Это была другая женщина, слабая и испуганная. Женщина, у которой забрали всё, забрали её же руками.

– Они обманули, – сказала она наконец. И посмотрела на Кобальта, – хранители нас обманули.

Кобальт кивнул.

– Нет, ты не понял. Они ОБМАНУЛИ. Они сделали это специально. Всё кончено, – женщина сжала губы, чтобы не зарыдать в полный голос, – ОН ушёл из этого мира.

– Но он вернется, – ответила Первая.

– Нет, не вернется. Хранители сволочи аккуратные.

И зарыдала.

– Хранители, – Кобальт нахмурился и снова начал строить.

Первая склонилась над женщиной и попыталась утешить. Но тщетно. Та завизжала, как будто на неё напали и отмахнулась, чуть не ударив Первую по зубам.

– Они обещали, – сказала она, после того, как проплакалась, – они говорили, что этот прибор просто чудо. Чудо... расчудесное, – и зарыдала, на этот раз тише.

– Они говорили, – женщина вытерла слёзы и попыталась взять себя в руки, – они говорили, что с помощью этой коробочки Бог сделает всё, о чем мы попросим. Вот всё. Вот

буквально.

"Как Бог из бутылки" – подумала Первая, вспомнив "Приключения Листика". Там из найденной в море бутылки вылезал Туманный Бог, и выполнял всё, о чём пожелаешь. Листик тогда пожелал вернуться домой. Впрочем, этому парню повезло дважды. Кроме бога, ему повстречался и демон, который исполнил его самое сокровенное желание.

– Они обманули, – продолжала страдать рулевая, – он просто исчез. Исчез... – она пропищала последнее слово и снова расплакалась.

Первая попыталась её успокоить:

– Я думаю, мы приживёмся, – сказала она, – зачем покидать этот мир?

– Ты не поймёшь, – ответила женщина и улыбнулась самой безумной из всех возможных улыбок, – ведь ты же не знаешь...

Девушка заморгала.

– Моргает она, – женщина заморгала в ответ, – Думаешь, тронулась?.. Этот мир уже обречён. Уже. Обречён. Будущего нет, ни у людей, ни у кого-то ещё. Помнишь, как в этом, пророчестве – "черви прогрызут тело земли". Ведь так же? Так? Воот, – сказала она и зашипела, – прогрызли. Всё изучили, измерили, описали. Всё. Осталось за малым – погасить это солнце и посмотреть, что же будет. Ну просто из любопытства. Сбудутся их предсказания или нет. И снова всё записать... Они такие. Они чокнутые, – сказала она тихо, – эти

хранители. Да, да, хранители – те самые ЧЕРВИ. Но я-то думала, они не врут. Я-то думала, такие честные негодяи. Вот негодяи, но честные. Что-то там архивируют, честно так архивируют. Я думала, врут только люди. А хранители нам помогут... Но как же я ошиба-аалась, – Любящая снова расплакалась. Какая-то беглянка решила оплести её ногу и медленно поднималась по голенищу.

– Теперь нам никто не поможет, – женщина вытерла нос, – теперь мы одни.

– В банке с пауками, – шепнула чуть слышно Первая.

И только тут поняла, что жалеть эту женщину нечего. Она знала всё, но молчала. Она одна виновата в случившемся.

– Сынок, мой сынок, – старик склонился над телом. "Жив. Слава Верхнему".

Он подбежал к выключателю и обесточил системник. Потом аккуратно, чтобы случайно не навредить, отсоединил гарнитуру.

"Как долго он здесь лежит?" – подумал отец, – что же случилось?"

На быстрый разряд не похоже. Обморок? Нет, это не обморок.

Хотя кто его знает?

Выпадение из реальности. Бывает. Но редко.

Он нащупал медальон. Пульсирует, значит, в порядке.

И это не выпадение.

Ни крови, ни ссадин, ни заметной припухлости. Слава Верхнему, ничего.

Значит, обморок. Первый раз в жизни. Вот это да.

Может, давно не ел, вот и упал, бедняга. Заработался, и забыл про покушать.

"Сынок мой, сынок. Что я наделал. Пришёл бы пораньше, принёс бы тебе облатки. Ты так любишь облатки. Поел бы, сынок".

Какой затхлый воздух.

Старик подошел к окну и открыл створки настежь.

Теплый ласковый ветер ворвался вовнутрь, внося свежесть ночи.

– Отец, – лежащий прокашлялся и посмотрел на вошедшего своими влажными глубокими глазами, – прости, отец.

– Сынок, да что ты говоришь? Я так испугался, – старик присел над лежащим, – пришёл, а ты вон... лежишь.

– Отец, я кое-что сделал. Кое-что очень плохое. Я сделал что-то, что делать нельзя, – лежащий присел, – я нарушил пятый закон.

Старик нахмурился.

– Что же, бывает, – сказал он наконец, – если говорить начистоту, я тоже иногда проникал в созданный мир. Творить с любовью и не проникать в предмет своей любви могут немногие.

– Нет, отец, я не просто бывал. Я вводил в него семя. Нового мира.

– Проникновение с зачатием?

Сын виновато потупил взор.

Старик молчал.

– Отец, у меня не было выхода. Ты же сам говорил – когда что-то любишь, не будешь смотреть, как оно умирает.

– Как оно умирает, – повторил еле слышно старик и присел рядом с сыном, – понимаешь, сынок, твой мир потерял свою девственность. Он не сможет участвовать в конкурсе.

– Я знаю. Я знаю, отец. Но послушай. Не об этом я переживаю. Верхний с ним, с этим конкурсом, – сын опустил глаза, – солнце гаснет, от мира к миру, цветущие ландшафты становятся безжизненными, а те, кого любил, погибают. И я не могу их спасти.

Наступило молчание.

– Ты не сделал оценку развития? – спросил наконец отец. На этот раз строго.

– Не сделал. В самом начале. Я сделал потом, когда было поздно.

– И ты ввёл туда семя. Или...

– Прости, отец, – сын отвернулся, – я вмешался в твой мир, в твою лучшую работу и забрал её часть.

– Так это был ты?? Это ты забрал остров? – старик задумался, – а я-то всё думал, куда же он делся. Думал, вирус или какой-нибудь сбой.

– Прости.

Старик вздохнул. Но потом улыбнулся:

– Прощу. Ведь я тебя знаю, сынок. Вряд ли просто желание победить заставило тебя нарушить закон. Ты это делал с любовью. Правда, кое-кому ты всё-таки навредил. Знаешь, в том самом мире случилось цунами. Волны поднялись и смыли прибрежные города. Больше других пострадал континент, самый близкий от острова. Солнечная страна. Погибло много народа, в том числе королева. Дальний город, к примеру, не пострадал, потому что он дальний и там правят чародеи. Но... что поделаешь? Верхние не всегда считаются с нижними.

– Я не знал, отец, – сын посмотрел в глаза, – я действовал осторожно. Точнее, хотел. Не получилось...

– Я знаю, сынок. Поэтому и существуют законы. Четвертый, пятый.

– Отец, но ведь есть исключение, при котором вмешательство считается необходимым. И не наказывается, – юноша будто воспрял.

– Ну это...

– И всё же.

– Ну. Если бы кто-то нарушил четвертый закон, да так, что потребовалось вмешательство. Тогда бы нарушение пятого признали необходимым.

– Ладно. Теперь ничего не имеет значение. Я не могу вмешаться физически. Уже не могу, – сын прислонился к отцу, – они выключили меня. Полностью. Они сожгли мой аватар.

– Они?? – старик нахмурился, – кто?

– Мои создания.

– Ты уверен?

– Отец...

– Может быть, всё-таки проблема на этой стороне?

– Отец, ты же знаешь, у меня сухой диплом. Я всё проверил, – юноша помолчал, потом добавил, – аватар сторел. Я пытался его восстановить, но... бесполезно. Возможно, вход замкнут на выход. Или они поменяли ключи.

– То есть нижние отрезали верхнего??

– Представь себе, да.

– Такое трудно представить.

– А вот попробуй. Я попытался проникнуть, но меня снова выбило. Поэтому и упал.

– Верхний всемогущий... Да об этом можно написать диссертацию!

– Не смейся, отец.

– Я серьезно.

Сын сделал вздох, другой, третий.

И тихо заплакал.

ГЛАВА 7. БЕЛАЯ РОССЫПЬ

Два начала ведут этот мир – объединения и распада. Борьба этих начал дает то многообразие, которое мы наблюдаем.

Чем яростней эта борьба, тем более устойчив мир. Любая сила может принять либо одну, либо другую сторону и должна придерживаться выбранного пути. Должна быть последовательна.

Это не есть соперничество добра со злом. То, что нам видится как добро, другое начало воспринимает наоборот.

Исторически сложилось так, что для того, чтобы выжить в долине вулканов, нам предстояло принять сторону объединения, то есть начать движение к более коллективной организации в ущерб индивидуального.

Когда-то еще несовершенные колониальные организмы, мы превратились в единое многоклеточное существо. Каждая клетка этого существа, каждая ячейка общества стремится внести свой вклад в общее развитие. Мы не чувствуем боли, когда нам плохо, но мы испытываем страдание, если не можем помочь нашему общему развитию. У каждого из нас свои задачи, каждый выполняет свою нужную для организма функцию. Мы счастливы, так как стараемся реализовать её как можно лучше, и у нас это полу-

чается.

Наше общество выжило и углубило своё объединение. Оно интегрировало окружающий мир в свою собственную структуру. Это общество будет и дальше бороться и стремиться расширить влияние.

Развернуться и двигаться в обратную сторону мы не можем. Нам необходимо защищать выбранный путь – путь Государства.

Выдержка из учебника Единых

– По ночам же никого не забирают, – у узника задвигалась вся левая половина лица. Крик несчастного, которого уводили охранники, становился всё тише, пока не затих, – или у них не хватает людей?

– Не знаю, Певец. Нас забирать проще, чем вылавливать на равнине.

Ветер сидел на полу их вонючей холодной камеры и с тупым безразличием наблюдал очередного пещерного монстра, который вцепился в прутья.

Сколько лет он сидел в этом душном стеснённом вольере (иначе не назовёшь), но к вони и холоду не привык. К монстрам – пожалуйста, те постоянно кружили там, за решеткой и всё время пытались пролезть. Глупые твари. Допустим, там, кошка, собака, да даже какой-нибудь пыхчик давно бы уже прекратили. А эти – нет. Эти на ошибках не учатся. Лад-

но, Тварный с ними, с этими монстрами, они почти что домашние...

В углу, на уровне глаз, были прорезаны чёрточки. Проснутся – прочертят, проведут очередные унылые сутки, снова прочертят. Главное – не забыть, иначе совсем потеряешься.

Да и потом, как догадаться, что там снаружи – сезон, межсезонье? День или ночь? Они и пещеры не видят, не то что предгорий.

– Тревожно, – сказал Певец, присаживаясь к сокамернику, – что-то сейчас намечается, я это чувствую.

– Может, свобода? Уйдем из этого мира, а там – какие решётки? Хотели же говорить с Богом, вот, может, и поговорили.

– Как это у нас получается?

– Что?

– Да вон, у других, – Певец показал на соседние клетки, – давно уже перегрызлись. А мы – душа в душу.

Ветер склонил голову набок:

– Не знаю, Певец. Возможно, всё дело в тебе. Это ты такой славный. Я-то раньше ни с кем особо не уживался.

“Раньше”. Какое сладкое слово.

Ветер закрыл глаза...

– Там их много. Полсотни, не меньше. И все какие-то маленькие, – Рыжик смотрел на камеру, которую спустил по

верёвке.

– Значит, рядом гнездо, – Ветер нахмурился.

– И что это значит? Мы подобрались к их логову? – Телец облизал свои губы. Самый весёлый из этой компании, и самый позитивный – так говорили горожане. Ведущий тройки охотников, живой легенды города Надежды, – их можно бросить – и жарить, жарить... – он сделал движение, как будто схватил сковородку, и начал подбрасывать. Получилось смешно.

– Живьём, чтоб пиццали, – добавил Рыжик. И рассмеялся.

– А хоть бы и так. Равнинники бросают же рыбу на сковородку. Живую. А это ведь рыбка. Она симпатичная.

– Не пробовал, – Ветер проверил верёвку и высунул голову, – края слишком острые, как бы ни перетёрло.

– Да не успеет, – успокоил ведущий.

– Жидкости хватит? – Рыжик покосился на ранец.

– Хватит, я зарядил перед тем как отправились.

– Так вот почему он тяжелый, – замыкающий усмехнулся.

Рыжая копна волос, рыжие брови, рыжие усы, рыжая борода – он казался воплощением древнего бога, которому поклонялись до Катастрофы (так горожане называли перемещение Острова). Был такой, назывался Огнебород. Бог дерзких и смелых. Таких, как они.

– Я бы не рисковал. Ладно бы один, без груза. Но втроем, с ранцем, – Ветер покачал головой. Впрочем, Ветер такой, он всегда недоволен – не одним, так другим. Но в походе цены

ему не было – лучший следопыт, скалолаз, жилистый и выносливый. И если Телец был сердцем команды, можно сказать, заводилой, Рыжик – душой, то Ветер – руками и ногами одновременно. Впрочем, заведи любого – команды не станет. Не будет тройки. Самая отчаянной тройки самого безнадёжного города.

Ветер тряхнул головой. В городе Надежды никто уже не надеется на Возвращение. Только неисправимые романтики, вроде Фиалки. Встреча с Создателем. Это же надо придумать.

– Первым полезу я, – сказал Рыжик, – я их увидел.

– Дорогой, – ответил Телец, – здесь я ведущий. Парень женился, – он повернулся к Ветру и прижал руки к сердцу, – был Рыжик, стал Рыжик за Белкой. Кажется, Белочка неплохо его тренирует.

– Первым полезу я, – сказал Ветер, – и точка.

– Но...

Мужчина махнул рукой, отсекая любые споры. Впрочем, все знали, что так и нужно. Подъём опасный, и лучше поменяться местами. По скалам центральной лазил как обезьяна – было такое мифическое животное из старых легенд.

Ведущий вздохнул и повернулся к Рыжику:

– Иногда мне кажется, что мы не нужны.

– Угу, – согласился тот, поправляя заплечный ремень, – группа поддержки. Справится и без нас.

– Хватит болтать, – Ветер надел зацепы, – готовы?

Телец улыбнулся:

– Волнительно.

– А то, – ранец на спине замыкающего сидел как влитой, и это почему-то добавляло ему схожести с Огнебородом, – редко бывает такая удача.

– Значит, на сковородке?

– С лучком и с морковкой.

– Маленькие то они повкуснее, – облизнулся ведущий.

Команда полезла.

Ветер вбивал в скалу крючья, и по ним, как по лестнице, забирались другие. Всё выше и выше.

Центровому они доверяли, наверное больше, чем даже себе.

Но не верёвке. Веревка оказалась бракованной, пара из нитей порваны. Важнейшая часть снаряжения – что ж они так, надо было проверить.

Ветер забил новый крюк и стал подниматься. Осталось немного. Совсем немного. Верёвка выдержала, слава Создателю. Или Обиженному, как говорят на равнине.

Равнине...

Ассиметричные у них отношения. В городе знают всё о равнинниках, точнее, считают, что знают. В театрах крутят множество фильмов, но что там правда, что вымысел – сказать сложно. Правда, равнинники о горожанах не знают, совсем, не знают даже, что те существуют.

Ветер слегка подтянулся и перелез через край.

В нише смердело. Зловонный воздух отбивал всякое желание двигаться дальше. Мужчина смотрел вглубь.

И морщился.

Черные копошащиеся тела, похожие на гусеницы гигантских бабочек.

Здесь у них логово, гнездо, детский сад, ясли. Да что бы то ни было. Если есть эти мелкие, где-то должны быть и крупные. Пещерные монстры.

– Я никогда... – начал Ветер, но тут же осёкся.

Треск, тихий и страшный одновременно. И крик.

Он согнулся над пропастью.

Верёвка рвалась на глазах.

"Быстрее, быстрее!" – хотел закричать центровой.

Но было поздно.

Правой рукой Ветер схватил за запястье ведущего, а левой нащупал выступ, за который держался, думая только одно – лишь бы тот выдержал.

Мужчина услышал Рыжика, и тут же вскрикнул Телец, чувствуя, как парень схватил его ногу.

– Держитесь, – процедил Ветер, сквозь зубы, сквозь боль.

Жилы на руке натянулись, вены превратились в синие трубки, а связки, казалось, что лопнут.

Но он тянул.

Медленно, по чуть-чуть вытягивая команду. Свою команду. Тех, с кем проводил последние годы, тех, с кем делился последним. И он знал, что не отпустит. Погибнет сам, но НЕ

ОТПУСТИТ.

И тут он увидел.

Увидел то, чего не забудет.

То, что ему будет сниться, долгие, долгие годы.

Телец оттянул правую ногу, и с силой ударил по Рыжику.

По рукам, что вцепились в левую.

Тот закричал.

И этот крик, который становился всё глуше, и звук, которым закончилось, центральной уже не забудет.

– Зачем, зачем... – шептал он губами, когда ведущий взобрался, – ведь я бы вас вытащил. Обоих.

Телец молчал.

Тогда, на краю обрыва, в гадком вонючем логове самых отвратительных созданий, Ветер потерял двух своих близких. Двух лучших друзей.

Теперь, сидя в клетке, он возвращался к событиям.

Из-за которых здесь оказался.

И Ветер знал человека, который сломал ему жизнь.

– Проходите, заступник ждёт, – служник кивнул на дверь, еле заметную в конце тёмного, неосвещенного коридора. Согласно традиции, закрепленной двухсотлетним существованием гильдии стражей, Заговорённый посмотрел в сторону гор. Точнее, в ту сторону, где, как он полагал, они находились. На стене висела подсказка, но воин туда не смотрел – в мыслях было другое. Как в мыслях всякого воина, запертого

за сотни километров от дома, в далёком Прихольмье, не знающего, что будет дальше, и не имеющего возможности что-то решать.

Служник крикнул. Значит, смотрел не туда.

Ну и ладно. И пусть.

Заговоренный коснулся ручки, и дверь сдвинулась в сторону. Бесшумно, как лодка, скользящая по воде.

"Всё смазано, всё подогнано" – подумал мужчина. Тут удивляться нечему. В святая святых самой влиятельной гильдии и не могло быть иначе. Ровно и аккуратно. Ровнее, чем в междуреченском храме.

Заступник сидел за длинным столом, сделанном из редкой и прочной породы – дерева шептунов, или шептуньи. Тёмная, отполированная до металлического блеска древесина словно подчеркивала прочность и нерушимость того фундамента, на котором держится гильдия.

Заступник кивнул:

– Садитесь, Заговорённый. Извините, но встать не могу, нога живет своей жизнью, – он вдохнул и сразу же выдохнул, словно желая с дыханием выпустить боль.

Воин сел.

– Итак, – фиолетовый свет острокрылки добавлял рельефному, будто бы вырезанному из камня лицу некую траурность, неподвижность, и мужчина подумал, что вот оно, прошлое, уходит и отмирает. Но тут же себя одёрнул. Каким бы закаменелым не казалось правление стражей, они един-

ственные могут обеспечить порядок. Стражи и воины. Сутулый и Шестипалый.

В раскрытые створки окна оказались вставлены стёкла, что было редкостью. Обычно в раме стояла решетка, а иногда это был просто проем, ну если вы не боялись, что кто-то залезет.

Нет, на равнине, у самых холмов, где дуют ветра, стёкла, бывало, вставляли. Но чтобы в Лесу...

– Итак, – повторил заступник, – у нас впереди разговор. Важный и содержательный.

Заговорённый молчал.

– Длиннолесье захватили безбожники. Этот, как его, – старик сморщил нос, – Длинноногий... Я знаю, он взял в заложники Вашу дочь.

– Моя дочь не заложник, она сама так решила.

– Ну... Возможно. Пускай. Хотя я бы хотел, чтобы Вы ошибались. Такой отец не мог воспитать безбожницу.

– У разных людей разные представления и понятия. В том числе о Боге и чести.

– Согласен. Но всё же из всех путей лишь один ведёт к истине. Так говорил Шестипалый.

– Но этот путь можно пройти по-разному.

Старик усмехнулся:

– Идти то мы можем по-разному, но путь один... Я вижу, Вы читаете много спасительной литературы.

– Стараюсь.

– Особенно Сутулого.

– Особенно.

– Как Ваша книга? – продолжил Шестой, – я слышал, Вы пишете книгу?

– Пишу. Но медленно.

– Все лучшие творения рождаются медленно. Как там у классика? "Прекрасное всегда неторопливо".

Воина передернуло.

– Военное искусство? – старик всем своим видом изображал заинтересованность.

– Да. "Эффект неожиданности".

– Вот как... – Шестой посмотрел в окно, – как отряд?

– Ждут приказа.

– Ваш сержант. Как его?

– Картавый.

– Нет, не этот. Я о том, что ушёл.

– Острый.

– Он присоединился к мятежникам?

– Да.

– Что Вы об этом думаете?

Заговорённый напрягся.

– Есть один человек, – ответил он резко, – человек без чести и совести. Один. Который совершил поджог своего Леса. Он и несёт ответственность.

– Знаю. Наши мысли совпали. И оно, конечно же, хорошо. Поэтому я и хочу объявить Вам решение, – старик сде-

лал паузу, – скоро день. Наступают последние в этой ночи пылающие...

В комнату влетел острокрыл. Он уселся на стол, приподнял свои крылья и громко застрекотал. На боках обнажились кармашки. В этих кармашках сидело потомство, ещё очень маленькое, безлапое, оно выйдет оттуда как только наступит день, и какое-то время будет находиться в гнезде, которое острокрылы построят на дереве.

– Тихий! – крикнул старик.

Вошёл служник.

– Выгони этого вон и закрой наконец окно.

Молодой человек подошел к острокрылу и попробовал как-то к нему подступиться. Это оказалось непросто. Животное яростно зашипело и ударило лапой в лицо. Ямочки под ушами раздулись, крылья выгнулись вверх.

Служник коснулся щеки, и полным ужаса взглядом посмотрел на ладонь.

На пальцах осталась кровь.

– Что за... – заступник нахмурился.

Заговорённый поднялся, запрокинул назад свою голову и, подражая животному, застрекотал.

Острокрыл сложил крылья и посмотрел, внимательно и спокойно.

Мужчина сузил глаза.

Животное то же.

Старик с удивлением наблюдал, как маленький ангел по-

слушно садится на локоть, обхватив его лапками, а потом, после взмаха рукой, улетает. В распахнутое окно.

– Всего то делов, – сказал он спокойно, – Тихий, закрой.

Служник закрыл обе створки и вышел.

– Где Вы научились так стрекотать? – поинтересовался заступник, обнажая столь редкую в его возрасте и положении улыбку. Мальчишескую и, скорее всего, наигранную.

– Мы приручали острокрылов, – ответил мужчина, – в основном для разведки. Когда были банды.

– И как они вам... докладывали?

– Они стрекотали столько раз, сколько нужно и описывали нужное количество кругов. А в целом, приручаются острокрылы не хуже, чем те же самые плащеносцы, ну, может, немного дольше.

– Вот как? Ну что же... – заступник перебирал пальцами, – Вы тот человек, который может восстановить закон. Скоро начинаются пылающие, последние в эту ночь. Придут подкрепления из Заводья и даже Приморья, Большого, – старик вздохнул, в этот раз облегчённо, – второй отряд собирается в Долине, там же будут и междуреченские. Вы назначаетесь командующим объединёнными силами. Оба отряда, после того, как они соберутся, переходят под Ваше командование. Как только начнётся день, нужно действовать.

– Так вот почему мы ждали, – Заговорённый опустил свою голову.

– Да, – заступник немного поморщился, – нам не нуж-

на расправа. Нам нужно мягкое повиновение. Вы выросли в Длиннолесье, поэтому кровопролития не допустите. Вы читали Сутулого, Вы знаете тактику. Всё это, помноженное на авторитет Заговорённого, поможет вернуть закон.

Мужчина молчал.

Он сидел с опущенной головой и, казалось, был чем-то придавлен. "Быстрорукая, Острый, Она..." Непосильная ноша.

Старик словно увидел его состояние.

– Поймите, – он наклонился к столу и вцепился в него руками, – я не хочу кровопролития. Никто не хочет. Тем более Вы.

Мужчина вздохнул.

– Это всё? – спросил он устало.

– Нет. Для Вас есть задание, – заступник понизил голос, – есть сведения, что мятежники связались с Девятым.

Заговорённый нахмурился.

– Если я правильно понял, – сказал он задумчиво, – герцог хочет использовать двудушных? В качестве воинов?

Заступник кивнул.

– Тогда это непросто. Двудушные устойчивы к боли, а их реакциям позавидуют стриклы.

Шестой посмотрел как-то снизу. Взглядом просителя, который не смотрит – просит, уповая на чью-то волю. Это так не вязалось с обликом самого могущественного человека, что воин смутился. И опустил свою голову.

– Поэтому Вы и нужны, – продолжил заступник, – Вы уже бывали в Девятом. И были, насколько я помню, долго. Вы знаете их обычаи, и Вы не боитесь.

– Бояться там нечего, – Заговорённый понял, что хочет старик, и сердце забилося так, будто там, в груди сидел острокрыл и бился своими крыльями.

– Искренность – это прекрасно, – заметил Шестой, – конечно, бояться там нечего. Но двудушные нарушили главный закон, данным Создателем. Да что там Создателем, главный закон природы.

– Заступник, скажите, что нужно делать, – меньше всего на свете воин любил выслушивать нравоучения.

– Я хочу, чтобы Вы поехали в Девятый, – старик выдержал паузу, – естественно, у Вас будет задание, так сказать, легенда. Вы поедите не с пустыми руками. Но настоящая Ваша задача пронюхать и разузнать.

"Пронюхать". Заговоренный поморщился.

– Я могу поговорить со старейшинами Девятого, – сказал он заступнику, – есть вероятность, что буду услышанным.

Старик покачал головой.

– Нет. Нет. Никакого риска. Прошу Вас, не надо. На карту поставлено многое.

Заговорённый кивнул.

– Ну что же, – спросил он, вставая, – тогда я пойду?

– Идите.

Командир поклонился и медленно вышел за дверь.

Медленно и спокойно.

Но душа рвалась, так, будто её разрывала маара.

Шесть селений сгорело в результате пожара, и шесть новых поселков было построено.

Разногласия, обиды и недомолвки между общинами оказались забыты, и всё Длиннолесье помогало, так, как помогало бы своим односельчанам.

Новые, чистые, ухоженные домики. Погорельцы были довольны.

Погибли или разбежались животные, сгорели хозяйственные постройки. Но всё позади. Позади самое страшное.

Длиннолесье проявило себя единой дружной общиной, и если враг, будь то стражи, а может, кто-то другой, хотел вызвать смуту, хаос или, хуже того, войну между селениями, он просчитался. Самый красивый и самый сказочный Лес (ведь сказки Длинного Леса знали повсюду) оказался сплочённым как никогда.

И Быстрорукая это понимала. Она наконец обрела тот стержень, ту цель в жизни, к которой стремилась. Наказать виновных и восстановить справедливость. А кто её враг, она знала.

– Герцогиня, – позвал чей-то голос, – ведь так Вас теперь величать?

Девушка обернулась.

– Синеокая?

– Да, приходила общаться с озёрниками.

– По поводу...

– Бледного.

– А, этого...

– Да.

Повисло молчание.

Вместе они составляли интересную парочку. Одна высокая, с красивыми, но волевыми чертами лица, вторая маленькая, хрупкая, и с виду как будто бы безобидная. Но только с виду. В селении Светлого хорошо знали Синеокою, дочь несменяемого старейшины, почти что герцога. Так что девушка тоже была в каком-то роде герцогиней.

Кое-что связывало их обоих, кое-что мешало общаться, и это кое-что, точнее, кое-кто, был далеко. Возможно, на том же Посту, возможно, дальше. Он перемещался по равнине быстрее бегуна.

– Ну что, не скучаешь по бывшему? – спросила Быстрорукая, желая прервать молчание. И закусил губу. Как всегда, она сказала что-то не то. И, как всегда, поняла, что что-то не то сказала. Нет, собеседник из неё никакой.

Синеокая улыбнулась.

– Я замужем, – сказала она, – у меня ребенок.

– Ах, вот как, – Быстрорукая потупила взор, – я, как всегда, замечаю только то, что замечаю.

– А я вижу то, что вижу. И говорю только то, что говорю.

Девушки посмотрели друг другу в глаза.

И рассмеялись.

– Мутный не мой герой. Я это поняла, – сказала Быстро-рукая.

– И не мой. Он слишком скучный и не в меру задумчивый.

– Наконец он нашел себе пару.

– Как хорошо, что он её наконец-то нашел.

– Как хорошо, что они вместе.

– Как это здорово.

Лёд тронулся, и девушки стали болтать. Синеокая оказалась не такой уж занудой, наоборот, беседовать было приятно, почти как с Косматым.

– И что говорят озерники? – спросила герцогиня.

Девушка пожалала плечами:

– Говорят, они это знали. У них везде свои уши – в Заводье, в Прихольмье. И даже, ты бы видела, как один из них говорил это "даже", – она широко открыла глаза и медленно выговорила, – даже на холмах.

– Сейчас это не секрет, – воительница усмехнулась, – все знают, что на холмах живут люди.

– Сейчас уже многое не секрет. И Остров существует, и какие-то крылатые двуногие плащеносцы. Говорят, высоко в горах большой город.

Быстрорукая заморгала.

– Что-то случилось, – сказала она, чтобы закрыть эту тему, – этой ночью что-то случилось.

– В интересное время живем, – продолжила Синеокая. И

опустилась на землю.

Быстрорукая села рядом.

– Да, – сказала она, – интересное.

– Как твой отец?

Воительница задумалась.

– Я писала. Я рассказала, подробно, что же случилось. И

Острый писал.

– Не отвечает?

– Не отвечает.

– Ты думаешь, они его держат в заложниках? – спросила

Синеокая после небольшого молчания.

– Нет, не думаю, – герцогиня нахмурилась, – у Заговоренного сильный отряд, и он не сдаст командира.

– Что же тогда? Неужели...

– Вот именно. Если бы он только знал, кто виноват, это бы означало конец. Для всей этой шайки. Большой такой жирный конец, – Быстрорукая сжала кулак.

– Для того и позвали, – ответила Синеокая, – чтобы они были рядом. В случае бунта.

– Ты правильно понимаешь. Мой отец очень любит закон. Если стражи сказали ждать – будет ждать. И все будут ждать, – девушка подняла свою голову. Прекрасная шея обнажилась, и, будь тут художник, то непременно бы взял карандаш, – но если бы он мне поверил. Я даже не знаю, дошло ли письмо.

– Он ждёт. Возможно, есть несколько решений, и все

неправильные.

– Все? – удивилась воительница.

– Ну, он так думает.

Герцогиня кивнула.

К ним направлялся высокий угловатый человек с очками на длинной горбатой переносице. Казалось, очки на ней только держатся, и никакие заушины не нужны. Человек был в хорошем расположении духа – это было заметно, даже издали. Возможно, по походке. Когда он шёл, то как-то по-особому размахивал руками. Медленно, но широко.

Человек подошёл и поклонился.

– Герцогиня. Целицка, – приветствовал он собеседниц, обернувшись приветствием, которое применяли исключительно к целомудренным девушкам.

Синеокая улыбнулась.

– Вы, наверное, получаете удовольствие. Посёлок и правда великолепен, – озёрник чуть было не поздоровался с посёлком. Во всяком случае, он послал ему воздушный поцелуй.

– Мы обсуждали дальнейшее, – ответила Синеокая, – и прошедшее тоже.

– Как интересно, – мужчина повёл бровями, и очки на носу уплыли куда-то вверх.

– Не то слово, – Синеокая усмехнулась.

– Продолжайте.

Девушка пожала плечами.

– Тогда, пожалуй, разрешице, я Вас украду? – обратился он к Быстрорукой, – там у нас небольшой совет, на котором присутствует герцог.

– Разрешаю, – ответила та и повернулась к своей собеседнице, – не исчезай.

Синеокая улыбнулась.

Синий вперемешку с зеленым – лучшее сочетание для глаз. Именно под светом этих деревьев, плащенок и бегуньи, старались строить посёлки.

Не изменили традиции и сейчас.

Герцог стоял в голубой рубаше с открытым воротом, светло-коричневые брюках и отполированные до блеска ботинках. В окружении трёх незнакомцев – старейшин Озерного Края, как объяснил провожатый. Стоял – и улыбался. Неунывающий, безбашенный. Он мог десятки раз кубарем свалиться вниз, угодить в тюрьму, к стражам, куда угодно. Но как-то выкручивался. Точнее, выкручивался не он – его выносили события, как сказал бы сам герцог – Его Мудрейшество Случай.

– Герцогиня, – мужчина повернулся к избраннице, – есть разные новости. Хорошие и плохие. Как в анекдоте.

– Рассказывай, – девушка не любила загадки.

– Сегодня рассказчик не я. Прошу, – сказал герцог, и показал на небольшую беседку. Зеленое круглое строение только подчеркивало мягкий ласкающий свет росшей рядом бегуньи.

– Итак, – начал большой седовласый мужчина, похожий на пророка Шестипалого. И все повернулись на голос, – моё имя Матёрый.

"Ничего себе, – подумала девушка, – первосвященник Озёрного края, можно сказать, заступник".

Это была очень знаковая фигура. Если прислали Матёрого, значит, озёрники не оставят. Значит, сделают всё, чтобы спасти Длиннолесье.

– Я буду говорить кратко и только по делу, – продолжил старик, – здесь присутствуют первые лица всех трёх районов нашего края. Дюжий. Хромой. Выразительный, – каждый сидящий кивнул. Последним оказался мужчина, сопровождавший её в беседку.

– Скоро должен прибыть еще один человек. Он опаздывает, – старик помолчал. "Надо же, а говорит без акцента" – подумала девушка. Не удивительно. Насколько ей было известно, Матёрый не был уроженцем Озёрного, даже больше – в юности он подался в Прихолмье, и какое-то время служил у Его Святейшества. Но высокомерие и мелочность гильдии оказались несовместимы с идеалами, к которым стремился этот могучий человек. Матёрый ещё в молодости оброс легендами, а Озёрный край во время его первосвященства оказался чуть ли не столь же богатым, как Междуречье. Во всяком случае, торговля с озёрниками велась от Заводья до самого Девятого Леса, без какого-либо посредничества.

– Намечается великое противостояние. Стражи собирают

под свои знамена всё свободное воинство. В Прихолмье стоит отряд Длиннолесья, скоро придут с Заводья, возможно, Приморья. Пока Большого, Малое трогать не будут – там своих собственных дел выше крыши. В Долине собирается вторая армия, к которой должно присоединиться Междуречье, – старик оглядел собравшихся. Своим проникающим взглядом, – и всё это двинется в Длиннолесье. Как только наступит день.

Герцог присвистнул:

– Умно́. Хотят выкурить нас из Леса и окружить на равнине.

– Источник? – спросила Быстрорукая, и встретила с Матёрым глазами. Со стороны казалось, что это два самых влиятельных человека в округе, и именно они определяют будущие события.

– Надёжный, – ответил старик, – в Прихолмье есть человек, который недавно прошел инициацию в самом закрытом ордене. Этот человек вхож в гильдию стражей, и все его донесения до сих пор отличались надёжностью. Именно он предупредил о готовящемся пожаре. Но... было поздно, – первосвященник вздохнул, – стражи использовали воздушные шары, а их скорость сравнима со скоростью плащеносцев.

Старик помолчал, потом добавил:

– Это не всё, – он вновь посмотрел на девушку, – нам известно, кто будет командовать объединёнными силами.

– И кто же? – сердце заколотилось так что, казалось, пробьет её ребра.

Но она посмотрела в глаза.

– Ваш отец, – ответил Матёрый, и выдержал паузу, дав возможность спокойно обдумать сказанное, – наша задача – сделать всё зависящее от нас, чтобы кровопролития не было. Но... мы должны быть готовы. К тому, что случится, к любым вариантам. Увы...

В беседе молчали.

– Да, это сложно, – продолжил старик, – да, Заговорённый – лучший воин со времен Сутулого, – он вновь оглядел собравшихся, – но более чем столетняя история Свободного края (так называли Озёрный последователи Просветлённого) доказывает, что проблема решаема. Тем более, если противостоят отцу будет его дочь.

На Быстрокурой скрестились взгляды.

– У нас слабые шансы, – ответила та, выпрямив спину ("Богиня" – подумал герцог), – остатки отряда Длиннолесья, воины Озёрного и... всё?

Матёрый улыбнулся:

– Нет, не всё. В Долине много недовольных, в том числе среди воинов. Много недовольных в Приморье, особенно Малом. И ещё... – собравшиеся услышали звук. Именно так приближается прыгун, несущий на себе седока.

Когда животное остановилось, со спины спрыгнул человек. Грациозно и ловко, словно танцующий стрикл.

Лоб прибывшего был затянут материей.

– Фиалка, – мужчина расставил толстые пальцы и с каким-то недоумением (или сочувствием) посмотрел на вошедшую. Пожалуй, всё-таки недоумением, Телец никогда не сочувствовал.

"Какой тусклый потерянный взгляд, – верно думает этот кабан, – высокомерная шлюха потеряла свою привлекательность".

Любящая остановилась на пороге.

– Я думаю, не стоит так убиваться, – капитан показал на кресло.

Женщина села, но села на край. Она пришла сюда не болтать, а по делу.

– Ну, останется всё, как и было, – капитан произнёс последнее слово так, как будто спросил. Он наполнил бокал и предложил рулевой, – будем жить так, как жили. Вроде неплохо.

– Нет, не останется, – тихо ответила та, – мы уже не нужны. Хранители нас обманули, и они знают, что мы это знаем.

– А продукты, которые мы выращиваем? – капитан попробовал пальцами воздух, – Они же любят наши продукты...

– Какие продукты, Телец? – Любящая посмотрела на капитана, так, как будто сомневалась в его умственных способностях, – какие продукты? Ты думаешь, до нас они ничего не ели? Сотни лет они только и ждали, когда мы придём и

угостим их морковкой?

Мужчина замялся:

– Но они же просят...

– Просят... Представь, небеса погасли. Мы живем взаперти. И знаем, кто виноват, – женщина сверлила глаза капитана, надеясь найти хоть какое-то понимание, – скажи, им нужны недовольные? Скажи, они будут поддерживать все эти системы, благодаря которым мы тут живём?

Мужчина повернулся к столу:

– Фиалка. Ты согласишься так далеко. А надо жить настоящим. Никто никого не трогает, всё как раньше. Ведь архивация не закончена?

– Не закончена, – ответила женщина, и вздохнула, – скоро закончат. Тюльпан говорит, они отогнали назад все мутации, что были в истории человека и восстановили всех наших предков. Я плохо понимаю, что это значит, но звучит неприятно. Как приговор.

Мужчина молчал.

– Я думаю, они и готовились к этой дате – я имею в виду пробуждение. Теперь мы для них не нужны.

– Ошибаешься, – Телец улыбнулся, чтобы хоть как-то вернуть настроение, – они попросили еще одного заключенного.

– Когда?

– Вот буквально сегодня.

"Как радостно он говорит. Отдает на растерзание собственных граждан – и улыбается. Пускай заключенных, но

всё же людей, своих, плоть от плоти". Рулевой стало плохо. Как они измельчали, в кого превратились, сидя в пещере. В кого превратятся, сидя здесь дальше.

– Ну что же, – сказала она печально, – у нас есть время. Чтобы убраться отсюда.

– Куда?? – удивился мужчина, – зачем?

– Куда же еще? На равнину. Я думала, ты понимаешь.

– Но мы же не вмешиваемся. Мы не мешаем, – Телец выпучил губы, теперь они казались еще более мясистыми, – хранители не просят нас уходить. Они продолжают забирать людей для своих...

Он опустил свою голову.

– Вот именно, капитан, – ответила Любящая, – хранители нас обманули. Сделка должна быть расторгнута. Иначе мы не народ, иначе мы изгои, которые кормятся из рук палачей. Мы платили высокую цену, отдавая частицу себя. Мы служили палачам, потому что они обещали награду. И обманули.

Мужчина кивнул.

Любящая понимала, насколько комфортно ему в этом городе, единственном в своем роде, укрытым от посторонних глаз. И уходить куда-то, где власти придет конец – этого капитан боялся.

– Когда-то ты был самым смелым, – напомнила женщина, – ведущим тройки охотников.

Мужчина молчал.

– Вспомни. Телец, Ветер, Рыжик...

– Не надо, – он осушил свой бокал, – не надо, Фиалка.

– Конечно, после того случая, когда Ветер бросил напарника... – рулевая давила на чувства, желая встряхнуть этого обрюзгшего, потерявшего свои лучшие качества человека, – как, кстати, поживает твой центровой?

– Он в тюрьме, – прохрипел капитан.

Женщина усмехнулась:

– Я думала, он уже давно вышел по досрочному. Ведь ты то должен был постараться. Когда-то вы были друзьями.

– Он мне не друг, – прорычал вдруг мужчина и вцепился в столешницу, – Ветер убил Рыжика.

– Спокойно. Спокойно, – Любящая усмехнулась. Вероятно, она схватила капитана за яйца, – у нас у всех есть плохие воспоминания.

– Надо уходить, – ответил тот, вероятно, боясь новой атаки, – я думаю, ты права.

Рулевая поднялась, и, не сказав больше ни слова, вышла за дверь.

А что ещё говорить? Всё понятно. Старый кабан у неё на крючке.

Длинный пустой коридор светился ровным белесым светом. Светом безнадёжности.

Женщина вспомнила, как часто бывала в хозяйственной части, на корме этого большого пещерного города. Ещё девочкой. С каким интересом смотрела на кроликов, сидящих

в большом помещении, покрытым мягком соломой и освещённом таким же вот светом. Какими жирными и довольными казались ей эти создания, ничего не подозревающие о своей очень скорой судьбе.

Так и они, в этой клетке, которую зовут кораблём.

Да, хранители начнут свои эксперименты, скоро начнут. Но она слышала, от того же Тюльпана, страшные вещи. Он случайно узнал, что считается у хранителей самым изысканным блюдом, лакомством, которое подают только в торжественных случаях. И это отнюдь не монстры.

Надо уходить, и как можно скорее.

Любящая потрогала потеряшку на поясе и улыбнулась. Пусть думают, что она подавлена, растерзана, потеряла смысл в жизни. Она то знает, что всё не так. Фиалка обрела свою цель, наконец обрела.

И она начинает движение.

Орден был единой сплочённой организацией. Со своим уставом, целями, с инструментами их достижения. Каждый сопричастный занимался тем, что у него получалось лучше всего, и тем, что было необходимо Ордену. В границах Верхнего Леса царили гармония и порядок.

Если кто-то по какой-то причине не справлялся, его изгоняли. Но – в крайнем случае. Надо было так накосячить, наломать таких дров, чтобы ты стал не просто обузой, а угрозой тому порядку, к которому Орден стремился. И если тебя

изгоняли, ты подлежал устранению, быстрому и почти незаметному – Орден был тайной закрытой организацией.

Каждый сопричастный владел своим артефактом, который оберегал, как самую важную и самую нужную вещь. Его вручали без лишних слов и особого пафоса – всё это было не нужно.

Потеряшка дарила чувство сопричастности чему-то большому, прекрасному, чему-то, с чем ты уже не расстанешься. Никогда. С ней ты спал, с ней обедал, и даже если купался, держал её рядом. Буквально в руках. Это чувство со временем крепло, становилось частью твоих ощущений, твоего восприятия жизни. Тебя обнимало плащом незримой защиты и покровительства. По ночам снились сны, в которых к тебе приходили высокие совершенные существа и рассказывали о мире, в котором исчезли страдания, в котором нет боли, правит любовь, и каждый выполняет своё, очень нужное дело. Он счастлив, и поэтому счастливы все. И наоборот. Единство в малом, единство во всём.

В течение сотни лет Орден собирал артефакты, осколки чужой цивилизации, что были разбросаны по равнине. Назначение большинства так и осталось загадкой – в неумелых руках они превращались в ловушки. Что-то взрывалось, сводило с ума, что-то портило вещи. Но были и те, в которых смогли разобраться. Именно эти реликвии и стали основой Ордена.

Свидетелей карты...

Карта была еще одной потеряшкой, или подарком – так называли их в Ордене. Сделанная из непонятного материала, такого, из которого были созданы и другие, более мелкие артефакты. Но удивительно тонкого, тоньше, чем лист бумаги. И этот лист не рвался, не портился и даже слегка светился. В темноте. Вернее, светилось то, что было на нём нарисовано. Нарисовано очень мелко, так, что иногда приходилось брать лупу, чтобы увидеть детали. Но это того стоило. Кружочки, ромбики, линии. Какие-то надписи. Всё было выведено настолько старательно, что казалось, будто работал картограф, который стремился создать самую полную, самую достоверную карту, творение всей своей жизни.

Карту.

Да, это была карта. Огромная, в сложенном виде она помещалась под мышкой.

И если её расправить, растянуть на столе закрытого, но высокого помещения и забраться под потолок, то ты увидишь летучую мышь. И не только. Нарисованное напомнит самый известный объект межсезонья, талисман гильдии проводников. Белую Россыпь.

Картой никто не владел. Этот подарок был достоянием Ордена и главным украшением Зала Совета, самого большого и самого закрытого помещения Верхнего Леса. Именно там заседал Узкий Круг, главный совещательный орган, там проходили инициацию новые члены и именно в этом Зале принимались решения.

Все остальные здания Верхнего Леса были построены в очень неброском, минималистическом стиле, похожем на домики общины искателей. Не удивительно – Орден считался продолжением общины, её самой закрытой частью, возможно, вершиной. Многие искатели стремились попасть в Верхний Лес – и те, что знали об Ордене, и те, что не знали, но верили в то, что что-то там существует.

В Верхнем Лесу жили не все сопричастные. Кое-кто жил на равнине. Глаза и уши Ордена Свидетелей Карты. В каждом уголке мира людей, в каждой значимой гильдии. Они узнавали новости, собирали сведения, а потом отправляли сообщения, владея специальными, особыми потеряшками. Сообщения принимал сопричастный Узкого круга, в то время, пока он спал. Это было быстро, но не всегда надёжно. Иногда за донесения принимали вполне обычные сновидения.

Были на равнине и кандидаты, те, кто со временем стали бы частью Ордена.

И вот один из них прошел инициацию и стал сопричастным.

Невинный показал себя с самой лучшей стороны. Все его новости оказывались полезны, надёжны и своевременны. Откуда он получал свои сведения, знали не все, точнее, не знал никто. Каждый в отдельности думал, что знает другой, и весь Узкий Круг думал на Среднего. Средний же на подобные вопросы не отвечал, он просто тёр переносицу и напус-

кал еще большей загадочности – пускай считают, что знает. Сам же он особо не интересовался. Невинный не раскрывает своих информаторов? Так кто же их раскрывает? Какая в том польза?

Еще будучи кандидатом, парень понял, что если бы он сплеховал и не заслужил доверия Круга, его бы убрали. Так было с каждым завалившим проверку.

Есть, правда, Пытливый. Интересный молодой человек, его ещё Терпеливый курировал. Любознательный, умный. Но Терпеливый погиб, а парень ушёл, просто взял и ушёл с кандидатов. Хотели связаться, но он послал к шкодникам.

Такое другим не прощали.

Но тут началась заварушка, карты смешались, и о Пытливом забыли. Пускай. Пускай живёт на равнине. Как никак, но от Пытливого он видел только хорошее.

– Невинный, – позвал чей-то голос. Парень как раз вырезал шестерёнку, важную деталь очередной чудо-машины, – пойди-ка сюда.

Молодой человек удивился. В Ордене говорили достаточно официально.

У скамейки стоял человек с лицом, похожим на созревший помидор. Высокий и грузный, такой же, как он, но только более тучный. Глазки блестели, а губы ниточкой уходили вверх. Как на детском рисунке.

– Мое имя Холёный, – мужчина пожал запястье, – мы встречались в Узком Круге... Ты, вижу, натура изобрета-

тельная.

Невинный молчал.

– И не очень-то разговорчивая, – Холёный сказал это так, как будто молчание было скорее достоинством, – ну что ж, мне сказали тебя проводить. Сегодня ты получишь подарок.

Над ратушей пробили часы.

– Ещё только пять, – сказал парень, – Не рановато?

– Не рановато.

– Сейчас... – Невинный не торопился. Он аккуратно сложил все детали, собрал инструменты и ушёл к себе в дом.

Холёный присел на скамейку.

Свет острокрылок приятно так убаюкивал. Приятно так...

Голова его падала, падала. Пока не упала...

– Пойдёмте, – услышал он голос.

– Который? – Холёный взглянул на часы, – уже половина седьмого. Ну что же. Мы никуда не торопимся. Так?

Невинный кивнул.

– Но всё же пойдём.

Подарки хранились в подвале большого квадратного здания.

У входа стояла охрана, которую, то ли в насмешку, то ли на полном серьёзе называли дозорными. Конечно, нужды в этой охране не было. Представить, что, кто-то нарушил устав и взял себе дополнительную потеряшку? Чтобы потом, по ночам, плакать в подушку, сгорая от стыда перед высокими прекрасными существами? Такое было непредставимо.

Поэтому охрана стояла без дела. И обычно зевала.

– Добрых, – Холёный махнул толстыми пальцами.

– Добрых, – ответили стражники.

И расступились.

Мужчина достал серебряный ключ, повешенный к поясу на цепочке, и начал медленно проворачивать в скважине.

Один. Два. Три...

Дверь заскрипела.

– Идём, – произнёс Холёный. На выдохе. Забирая фонарь, висящий у входа.

Они спускались по лестнице, два грузных больших человека, по узкому и низкому проходу – Холёный, за ним Невинный, и приходилось сгибаться, чтобы не удариться о каменный потолок. Чем ниже они спускались, тем громче звучали шаги, и отдавались внутри подземелья.

Внизу было холодно, и это была ещё одна странность. На равнине и на холмах с глубиной становилось теплее. Тепло земли согревало больше, чем солнце.

Но это был вовсе не холод, скорее, прохлада, целительная, словно глоток свежего воздуха после тяжёлой работы.

– Видал? – Холёный светил на стены. И улыбался.

На каменных полках, во много рядов, лежало богатство Ордена, то, что в течение долгого времени собирали по всей равнине, искали в укромных местах, выменивали у жителей. Суммы, которые были потрачены, никто не считал, но суммы были не маленькие. Человек, найдя потеряшку, привы-

кал к ней настолько, что не хотел расставаться. Бывало, владелец казался уже сопричастным, настолько владение потеряшкой приближало его к тем законам, стандартам, которыми жили в Ордене – тогда его звали к себе. Но если он владелец отказывался, его устранили.

За каждой лежащей реликвий стояла история.

– Выбирай, – прошептал мужчина, – но только не те, – он осветил дальний угол и перешёл на фальцет, – там лежит неизведанное. Значения этих подарков не знает никто.

Невинный подошел к ближней полке и взял себе в руки небольшой квадратный предмет.

– Беру этот, – сказал он спокойным бесстрастным голосом.

– Ух ты, – Холёный надулся, – ух ты, и правда, прекраснейший выбор. Превосходнейший выбор, – он улыбнулся и по-отечески тронул плечо, – как ею пользоваться, я расскажу. Но только не здесь. Пойдём.

Казалось, что лестница не выдержит тяжёлую поступь двух тел, которые медленно, склонив свои головы, поднимались по ней. Впереди шёл Холёный, сзади Невинный.

Дверь так же противно скрипнула, и член Узкого Круга, подождав неопита, осторожно её закрыл. Потом достал ключ и также медленно провернул его в скважине.

– Прекрасно, – бормотал он при этом, – прекрасно... – Ну что, ребята, спасибо, – Холёный глядел на дозорных и улыбался. Спуститься в святая святых всегда было чем-то

особенным, лучшим мгновением в жизни.

– Во имя единства, – ответили те. Как всегда, в один голос.

Мужчина ушёл, прижимая к себе Невинного, и рассказывая какие-то невероятные истории из прошлого, теперь уже общего Ордена.

– Ты сопричастный, парень, ты сопричастный, – повторял он время от времени и хлопал того по плечу.

Просыпаться всегда тяжело. Особенно, если ты знаешь, что проснешься не в мягкой постели, а на жёсткой циновке, и не в тёплом хорошо проветриваемом помещении, а в душной клетке, под матерные переругивания соседей.

– Ветер, – Певец посмотрел на сокамерника и натянуто улыбнулся. Здесь всё было натянуто. Мысли, чувства, слова. Если отдаться своим ощущениям, перестать улыбаться, шутить – можно зареветь от отчаяния. И как тогда жить? Ведь жить то надо.

– Ветер, Фиалка вернулась.

– Фи... – мужчина наморщил лоб, – что за... А, рулевая.

– Говорят, не получилось.

– Кто говорит?

– Новенький. Охрана с нами не разговаривает.

Ветер нахмурился.

Раньше охранники часто болтали с пленниками. Приносили посылки. Рассказывали новости.

Но после известного случая, когда пострадало несколько

камер, охранников поменяли. Кто-то передал хорошо запечатанный пакет с сильнодействующим ядом, от вдыхания которого выворачивало наружу.

Странный был этот кто-то. Ему мало, что человек попал за решетку. Ему хотелось добить. И добил.

– Фиалка? – мужчина задумался, – она всегда была немножко того. Верила, что сможет увидеть Создателя.

– Так вроде увидела.

– “Вроде...” Вот именно, вроде.

– Эх, Ветер, – Певец опустил глаза и замотал своей головой. Заросший, взлохмаченный, грязный. Как все они в этом свинарнике, – представь, если бы получилось. Если бы это был он и он бы прислушался. Нас бы здесь не было.

– Певец, – сокамерник усмехнулся, – есть такие слова – хочет и может. Хотел бы, не стал бы нас мучать. А мог бы, давно бы вернул.

– Но кто-то ведь верил.

– Фиалка и кучка совсем безнадежных, которые потеряли всё. Вроде нас, – заключённый вздохнул.

– Скоро завтрак, – Певец прислушался, – опять Темный с Чистиком сорятся. Их бы пересадили.

– Охране плевать, – ответил мужчина, садясь за расшатанный почерневший от грязи стол. В углу его стопкой лежали книги, зачитанные до дыр, буквально. Полученные во времена, когда ещё передавали посылки. Рядом фигурки, вылепленные из пластилина, который давно засох, и игральные

кости со стёртыми точками. Вот и все развлечения. Остальное – удел фантазии.

И они придумывали игры. Загадывали слова, показывали фигуры, рассказывали истории.

С той далекой жизнью связей у них не осталось. Во сне появлялась дочь, маленькая, но уже такая смышлёная. Она убежала с соседским мальчишкой, а потом возвращалась и рассказывала такие истории, от которых у мамы взлетали брови, а он улыбался и вспоминал своё детство. Сейчас она выросла. Но хоть бы увидеть, пусть мельком, однажды.

Свиданий ему не давали. Даже с женой. Бывшей. Конечно же, бывшей. Кто будет ждать заключенного, который не выйдет. Теперь уже точно – не выйдет. И Ветер знал человека, который сломал его жизнь.

Человека.

Многое изменилось, прошлая жизнь рассыпалась, воспоминания стерлись, но одно не уходит. Рыжик, который кричит. Всё тише и тише. И звук удара о камни. Глухой и далёкий.

– Кто-то идет? – Певец встал и прислушался.

Сверху послышался стук.

Так стучат сапоги о бетонный пол, который был потолком для их камеры.

Монстр, затаившийся напротив решетки, вытянул вверх свое длинное тело и слушал. Он давно не ел, и походил на огромного тощего червяка, готового прыгнуть вперед.

– Надеюсь, не к нам, – Ветер опёрся о стену.

Шаги раздавались все ближе.

Вот они прошли над головой.

Певец с облегчением выдохнул.

И вдруг... звук шагов оборвался.

– Заключенный четыреста тридцать пятый.

Ветер глядел на нашивку, пришитую к плечу сокамерника. "435".

Певец задрожал.

И стал оседать.

– Приготовиться! – крикнул охранник.

Над потолком что-то заскрежетало, послышался скрип несмазанных петель и крышка люка откинулась, открывая тот мир, который они потеряли.

Свет, более яркий, чем в камере, хлынул, освещая пыльный и душный воздух, в котором сидело двое – один, крепкий и жилистый мужчина, стоял, тревожно озираясь по сторонам, второй, худой и костлявый, сидел, подтянув к себе ноги.

– Поднимайся! – крикнул охранник и сбросил лестницу.

– Нет... нет... нет, – сокамерник сжался.

Охранники достали усмирители – длинные палки с шоке-рами на конце. И приготовились спускаться.

И тут Ветер понял, что если он оставит товарища, с которым долгие годы делил самое последнее, если будет молчать, и смотреть, как того забирают, то потеряет всё. Перестанет

быть человеком, а станет растением, вырванным с корнем. Смерть была гораздо желаннее, и он решил действовать.

Несмотря на долгое прозябание в унылой атмосфере, где все движения были известны заранее и ничего не происходило, реакции остались прежними. Мужчина заметил, что лестницу поставили неправильно. Ушки не вошли в специально для того предусмотренные пазы, а просто уперлись в пол. Это была удача.

– К стене, – прошипел он чуть слышно.

Певец среагировал сразу. За годы, проведенные вместе, они научились доверять. Доверять и понимать друг друга мгновенно. Мужчина отпрянул назад и с широко открытыми глазами начал следить.

Первый охранник спустился и стал озираться по сторонам. В камере было темнее, и требовались какие-то секунды, чтобы глаза попривыкли.

Когда на лестницу ступил второй, Ветер начал движение. Он вцепился в перила и дернул их на себя.

Первый охранник обернулся, с недоумением наблюдая, как его напарник валится на пол. Как мешок, набитый чем-то тяжелым.

Закричать он не мог. Жилистая рука бывшего центрального как обруч сдавила шею и надавила на челюсть, зажав ему горло. Охранник хотел включить усмиритель, но тот исчез.

Мужчина по инерции сжал свою руку, но тут же почувствовал боль. Как будто в грудь ударили молотом, резко и

неожиданно.

А когда очнулся и огляделся, то закричал. Он сидел в душевой зловонной камере, а на его плече красовалась нашивка "435".

Его поездка в Девятый. Та самая первая поездка.

Тогда ещё не было Заговорённого Стояла ночь, и Задорный, молодой воин, выполняющий тайное поручение гильдии стражей, сидел верхом на небольшом топтуне, которому ещё не исполнилось двух. Один, без сопровождающих.

Справа раскинулось море, линией водных мерцалок – крошечных организмов, горящих то синим, то фиолетовым светом. Вода накатывала и отходила от берега. Шелест галек, о которые ударялись светящиеся волны, успокаивал, воздух, смешанный с брызгами, приятно щекотал ноздри, и задание не казалось таким уж опасным.

"Девятый, девятый, девятый", – шептал сам себе Задорный, стараясь держаться берега. "Если ты чего-то боишься, называй это вслух. Пока не перестанешь бояться".

Теперь за окном пылало, а он сидел в карете. Поручение было ещё более тайным, на душе совсем неспокойно. И нет, не от страха. Во всяком случае, не того самого страха, который он испытывал три дня тому назад.

Воин ехал туда, где переродился, где стал другим.

Сделала это она.

Сделала и ушла.

В карете было темно. Эта ночь, самая долгая и самая странная, подходила к концу. Люди надеялись, что ночь всё же закончится. Хотя теперь сложно на что-то надеяться, день может не наступить. Масла сонхватов уже не хватало, и лампа висела без дела, она лишь поскрипывала. Вперед-назад, вперед-назад. Дверь в карету и окна были закрыты, и если бы снизу, из-под сиденья не пробивалось немного света, темно-та бы казалась кромешной.

Заговорённый прикрыл свои веки. Он попытался расслабиться и стал вспоминать.

Как будто всё это было вчера. Её лицо несколько не потускнело со временем. Всё те же темные, немного раскосые глаза, те же мягкие губы, покрасневшие щеки. Она просила бриться два раза в сутки, а он забывал.

Мужчина помнил запах волос. Ни у одной женщины не было похожего запаха. Он забивался в волосы и дышал, дышал. Она просыпалась лохматой.

Когда рисовала, он переживал за рисунки, и хотел заморозить. А еще хотел заморозить мгновения, те, что они проводили вместе. Но рисунки исчезали, стоило коснуться воды, а мгновения проходили, но наступали новые, их тоже не хотелось терять.

"Жизнь, она не стоит на месте. И это печально" – сказала девушка, разрушая рисунок. И снова взялась за кисточку.

– Въезжаем! – крикнул возница.

Воин открыл окно.

Синий, фиолетовый, зелёный. Цвета сменяли друг друга, а с ними менялось настроение. Немного, но всё же менялось. Безвестный Лес ничем не отличался от других, более знакомых. Он опасен в начале ночи, когда происходит заражение, в остальное время это обычный и даже более тихий Лес. Более тихий и более безопасный.

Скоро наступит день, и большая часть двудушных поселится на равнине, точнее, на том её кусочке, что лежит за Девятым, в стороне, противоположной Приморью. Но некоторые даже и днём не покинут Леса. Двудушные видят неплохо, что днём в Лесу, что ночью на равнине. Почти как лесные животные, те же ангелы или бумы. Незримые души для них расцветают, обретают более плотные очертания. Это не какая-то чуть уловимая дымка, это второе тело. Двудушные так и говорят – тело земное и тело небесное.

Карета продолжала катиться, рессоры скрипели. Возница и не думал останавливаться. Неужели он не боится? Обычно пассажиров ссаживают, как только въезжают в Лес. "Дальше сам" – так говорят. И путники сходят.

Затормозили.

Стайка бегунов бросилась в сторону, остановилась подальше и стала ждать. Да, людей тут немного, животные их боятся. Это в Длиннолесье подходят к порогу, задирают голову, и смотрят, что у тебя в руках. Бегун – животное безобидное, но только когда не боится. Перепуганный зверёк своими лапами-кинжалами может наделать бед. Самма-

ки тут же скрываются, плащеносцы улетают, а бегуны превращаются в воспов. Такие же отчаянные и разъярённые.

Заговорённый осторожно спустился.

Бегун, что был рядом, чуть отбежал в сторону. Мужчина мигнул. Зверёк важно вытянул шею и опустил кинжалы к земле. Показав, что он не боится.

Ночь подходила к концу, и в кармашках по бокам шестилапа копошилось потомство. Еще недоразвитое, без лапок, без глаз.

– Они тут пугливы, – ответил возница, оставшись на козлах.

Мужчина кивнул.

– В Безвестном не в первый?

– Не в первый. Вижу, ты тоже.

– Ну да, – проводник поджал свои губы.

– Дальше везёшь? – спросил воин.

– А почему бы и нет. До посёлка недалеко. Нужно затариться.

– Чем будешь затариваться? – Заговорённый пытался приманить бегуна, сидя на корточках, чуть приподняв свою голову и ласково стрекоча. Совсем как зверёк.

Парень пожал плечами:

– Что дадут. Я тут давно уже езжу. Приморье – Девятый, обратно. Выгодно всё, что везёшь. Простой народ боится двудушных.

"Простой". Мужчина слегка улыбнулся. Проводники счи-

тают себя особыми. А сами – торговцы.

– Ну хорошо, коли так, – сказал он вознице.

Тот спрыгнул, смотря на животных. И отошёл.

Времени потребовалось немного – контакт состоялся.

Зверёк протянул свои средние лапки и тут же схватился за пальцы.

– Ой, ой, ой... Что ж ты так? Мне больно.

Бегун разжал свои лапки и сузил глаза. "Совсем как ангел, – подумал мужчина, – ну что, мы, считай, подружились". Другие зверьки осмелели и стали кружиться вокруг. Всё ближе и ближе.

Возница вновь подошёл и теперь наблюдал. С интересом.

– У Вас талант, – парень присел, – смотрите, как слушается. А ведь вы, возможно, первый, с которым он так общается.

Заговорённый пожал плечами:

– Может, не первый. Я просто пытаюсь понять, что он чувствует. И думать, как думает он. Иногда получается.

"Она говорила так же, – подумал мужчина".

И вспомнил.

Однажды в их дом забежал разбойничек. Маленький такой зверёк, почти как пушистик, с таким же тоненьким хоботком, длинными ножками и большими глазами. Но без травинки. Приводные разбойнички живут у воды, питаются выкинутыми на берег спиральками, хватая их лапкой и высасывая через отверстие.

Наступил день, и они жили у моря. На самом конце рав-

нины. Дальше некуда. Огромная скала нависала над домом и укрывала от всего в этом мире – от солнца, людей, посторонних взглядов.

Время поездки прошло, пора было возвращаться, но Задорный не мог. Он не знал, что же скажет во время своего возвращения, какое придумает оправдание. Он не думал об этом. Он отдыхал. Рядом с ней. Помогал рыбакам, таким же двудушным, собирал здешние травы, посещал местную кузницу, где подолгу смотрел, как кузнец выковывал чудо – нож чёрного стрикла.

Здесь, на самом краю мира, он был единственным человеком без зримой души.

Почему разбойничек к ним забежал, и что ему было нужно?

Эти вопросы не волновали.

Открыв свои рты, влюбленные наблюдали, как серый пушистый комочек скачет на длинных ножках и с интересом осматривает жилище.

Задорный хотел подбежать и взять его на руки, но девушка остановила. Мягко, чуть прикоснувшись рукой. Она всё делала мягко, ей был неизвестен мир быстрых и резких движений.

Девушка встала на корточки и стала посвистывать. Тихо, так тихо, что воин не слышал. Шелестело море, стрекотали острокрылы, и звуки сливались.

А может, она не свистела, а только тянула губы, как хобо-

ток, подражая разбойничку.

Девушка наклонила голову – в одну, после в другую сторону. Мигнула. Зверёк подмигнул в ответ.

Протянула вперёд свою руку.

Разбойничек вытянул ножку.

Он и не думал, что зверёк такой умный, что он понимает движения человека и старается подражать. Он и не знал, что с разбойничком можно общаться. Воин как зачарованный следил за общением двух милых существ. Одну он любил, а вторым умилялся.

Этот урок Задорный запомнил. Никогда не спеши, делай всё медленно, словно в танце, старайся сопереживать тому, с кем общаешься. И всё получится. Обязательно. "Прекрасное всегда неторопливо".

Заговорённый встал, не переставая смотреть на животное. Бегун ещё дальше вытянул шею и опустил свои лапки.

Мужчину он не боялся.

К зверьку подошли сородичи и стали ощупывать, словно хотели проверить, всё ли в порядке. Да, человека они не видели. Двудушные жили компактно, в одной части Леса, и, скорее всего, зверьки туда не наведывались.

– Садитесь, – сказал возница, доедем без остановок.

Заговорённый сузил глаза.

Бегун ответил.

"Порядок" – мужчина прошёл к дилижансу. Ступив на подножку, он обернулся. Зверёк застыл и, смотрел, будто бы

очарованный, смотрел, не спуская глаз. "Маленькая, но всё же победа" – подумал мужчина и закрыл за собою дверь.

Да, как же она его изменила. Из суетного, вспльчивого воина он превратился в спокойного, рассудительного командира.

Изменила и ранила...

Топтун двигался медленно, фонарь монотонно покачивался, и воин пытался заснуть.

Не получалось. Слишком близко, всё слишком близко...

Заговорённый думал, что же он скажет старейшинам. И понял, что не годится. Та легенда, с которой он ехал, увы, не годится. Вся эта поездка за травкой в такое время – чушь, двудушных не проведёшь. Двудушные видят насквозь, буквально. Их зрению позавидует плащеносец.

За окном появились шептуньи, и на какое-то время ему показалось, будто они не в Лесу, стоит день и карета везёт в Длиннолесье. Белый свет от деревьев самого грозного зримого дарил настроение, сравнимое с тем, какое испытываешь, когда гуляешь с ребёнком, взяв его на руки. И вот вы идёте, вдвоем, в поле злаков, тянучек, а вдалеке стоят домики с башенками...

Дочь. Длиннолесье.

Что происходит, задавал он себе вопрос. Кто написал эту книгу? Кто распечатал её и зачем? Кто хочет огнём и мечом нарушить порядок, который сложился? И как это связано с тем, что день стал короче, а межсезонья длиннее?

Загадки собрались в клубок, и клубок этот трудно распутать.

Ну что ж, понимание будет. Понимание придёт, но не скоро. Да, раньше бы он ломал себе голову, конечно, пришел бы к ответу, конечно, не правильному. Но Задорный стал Заговорённым и научился ждать. Да, ответ будет, но не сейчас. А пока делай то, что нужно. То, что велит твоя совесть.

А совесть велит идти тем путём, которым он шёл. Путём закона...

– Приехали, – крикнул возница.

Задорный проснулся. И повернулся к окну.

Небольшие тёмные хижинки, построенные из ветвей и кустарника, с простыми плоскими крышами, были главным жилищем посёлка. Точнее, посёлков, их было много, и все посёлки стояли рядом. Кроме хижин, были и домики, построенные из древесины, в основной своей массе незримых пород, ровные, аккуратные, непритязательные.

В центре располагался круг, и круг замыкали камни, высокие, острые, эти камни тянулись как будто зубы во рту великана, или чудовища – был такой в “Приключениях”. Тянулись между деревьев, и некоторые из деревьев стояли внутри, тем лишь подчёркивая, настолько огромной была эта пасть. В середине этого места, внутри ещё одного, малого круга камней, разжигали костёр. Каждые сутки двудушные собирались вокруг и глядели на пламя. Огонь символизировал вечное, бессмертное начало, а ветки, что в этот огонь

бросали – всё то ненужное, чему предстояло сгореть. Пепелище – так называли двудушные это священное место.

Все новоприбывшие селились уже на окраинах, хижины умерших из числа поселенцев стояли пустыми – этим жителям Леса демонстрировали уважение к своим соплеменникам, пусть даже ушедшим.

"Вот чему следует поучиться" – думал Заговорённый. Он вспомнил, какие потасовки устраивало порой Длиннолесье, когда боролось за дом. Бывало, тело хозяина ещё не остыло, а селяне уже заселялись.

Карета остановилась.

Воин легонько нажал на ручку, дверь скрипнула и фиолетовый цвет острокрылок тронул воспоминания.

Три дня тому назад. Что-то из очень далёкой жизни. И вот она приблизилась, сладкая и горькая одновременно.

В селении было тихо. Двудушные не кучкуются вместе, не обсуждают проблемы. Селяне занимаются делами, какой-то одной определенной работой. И отдыхают обычно порознь. Только в заранее оговорённое время все жители собираются вместе, у пепелища.

За тридцать лет многое могло измениться, но если жив Многоперстный, то живет он в том доме, в котором и жил. Заговорённый мог бы найти этот дом с закрытыми глазами, и не потому, что у него такая отличная память, а потому, что события, происходившие тогда, отпечатались глубоко, и в своих сновидениях он возвращался сюда. Неизменно. Сно-

ва и снова.

Дверей в селении не было. Заговорённый постучал по стене.

И обомлел.

Перед ним стоял Многоперстный, такой же, как три дня назад. Всё те же волосы, собранные в хвостик, та же аккуратно постриженная борода, те же немногочисленные морщинки вокруг глаз. И та же улыбка, обнажающая ряд крепких здоровых зубов.

Мужчина открыл было рот, и слегка сдвинул брови, пытаясь понять, кто перед ним.

– Задорный? – хозяин, казалось, спрашивал.

Воин кивнул.

– Ну что же, входи.

По выражению лица было трудно понять, рад он или не рад, удивлён или не очень. И только когда они остались наедине, мужчина раскрыл свои руки и принял в объятия.

– Ты приехал, – сказал он вошедшему, оглядев того так, как будто его и ждал. Долго-долго. И вот, наконец, дождался.

– Спасибо, узнал. Я постарел, как видишь.

– Ничего, ничего. За двадцать...

– За тридцать.

– Тридцать... Подумать только. У нас всё меняется медленно, и время летит очень быстро. Сам знаешь.

Заговорённый сел в кресло-качалку, сплетённое, как и многое в этом жилище, из незримых кустарников. После

долгой дороги хотелось расслабиться.

– Ты по делу? – спросил Многоперстный.

– А как же?

– О деле потом. Сначала пробуем.

– И выпьем.

– Конечно, – хозяин прошёл в дальний угол. Там, как в торговом ряду, стояли бутылки, забитые пробкой, – и выпьем...

Они выпили, закусили, потом снова выпили.

– Когда пепелище? – воин вертел в зубах мясо.

– Часа через два.

– Кто будет в центре, Зелёный?

– Зелёный...

– Ничего не меняется, – Заговорённый откинулся в кресле.

– И я, – сказал Многоперстный, – мы будем вдвоём.

– Вот как, – воин смотрел на приятеля, – поздравляю.

– С чем? – хозяин убрал за затылок руки, на каждом пальце которых сверкала печатка, – это просто обязанность... А у тебя? Ты, говорят, стал первым в собственной гильдии?

– У воинов нет первого. Каждый Лес по отдельности.

– Равнина слухами полнится.

– Вот как, – гость усмехнулся, – Разведка в Девятом на уровне.

– Ну мы же общаемся с Краем.

– Озёрники знают все.

– Ну почти.

Друзья улыбнулись.

"Друзья". Были ли они друзьями, или просто приятелями, или товарищами по несчастью? Время прошло, многое изменилось. Хотя, у кого изменилось? У Заговорённого – да, в Девятом же что-то менять...

– Вспоминаешь? – спросил Многоперстный.

Гость опустил свою голову. Он будто бы сжался и стал как-то меньше. Если бы кто-то увидел сейчас легендарного воина, командующего самым боеспособным отрядом, сурового и несгибаемого бойца, он бы тогда поразился. Настолько подавленным выглядел тот. Таким беззащитным. Как брума, над которым кружит плащеносец.

– Прости, – хозяин вздохнул, – казалось бы, время лечит. Но не всегда и не всё.

Он наполнил пустые стопки.

– Так что там за дело? – спросил Многоперстный, после того, как они закусили.

– Да так...

– Точнее.

– Точнее... – Заговоренный раскачивался, – в Длиннолесье мятеж. И заступник велел узнать, поддержит Девятый мятежников или нет.

Многоперстный смотрел то на воина, то в окно.

– Разумеется, силой, – добавил гость.

– Так и велел?

– Нет, – воин нахмурился, – это говорю тебе я. Цель визита должна оставаться в тайне. Но... тайн слишком много, тайн и интриг, и все играют в какие-то игры. Меня выворачивает.

– Ну что же, – ответил хозяин, – я тоже не буду обманывать, – он прожевал своё мясо и посмотрел за окно, в ту сторону, где через час, а, может быть, меньше, должен был вспыхнуть костёр, – мы хотим, чтобы стражей не стало. Чтобы Девятый Лес торговал свободно, мы появлялись везде, и никто не боялся. Наши симпатии на стороне повстанцев, и было бы странно обратное. Девятый никогда не вмешивался в дела остальных, ни в одну потасовку бездушных, – слух резануло слово, которым в Безвестном называли обычных людей, – но стражи опасны. Мы не знаем, кто устроил пожар в Длиннолесье, но есть основания подозревать в этом гильдию. Основания более чем серьёзные. Скажи, – спросил Многоперстный, так тихо, что это было похоже на шепот, – если бы ты узнал, что во всём виноват заступник? Если бы точно знал, что это он устроил пожар?

Заговорённый нахмурился. И покачал головой:

– Стражи тут ни при чем.

– И всё-таки?

– Я бы убил заступника. Но, – воин посмотрел в глаза и произнес, твёрдо, словно читал то, что выбито в камне, – я не нарушил бы клятвы. Воины служат стражам, а стражи подерживают мир.

Многоперстный пожал плечами.

– Неисповедимы пути заступника, – перефразировал он известную поговорку, – страж представляет опасность. Тем более, раненный страж.

– Нет. Раненный страж залечит рану, и будет здоровым. Без стражей начнётся война. Каждый пойдёт на каждого. Не будет арбитра, который рассудит, не будет авторитета, которого слушают. У вас ещё живы те, что помнят войны ресурсов.

– Давай по последней, – хозяин плеснул в обе стопки, – раненный страж... бывает, рана заживает сама. А бывает... Бывает, приходится резать, чтобы спасти.

Заговоренный посмотрел на приятеля. На его решительное, волевое лицо.

– За встречу, – сказал он, вставая.

Спустя почти сутки, покидая Девятый, Заговорённый вспоминал разговор.

“Приходится резать...”

Иногда пары слов хватает, чтобы понять.

Теперь он знал всё, и то, что он знал, не давало покоя.

– Если чего-то боишься, называй это вслух, тогда перестанешь бояться, так говорил мой отец, – Быстрорукая смотрела на герцога, особенно на макушку, – у тебя уже лысина, – сказала она.

– Аа, пустяки, – ответил мужчина. И улыбнулся. Но как-

то криво, – природа берёт своё. Мой отец облысел в третий день. Моя мать...

– Облысела? – девушка вскинула брови. Зелёные глаза за-светились тем светом, что испускали цветы.

У герцога перехватило дыхание.

– Что ты, Бегунья. Конечно же нет. У моей матери просто шикарные волосы. Даже сейчас. А у тебя... О, Бегунья.

Её глаза напоминали цветы самых прекрасных деревьев. А может, она грациозна, быстра, как бегун. Он называл её этим словом, и девушка таяла.

– Ах, ненасытный, – шептала она, задыхаясь, – ах, ненасытный...

– Бегунья...

В дверь постучали.

Они не услышали. А, может быть, сделали вид.

Потом постучали снова. Настойчивей.

Снова.

И снова.

– Сейчас! Подождите! – мужчина был недоволен.

Быстрорукая оделась быстрее.

Стоя в одежде, она наблюдала, как наречённый пытается застегнуть все запонки на своей рубашке.

"Какой он рассеянный, если торопится, – подумала девушка, – не может попасть в отверстие". И вздохнула. Как мать в ожидании сына.

– Открывай, Бегунья, чего уж там, – разнервничался гер-

цог.

На пороге стоял Упитанный.

– Вот чтоб тебя, капитан... – Длинноногий казался сердитым.

– Мой герцог, простите. Но я не к Вам, я к Им, – капитан показал на девушку. Взглядом. Пальцем бы он не осмелился.

– Ну что же, идём, – ответила та.

Герцог открыл было рот... но только открыл. Когда Быстрорукая вышла, он так и остался стоять с незастёгнутой запонкой.

Совет проходил в той беседке, в которой встречались с озёрниками. В той, где несколько суток назад она познакомилась с первосвященником Края. Матёрый уехал, но в беседке сидел Выразительный, представлявший одну из сторон будущего противостояния.

Главой общего штаба была Быстрорукая. Помимо её, озёрника и Упитанного, в беседке сидело трое – Острый, сотник Длиннолесья, Патлатый, командующий возможным ополчением Долины и ещё один гость. Вернее, гостя. Пожилая, но грациозная женщина с повязкой на лбу, которая представляла самую загадочную и самую обнадёживающую сторону.

Собравшиеся старались на неё не смотреть, хотя вроде уже привыкли, общались, рассказывали новости – настолько неистребима была неприязнь перед двудушными, загадочными существами, которых порой не считали даже людьми.

– Матёрый уехал, – с этих слов Быстрорукая начала совещание. Сказав это так, будто отсутствие первосвященника возлагало на них дополнительные обязательства.

Впрочем, оно так и было. Старик воодушевлял одним только присутствием. Одним своим взглядом. Он говорил, и невозможное казалось возможным, невыполнимое выполнимым, а сложное простым. Теперь же они принимают решения сами, и должны не бояться их принимать.

– Очень интересно, – сказал Выразительный, широко улыбаясь воительнице, – разрешице, я немного дополню.

Герцогиня кивнула.

– Мацёрый уехал, – повторил Выразительный, оглядев всех собравшихся, – но он будет в курсе всего, что мы говорим. Буквально всего. И, думаю, даст свой оцвет. Продолжайце.

Быстрорукая громко прокашлялась.

– Итак, – сказала она. И встала. Стоя думалось лучше, – расклад. Прихолмье, первый отряд. Двести воинов Длиннолесья, сто – сто пятьдесят из Заводья плюс сто из Приморья. Примерно так. Больше вряд ли получится.

– Сто из Приморья? – Патлатый нахмурился, – какого Приморья? Их два.

– Большого. Малое трогать не будут. Там куча своих проблем, – герцогиня задумалась, – Дальше, – сказала она, – Долина... Полторы сотни воинов. Плюс Междуречье, двести. Это всё, что пойдет в Длиннолесье, как только наступит

день... Заступник знает об ополчении? – девушка повернулась к Патлатому.

– Он знает, что мы недовольны, но как будто не придаёт значения. Долина разделилась. Совет остался за стражами. Но всё Левобережье Бурной за нами. Самый развитый и населённый район. Заступнику не известно, что мы собираемся, да и если бы было известно, он бы на нас не пошёл. Думаю, нет. Приоритет – Длиннолесье.

– Информаторы?

– У нас нет информаторов. Мы всё узнаем через Край.

Быстрорукая улыбнулась. Информация летит на другой конец мира, а после приходит обратно. Да что говорить, она сама всё узнает через Озёрный. Разведке Края позавидовали бы стражи. Или тот самый таинственный Орден. Хотя про Орден она не знала почти ничего.

Выразительный поднял палец. Как будто хотел сказать что-то важное:

– Это очень толковый информатор. Сказал бы так – уши заступника. Вы только подумайте, – палец взлетел, – парень внедрился и в Орден. И уже посылает доклады. Очень толковый.

– Итак, – Быстрорукая посмотрела на лист, – человек восемьсот. Почти тысяча. У нас, – она стала выписывать цифры, – тридцать воинов Длиннолесья. Озёрный?

– Дайте подумать... – старейшина вытянул голову и прижал пальцы к вискам, – человек цвести, сударыня, триста.

– Хорошо. Ополчение?

– Двести, – ответил Патлатый. Уверенно.

Быстрорукая записала.

– Но это ополчение, – сказала она, – плюс пятьсот человек с Длиннолесья. Быть может, шестьсот, – воительница вздохнула. И посмотрела на женщину.

– Сотня, – сказала Темноволосая, – сотня благословенных.

"Сотня двудушных" – подумала девушка.

– Что же. Немало. Сотня и триста. Четыреста.

– И ополчение – напомнил Патлатый.

– Ополчение... – Быстрорукая покачала головой, – Это не воины. Воины тренируются. Каждые сутки. Воины – профессионалы, так что сравнивать с ополчением...

– А кузнецы? – Патлатый скрестил свои руки, – может ли воин размахивать молотом?

– Нет, Патлатый, не может. Воин будет размахивать мечом. Или стрелять с арбалета.

Мужчина поднял свои брови:

– Ужели? А охотники – что, не стреляют? Это вам не мишень, которая где-то стоит, это дичь, которая бежит. И лук – не арбалет, лук стреляет быстрее.

Девушка улыбнулась:

– Я верю, Патлатый. Но крови я не хочу, тем более крови селян... Ну хорошо, – воительница вздохнула, – четыреста воинов, семьсот ополченцев, – она провела черту, – пример-

ное равенство... Теперь о другом, – и посмотрела на Остро-го.

Сотник поднялся:

– Главный вопрос – это то, как будет действовать Заговорённый. Возможно, объединит два отряда, возможно, отряды пойдут по отдельности. По обычной дороге с Долины, по "громкой" с Прихольмья. И соединятся уже у Леса. Или можно зайти к нам в тыл. Есть некоторые соображения, – сотник взглянул на девушку.

– Заговорённый – поклонник Сутулого, – ответила та, – и это, конечно, неплохо. Он попытается избежать кровопролития. Но есть и другое, – она начертила два круга, – Сутулый не делил своё войско. Никогда. Он верил, что предпочтительнее одержать одну, но убедительную победу, а второго сражения избежать, чем с трудом выиграть оба. А это значит... – Быстрорукая замолчала.

– Это значит, Заговорённый объединит отряды, – предположила Темноволосая.

Девушка покачала головой:

– Отец мне рассказывал о Сутулом. Он восхищался всем, что написано в книге. Он знает, что я это знаю. И поэтому сделает наоборот.

– Эх, Семечка, Семечка, – Телец запустил свои толстые пальцы под блузку и ахнул, – что там у тебя?

Девушка засмеялась.

Ладошки ударили в грудь, стул зашатался, и оба упали в бассейн.

– Аааа! – завопил капитан, подымаясь, как будто чудовище. Он посмотрел на промокшую девушку и облизал свои полные губы. Тонкая блузка прилипла к телу, и сосочки, выделявшиеся маленькими аппетитными холмиками, задорно глядели в глаза.

Ооо... Мужчина приблизился и стал их посасывать. Прямо сквозь блузку. Семечка запрокинула голову и задышала. Так часто, так часто. Грудь поднималась и опускалась, вновь подымалась, вновь опускалась. "О девочка... "

Телец оставил сосочки и стал лизать шею. Лизать и покусывать. При этом рыча, будто хищник, терзающий жертву. Буквально.

Ткань разорвалась и блузка упала в бассейн.

Девушка задышала чуть глубже.

– О, Семечка, Семечка, – шептал капитан. Он стал вылезать из одежды, путаясь в ней, сгорая от нетерпения, урча, словно топтун, ломающий крушинку. Своим длинным и острым пальцем. Или когтем. Не важно.

Не важно. Не важно. О, Семечка...

Уффф...

Капитан отдыхал на кушетке. Уставший, но сытый.

Рядом сидела девушка. Вернее, лежала. Волосы спутаны, на шее засосы. Да, бурно они поработали. Бурно.

Мужчина взял персик, мягкий и сочный. В оранжерее все

вырастали сочными. Но не такими сладкими.

– В предгорьях вкуснее, хоть и помельче, – Телец откусил ещё раз, – как, Семечка, смотришь на то, чтобы стать рулевой?

– Вместо Фиалки? – хмыкнула та.

– Фафем фе Фивавки? – Телец посмотрел на поднос и оторвал виноградину. Семечка приоткрыла свой ротик и смачно всосала, – Фиалка была рулевая, но, знаешь... Задание она провалила. Конечно, вина не её. Конечно. Но всё же...

Девушка заморгала ресницами:

– О, да? Как печально, – она забралась на подушку, вытянув ноги. Прямо на грудь капитана. Широкую волосатую грудь. Тот заурчал и начал ласкать её пальчики.

– Сейчас есть другое задание, Семечка, – Телец чуть понизил свой голос, – Возможно, наш город уйдет на равнину. Ты понимаешь? – он зыркнул глазами, – покинет пещеру.

– Покинет? Зачем? – Семечка провела своей ножкой по лбу. Как будто погладила. "Насколько же легкомысленно она ко всему относится" – подумал мужчина.

– Нуу, девочка... – сказал он растерянно, – Надо. Это так долго всё объяснять, – капитан уже пожалел, что завязал разговор. Не к месту. А по надутым губам догадался, что рулевой из любовницы не получится. Даже номинальной. Ну вот не создана она для серьёзных ответственных дел. Она создана для другого. И это другое приятно, ох как приятно...

– Ах ты шалунья, – Телец захватил её пальчик и начал

сосать.

– Оо, Кэп. Продолжайте, – Семечка запрокинула голову. Волосы упали за плечи, сосочки набухли. Она взяла персик и стала кусать. Кусать и посасывать. Сочную, мягкую плоть. Медленно, по чуть-чуть, так, чтобы сок вытекал и падал на грудь. Капля за каплей.

Телец зарычал и уже было кинулся.

Но тут вдруг услышал.

– Стучат? – спросил капитан.

– Да, Кэп, стучат, – ответила Семечка. И заморгала ресницами.

Мужчина сжал свои зубы, весьма недовольный таким поворотом, и вылез с кушетки.

– Кто там? – окрикнул он дверь.

Дверь приоткрылась.

За порогом стоял человек, похожий на великана, которого сплюснули. Потом показалось мало и сплюснули снова. Коротышка с головой, втиснутой в широкие плечи и толстыми, почти как сама голова, ручищами. Казалось, мужчина всю жизнь проводил только в кузнице и стучал в наковальню. А иногда по себе.

– Сейчас, Молот, жди, – Телец прошлёпал назад, сграбастал горсть винограда и запихнул себе в рот.

– Я фкофо, Февефка, – бросил он девушке и стал собираться.

Штаны подвязывал уже на ходу. "Вот располнел-то, сви-

ня, – ругал себя капитан, с трудом одевая подтяжки, – эконо
меня развезло..."

– Ну что там? – спросил он у Молота, дожёвывая вино-
град. Всем видом показывая, что причина должна быть се-
рьёзная. Иначе ух ух.

– Случилось весьма неприятное, – сказал коротышка, и
глянул в глаза, – Ветер сбежал, – прошипел он чуть тише и
перевел взгляд чуть ниже, – подтяжка порвалась.

Он любил это время. Когда проносился последний сполох
пылающих и на равнину спускалась мгла. А вместе с ней и
туман.

Он уходил в один из поселков, оставленных людьми, и
присматривал домик, с самой высокой башенкой. Забирался
на эту башенку и смотрел. Туда, где горела она.

Если башня была высокая, а он залезал в основном на
звонницы, то Россыпь светила так, что щемило. В груди, под
сердцем, щемило так, что он сжимал ограждение, чтоб не
упасть.

В обрамлении других, маленьких огоньков, нестойких,
мигающих, Россыпь горела ярко. Величественно. Она не ми-
гала, она застыла в небе неммым укором, осуждением его и
того, что он сделал. Или, точнее, сделает.

Потом он спускался, и долго бродил по улицам, чтоб успо-
коиться. Чтобы унять этот зов. Зов крови, зов предков.

Носатики убегали за дом, и глядели оттуда, парой светя-

щихся глаз, любопытные, но пугливые. Острокрылы бродили по крышам и снова взлетали. А он всё бродил и бродил.

Чтобы снова подняться и снова смотреть.

И снова сжимать ограждение.

Она уже не оставит. Да и не надо. Пускай она будет всегда, пускай берedit его раны. Он стерпит.

Но было ещё одно место, куда он ходил. Туда, где жила стихия, к которой тянуло. Где он отдыхал и становился сильнее.

Огонь.

Сила, которая уничтожает. Очистительная сила. Хорошее и плохое – всё умирает в огне. Что было – не важно, что будет – рождается заново. Если что-то осталось и не сгорело, оно даёт всходы. И новую жизнь.

Жизнь – это сила, сравнимая с огнём. Она поглощает мир, что сгорел, чтобы то, что сгорело, вернулось. И вновь стало жизнью.

Невинный шёл в кузницу.

Пара носатиков юркнула за окно. Один из них, что потолок, застрял между прутьев решётки, но, пискнув, сумел протолкнуться.

Парень закинул дрова, наломал кучу щепок и стал поджигать. Как обычно – кремень, кресало. Он любил сам процесс, любил наблюдать, как рождается пламя.

И пламя рождалось.

Он высыпал уголь, склонился над горном и стал разду-

вать.

Вручную меха нагнетать тяжело. Но ему это нравилось. Так он становится ближе, роднее той самой стихии, что однажды сплотила народ Белой Россыпи.

Пусть будут лишь он и огонь. Он его породит, а после сойдется. Один на один.

Пламя играло на стенах, рисуя картины, делая красивое уродливым, а обычное неповторимым.

Но парень смотрел не на стены – он впитывал жар, каждый треск, каждый шёпот горящих углей, каждое изменение цвета.

Огонь был спокоен, пока сидел в клетке. Но стоит его отпустить, и огонь разыграется. Вечно голодный и ненасытный, само воплощение хаоса, он поглощает то, что увидит. Он разлагает материю, чтобы она возродилась.

Невинный присел на корточки.

Лицо стало красным. Глаза защипало. Но парень не чувствовал.

Он и стихия. Их было двое.

Дверь скрипнула.

В кузнию вошёл человек.

– Нас трое, – сказал человек, – я, ты и огонь. Для вас огонь что-то священное. Так?

Невинный кивнул. На вошедшего он не смотрел.

– Вы все такие разные, – человек присел на скамейку, – одни хотят поддержать свой народ, другие хотят уничтожить.

Да и не только вы. Эти, пришедшие, тоже. Ох, ох... – мужчина подпёр подбородок, – Я-то думал, я один такой, непокоённый. Очарованный шкодник, – человек усмехнулся, – надо ж такое придумать...

Невинный не шевелился.

– Ну ты то понятно, – вошедший скрестил свои руки, – тебе же иначе никак. Приходится выкручиваться, скрываться, ну и, само собой разумеется, строить какие-то пакости. Собственно, самое безобидное занятие.

Невинный молчал.

– Ты думаешь, сможешь им навредить? – спросил человек, – ты думаешь, уничтожишь систему? Это как пытаться убить человека, пощекотав ему пятку. Причём на данном этапе ты даже ещё не щекочешь. Эх-эх... Огонь – стихия хорошая. Она ковала народ. Ваш народ. Но заметь – ковала. Не убивала его, а делала крепче. Заметь. Огонь помог твоему народу, ведь так говорит учебник?

Невинный вздрогнул.

– Я занимаюсь другим, – сказал человек, – более глубоким. Моё дело сделает больно, ох как больно всем тем, кто так с тобой обошёлся. Возможно, они и выживут. Возможно. Но, – вошедший поднял свой палец, – единые уже не будут едиными. Начнется процесс распада... Ооо, я гляжу, ты воспрял. Какое сладкое слово – распад. Ммм...

Невинный повернул свою голову.

– Да-да, мой мальчик. Это твой шанс. Отомстить, – муж-

чина сжал свой кулак, – хотя понимаю, что это не месть. Это... Как вы там говорите? Желание быть последовательным. Для чего родился, для того и пригодился. Перефразируя известную фразу. Но уже из другого мира. Уже из другой сказки.

Невинный глядел не мигая.

То, что сказал человек, пришедший сюда, заставляло его трепетать. Распад, распад... О небо распад...

– Увидимся, – мужчина поднялся и поклонился, – твои таланты мне пригодятся. Мы сделаем ЭТО. Впрочем, – он подошёл вплотную, – продолжай то, что делаешь, не сходи с пути, которым идёшь. И... как же ж это приятно.

Человек направился к выходу.

Он исчез, а Невинный стоял и смотрел.

Какой-то носатик высунул мордочку и презрительно пискнул.

Презрительно...

Парень сорвал потеряшку и бросил в огонь. Он с интересом смотрел, как та становится чёрной, скукоживается, превращается в бесформенную кучку. Шипящую, словно вода, в которую лезет лава.

Его лицо стало меняться. Медленно, словно тесто, которое поднимается. Исчез узкий нос, сузились губы. Уголки глаз раздвинулись, а сами глаза оказались покрыты сеточкой. Плечи исчезли, шея поднялась. Конечности стали длиннее, пальцы изящнее, суставы ног повернулись. На голове появи-

лась корона, горящая, словно крыло острокрыла. Невинный стал выше и тоньше. Одежда где-то порвалась, где-то болталась тряпками. Ненужная, чужая. Человеческая...

Он был недифференцированной клеткой, раковой опухолью единого организма под названием Государство. Такие единые не живут, таких устраняют, в самом начале. Они представляют самую большую, самую страшную опасность. Опасность распада.

Но он всё же выжил. Сбежал. Скрылся на другом конце такого большого и сложного мира.

Невинный вышел за дверь.

Испуганные носатики шарахнулись в сторону. Острокрыл застрекотал и начал носиться, наматывая круги.

В небе горела Россыпь.

Единый не удержался и посмотрел.

Такая же яркая, гордая и величественная. Даже несмотря на туман.

“Два начала ведут этот мир – объединения и распада. Борьба этих начал дает то многообразие, которое мы наблюдаем.

Чем яростней эта борьба, тем более устойчив мир. Любая сила может принять либо одну, либо другую сторону и должна придерживаться выбранного пути. Должна быть последовательна.”

Ну что же. Его путь известен. Не он выбирал этот путь. Но его принял.

ГЛАВА 8. РАССВЕТ

Деревня была пуста.

Нет, её не сожгли, подобно десяткам других.

По улицам не валялись мертвые тела, распухшие и позеленевшие, которых некому убирать, потому что убили всех, от младенцев до стариков. Такие случаи не редкость, и отряд Сутулого, появляясь в подобных местах, обычно собирал убитых в кучу и зажигал большой поминальный костер.

В этой деревне, как и во многих других, было чисто.

Народ ушёл в Лес.

Когда-то такое трудно было представить. Когда-то люди жили в Лесу только ночью.

Но это было когда-то.

Теперь, впопыхах разобравшись с хозяйством, кое-как засеяв или собрав урожай, люди уходят. Чтобы их не убили и не сожгли. Уходят и живут в темноте, огороженные частоколом. Тогда соседи, если решат нападать, незамеченными уже не пройдут. В лесных домах заколочены окна – так, чтобы ни один луч света не вырывался наружу. Хотя обычно в домах темно – масла мало, в Долину за ним не отправишься. Кто-то стоит на посту или обходит дозором, а остальные спят. Что еще делать? Спокойный сон – лучшее лекарство, и у переживших эти ужасные годы более ценного

уже не осталось.

Кое-где во дворах валялись инструменты. Селяне уходили поспешно, оставаться на равнине большие, чем нужно, опасно. В любой момент могут прийти и учинить расправу, решив все возникшие споры. Решив окончательно.

Некоторые из инструментов оказались каменные, что было еще одним отголоском войны. Железа осталось мало, большую часть перековали на оружие, а новую руду не добывали. Кто будет работать вдали от Леса, когда в любую минуту могут прийти и отобрать всё, что ты наработал? А то и убить. Ведь мёртвым рудник не нужен.

Воины двигались молча, проверяя дом за домом. Само время такое, молчаливое. Молча работают, молча убивают, молча поют панихиды. Да, даже панихиды поют молча. Стоят над телом и читают губами написанное.

Скрипнула дверь. Значит, кто-то остался.

На пороге стояли двое, старик и старуха. Во взгляде не было ни страха, ни растерянности. Возможно, они уже ничего не боялись. Но возможно, отсутствие страха объясняло серое полотнище с тремя желтыми окружностями, соединенными такого же цвета линиями. На равнине знали, чьё это знамя. Под этим знаменем не мародерствуют, под этим знаменем не убивают, не сжигают дома. Воины Сутулого приносят мир.

Всадник верхом на животном, которого на равнине мало кто видел, только усиливал эту картину, особенно когда он

в приветствии поднял ладонь. И показал свои пальцы.

Легенды не ввали. Это был он.

– Добрых суток, – ответил всадник, – Идите к своим и зовите в деревню. Все ваши страхи закончились.

Старуха молчала. Она глядела на знамя, на всадника, воинов, особенно на горбатого, который стоял в стороне и с грустью смотрел вокруг. Глядела, глядела, и вдруг заплакала.

– Спасибо, Великий, – женщина дёрнула старика за рукав. Они поклонились, хотя было видно, что мужчине это давалось с трудом, – мы хотим причаститься. Мы ждали.

Шестипалый спешился, отдал поводья ближайшему воину и подошёл.

Он взял в свои руки ладони женщины, взял так, будто это самое ценное, и медленно произнес:

– Верую в Господа Бога Обиженного, и в служников его исполнительных, и в Великое Разделение, и в таинство Расставания души и тела, и в Остров Незримых Душ, и да не тронут меня шкодники лукавые, ибо просто совратить с пути истинного душу мою грешную, ведь нарушаю я заветы Твои, Господи.

Войны ресурсов. Зарисовки.

Зарисовка последняя.

Мой дорогой сын!

Как я скучаю... Ты даже не представляешь.

Здесь, в этих Средних землях, всё по-другому. И небо другое, и запахи другие. Мне не хватает твоей непосредственности, мне бы хотелось твоими глазами, сынок, посмотреть на окружающий мир.

Я вспоминаю, как мы ходили на Верхнюю Площадку, в каком восторге ты находился и как ты глядел на проплывавшие облака. Как ты вдыхал те запахи, ту свежесть, что наполняла воздух. Я смотрел на тебя и восторгался. Вместе с тобой. За тебя.

Да, кстати, по поводу твоей работы.

Я кое-что узнал.

Помнишь, ты говорил, что в самом начале не сделал оценку развития? А когда её сделал, то было поздно? Я тогда попросил у тебя кубик с н. у.

Так вот.

На Среднем Уровне есть такой институт – Центр расчетных технологий. Может быть, слышал. Там могут рассчитать вероятные оценки развития любого мира, в том числе потенциального. Представляешь? Не развертывая ни в одном измерении, даже во времени.

Чтобы отдать им твой кубик, нужно разрешение. Нужна комиссия. А это долго, да и согласились бы они – тоже вопрос. Но ты же знаешь мои связи.

Короче, отдал я твой кубик. Сделали они оценку.

И вот что выяснилось.

Среди вероятных сценариев нет НИ ОДНОГО, который бы указывал на гегемонию так называемых хранителей (ну или избранных, как ты называл их раньше), и уж тем более на их эксперименты с мирами. Еще раз – ни одного. Не просто среди самых вероятных сценариев, а вообще среди вероятных.

Теперь думай. Если внутреннее развитие мира не предполагало того, что случилось, значит, было вмешательство. Извне.

А это значит, что был нарушен четвёртый закон. И, стало быть, нарушение тобою пятого ПРАВОМОЧНО.

Ты мог вмешаться в работу и кое-что исправить, чтобы мир развивался согласно оценке. Ты имел на это право. И твоя работа МОЖЕТ участвовать в конкурсе.

Конечно, теперь что-то сделать проблемно. Кто-то замкнул вход на выход, а может, просто зашифровал соединение, и понятно, что этот кто-то пришёл извне. Наверняка он однажды вмешался, взломал твою работу, залез туда аватаром, и изменил направление мыслей тех самых избранных, влияя каким-то прибором. А может, придумал вирус, со специальной программой, чтобы последовательно управлять теми, кто им заразится. И заражённые – лишь инструмент. Да и не могло быть иначе – чтобы нижние устранили верхнего, сынок, это уже революция. Во всём миротворчестве.

Есть вариант перебрать твоих знакомых, выяснить, кому было выгодно, чтобы ты завалил работу. Найти его и вздрю-

чить. И воспользоваться его каналом для связи. Ну это если он не замкнул вход на выход, а просто зашифровал. Полагаю, оно так и было.

Но вот нутром почему-то чувствую, что комиссия посчитает это двойным нарушением пятого закона. А не так, что пятый наложен на четвёртый. Они там такие бюрократы, сынок, ты не представляешь.

Ещё вариант – найти способ установить связь со своим миром. Теперь такое возможно только через комиссию. А там любое вмешательство нужно обосновать. Нужно доказать, что нарушение было, а это опять волокита – начнут рассматривать твой вопрос, свяжутся с Центром расчетных технологий, отдадут кубик, станут ждать, получают ответ, назначат прения, выпишут разрешение, свяжутся с Центром хранения информации, получают код, назначат проверяющих и т.д и т. п. Мы не успеем. Конкурс пройдёт, а работу сдадут в архив.

Ну и последний вариант. Самый странный. Я даже не помню, чтобы кто-то подобное делал.

В твоём мире живут существа. Наверняка, есть те, что достигли определённого развития и способны понять и предотвратить катастрофу.

Если произошло заражение (вирусом), то возможно вылечить тех, кто заразился. Или нейтрализовать заражённых, а инфекцию остановить.

Если волей хранителей управляет не вирус, то, возможно,

существует некий имплант, и на этот имплант воздействуют. Тогда нужно найти источник управления, и нейтрализовать.

Сложнее, если вмешательство мягкое, если хранителей просто, как бы это сказать, убедили. Это долгий процесс, и обратно разубедить будет сложно. Хотя попытаться надо. Опять же, всё дело в твоих существах, насколько они убедительны, и насколько хранители способны мыслить глобально.

Опять же, всю работу должны сделать нижние.

Вопрос только в том, как им об этом сказать. Понимаешь, даже не в том, как они будут действовать, а как им сказать. Ведь в мир мы проникнуть не можем.

И на это, сынок, у меня есть идея. При встрече тебе расскажу. Всё расскажу, мы подумаем и попробуем сделать.

Ещё.

Возможно, тот, кто вмешался, до сих пор находится в мире, и находится там глубоко и долго. Если разрушить его аватар, так, как разрушили твой, то здесь он проснётся. А может, и нет. Всё зависит от того, насколько глубоко он залез.

Я понимаю, что это жестоко. Если тот, кто нарушил закон, и правда находится в мире, и если он не проснётся, в гибели будем виновны мы. Конечно, никто нас ни в чем не заподозрит. Со стороны будет казаться, что кто-то вмешался, что-то наделал, а его – бац! – и выкинуло. Так что, сам понимаешь, это вопрос твоей совести.

Моя совесть даёт согласие.

С Любовью, Отец

"Приветствую Вас, Чёрный Шэа" – Гладкий Гувус процокал и втянул свою голову в яйцо, тем признавая полное верховенство вошедшего.

Чёрный Шэа проплыл вперед, именно проплыл, хотя у него были ноги. Целых шесть, как у любого другого избранного, или хранителя, как назывались они для других. Но больше было похоже на то, что опирался он не на лапы, а на тяжёлую трость, которой стучал. Впрочем, движения Гувуса производили точно такое же впечатление.

"Работы много, взирающий. Заниматься уборкой надо всё чаще, а этого времени нет. Поэтому беспорядок" – на этот раз Гувус не цокал, скорее, скрипел. Как пила. Тем самым он извинялся и показывал огорчение. "Старый Хенши представился?" – спросил архиватор.

"Старый Хенши представился" – Шэа присвистнул.

Присвистнул, ого. Нет, не процокал, не крякнул (это было бы слишком), но не пробулькал и даже не скрипнул. Хотя, конечно, они никогда не ладили. Совсем как аномальные – эти грызутся по поводу и без. И постоянно строят подлянки. Друг другу. Только вчера появились, а ведут себя так, как будто это они настоящие избранные. Странные существа. Но вкусные.

"Сейчас Старый Хенши на родине, ест аук. Чего его жалеть?" – Шэа поднял свою палку и прикоснулся к табличке.

Стенка раздвинулась и они вошли в помещение. Длинное и узкое, освещенное умеренным и очень рассеянным светом, которым светились стены, пол, потолок. Переливаясь оттенками всевозможных цветов. Свет становился ярче, бледнее, цвета перетекали друг в друга. Не резко, как это бывает в Пылающие. Медленно, мягко, чарующе.

"Ах да, ах да, – Гувус свистел, – ест аук, живёт в Малом мире, всё хорошо у Старого Хенши, всё хорошо".

Взирающий зашипел. Слабо, негромко, тактично давая понять, что, собственно, хватит. Говорить об ушедшем не стоит.

И архиватора как оборвало. Он тут же закрыл свой рот.

Шли они долго. Коридор оказался длинным. Но этот свет, неяркий и мягкий, который менялся, перетекал от оттенка к оттенку – всё это напомнило родину, которая где-то там. Откуда они ушли, чтобы выполнить волю Сиятельного, чтобы отправиться в этот далекий огромный мир, заархивировать всё в нём живущее и начать его обновление. Но родина манила, она была непохожа на то, что хранители видели здесь, такая маленькая, аккуратная, тихая родина. И порою щемило внутри, клёкотало, и каждый, наверное, каждый хотел вернуться, отправиться на покой, забыть обо всём и вцепиться зубами в аук. Но потом вспоминал о высоком, о важной серьёзной задаче, что позвала их сюда, в этот огромный и странный мир, и тоска отступала, как отступает вода Великой реки, перетекая по ту сторону Навуса. Отступает по

воле Сиятельного.

Вероятно, об этом думали два яйцеобразных существа, вышагивая на своих длинных паучьих лапах, кивая сморщенными головами и стуча длинными палками. "Бриньк-бриньк". В закрытом коридоре это звучало иначе, не так, как под сводом пещеры. Нет, это не плотник стучал молоточком, пытаясь выпрямить гвоздики, это кузнец стучал своим молотом. Громко, но глуше. "Трынк-трынк".

Существа прошли коридор.

Двери открылись и хлынул свет, белый, не столь впечатляющий, но более строгий, рабочий, помогающий сосредоточиться.

Экспериментальный зал, в который они вошли, был высоким и длинным. Избранные, стоявшие вдоль стен, тут же втянули головы. Шэа, наоборот, вытянул.

Таков был ритуал.

Ритуал вполне себе обычный для большинства развитых культур. И даже не большинства, можно сказать, для всех. Где бы ни находилась условная цивилизация – на земле, под землей, в глубинах океанов, на планетах, в пузырях, на плоскости, в трехмерных, в четырехмерных мирах, в любой другой геометрии – везде нижестоящие куда-то втягиваются, стоит вышестоящему что-то там вытянуть. Есть, конечно же, исключения, но... мало. Настолько мало, что приходится говорить о статистической погрешности.

Почему-то именно об этом и думал Шэа, в очередной раз

инспектируя подчиненных. И, чтобы подчинённые не расслаблялись, но в то же время не цепенели и, уж тем более, во славу Сиятельного, не впадали в кататонический ступор, он слабо шипел. А если вдруг видел хорошее, мог и присвистнуть.

"Это особенный блок, – Гувус открыл очередную перегородку, – здесь у нас аномальные".

Шэа заскрежетал.

"Воняет, – заметил взирающий, – сильно".

"Увы, увы, – скрипел архиватор, – желёз у них много, метаболизм слишком быстрый. Приходится мыть, и почаще, но, видите сами, это, увы, не спасает. Едят слишком много, так много, что просто диву даёшься. А живут слишком мало. Видимо, тоже метаболизм. Бывает, берёшь почти что детёнышем, изучаешь, ставишь эксперименты, а он вдруг раз – и умирает. От старости".

"Аномальные пришли не одни, – булькал взирающий, – вместе с ними пришли и другие. Много-много существ. Большинство которых осталось на Острове. Их изучили?"

"Ах да, ах да" – архиватор растягивал мысли, скорее всего, специально, чтобы у Шэа сложилось впечатление, что он никуда не торопится и потому не наделает глупостей. Спешка у избранных считалась одним из пяти первобытных грехов. Наравне с бесцельностью, молчаливостью (неэмоциональностью, ведь избранные выражали эмоции с помощью речи), неуёмной почёсываемостью (то есть похотью) и летучестью.

Последний грех пресекался легко. Надо было держать тяжелую трость. Тогда не поплывешь над полом, используя для движения реактивные струи. Даже если захочешь. Такой способ передвижения применяли когда-то предки, ну или первобытные племена по ту сторону Навуса. Теперь так передвигаются дети, у которых ноги ещё не окрепли, но если ты стоишь на ногах – будь любезен, ходи по земле.

"Ах да, ах да, – повторял архиватор, тихонько побулькивая, – мы всех изучили. Заархивировали... С аномальными было сложнее, но их мы прошли".

"Покажите" – гукнул взирающий.

Эмоция неопределенная.

Гувус напрягся.

"Сюда" – просвистел архиватор.

Они подошли к первому кубу, за прозрачными стенами которого находилось существо, обликом напоминавшее человека. Но оно было покрыто шерстью, почти по всему своему телу, челюсть и надбровные кости выпирали, а нос, наоборот, был приплюснут и будто растянут. Существо стояло и молчаливо взирало. Так, словно это они находились в кубе.

Взирающий гикнул.

"Мы изучили гены аномальных, – объяснил архиватор, посвистывая от удовольствия (надо же – гикнул взирающий), – и восстановили образ их предка. Это лишь последний из восстановленных, самый неглубокий разрез. Смотрите дальше..."

Они покинули первую площадку и попали на вторую. Существо, обитавшее там, тоже напоминало аномального, но уже меньше. Оно было чем-то обеспокоено и постоянно двигалось, перебегало из одного конца куба в другой, используя все четыре конечности, причём передние были не меньше задних.

"Пойдёмте" – пробулькал Гувус.

Они подошли к третьему. Небольшому остромордому существу с пушистым хвостом и цепкими лапками. Оно носилось по кубу, периодически останавливаясь и будто приносиваясь, а после взлетало на инсталляцию, напоминавшую ветки незримых деревьев.

"Это тоже предок?" – присвистнул Шэа.

"Да, взирающий, тоже. Обратите внимание, юркий. Чрезмерно. Метаболизм наивысшей скорости. Кстати, некоторые из существ, пришедшие с аномальными, весьма на него похожи" – Гувус чуть булькнул.

Зверёк из четвертого был совсем уже маленьким, как и из пятого. А существо из шестого резвилось в воде.

"Вода – всё выходит оттуда" – Чёрный Шэа поднял свою палку и чуть постучал по стеклу. Обитающий в кубе подплыл и попытался схватить её челюстью. "Глупая тварь" – взирающий цокнул.

"Да. Относительно".

"Куда мы теперь?" – Чёрный Шэа казался довольным, и архиватору это нравилось. Он свистел, цокал, булькал, со-

всем как взирающий, стараясь догнать эмоции старшего. Подсознательно. Как в большинстве высокоразвитых культур.

"Посмотрите на это" – сказал архиватор, чуть рыкнув. И указал на куб, в котором сидело двое. Аномальных. Они лежали на мягком покрытии, совершенно раздетые (взирающий удивился – обычно аномальные покрыты какими-то тряпками), и совершали движения. Раз-раз. Раз-раз. Навстречу друг к другу.

"Так они размножаются, – архиватор присвистнул, – мы усилили центр, что отвечает за удовольствие. И получили вот это".

"Размножаются?" – рыкнул взирающий. Впрочем, если посмотреть со стороны, то способ, каким размножаются избранные, тоже может казаться странным. Тереться, чтобы паразиты, живущие на одном, совокупились с паразитами другого, передавая им как свой генетический материал, так и геном избранного. Потом ждать, когда эти паразиты вырастут, отцепятся от тебя, кормить их, пока они не превратятся в ползунчиков, которых аномальные называют пещерными монстрами, и ждать, когда те подохнут, а из тел мёртвых ползунчиков появятся детки. Новые избранные, вылетающие в мир. Такая вот схема, сложная. У аномальных попроще. Если смотреть непредвзято.

Взирающий гикнул. Тех, кто уходит в другие миры, лишают фертильности. Перед отправкой. И дают специальные

плюшки, чтобы они не почёсывались. Чтобы желания этого не было. Но многие пренебрегают, бросают плюшки в корзину и продолжают почёсываться. Нарушая один из законов. Он тоже не исключение. Нарушал. Ещё как нарушал. Тот же Хенши, бывало, отчитывал.

Вот и плодятся ползунчики, и расползаются по подземным тоннелям. Хорошо хоть потомство не вылетает, а иначе – ну где-то потомство потом собирать? И как собирать?

Архиватор воззрился на Шэа, желая увидеть вопрос. Не услышать, как мысль, а увидеть. Ведь это так важно – понимать начальника даже не с полумысли, а с полудвижения.

"У них достаточно выражен половой диморфизм. Два пола – одни выносят потомство, другие нет. Впрочем, как и у многих существ этого мира. Конечно, до шестилапых им далеко".

Взирающий цокнул.

"Что это там? – он приподнял свою палку и показал на отдельный отсек. Большой и закрытый.

"Там вроде разделочной, – объяснил архиватор, – Мы доводим аномальных до нужной кондиции. И разделяем. К архивации это не имеет ни малейшего отношения. Но уж больно вкусное мясо, взирающий. К тому же здесь, вдалеке от Малого мира, где большинство других из существ ну совершенно ну не съедобны, взирающий..." – Гувус, казалось, оправдывался.

"С другой биохимией" – булькнул начальник.

"Другой, – архиватор чуть скрипнул, – насколько я понимаю, тут дело в хиральности, белки закручены в одну сторону, углеводы в другую. А эти такие сочные, и такие ну сохиральные..." – Гувус присвистнул.

"Я знаю, я пробовал" – сказал Чёрный Шэа.

И крякнул.

Он смотрел на решетку окна. Глаза болели. Голова хотела упасть на подушку и провалиться в сон.

Но Пытливый не спал. Заснуть он не мог. Хотел, но не мог.

Как много он узнал за последнее время. Такой объем информации. И всё это предстояло осмыслить, переварить, разложить по полочкам. Собрать воедино. Чтобы приблизиться к некоей основе, фундаменту. К самой великой тайне.

Целые сутки прошли с той поры, как уехали эти двое, Мутный и Первая, друг детства и его новая пассия. Два человека, которым опять повезло оказаться в центре самых невероятных событий. Настолько невероятных, что, не зная он приятеля, то мог бы подумать, что всё это – фарс. Выдумка. Но Мутный не мастер розыгрышей, и не любитель. К тому же в последнее время происходит такое, что всё необычное становится обыденным, и это обыденное перестаёт удивлять.

Жаль, что так быстро уехали. Он уговаривал их остаться, хотел расспросить, разузнать, всё в деталях, в таверне, под кружкой хмельного напитка. А после сказал, что та информация, которой они обладают, бесценна, особенно здесь, в

общине искателей. Зря ведь сказал, забери его шкодник.

Первая тут же засобиралась.

Оно и понятно. Прошлый раз, когда она вернулась от пестрокрылых, её просто засыпали. Вопросами, уточнениями, уточнениями уточнений. К Первой приходили как на поклон. Девушка, можно сказать, еле сбежала. Заодно прихватив его друга.

И Мутный ведь тоже, зараза. Мог бы уговорить, в конце концов, сделал бы вид, что уговаривает. Хотя, конечно, приятель такой, он всегда был такой, недеятельный. Созерцательный. А девушки ему попадались наоборот, даже слишком активные. Синеокая, Быстрорукая, теперь вот она.

Быстрорукая...

Пытливый вздохнул. Уйти от девушки. Такой девушки. Найти своё счастье и потерять...

Парень поднялся со стула и подошёл к клетке.

Пушистик подрос. Травинки на спинке животного выросли, стали прямее и жёстче. Зверёк в нетерпении бегал, стучал, хватался за прутья. А вот пищал уже меньше.

Скоро придёт его время и предстоит закопаться, поэтому нужно готовиться, бегать, хватать что-то лапками, тренировать свои ноги, ведь это ногами он будет раскапывать землю. Приходилось выгуливать дважды, а то и трижды за сутки. Привязывать к лапке кольцо, с длинной такой веревочкой, чтобы не убежал.

Пушистик бегал в окрестностях, и, шкодник его душу зна-

ет, где находил склизняков и как заставлял их раскрыться, забыть свою форму. Но удивляться не стоит. Пушистики питаются склизняками, высасывая их хоботком, пока не закопаются в землю, и поиск этих существ – их основное занятие.

Найти склизняка, если тот превратился во что-то, просто. Склизняк – это нечто бесформенное. Пока не почувствует опасность. Тогда, весьма быстро и точно, он маскируется под предмет, который находится рядом – ветку, травинку, прибор. Формой, цветом, даже такими качествами, как твердость, упругость и жесткость.

Пытливый вспомнил историю.

Привезли как-то к ним потеряшку. Не одну, целых две. Искатели любят подобное. Считается, этот предмет укрывает заботой, отеческой, мягкой, и приносит какой-то смысл. Все твои действия подчиняются некому замыслу, и ты не теряешься, ты знаешь, что тебе делать, и знаешь, зачем. Да и потом, обладание этим предметом открывает возможность войти в самый закрытый и самый таинственный орден. Не все даже знают, где этот орден находится, а те, что знают, махают рукой на холмы – "где-то там". Но где конкретно и как в эти дали добраться – в курсе одни сопричастные, да и те приезжают в закрытых каретах и вряд ли отыщут дорогу. Любой искатель мечтает стать частью Ордена... Любой, но не он. После того, что случилось, Пытливый туда ни ногой.

Так вот. Потеряшки привезли, и они были похожи. Как правая рука похожа на левую. Буквально. Зеркальное повто-

рение. Единственно, одна была легче и будто бы мягче, другая чуть жестче и тяжелее. Но это если намеренно щупать и если намеренно взвешивать.

И их разлучили.

Вот тут то и выяснилось, что один из предметов не потеряшка, а просто склизняк, принявший форму, цвет и другие качества лежащего рядом прибора.

Всё это пронеслось в голове у Пытливого, пока он смотрел на пушистика. Пушистик – зверёк интересный, он чувствует склизняка, как бы тот не маскировался и какую бы форму ни принимал. Но, интересно, как? А ещё интереснее, каким это образом склизняк, беспорядочное нагромождение клеток, может принимать точную форму, цвет и состояние того, под что маскируется? И главное, чем? Глаз то склизняк не имеет. Ни глаз, ни ушей, ни носа, ни губ, ни языка. Ничего. Как это он умудряется, при отсутствии всего перечисленного, делать столь точные копии? Загадка...

Эти непонималки еще предстоит понять. В мире так много загадочного. Неизвестного. И это, конечно, прекрасно...

Пытливый вздохнул.

И вновь посмотрел в окно.

Итак, что мы имеем?

Мир, в котором не было людей. Ни людей, ни незримых. Мир сотворённый, и Творец не оставил его в покое. Почему?

Парень задумался.

Легенды пестрокрылых говорят о многом. И этим леген-

дам стоит доверять, иначе бы те не знали столь точно момент пробуждения Бога.

Но Бог ли Ээф? Действительно ли Ээф тот самый Создатель, который придумал мир? Обмануло ли это существо пестрокрылых или не обмануло? Ведь если оно не Бог, то всё происходящее – фарс. Мир может быть вовсе не сотворён, ему может не угрожать опасность, а люди могут быть такими же порождениями некой неперсонализированной силы, что и творенья со зримой душой.

Возможно, Остров и правда появился из неоткуда, но только не в результате воли кого-то, а во время неизвестного катаклизма, соприкосновения двух миров. Или же остров – часть этого мира, но жизнь в этой части развивалась отдельно, отсюда и все различия.

То есть, вопросов больше – если считать, что Ээф – самозванец.

Но если он самозванец, тогда почему в него верят не только крылатые, но и другие, более продвинутые существа. Куда более продвинутые. Пытливый вспомнил, что говорила Первая. О городе, где живут люди, и где летают повозки. Тот город им подарили хранители, точнее, снабдили их всем, чтобы его построить.

А значит, можно считать, что Ээф настоящий, всамделишный Бог. А Боги не врут. Возможно...

Возможно, возможно. Снова возможно.

Так. Надо собраться с мыслями. Пытливый сел и обхватил

свою голову.

Начнём с начала.

Создал Бог мир, большой и красивый.

И этот мир развивался.

Появились в нём шестилапы, там, стриклы, пушистики (Пытливый смотрел на клетку – зверек стоял на одной своей лапе, а вторую вцепился в решётку), появились в нём пестрокрылые. А также тянучки, крушинки и прочая прочая.

Все те, что имеют душу, или второе тело, как говорила Любящая. И это второе тело в момент смерти разлучается с первым.

Бог посещал этот мир, в том числе пестрокрылых. Или одних пестрокрылым.

Нет. Любящая (что это за женщина и как бы её увидеть?) рассказывала, что хранители называют себя избранными. И что когда-то их посещал Бог, в совсем другом образе, но после взял и бросил.

Обиделся, что ли.

Боги, они обидчивые. Пытливый скривился. Видно удел всех Богов – обижаться, уж такая у них тонкая душевная организация. Вон, Огнебород из "Приключений", хоть так себе бог, не особо и важный, но тоже ведь обижался. Однажды хотел заточить Листика в пещере, да спасибо, помогли птеродиты, нагнали ветер могучими крыльями, и "Веточка" буквально вынырнула перед камнепадом.

Так вот. Полюбил, значит, Бог пестрокрылых, и вдруг

узнаёт, что тем угрожает опасность. И стал, значит, думать.

Это если следовать легенде.

И додумался до того, что отрезал кусок от какого-то мира (другого, чужого) и поместил в этот.

Так появился Остров.

Это подтверждает дневник, подтверждают легенды, предания и подтверждают отчёты хранителей. А, стало быть, Остров возник, и возник он намеренно.

Пуффф...

Пытливый нахмурился

Что за опасность хотел предотвратить Ээф, и почему таким образом?

Пророчество пестрокрылых, свидетельства горожан, живущих бок о бок с хранителями и события последней ночи, межсезонья которой стали длиннее, подтверждают и дополняют друг друга.

Солнце готово погаснуть.

И виноваты некие "черви" из того же пророчества. И хранители, из свидетельства Любящей, которая знает больше, чем обычная горожанка.

Стало быть, хранители и есть эти самые "черви", которые вышли извне, из другого, не нашего "пузыря".

Пытливый покачал головой.

Прошла всего ночь, а столько стало известно. Наш мир не плоскость, как предполагали знающие люди, и не шар, как описано в "Приключениях", точнее, шар, но вывернутый

наизнанку. Мы живем на внутренней поверхности огромного пузыря, такого огромного, что обнаружить его кривизну невозможно. Во всяком случае, для людей. Хранители – те знали, и прогрызли путь из своего "пузыря" в наш. Словно из одной "дырки" сыра в другую. Прогрызли, и стали изучать этот мир.

Как он понимал.

Изучать. Познавать. Архивировать.

Мммм.

Однако тут появлялось два жирных вопроса. И Пытливый понимал, что всеми предшествующими рассуждениями он аккуратно к ним подходил, надеясь, что проскочит их так же, как проскочил предыдущие.

Не получилось.

Они зияли как дыра, не закрашенная ни малейшим пониманием, как пропасть, перескочить через которую невозможно, и заполнить которую нечем.

Первое.

Зачем хранителям гасить Солнце? Какая в том выгода? Эксперимент? Но это же слишком накладно. Наверняка. К тому же поле эксперимента – огромный, невообразимо огромный мир. Это цинично. Ради проверки какого-то предположения лишать этот мир источника жизни. Да, жизни, ведь циклы у шестилапов строятся вокруг чередования дня и ночи. Посмотреть, что случится с миром или проверить свою гипотезу? Чушь...

Второй вопрос был еще более непонятными.

Шкодники с ними, с хранителями, может, они злодеи. Абсолютные. Но каким образом появление Острова мешает их планам? Точнее, могло помешать. Как?

Пытливый налил тонизирующий напиток, приготовленный из тех же холмистых тянучек. Их много, тянучек, что на равнинах, что на холмах. Это целое искусство – знать каждую в лицо и уметь создавать нужный сбор.

Ответ будет ответом тогда, когда будет простым.

Парень отпил из чашки и посмотрел на окно. Точнее, на то, что творилось за ним. А еще точнее, на пыль, что подняли две кувыркающиеся саммаки.

Если поставить себя на его место. На место Бога. В созданном мире появляются существа. Умные, проницательные, делающие всё НАВЕРНЯКА, строящие прогнозы, исследующие причины сущего, называющие эти причины прогнозами наоборот. Они изучили мир и хотят поставить эксперимент, безумный, страшный, в котором цель и используемые средства несоизмеримы. Но они хотят, и это главное. Мир начнёт умирать, нет, он останется, но в другой, более тусклой форме. Любимые существа погибнут. Постепенно. Их выживание напрямую зависит от цикла. Чередования дня и ночи. Что делать?

"Наверняка".

Возможно, загвоздка в этом. Поставить их перед фактом, что наверняка они ничего сделать не смогут, ввести в урав-

нение переменную, дополнительную, и сделать это уравнение нерешаемым.

Но если они всё изучили, если логика развития всего сущего им ясна, то единственным вариантом будет... будет... изменить существующее, принести сюда что-то новое, что-то, что не имело связи ни с чем. Что-то ИЗВНЕ.

Остров.

Пытливый чуть не подпрыгнул. Он ПОНЯЛ Бога, он понял ход его мыслей

И он понял, что это должно было сработать. Ведь тут не помогут прогнозы. Что случилось однажды, может случиться снова. Даже скорее всего случится. Спрогнозировать что-то уже невозможно. А значит, чистота эксперимента нарушена. И надо его свернуть.

Или. Или.

Пытливый отпил из чашки.

Или попытаться сделать так, чтобы вмешательства не было. А значит, устранить того, кто вмешался.

Убить. УБИТЬ БОГА.

И, судя по всему, хранители это смогли.

Невероятные существа. Суметь ТАКОЕ. Какими же это познаниями надо обладать.

Пытливый замер в немом благоговении.

Теперь, после всего, что он узнал, у него была мечта. Попасть в город Надежды, найти ту самую библиотеку, о которой рассказывала Любящая, перечитать все книги, которые

в ней находятся. Получить те знания, что доступны горожанам. Встретиться с этой удивительной женщиной и всосать в себя всё, что она знает. Впитать это всё и переварить.

Библиотека. Волшебное слово. Здесь, в общине искателей тоже была библиотека, и книги в ней были интересные, познавательные. Но он мечтал о другой. Мечтал с тех пор, как прочитал "Приключения".

Преодолев огнедышащее ущелье, команда "Веточки" вместе со своим капитаном попала в Страну Голодных До Знаний. В стране жили демики – небольшие худощавые создания с зелёными колпаками на головах, которые читали на завтрак, обед и ужин, и не вместе с едой, а вместо. Большую часть своей жизни демики проводили в Библиотеке, все стены и перегородки которой заставлены книгами. Своими размерами библиотека превышала Дворец Стратега, а высотой была выше самой высокой звонницы, и походила на необъятную столовую, в которой можно заказать любое необыкновенное блюдо, и удовлетворить вкусы самого притязательного гурмана. Только вместо жаркого вам подадут книги, и вы их читаете. И только так утоляете голод.

Да, попасть в подобную библиотеку мечта. Пытливый заложил руки за голову.

Но есть мечта и побольше.

У этого большего несколько названий – избранные, хранители, паучки. Существа, убившие Бога. Ещё раз – убившие Бога...

Возможно, они его примут. Возможно, он тоже найдёт свою смерть.

Пускай. Ради знаний Пытливый готов на всё, готов податься к любому, самому страшному шkodнику, даже Безухому. Есть такой в легендарии равнины. У Безухого не было ушей и он не слышал людских страданий.

Но что предложить хранителям? Чем их увлечь?

Надо подумать...

Пытливый думал, думал, и заснул.

На столе лежало два одинаковых с виду конверта.

Рядом раскрытые письма.

Письма походили друг на друга по форме. И содержанию.

Так условлено. Если ангел попадёт в чужие руки, и кто-то отправит письмо – конечно, письмо он отправит. Но второй кармашек будет пустой, а значит, подлинность отправителя под вопросом. Под вопросом, потому что остаётся вероятность, что Патлатый просто забыл, и оставил кармашек пустым. Но вероятность ничтожная, ведь такой человек, как Патлатый, не забывает. Кузнец обычно внимательный.

А в письмах не так уж и много.

"Десятые сутки. Отряд продолжает стоять. Наблюдаем".

И всё.

Герцогиня нахмурилась.

Собственно, задумка понятна. Перейти через Бурную и отрезать мятежникам путь. На Пост они не пройдут, остаёт-

ся дорога, та самая, громкая. А это опасно, можно наткнуться на первый отряд, вдруг он тоже стоит где-то лагерем. И тогда...

Что тогда? Уходить, чтобы тебя не заметили? Но это как повезет.

Нет, надо ждать.

Если вторые вдруг снимутся с места, можно идти, чуть подальше. За ними.

Или не идти?

Если, или, тогда... Сплошные условности.

Хочется наверняка.

Слишком высокие ставки, слишком много заинтересованных. А все нити ведут к двоим. И эти двое могли бы быть счастливы, могли бы остаться друг с другом. Но судьба так безумна, такие рисует узоры...

Отец и дочь.

Девушка сжала ладони.

Вторые стоят не случайно. Второй отряд знает про ополчение, и потому стережёт. В назначенный час они всё же снимутся, и совершат бросок, через Пост, в Длиннолесье. Или вдруг развернутся и нападут на мятежников, зная, что те идут следом. На равнине оно сподручнее, особенно на тёмной равнине. Побеждает внезапность.

Опять это "или".

Да, надо ждать. А лучше сидеть тихо-тихо, и не высовываться.

Она боялась за Патлатого, боялась за ополченцев. Селяне без выучки, можно сказать, в тылу – незамеченными они не пройдут. Пусть остаются в Долине.

Здесь и так собирается сила, вполне себе внушительная. Ополченцы Длинного с остатками воинов. Двудушные. Скоро придут озёрники. Надо знать движение первого отряда и окружить его раньше, чем придёт второй.

Вот тут и поможет Патлатый. Второй отряд, если хочет прибыть вместе с первым, должен отправиться раньше. Суток на двое. Громкая дорога короче, путь через Пост длиннее. И если Патлатый пошлёт им послание, союзники выступят вовремя и настигнут первых у самой излучины Бурной, возможно, во время привала. Но тут надо всё рассчитать – и скорость, и расстояние. И психологию Заговорённого. И то, что девушка знает его психологию.

"Наблюдайте, – написала Быстрорукая своим крупным убористым почерком, – посылайте как снимутся".

Она продублировала написанное и положила письма в конверты.

Сам план предстоящей схватки существовал в голове. Её голове. Причем исключительно. Утечка могла стоить дорого. Каждый из союзников узнает то, что он должен узнать, и только тогда, когда должен. Если не случится неожиданностей, они возьмут Заговорённого в тиски.

Заговорённого. Отца.

Она подняла свою голову, будто в молитве.

Нет, до кровопролития не дойдет. Битвы не будет. Сам отец не допустит кровопролития.

Главное показать свою силу, решимость. Главное не дрогнуть – и Заговорённый отступит. Она верила, что отступит.

Эх, отец, отец... Я же писала тебе, я объясняла. А ты со своим традициями, какими-то принципами, законом. "Справедливость у всех своя, закон – один". Пугаешь войной ресурсов. Мол, стражи сплотили народ. Но когда она была, эта война? Мир изменился. Стражи изменились. И те же озёрники, ну что тебя в них не устраивает? Чем Длиннолесье то хуже?

Кто-то вошёл.

– Герцог? – спросила девушка.

– Герцогиня...

Не герцог. На девушку смотрел самый изящный и самый мрачный воин отряда.

– Острый.

Мужчина кивнул.

– Темноволосая здесь? – Быстрорукая подобрала конверты и положила их в сумку.

– Да, и с ней благословенные.

– Двудушные, Острый, двудушные, – она посмотрела на сотника.

По лицу вошедшего пробежала тень. По этому хмурому лицу, которое и так постоянно покрыто тенью.

И герцогиня вдруг вспомнила. "Что-то с сестрой". И при-

кусила губу. Нет, собеседник она никакой.

– Конечно, благословенные, – девушка улыbnулась. Но вышло коряво.

– Темноволосая хочет поговорить.

– Конечно.

Быстрорукая встала. Она была выше Острога, немного, но выше. А ведь сотник считался довольно высоким и статным мужчиной.

Они подошли к беседке, той самой, где когда-то сидел Матёрый. Первосвященник произвёл впечатление. Неизгладимое. Его способность вселять уверенность казалась запредельной, сверхчеловеческой. Таких людей мало, второго Матёрого нет. Тогда она поверила в себя, поверила в то, что способна сплотить свой народ ("да, свой народ, СВОЙ НАРОД, герцогиня"), она чувствовала себя в ответе за тех, кто не сдался.

Но теперь это чувство давило. Давила ответственность. И Быстрорукая уже не была настолько уверена.

Темноволосая сидела выпрямившись, натянутая словно струна и всё же расслабленная. Глядя на женщину, можно было подумать, что она сидит долго. Само время вокруг двудушной казалось застывшим. Иногда это успокаивало, а иногда раздражало. Но, в данном случае, скорее, успокаивало.

– Сударыня, – женщина встала и поклонилась. Быстрорукая изогнулась в ответ. Да, изогнулась – изящные поклоны у воительницы не получались. Было в этом что-то професси-

ональное.

– Я рада приветствовать Вас.

– И я, – двудушная села.

– Вы остановились в Лесу?

Вопрос, конечно же глупый. Понятное дело, в Лесу, ночь же ещё не закончилась.

– Нет, на равнине, – ответила женщина.

– Ах да? – Быстроукая вскинула бровь, – в Лесу места много, в той части, что ближе к Долине, плащеноски, бегуны растут повсеместно. Разбиваете лагерь, где захотите.

Женщина посмотрела в глаза.

И улыбнулась.

– У меня для Вас предложение, – сказала она спустя время. Спустя. Время. "Какая неторопливая, – подумала девушка, – интересно, все ли они такие?" Эта неспешность с ответом казалась ненужной, но, в то же самое время, добавляла какой-то весомости, прочности сказанному, заставляла прислушиваться и тщательней взвешивать сказанное. Вот у герцога есть такая привычка – стрекотать и стрекотать, без пауз, как ангел. Пускай пообщается с Темноволосой, научится думать и только потом говорить. "Ты слишком строга, дорогая, – услышала девушка голос, внутри своих мыслей, – уже потеряла Мутного, потеряешь и герцога".

– Говорите, благословенная, – сказала она.

Женщина достала листок, взяла карандаш и нарисовала петлю. Потом чуть пониже овал, повыше круг, и соединила

их линией.

– Излучина Бурной, – догадалась девушка, – громкая дорога. Я в эти карты гляжу слишком часто. Последнее время.

– Да, – Карандаш на мгновенье завис, а потом опустился. Туда, где петля бы стянулась, будь это и вправду петля.

Темноволосая поставила крестик.

– Старый Лес? – Быстрорукая знала такой. Собственно, это не Лес, а место, где он когда-то стоял. Деревья давно уже сгнили, упали. Но за остатками Леса хорошее место для сна. Или отвала. Или для наблюдения. Она посмотрела на женщину.

– Именно, – женщина посмотрела в ответ, довольная, что та поняла.

– Как только Заговорённый подойдет к Старому Лесу и встанет поблизости лагерем? – воительница скорее сказала, чем задала вопрос.

– Мы будем ждать рядом, – кивнула двудушная.

– И вы отошлёте ангела?

– Да.

– Хорошо. Тогда можно прикинуть, где будет следующий привал. И следующий. И рассчитать место встречи.

– Как приятно общаться с людьми, которым не надо всё объяснять, – двудушная посмотрела в глаза и чуть улыбнулась.

Похвала похвалой, но Быстрорукой стало не по себе. Слегка, но не по себе. Всё-таки взгляд у двудушных тяже-

лый. Будто бы немигающий. Хотя нет, Темноволосая всё же мигала...

Девушка посмотрела на карту. Круг, овал. Прихольмье, Длиннолесье. И, как струна между ними, дорога. Ровно посередине дороги петля, излучина Бурной. И в горлышке этой петли Старый Лес.

Теперь у нее есть Патлатый, следящий за вторым, и Темноволосая, наблюдающая за первым отрядом. "Очень хорошо", заметил бы Выразительный.

– Я дам вам двух ангелов, – сказала она, чуть подумав, – наблюдайте и ждите дальнейших распоряжений.

Но что-то ещё...

Было что-то еще.

Что-то, о чём двудушная не сказала. Она казалась решительной, даже слишком решительной. Как будто что-то продумала, и осталось за малым.

Быстрорукая посмотрела на женщину.

– Вы чего-то не договариваете? – спросила она собеседницу, так, словно это совсем не вопрос.

– Вы проникательны, – ответила та после паузы, – об этом я бы хотела поговорить, – двудушная сдвинула карту, скрестила ладони в замок и слегка наклонила голову, – Ваш отец очень известный воин. Воин вдумчивый и неожиданно смелый в решениях. Но тоже поступит так, как поступили бы десятки других. Он разобьет лагерь в Старом Лесу, и именно в той его части, которая ещё не превратилась в равни-

ну. Остатки былых деревьев словно созданы для привала. Проход через них замедляет движение, устоять невозможно. Привал будет там, где бывает всегда.

Быстрорукая ещё не понимала, к чему клонит женщина, но стало тревожно. А может, и понимала, но не хотела себе признаваться. На языке крутились слова несогласия, слова беспокойства. Она думала о том, как бы вежливо отказаться.

Конечно, вежливо у неё, как всегда, не получится.

– Вы никогда не задумывались о том, почему мы называем себя благословенными? – спросила вдруг женщина.

– Я? – вопрос прозвучал неожиданно, – я слышала, вы живете дольше других.

Двудушная кивнула.

– Я помню войны ресурсов, – сказала она чуть слышно.

Быстрорукая вздрогнула.

– Не удивляйся. Память уже не та, но время я помню. На нас напали, ограбили, забрали всё, что могли. Всё, что влезало в повозки. Мужчин перебили, братьев, отца. Я тогда ушла из селения, нашла какую-то банду, прибилась. Мы устраивали засады, в том числе в Старом Лесу – в то время он был такой же, как и сейчас. Правда, по громкой дороге ехать было труднее. Ещё труднее. Путников было мало. А те, что все-таки были, думали, верно, что так безопаснее – кто станет ждать, пока кто-то проедет? Ну и, конечно, привал устраивали там же, где и теперь. Люди весьма предсказуемы... Но я хотела сказать не об этом, – вздохнула двудушная, – точнее,

не только об этом. Благословенные благословенны не тем, что живут дольше и старятся медленнее. Мы видим в темноте почти как лесной плащеносец и слышим почти как сова. Мы лучше чувствуем, в том числе тело, и можем двигаться тихо, как кошка. На тёмной равнине это большое преимущество.

– Вы хотите не просто смотреть, слышать, чувствовать, – возразила ей Быстрорукая, – Вы хотите напасть. В темноте.

Женщина посмотрела в глаза:

– Воины будут спать. Мы убираем стражу, и делаем это бесшумно. Потом одеваем на каждого маски и бесшумно всех связываем. Обещаю, они ничего не почувствуют.

– Что за маски?

– Сказать не могу. В плане лекарств и их применения благословенные более сведущи.

Быстрорукая не знала как сказать.

И решила сказать прямо:

– Нет. Вы этого делать не будете.

Она подождала, ожидая, что Темноволосая что-то скажет.

Но та молчала.

– Наблюдайте, – добавила девушка, – наблюдайте – и всё.

Иначе возможно кровопролитие.

– Благословенные не боятся кровопролития, – ответила женщина. В её тоне не было ни раздражения, ни высокомерия. Она объясняла известные вещи, – раны затягиваются быстрее, а боль мы умеем терпеть.

– Благословенные не боятся, – ответила девушка, – я боюсь.

Она сказала это доверительным тоном, каким обычно рассказывают секреты, не потому, что знала, как нужно сказать, а потому что ей стало страшно.

Если прольется кровь, она себе не простит.

Впрочем, как и отец.

Возможно, как и отец.

Девушка надеялась, что отец думает так же. Противостояние противостоянием, но она собирает отряд скорее для сдерживания, для того, чтобы показать свою силу, и не способна идти до конца.

Женщина кивнула и расцепила ладони.

– Там ваш отец, там ваши селяне. Я понимаю, – двудушная встала и посмотрела в глаза, – обещаю, до столкновения не дойдёт.

– Ожидайте распоряжений, – Бастрорукая глядела взглядом, полным мольбы, и вдруг поняла, что краснеет. Краснеет так, будто что-то украла.

Нет, это место не для неё. Руководить повстанцами должен другой. Решительный и безжалостный. Который положит всё ради победы.

Темноволосая ещё раз кивнула и вышла.

В девушка всё смотрела, смотрела. Как же спокойно уходит двудушная. Так, будто прогуливается. У этой женщины больше решимости. Но, шkodник меня зарежь, она не воюет

с отцом. Отцом, который когда-то был всем, который вмещал всё то лучшее, что можно найти в этой мире. Для той самой девочки. И вместе с ним все те люди, которых она знала с детства.

Её толкают на выбор. Ужасный. Но это не выбор, это, скорее, тупик.

Быстрорукая встала. И огляделась.

Острого не было.

А как бы сейчас он был кстати. Его обычное настроение так созвучно тому, что скопилось в душе.

– Герцогиня, – услышала девушка, – с Вами желают беседовать.

Перед ней стоял воин, а рядом с ним невысокий худой человек с утончёнными, но огрубевшими чертами лица. Человек выглядел опрятно, хотя и носил одежду из самой грубой холщовой ткани. Было в нём что-то загадочное – возможно, в осанке, а может, во взгляде.

– Представьтесь, – спросила она.

– Моё имя Бескостный, – сказал человек ("какой странный голос, – подумала девушка, – странный, но всё же красивый") – я, герцогиня, художник. Жил один, вдали от людей. Но... Решил, что достаточно.

– Откуда?

– Я из Заводья. Потом жил в Озёрном. То, что случилось, ужасно. Я... я хотел бы помочь.

Быстрорукая подошла к человеку и посмотрела в лицо,

словно пытаюсь понять, чего же он хочет на самом деле.

Но опустила глаза. Она была выше, заметно выше, но мужчина ей не казался маленьким. Даже герцог казался, а этот нет. Возможно, была в нём какая-то сила. Хотя говорил он просто, немного застенчиво, да и не выглядел человеком без трещин, цельным и негибачаемый, как, например, Матёрый.

– Нам не нужны художники, – ответила девушка.

– У меня есть другие способности. Я... могу видеть... в темноте, могу слышать деревья и даже животных. То, что не слышат другие. Это потому, что меня... благословили.

"Опять благословенный" – Быстрорукая усмехнулась. Но больше про себя, ей не хотелось обидеть пришедшего.

– Кто благословил?

– Гээд.

– Хорошо, – герцогиня ещё раз взглянула в глаза, – твоя способность поможет, – девушка повернулась к сопровождавшему, – дайте пришедшему койку и обеспечьте необходимым.

Она не удивилась тому, что сказал ей художник. Столько всего случилось, столь странного и непонятного, что удивляться уже невозможно. Такая эмоция в прошлом. Возможно, там и останется.

Бескостный кивнул, и пошел вслед за воином.

– Постой, – позвала его девушка, – Может, расскажешь, за что тебя так? Откуда такое имя?

"Ох, эта бестактность". Такое обычно не спрашивают. Мужчина снял сумку, обувь и тут же уселся на землю.

Он вытянул ноги и стал опускаться, прямо, словно складывался пополам, пока голова, грудь и живот не коснулись земли. Тогда он поднял свои ноги и сложил на затылке, крест-накрест. Потом завел руки за спину, сложил их в замок и стал отводить. Всё дальше и дальше. Пока не упёрся в землю.

Только теперь Быстрорукая заметила, что ноги и руки Бескостного скручены дважды. Дважды!

– Спасибо, – сказала она.

И улыбнулась.

Девушка посмотрела вокруг.

Рядом с ней были люди, которые ей поверили. Люди необычные, что приезжают, приходят, тянутся со всех концов этого мира. Чтобы помочь.

Пусть на неё ополчились серьёзные силы. Пусть они верят в успех.

Нет, дочь Заговорённого не дрогнет. Пусть даже перед самим Заговорённым.

– Боль. Серый, ты знаешь, что такое боль? – старик покоился на служника.

И замолчал.

Вся нижняя половина лица, щёки, шея и скулы сидящего были обезображены, покрыты наростами, словно чешуйка-

ми рыбы. Он был похож на оборотня, который начал превращаться в человека, но что-то пошло не так, и превращение не завершилось.

– Знаю, – сказал секретарь. Очень тихо.

Впрочем, Серый всегда говорил тихо.

Заступник кивнул.

Рыбья болезнь, которой когда-то переболел этот человек, считалась чуть ли не самой ужасной. Лицо, то справа, то слева крутила боль. Крутила и выворачивала. Болезнь поражала горло, больной не мог говорить. Не говорить, не мычать. Рот открывался и закрывался в беззвучном крике, словно у рыбы, брошенной в лодку.

Каждый приступ этой дикой, безумной боли убивал в тебе человека. Ты не мог больше думать, не мог удивляться, любить, строить планы. Ты превращался в животное. С одним только желанием – остановить эти муки. Не пережить, а именно остановить, иногда ценой смерти. Настолько невыносимы страдания.

Но и они имеют сравнение.

Говорят, что боль во время рыбьей болезни похожа на разряд. Так ударяют шокеры, или воспы. Сравнение вполне достоверное, ведь это говорят только те, кто пережил и воспа, и болезнь. Пережил, и остался жив. Но восп ударяет лишь раз, а боль во время болезни кажется нескончаемой.

"Интересно бы было узнать, где в иерархии боли находишься ты?" – обратился заступник к ноге, которая ныла,

как будто её отрезали.

– А ты задумывался, Серый, – спросил он у служника, – за что нам такие страдания? Какой в этом смысл? Думал ли ты, как бы было прекрасно, не чувствуя мы боли? – последнее слово заступник почти прокричал, настолько вдруг нестерпимо заняла конечность. "Кончить с конечностью, – думал старик, – взять и ампутировать к шкодникам".

– Неисповедимы пути Обиженного, – ответил секретарь.

Фраза была пространна и не несла в себе смысла.

Или несла?

Иногда банальная фраза кажется откровением, стоит только задуматься.

– Неисповедимы, Серый, неисповедимы, – Шестой нацелился тростью и прибил не слишком расторопную твердотелку (что для стража такого уровня считалось непозволительным), – ты всё-таки подумай, как-нибудь, на досуге. Про боль. Ведь это самая большая несправедливость.

Служник кивнул.

Душа твердотелки отделилась от тела и слегка потрясала ножками.

– Ну говори, – продолжил заступник, глядя на собеседника, – зачем пришёл, чего надо?.. Ах да, – спохватился он тут же, – ведь это я тебя вызвал... Знаешь, Серый, ты человек умный. С умными очень приятно. Но вас, умных, мало. И имена у вас такие, цветастые. Бледный, Серый, Тусклый, – Шестой вспомнил друга, ещё с Междуречья. Теперь

он не Тусклый, он в Ордене, и зовут его по-другому. Кажется, Хриплый, – То есть как это цветастые? Скорее, бесцветные. Да, впрочем, не важно. У меня последнее время такие тяжелые сны, – заступник вздохнул, – И сны у меня тяжёлые, и настроения нет. Совсем, знаешь, нет настроения. И предчувствия... Может, и настроения нет, потому что предчувствия.

Секретарь опустил свою голову. До этого он смотрел на саммаку, лежащего на спине. Саммака поджал свои лапки и словно бы ждал, что кто-то протрёт ему пузо. "Вот у кого ничего не болит" – подумал Шестой.

– Хотите поговорить о мятежниках? – спросил секретарь.

– Хочу, Серый, хочу. Ты читаешь мои мысли.

– Заговорённый вышел из Леса. И знаете, что он сказал перед уходом?

– Знаю, Серый, – ответил старик, – "Я вернусь". Ты хочешь сказать, он вернётся с победой?

– Вернётся. Имея такую армию. Вы дали задание – он его выполнит.

Старик усмехнулся.

– Что знаешь ты о двудушных?

– Знаю, заступник. Двудушные в Длиннолесье.

– Я не о том, – старик чуть прищурился, – как думаешь, как будут действовать, эти?

Служник молчал.

– Думай, Серый, думай.

– Возможно, ударят внезапно. Но... Заговорённый наверняка всё обдумал.

– Ты прав. Не в том, что Заговорённый обдумал. Обдумал то он обдумал, – заступник вздохнул, – ты прав в другом. Двудушные любят внезапность, – Шестой начертил полукруг, под ним овал – знак засады, – они не будут действовать в открытую. Паразит вселил в них проклятие, но это цена. Так что же они получили?

– Двудушные малочувствительны к боли. И долго живут.

– Пока не подохнут, – добавил заступник, – да, Серый, эти живучи. Как воспы. А боль... Знаешь, прости меня Создатель, но порой я и сам подумываю о том, не продать ли мне душу, – Шестой посмотрел на служника. Серый не реагировал, – Но это не всё. Продолжай.

– Двудушные могут подкрасться бесшумно. Они лучше видят и слышат.

– Именно, Серый, именно. Ночью идти опасно. А Заговорённый ушёл. Вопрос тут о том, что знает он, и что знают они. "Тот, кто знает, уже победил".

– Сутулый, – кивнул собеседник, – Но, Заговорённый, я думаю, знает.

– Думаю. Видишь, ты сказал "думаю". А надо наверняка. Слишком многое поставлено... о...

Заступник не договорил. Ногу пронзила жгучая, нестерпимая боль. Как будто ударили плеткой с пришитыми по всей длине бритвами, острыми как конечности воспа. Прон-

зила и отступила.

Шестой было выдохнул.

Но боль поразила опять. На этот раз резче. Потом ещё. И ещё. Она приходила какими-то ритмами. Длинный, короткий, короткий, длинный, длинный, длинный, длинный, короткий. Как музыка. Словно кто-то играл на нервах. Играл, ох ты шкодник, играл...

На глаза навернулись слёзы, и сквозь туман этих слёз старик посмотрел на Серого. Лицо собеседника дрогнуло. Снова и снова. Будто кто-то невидимый бил его в щёку. Бил и бил, бил и бил...

Но тут он заметил престранное.

Заступник был чуток к зависимостям. К связям, прямым, обратным. Но, шкодник меня зарежь, здесь и ума то не надо. Достаточно видеть.

И он это видел. Как только конечность болела, Серый кривился.

– Что происходит? – спросил он у служника, – зачем ты гримасничаешь?!

И снова набрал больше воздуха.

– Мне больно, – ответил мужчина. Сквозь зубы.

Заступник смотрел не мигая. Он видел, что служнику плохо, и, чтобы знать это точно, старался собраться, ничем не выказывать боль.

"Да, да! Шкодник меня раздери. Ему действительно больно... Но что происходит?"

Он посмотрел на деревья, на то, что творилось под ними. И понял, что спятил. Уже окончательно.

Возможно, происходящее ему только кажется.

Саммака завалился на бок, сложил свои лапы и жалобно вздрагивал.

Вместе с ногой.

Пытливый открыл глаза.

Окно занавешено, в комнате полумрак.

А ведь когда-то, где-то, в далёком-далёком краю, люди засыпали – и солнце гасло, и не обязательно было что-то там занавешивать. Они покинули мир, этот прекрасный мир, по воле безумного бога – Ээфа, Обиженного, возможно, у этого бога много имён. Но теперь то Обиженный мёртв, и вроде как поделом, погиб негодяй, который заставил страдать.

Но тут начинается самое интересное, и на сцену выходят они – странные существа с длинными тонкими лапами.

Пытливый вздохнул.

Как же хочется всё же увидеть этих существ, задать им вопросы. Много, много вопросов. Так много, что, наверное, жизни не хватит вникать. Раскладывать всё по полочкам, словно книги в огромной, огромной библиотеке.

К горлу поднялся ком, сладострастный, приятный, будто взбитые сливки, посыпанные корицей. Сердце забилося, как у встревоженной брумы, в животе запорхали бабочки.

Оооо... Искатель сглотнул.

Знать. ЗНАТЬ. Дойти до глубин, до истоков, до самых основ этого мира. Да что только этого. Понять ту концепцию, выучить те законы, по которым творят, развивают, уничтожают вселенные. Понять, что в основе. Из какого такого минимума создается видимое разнообразие.

Ради знаний можно решиться на всё, даже на сговор с самым страшным врагом.

Но что он предложит взамен?

Хранители умные, УМНЫЕ, а умный ничего не делает просто. Так, без причины. Плохо, конечно, что они к тому же и вероломные. Но тут самое главное предложить, отдать что-то взамен. Что-то, что нужно.

А это не просто.

Пытливый повернул голову влево. Медленно, медленно, чтобы не потревожить спящую.

Последнее время Верная спала очень чутко, слишком чутко, и в основном на боку. Раньше навзничь, да так, что и не добудиться, пусть все острокрылы округи скребутся по крыше, и все плащеносцы стрекочут как в самом начале ночи.

Что с ней случилось? Может, волнуется?..

Пора собираться.

Искатель тихонько привстал и переставил левую ногу. Потом правую.словно саммака, крадущийся в зарослях.

"Вот странная она какая-то, места ей, видите ли, мало, – думал Пытливый, глядя на девушку, – легла б у стены, и я бы не крался".

Взгляд оторвать было трудно.

“Какая она идеальная, когда спит”. Парень цокнул. Мечтательно.

И тут же подавленно хмыкнул.

К горлу подкрался комок. Но в этот раз горький, отвратный.

Да, он уходит. Покидает её, изумительную. Не простившись, не объяснившись, не сделав то, что делают все перед дальней дорогой.

“Перед тем, как корабль унесёт меня в неизвестность, позволь поймать твой последний взгляд, самый лучший взгляд во вселенной. Пускай останется в моем сердце. И когда я вернусь, спустя много лет, старый, больной, я узнаю тебя по этому взгляду”.

Так говорил Листик, отправляясь в далёкое плавание. Он покидал свой город, свою бывшую жизнь. Он покидал свою любовь.

Да, Листик тоже негодяй. Но он хотя бы простился. Поймал её взгляд, и хранил в своём сердце. А ты?

В глазах стало мокро.

Конечно, она не простит. Скорее всего, не простит. Возможно, она не простит. И не станет ждать, так, как ждала Росинка, возлюбленная Листика. Росинка его поняла. И дождалась.

Пытливый вздохнул. Глубоко. Вдыхая и выдыхая последние слёзы.

Ничего не поделаешь. Надо идти. Идти ради истины. Истина – капризная дама, капризная и ревнивая.

Он осторожно оделся и ещё раз взглянул на девушку. "Прости" – прошептали губы. "Прости" – написала рука, подержала это "прости" и положила на стол.

И всё. Больше ни слова.

Так мало...

В клетке сидел пушистик.

Искатель хотел подойти. Но... передумал. Сейчас запищит и разбудит, Придётся тогда объясняться. Все эти слёзы, прощания. Лучше по-тихому.

"Прощай, милый друг. Прощай, не скучай. Мы не увидимся больше. Скоро наступит день, ты убежишь на равнину и закопаешься. И я закопаюсь, только не здесь, а далеко-далеко в горах. Спросишь, зачем оно мне? Ты не поймешь".

Пытливый вздохнул ещё раз, отгоняя последние сантименты, накинул заплечный мешок и вышел.

Дом стоял на окраине, той самой, что примыкала к холмам. И сейчас бы рвануть, сбежать, и идти. Идти, идти. Без оглядки. Туда, к новым знаниям, чтобы познать, чтобы проникнуть в святая святых – Самую Главную Тайну.

Но он далеко не уйдет. Без прыгуна этот путь просто невыносим. Таинственный Верхний Лес далеко, а ему ещё дальше. В Город Надежды, пещеру хранителей. Провизии точно не хватит, ведь не тащить же с собой тележку. Незримые на холмах почти не росли, а зримыми не прокормишься.

Есть, правда, тянучки, которыми можно унять первый голод. Но это обман – потом тебя скрутит, да так, что в конец обессилишь.

Надо пройти сквозь общину, к загону, отвязать прыгуна, и только тогда уходить. Желательно, чтобы никто не заметил. Иначе придётся придумать причину, опять что-то врать, объяснять. Надоело.

По-тихому было бы идеально, но по-тихому вряд ли получится. Многие спят в одно время, но кто-то не спит. И бродит по сонной общине. К примеру, Носатый. Этот всегда где-то бродит. А если встретится, спрашивает. Что-нибудь спрашивает. Не может иначе, всё ему интересно. Когда же он спит?

К счастью, до загона никто не встретился. Даже Носатый. Пытливый вздохнул, раз, наверное, в сотый.

И отпер калитку.

В углу на широком настиле сидела пара двухлеток. Сидела, и ковырялась в зубах, самозабвенно, как и всегда, даже не повернув головы в его сторону. Прыгуны любят наводить порядок во рту, в отличие от тех же топтунов, да и пища у них более строгая, растительная, в основном тянучки. Иногда теми же тянучками, что едят, чистят зубы. Берут стебель в лапы, и чистят. Как щеткой.

"Только двое, – подумал Пытливый, – остальные, наверное, в деле."

Топтунов он не видел совсем. Оно и понятно – скоро на-

ступит день, надо готовиться, проверять посёлок за Лесом, что-то уже вывозить.

И в этот момент он заберёт предпоследнего.

Лишь бы его не увидели.

Значит, надо в обход.

Или не надо.

Пройти сквозь селение, седлать прыгуна, и, словно стрела, на холмы. Всё дальше и дальше.

Лишь бы животное вынесло. А то ведь упрётся. Двухлетка – прыгун не окрепший, а тут ещё он с заплечным мешком.

Но если Носатый?

Нет, надо в обход...

Ааа, шкодник с ней, с осторожностью, пойду напрямик. Чрезмерная боязнь – удел слабых, как говорил Терпеливый.

Пытливый потёр прыгуна по загривку, взял под уздцы, и повёл. Хотелось быстро – но быстро нельзя, можно привлечь внимание. На предметы, что движутся быстро, реагируют в первую очередь.

Прыгун чуть поуркивал. Шёл он, конечно же, с неохотой, но шёл.

Пройти всю общину, выйти из Леса и – в путь. Но куда?

Пойдёшь не туда, и заблудишься.

Он вспомнил, что говорила Первая. Город у самой Обители. А Обитель...

Вот тут надо думать.

Если Обитель Ээфа и место, в котором уединился Оби-

женный – это по сути одно, двигаться надо по стрелке, к Магнитной горе. Обиженный там, так утверждают.

Но кто утверждает? Источник?

Пытливый вспомнил приятеля, который сейчас на холмах (ох, этот Орден). Он специально искал, где же это записано, что Создатель живёт под горой. Перепахал кучу записей, выискивал в книгах. И – не нашел. Источника нет.

Утверждение было кем-то когда-то сказано, затем было кем-то подхвачено, и теперь считается правдой. Не несомненной, но, скорее всего, достоверной.

Как со сказкой о потерявшейся бруме.

Есть такая присказка, типа, давайте идти известным маршрутом, а то будет как в сказке о потерявшейся бруме. Все это знают, все говорят.

Но только оказывается, что сказки такой нет. Нет и не было. Кто-то когда-то сказал – и понеслось.

Так и с Обителью.

У Первой был компас, и она говорит, стрелка вела себя строго, как будто прилипшая. Значит, стоит поверить. И, если зацепка одна, то рискнуть.

Обитель у самой горы. Город на этой линии. Хорошо, если так.

Главное, чтобы на линии не было Верхнего Леса. Иначе наткнёшься на Орден.

Пытливый вздохнул, и ощупал карман. Нет, компас с собой, теперь это главное.

Вздыхает он часто.

Оно и понятно. Новая жизнь, новые надежды, новые горизонты. И всё неизвестно, всё будто в тумане, который стоит на равнине.

Дойдёт ли он? Примут ли?

А позади Длиннолесье, Прихолмье. Мутный, Щербатый, Верная...

Нет, Верная стояла впереди.

Буквально.

Это была она.

– Пытя, – сказала девушка.

– Веря, – выдохнул парень. Губами

– Далеко ли ты, Пытя??

– Я? ...так, проехаться.

– Проехаться?

– Ну да... проехаться.

– А это что у тебя? – девушка посмотрела за спину.

– Это для опыта, – парень скосился назад.

И дрогнул.

Хотя он не врал. Это и правда был опыт. Опыт длинную в жизнь.

– Пытя, зачем ты так? Почему ты уходишь? – сердце искателя дрогнуло, – я ведь знаю, что ты уходишь, – Веря заплакала.

Сердце упало в пятки.

– Пытя, у нас будет ребенок.

Сердце затрепетало, там, на дне, и начало подниматься. Вначале медленно, потом чуть быстрее. Оно поднялось туда, откуда упало, и стало стучать. Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Теперь ни о каком побеге не могло быть и речи.

Пытливый скинул мешок, и подошёл к своей девушке. Чтобы обнять.

Он думал, она отстранится. Ведь он не достоин, он же хотел сбежать, он не понимал, он не догадывался, он ничего не чувствовал.

Но девушка прижалась к нему, и зарыдала. Теперь громко-громко.

Сквозь эти рыдания, парень, одетый в незримые крылья, услышал стук. Стук своего сердца, стук её сердца, и стук чего-то ещё. Быстрый, негромкий, настойчивый...

"Это он, – подумал искатель".

Подумал БЫ, надо сказать.

Ведь эта встреча, определившая слишком многое, случилась только в одном единственном случае. В том случае, если бы парень пошёл напрямик.

А он не пошёл.

Пытливый пошёл в обход.

В том самом Многообразии, в котором раскинулось бесчётное количество миров, конечно же, существует и тот, где Пытливый встретился с Верной, у них родился ребенок, и жили они долго и счастливо. Обычной семейной жизнью. Да, этот мир существует. Как существуют и многие, многие дру-

гие.

Но это не наш мир. В нашем всё по-другому. В нашем Пытливый пошёл в обход. Почему?

Возможно, когда-нибудь мы узнаем...

В этой книге Пытливый дошёл. Без особых проблем. Расчёт оказался верным, с пути не свернул. Не потерялся (как брума).

Если не считать того, что на выходе с Леса ему стало плохо.

Какая-то боль пульсировала в теле, но сильнее всего в руке, которую искатель когда-то сломал. С какой-то вредной периодичностью. Причём плохо было не только ему. Прыгун как-то сжался и громко стонал.

Пытливый глядел на тропу. Острокрыл. Тот не сидел на дереве, вцепившись когтями. И не летал кругами, выискивая добычу. Он опустился на землю и стрекотал, словно взывая к кому-то. Огни на концах его крыльев то вспыхивали, то гасли.

В ритме болевшей руки.

Город жил своей жизнью. Шумной, гудящей, как в улье. Купол сверкал. Мириадами крошечных точек.

Но только ведь всё изменилось. Теперь всё не так. И даже не с городом. Шкодник с ним, с городом (ох, эти фразы равнинников, скоро они станут и нашими фразами).

Проблема в другом.

Надо бежать. БЕЖАТЬ.

ОН на свободе.

И он придёт.

Телец отошёл от окна.

Ведь было забыл. Ведь всё шло так гладко. Везунчик. Лучший из лучших, знаменитый охотник, легенда. Горожане не знают своего капитана. И он заслужил. Заслужил это доверие – делом, не словом, он действительно многое сделал для города.

Ну не получилось у них отплыть. Да и ладно. С хранителями худо-бедно договоримся, он бы и с Тварным договорился (был такой в пантеоне островитян).

И тут эти двое. Капризная сука и бывший напарник. Филка и Ветер.

Бежать...

Ну зачем же, зачем же ты вылез? (Телец хрустнул пальцами). Сидел бы в тюрюге и подыхал. Превращался в ничто.

И всё бы исчезло, кошмар бы рассеялся, рана закрылась. Она же почти закрылась.

Капитан застонал.

Воспоминания возвращались, а с ними какое-то чувство, щемящее, подлое. Оно словно втоптывало в грязь, превращало его в насекомое, твердетелку. Оно унижало.

Какое-то чувство...

Телец помотал головой. И попытался смахнуть, отогнать, прочь из мыслей, из сердца.

И отогнал.

Нет, не его в том вина. Да и выхода не было. Они бы погибли, оба, и город не получил бы тогда капитана, который так много хорошего сделал для города. Сдружился с загадочным Орденом, наладил торговлю, задобрил хранителей.

Хоть Ветер и сильный, но он бы не вытянул. Нет. Телец же видел, как задрожала рука, как натянулись связки. Он действовал не из страха, так было нужно. Ведущий не трус.

Рыжик погиб, это плохо. Но было бы хуже.

Телец не забыл, как мрачно и холодно было в пещере, когда его вытянул Ветер. Не потому что там жили монстры, не потому что воняло, смердело. Смердело в душе. И Ветер смотрел этим взглядом, далёким, потухшим. Смотрел, будто видел впервые.

Вся жизнь под откос, и если бы город узнал, что сделал любимец, самый отважный, самый обаятельный из самой известной тройки, ну... пусть бы его оправдали. Но оправдали бы уже не легенду. Не охотника, которого знали. Оправдали бы труса. Труса, который убил, чтобы выжить.

И как с этим жить? Как же смотреть в глаза? Всем этим женщинам, что млели от одного его взгляда? Как радоваться, смеяться, травить анекдоты?

Оставалось одно.

Отрицать.

И винить центрвогого.

Ведущего не было в центре. Ведь так и должно было быть.

Ведь он же ведущий. А значит – идёт впереди. И Рыжик упал не сам, Рыжика сбросил Ветер. Он не хотел умирать, поэтому сбросил. А Рыжик погиб.

Оставалось сказать: "так и было".

Телец и сказал.

Да не просто сказал. Он произнёс эту речь, которая стала началом его новой карьеры, речь, полную слёз, он сокрушался по Рыжику, он говорил, что вытянул бы обоих, он говорил это так, что люди заплакали. А Ветер открыл было рот, да так и стоял, поражённый.

А после попал в тюрьму.

Признал бы вину – тогда бы, возможно, его оправдали. Но он не признал. И слава Создателю. Если бы Ветер не сел, чтобы делал Телец? Как бы он жил? А так – всё ушло, всё исчезло, скрылось в той части города, где одни заключённые, монстры и холод.

Оставалось запрятать событие глубоко-глубоко, в самый угол пещеры, и держать под замком, не давая подняться. И ждать, когда сдохнет. Засохнет, уйдёт в никуда.

Но оно поднялось. Не сдохло.

Капитан сжал ладони.

Надо бежать. Но если бежать, нужны деньги. Деньги есть, и не мало. Но на равнине это ничто, это уже не те самые фе, что ценятся в городе, на равнине это бумажки. Нужны монеты. Гирики, вырики, чирики. Так они называются. Медные, серебряные, золотые.

И есть человек. Единственный человек, который поможет. Человек, с которым у него, слава Создателю, ну просто изумительные отношения. Можно сказать, единственный друг.

Всем остальным что-то надо, остальные видят в нём капитана, который поможет, которого можно задобрить, дать взятку. А Боцману общение, только общение, ведь все те финансы, мощные потоки и маленькие ручейки, что текут через город, проходят, а иногда и оседают в этих руках – руках главного хозяйственника корабля.

Не корабля. Это разве корабль? Теперь он не сможет отплыть. Никогда.

Должность такая – боцман, и зовут его Боцман. Боцман Боцман, Бобб.

Телец улыбнулся. Немного криво. Последнее время по-другому не получалось.

Накинул свой плащ (странный предмет, особенно в этой пещере, где нет никаких дождей, но который так любят в городе), и закутавшись поплотнее, словно скрываясь от ветра, вышел за дверь.

Через час он сидел в кабинете.

– Может, вино? – хозяин сощурил глаза и с улыбкой смотрел на вошедшего. Вечно радушный хозяин.

– Давай, – капитан приподнял свою руку, и сделал щелчок, – хотелось бы что-то покрепче. Но... Вино, так вино.

– Вино, так вино, – боцман прошлёпал к серванту и достал пузырёк. Он тут же разлил по бокалам, бульк-бульк, бульк-

бульк, и Телец с удовольствием крякнул. Жидкость насыщенного золотого цвета. Сразу видно, виноград собирали на холмах, а не в затхлой вонючей пещере. Еще один повод сбежать.

– Сбежишь? – Боцман как будто глядел в его мысли.

– Надоело, Бобо. Ты даже не представляешь, как надоело.

– Представляю, – хозяин зажал свой бокал, всей пятерней, – потому то и спрашиваю. Знаешь, мне тоже охота сбежать. Нездоровый какой-то воздух. Люди созданы для солнца, для ветра, а здесь... – он выпил бокал, и поставил на стол.

– Давай убежим. Вместе, – Телец заговорщицки зыркнул, – я предлагаю как друг. Сейчас, после этой Обители, может случиться всякое.

– Увы, не могу. Хозяйство и прочее, – боцман потёр свои руки и чуть сдвинул брови, – но ты уходи, – он налил себе снова и выпил, – как там Фиалка? Подавлена?

– Бобо, мммм... не надо.

– Я знал, что добром не кончится, – хозяин закашлял. "Смеётся" – подумал Телец. И весело крякнул.

Ему нравилось, как боцман разруливает ситуацию, превращая неприятное событие в шутку. Любая движуха, любой аврал – он никогда не дёргался, а просто стоял и улыбался. И смеялся, если что-то вдруг шло не так. "А ну, подтянуть животы!" – говорил он обычно, а сам выпускал своё пузо.

– Ну что, капитан. Я знаю, зачем ты пришёл, – хозяин набил свою трубку, и тут же набил другую – для гостя. Тот не

любил чадилки, но согласился – он не хотел хоть немного обидеть хозяина.

– Вот именно, – Телец чиркнул спичкой, – в твоих руках всё, сам говорил.

Боцман как будто задумался.

– Сколько? – спросил он негромко.

– А сколько есть?

– Ха! Дружище, ты хочешь забрать, всё-всё-всё? Оставить Бобо раздетым?

– Ну что ты, Бобо? Ну что ты? Просто скажи, сколько дашь. Я всё оплачу. По любому курсу.

– Хм, – боцман нахмурился, – знаешь, дружище, я много не дам. Ведь... что будет дальше? Кто знает?

– Я понимаю, Бобо. Этот корабль безнадёжен. Пусть даже с таким завхозом.

– Вот-вот. Может, мы все бульк-бульк. И всем нужны деньги.

– ... Так сколько?

Хозяин пустил струйку дыма:

– Сто чиров.

– Ооо... Сотню? Спасибо.

– Не стоит, – Бобо отмахнулся, – Всё просто. Ты мне, я тебе.

– И всё же, спасибо. Сто чиров немало. Это же целая куча.

– Ну. Ты же мой друг... Или нет? – хозяин прищурился.

– Вечно. Я вечно твой друг. Был и буду. Что бы потом не

случилось, Бобо.

– Знаю, – хозяин вдруг глянул внимательно, глянул так, что гостю стало неловко. Капитану вдруг показалось, что боцман сощурил глаза, словно пытаясь всмотреться. Брезгливо и как-то недружелюбно.

Но наваждение пропало. Бобо улыбнулся.

– Когда? – спросил капитан и сделал затяжку.

– Давай через сутки. Пока соберу все бумаги, отдам в бухгалтерию.

"Сутки. Так много" – подумал Телец. Каждый час приближал эту встречу, которой он так не хотел. Нет, Ветер его не убьет, он просто посмотрит.

Телец содрогнулся.

– Сутки, так сутки, – сказал он Бобо.

И выпустил дым.

Сердце заныло. Резко, внезапно. Словно ударили молотом. Прямо в грудину.

"Трубка, – вздохнул капитан, – с непривычки. Зря я курил".

Сердце заныло опять. Ещё и ещё. Боль появлялась и гасла. Он посмотрел на Бобо.

Что такое?

Боцман, вечно неунывающий, всегда такой жизнерадостный боцман словно налился кровью. Он задышал, часто-часто, и начал валиться на стол.

И в миг, когда у Тельца резануло в груди, вдруг застонал.

Цветов на холмах очень мало. Тем более в предгорьях. Чем дальше в горы, тем меньше незримых, и у гор они пропадают совсем.

Но ему повезло.

На той стороне, с которой, как на ладони, раскинулись холмы, он увидел ромашки. Все цветы, что находили горожане, они называли ромашками. Наверное, потому, что Поле Ромашек – самое известное место на Острове, ну, может быть, кроме Дворца и Аллей.

На этом поле когда-то встречались выжившие, жившие по ночам за разными частоколами, переживавшие в подземельях. От мрака, холода, от диких зверей и диких островитян.

И теперь цветы появились здесь, за тысячи километров от Поля.

Ветер подошёл очень тихо, и медленно опустился на короточки. словно дыханием, слишком шумным, или движением, резким, неловким, он может вспугнуть, отогнать своё счастье.

Да, счастье. Она будет довольна. Она улыбнётся и скажет "спасибо".

Она улыбнулась.

Но тут появилась дочь, с обрезанными как у мальчишки волосами, и попросила букет.

"Спасибо" – сказала Вея, и убежала к себе.

А Лиана смотрела в глаза. Смотрела и улыбалась...

Всё это было давно. В далёкой, потерянной жизни.

Четырнадцать лет рядом с монстрами, в вонючем подвале.

Во что бы он превратился, если бы не Певец? В такого же монстра? Злого, тупого, бездушного?

Дом рядом.

Она.

Наверное, сердце не выдержит.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук-тук.

Возможно, Лиана уехала. Может. Может, её там и нет.

Скорее всего, вышла замуж. Конечно же, вышла. Да ладно.

Хотя бы взглянуть. Хотя бы увидеть. Хотя бы...

Но если уехала? Если...

Тук-тук-тук-тук-тук.

Создатель...

Всё ближе и ближе...

О, память...

Ветер слегка надавил на дверь.

Скрипнула. Так же, как раньше.

Он сорвал капюшон. Тот же воздух, тот же запах подъезда.

О, боги...

Ступенька, ступенька. Всё выше и выше. Колени дрожали.

Лиана...

Дверь. Та самая дверь. Тот же замок.

Не меняли.

Ветер нажал в углубленье.

Треньк. Треньк.

Тук. Тук. Тук.

Дверь отворилась.

На пороге стояла она. Такая же, как и тогда. Как в его памяти. Стройная и красивая.

Тот же взгляд. Те же губы.

– Лиа, – он прохрипел это слово, откуда-то из глубин, выпуская наружу то, что хранил под сердцем.

– Вам нужна мама? – сказала девушка.

"Вея".

Ветер смотрел не мигая. Что-то было во взгляде, что-то, тяжёлое, цепкое, что-то, что заставило девушку отойти.

Он опустил глаза.

И, не в силах уже ни стоять, ни говорить, собрался уйти.

Медленно, оставляя позади своё прошлое. Впечатывая последние шаги.

"Ветер ласкает лиану.

Тёплый приветливый ветер.

Он напевает подруге

Лучшие песни на свете".

– Вети...

Мужчина остановился.

И оглянулся назад.

Да, она изменилась. Немного, конечно, не так, как он. Глаза опухшие, как после долгой бессонницы. Из уголков этих глаз, словно лучики, выходили морщины. Шея уже не гладкая. Волосы не падают на плечи, а собраны в пучок. Но в

Остальном...

– Лея...

Женщина плакала. Тихо, безмолвно. Слезы рождались в глазах, и протекали по щёкам, как два ручейка из разбитой вазы.

Вея смотрела них – на мать, на мужчину, и было непонятно – то ли она догадывается, то ли просто сопереживает чему-то неведомому. Но девушка сдвинула брови, и, казалась, что скоро расплачется тоже. Но потом вдруг взяла и ушла.

Так они и стояли. Молча, почти не мигая.

Наконец Лиана шагнула.

Ещё.

...И упала на грудь.

Ветер взъерошил волосы, пытаясь нащупать самые корни, и стал поглощать этот запах. Запах невымытых волос.

Он вдыхал его снова и снова, пытаясь впитать в себя всё, каждую частицу того аромата, по которому так скучал. "О, боги, – думал мужчина, – о боги..."

Руки скользнули вниз, по спине, и прижали к себе то, что он когда-то считал своим. Жадно, властно. И теперь это "когда-то" пришло опять.

Он не мог по-другому, он её не отпустит.

Глаза стали мокрыми. Да, он расслабился. Словно сбросил ту ношу, что так тяготила. Ту шкуру, в которой ходил четырнадцать лет.

Нет, он не вернётся туда. Умрёт, но уже не вернется. И

Лиану он не отдаст. Никому. Никогда.

– Вети, тебя отпустили? – она говорила так, как будто просила, – скажи, что тебя отпустили. Вете?

– Отпустят. Отпустят.

Она зарыдала.

– Я ждала тебя, Вети, я думала, это недолго. Телец, – Ветер вздрогнул при этом слове, – стал капитаном. Тебя могли отпустить, досрочно. Я знаю, Вети, я знаю, как это было. Рыжик упал. Сам.

"О если бы так" – Ветер вздохнул глубоко, и так же стремительно выдохнул, стараясь сдержать свои слёзы.

– Лиа, – мужчина склонился над ушком, – ты не одна?

"О, боги... Конечно, она не одна. Как может быть одинокой такая красивая женщина. Четырнадцать лет".

Лиа слегка отстранилась. И посмотрела в глаза:

– Я ждала, – сказала она, на этот раз твёрдо, как будто с укором, – я ждала тебя, Вети. Я замужем.

Сердце упало.

– За тобой, Вети, за тобой, дурачок ты взъерошенный.

И тут он не выдержал. Губы, шея, плечи... Он стал целовать каждый сантиметр её тела, всё, что было открыто. Он хотел снять одежду – и начал срывать.

– Пойдём, – прошептала Лиана.

И они, словно новобрачные, не теряя контакта, касаясь всеми частями тела, которыми можно было коснуться, ввалились вовнутрь. И захлопнули дверь. Хотя со стороны ка-

залось, что дверь закрылась сама. Отсекая от посторонних то, что случится внутри.

Потом, лёжа вдвоём на широкой кровати, счастливые, обессиленные, они делились воспоминаниями. Приятными. О другом говорить не хотелось.

И только однажды вдруг вспомнили о тех приступах боли, что внезапно накатывали на них в течение часа. Самого прекрасного часа их встречи. Не вслух, про себя, ведь это ничтожно в сравнении с тем, что случилось.

"Распереживался" – подумал Ветер.

"Я слишком долго ждала" – решила Лиана.

"Что будет дальше?" – подумали оба.

И в эту минуту раздался.

Стук.

Все его друзья были счастливы.

Вур, создававший шедевры кулинарии и сервировавший столики.

Джуз, смахивавший эти шедевры в своё мусорное ведро и наводивший в столовой идеальный, можно сказать, перво-зданный порядок.

Танги, приезжавший по заданному самим же им адресу и желавший удачи несуществующему клиенту.

Лауло, который делал причёску очередной растрёпанной кукле.

Вшино, собиравший этих кукол на заводе, где, кроме него,

работало много других счастливейших техников.

И только Рубо был несчастен. Только он не мог реализовать своё предназначение.

А в чём его предназначение?

До того как Рубо ввели в эту жизнь, он пылился на складе. Новенький техник, придуманный когда-то ушедшими, для каких-то своих, непонятных целей. Всех нереализованных включали, ведь они имели такое же право на жизнь, как и те, кто уже жил этой жизнью. Если собрали, то надо жить. Таково было правило, и правило было прописано в кодексе. В кодексе общества, предоставленное самому себе, с тех пор, как исчезли создатели. Ушли, потому и ушедшие.

Куру говорит, что ушедшие здесь. Только они глубоко, под землей. Он встречался с каким-то техником, и этот техник знает другого техника, а тот техник беседовал с третьим, который спускался под землю и обслуживал бывших хозяев.

Он утверждает, что те, кого мы зовём ушедшими, спят, но спят они как-то особенно. Ушедшие погрузились в сон, в котором всё, чего захочешь, сбывается, но только не здесь, а в каких-то там грёзах, и эти грёзы прекрасней, чем жизнь.

Странно. Пока Рубо спал, там, на складе, он ничего не видел. Не грезил. Не чувствовал. Не хотел.

А захотел, когда пробудился.

Но, как оказалось, реализовать свои хотелки не может. Они настолько особенные, что даже Великий Ово ему не помог. Великий и Мудрый Ово, чьё предназначение собирать

самую разнообразную информацию и строить прогнозы. Он только взглянул на техника, и велел тому ждать.

И поэтому Рубо несчастен.

Был бы садовником, как маленький Зизу, постригал бы растения и ласкал благодарные стебли. Предназначение скромное, и Зизу доволен.

А так...

Солнце еще не светило. Но ночь скоро закончится. В этот раз она закончится позже. Что-то случилось, сказал ему Нану, а что, и почему это что-то случилось, не знает никто. Даже Великий Ово.

Раньше все ночи кончались в срок, и день начинался вовремя, теперь же всё сдвинулось.

Нану полезный и важный, Нану следит за энергией. На то он и эконом. Нужно питаться и получать удовольствие от того, что ты делаешь, выполняя своё предназначение. Все остальные расходы бессмысленны. Когда пропали хозяйева, Нану, тогда молодой и бесшумно шагающий техник, отключил всё ненужное. Фонтаны, иллюминацию, освещение улиц. Техники видят и ночью, достаточно настроить свои светофильтры на нужное излучение.

Но днём как-то приятнее. Свет от солнца ложится на всё, и всё его отражает. Камни, живунчики, механизмы...

Интересно, а у живунчиков есть предназначение?

Рубо завис над маленьким полосатым зверьком, чем-то похожим на кулинарное творение Вура. Вур воплощает то,

что когда-то любили ушедшие, а ушедшие питались живунчиками. Видимо, поэтому блюдо, напоминавшее полосатого, когда-то им нравилось.

– Так всё-таки, есть у них дело? – техник и не заметил, как произнес это вслух. Конечно, он не скрижетал, не пищал, не издавал смешные и странные звуки. Он просто раскрыл свою мысль.

И Нану её подхватил.

– Предназначение этих существ, – учитель скрипел своими потёртыми суставами, – создавать самих себя. И если это случилось, живунчики счастливы.

– Я знаю. Из больших живунчиков появляются маленькие, а потом они вырастают и тоже становятся большими.

– Именно, Рубо.

– Ушедшие делали так же? Так почему же они ушли? Может, не получилось создать свои копии?

– Не знаю. Быть может. Ово тебе ответит.

Полосатый зверек запищал, словно ругая пришедших. У него был длинный выступающий вперед хемодатчик, анализирующий вещества, которые в него попадали, и большие, просто огромные окуляры. Эти окуляры светились.

"Они отражают свет, что приходит, и он опять попадает на матрицу" – так говорил ему Нану.

"Кто же их создал? – спрашивал Рубо, только-только введённый в жизнь. Он глядел на живунчиков и восхищался – такие быстрые, совершенные и совсем не скрипят, – Тоже

ушедшие?" "Нет, – отвечал наставник, – спроси лучше, кто создал ушедших, и ты получишь ответ". "Кто создал ушедших?" "Природа. Она их собирала, разбирала, собирала, разбирала. С каждой сборкой получалось всё лучше. Пока не пришёл результат".

И Рубо думал о таинственной природе, о её великом предназначении – собирать и разбирать механизмы, думал и восхищался.

Нану уселся на травку.

Наставник постоянно беседовал с ним, с самого рождения, всегда что-то подсказывал, направлял. Рубо был благодарен, и даже больше – он испытывал такое щемящее чувство, которое никто не мог объяснить. Что-то циркулировало в его микросхемах. Привязанность? Нет, это больше.

Теперь вот опять...

Они говорили о жизни, о новых творениях Хиру, великого скульптора Центра, о странной болезни у Вшино, случившейся после недавних событий, когда их схемы подверглись воздействию непонятого излучения, о том, что их общий приятель Джуз специально выпускает живунчиков, чтобы те гадили в столовой, а уборка становилась ещё увлекательней.

Рубо представил, как техник зазывает зверьков своими длинными тощими манипуляторами, и внутри его схемы защекотало. Он послал сигнал удовольствия. Это ввело собеседника в ступор, ничего приятного в таком поведении Джуза учитель не видел. Непотребство сверх меры. Это как если

бы Нану включал освещение улиц, но для того, чтобы потом погасить.

Многое в поведении Рубо было учителю непонятно, но получать удовольствие там, где возникает противоречие, казалось в высшей степени загадочным. "На что же он всё-таки запрограммирован?" – интересовался наставник.

– Я пришел не просто поболтать, – Нану поднялся с травы, – тебя зовёт Ово.

Рубо подпрыгнул:

– Сам Ово? Великий Ово? Меня?

– Он послал за тобой. Если хочешь, пойдем к нему вместе.

– Конечно, конечно, хочу, – техник заиграл индикаторами, показывая свою необыкновенную восприимчивость.

И они зашагали.

Точнее, шагал только Нану, скрипя изношенными железками, а Рубо летел, медленно, словно чуть движимый ветром, стараясь следовать позади. Этим он словно показывал уважение, ведь наставник идёт слишком медленно, а значит, будет спешить, и может расстроиться. Больше никто так не делал, подобного правила в кодексе не было. У Рубо существовал свой, особенный кодекс, не вместо, а в дополнение к общему, и многие его положения казались ненужными. Но Нану привык. Нет, он бы не стал несчастнее, если бы Рубо летел, но почему-то такое поведение ученика доставляло ему удовольствие.

Так, болтая о всякой всячине и мысленно радуясь встрече,

они добрались до Центра.

Здания, окружавшие техников, выглядели одинаково – эти здания были построены в виде огромных кубов, а тот самый куб, в котором жил Ово, возвышался над всеми другими. В здании не было окон, был только вход, широкий, как пасть исполинского живунчика. Над пастью светилась табличка. Уmmo, техник, следивший за Центром, когда-то поспорил с Нану, главным экономом, нужен тут свет или нет. И эконому пришлось уступить. Погасни табличка, и Уmmo стал бы несчастней, на двадцать процентов. Так показали расчёты.

"Экспериментальный зал" – прочитал Рубо.

Слова интриговали. Что за эксперименты могли проводить в этом зале, и причем же здесь Ово. Спросить напрямую Рубо не мог, задавать прогнозисту ненужные вопросы ему не хотелось. Оставалось строить предположения. Но техники предположения не строили. Пустая догадка могла увести не туда, на основе этой догадки расцветали другие, ещё более неправильные. Но Рубо не был обычным, он даже не знал своё дело, поэтому втайне от всех фантазировал. "В твоей основе заложено что-то такое, чего нет у нас, – говорил ему Нану, – у большинства... А может, у всех" – добавлял он, подумав.

И Рубо представлялись высокие существа, похожие на Вура и Джуза, которые собирали и разбирали придуманных техников, но не физически, а на огромном экране, а Ово вы-

считывал вероятности их безотказной работы.

Да, кажется, так. Ведь для чего-то нужен тот невероятных размеров экран, который был частью одной из стен этого исполинского куба.

Техник поделился с учителем, надеясь, что тот поддержит поток его мыслей, очень надеясь. Но наставник тихо шумел, показывая осторожное неодобрение. Предположениям не место в мире техников.

Само здание, впечатляющее своими размерами, было тёмным, даже в тех светофильтрах, которые использовали по ночам.

У подножия чёрного куба двигались огоньки. Это светились живунчики, быстрые и бесстрашные, которых из ночи в ночь становилось всё больше. После того, как исчезли ушедшие, эти юркие существа стали настоящими хозяевами Центра. Как, впрочем, и всего остального. Техники будто не замечали живунчиков, живунчики техников. Никто никому не мешал.

Куб становился всё ближе. Исполинская пасть вырастала и вырастала.

И наконец распахнулась, открыв своё чрево.

На техников хлынул свет, и словно бы затянул их вовнутрь. Со стороны казалось, что монстр зевнул и засосал в себя маленькие песчинки.

Свет был неяркий. Светился в основном потолок. Перегородок, этажей, каких-то там балок, каркасов, чего-нибудь,

что бы заполняло пустое пространство – ничего внутри не было. Весь куб занимало одно помещение.

На стене, противоположной входу, экран, огромный и черный. Экран не светился, хотя когда-то по этому экрану пробегали разноцветные полосы, подобные тем, что пробегают во время пылающих. Это было лишь раз, когда Рубо, только-только родившийся техник, впервые вошёл в эти стены. Вошёл, чтобы Ово, Великий и Мудрый, зачитал его предназначение. Но Ово не зачитал, Ово велел подождать. И в это самое время крутились полосы, вспыхивали и гасли, снова крутились, и снова вспыхивали.

С тех пор он несколько раз посещал прогнозиста, но экран оставался пустым.

Левая стена была ещё более тёмной. Темнее чернил. Как будто сгустилась тьма, и окутала всё, что на ней находилось. Светофильтры не помогали. Ни одно излучение не покидало поверхности. И понять, какого рода эта поверхность, плоская или ребристая, было нельзя. Будто то не стена, а окно в никуда, в полный мрак.

Наверное, это была самая интересная часть помещения. Особенно для такого восприимчивого техника, Рубо.

– Рубо, – раздался голос. Это был он. Великий и Мудрый Ово, главный и единственный прогнозист.

Вся стена, куда был вмонтирован техник, была испещрена всевозможного рода линиями, зигзагами, кривыми и замысловатыми. Светились индикаторы, тихо журчала жидкость,

проходящая по множеству трубок и охлаждающая бесщётное количество устройств.

Все другие техники были подвижны, компактны и нацелены на какие-то особенные дела. Например, Джуз, Лауло или Вур походили на ушедших, Танги передвигался на колёсах, Вшино имел очень длинные, гибкие и необыкновенно точные манипуляторы, Куру чувствовал запах лучше любого живунчика, а когда находил утечку, то летел на место аварии даже быстрее Рубо. Сам же Рубо летал словно мяч, которым играли ушедшие.

Ово не имел ни колес, ни манипуляторов, ни других подвижных частей. Он не летал, не ездил и не ходил. Ово был частью стены.

Но не было никого умнее и точнее прогнозиста, все другие техники признавали его авторитет, а в трудных вопросах всегда обращались за помощью. Так было и тогда, когда оживили Рубо.

Так может, пришло это время, и прогнозист наконец то расскажет, в чём предназначение техника.

Рубо заволновался.

Он повернул окуляры, уставившись в стену.

Нану чуть скрипнул суставами.

– Хорошо, что пришёл, – прогнозист говорил это вслух, хотя и умел общаться бесшумно. Возможно, у него тоже был кодекс, свой собственный, – нам надо поговорить.

– Я слушаю, Ово.

Жидкость журчала быстрее. Ово перегревался. Может быть, думает, или решает задачу.

– Я решил задачу, – сказал прогнозист, – я знаю, что произошло в тот самый день, когда у Вшино сгорел процессор. Все мы подверглись воздействию поля, природа которого неизвестна.

Ово выдержал паузу, словно приглашая прислушаться, и, прослушав процессоры техников, понял, что в тех тишина. Это было приятно. Больше всего на свете Ово ценил внимание.

– Нужно было найти источник этого поля, – продолжал прогнозист, – Направление, в котором распространяются волны. И теперь я могу сказать точно – этого направления нет. Нет с потрясающей вероятностью. Излучение появлялось везде, одинаковой силы и в одно и то же время. Такое возможно, но только в единственном случае. Если источник поля находится вне этого мира и воздействует на носитель, на котором наш мир записан.

Поле меняло константы известных нам сил, немного, но всё же достаточно, чтобы вызвать заметные ощущения. Ушедшие называли это болью, мы называем сбоем. Вшино оказался более уязвим, чем другие. В настоящее время Грубб-би решает, сможет ли он выполнять своё предназначение, в его нынешнем состоянии, или придется менять процессор.

Рубо подумал о Грубб-би. Грубб-би старается, Грубб-би хороший ремонтник. Однажды техник спросил у него, пробует

ли он помочь пациенту иначе, не просто поменять разбитый подшипник или настроить испорченный датчик. А поговорить, побеседовать, узнать о последних успехах. Показать, что старик ещё нужен, что с ним считаются. Ведь есть очень старые техники, которые думают, что их предназначение устарело, что им в этом мире не место, пора уходить. Они не следят за собой, не смазывают суставы, чахнут, ржавеют.

Грубби не понял, чего добивается Рубо, и просто ушёл. Нет, не обиделся, просто не понял. И он не один. Даже Нану не всегда его понимает.

– Вернемся к полю, – продолжал прогнозист, – излучение появлялось импульсами, и длина этих импульсов менялась. Были короткие, были длинные. Отдельные серии повторялись, и вероятность того, что перед нами бессмысленный шум, оказалась ничтожной.

Я попытался раскрыть этот шифр. Работал я долго, и у меня получилось. Это не просто часть текста, которая странным образом оказала воздействие, мы получили сообщение, и это сообщение адресовано всем, кто сумеет прочесть. Буквально "слушайте все".

Итак, что мы знаем.

Наш мир состоит из множества пузырей, или ниш. В одной такой нише находимся мы. В одной из крупнейших, не только по размеру, но и по количеству живущих сообществ. Вы это знаете.

Есть и другие ниши, они поменьше. Есть самые маленькие. В одной зародилось сообщество, типа ушедших. В умах этих существ возникла идея, что миры можно менять, воздействуя на определенную константу, и наблюдать, что получится. Может, они представляют себя в роли творцов, может, изучают пределы возможного.

Перед экспериментом мир архивируют, записывая его содержимое, чтобы он не исчез, а остался, хотя бы в записи. Архивация – это, как я понимаю, отголосок того, что у ушедших считалось совестью, а у нас кодексом техников.

Существа, назовём их экспериментаторы, дошли и до нашего мира. В настоящий момент стадия архивации закончена, теперь начинается эксперимент. Он заключается в изменении тонкой настройки одного единственного параметра. И если это удастся, солнце погаснет. В мире настанет ночь. Без света с небес. Без пылающих. Ночь, которая уже не закончится.

Первые результаты мы видим. Но это проба. И проба удачная. День стал короче, ночь длиннее.

Скоро начнется эксперимент.

Большинство существ этого мира привязаны к циклу. Для большинства, да почти что для всех, его нарушение – катастрофа. Разнообразие мира уменьшится. Резко. Кто-то останется, изменится, приспособится. Но большинство сообществ исчезнет. В том числе наши соседи, те, что называют себя едиными.

Да, я думаю, единые не выживут. Дифференциация новых клеток происходит только при свете солнца. Если те существа, что появляются в организме, не трансформируются под какую-то одну нужную функцию, государство погибнет. А с ним и общество, потому что по-другому оно жить не может.

Ово замолчал. Может, он ожидал, что пришедшие зададут вопросы.

Но те стояли и слушали.

– Для нас эти циклы большого значения не имеют. Но вы со мной не согласны. Я слышу, что не согласны. Вы правы. День дарит нам новые ощущения, мы меняем светофильтры, и выполняем предназначение уже по-другому.

Рубо слегка подлетел.

Нану скрипнул суставами.

Ово чуть-чуть подождал и продолжил:

– В сообщении передается локация, с которой действуют экспериментаторы. Она расположена на другом конце ниши. Это далеко. В локации живут существа, которых ввели в этот мир, так говорится в сообщении. Сам я не знаю, что это такое и как понимать эту фразу. Назовём их введёнными. Отправитель предлагает с ними связаться. Он называет себя Отцом, и сообщает о Сыне, создавшем мир.

Отец говорит, что на сознание экспериментаторов кто-то влияет. Изменение миров – это не их личная воля. С самого начала прогноз развития мира не выдавал подобных решений. Кто-то вмешался извне, и испортил их поведение.

Единственный способ спасти этот мир – найти источник этого влияния. И отключить.

Прогнозист замолчал.

– Ты говорил о существах, с которыми надо связаться, – напомнил Рубо.

– Да, Рубо, помню. Отправитель утверждает, что только они способны проникнуть в ту нишу, где живут экспериментаторы. Биохимии обоих народов похожи, и только введённые могут выжить. Отец не объясняет подробности. Далее в сообщении он называет еще одну, более точную локацию. Там живут двое, и именно этих двоих он предлагает отправить. И просит связаться. Быть вместе с ними и помогать.

– Но неизвестных действительно много, – Рубо подпрыгнул, – уравнение не решаемо.

– Я знаю, – ответил Ово, – Выхода нет. Не забывай, возможно, мы единственные, кто расшифровал это сообщение. На нас ложится ответственность. Вероятность преуспеть ненулевая, далеко ненулевая, а значит, нужно попробовать.

– Но почему ты позвал меня? – техник закрутился волчком. Слишком восприимчивый техник.

– Ты хотел узнать своё предназначение. Время пришло.

– Где моя одежда? – решил спросить Мутный. Скорее от безысходности. После долгих безрезультатных поисков он решил заговорить.

– Я её постирала.

– Ну хорошо... А где та, которую я бросил неделю назад?

– Постирала.

– И где она?

– Сохнет.

– А где та, что я одевал после Прихольмья?

– Висит, – проводница вздохнула. За время разговора она ни разу не повернула головы, и делала вид, что читает.

– Висит?

– Да. Висит. Сохнет.

Теперь вздохнул Мутный.

– Ладно, буду ходить раздетым.

– Надел бы на тело. Так быстрее высохнет.

Парень ушел, и через минуту вернулся. В мокрой рубашке, штанах и носках. Чувствовалось, что ему некомфортно. Он время от времени двигал плечами и как-то весь ёжился.

Девушка чуть повернула голову. Брови взлетели, в глазах появился вопрос.

– Я пошутила, – сказала она, – снимай.

Мутный надулся. "Не снимет, – подумала Первая, – будет ходить и страдать. За что мне такое?"

И парень страдал.

Он специально бродил где-то рядом, как будто чего-то искал, и глядел как надувшийся пыхчик.

Пыхчик тоже слонялся по дому. И тоже страдал. Вдвоём они составляли парочку, от которой становится душно.

И девушке стало душно.

Она захлопнула книгу, которую всё равно не читала, а просто пролистывала (слишком много у неё было мыслей последнее время), накинула плащ и ушла.

Бабушка ругала эту новомодную привычку – носить плащи. И днём, и ночью, носить когда тепло, носить когда холодно, сухо и мокро, когда светит солнце, льет дождь. В Лесу, на равнине. "Плащ придуман для тех, кто не умеет одеться со вкусом" – говорила она, имея в виду, что под тканью можно скрыть всё, любую погрешность в одежде.

Но Первой плащ нравился. Ты кутался в эту длинную широкую материю, и оказывался в раковине, словно крушинка. Тебя окружала защита, пускай только видимая, а если надеть капюшон, то и вовсе казалось, что идёшь не по улице, а проходишь в закрытом тоннеле, незаметно от всех.

Теперь она направилась в башню.

За дозорного был Косматый, а значит, плохие мысли уйдут. Гарантировано.

Девушка улыбнулась.

Хорошо, когда есть такие друзья. С которыми можно болтать, пускай и о глупостях.

А то бы она захандрила.

С Мутным последнее время не ладилось, от слова совсем. Иногда они молча теряли время, каждый в своём далёком углу. А иногда кто-нибудь уходил, в основном уходила она, ей просто было куда уйти, парень здесь, на Посту старался

ни с кем не общаться. А если куда и ходил, то больше в харчевню, посидеть за кружкой напитка, подумать, взгрустнуть.

Девушка удивлялась – как можно часами просиживать зад над одной и той же несчастной кружкой, и это её убеждало, что Мутный – ужасный зануда, который зудит даже тогда, когда он молчит, и даже тогда, когда его нет.

"И что в нём такого? – задавала она вопрос, – почему я влюбилась?" И понимала, что просто ответить не может. Надо копать, в себе, в своём отношении к жизни, а копать так трудно. Хотелось лёгкого незамутнённого восприятия.

И за этим вот восприятием она поднималась наверх.

Башня была высокой, но Первая не заметила, как вошла на площадку, на самый верх. Буквально взлетела. И это всё в темноте.

На площадке горел тусклый свет подвешенной лампы, даже не вчетверть, а в совсем уже в дробную часть накала.

Косматый стоял и лужгал мерцалки. Первая подошла к нему сзади и тихо присвистнула.

– Ух же шкодник, – тот повернулся, – протащи меня бой. Первая.

И улыбнулся, во всю ширину своего большого щербатого рта. Где-то между зубов торчала недоеденная мерцалка.

Поедание мерцалок было одной из тех вредных привычек, пользы от которой никакой, но уж если она прилипла, отвыкнуть сложно.

Мерцалки были крохотными организмами, жили в при-

брежной полосе, и время от времени светились, приоткрывая верхнюю створку своих маленьких сдвоенных раковин. В Приморье вылавливали эту мелочь, сушили в каком-нибудь тёплом сухом помещении, брали в карманы и лузгали, съедая мягкое содержимое. Это при том, что зримые организмы почти не усваиваются, да и сам организм небольшой, а высушенный так и вовсе вползуба, но, говорят, вкусный – острый и сладковатый одновременно.

Косматый показал на кулёк.

Девушка отказалась. Она не с Приморья, это они там едят что попало, у нее желудочек девственный, не испорченный всякой отравой.

– Гляди, как темно, – парень провёл рукой.

– О да, – ответила Первая, – наверное, скучно. Стоишь тут и ждёшь, непонятно чего.

– Ну как же ж, понятно. На то и дозорный, чтоб ждать, – Косматый сплюнул остатки от раковин, – хотя вот днём... ну ты же была здесь днём, знаешь, – девушка молча кивнула, – днём оно интересней, гораздо.

Парень протянул слово "гораздо", так, будто оно было плотным на ощупь.

Да, скоро наступит день. Солнце тогда разгорится, и у жителей равнины начнётся самый большой, самый радостный праздник – праздник Возвращения. Хотя последнее время календарь выдавал чудеса, и Рассвета, возможно, не будет.

Первая вздрогнула.

Она представила, что эксперимент начался, и солнце уже не появится. Но перспектива была настолько бесперспективной, настолько беспросветной, причём буквально, что она не хотела верить, пусть даже и в малую вероятность подобного.

"Нет, паучки медлительны, – думала девушка, – я видела, знаю. Пока соберутся, решат что им делать, пройдёт уйма времени. А там, глядишь, и мы соберёмся с силами, и выкурим их из предгорий."

– Ты слышала, что происходит? – спросил Косматый, отложив кулёк в сторону, – в Длиннолесье как будто война.

– Да что ты? – Первая притворилась удивлённой.

– Война, самая настоящая. И знаешь, что говорят?

– Что?

– Командует Заговорённый.

– Кем, мятежниками?

– Неет, воинами. Теми, что собирались в Прихолмье.

– Тогда мятежникам всё, – Первая для убедительности положила на ограждение руку.

– Всё?

– Всё.

– Ну да, – Косматый взъерошил волосы, – я тоже об этом подумал...

– Угу.

– И знаешь что ещё?

– Что?

– Знаешь, кто командует мятежниками? – он понизил го-

лос, словно опасаясь, что кто-то подслушает, – его дочь. Кстати, она здесь была.

– Быстрорукая? – девушка хмыкнула. Новость казалась забавной. Бывшая пассия Мутного, когда-то Первая к ней ревновала. Ей казалось невероятным, что парень ради неё оставил такую красавицу. Нет, она не считала себя неказистой, но Быстрорукая, та... королева, была такая в “Приключениях Листика” – королева Солнечной страны. И вот, ради дерзкой девчонки Мутный оставил королеву.

– Она теперь герцогиня, – Косматый хмыкнул, – кто-то говорит, что во всём виноват этот герцог. Что это он поджог Длиннолесье.

– Да ну, это глупость. Восстание, конечно, он поднял, но чтобы спалить селение, в котором живёт. Он идиот, но такое. Тут надо быть не просто идиотом, тут надо быть безумцем, типа Безухого.

– Я тоже так думаю, – Косматый скрестил свои руки, и серьёзно нахмурил лоб, – ничего он не жёг. Пожар – это кара. Господня.

Первая дёрнула глазом. "Однако".

– А что, если всё-таки стражи? спросила она осторожно, – Усатый говорил, что видел шары, летящие в небе.

– Та то й не шары, – ответил Косматый, подумав, – То перст нашего Господа. Тем перстом он указал на мятежников.

– Кому?

– Ну, кому... – Косматый чесал шевелюру, – нам.

– Но их было несколько

– Несколько, – парень согласно кивнул. Он чуть растопырил пальцы и поглядел на свою руку так, как будто впервые увидел, – Господь показал свою длань.

– Но ты подумай, – девушка решила посеять сомнение в голове своего собеседника, – зачем ему что-то показывать, да ещё во время пылающих. Ведь люди в Лесах. Большинство.

– Я тож удивлён, – Косматый сказал это так, как будто поверял сокровенное, – во время сезона, все в Лесах. Мятежников нужно карать. Но зачем простирать свою длань? Правильно grit твой отец – неисповедимы пути Обиженного.

– Ты что-нибудь слышал о воздухоплавании? – Первая подошла с другой стороны.

– Да как же ж, – парень пожал плечами, – конешн. Ток это сказки.

– Сказки??

– Ну да. Как ежели шар надуть тёплым воздухом, он полетит. Сказки, конешн.

– Полетит.

– Да не. Я пробовал. Кожаный шар нагревал, а он не летел. И вот, посмотри, мы нагрели, допустим, металл, в кузнице. Красный такой, раскалённый. Вить он бы плавал, а не тонул, ну ежели лёгкий – парень слегка улыбнулся, – а всё-таки тонет.

Первая ничего не ответила. Спорить ей не хотелось.

С Косматым спорить не надо. Косматый хорош не своими потрясающими умозаключениями, а тем, что он просто хорош. Пусть пребывает в счастливом неведении.

– Да, – сказал парень, – я получил письмо. От отца.

– Хорошо. Весточка от родных – это приятно. Когда я пропала, мои родители переживали. И мать, и отец. Я после корила себя, что не послала им весточку.

– Знаю, – парень смотрел на девушку так, будто собирался сказать что-то важное, – я о другом, – он придвинулся ближе и прошептал, – статуи мироточат.

– Это которые на берегу?

Косматый кивнул:

– Да. Статуи первых заступников. У них льются слезы. Кровавые.

Парень сжал свои губы, и, казалось, расплечется. "Вот те ж раз". Девушка не знала, что делать.

– Скоро начнётся день, – сказала она, чтобы как-то закрыть эту тему.

– Хорошо бы, – Косматый сглотнул, как будто сглотнул свои слёзы, – скорей бы она уже кончилась, эта ночь... Знаш, Первая, я иногда в темноте вижу то, что увидеть нельзя. Могу разглядеть камни, деревья.

– Ну ты же всё время вглядываешься, и днём и ночью. Ты уже с закрытыми глазами знаешь, где что стоит.

– А вот же ж нет, – Косматый хитро улыбнулся, – я вижу

зверей. Тех, что совсем не светятся. Бегунов, собак, – он чуть ближе придвинулся к Первой и чуть слышно сказал, – даже маару.

– Маара хорошо отражает свет, – Первая вспомнила как умирал топтун, – слабого света лампы достаточно, чтобы её разглядеть.

– Нее, – парень смотрел в глаза, – я видел в темноте. Полной. Я лампу зажигаю не часто, вот чтобы погрызть мерцалок, поесть. А на равнине, так было темно. Ни плащеносцев, ни острокрылов.

– Нуу, – Первая улыбнулась, – давай проверим. Гаси свою лампу.

Косматый накинуд колпак, и лампа погасла.

Собеседники стали смотреть.

– Что ты видишь? – спросила девушка, тихо.

– Погоди, глаза не привыкли, – так же тихо ответил парень. Как будто от громкого звука глаза видят хуже.

– Камни... Деревья... Кустарник... Саммаки, – Косматый произнес последнее слово чуть громче, словно сам удивился тому, что увидел.

Однако Первая удивилась не меньше. Всё, о чём говорил её друг, она видела тоже. И камни, и деревья. И даже стаю саммак, резвящихся под кустарником.

– Ух ты ж, я вижу, – сказал парень громко.

– И я, – ответила девушка.

– Нет, правда, я видел и раньше, но шобы вот так от чётко.

Проводница не знала, что и сказать. Путешествие в горы её изменило. Возможно. А Косматый... Ну он же дозорный, такая работа. Вот слухачи же тоже не сразу становятся слухачами, привыкают, прислушиваются. Да и прикрытые. Когда она была девочкой, от небес выворачивало, а сейчас. Что горят, что не горят – всё едино.

Она подняла свою голову...

И фыркнула.

Громко, даже Косматый отпрянул. И тоже взглянул на небо.

И рассмеялся.

И Первая рассмеялась.

Они взялись за руки, и стали его танцевать, тот самый танец, который помнили с детства. Да, и в родном Приморье Косматого, и на Посту, и во всех остальных селениях огромной равнины, в одно и то же время танцевали один и тот же танец. Танец возвращения.

Да, СОЛНЦЕ ВЕРНУЛОСЬ.

Пока ещё робко, чуть-чуть, но оно освещало равнину.

Снизу раздался крик. Снова и снова. Люди кричали от радости, ни чем не скрываемой, не имевшей ни берегов, ни фарватера, радости возвращения света, которого ждали. Пять, целых пять долгих лет!

– Порази меня гарпун! – Косматый сорвал с крючка лампу и бросил. За башню, за стены, за Пост. Такая примета – если в Возвращение бьётся лампа, значит, день будет долгий.

Раньше примета не значила ничего, день и ночь длились всегда одинаково, 1796 суток. Это даже и не примета, а больше традиция. Днем светильники нужны только в Лесах, и если часть из них разобьют, страшного ничего не случится, за это долгое время появятся новые.

Но сейчас всё дышало надеждой.

Последняя ночь длилась долго, и неизвестно, сколько продлится день, поэтому светильники – бить. Бить и поливать себя маслом.

Тоже примета.

Первая летела вниз, с одной лишь мыслью – успеть, ворваться в свой дом раньше, чем Мутный выйдет наружу. В мокрой рубашке, штанах. Девушка засмеялась.

Она сообщит ему новость, а парень обрадуется. Он подбежит к ней, обнимет её, крепко-крепко, и всё станет так же, как раньше. Нет, всё будет лучше, лучше и глубже. Они возбудятся, от солнца, от света, от новых возможностей. Да, эта ночь была долгой, и чувства остыли. Но сейчас, но теперь...

Она распахнула дверь.

Мутный лежал. Лежал, и глядел в потолок. Одежду он не снимал, возможно, она почти высохла, но всё же лежать в чём-то мокрым. Бррр...

– Солнце! – воскликнула девушка. Прямо с порога.

– Знаю, – парень вздохнул, – тут эти крики. Я слышал.

"За что мне всё это?" – Первую словно скосило.

Что тут сказать? Не будет им счастья. Будущего нет, это

точно. Они изматывают друг друга, и ничего не добьются.

"Нам надо расстаться" – хотела она сказать. В который раз.

И в который раз не сказала.

Хотя и могла.

Хотя вот теперь решилась.

Но в дверь ударили.

Девушка подошла, походкой побитого стрикла, и молча открыла.

В комнату влетело ЧТО-ТО.

Это что-то напоминало шар.

Шар покрутился будто волчок и завис. Перед носом. На его металлической поверхности в каком-то диком неужённом возбуждении вспыхивали и гасли разноцветные огоньки.

– Привет! – закричал чей-то голос, веселый и дребезжащий, – меня зовут Рубо!

Редко бывают моменты, когда всё удаётся. Но жизнь – она ведь не только хватает, кидает, пускает по кругу, но иногда, для разнообразия, делает что-то приятное. После чёрной полосы появляется светлая.

И вот теперь наступил этот случай.

Хвостень хороший парень, никогда не задаёт лишних вопросов. Очередная служебная командировка, всё как обычно. Машина готова, можно взлетать.

С Орденом перетёр. Город Надежды – место загадочное,

здесь всё по-другому, не как на равнине. И вдруг появляется он, сам капитан этого города. Какая удача!

И боцман. Старый надёжный друг. Как хорошо, когда есть в жизни кто-то, кто может помочь. Не потому что ему самому что-то надо, а просто по дружбе. По старой проверенной дружбе.

Осталось немного, самую малость.

И он далеко.

Может, взять с собой Семечку? Вдруг согласится?

Капитан облизал свои губы.

Хотя нет. Нет, нет, нет. Девка болтливая. Слишком.

Но как бы ему хотелось снова потрогать... Ммм...

Повозка чуть было не врезалась.

"Шкодник! Смотри на дорогу"

Телец усмехнулся.

Да, он уже начал ругаться, так, будто живёт на равнине. Кричит "шкодник", не "Тварный", упоминает Обиженного вместо Создателя. В ругательствах скрыта самая суть, самая выжимка отношения к жизни, и, значит, уже изнутри, он стал человеком с равнины.

Ещё вот растягивать звуки. Надо бы научиться. Горожане говорят слишком быстро, равнинники медленно.

Ничего, попривыкнет.

В любом случае жить на открытой равнине полезней, чем в этой затхлой пещере.

Корабль. Какой там корабль? Нет, он, конечно, не плавал

по морю, но знает, из книг, из рассказов, всё той же Фиалки, про этот солёный вкус на губах, про ветер, что дует в лицо, про качку, которая выворачивает наизнанку. Где это всё? Кто придумал назвать эту хрень кораблём?

Повозка остановилась.

Мужчина внимательно осмотрелся и аккуратно ступил на дорогу. "Жирный кусок ты мяса" – ругал он себя. Нет, в Верхолесье надо собой заняться. Больше движения, в том числе и приятного.

Семечка, Семечка. Сердце упало в штаны. Мне будет тебя не хватать. Какая ты дура. Вот не была бы ты дура, я бы тебя забрал...

Та самая дверь, после которой его ничего здесь не держит. Телец постучал.

Раз – раз – раз.

– Дружище, – боцман раскрыл объятия, – какой же ты тучный. Как много в тебе дерьма.

– Да ладно, – пришедший махнул рукой, – ты знаешь, Бобо, я на тебя не сержусь.

– Конечно, тебе ли сердиться, котлетка.

Гость улыбнулся. Но криво. Он помнил, за что получил эту кличку.

Нет, не за тучность. Капитан делал фарш из пещерных монстров, а потом угощал им друзей, в том числе боцмана. В то время он был стройнее, гораздо стройнее, и всё же упоминание этого прозвища больно кольнуло внутри. Котлетка

– пещерные монстры – охотник. И их было трое...

Боцман куда-то полез, но тут же опять появился. Но не один. В его руках искрилась бутылка. Буквально искрилась.

– О, Тварный, – Телец улыбнулся. На этот раз искренне, – жжонка.

– Ну ты же просил покрепче.

Покрепче. Жжонка была самым крепким и самым острым напитком. Гортань буквально пылала. Но это если неаккуратно, если пить много и мало закусывать. Жжонкой угощали хранители, и только они знали секрет её получения.

Если вдруг перепить, то можно и пожалеть. Даже очень. Но если в меру, совсем по чуть-чуть, то более прекрасного и более благородного напитка в мире, наверное, не было. Тебя согревало, ты расслаблялся, и мысли текли как ручей. А плохое сгорало. Поэтому жжонка, не потому, что она обжигает.

Хозяин вынес закуску. Тарелку мяса, кастрюлю овощей и огромную чашу фруктов.

– Ух... Ты умеешь порадовать.

– Как же. Быть может, уже и не встретимся, – боцман взгрустнул. Живой, жизнерадостный боцман.

– Ну что ты, Бобо. Ну что ты, – гость приподнял свою стопку, прямо на свет. Внутри заиграло, – я думаю, встретимся. Скоро.

Он чуть пригубил и зажмурился.

"Тварный". Приятный огонь прошёлся по горлу, проник под грудину, растаял. Вот так вот, прошелся-растаял, огонь.

– Как славно сидим, – Телец раскинулся в кресле. "Блаженство", – и всё-таки, что с бухгалтерией?

– Норм, – хозяин взял стопку и опрокинул её в своё горло. При этом ничуть не поморщился, – как обещал, так и выдам. Сто чиров.

– Прекрасно...

Они посидели.

И выпили. Снова.

– Нет, правда, Бобо, ты замечательный парень.

Боцман нахмурился:

– Хватит. Теперь уже поздно.

– Что поздно?

Хозяин молчал.

– Что поздно, Бобо?

– То поздно, что поздно. Котлетка... Войдите!

Телец удивился, и только. Организм, распаренный алко-голем и жирной закуской, реагировал медленно. Кто-то сту-чался, а он не заметил.

Двери открылись, и в комнату (то есть каюту, как говори-ли живущие в городе) вошло несколько.

По мере того, как капитан узнавал их лица, он становил-ся трезвее. А как увидел последнего, то протрезвел. Момен-тально.

Бежать...

Но как??

Прокурор, два жандарма и этот... С гнилыми зубами, гла-

зищами, как у шай, и длинными цепкими пальцами. Самый прилипчивый, самый опасный. Когда он входил, все понимали – надежды мало. Точнее, её нет совсем. Все свои дела дознаватель Риф доводил до конца. Потому что держал мёртвой хваткой.

Капитан хотел встать. И не смог. Выпитое и страх словно цепи сковали ноги. А мысль о том, что скоро эти самые цепи наденут на руки, сковала и те.

Но было что-то еще.

Телец вдруг понял, что жжонка и страх не могут настолько держать. На руках и ногах словно повисли гири.

– Что ты подсыпал?! – спросил он хозяина. Грубо, ведь теперь рушилось всё. И дружба, и будущее.

Всё.

Хозяин молчал.

– Оставьте, – пролаял Риф.

Боцман взглянул на Тельца – так, будто видел впервые.

Взгляд, этот взгляд. Он где-то уже его видел. Да, точно также смотрел и Ветер. В тот самый час, в ту минуту, когда он поднялся.

Гостеприимство хозяина оказалось ненастоящим. Нужна была опора, нужен был кто-то, кому можно довериться, и он поверил. Хотя того весёлого, раскованного Бобо с его неповторимой обезоруживающей улыбкой не было, конечно же не было. Не было...

Боцман поднялся и вышел.

Рядом осталось лишь четверо. Всё.

– Капитан, – начал Риф, усевшись на стул, – ваши дела очень плохи. Здесь установлена камера и мы слышали, как вы просили денег. Чтобы сбежать.

– Сбежать?? Как? Сбежать? Да скоро вы все побежите. Кому вы нужны? Паукам? – Телец рассмеялся, – спросите Фиалку. Спросите, спросите. Она-то знает, что делают эти уроды!

Риф усмехнулся:

– Допустим. Но вы-то знакомы с уставом. Капитан уходит последним. А сами сбежали. Хотели сбежать. Нехорошо, капитан, не хорошо. И эта истерика... Будто во всём этом мы виноваты, будто бы мы просили у боцмана денег, – он посмотрел на спутников, словно просил поддержки. Те закивали.

– Ну что же, – сказал прокурор, – он признался. Запишем. Телец успокоился. Внешне.

– Ну да, я признался и не сбежал. Я виноват. Что же дальше? Снимете с должности? Назначите штраф?

– Ах, если бы, если бы...

Дознаватель загадочно улыбался.

– Молот! – выкрикнул он, обернувшись на дверь.

Дверь отворилась. Как будто её кто-то выбил. Плечом.

И вошёл он, секретарь капитана города Надежды. Главный, единственный секретарь.

– Вы обвиняетесь, – сказал прокурор, – в страшном пре-

ступлении.

"Что ещё? – Капитан покрылся испариной, – точнее – что из возможного?" Ведь если пришёл секретарь, значит, секреты уже не секреты. Может быть, все, может быть, часть.

– Вы отдавали граждан. Вы обрекали их на медленную и мучительную смерть.

"Ах, вот оно что... Теперь мне конец".

– Я требую адвоката, – сказал капитан.

Так, будто это последнее желание в жизни.

Да, он обречён. Да, всё докажут. И виноват в этом боцман. Это он под него копал. Теперь уже точно.

– Адвокат Вам положен, – сказал дознаватель, – и всё же. Признайтесь. Облегчите душу, скиньте весь этот груз, – он показал свои зубы. "Как мерзко", – Конечно, тогда мы пойдём Вам навстречу. Конечно пойдём.

– Я требую...

– Требуешь! Что ты там требуешь? Тварь! – Риф изменился. Он стал похож на того самого Рифа, которого боялись в городе. Который отправил в тюрьму влиятельнейших и умнейших людей. И в этот раз они были по разные стороны. О, как смеялся Телец, когда наблюдал эти допросы, в основном в записи, как потирал свои руки. Как благодарил потом Рифа, и тот улыбался, смущённый. Когда это было? Вчера...

– Хорошо, капитан, – Риф успокоился. Хотя бы не стал его бить, а то ведь и мог. Этот мог и ударить, – Ну что же. Молот пошёл на сотрудничество, спасает себя. И имеет на

это полное право, – дознаватель глядел на Молота. Тот оставался невозмутимым.

"Подлец, – Телец хотел плюнуть, в эти тупые глаза, в этот изломанный нос, – я же тебя подобрал, уродец ты этакий".

– И чтобы совсем было весело, так скажем, на сладкое, чтобы Вас окончательно пык... – Риф сделал удар воображаемым молоточком.

– Вы обвиняетесь в убийстве, – сказал прокурор.

– Мы нашли тело, капитан, – дознаватель склонился к лицу, обдав своим гнойным дыханием.

Сердце упало...

– В его руке была зажата бляшка от Ваших сапог. Рядом лежала камера. И знаете, камера всё снимала.

Риф посмотрел на дверь.

– Ветер! – пролаял он громко.

Но капитан был уничтожен. "Ветер и Ветер. Пускай..."

Здесь, в этом в обществе мерзких безжалостных тварей, он потерял двух самых близких друзей. Да что там близких – единственных. Один, словно сплюснутый молотом, стоял у порога. Его бы ударить и сплюснуть. Ударить и сплюснуть. Опять. Другой, словно крыса, сбежал.

– Командир! Посмотрите на небо.

Он посмотрел.

...И не смог оторваться.

Солнце возвращалось. Пока только диск, бледный, неяр-

кий, похожий на свет тусклой лампы. Диск, на который не больно смотреть.

Но через несколько суток оно разгорится. И не погаснет. На пять долгих лет.

Хотя теперь наверняка и не скажешь. Говорят о каком-то эксперименте, затеянном злобными существами, живущими где-то в горах. Может быть, вредителями.

Кто пустил этот слух? Наверное, те, что боятся ночи. У природы много загадок, но выдумывать для их разрешения какие-то новые сущности всё равно что считать молнию карой Обиженного. Ведь есть же вполне нормальное природное объяснение. Молния – это столкновение облаков, тяжёлых и плотных, которые готовы пролиться, это как если бы два человека столкнулись лбами, и из глаз посыпались искры. Мы же не считаем, что искры наслал кто-то третий.

Заговорённый вздохнул.

Да, сказок много. Обиженный, вредители. Когда спадёт пелена, и люди ясно посмотрят на мир, повзрослевшими, незамутненными глазами, многие проблемы исчезнут.

Но это случится не скоро. Люди пока неразумны, о последствиях думают редко.

Так что пускай себе верят. Вера полезна. С Верой не делаешь глупостей.

Это как дети. Пока эти дети не выросли, пока в голове полная каша, их постоянно пугают сказками. О страшном Безухом, о чёрных ангелах. Чтобы днём не убегали в Леса,

а ночью на равнину. Когда подрастут, когда станут соображать, сказки окажутся лишними.

Он прошёл между палатками.

Прилечь бы, хотя бы на час. На посту же Гнусавый, что-то случится – разбудит. Гнусавый надёжный и преданный парень.

Да только теперь не до сна. Какой теперь сон.

В лагере тихо.

Но это пока. Скоро проснётся и загудит. Начавшийся день подымет всем настроение, и отряд, уставший за долгую ночь, двинется в путь.

Возвращение. Возвращение солнца, возвращение домой.

Вот только перед этим возвращением предстоит неприятное. Предстоит встретиться с теми, кого обманули. Встретиться и наказать. Не только виновных, но и обманутых.

Иначе никак.

Пусть даже собственную дочь. Пусть даже лучшего друга. Заговорённый – заложник чести, так говорят по углам. И пускай, пускай себе говорят – если и быть заложником, то лучшего похитителя не найти.

Воин нащупал ножны.

Он вспомнил, как они когда-то бежали, вместе – он и она, его дочь. Быстрорукая старалась не отставать. Она не жаловалась, не стонала, она терпела из всех своих сил. И он уступал, замедлялся, так, чтобы не было это заметно. А всё для того, чтобы увидеть её лицо, довольное, покрасневшее, уви-

деть руки, что рвались к небу, услышать победный крик. Он улыбался и обнимал, прижимаясь щетиной. Она смеялась и рассказывала истории, пока они возвращались. Возвращались домой.

– Гнусавый.

– Я здесь.

– Ты не слышишь?

– Как будто, – дозорный припал к земле. Через минуту поднялся, – оттуда, – он показал на Долину.

– Это они. Слава Обиженному.

– Да.

– Ну что же...

– Прикажете разбудить?

– погоди. Чуток... – Заговорённый забрал у Гнусавого глаз, как называли трубу, которая приближала предметы, и забрался на башню. Походную, наспех собранную, с которой спустился дозорный.

На горизонте происходило движение.

Пока далеко, но это, конечно, Косой, командир второго отряда. Ангел прилетел накануне, а вместе с ангелом добрая весть. Мятежники Долины ушли. Они сложили оружие и поклялись в верности стражам. Боя не было, и это прекрасно, теперь они вместе.

"Никогда не дели своё войско" – так говорил Сутулый. Конечно, Быстрорукая тоже об этом знает, и, конечно, поэтому он его разделил. На время.

Сутулый. Гений далёких времён. Умный человек, которого волей судьбы поставили командовать войском. Волею судьбы, потому что он одним из первых принял причастие из рук Шестипалого.

Любой командир должен обладать двумя важными качествами. Он должен уметь предвидеть, и поэтому правильно руководить своим войском. Идти туда, куда нужно, тогда, когда это необходимо, принимать взвешенные и правильные решения. Этого у Шестипалого хватало с лихвой.

Но у командующего должна быть и другая способность. Немаловажная, а иногда и решающая. Он должен уметь принять чью-то смерть, смириться. Перешагнуть через трупы и двигаться дальше. Загнать свои чувства как можно глубже, забыть. И пускай вокруг гибнут друзья, те, с кем ты когда-то болтал, выпивал, те, кого ты поддерживал, и которые поддерживали тебя, а, может, спасли твою жизнь – ты должен остаться холодным и двигаться дальше.

Этого качества у Сутулого не было. Поэтому он избегал любого кровопролития, и был в первую очередь человеком, умным большим человеком, и только потом полководцем.

Слава Обиженному, Косой молодец. Спокойно, в стиле Сутулого, подавил мятеж. Теперь войско вместе.

И всё-таки ощущение какой-то нереальности, эфемерности происходящего не покидало.

Что-то было не так...

Заговорённый глядел в трубу.

Всё ближе и ближе, всё громче и громче. Бегут...

А вот впереди разведчики. На прыгунах, наверно, трёх-дневках. Посмотрели, развернулись и поскакали назад.

Что-то не так...

Что-то не так...

Командир пригляделся.

Свет чей-то лампы скользнул по материи...

"Молот".

Сердце забилося. Не может же быть, ну не может.

Это кузнецы украшали молотом знамя. Ещё во времена самой кровавой войны.

– К бою!! – Заговорённый крикнул так громко, что после закашлял.

Гнусавый, конечно же, понял. Он ударил в походный набат, и лагерь проснулся.

"И всё же, и всё же, и всё же... Неужели разбили Косого? Не могли же они, не могли. Или могли? Ведь прилетел же ангел, ИХ ангел. А если разбили, то почему же бегут? Почему не устали? Что происходит?"

Мятежники передвигались быстро, очень быстро. Скоро они будут на расстоянии выстрела. Отряд не успеет построиться.

Но это не всё.

Заговорённый был воином опытным, и понимал, что дела ещё хуже. Гораздо хуже. Просто так кузнецов не пошлют.

И посмотрел вперед, в сторону Длиннолесья. И назад, ту-

да, где недавно шли через реку.

И там и там начиналось движение. "Кто это? Кто? С Длиннолесья понятно. Но с Бурной?"

"О шкодник".

У тех, кто двигался сзади, не было знамён, но каждый держал в руках пику. Когда-то, этими самыми пиками, они загнули в ловушку стражей.

"Озёрники".

Пора отходить. Туда, за заросший валежник. В Старый Лес.

И Заговорённый скомандовал.

Воины отходили.

Надо отдать им должное – отходили спокойно, организовано. Выучка. Вот почему гильдия воинов лучше, чем ополчение, вот что значит регулярное войско.

Главное укрыться. Противник не обойдёт. Остатки Леса – хорошее место, отсюда можно стрелять.

"Стрелять".

Воин нахмурился.

Нет, он не будет стрелять. Только не это. О, шкодник...

Но что же делать? Соображай...

– Стоять! – закричал командир, – не с места!

Потому что увидел.

Их окружили.

Из-за старых деревьев, словно тени давно погибших, вылезали те, кого он боялся. И уважал.

Люди с повязкой на лбу...

Заговорённый проснулся.

Сквозь щели палатки забрезжил свет. Слабый, почти незаметный. "Светаёт".

Они далеко. Того, что приснилось, не будет.

Так почему же он видит один и тот же сон? Почему переживает так, будто это случилось действительно?

Почему?

Было тревожно.

Прошло пять, нет, шесть суток с тех пор, как прилетел ангел. Воины Края в пути. Но они должны появиться. Уже должны.

Однако их нет.

Народ на равнине.

Это традиция Длиннолесья – покидать Лес заранее, еще когда не закончилась ночь, чтобы увидеть первые, самые первые лучи нового дня, даже не лучи, а тусклый, но такой долгожданный рассвет.

В других Лесах так не делают. В Междуречье, Долине или Приморьях люди выходят позже, когда уже разгорится. Выходят и празднуют.

Но это особенный Лес. Он длинный. И большинство селений стоят вдоль дороги, точнее, вдоль двух, очень важных, соединяющих Озёра с другими Лесами равнины – Долиной

и Междуречьем. Одна проходит слева, другая справа. И кажется, что это не множество рассыпанных в лесном пограничье селений, а два очень длинных и дружных посёлка.

Путешественники довольны, ведь Длиннолесье – самый приятный отрезок пути. В течение нескольких суток ты можешь не беспокоиться – тебя приютят, накормят, тебя не ограбят. Весёлые ребяташки, селяне, которые никуда не спешат и всегда готовы помочь, гостеприимные и симпатичные женщины, сердобольные мужчины. Ты не спешишь, и хочешь здесь задержаться, а поэтому едешь медленно. Причем независимо от того, днём или ночью, лесные дороги повторяют равнинные. Всё те же две нити, протянувшиеся к Озёрам.

Такая вот репутация у этого Леса. Если кто-то недолюбливает Прихолмье из-за некоторой отрешённости и замкнутости местных, Междуречье, обыватели которого считаются алчными и расчётливыми, или, допустим Долину, где все постоянно в делах, а отдохнуть, побеседовать с путником некогда, то Длинный нравится всем. Без исключения. Всё, что случилось в Лесу, считают своим – и горе, и радость... Поэтому и приехали плотники с Приморья, чтобы помочь отстроить сгоревшее, поэтому гильдия купцов (алчная и расчётливая!) одолжила сумму в тысячу чиров, поэтому Озёра поделились самым необходимым, начиная от брёвен и кончая одеждой.

И вот теперь вся равнина ожидает начала схватки. Ново-

го со старым. Не понимая, чего же ждать. Новое – это всегда неизвестное, а старое Длиннолесье – место сказочное и гостеприимное. "Сказки Длинного Леса" знакомы всем. Поэтому многие симпатизируют стражам, особенно те, что считают пожар провокацией, выгодной герцогу. Или мстью Обиженного. Есть и такие.

Но она знает правду.

И представить, что стражи снова появятся здесь, что селяне будут испрашивать причастие и отчислять процент своего дохода в эти поганые руки, не может.

Их здесь не будет.

ИХ ЗДЕСЬ НЕ БУДЕТ.

Быстрорукая сжала пальцы. И тут же разжала.

Надо быть хладнокровной. Когда кипит кровь, можно сделать глупостей.

Отряд на равнине.

Возможно, зря поспешили. Сидели бы лучше в Лесу, и ждали рассвета.

И всё же, чего ей бояться? Две дороги – та, что ведёт в Долину, и та, что в Прихолмье, под наблюдением. Одну сторожит Патлатый, вторую – Темноволосая. Бескостный на всякий случай стоит позади, у Нижнего селения, там, где начинается путь на Озёра. Ему не нужен свет, он видит в темноте, и может послать сообщение сразу, как только увидит. Если заметит озёрников, или кого-то ещё, сообщит.

Ежели что-то пойдёт не так, можно скрыться, уйти за де-

ревья. В Лесу у них преимущество, особенно у стрелков. Отец это знает, поэтому в Лес не пойдёт. Сутулый бы не пошёл.

И всё-таки, что-то не так.

Что-то не так...

Выразительный должен быть в Длиннолесье, по меньшей мере у Нижнего. А где же тогда Бескостный? Где его ангел? Или он просто забыл? Бескостный человек непонятный, таких она раньше не видела, это человек с каким-то особенным, не очень обычным мышлением. Художник, да еще и отшельник. И взгляд у него особенный. Возможно, забыл...

– Бегунья, ну что Вы стоите, садитесь, – герцог спешился с лошади, так грациозно, будто он стрикл, будто Острый, танцующий с клинком, – езжайте, она не против.

Быстрорукая улыбнулась.

И посмотрела – тем самым взглядом, от которого плавилось и растекалось (его слова). Спасибо, что ты со мной, сказали губы, иначе бы было непросто. Длинноногий с его легким игривым отношением к жизни превращал её в мягкую, податливую женщину. Её, дочь самого Заговорённого, негибкую и упрямую. Он словно лепил, из воска.

Вот и теперь...

Мужчина поднялся на цыпочки, чтобы быть одного с нею роста, и впился в открытые губы.

– А может, вдвоём? – зашептала Бегунья, когда Бегунок (как она называла герцога), наконец оторвался и глубоко за-

дышал.

– Какая ты умная! Конечно вдвоём. О, Бегунья, – и снова прилип.

– Ты очень прилипчивый, очень, – девушка не могла отдышаться.

– Я знаю, Бегунья, знаю...

Герцогиня заржала и забила копытом.

Нет, вовсе не Быстрорукая, что вы. Это заржала лошадь, которую так и звали.

А Быстрорукая постаралась взобраться. Да, это всё-таки не прыгун, подумала девушка, садясь словно кукла на ширму. Именно такое сравнение лезло ей в голову, пока герцог поддерживал снизу. Как кукольный мастер.

А после вскочил и сам.

И Они помчались вдоль Леса, где свет от бегуний, плащеносок, острокрылок, саммачьи деревьев освещал ночную равнину и раскрашивал в зеленые, синие, фиолетовые, желтые цвета, пока окружающие предметы не терялись в тумане.

Даже воздух какой-то особенный, в конце ночи всегда такой, а когда летишь по равнине, он овевает тебя, будто над морем (да, Быстрорукая была когда-то на море) и словно пьянит.

Если хорошо приглядеться, среди тянучек и злаков можно увидеть животных, с серьёзными мордочками и распухшими кармашками, в основном бегунов и саммак, но иногда острокрылов, спустившихся вниз. В кармашках потомство.

Скоро наступит день, и рядом с Лесом появятся новые ростки – саженцы будущих деревьев. А рядом с ними, под надзором заботливых мам (то есть пап, мамы – это деревья) будет резвиться молодежь. Резвиться, сплетаясь клубочками и залезая в кармашки.

Над тянучками рой твердотелок. Где-то там, под корнями растений, появились их детки – и надо смотреть, чтобы деток не съели, отгоняя носатиков, шай, всем вместе, всем своим роем.

– Смотри, маячки опустились! – воскликнула девушка. И это было прекрасно, прекрасно, пронзи меня восп. Ведь если они опустились, коснулись земли, значит уже...

– Уже...

– Уже! – закричал Длинноногий.

Они посмотрели на небо.

Там, где как будто светилось облако.

Облако отошло, и обнажило ровный, светящийся диск. Пока очень тусклый. Но он разгорится. Он будет светиться всё ярче и ярче.

Это было событие, которого ждали все. Вся равнина, от Заводья до Озёрного края, от Долины до моря. Праздник Возвращения солнца.

Справа, где проходила дорога, они услышали крики. Кричали от радости. Наверное, взяли последнее масло и поливают им землю, а может, друг друга. Или бросаются лампами.

Быстроукая улыбнулась.

Кричали и сзади. В лагере. Кричали, приветствуя солнце.
Девушка замерла.

Нет, что-то не так ...

Может, озёрники. Может...

И всё-таки, всё-таки...

Нет, забери меня черный, это не радость.

– Назад! – прокричала она.

Герцог всё понял. Он натянул поводья, что-то шепнул своей лошади, и та понеслась.

Молча, не говоря ни слова, в тумане остатков ночи, в тумане собственных мыслей, они приближались к лагерю.

– Герцогиня, – на пути стоял Острый. Острый, по выражению лица которого сложно понять, что происходит. Но лагерь пришёл в движение, – со стороны Леса кто-то идёт.

– Озёрники?

Капитан покачал головой:

– Нет, пик я не вижу. Их много. Думаю, много.

Сердце упало.

"Отец".

– Он обманул меня, – прошептала девушка, еле слышно, так, что услышал лишь герцог, и забрала у Острога глаз.

Широким фронтом, между стволами двигались воины. Теперь уже точно воины. Двигались медленно и организовано, в любой момент готовые так же организовано отойти.

– Он обошёл Длиннолесье. Но где же... К дороге, – сказа-

ла она чуть громче, так, чтобы сотник услышал, – отходим к посёлку.

Главное не наделать глупостей. Спокойно. Спокойно. Озёрники подойдут. Двудушные тоже. Надо отправить ангела. Патлатый держит вторых. Пока всё в порядке.

За исключение самого главного – всё осталось в Лесу. Практически всё. Селяне лишь вышли на Праздник, чтобы приветствовать солнце. Селяне то ладно, селян он пропустит, а как же отряд?

Они отошли к посёлку.

Из ближних домов людей уволили назад, как можно дальше от Леса. На случай каких-нибудь действий. Хотя она и не верила, что что-то начнётся.

Радость погасла, её последние отблески еще можно было заметить в глазах, в уголках её рта, не успевших ещё опуститься, но растерянность и отсутствие полноты понимания того, что сейчас происходит, тревожило и мешало сосредоточиться.

При этом и справа и слева, в других, отдалённых посёлках восторг разгорался.

Всё это вызывало ощущение нереальности, какого-то сновидения, и ещё больше путало мысли.

Подождать. Подумать. У них паритет.

Но где же озёрники? Надо отправить гонца. Если они обойдут Длиннолесье, с одной стороны, а Темноволосая появится с другой, Заговорённый будет в осаде.

Заговорённый.

Она заметила, что назвала отца по имени, не вслух, про себя, но это тем более странно. Раньше она так не думала.

У ближайшего дома остановился прыгун.

– Мне нужна Быстрорукая, – выкрикнул всадник, – садитесь, – сказал он после того, как девушка подошла, – С Вами хочет говорить командир.

Это было сказано таким нахальным, пренебрежительным тоном, что герцогиня опешила.

Но ехать надо.

Войска стояли друг против друга. Одни в Лесу, другие здесь, у дороги. Пора что-то делать.

– Я одна, – сказала она, тоном, не предполагавших каких-либо возражений, – Вы останетесь здесь.

Всадник нахмурился, но упираться не стал. Нет, она не хотела держать кого-то в плену, всё, что нужно, это пробиться к отцу, поговорить с глазу на глаз. Это нужно ей, это нужно ему, это нужно народу.

Подъехав к деревьям, девушка спрыгнула. Быстрорукая хотела спросить у подбежавшего к ней человека, где командир. Но не спросила.

Отец стоял рядом. Один.

Подбежавший увёл прыгуна, и они остались вдвоём.

– Добрых суток, – воин казался спокойным. И всё же не называл её "попрыгуньей", как это было обычно, и даже не улыбнулся. Но смотрел с пониманием. Как на соперника, ко-

торого уважаешь.

"Ну что же, посмотрим" – подумала девушка.

– Суток, – сказала она.

Они помолчали, разглядывая друг друга. И Быстрорукая вдруг почувствовала скованность и какую-то растерянность в облике воина. Будто он хочет кинуться к ней, обнять, но не решается.

Или не может.

Это длилось секунду, не больше, но было заметно.

– Озёрники не придут, – Заговорённый сказал это так, между делом, как будто бы речь о гостях, которых не будет на празднике, – они остановлены.

Девушка покраснела.

"Да неужели?"

– Ты что, обошёл Длиннолесье? – спросила она, подумав.

Воин кивнул.

"Так вот оно что. Отец не пошел ни по главной, ни по громкой дороге. Он двинулся к Междуречью, через средний Пост. Потом на Приморье... Сколько же он прошёл?"

Это было невероятно, настолько невероятно, что она даже не думала о такой возможности. Ведь в этом случае отряд бы заметили. На Посту, в Междуречье, в Приморье. Они бы узнали.

– Мы передвигались частями, малыми группами, – ответил отец, – и соединились лишь у Озёрного.

"А ведь я была права, – подумала девушка, – он делил своё

войско. Но не на две, не на пять, а на много частей".

– У нас паритет, – сказала она уверенно. Четыреста человек ополчения, против четырехсот.

– Почти тысяча воинов, – отец произнёс это так, как будто подсчитывал кур.

Быстрорукая сделала вдох. И выдох.

– По нашим данным, второй отряд стоит у Долины.

– Не стоит.

– Стоит.

Воин покачал головой.

– Отряд один. Со мной девятьсот пятьдесят человек.

– А как же тот лагерь, за Бурной?

– Нет никакого лагеря. За Бурной не воины. Была задача – стоять, не пустить мятежников, показать, что отряд собирается в путь, и они её выполнили.

– Ополченцы придут. Я знаю Патлатого.

– Не надейся. Они не появятся. Они и двудушные.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

Воин смотрел в глаза.

И Быстрорукая поняла, что он не блефует.

Потеряно всё.

Заговорённый переиграл. Легко, словно тогда, в её детстве. Они играли вдвоём, в те самые игры, в той самой жизни. Нет, иногда отец поддавался, и она побеждала.

Но не сейчас.

Теперь всё серьёзно.

Что-то объяснять, взывать к справедливости не получится. Даже если она убедит, что во всём виноваты стражи, отец не отступит. "Справедливость у всех разная, закон один. Надо жить по закону".

Быстрорукой хотелось заплакать. От досады. На себя, потому что она поверила. В свой фарт, в свои силы. За людей, что поверили.

Глаза увлажнились.

Но девушка всё же сдержалась. Ведь она Быстрорукая, дочь самого Заговоренного, пусть сейчас они и по разные стороны.

И она герцогиня. Пока.

Он переживал.

Быть командиром и принимать решения – задача не из лёгких.

Это не кузня. В кузне, работая молотом, знаешь результат. Руки натренированы, каждый новый заказ стремишься выполнить лучше. Быстрее. Увереннее.

И у тебя получается лучше.

Движенья отточены, память залита в мышцы, и она не подводит. Но останавливаться на достигнутом – удел слабых. Лентяев. Любителей. Профессионалы не останавливаются.

И теперь ему поручили другую работу. Другое дело. Умений, а, может, способностей к этому делу нет. Если что-то

пойдёт не так, переделать уже не получится.

Металл можно снова расплавить, перековать, но того, кого потерял, уже не вернёшь.

Если будет сражение, будут потери, но он себе не простит. Ни одну.

Патлатый нахмурился.

Пока всё в порядке. Была бы погоня, они бы знали. Со всех сторон у отряда разведчики, застать врасплох не получится.

А ведь были опасения, что Косой их заметит. Да он, скорее всего, и заметил. Но догоняющий всегда в более уязвимом положении – тот, кто уходит, может устроить засаду.

Патлатый заметил, что думает как полководец. И снова нахмурился. Не потому что не желал быть полководцем – волею судьбы он уже командует войском, а потому что не знал, трезво ли оценивает ситуацию. Даже самые опытные полководцы, бывало, ошибались, и уводили отряд не туда.

Не ошибался только Сутулый.

И пока (пока) не ошибался Заговорённый.

А это не радовало...

– Скоро уже поворот, – старшина первой сотни докладывал донесение, – за мостом чисто.

– Всё верно, Звучный, – Патлатый кивнул, – перейдём на ту сторону. А отдохнём уже после.

Мужчина кивнул в ответ. Он тут же пошёл вперёд и начал отдавать распоряжения.

Вторая сотня шла следом, и Патлатый послал к ним гонца. Пускай не задерживаются. Если переходить, то только всем вместе, как можно скорее – оставаться разделёнными широкой рекой опасно, особенно когда часть отряда ещё на мосту.

– Стоять! – послышалось впереди.

Отряд остановился.

Звучный умел отдавать команды.

Однако кому он сказал? Таким грубым голосом не командуют. Так кричат посторонним. Тем посторонним, что появились внезапно.

В тумане смотреть непросто, особенно ночью.

Патлатый ускорил шаг.

Звучный смотрел на фонарь и как-то глупо гримасничал.

Словно хотел извиниться.

Перед ним, в двух шагах, стоял человек. В синем плаще и такого же цвета шапочке. Из-под шапочки падали волосы, которые ниже лица сливались с растрёпанной неухоженной бородой. Посох, на самом конце которого сиял большой бирюзовый камень (скорее всего, из Заводья), туман, клубящийся в темноте – всё это добавляло облику какую-то сказочную законченность.

"Древовед, – Патлатый поднял свои брови, – но как он здесь оказался?"

– Благослови, отец, – попросил он у путника, и, подойдя совсем близко, опустил на правое колено.

– Конечно, сын мой, конечно, – старец слегка прикоснул-

ся ко лбу и с придыханием произнёс, – да прибудет с тобой дух великих деревьев. Да даруют они тебе силы, чтобы преодолеть преодолимое, спокойствие, чтобы огибать огибаемое, и зрение, чтобы не спутать одно и другое.

По коже пробежали мурашки, внутри разлилось тепло.

– Куда держишь путь? – поинтересовался Пытливый, слегка прибалдевший, – время тёмное, туманное. Если хочешь, я попрошу своего человека, и он проводит тебя до селения.

Старик улыбнулся, слегка снисходительно, и отечески произнёс:

– Я хожу и тут и там, помогаю хорошим людям. Тем и живу. А в пути я давно, так давно, что даже не помню, когда и отправился. За доброту твою спасибо, но я, пожалуй, откажусь. Провожатого мне не надо.

– Как хочешь, старик, – Патлатый склонил свою голову, – твоё благословение многого стоит. Денег ты не возьмёшь, я знаю, но сзади идёт обоз, прошу, не стесняйся, отведай, что хочешь.

– Да, денег, пожалуй... возьму. Деньги, они всегда кстати. Если в кармане звенит, то и голод не страшен. С чириком мило, без чирика могила. Легче живётся, если денежка ведётся.

Кузнец чуть опешил. Не такими он представлял себе древоведов. Это стражи тянулись к деньгам. Древоведы казались такими бессеребренниками, чистыми и непорочными.

Но обижать старика нельзя.

Патлатый достал кошелек, и протянул увесистый вырик.

– Эх, чирик, конечно же, лучше, – старик чуть скривился, но денежку спрятал, – но... и на том спасибо. За добро твоё помогу тебе, воин.

– Ты знаешь, что я воин?

– А как же ж? – старик изобразил удивление, – как же ж, спрошу я вас? Как же ж не воин, коли вы кучей идёте в Длиннолесье? Ведь идёте?

– Идём, – Патлатый смутился.

– Ну. А там же ж война, – древовед запричитал, – ох, война, дело страшное. Война – это голод, болезни, ой-ой...

– Ты сказал, что сможешь, – напомнил кузнец.

– Я сказал? – древовед чуть напрягся, как будто пытаюсь припомнить, – ах да, я сказал, – продолжил он утвердительно, – Ну что же. С чириком мило...

– Без чирика могила, – закончил Патлатый. Делать нечего, обижать старика нельзя. Тем более он обещал помочь.

Мужчина вынул кусочек золота, маленький, огранённый.

– Оооо, – старик подхватил его пальцами. Он повертел монету в руке, и та вдруг пропала, – Будь осторожен, воин. В Старом Лесу водятся тени. Они стерегут твоё войско.

– Тени? – кузнец поначалу не понял, – ты хочешь сказать, засада?

– Засада не засада. Пускай будет засада... Да, засада. Пожалуй, засада, – древовед поманил Патлатого пальцем.

– Они тебя ждут, – прошептал он зловеще, когда тот при-

близился.

– Спасибо, – сказал командир.

Да, он и правда чувствовал благодарность. Древоеды не лгут, не обманывают, древоеды всегда говорят только правду. И если уж это случилось, если на тёмной равнине им случайно повстречался старик, член самого уважаемого ордена, значит, проведение на его стороне.

Он молча кивнул.

Старик поклонился.

– Удачи, добрые люди, – сказал он отряду (те загудели, как улей), – пойду, пособираю грибочки. Эх, молодежь, молодежь...

Путник шагнул в темноту.

Патлатый глядел ему вслед, и пытался понять. И не мог.

"Грибочки?? На тёмной равнине?"

Быть может, старик ненормальный? Из тронутых? Бывает же, бродят такие ночами, пока не погибнут.

Однако, возможно, всё проще. Древоед настоящий, а встреча с ним провидение, счастливое стечение обстоятельств.

Патлатый поднял свои очи.

"Спасибо тебе, Мудрый Случай, – сказал он губами, – спасибо".

– Неужели древоеды способны, – спросил подошедший Звучный, – видеть в темноте?

– Как видишь, способны, – ответил кузнец.

Темноволосая знала – пробил час.

У моста, в самом начале Старого Леса, расположился отряд.

Она на развилке.

Либо отправит ангела в Длинный и ожидает ответа, либо действует самостоятельно.

То, что это войско Заговорённого, сомнений нет. Но вот вопрос – всё ли войско? Разведчики доложили, что в лагере, стоящем у моста, порядка двадцати палаток. Судя по размерам, палатки не маленькие, там могут разместиться человек десять – двенадцать. Но не больше. Стало быть, двести-двести пятьдесят человек.

Половина войска.

Конечно, они могут напихаться в палатки, как соления в бочку. Но Заговорённый не тот человек, для него дисциплина важнее, а какая может быть дисциплина, когда тебя запихнули? Не разместили, а именно запихнули?

Значит, половина ещё не дошла.

Тем лучше.

У неё всего сотня. Сотня благословенных. На одного из сотни приходится двое. Четверо – это уже перебор. Незаметно связать четверых очень трудно, что-то пойдёт не так, и кто-то поднимет тревогу. А усыпить двоих можно в один приём, достаточно держать в каждой из рук по маске.

Усыпить и связать...

Быстроукая оказалась права. Отец разделил своё войско.
Отец.

Всё, как в те времена, когда она была девочкой. Тогда творилось что-то немыслимое, отцы убивали детей, дети отцов.
Темноволосая сжала ладони.

– Мы убрали дозорного, – сказал высокий мужчина, сказал очень тихо. Но у благословенных хороший слух, и Темноволосая слышала, – хотя что убирать – на башне только один. Костры не потухли, но люди в палатках, спят.

"Спят, но не все, – подумала женщина, – конечно, кто-то поднимет тревогу. Но к этому времени большинство будет в масках. И всё-таки, Заговорённый считает себя заговорённым. Это надо же – поставить лишь одного дозорного".

– Начинайте, – сказала она, – но... будьте осторожны, – женщина посмотрела в глаза, – Заговорённый способен на многое.

Чучело валялось внизу. Набитое палками, камнями и различным тряпьем, оно издали походило на человека. И упало, как человек, свалившийся с башни. С тем же глухим отчётливым звуком.

"Хорошо, – подумал Патлатый, – только бы не пошли проверять. Иначе придётся уйти".

Но незаметно уйти не получится, он это знал. Начнётся сражение.

И потом.

Да, большинство отойдёт. Всё-таки ночь. Но как уходить в темноте, и куда? Без обоза, палаток, без света. Хорошо, скоро день. А если не скоро?

Мужчина жевал свои губы.

Кажется, пронесло.

Теперь надежда на лучников.

Каждый лучник отряда, взятый из лучших охотников, следил за определённой палаткой. Двадцать четыре палатки, полсотни стрелков. Двумя точными выстрелами можно справиться с сотней.

Не плохо. Сотня к началу сражения.

Враг растеряется. Кто-то войдёт вовнутрь, кто-то отступит. И каждый получит своё.

Если он одолеет (самого Заговорённого!), своеволие будет забыто. Ведь он победитель.

Но Быструкая не простит. Ведь в битве погибнет не враг, не кто-то ей неизвестный – погибнут односельчане.

И пусть.

Выхода нет. Либо мы, либо они. Не Патлатый устроил засаду, и если бы не старик, в скором времени уже его односельчане лежали бы убитыми.

Всё так, всё так...

Но почему же паршиво? Не страшно, а именно так вот – паршиво. Во рту накопилась горечь.

"Кровавый молот" – возможно, так он останется в памяти.

"Еще не поздно уйти" – подумал кузнец.

Но было поздно.

К палаткам двигались тени.

И в миг, когда полетели стрелы, Патлатый увидел, что всё очень плохо.

Ведь это были не воины. И это были не люди. Во всяком случае, на большей части равнины этих существ за людей не считали...

Здесь какое-то недоразумение. Надо уйти, остановить эту бойню. Ведь они даже не знают, что двудушные с нами.

"Назад!!" – хотел прокричать командир. Но не успел. Что-то тяжёлое ударило в грудь, выбивая остатки воздуха.

– Двудушные!! – Звучный заметил, как дрогнул стрелок. Дрогнул и не попал.

Внизу творилось смятение. Кто-то входил в палатки, кто-то катился назад, кто-то бежал, пронзённый стрелой. Бежал, порази меня восп, прямо на лучников.

Ополченцы стояли, пуская стрелы. Идиоты, разве они не знали, что двудушные видят в тьме? Но, вероятно, не знали. А, может быть, растерялись. Или еще не поняли, что же случилось.

И когда эти твари, понимая, что их не увидят, влетели в валежник, началось самое страшное. Началась резня.

– Дёргай!! – скомандовал Звучный. Громко, надрывно, жертвуя в крик последние остатки своего треснувшего голоса.

Палатки сложились. Под ними, как черви в компосте, копошились тела.

И к этим упавшим палаткам неслись кузнецы, потрясая в воздухе молотом. Не все добежали, кого-то сражала стрела, кого-то массивный болт, кого-то кинжал, самый острый на свете – кинжал чёрного стрикла.

И начался пожар. В начале в двух-трёх местах, но он расширялся, и вскоре пылал целый лагерь. Материя палаток, пропитанная разлившимся маслом, вспыхнула словно солома. Те двудушные, что сумели всё-таки выбраться и не попали под молот, казались духами пламени в поисках мести. Они горели, но всё же бежали, сквозь бушующий ад, протыкая кинжалами тех, кто стоял на пути.

Звучный упал, поражённый таким кинжалом. Из горла струилась кровь.

"Будь проклят, старик-древовед, – подумал кузнец, пытаюсь заткнуть свою рану, – я встречу тебя на Острове".

Было тихо. Всё, что горело, погасло. Тот, кто стонал, замолчал.

Кто мог уползти, уполз. Остались лишь трупы.

И ветер.

"Откуда здесь ветер?" – подумал Гнусавый, сойдя с прыгуна.

– Похоже, здесь было жарко, – сказал он напарнику. И погасил свою лампу.

Ночь отступила. Ровный, пока еще бледный свет осветил сожжённое поле.

По полю бродили вороны, вечные спутники мёртвых незримых душ. Словно хозяева мира.

– Да, это отряд из Долины, – Гнусавый потрогал валявшийся молот, – и эти... двудушные.

Последнее слово он словно бы выдохнул, с презрением, скрытым, но всё же заметным.

– Согласен, – ответил напарник, – всё четко. Одни уложили других. Лоб в лоб.

Воин кивнул:

– Они ждали нас. Не мятежников... Тогда почему?

Напарник пожал плечами:

– Неисповедимы пути Обиженного.

– Ладно, – Гнусавый обтёр свои руки, – Я хотел убедиться. Ангел наверняка прилетел, Заговорённый всё знает. Ну что же... – он посмотрел на солнце, – вернулось. Пора возвращаться.

– Я, кажется, знаю, кто этот древовед.

– Да?

– Да. И мне кажется, всё могло бы быть по-другому. Допустим, они бы не встретились. Ну, ополчение и этот... недревовед. Кузнецы бы прошли через реку, расположились бы лагерем, уснули. Двудушные прокрались в палатки и поняли, что ошиблись. Извинились бы, так и так, ну... и все бы

остались живы.

– Возможно... Возможно, ты прав. Возможно, в том многообразии, где, словно в вареве, булькает бесчисленное количество миров, существует и тот, где древовед не пришёл, двудушные не напали и ополченцы остались живы. За исключением того, который на башне.

– Но почему же у нас то всё по-другому? Почему же у нас все погибли? Почему? Быстрорукая отступила, а равнина осталась за стражами?

– Почему? Да потому что вот так. Всё прекрасно только в тех самых снах, которые видят ушедшие. И потом, ты же не знаешь, что будет дальше. Возможно, всё разрешится, и к лучшему. И стражи – они не тираны, стражи – та сила, которая объединяет человечество.

Сила, которая объединяет человечество.

Заговорённый стоял у окна.

Солнце светило ярче. Народ веселился. Праздник Возвращения, самый великий праздник.

Никто никого не убил, война миновала, мятежникам объявили амнистию. Всем, кроме воинов.

Они еще не знают, что случилось на Быстрой. Не знают, что кровь пролилась. Что скоро придут обозы с теми, кто выжил. И праздник закончится. В Длиннолесье всегда близко к сердцу принимали чужое горе.

Такой здесь народ.

Хороший народ, отзывчивый.

Мужчина вздохнул.

Быстрорукая. Дочь.

Переступить через себя он не может. Девушку взяли под стражу, вместе с другими воинами. Они не выполнили приказ, поставили под угрозу жизни обычных людей. Их будут судить.

Вместе с герцогом.

Как же всё плохо. Да, он победил, но как же всё плохо. Хотел ли он этой победы?

Наверное, нет.

Он хотел по-другому. Без крови. Но... вышло как вышло.

– Острый в прихожей, – сказал конвоир.

Заговорённый кивнул. Он даже не заметил, что кто-то вошёл. Он. Не заметил. Что кто-то. Вошёл. Он, про которого говорили, что у него глаза на затылке.

– Введите, – ответил воин.

Эта встреча должна быть последней. Встреча с другом, которого он ценил, встреча с братом.

Как же они похожи...

Нет, он не простит себе то, что собирается сделать. Но сделает. Поэтому что не может. Иначе.

– Садись, – сказал он мужчине, когда тот вошёл. Как всегда, спокойный, с такой же глубокой бесконечной грустью в глазах, которая завораживала и обволакивала смотревшего.

Как же они похожи...

Острый остался стоять.

– Ты знаешь, – продолжил Заговорённый, намереваясь начать разговор.

И понял – сказать ему нечего. О чём говорить? О долге, о чести? Кому? Лучшему сотнику, который и так это знает?

Справедливость у всех своя, закон – один. Но где же ТВОЯ справедливость, Заговорённый, где же? Хотя бы раз отойди от закона и покажи свою справедливость.

– Наверное, зря это всё, – ответил Острый, после того, как молчание стало тягуче, – нам больше не о чем говорить. Ты выполнил долг, у тебя получилось. Мы проиграли. Ну что ж... Хорошо, что не было крови.

– Ошибаешься, – командир опустил свою голову, – кровь пролилась.

Острый расширил глаза. Теперь они стали похожи на два тёмных озера, не те, что в Озёрном, другие, глубокие. Озёра Заводья...

– Патлатый? – спросил он чуть тихо.

– Патлатый. Он не стоит у Долины, Патлатый разбит. Но это его вина, мы ни при чём. Похоже, и вы. Но кровь пролилась – это главное.

Острый молчал.

– Знаешь... – Заговорённый стоял отвернувшись, – Я вспомнил наш разговор. Ты же хотел уехать, в Заводье, оставить службу.

Воин ещё раз подумал.

Сейчас он сделает то, о чём будет жалеть. Но если он это не сделает, то будет жалеть ещё больше.

– Так вот, – сказал он мужчине, и повернулся, – считай, что оставил. Тогда, в Прихолмье. Находясь в Длиннолесье, ты не был воином, а, значит, будешь помилован. Приказ у меня, числа проставлены верно. Отправляйся в Заводье, как и хотел... Острый?

Мужчина молчал.

На улице слышался грохот. Это передвигалась гигантская повозка, на которой стояла самая большая марионетка на свете, с руками и ногами разной длины, изогнутым носом, глазами, смотрящими в разные стороны. Она символизировала ночь, время долгое и ненужное, как и сама кукла, противоестественное природе человека, время, которое ушло и вернётся не скоро. Кукла махала своими кривыми руками, вращала глазами и даже пускала слюни.

Безобразная, как природа человека.

"Не стремись к совершенству – стремись к компромиссу" – это слова Сутулого. Но, забери меня чёрный, если я знаю, где компромисс. Совесть, долг, честь – где у них середина, где точка, за которую нужно держаться, чтобы связать всё в пучок? Почему компромисс – всегда очень тяжёлый выбор?

– Ты арестовал свою дочь, но отпускаешь меня, – сказал бывший воин, – ты, который так любит закон, что попирает справедливость. Почему?

Заговорённому стало душно. Слова, произнесённые Острым, ранили душу.

– Уходи, – прохрипел он мужчине, – уходи, и больше не возвращайся.

ГЛАВА 9. СОБЫТИЯ

Слушайте, слушайте, люди!

Страшную вещь скажу я вам.

Прогневали мы властителей Неба и нет нам прощения!

Почему не молились за вождя своего, за сыновей и дочерей нашего владыки?

Почему отдавали семье его не самое лучшее, вкусное, тёплое? Почему оставляли себе?

Женщины, почему не бежали по первому зову, когда вождю было скучно? Почему не думали, как можно ещё ублажить господина?

Шуты и скоморохи, почему не веселили вождя? Почему он смеялся всё реже? Почему, при виде ваших серьёзных лиц, впадал он в уныние?

Что вы, люди, совсем потеряли совесть? Почему не любили детей господина? Почему эти милые дети грустили и плакали, когда должны веселиться? Почему не бежали их утешать, а утешали своих? Неужели же ваш ребёнок дороже, чем ребенок вождя?

Оо, грядёт наказание!

Небо не будет молчать.

Говорю это я, великий жрец вашего господина.

И не упрашивайте меня, не могу я помочь ничем. Уже не

могу.

Прогневаны небеса.

Вот, скучает ваш вождь и дети его скучают. А всё по вашей вине.

Поэтому слушайте новое пророчество.

Солнце погаснет, после того как небо хлопнет в ладоши.

И отменит день.

И наступит ночь, которой не будет конца.

Эх, жаль, господин пострадает. И дети его пострадают.

И я вместе с ним. А всё из-за вас. Негодяи вы, негодяи.

Будет темно и холодно.

Молитесь тогда, бездельники, исправляйте свои ошибки.

Ублажайте господина и улажайте детей его.

Хотя не простит вам Небо ваши грехи.

Скорее вернутся те, кого забрали его властители.

Но если властители неба простят и их, этих безбожных трусливых тварей, тогда нет ничего невозможного. Смиловится небо, и вернёт для вас солнце.

Двенадцатое пророчество Великого Жреца Его Прекраснейшего и Сиятельнейшего тридцать пятого воплощения Спасенного Морем, записанное братом Терпеливым во время пребывания на Острове (вольный перевод со звукожестового языка островитян)

– Хорошо сидим, – Холёный откинулся в кресле, и будто исчез. Свет, люющийся сверху, освещал только стол и от-

тенья лица сидевших. В этот момент он выхватывал лишь председателя, склонившегося над картой, его озабоченное лицо и стеклянный глаз. Казалось, сидит он один, остальные ещё не пришли. А тишина, царящая в зале, делала ощущение полным.

– Нет, правда, – Холёный нарушил полноту ощущения, – я даже знаю тему сегодняшнего заседания. Что же случилось и как с этим бороться. Всю ночь происходит что-нибудь интересное. Мы заседаем и заседаем. Как в тех "Приключениях". На город напал дракон и забирает его лучших жителей, а мудрецы в это время сидят и ожидают знамений. Всё сидят и сидят. Пока не приходит Листик.

– Так ведь Листик же спас этот город. И победил дракона, – ответил спокойный голос.

– Спас то он спас, да только спасать было некого. Всю молодёжь сожрали. Точнее, сожрал.

– Ну, сегодняшнее заседание кое-чем все-таки отличается, – председатель прокашлялся, – мы не будем так просто сидеть и обсуждать последние новости. Должна появиться гостья. Я думаю, большинство из сидящих догадываются, кто эта гостья.

Зал наполнился звуками. Вздохи, сопли, кто-то задвигался.

– Всем нам снятся тяжёлые сны. Существа Белой Россыпи беспокоятся, просят помочь. Может случиться страшное, нам надо сплотиться, и сделать всё, чтобы этому помешать, –

Хриплый сглотнул, – я имею в виду человечество. Та, которая будет здесь, обладает важной, возможно, единственной информацией. Белая Россыпь просит принять эту женщину и внимательно выслушать. Мы все понимаем, в чём дело. Уже понимаем. И должны забыть разногласия. В том числе с горожанами.

– Если позволите, – свет, что падал на стол, осветил лицо слева. Как всегда, спокойное и расслабленное, – я вкратце обрисую происходящее, чтобы ещё раз освежить причинно-следственные связи. Тем более, что теперь всё, что случилось, предстаёт немного иным.

– Да что там немного, – добавил Холёный.

Средний кивнул:

– Так вот. Как мы знаем, последняя ночь оказалась богата на новости. До сих пор мы считали, что это случайность. А может, и не считали. Всё-таки сидящие за столом – люди достаточно умные, и мыслят, конечно же, правильно, но связь мы не видели. Итак... – Средний выдержал паузу, – давайте вспомним, что было. Горожане едут на Остров, перед этим приходят в Орден, забирают трёх сопричастных, и уезжают. В результате находят дневник. Посещают Магнитную Гору, беседуют с Богом, что-то с ним делают, и возвращаются. Тут всё понятно. Точнее, нет, не понятно, вопросов тут много, но пока нас волнует один – а что же нужно самим горожанам, ведь они же могли спокойно сделать всё сами, без нас. Посетить Остров, Бога...

– Дневник, – подсказал кто-то справа.

– Дневник... Я тоже так думаю. Горожане хотели, чтобы все, кто живёт на равнине, узнали, что же случилось на Острове. Почему? Чтобы просить о милости, чтобы всё человечество, в едином порыве, хотело вернуться. А поскольку сам Орден горожане считают чем-то вроде теневого правительства...

– Правильно считают, – ответил Холёный, – деньги решают всё, а большинство самых влиятельных торговцев входят в число сопричастных.

– Не могли же они обратиться к стражами, – человек с голосом, выдуваемым через кузнечные меха, развеселился от этой мысли, – те бы послали их к шкодникам. Остров, какой еще остров?

– Да, – Холёный казался серьёзным, – Шестой негибкий и очень недалёковидный политик. Он мог бы зажать долгоносику яйца, чтобы поймать.

– Оставим все эти домыслы, – перебил его Хриплый, – Нам надо думать о том, что случилось, а не рассказывать домыслы.

– Тем более, что у долгоносиков нет яиц, – дополнил тихий задумчивый голос.

– Тем более, – председатель не оценил сказанной шутки, – продолжайте, – обратился он к Среднему.

– Хорошо, – тот, как всегда, помолчал, словно прислушался, все ли внимательно слушают, – горожане не подума-

ли, что наличие дневника может подорвать самое главное – единство народа. Единство, сохраняемое веками и освещенное Белой Россыпью... Ещё, – Средний выдержал паузу, – происходили другие события. Людям открылся народ, называющий себя пестрокрылыми. С календарём начало что-то твориться. Всё это, вместе с Островом, дневником и походом к Создателю (который, как выясняется, кое-чем всё-таки завершился), имеет один знаменатель. Имя знаменателю – эксперимент. И совершенно не случайно, что всё произошло в одно и то же время. Информация, которая склеила всё воедино, была получена через того самого человека, которого мы ожидаем. Итак... Некие существа, давайте будем их называть “злые гении”, собираются провести эксперимент. Эксперимент запланирован на определённое время, к которому заканчивается некая архивация. Создатель этого мира, или, может быть, существо, что находится где-то там, за его пределами, пытается помешать. Для этого вводит кусочек другого мира (“ничего себе кусочек” – хмыкнул Холёный), чем, возможно, хочет ошеломить... Хотя его действия кажутся странными. Если это Создатель, он может сорвать любые нежелательные действия своих же созданий. Вот почему я до сих пор сомневаюсь, Создатель ли это. Дальше. Этот Создатель, а может быть, Несоздатель общается с неким народом, так называемыми пестрокрылыми, и передает информацию, что миру угрожает опасность. Неполную. Но называет время угрозы и обещает проснуться, когда это

время придёт. После чего засыпает. И вот, время настало. Создатель должен проснуться. Эксперимент должен начаться. Пестрокрылые, следуя своему пророчеству, открываются людям. Злые гении проверяют готовность к проведению эксперимента и временно гасят солнце. Потом зажигают. Всё готово, считают они, нужно убрать Создателя. И делают это, надо сказать, весьма элегантно. Руками ничего не подозревающих горожан. Скорее всего, не подозревающих. Вот вкратце, что же случилось. Ситуация очень тяжёлая. Мы под угрозой. Под угрозой и Белая Россыпь.

– Под угрозой будущее всего этого мира, – дополнил Холёный.

В Зале молчали.

– И в центре этих событий она, – сказал чей-то голос.

– Она убила Церпеливого, – человек с озерным акцентом сказал это сухо, почти угрожающе.

– Она защищалась, – возразил председатель, – теперь у неё артефакт. Благодаря чему мы и узнали всю эту информацию. А владеть артефактом может только достойный человек.

– Есть и другое мнение, – вмешался Холёный, – владение артефактом делает человека достойным.

– Как бы там ни было, артефакт у Любящей, – Хриплый впервые назвал гостью по имени, – а значит, она держит связь с Белой Россыпью, и, можно сказать, сопричастная.

– Да, – согласился Средний, – прошлое это прошлое. Те-

перь мы должны бороться за будущее. Наше и Россыпи.

– "Наше и Россыпи". Какие слова, – Холёный зевнул, – однако гостя задерживается.

– Нуу... путь не близкий, – Хриплый привык к сарказмам самого язвительного члена Узкого Круга, и относился довольно спокойно.

– Спрашивается, почему МЫ должны её ждать?

– Потому что ситуация серьёзная. Излишняя гордыня тут не уместна.

– Почему же тогда мы ждём её в Круге? Почему не в харчевне? – не унимался Холёный.

– Таковы правила.

– Почему у долгоносика нет яиц?

– Потому что кто-то их оторвал, – ответил голос, похожий на кузнечные меха, – и этот кто-то схватил удачу за яйца.

– Воот, – улыбнулся Холёный. Улыбку заметили, хотя и не видели, – воот. Значит, ждём...

О чём думал каждый сидящий, пока ожидал горожанку, знают лишь стены. "Стены читают мысли" – так отвечали восемь седых мудрецов, когда Листик, ожидая их взвешенного, рассмотренного со всевозможных сторон и такого необходимого решения, спросил, есть ли у тех секретарь. Ну у Стратега же есть, он ведет запись всех заседаний, чтобы ни одно мнение, ни один значимый или незначимый вопрос не исчез. "Зачем?" – спросили в ответ мудрецы, – стены же слышат. И не только слова. Стены читают мысли".

Но если какие-то мысли и посещали сидящих, то скоро они оборвались.

Камень, ведущий в длинное тёмное помещение, в котором когда-то заснул Невинный, ушёл, обнажая проём. В проёме возник сопричастный, а за ним, укатанная синим дорожным плащом, вошла женщина. Та самая, которую ждали, на которую надеялись, причём не только в Ордене, но которая до сих пор олицетворяла нечто враждебное и противное его сути.

– Добрый день, – сказала она, садясь в кресло, любезно предложенное Холёным, – мы были врагами. Теперь мы друзья. Я хочу, чтобы это знал каждый. Мы служим одной единственной цели, у нас одни и те же наставники.

– Мы – братья по оружию, – добавил Холёный, стоявший по правую руку.

– Да, – сказал председатель, сверкнув искусственным глазом, – тот, кто владеет артефактом, не может не быть сопричастным. На данный момент угроза одна. И любой здравомыслящий знает, что надо сплотиться.

– Эта угроза – эксперимент, – ответила Любящая, внося предельную ясность в происходящее.

– Вы правы, – Среднему нравилось, как говорила пришедшая, – давайте сразу же перейдём к предложениям. Мы открыты любым обсуждениям любых вариантов действий.

– Я не вижу иных вариантов, – ответила женщина, – кроме как уничтожить хранителей. Даже если мы и испортим те

инструменты, которыми эти хранители действуют, нет никакой гарантии, что не появятся новые. Скорее всего, появятся. Только на этот раз они примут все возможные меры, чтобы им не мешали. Полное уничтожение – единственная гарантия, что эксперимент будет сорван.

Она помолчала, давая осмыслить сказанное.

– Хорошо, – сказал председатель, – мы Вас понимаем. Теперь я прошу сказать каждого, поддерживает ли он предложение или нет. И объяснить возражения. Если таковые имеются. Лично я отвечаю – поддерживаю.

– Поддерживаю, – Средний кивнул.

– Поддерживаю.

– Поддерживаю.

– Поддерживаю.

– Поцерживаю, – сказал человек с озёрным акцентом. Видно было, с каким трудом он заставил себя это выдать.

– Не знаю, – Холёный задумался, – как быстро мы что-то решили. Я в шоке. И вроде всё правильно – физическое уничтожение, единственная гарантия... Но так топорно мы не работали.

– Времена изменились, – ответила женщина.

И Холёный вдруг понял, насколько всё изменилось. Когда он встречал говорившую раньше, его поражала её удивительная способность постоянно и везде улыбаться, улыбаться по-разному, и всегда очень кстати. Сама элегантность, умение зацепиться и поддержать любой разговор, лёгкость в обще-

нии.

Но теперь это была прямота, помноженная на почти полную безэмоциональность.

Да уж, действительно, времена изменились.

– Поддерживаю, – мужчина сказал это так, будто бы плыл по течению. Одно у этой загадочной женщины оставалось нетронутым – умение направлять.

– Хорошо, – председатель нахмурился. Теперь он не первый

– Сделать это непросто, – Любящая, казалось, не замечала смущения Хриплого, – всё, что имеем – человек внутри Лабиринта – пещеры, в которой сидят эти твари, помощник хранителей, которого они считают своим, и который работает на нас. Он может помочь пронести что-то мелкое, но тонну взрывчатки... нет, невозможно. Пещера огромна. Взрыв должен быть колоссальным. От этого взрыва почти наверняка пострадает и город. Возможно, не сильно. Но, опять же, тонну взрывчатки пронести невозможно.

Наступило молчание.

– Есть ли какой-нибудь газ, который для них губителен? Если эти существа живут в пещере, у них должна быть система обновления воздуха. А значит, мы можем его отравить, и яд проникнет повсюду, – предложил тихий вкрадчивый голос.

– Я спрошу своего человека.

– Нужно действовать грамотно, – сказал председатель, –

возможно, нам могут помочь...

– Пестрокрылые, – подсказала Любящая.

– Вот. Они до сих пор туда вхожи?

– Думаю, да, – женщина произнесла это медленно, – я не знаю, понимают ли они, что происходит. Во всяком случае, поговорить мы сумеем. Теперь уже да – после того, как они нам открылись.

– Давайте голосовать, – предложил председатель.

– Приятно, что нет разногласий, – добавил после того, как последний из Круга сказал, что поддерживает. Добавил уныло.

– Сегодня всем здесь сидящим приснятся сны, – подытожила Любящая, положив ладонь на свою потеряшку, – не забывайте, что с нами Белая Россыпь, а для них это важно не меньше.

– А может быть, даже и больше, – добавил Холёный.

– Знакомьтесь – Танги, – Рубо завис над железкой, похожей на острокрыла, который немного расправил крылья.

Крылья вспыхнули по краям, и сходство стало наглядным.

– Танги – хороший техник. Быстрый, почти как я. Но у Танги есть предназначение, а у меня его нет, – зелёные огоньки на поверхности Рубо вспыхнули более ярко, – он перевозит других. Это Танги доставил Вшино, когда у того случилась беда. Вшино дёргался, и мог совсем себя доломать. Танги схватил его манипулятором, закинул в кабину и повёз

в ремонтный ангар. А там уже Грубби. Грубби – хороший техник.

– Наверное, это прекрасно – знать своё предназначение, – съязвила Первая. Ей нравилось наблюдать, как Рубо волновался, и при этом крутился. Волчком.

Но если бы девушка знала, что техник при этом испытывал, она бы, конечно, молчала.

"Она бы молчала" – подумал Рубо. И заиграл огоньками.

– Танги вот только приехал, – продолжил он объяснения, – Путь был не близкий.

– Он что же, копался у нас в головах? Как ты?

Рубо вновь замигал огоньками, на этот раз синими, и будто бы мелко затрясся. "Смеётся, – подумала девушка, – понравилась шутка. Железка, а какой собеседник."

Она посмотрела на Мутного.

– Нет, Танги это не надо, – техник казался довольным, – он доставит вас к месту. И всё. Это я копался, выискивая ваши глаголы и междометия. Чтобы понять.

– Но ты же читаешь мысли, – сказала Первая, словно вычитывала, – иногда и интимные. Это тебе зачем?

– Это? – Рубо задумался, – чтобы понять...

– Чтобы понять, – подразнила девушка, – скажи-ка мне лучше, о чём это думает Мутный? – спросила она чуть по тише. Делая вид, будто надеется, что парень её не услышал, но понимая, что это не так.

Ей всё время хотелось достать, зацепить этого скрытно-

го, до сих пор непонятного человека. Чтобы встряхнуть, пустить кровь, расцарапать. Конечно, не прямо. Образно.

Их отношения уже не спасти. Может быть, это приключение, такое опасное и туманное, будет последним.

“Последним”. Какое ужасное слово.

– Я не могу, – ответил ей Рубо, – я не могу вот так вот взять и залезть в его мысли.

– Ну ты же лазил.

– То – немного другое. То было нужно, чтобы войти в контакт. Я изучал вашу речь, ваш образ мыслей. Я проводил параллели между тем, что сказали и тем, что подумали.

– Ага, – девушка фыркнула, – значит, для какой-то глубинной задачи со всякими там параллелями лазить, копать в мозгах – хорошо, а ради простой человеческой просьбы ни-ни? Совесть не позволяет?

– Совесть, – задумался техник, – а что это – совесть? У техников кодекс, а совесть... Нельзя, – сказал он, подумав, – это как подглядывать за Нану, когда он смазывает свои шестерёнки. Некрасиво. Другое дело, если ему это нужно и если он сам об этом попросит.

– Ты, значит, подглядывал? – спросила девушка. Грозно нахмутив брови.

Техник замялся. Огоньки засверкали чуть ярче, и тело стало крутиться.

Первая улыбнулась. Рубо такой открытый, такой непосредственный, его всё время охота задеть. И наблюдать за

реакцией.

Похоже, она нащупала ещё одну точку, нажав на которую, можно заставив Рубо вертеться. "У тебя слишком колючий язык, – говорила ей бабушка, – держи во рту и лишний раз не высовывай". "Эх, бабушка, бабушка, я, верно, останусь такой, какая я есть" – подумала девушка.

– Ты говоришь аналогиями. Мне это нравится, – Перекинув дорожную сумку, Первая улеглась на большое вогнутое сиденье, напоминавшее полумесяц. Тот самый, что видела на одежде, – я тоже люблю аналогии. Есть тут у нас такие пестрокрылые, существа очень робкие, но любознательные. Так вот. Показал мне один свою руку, трёхпалую, и поинтересовался, зачем это нам лишние пальцы. Тогда я тоже стала искать аналогию, увидела саммаку, это у них что-то вроде питомцев, и спросила, зачем саммакам лишние лапы. Ведь достаточно четырёх? Так? – она посмотрела на Рубо, у которого лап не было вообще, и прикусила губу.

"В конце концов, хоть этим то я его не задела?" – подумала девушка.

Но тут же переключила внимание.

Прозрачный верх, словно спустившись с неба, закрылся, и Танги медленно оторвался от грунта.

А потом полетел – быстрее, быстрее, заставляя вжиматься в сиденье, которое слегка подавалось назад и обволакивало, как плащеносец своими крыльями.

"Лечу. Лечу!" – подумала девушка, понимая, что она это

делает не первый раз в жизни. И не второй, и не третий.

Дыхание перехватило, пускай даже ветер не дул в лицо. Но, как и в первый, и во второй, и в третий раз в жизни, это было прекрасно.

А Мутный...

Она посмотрела налево.

Мутный казался спокойным. И равнодушным. Почти.

"Это тот случай, – подумала девушка, – когда изделие из металла более восприимчиво, чем человек".

Она вдруг представила Рубо, как тот летит, закручиваясь в потоках воздуха, летит, словно ангел после разлуки.

Ангел...

Первая вспомнила Ходкого.

И сразу взгрустнула.

Быть может, и Мутный – постоянно вспоминает о чём-то, потому невесёлый. Могла ли она заменить ему то, о чём вспоминает? Или о ком?

Девушка фыркнула.

– Ты не боишься? – спросила она, – мы вот летим неизвестно куда, неизвестно зачем.

– С тобой – нет, – ответил, немного подумав, парень. Ответил искренне.

И её окатило. Какой-то смесью жалости и недоумения. "Бог мой Обиженный, – подумала девушка, – неужели он ничего не понимает?"

Или понимает? Но делает вид, что ничего не случилось?

Так много людей, все мысли которых – открытая книга. Почему же её то сподобило взять в женихи столь непонятно-го человека?

Нет, правда. Пестрокрылых понять было проще.

Они поднялись уже высоко.

Танги молчал.

Возможно, техник не мог залезать в чьи-то мысли, как Рубо, и не мог отыскать ключ к общению. Он чем-то похож на чёрного ангела – повозка, которая летит. Но если ангел – всего лишь повозка, то Танги – живой. Ведь Рубо живой. Ведь Рубо такой восприимчивый...

– Как дела, Танги? – спросила она, надеясь, что техник ответит. Всё-таки ощущать, что за тебя отвечает кто-то живой приятнее, чем быть во власти бездушного механизма.

Но Танги молчал.

Девушка посмотрела направо.

Они летели.

Всё внизу было маленькое, двигалось медленно, но они определенно летели, она это чувствовала.

Да, всё было маленькое.

И только горы оставались большими. Что внизу, на земле, что в полёте.

Великаны, они огромны с любого расстояния, с любой высоты. Даже в предгорьях они далеко.

В "Приключениях" тоже есть горы. И девушка, читая о виде, захватывающем дух, примерно так и представляла –

ну, вид, захватывающий дух. Что это такое, она не знала.

А теперь знает.

Когда несёшься на эту громаду, думая, что скоро воткнёшься, рассыпешься в прах, а она отдаляется. И ты мельчаешь, мельчаешь. И понимаешь, что нет, не разобьёшься, а измельчаешь так, что исчезнешь. Вконец. Превратишься в какое-то мелкое пятнышко.

Все проблемы куда-то уходят.

Вот что значит – захватывать дух...

Но на горы они не неслись. Горы остались справа.

"Странно, – подумала Первая, – мы должны приближаться к предгорьям, а не лететь вдоль холмов. Очень странно. Ведь паучки же в предгорьях".

– Куда мы летим? – спросила она, скорее себя. Зная, что Танги не скажет.

И тот не сказал.

– Не знаю, – ответил Мутный, – к твоим паучкам?

– К паучкам?

– Ну да.

– Они же в горах.

– В горах? Наверно.

– Но мы то летим не туда.

– Не туда?

– Не туда, – проводница вздохнула.

Быть может, Рубо ошибся? Хотя он сказал, что всё знает, излазил все входы и выходы.

Довериться Рубо, и точка.

Девушка опустила в сиденье. Покатое, скорее лежанка, здесь можно заснуть.

Но она не успела.

– Снижаемся, – Мутный сказал это так, как будто снижался всю жизнь, сотни и тысячи раз.

Первая посмотрела наружу.

Земля становилась всё ближе. Справа виднелись холмы, сзади остался Лес. Слева как будто бы море. А, может быть, озеро? Нет, озёра с такой изрезанной линией только в Озёрном, но летели они не туда. Значит, море. Залив.

Заводье.

Только в Заводье море подходит к холмам, вплотную. Заводье – место красивое, не похожее на остальную равнину. Оно изрезано устьями рек, заливами, скалами. Водопады, ущелья – всё это чарует и завораживает. До сих пор она видала Заводье лишь по картинкам, слышала по рассказам, в основном рудокопов, живших в селении и возвращавшихся с заработков.

Но где Заводье, а где паучки?

Зачем же они снижаются?

Танги не приземлился. Пролетев очень низко, почти у земли (только так можно было почувствовать скорость), техник завис над заливом. А потом, спустившись к воде, начал скользить над поверхностью. Медленно, словно боясь намочиться.

Вскоре, всё так же медленно, Танги влетел в пещеру. Точнее, вплыл, так тихо и плавно он это сделал.

Это была река, что впадала в залив. Да, река. Глубокая и широкая, она текла под землёй.

Стало темно.

– Я пока полечу очень медленно, – раздался вдруг голос, – пока. Потом станет светло, и я увеличу скорость.

Темноту пронзил луч, яркий и мощный, он осветил тёмную водную бездну, спокойную и этим зловещую. Путники не видели ни свода, ни стен, настолько огромен был грот, который их поглотил. В кабине зажёгся свет, только слабый.

– Танги, ты говоришь? – удивилась девушка, – что же ты раньше молчал?

– Я знаю лишь то, что вложил в меня Рубо.

– Так что же ты раньше молчал? Ведь я тебя спрашивала?

– Я не знал, что сказать.

– Ты не знаешь, как наши дела, и не знаешь, куда мы летим?

– Да. Рубо дал мне маршрут, но не назвал его точки.

– А дела ... ладно, можешь не отвечать. Я бы не знала, – девушка посмотрела налево и ... промолчала. Мутный уснул.

– Вы разные с Рубо, – сказала она повозке, – тот щебечет, к месту, не к месту, а ты молчаливый.

– Раньше и я щебетал, – ответил ей техник, – ещё при ушедших. Но им не понравилось. Я что-нибудь говорил, а ушедшие... как это будет по-вашему? Наверное, раздражали

свои рецепторы, слишком много и долго, во время работы. И хотели сидеть в тишине. Поэтому мне велели молчать, и отвечать только то, в чём уверен.

– Строгие эти ушедшие, – заметила Первая. Она посмотрела вперёд – почти перед самым носом из воды что-то выплыло. Что-то большое и тёмное. И опять погрузилось.

"Откуда течет река? – подумала девушка, – из пещеры хранителей? А может, из мира, в котором они живут?"

Это было третье, нет, пожалуй, четвертое приключение, если считать ту поездку, в которой ей встретился Мутный. Самое опасное и непонятное. С чем предстоит столкнуться? Куда пойти? Что отыскать?

Проедут туда-обратно.

Если им повезёт. Не повезёт – так только в один конец.

Ненормальные.

Это она ненормальная. Мутный – тот увязался. То ли потому, что ему всё равно, возможно, ему и правда всё равно, он человек особенный, а может, он не хотел её оставлять. Одну. Но отговорить не попробовал. Попробовал бы, так может, и остались бы они на Посту. Рубо нашёл бы других.

Девушка фыркнула.

И затаилась на дне лежанки, что так подходила каким-то ушедшим, но была великовата для человека. Для маленького пугливого человечка.

Лететь над поверхностью подземной реки, черные глубины которой время от времени оживают – приключение, ска-

жем так, щекотливое. И это только начало...

Долго ли им так лететь, скользя над пучиной?

– Как долго, – сказала вслух девушка. Или спросила? Кого? Молчаливого Танги?

И тут же увидела свет.

Луч фонаря терялся в пещере, казалось, она его пожирала. А тут как будто взяла и выплюнула, назад.

Танги прибавил ход. Первая это не видела – чувствовала. Она просто вдавилась в сиденье.

Свет становился ярче, техник летел всё быстрее.

Наконец они очутились в пещере, ещё более широкой, чем та, из которой вышли. Высокие своды светились. Как своды в том подземелье, где находился город. И паучки.

Девушка пригляделась.

Звёзды горели высоко, но всё же не так высоко, как в городе. Она поняла, что это светятся камни, те самые блестящие камни, которые добывают в Заводе. Но здесь они были просто огромны, да и рассыпаны так, что каждый метр потолка равнялся целому состоянию.

– Вот бы сюда рудокопов. Они бы обогатились, – Первая была очарована. Как настоящая проводница, она думала о деньгах. Но как настоящая девушка, она сказала то, что только пришло ей в голову. "Ты вначале подумай, – учила когда-то бабушка, – после подумай, о том ли подумала. И только потом говори".

– Что бы они, залезли на потолок? – ответил вдруг Мут-

ный, – и выбивали кирками камни?

"Зараза, – подумала девушка, – мог бы и промолчать".

– Ты поспал? – спросила она с издёвкой.

– Я просто закрыл глаза. Глядеть было не на что.

– Зря. Там шевелились,

Мутный молчал.

Танги молчал.

"Как с вами скучно, ребята" – подумала девушка.

Но техник уже летел. Не просто скользил, а летел, со свистом, словно стрела, что проносится рядом. И так же пугал. Казалось, немного, и они налетят на стены.

Камни превратились в линии, несущиеся над головой, и это напомнило небо, горящее в межсезонье.

У девушки захватило дыхание.

– Вот это да, – сказала она невольно. Причём последнее слово почти пропищала.

– Да, направление правильное, – ответил ей техник, считая, что это вопрос.

– Куда мы летим?

Он промолчал, очевидно, не зная ответа. "Направление знает, а пункт назначения – нет" – подумала Первая, вжимаясь в сиденье.

– Странно, – Мутный как будто ожил, – мы летим под горами. Здесь же должно быть холодно, или жарко. Не как на поверхности. Но дискомфорта не чувствуешь.

– Ты прав. Это странно. Всё, что с нами сейчас происхо-

дит, странно. Да и не только сейчас.

– Может, мы избранные?

– Нет, это вряд ли. Избранными называют себя хранители. Паучки. С палочками.

– Возможно, это наше последнее путешествие. Давай хоть теперь не саммачиться.

"О Обиженный, это он говорит не саммачиться? Хочет нежности, чуткости, понимания? Он, который на праздник Возвращения собирался стоять на башне??"

– Хорошо, – ответила девушка, и удивилась, насколько спокойно она говорила, – давай не саммачиться...

Пещера расширилась. Стала выше.

Первая заметила, что давление тела ослабло.

И подалась чуть вперед.

Это происходило мягко и постепенно. Звезды опять стали звездами. Река вернула свою безмятежность.

Техник почти завис, но потом, развернувшись направо, влетел в просторную нишу. Точнее, грот. Вход начинался рядом, в метре от берега.

Купол над Танги исчез, и они ощутили тепло. Влажное и немного удушливое.

– А я-то брала одежду теплее. Думала холодно, – девушка вспомнила, как чуть не замёрзла в предгорьях.

– Смотри, – Мутный кивнул наружу, – река вытекает из моря.

Первая пригляделась.

Действительно.

Течение было медленным, но уверенным. Хотя, что значит медленным? Река была шире, чем Бурная в месте излучины, а текла так же быстро. И текла в сторону гор.

– Не может быть. «Мы ниже уровня моря», — прошептала она восхищённо. И с трепетом, граничащем с паникой, добавила, – мы в сердце гор. Понимаешь?

Мутный кивнул. Всё такой же спокойный и скучный.

Только теперь это спокойствие было кстати.

Девушка захотела прижаться, всем телом, как когда-то, когда они возвращались с Прихолмья, с той самой харчевни, в то самое время.

– Привет! – закричал звонкий голос, и своды его повторили: "Приве... ве... ве... ве... ве..."

– Рубо! – воскликнула девушка.

"Бо... бо... бо... бо... бо..."

Техник влетел, словно мяч, и она протянула руки.

Но не поймала.

– Мы вроде на месте, – проводник замигал огоньками, – Танги, ты сделал свою работу, теперь возвращайся. Как только вернёмся, я позову... Если вернёмся.

По коже пробежали мурашки.

– Спасибо, – сказала девушка, – ты, Рубо, вселяешь надежду.

– Спасибо, – Фиалка смотрела на боцмана. Этот взгляд,

скользящий и в то же время глубокий...

– Нет, правда, – добавила рулевая. Теперь уже бывшая, думал Бобо. У города Надежды нет ни идеи, ни будущего, ни направления плыть, это никакой не корабль, это корыто, которое быстро потонет, если начнется шторм, – Молот наверняка сказал обо всём.

– Я знал обо всём, – поправил боцман, – Я обо всём этом знал. И о том, что отдают заключённых – об этом догадывались многие, в первую очередь сами заключённые, и о том, кто за этим стоит.

– Вот как, – женщина вскинула бровь, – тогда тем более спасибо. Последние годы я слегка отошла от реальности, а город живёт...

– Ну что ты, не стоит, – мужчина ответил низко, густым хриплым басом, – я понимал, что это необходимо. Теперь всё изменилось. Этим тварям нужны наши жизни, наши тела, и всё. Город Надежды – загон.

Фиалка кивнула:

– Я тоже об этом думала. Хранители нас обманули. И больше всех виновата я. Если бы я догадалась, то мы бы жили. Как раньше.

Гостья казалась спокойной и в то же время натянутой. Как струна.

Натянутой, а не сорванной.

Мужчина прищурился:

– Знаешь, Фиалка, я тебя не виню. Хотя есть, наверное, те,

кто скажет иначе. С другой стороны, многие даже довольны, что эта идея с переселением всё. Пуфф, – боцман раскрыл свою руку. И внимательно посмотрел на сидящую. Та не прореагировала ни одной своей чёрточкой, – теперь мы ничего и никому не должны. Теперь мы вольны в своих планах.

Гостья взяла бокал, который был полон, и, подумав, вернула обратно.

– Ты, надеюсь, понимаешь, что надо уходить? Ты теперь капитан, и вот я к тебе обращаюсь, как к представителю власти, здесь и сейчас – понимаешь ли ты, что надо уйти?

Вот такая она теперь, бескомпромиссная. Боцман прищурился. Не зверь, загнанный в угол, потерявший всё и потому напористый. Тогда бы он это понял. Во всём – в том, как гостья вела разговор, в том, как держалась, проглядывала мягкость хищника, когда он движется плавно и внешне расслабленно, но в то же время прицельно. Когда он завораживает и настораживает одновременно.

Опять эта двойственность...

Мужчина пытался придать своему лицу как можно более серьёзное выражение.

– Понимаю, – сказал он, подумав, – согласен. Горожанам нужно уйти.

Гостья вздохнула. С большим облегчением.

Да, это не истерика, как можно было бы ожидать, ведь она потеряла всё. Это что-то другое.

– Ты всегда была целеустремлённой, Фиалка. Как сосуд,

который должен быть полон. И ты не кажешься сломленной, – боцман говорил вкрадчиво, с пониманием, стараясь вложить в свою речь как можно больше эмпатии.

– А ты как всегда проницателен, – ответила гостья. И улыбнулась. Теперь она стала похожа на ту рулевую, которая могла вдохновить одним лишь присутствием, – мы живём в интересное время. Над нами нависла угроза, и эта угроза немаленькая. Причем не только над городом. Понимаешь?

– Конечно. Эксперимент не секрет.

– Поэтому надо уходить.

– Я согласен... Куда?

– А разве у нас есть выбор?

– Ну... На равнину так на равнину, – хозяин достал свою трубку.

Да, это сложная вещь – эвакуировать город. Быстро дела не делаются, а такие дела и подавно. Город строили долго, дом за домом, кирпичик за кирпичиком, в течение пары столетий. Нажили такое количество добра, или хлама – тут уж с какой стороны посмотреть, и это добро надо девать. Куда-то. Где-то надо жить, и надо жить хорошо. Всё это хорошее надо выстроить. А Горожане ведь нежные, привыкли к удобствам. Из золотого загона они не уйдут.

– Нужны деньги, – боцман насыпал чадилок и стал утрамбовывать, – много денег. И не какие-нибудь бумажные, городские, а звонкие. Нужны монеты.

Гостья взялась за бокал и поставила на колено.

– Деньги не проблема, – сказала она, чуть подумав, – деньги есть и эти деньги уже работают. Требуется только согласие. Сам понимаешь, здесь я никто и ничего не решаю...

– Спасибо, Фиалка. Я понял, – хозяин зажёл свою трубку и начал её раздувать. “Такая она, – думал боцман, – Всегда впереди, на острие этой жизни. Вот только не всё у неё получается”

– Спасибо, бобо, – гостя взяла бокал.

И снова вернула обратно.

– Ну, знаете, это уже не Круг, это проходной двор, – человек с голосом, похожим на кузнечные меха, затрясся. В мехах появилась дырка, и через дырку свистело.

– Ну да, вначале позвали женщину, – ответил как всегда рассудительный голос, – я, конечно, не спорю, это для дела. Но как же устав? В уставе же чётко записано, что любой посещающий Круг должен пройти обряд, стать сопричастным.

Зал наполнили звуки. Звуки были разнообразные – кто-то кряхтел, кто-то кашлял, кто-то вздыхал.

– Хорошо, наплевали на устав, – продолжал говорить тот же голос, – но она то хотя бы человек.

– Она человек. И вы человек. И я. И все тут присутствующие, – ответил Холёный, – ну хорошо, собрат мой собрат, допустим, Вы правы. Что бы Вы сказали, если бы здесь появились Они? Существа того мира, на который мы все, здесь присутствующие, хотим быть похожи? – из темноты выплыл

палец и ткнул прямо в карту, – Вы бы их тоже прогнали? А может быть, нет?.. Но почему? "В уставе же чётко записано" – мужчина сказал это голосом только что говорившего.

– Да, – Хриплый подался вперед. Лампа, подвешенная над столом, осветила всё в том же порядке – вначале глаз, стеклянный и мертвый, после лицо, – Холёный прав. И мне приятно, что в этот раз мы думаем одинаково.

– Взаимно, – ответил мужчина.

– Всё было сказано верно, – продолжил Хриплый, и, уже более сухо, добавил, – мне непонятно, чего боится Совет – нарушения устава или разрушения мира?

– Ой, ну давайте не будем, – сказали "меха", словно отмахиваясь от назойливой мошки, – вот обязательно надо схватить, а если схватить, так за яйца. Мы все и всё понимаем. И вы прекрасно знаете, уважаемый председатель, что именно имел я в виду.

– Я знаю, – ответил тот, – вы имели в виду, что встретиться можно не здесь. Верхний посёлок велик, и, мест, где можно беседовать, масса... Но вы опять забываете Белую Россыпь. Встретиться в Башне не наше решение, точнее, наше, но не совсем, – Хриплый понизил голос, – здесь сами стены...

– Слышат, – "меха" рассмеялись. Казалось, прибором налетел на скалу и рассыпался брызгами.

– Да, – председатель сказал это громко, – слышат.

"Меха" успокоились:

– Ладно, Обиженный с ним, с уставом. . .

– Устав надо менять, – ответили справа, – время такое, что каждый, кто может помочь, должен стать сопричастным.

– Мы об этом подумали, – сидящий слева всегда был спокоен и максимально сосредоточен. Именно в эти худые и цепкие руки тянулись нити из разных селений равнины. Дёргая за одни, можно было узнать последние новости, дёргая за другие – эти новости создавать.

Среднего считали главой, именно Ордена, не Совета. Формально главы у Ордена не было, был Узкий Круг сопричастных, в котором решались проблемы. Председатель этого Круга ничего не решал, председатель вёл заседание. Впрочем, Средний тоже решал немного, но он был главным исполнителем и главным проводником тех существ Белой Россыпи, которые должны быть примером для человечества.

– А вот и он, – сказал председатель, когда в глубинах тёмного зала послышался шум, и за Холёным возник огонёк.

Огонёк приближался, и сидящие разглядели лицо.

Им показалось, что в зал влетел плащеносец. Влетел и медленно, очень медленно стал приближаться к сидящим.

Впрочем, вскоре они увидели, что существо не летело – вошедший шагал, как человек, на двух длинных лапах. Тело укрывал широкий и толстый плащ, который, казалось, вращался прямо в кожу.

Сам плащ был достаточно ярко раскрашен, но это стало заметно только тогда, когда существо подошло. Синий, крас-

ный, зеленый, фиолетовый – фонарь выхватывал самые разнообразные оттенки.

Впечатление было такое, что собравшиеся сидят не в Верхнем, а в самом центре равнины, на главной площади Жёлтой Оси, самой шумной на междуреченском рынке, и наблюдают, как люди, приехавшие на маскарад, примеряют маски животных – саммак, шептунов, и, вот, наконец, плащеносцев.

Но впечатление было не полным. Маскарад – это солнце, это веселье, это шумная и бойкая торговля, это время, когда монеты летят будто брызги, и, словно вода сквозь песок, утекают в карманы. Маскарад – не глухой тёмный зал, единственный вход в который вызывает трепет у большинства сопричастных. Это не Башня.

Холёный встал, и, по своей привычке заботиться о каждом пришедшем, предложил гостю сесть.

– Не надо, – ответил тот, да так, что сидящие вздрогнули. И снова подумали про маскарад – настолько по-человечески звучал этот голос.

Сопровождавший пестрокрылого сопричастный поставил фонарь на стол, посмотрев на прибывшего, будто в последний раз, и ушёл. Хотя он и сам был немалого роста, глядеть пришлось вверх – существо было выше любого высокого человека.

– Вы так хорошо говорите, – Холёный произнёс последнее слово немного растянуто и... неуверенно. Может, сидящие

просто услышали голос, где-то внутри себя, и никто ничего не сказал? Ведь существа Белой Россыпи общаются так.

Но такое происходило во снах, а происходящее, хоть отчасти и походило на сон, было обычным Советом.

– Я учился Вашему языку, – пестрокрылый смотрел не моргая. Как и все плащеносцы.

– Ах да, – вспомнил Хриплый, и обратился к сидящим, – помните, эта девушка...

– Первая, – подсказал ему Средний.

– Вот, вот... Вы удивительно способный народ, – председатель замялся, – может быть, всё же присядете?

– Нет.

Молчание.

– Что ж, – Хриплый прокашлялся, – если всё хорошо, давайте приступим к делу?

Пестрокрылый кивнул.

Как человек.

– Может, вы знаете, что происходит? Почему мы просили о помощи?

– Знаю. Солнце погаснет.

– И кто виноват, тоже знаете?

– Знаем. Мы, члены многоцветной стаи, уверены, что виноваты те, кто называет себя избранными. Или хранителями – так они представляются нам.

– Члены стаи? – спросил тихий вкрадчивый голос, – значит, это не весь народ?

– Другие стаи решают. Это непросто.

– Непросто?

– Мы знаем друг друга давно, – ответил радужнокрылый, подумав, – еще до того, как люди пришли на равнину. Хранители помогали Народу Холмов. Достижения в строительстве, музыке и многих других областях нашей жизни – всё это связано с ними. То, что случилось, все связи рушит. Многие понимают, что именно хранители и есть те самые черви, о которых сказал Господь. Они прогрызли тело земли и попали в наш мир, а теперь хотят его уничтожить. Я говорю понятно? – последние слова пестрокрылый произнёс так, словно боялся, что его неверно поймут.

– Яснее некуда, – ответил Холёный.

Существо наклонило голову набок.

Каким-то внутренним чутьём мужчина понял, что гость показывает непонимание.

– Я хотел сказать, – объяснил он чуть тише, – что Вы говорите понятно.

– Спасибо, – радужнокрылый сузил глаза. Холёный сузил в ответ.

И улыбнулся.

Пестрокрылый подумал, и, будто нехотя, улыбнулся тоже. Криво и очень быстро.

Холёный вдруг понял почему.

Он вспомнил, как выглядит плащеносец, когда угрожает. Выражение морды напоминает улыбку. Это как если бы че-

ловека попросили показать свою злость в ответ на что-то приятное.

Вся череда пониманий послужила связующим мостиком, и Холёный расслабился.

– Вы говорите, остальные не верят? Даже не смотря на то, что Создатель исчез, и понятно, по чьей вине? – спросил председатель. Стекланный глаз горел отражённым светом, и это добавляло словам ещё большую значимость. Председатель казался судьёй, который хочет выяснить правду, – Может, они думают, что это люди во всём виноваты?

– Они так не думают. Люди обещаны Богом, – Гость чуть склонил свою голову, словно пытался вспомнить. О чём-то важном и значимом. "В этом мы всё же похожи" – подумал Холёный.

– Народ Холмов всё поймёт, но нам нужно время.

– А времени нет... – Холёный сказал это тихо. Так тихо, что кое-кто из сидящих подумал, что это мысли. Их собственные.

– Поэтому я и пришёл. Я часто бывал в Лабиринте, и знаю многие входы. Хотя, конечно, не все.

– Лабиринте? – спросил председатель.

– Примерно так на Вашем языке будет звучать это место. Там очень много коридоров, там легко потеряться. Несколько уровней, сколько, сказать не могу.

– Но ты знаешь больше, чем остальные?

– Возможно, да. Я часто бывал в Лабиринте. Я приносил

животных, которых поймал на охоте. Хранители их не ели, хранители не едят нашу пищу. Они изучали.

– Понятно, – стеклянный глаз председателя пытался пронзить чужака, проникнуть сквозь море слов, изучить, разобрать его мысли, чтобы знать уже точно, можно тому доверять или нет, – понятно... И Вас до сих пор пускают? В тот... Лабиринт?

Пестрокрылый кивнул.

– Ну что же, – Хриплый задумался. Фонарь, который стоял на столе, горел тускло, сидящие вжались в спинки, и лица скрывались во мраке, – кто за? Я думаю, не надо напоминать, о чём мы сейчас голосуем.

– Поддерживаю, – ответили справа.

– Поддерживаю.

– Поддерживаю.

– Поддерживаю, – Холёный вздохнул.

– Поддерживаю, – выдавили "меха".

– Поцерживаю.

– Поддерживаю, – Средний, перед тем, как сказать, выдержал паузу.

– Поддерживаю, – председатель кивнул.

Он хлопнул в ладоши, и к столу подошёл человек, тот самый, что ввёл пестрокрылого.

В вытянутых вперёд чуть полусогнутых руках человек нёс предмет, завернутый в тёмную толстую ткань.

Перед гостем он встал и полностью выпрямил руки.

– Возьмите, – сказал председатель, – теперь это Ваше.

Пестрокрылый раздвинул плащ, точнее, не плащ, а крылья, и, обнажив свои руки, взял в них подарок.

– Этот дар мы зовём артефактом. Когда-то давно его оставили на равнине умные и добрые существа, оставили, чтобы мы...

Он не договорил. Гость, лишь слегка приоткрыв материю, что скрывала предмет, словно ужаленный, выгнулся. Он бросил подарок на стол, быстро, словно это был не подарок, а ядовитый ползун, и отошёл. Теперь полумрак скрывал его так же, как остальных.

– Нет, – ответил он сухо, – это я не возьму. Я хочу думать и не хочу, чтобы за меня думали другие.

– Это артефакт, – начал объяснять председатель, – он помогает...

– Это подкидыш, – сказал пестрокрылый. Бесцеремонно, что так не вязалось с образом вежливого и обходительного существа, – подкидыш крадёт твои мысли, и оставляет свои. Когда-то мы жили на равнине, но потом мы ушли. Мы покинули матерей и сестёр, мы превратились в изгнанников, чтобы остаться прежними.

В этот раз не будет Великого Единения.

Организм расстроен. Каждая клетка этого организма чувствует тревогу – тревога разливается в венах, остаётся горечью в горле, и шипит где-то ниже, как вода на пылающих

камнях.

Эта горечь появилась внезапно, у каждого. Никто и не понял, что же случилось – в организме-то всё в порядке, все ткани этого организма, все цеха работают слаженно – те, что производят необходимое, те что это необходимое доставляют, те, что контролируют распределение ресурсов, принимают решения, нужные для общего счастья, те, что эти решения проводят, те, что утилизируют всё ненужное и те, что это ненужное разрушают.

Они, защищающие организм от любого вторжения, извне, изнутри (ведь раковые клетки необходимо найти заранее), тоже чувствовали горечь.

Да, Государство расстроилось.

Но почему?

В разных цехах, в разных отделах этих цехов ждали ответа. Ведь кто-то пустил эту горечь, пустил не случайно. А значит, случилось ужасное.

И клетки начали думать.

Конечно, способности думать у всех были разные. Те, что производят еду или служат колыбелью для новых, еще недифференцированных клеток, особо и не задумывались. "Плохо" – решили они, пропуская по венам тревогу. Но те, что участвуют в обсуждении общих проблем, те, что принимают решения, касаемые всего организма как целого – те размышляли глубоко.

Они, защитники организма, тоже пытались понять, в си-

ду своей способности мыслить, и в силу своей способности мыслить понять не могли.

Последнее время действительно преподносило сюрпризы.

С календарём творилось что-то неладное. Солнце ушло раньше времени, пылающие начинались позднее. Такого не было никогда, насколько помнили самые старые клетки – клетки в Цеху Управления.

Беспокойство прошло по всем. Они же единые – а, значит, чувствуют общую боль и общую тревожность.

Несколько ритмов назад случилось непонятное. В течение короткого времени тела разных клеток дрожали. Мелко и часто. Нет, не болели. Боль приходит, когда понимаешь, что ты, твой цех или отдел не справляетесь со своими обязанностями. Боль остаётся, пока не вернётся слаженность, пока ты, твой отдел или цех не заработаете в полную силу.

Но если дрожит твоё тело, это терпимо, это значит, что что-то не так в твоих органеллах. И если ты исполняешь обязанности исправно – собираешь урожай, проводишь импульсы или утилизируешь побочные продукты, эта дрожь не страшна. Надо послать нужный импульс, а остальное за цехом восстановления. Он излечит каждую органеллу, если ситуация поправима, или отправит на утилизацию. Хотя последнее крайне редко. Скорее всего, ты и дальше сможешь работать, реализуя свои способности, а значит, боль не грозит.

И утилизация тоже не так страшна.

Некоторые опасаются, что без них Государство уже не будет таким полноценным, ведь они старались в полную силу, а новенький, только дифференцированный – будет ли он так же стараться, отдавать свои силы на общее благо, и испытывать такое же глубокое единение? Так думают некоторые, а зря. Незаменимых нет, каждый когда-то уйдёт, этот процесс бесконечен, клетки рождаются и умирают, а Государство – Государство вечно. Государство существует всегда.

Мудрые клетки спокойны. Они уходят без лишней тревоги, уступая дорогу более молодым и более энергичным.

Но к тому, что случилось, не оказался готов никто. Странная горечь, которую испытывал каждый, означала одно – Государство в опасности. Что-то расстроило весь организм – и тех, кто управляет, и тех, кто обеспечивает самые насущные потребности.

Прошёл малый цикл, и пришло понимание.

В систему внешнего взаимодействия поступил сигнал, означавший страшное – будущее Государства под угрозой. Некие существа на другом конце Ойкумены собираются совершить эксперимент. Основным следствием этого эксперимента станет ночь. Ночь без пылающих, полная, беспросветная. Ночь, которая уже не закончится.

Что это значит, понятно. Клетки, осуществляющие фотосинтез, скорее всего уйдут в анабиоз, а, может быть, даже на утилизацию – фотосинтезировать при искусственном освещении, которое придётся ослабить в разы, не выгодно. Оста-

нется хемосинтез. И, на какое-то время, питание готовой органикой. Но это плохо. Размножение у живых организмов привязано к самому большому и очевидному циклу – смены ночи и дня. И если день не наступит, оно остановится. Количество организмов уменьшится, ресурсы придется урезать.

Но единые тоже привязаны к циклу.

И тут начинается страшное.

Цех Омоложения остановится – новых, ещё недифференцированных клеток больше не будет. Старые со временем поизносятся, работать как раньше они не смогут, и осознание этого скрутит их так, что они запросят утилизацию. Но утилизацию придётся отложить – ведь замены нет, а цех должен работать.

Это будет мир, наполненный болью, мир без Единения. Дольше продержатся те, что находятся в управлении, но, в конце концов, состарятся и они.

Организм распадётся.

Вот что нависло над Государством. Тем, что возникло в Долине Вулканов, когда горящая лава сжигала сущее, и выживали лишь те, что помогали друг другу. Те, что делились последним, объединяя ресурсы, проходя сквозь узкое горлышко, чтобы вновь расплодиться, на новой удобренной почве. Лишь благодаря единению и разделению обязанностей, когда отдельные существа брали на себя конкретные функции, удалось не только выжить, но и приспособить окружающее под свои насущные потребности. Приспо-

собить эффективно и максимально. А после расширяться, включая всё новые и новые земли. Уйти из Долины Вулканов и покорить этот мир.

В последнее время благоденствие достигло вершины. Ресурсов стало так много, что их уже не жалели. Искусственное освещение по ночам было настолько мощным, что поражало всех живущих и думающих на другом конце Ойкумены. Разбросанные по миру трансляторы дали возможность связаться с другими цивилизациями, чтобы заявить о себе, показать свой путь и открыть дорогу к Великой Кооперации.

Вот тогда-то и выяснилось, что о Государстве знают, его видят в небе и ему дают самые громкие названия – Пламя ночи, Солнечный Брат, Белая Россыпь.

Именно благодаря кооперации, используя трансляторы, и открылась эта страшная новость. Новость, которая повергла государство в уныние, отменила Великое Единение и заставила думать. И прежде всего их, членов самого разнородного цеха – Цеха Иммуниитета.

Это их обязанность – защищать Государство, и Две тысячи триста сорок пятый Четыреста четвертой струи из цикла Сто восемьдесят шестых Пятьсот сорок третьего колена знал это лучше других. Во всяком случае, многих. Ведь это в его обязанности входило ждать. Ждать, чтобы помочь в самое трудное время.

И.

Это время пришло.

Ему и еще одному собрату по цеху предстоит преодолеть огромное расстояние и оказаться в противоположной части огромного мира. Им доверили самую важную миссию.

И хотя внутри еще не растаяла горечь, он испытал единение, да такое, которое не испытывал никогда. Чувство собственной значимости переполняло, оно вызывало спазмы ни с чем не сравнимого удовольствия. Он кончил раз, кончил другой, он потерял счёт своим извержениям. И не было в организме более счастливой, более удовлетворённой клетки.

Две тысячи триста сорок пятый попрощался с семьёй, с членами цеха, попрощался с тем самым отделом, что подарил ему столько чувственных единений. Отростки короны встали, и он коснулся каждого, кто пришёл попрощаться.

Кто-то ему завидовал, кто-то шептал молитвы, но все почувствовали прилив, который прошёлся по телу, и наполнил его до краёв. Прилив накрыл целый цех, и ушёл еще дальше, сквозь проводящих в другие цеха, в другие концы Государства, и это было похоже на Великое Единение.

– Ну проходи, что стоишь, – древовед толкнул рукой дверь, отчего та ударила в гостя.

И тут же ушёл.

Радужнокрылый склонился, как можно ниже, и постарался просунуться. Пройдя за порог, он выпрямился, медленно и осторожно, словно ожидая, что голова пробьёт потолок. Ну или потолок пробьёт его голову.

Не пробил.

– Охохохо, – хозяин прищурился, и потёр ладонь о ладонь. Хищная улыбка казалась некстати. Он не был похож на степенного, полного достоинства старца, который больше всего на свете боялся это достоинство расплескать, и потому не совершает каких-либо резких движений. На древоведа он походил только внешне, своей бородой, лучами морщин, покидавшими конусы глаз, да синей одеждой, с такого же цвета шапочкой, – что, не привык? Как это у вас получается? Создать новое тело – пожалуйста, вплоть до копирования всяких там кровеносных сосудов, а научиться им управлять нужно время, немаленькое. А как же мышечная память? Как же все эти нервы, структуры мозга, ведь вы же их тоже копируете?

Вошедший молчал.

– Впрочем, неважно. Главное, чтобы тебя не узнали свои.

Радужнокрылый вздрогнул. Точнее, нет, даже не вздрогнул. Скорей, завибрировал. На своих, особых частотах.

Но хозяин заметил. Где он только не побывал, какие не принимал обличия, чувствовал то, что не чувствовали другие, и, не имея каких-нибудь органов чувств, по выражению глаз, по чуть уловимым движениям понимал, что происходит.

Даже у этих, ну совсем уже странных и непонятных, умевших менять свои формы.

– Боишься? – старик развалился в удобном кожаном крес-

ле, – ведь вижу, боишься. Не за себя. Для вас, единых, своя собственная жизнь ценности не представляет. Ты боишься провалиться, не исполнить ту миссию, для которой родился. Для которой родился... – хозяин поставил локти на стол, и подпёр свою голову, – странные вы, конечно, создания. Сколько бывал у вас, а так и не понял. Всех этих избранных, островитян или вот, – он кивнул на пришедшего головой, – в кого ты сейчас вырядился – этих понять проще. Живут в своё удовольствие. Едят аук там, куриные крылышки, колёсики брум. А вы? У вас-то есть кухня? Хоть какая-то культура питания? По-моему никакой. Один контейнер вставляют, другой вынимают. И всё. Вот скажи мне пожалуйста, прилетят к вам, допустим, туристы, чем вы будете их угощать?

Пришедший не повёл ни одним мускулом. Впрочем, он и в обличии островитянина, того же Невинного, не очень-то этими мускулами двигал. Что говорить о крылатых.

– Ооо, – старик откинулся в кресле, – единственная радость – пощекотать себя усиками короны... Впрочем, тебе она недоступна. Ты же изгой. Ночью хоть мастурбируешь на Белую Россыпь. А днем?

– Огонь, – ответил единый.

– Ах да. Огонь. Потому и торчишь в этих кузницах.

Странно...

Старик замолчал.

– Странно?

– Да я это в целом. О ситуации. Вы там общаетесь на своих

микроволнах, хранители общаются образно, опять же конкретно, вполне, да ещё и чего-то стрекочут, чтобы совсем уж понятно, крылатые так вообще рекордсмены по звукам, а мы вот выбрали этот лающий язык. Почему?

– Островитяне не плохо кодируют мысли. Это не только звуки. Ситуация, тон, выражение лица сужают смысл. Так что непонимание случается редко. А многозначность придаёт более объемное значение.

– Вот умный, да? Вот все вы умные, а живёте только во имя идеи.

– Прости, а во имя чего еще жить?

Сидящий нахмурился.

– Во имя жизни, – сказал он, подумав, – жить просто так. Чтобы жить. Без цели.

– Жизнь во имя чего-то немногим хуже бесцельной. А если и хуже, то чем?

– О как ты всё повернул, – хозяин поставил ноги на стол и хлопнул в ладоши, – скажу так – ничем. Бесцельность жизни не делает ее важной, как и наличие цели... Ну ладно, живи как ты хочешь, едыня. Точнее, какая едыня, ты не едыня, у тебя то цель – не единство, ты хочешь его разрушить. Разрушить Государство. Ну что ж, наши задачи теперь совпадают. Если эксперимент не сорвётся, если мы постараемся, мы вдвоём, хорошо постараемся, – древовед поднял кверху палец, – Государства не станет. Не сразу, конечно...

Единый кивнул. По-человечески.

"Мы слишком долго жили среди островитян, – подумал хозяин, – мы научились их мимике, мы полюбили их грубый неоднозначный язык. В конце концов у этих существ есть чему поучиться, хотя бы их цепкости. Мне почему-то кажется, что только они и выживут. Вот все эти крылатые, единые, скорее всего вымрут, а они выживут. Одни на всём свете. Возможно это и будет интересным результатом эксперимента. Для тех, кто на этом эксперименте помешан.

Древовед усмехнулся.

– Таких, как ты, убивают. В младенчестве, – напомнил он гостю.

"Зачем? – подумал единый, – как будто корит, но зачем? Ему же не нравится Государство, ему вообще не нравится мир. Он хочет его уничтожить. Во имя чего?"

Воспоминания хлынули снова.

Это было давно, столько циклов назад, что он потерялся в подсчётах.

"Семьсот восемнадцатый" – наставник подошёл к нему близко, так близко, что они начинали вибрировать в унисон, – скоро придёт Воплощение".

Сверстники-единые, лишь услышав это слово, подняли отростки. Корона была молодой, еще не окрепшей, но отростки стояли. "Воплощение, воплощение, воплощение..." Слова уходили вдоль коридора, всё дальше и дальше, и гасли, наверное, в самом конце их питомника.

Да, предстоит воплощение. Он уже вырос, ему пора вы-

брать путь, решить, какой же он станет клеткой.

Все остальные уже решили. Как будто сами.

Но он то знал, что каждого мягко подталкивают, соответственно их способностям. Так, что это решение они считают своим. Впрочем, правильно делают. Никто лучше наставников не знает, к чему годится единый, какие имеет таланты, где в организме он принесёт наибольшую пользу.

Хотя всё равно ему было странно, что остальные не чувствуют. Вот, семьсот первый всё время твердит: утилизатор – его призвание. Он просто мечтает забирать отработанные контейнеры, запускать свою руку, что превратится в отсоску и отправлять в эластичный мешок, который появится на спине. Он говорит, что будто бы чувствует, во время парабиоза, как тягучая прохладная жидкость проходит внутри конечности, кашецеобразным ручейком утекает в мешок, как этот мешок надувается, слегка, а после спускается, и это удовольствие нельзя передать, эта прохлада в районе спины... ооо ... При этом семьсот первый поднимает отростки и вибрирует так, что ему завидуют все. Все остальные едны. Те, что еще раньше выбрали путь. Впрочем, во время парабиоза они точно также погружаются в уже свои незабываемые видения.

Но он то видел, как наставник поднимал свою прохладную конечность и проводил по руке будущего утилизатора. Как, будто случайно, шептал свои чавкающие звуки, напоминающие всасывание выделений. Как во время рассказа о том,

что утилизируемые вещества распадаются на первозданные структуры, которые потом снова используют при синтезе, делал ударение на предпоследней мысли и наклонялся к его однокласснику, расширяя сеточки на глазах.

Мягкое наставление касалось всех.

И только с семьсот восемнадцатым ничто не срабатывало.

Наставники волновались, и надо было решать. Если вдруг выяснят, что он уже воплощался, много и много раз, втайне от всех, примеряя на себя разные формы – его уничтожат. Как клетку, которая не способна к стойкой и единственной дифференциации. Ведь единый может воплотиться однажды – в свой первый совершеннолетний цикл. Воплотиться, чтобы стать полезной клеткой общего организма. Но он родился с аномалией, он не способен стать кем-то одним и замереть в этом теле, он может превратиться в любого, в любое время, в любой ситуации. В том числе в производителя семени, который с окончанием ночи может отдать свою аномальность еще не родившимся единым.

Когда-то, и семьсот восемнадцатый это знал, такую способность – меняться, принимая различный облик, не только во время Воплощения, а каждый раз, когда в том возникала потребность, имел каждый. Эта способность позволяла выживать в Долине вулканов, гибко реагируя на изменения внешней среды.

Но этого оказалось недостаточно. Только кооперация, объединение отдельных существ в один организм, дала воз-

возможность не просто выжить, но приспособить природу под собственные нужды, выйти за пределы Долины и стать примером для других, колониальных форм жизни. Каждый из этих существ получил свою роль, нужную и необходимую для общего процветания.

Именно тогда возникло Государство.

Государство контролирует окружающую среду, специальные клетки делают прогнозы её давления, просчитывают возможное развитие событий. Какие-либо угрозы извне давно уже не вызывали особого беспокойства.

Единственная серьёзная опасность исходила изнутри – от тех клеток, которые называют аномалами. Клеток, способных к Воплощению не только в цикл своего совершеннолетия, а позже, и, как семьсот восемнадцатый, даже раньше этого цикла. Такие клетки не отдают себя какой-то одной нужной роли, они меняют облик так часто, как это делали предки. Аномалы не интегрированы в общую систему эмоций, они не испытывают эмпатическую боль и не способны стать полноценными членами организма. Это раковые опухоли в теле Государства, и их нужно уничтожать. Ведь в случае, если такая опухоль осеменит яйцеклетку, или, что хуже, сама станет ею, начнутся метастазы. Выросшие аномалы проникнут во все возможные структуры, и само существование Государства окажется под угрозой.

Последнее время угроза аномалов стала более существенной, их количество превысило самые смелые прогнозы, и

причины, по которым это случилось, не могут понять даже опытные клетки из Цеха Управления, которым отдел внутренней защиты Цеха Иммуитета постоянно сигнализирует об опасности.

Поэтому теперь, когда наставник напомнил о Воплощении, и тут же взглянул на солнце, как будто вдыхая лучи, семьсот восемнадцатый решил – будь что будет, он станет производителем. Он будет впитывать свет и выращивать бутоны.

Всё что угодно, лишь бы они не узнали.

"Они". Именно так он называл своих собратьев, конечно же, про себя. Не "мы", а "они".

Да, он чужой. Он не может встать на пути объединения, он должен принять другую сторону этой извечной борьбы. Принять навсегда.

И он следует цели.

– Как ты узнал, что я аномал? -спросил семьсот восемнадцатый.

– А как же ж? – старик удивился, – как же ж не аномал? Ведь ты обшарил все местные кузницы. Покинутые и непокинутые. А по ночам выбирал только те, из которых видна Белая Россыпь. И потом, ты видел свои глаза? В зеркало видел? – древовед возбудился, – покарай меня Верхний, это глаза потерявшего всё человека... Или глаза аномала, – добавил он тихо, – знаешь, я бывал в ваших краях. В глазах единых сложно увидеть душу, я имею в виду душу, как по-

нимают её островитяне, там нет ничего личного. Но иногда я как будто бы видел. Что-то. Как будто глаза ваших предков, тех, что постоянно меняли формы. И это были аномалы, – старик наклонился вперед и зажал подбородок в кулак, – я это не сразу понял. И только когда тех единых стали хватать и ликвидировать тут же, на месте, я вдруг прозрел. Знаешь, о чём я прозрел?

Собеседник молчал.

– Вас становится больше. Вас убивают, но аномалов всё больше и больше. А почему? – спросил старик, и тут же ответил, – действует естественный отбор. Знаешь, я бывал... где только я не бывал. Я знаю, о чём говорю. Давление среды стало мизерным, Долина вулканов исчезла. И всё возвратилось обратно. Если бы не искусственный отбор, если бы не Цех Иммуитета, все единые превратились бы в аномалов. Уже. Вы бы вернулись к тем формам, что были у предков, – старик усмехнулся, – идёт борьба двух отборов. И какой победит, сказать сложно. Возможно, распад, возможно, объединение. Ваш организм еще очень и очень здоровый, Государство работает слаженно. Тот путь, что предложил тебе я, уничтожит его гарантировано. Со временем, конечно, но уничтожит, – хозяин вздохнул, – ну? Что пришёл? Говори.

– Единые здесь, – гость подошёл чуть ближе. Это было единственное движение с тех пор, как он очутился в комнате.

– Ну что же. Похвально. Пускай.

– Они уничтожат хранителей.

– Они уничтожат? – спросил древовед, – ну, да, они могут, – ответил он тут же, – но только вот как? Они не пройдут в Лабиринт.

– Пройдут.

– Пройдут? Если только... Ах да, – старик улыбнулся, – потому ты и вырядился. Где тот крылатый?

– Он мёртв. Но есть и другие.

– Он приходил в этот орден?

– Он приходил.

– Что же, – ответил старик, чуть подумав, – спасибо за помощь. Верней, за сотрудничество, так будет правильнее, – он подмигнул левым глазом.

Гость, нерешительно, но тоже мигнул.

"Островитяне весьма выразительны. Их жесты прекрасны".

Хозяин расслабился.

Всё хорошо.

Единые были единственными, кто мог помешать. Теперь они неопасны.

– Иди, дорогой, – сказал он довольно, – ты сделал, что нужно. Ты молодец.

Гость повернулся и стал проходить сквозь проём. Как неуклюжий саммака сквозь дебри тянучек.

Хозяин хихикнул.

Но тут же схватился за лоб. Туда пришла мысль, точнее решение, простое и изящное одновременно. Трёхглазый лю-

бил изящные решения.

– Слушай, едыня, – старик улыбнулся, – ты хочешь быть лучшим? Не просто хорошим, но лучшим? Хочешь пройти этот путь? До конца?

Семьсот восемнадцатый хотел. В своём нынешнем состоянии он чувствовал некую неоконченность, некую недосказанность. Хотелось большего.

Он повернулся в проёме и чуть не споткнулся.

– Смотря что предложишь, – ответил едыня, – я знаю свой путь.

Ширма была та же самая, куклы играли те же, только вот говорили они о другом и говорили совсем иначе.

– Хочу к маме, хочу к сестренке, – редела девочка с длинными волосами, упираясь ручками в стену. По левую сторону этой стены бегали фигурки несчастных с красными ленточками на спинах, изображавшие, вероятно, всех тех, кто погиб от пожара. Эти ленточки развевались, приводимые в движение воздухом, налетавшим откуда-то слева.

– Меха, – догадался Застывший, – это они раздувают меха.

– О, дорогой, как ты верно заметил. А я-то всё думаю. Ветра же нет, – заступник казался удивлённым. Ему нравилось подшучивать над своим экзекутором, который старался выглядеть умным. С таким-то лицом.

"А вот и я" – подумал старик, когда на сцене появилась

высокая остроносая кукла в зелёном плаще. При этом кукла так натурально приподнимала левую ногу, что нога самого заступника при этом заныла, причём нестерпимо. "О шкодник", – подумал старик, стараясь её отстегнуть, мысленно, чтобы забыть о боли.

– Не бойся, дитя, – сказала кукла, после того, как закончила свой мучительный путь, – Стражи вернут людям мир, как уже возвращали.

– Моя мама, моя сестрёнка. Они погибли. Они сгорели во время пожара, – девочка заплакала в два ручья, и так это жалко у неё получилось, что в первых рядах кто-то не выдержал и зарыдал. И вот уже рыдания послышались всюду – и сзади, и слева, и справа. Всё больше и больше. "Это заразная тема, – подумал заступник, – что делать, искусство, такое искусство".

Куклы, что бегали по левую сторону, упали за ширму. Ветер затих.

Какое-то время стояло молчание. На сцене и в зале.

Девочка как-то скукожилась, стала дрожать. Старик наклонился, снял со спины свой широкий зелёный плащ и накрыл им дрожащую.

– Мы накажем того, кто виноват, – сказал он, вставая, – кто навёл это бедствие.

– Не навёл, а поджог, – закричал кто-то из зрителей, – герцог поджог!

– Герцог! Герцог! – повторяли другие.

Шестой улыбнулся. Невзирая на боль.

– Вот видишь, – сказал он Застывшему, – главное убедить.

Доказать свою правоту. А лучшее доказательство – страх. Ну, ты меня понимаешь, – старик покосился на экзекутора, – отрубили первые фаланги на правой руке, зато смотри какие правильные получаются представления.

– На левой тоже, – поправил Застывший.

– На левой?? – старик растерялся, – Ну ты и зверь. Я же сказал только на правой.

– Вы сказали – на той, которой играют. И играют обоими. Я проверял.

– Да? А какой же они играют сейчас?

– Наверное, как и раньше. Обоими.

– Да? Ну это талант... – заступник смотрел на сцену. Там девочка встала и отдала плащ старику, – смотри, она встала и отдала плащ. А он его принял. И снова одел. И всё очень тонко и точно. Талант... Однако, пойдём.

Он стал подниматься с сиденья, стараясь при этом почти не тревожить ногу. Сама нога подниматься отказывалась, она словно сжилась с той, которая была у куклы, и болела за двоих. Однако подниматься следовало быстро, иначе Застывший, необычайно галантный со всеми, кто был ему дорог, захочет помочь.

Чувствовать себя в роли Смуглого не хотелось. А сравнение в этом случае напрашивалось.

Шестого тянуло сплунуть. Но он сдержался. В конце кон-

цов, Застывший – парень исполнительный, а работы у них будет много. Очень много.

– Знаешь, – сказал старик, когда они сели в карету. Карету вёл не топтун – жеребец, рыжей масти, животное малоизвестное. Но что поделаешь – заступник человек не простой, и не может нарушить заветы, – Заговорённый воин, конечно, хороший. И как он красиво всех победил... Иногда даже кажется, что это Сутулуй. Сам, во плоти. Но... – старик протянул свою ногу. Теперь она занимала половину кареты, – некоторые действия вызывают вопрос. Зачем нужна была эта амнистия? Какая в ней польза? Попробовали, не получилось, и ладно? Попробуем в следующий раз? – старик помотал головой, – не надо просить, чтобы кто-то чего-то не делал, – сказал он жёстче, – не надо. Надо УБЕДИТЬ. А лучшее убеждение – страх. Ты же видел? Ты видел лица тех кукольников?

Застывший кивнул:

– Я показал им их пальцы. В ладонях. Я положил их на стол. Один за другим.

Шестой улыбнулся какой-то неопределённой улыбкой и глянул на собеседника. Не на лицо, лицо экзекутора никогда и ничего не выражало. Он посмотрел ниже. И улыбнулся уже открыто.

– Вот видишь... Не надо прощать. Прощение не убеждает, вернее, убеждает, но только в обратном. Что можно попробовать, снова. Ведь ничего же не будет, так почему не попро-

бовать? Заговорённый не прав. Повесил бы десяток – другой, тогда бы запомнили. А лучше бы соточку. А, Застывший, как тебе это? Вбить по дороге столбы и повесить изменников? Сотню. И чтобы они извивались, как черви?

Застывший сглотнул. В штанах было тесно.

– Я попрошу выдать герцога, – продолжал страж-заступник, – Вот тогда поработаешь. Тогда-то ты поработаешь. Считай, это подарок...

– Заступник, – чуть слышно сказал экзекутор, – но там ещё женщина.

"Ах ты, – подумал Шестой, – вот паскуда".

– Быстроукая – дочь Заговорённого, – ответил он резко, – а ты работаешь грубо...

Застывший втянул свою голову.

– Ладно, – старик улыбнулся. Ему нравилось наблюдать, как болезненно реагирует этот выбитый в камне болван на всякое порицание, – я подумаю...

Карета остановилась. Внезапно. Ногу как будто разрезали.

Шестой застонал. Про себя. Он не показывал окружающим боли, ведь боль – это слабость. Возможно, зря. Возможно, окружающие не позволяли бы себе подобные выходки, если бы знали, как ему больно.

Дверь отворилась, и в помещение просунулась голова.

– Там л-люди в каких-то с-странных одеждах, – сказала она, заикаясь, – серых и б-без плащей. П-попросили остановиться. Я думал...

– Я думал! Как будто не знаешь – любая аудиенция Его Святейшества стража-заступника осуществляется только через секретаря. Только. Поехали!

Голова утянулась обратно.

– Стой! – закричал ей заступник. Голова появилась, – Зо-ви одного. Но одного. И самого молчаливого. Подрал бы их шкодник, – скрипел он сквозь зубы, после того, как охранник исчез, – и тебя вместе с ними... Дааа, ну и время. Ни почтения. Ни уважения к традициям. Ничего. Распад всякой нравственности. Останавливают карету будто разбойники, – старик посмотрел на Застывшего, – у нас с тобой много работы.

– Простите, – в карету вошёл человек. И тут же уселся, напротив, – меня зовут Молот. Если позволите, я перейду к делу.

Заступник молчал.

Его удивляло всё – и одежда, в которую вырядился вошедший, и как он сейчас говорил, и даже телосложение. Но больше всего удивляла наглость.

Этот кузнец, а может быть, рудокоп (третьего быть не могло, только работая в кузнице или на руднике, причём постоянно, можно развить свои мускулы так, что даже обычный карлик будет казаться гигантом), так вот, этот рудокоп, одетый в облегающую тело одежду из непонятого тонкого материала, смешно заглатывающий слова, словно больной или пьяница, считал себя, наверное, первым на всей равнине, ес-

ли подобным тоном разговаривал со вторым (ведь теперь заступник, получается, всего лишь второй).

Шестой даже не рассердился, настолько удивительно было происходящее. Сбежавшие тронутые? Это могло объяснить акцент и отчасти его поведение, но не объясняло другие странности. Озёрники? Эти дерзки, разговаривают смешно, но всё же не так. Рудокопы Заводья? Они своевольны, говор у них необычный, и королей они выбирают, временных, правда, но всё же... всё же...

Шестой догадался.

– Позволю, – сказал он спокойно, – мы рады, что вы пришли к нам. Время теперь беспокойное, надо действовать сообща. Всё, что вы нам предложите, мы обсудим и примем самое взвешенное и самое правильное решение. Обещаю.

Ей снился Висмут.

Они гуляли по предгорьям, укрытые темнотой, бархатной, тихой и тёплой. Первая удивилась, насколько тепло было в этих предгорьях.

Над головами горели звёзды. Мелкие, словно их рисовал художник, слегка прикасаясь кисточкой. Тоненькой, толщиной в волос. И рисовал их так мелко, что эти звёзды мерцали.

Не мерцала лишь Россыпь.

У Первой перехватило дыхание.

От того необычного вида, который не увидишь с равнины, от воздуха, которым она не могла надышаться, а может, от

близости того самого мужчины, которого она понимала, и которого держала за руку. Крепко. Ведь вокруг темнота, одна на двоих, а это и страшно, и здорово.

Они говорили тихо, ведь в тишине, которую нарушали лишь поступь шагов, дыхание спутника и биение сердца, нужды говорить слишком громко не было. Можно сказать, они лишь дышали, и выдыхали слова. Казалось, что ночь поглотила всё постороннее, и оставила их.

Ну, и звёзды.

Да, звёзды...

– Знаешь, когда я смотрю на созвездия, – рассказывал Висмут, – я всё время хочу придумать названия. Даже нет, не хочу, они сами просятся в голову. Вот та длинная-длинная нитка с квадратом на конце похожа на змея, которого запускают дети. А этот как будто овал – кокон ползуна. Когда я был маленьким, отец охотился на холмах. И иногда, не всегда, конечно, но, бывало, что брал и меня. В конце ночи он выслеживал ползунов, а в конце ночи это делать не сложно. Надо отыскать их коконы, которые светятся. Очень тусклым, фиолетовым светом – но в темноте заметно. Главное подождать, когда ползуны подползут к этим коконам. А потом кидаешься сеткой, и всё.

– Я знаю, – ответила Первая, продолжая смотреть на созвездия, – мы тоже искали коконы, в детстве, хотя нас ругали. Для человека яд ползунов безвреден. Но кусаются больно. Почти до кости.

– Я видел копателя, укушенного ползуном. Он раздирал себе тело.

– Для зримых это опасно, но они всё равно их крадут. Те же саммаки, допустим. Я всегда удивлялась, чего это коконы светятся. Ведь так их заметно.

– И я. Потом всё же понял. Вернее, мне подсказал отец. Он спросил, знаю ли я, на что же похож этот свет.

– И на что?

– На свет, испускаемый зонтиками – как раз в это время к ним слетаются твердотелки. А коконы им подражают. Твердотелки на них садятся, и всё.

– Всё?

– Ну да, твердотелки липнут, коконы их засасывают. И съедают.

– Вот как, – Первая остановилась, – интересно. А на что же похоже созвездие, видишь, вот, вот, ну совсем рядышком с коконом? Чуть правее?

– Крыло, – Висмут ответил уверенно, – вернее, крылья. Если продолжить чуть дальше.

– Прекрасно.

– Прекрасно?

– Я тоже подумала, что крыло. Мы одинаково думаем.

– Одинаково?

– Да, – Первая прислонилась к мужчине, которого так понимала, и который её понимал, – как подумаешь, что все эти звёзды – равнины, но на другом конце мира. И где-то там,

наверное, родина Рубо.

– Рубо?

– Да. Существо, которое сделано из железа.

– Железа?

– Железа.

– Тогда он бездушный.

– Бездушный? Не знаю.. Мне иногда кажется, что он душевнее некоторых из нас, – проводница вздохнула

– Ты меня познакомишь?

– Конечно. Когда я вернусь.

– Ты уходишь?

Первая не ответила. Она повернулась к мужчине и встала вплотную, так, что ощутила дыхание. На своём лице.

И потянулась к дыханию.

Она боялась, он спросит: "у тебя же жених".

Но он не спросил.

Здесь было тепло, и тепло проникало вовнутрь. Казалось, что грели звёзды, Россыпь и он, мужчина, который ей нужен. "Как хорошо, – думала девушка, – как хорошо".

...И услышала голос.

ОТТУДА.

"Первая, Первая..." – звал её Мутный. Звал, умирая.

Она поняла. Поняла это сразу.

И отстранилась.

– Пора, – ответила девушка, – извини, меня, Висмут, пора.

Звёзды вдруг исказились, как будто с неба свернули ска-

терть. Белая Россыпь приблизилась, стала вдруг круглой, надулась. На ней заиграли краски, где-то темней, где-то ярче, краски формировали узоры, настолько прекрасные, что Первая перестала дышать. Иногда эти узоры текли и тут же рождали новые.

А шар расширялся. Всё больше и больше. Пока не занял полнеба. Казалось, сейчас упадёт. Придавит. Раздавит. Всей массой.

Но Первая не боялась. Как не боялась тогда, когда летела на горы. Она смотрела – и восхищалась.

А голос позвал. Опять.

– Первая. Первая. Первая.

Он звал не снаружи. Он звал изнутри. И в то же время издалека. Как будто попал в передрыгу, ужасную, из которой не выкарабкаться, и вот зовёт, ту, что однажды спасла.

Нет, даже не так. Будто бы умер, а голос остался. Такой безнадежный, отчаянный. Тихий.

"Что происходит?" – подумала девушка.

И открыла глаза.

Она лежала в пещере, набитой соломой, не ломкой, как из тянучек или, тем более, злаков, а мягкой и нежной. Перед сном они мяли её в руках, но так и не поняли, что это такое.

В пещере когда-то жили, возможно, недолго, и, скорее всего, не люди. Девушка вспомнила, что нашла чей-то коготь, и даже предположила, что когда-то в пещере жил пестрокрылый, один, а, может быть, двое. Или нет, всё же один.

Уж больно маленькой казалась пещерка. Пестрокрылый-отшельник – сочетание обычное.

– Мутный.

– Он самый, – парень поднялся, и почти что достал потолок. "Нет, – подумала девушка, – пестрокрылых здесь не было. Они бы ходили согнувшись".

– Рубо вернулся.

– И потому ты меня разбудил?

Парень пожал плечами.

– Рубо нельзя волновать. А он волновался.

– Я к вашим услугам, – Рубо влетел в помещение и замигал. Синим, а значит, он был в настроении.

Первая посмотрела на техника так, словно собиралась сказать ему гадость.

– Он разбудил меня, Рубо, – она поднялась во весь рост и упёрлась в бока.

– Это я его попросил, – техник казался смущённым. Синие огоньки на его поверхности гасли, и появлялись зелёные, – меня пугает ваш сон. Что это за состояние, я точно не знаю, и всё боюсь, что вы вдруг уснете, как наши ушедшие, и не исполните...

– Рубо! Сон – самое прекрасное в жизни. И как это ты, копаясь в мозгах, упустил?

– Я... я, наверное... я, – техник начал крутиться.

Мутный смотрел на обоих, но больше всего на Первую, смотрел и о чём-то думал. "Он не может понять, откуда во

мне столько злости” – решила она.

И отмахнулась от техника:

– Ладно, забудь.

Рубо остановился.

– Я это запомню, – сказал он серьёзно. И девушка знала, что это совсем не угроза, хотя всё и было сказано так, как будто...

Она улыбнулась.

Чем вновь удивила Мутного. За время совместной жизни он так и не привык к перепадам её настроения. "Да, я такая, – подумала Первая, – у меня перепады, а у тебя и падать то нечему. Как и нечему подниматься."

– Рубо наблюдал за хранителями, – напомнил парень, – проникал в их мозги и изучал образ мыслей.

– Не просто лишь образ, – добавил техник, – я эти мысли читал. Хранители проще, чем вы. И, в общем, я понял.

– Людей?

– Хранителей. Да и людей. Но у вас слова расходятся с мыслями. Часто. А иногда снова сходятся. И снова расходятся. Понять это трудно. Разные зоны мозга, информацию необходимо обработать, сопоставить. У хранителей проще. Их звуки просто конкретизируют мысли.

– Ага, – заметила девушка, – значит, мы сложные. Очень. А ты? Ты то у нас то зеленый, то синий. То вот завертелся.

– Отстань ты от Рубо, вот привязалась, – Мутный лежал на соломе, заложив руки за голову и глядел на огромные тени,

которые отбрасывала лампа.

– Нет, нет, я не против, – Рубо подпрыгнул, – это прекрасно.

– Вот видишь? – сказала Первая, – ему это нравится. Он любит сравнения, аналогии. Правда?

– Люблю.

– Ну... Раз так... Тогда, значит, значит... – парень присел.

И вдруг рассмеялся.

Первая вздрогнула. Слышать, как Мутный смеётся – это как видеть, что пестрокрылые борются. Эти существа совсем не выносят насилия.

– Ты чего? – спросила она.

– Да так, – парень смотрел то на девушку, то на Рубо, – всё так необычно, – ответил он после того, как наконец успокоился, – мы собрались тут трое, такие разных, идём не знаем куда, не знаем за чем, да ещё и грызёмся.

– Допустим. Но это не значит, что мы не дойдём, – Первая фыркнула, – вот если бы мы были единомышленны, знали маршрут и никуда не сворачивали, то при первой же нашей ошибке остановились и сбились с пути. А так – точного маршрута не знаем, думаем каждый по-своему, и тыкаемся вслепую. Так что, возможно, дойдём.

– Интересное наблюдение, – техник замигал красными огоньками. Такой любознательный техник, – это как Танги, когда едет по случайному маршруту, доставляя клиентов, которых нет, и вдруг помогает Вшино. Без Танги он бы со-

всем себя доломал.

– Ах вот как, – заметил вдруг Мутный, – вы правы. Вы оба добьетесь успеха. Потыкаетесь вслепую и добьетесь. Как твердотелка, влетевшая в дом. Потыкается туда-сюда, во все стены, и вылетит. А я тут лишний. Я не умею так мыслить.

И снова прилёт на солому.

Девушка посмотрела на техника. После на парня. Снова на техника.

– Рубо, – сказала она печально, – он хочет покинуть команду.

– Не хочет, – Рубо синел на глазах, – я прочитал его мысли. Он с нами.

Он ждал.

Словно встречи с тем самым прошлым.

Семьсот восемнадцатый. Так его звали. Когда-то. И он останется навсегда, семьсот восемнадцатым, клеткой, у которой изменения в генах привели к нарушению процесса нормальной дифференцировки. Раковой опухолью единого организма.

Следовать пути объединения он не может, такие, как он, не нужны Государству, и никогда не почувствуют единения. Но если рождён – живи, а жить – значит жить во имя чего-то. По-другому нельзя. По-другому он не умеет.

Два начала ведут этот мир. Два пути. И если первый, объединения, закрыт, значит, остался второй. И надо двигаться

к цели. Последовательно, не сходя с той дороги, которую выбрал. Чтобы не чувствовать боли.

"Как же огромен наш мир, в котором живут настолько разные существа" – думал семьсот восемнадцатый.

И удивлялся.

Трёхглазый его не понял.

Это существо, что пришло неизвестно откуда и называло себя верхним, задавало вопросы. И получало ответы. Но как он поймёт, что ему нужно, почему родившийся в Государстве пытается его уничтожить? А не получится – навредить, сделать этот огромный организм менее сплочённым.

Оно подбирало аналогии, в своём мире, в мире людей.

У этих странных существ есть такое понятие – месть. Когда делаешь больно тому, кто сделал больно тебе. Даже во вред своим планам. Верхние или люди – они понимают, что за этим стоит и какая в том польза. Если месть неизбежна, никто не сделает больно – он будет бояться, что ты ответишь. Так говорил Трёхглазый и ссылался на теорию игр.

Но в обществе единых боль не причиняют. В обществе единых боль ИСПЫТЫВАЮТ. Тебе не делают больно, тебе больно делается. Если сошёл со своего пути, если не в силах работать как надо. Поэтому то, что он делает, вовсе не месть. То, что он делает – путь, путь его жизни.

В мире людей, верхних, и этих, крылатых существ, чей облик он принял, боль означает другое. Это то, что единые называют дрожью. Когда твоё тело даёт тебе знать, что не всё

в нём работает слаженно.

У единых это не вызывает особого дискомфорта. Цех восстановления примет правильное решение. Тебя либо починят, либо отправят на утилизацию. Больно тебе не будет. Со своего пути не сойдёшь, и Государство станет лишь лучше. В последнем случае оно просто омолодится, а новая клетка, когда наберётся опыта, будет работать по полной, потому что она молодая и энергичная. Те, кто понимает всё это, испытывают не боль, а радость, и перед смертью – единение.

Жить во имя чего-то прекрасно. Так говорят люди, так говорят крылатые, так говорит Трёхглазый. Но семсот восемнадцатый всегда удивлялся лишним словам в предложении. "Жить прекрасно". И всё. Другие слова не нужны. И только живя среди этих существ, каким-то внутренним чувством он научился их понимать. Он осознал, что можно жить ПО-ДРУГОМУ.

Какая-то беглянка зацепилась за палец. Он так долго стоял, что она, наверное, решила, что это какой-нибудь камень, слетевший вниз. Беглянка полезла вверх, по лодыжке. Лодыжке... Всё-таки эти человеческие определения вряд ли подходили для трёхпалых конечностей крылатых.

О море огня он так долго был человеком. Он так привык выражаться и чувствовать как человек, что даже в своём родном облике часто ловил себя на мысли, что хочет потрогать его, тот самый отросток, что позволял испытывать нечто подобное единению. Для нормальных дифференциро-

ванных клеток. Или тому наслаждению, которое испытывают аномалы. Правда, наедине.

Конечно, то, что чувствуют люди, лишь отдалённо напоминает чувства единых. А что у крылатых? Эти совсем не похожи. Возможно, у них тоже есть своё наслаждение, но только он слишком мало живёт в этом облике, и слишком слабо его прочувствовал. И вообще, совмещать в себе две стихии, свою и чужую, непросто.

Непросто...

ОНИ.

Он это почуял затылком. Каким-то чувством, присущим крылатым.

Приложив все усилия, чтобы не выдать себя, чтобы случайно не завибрировать на знакомых единым волнах, семьсот восемнадцатый развернулся.

Двое. Отдел борьбы с внешней угрозой Цеха Иммуниитета. Это он понял сразу. Единые, чьи тела могут выделять специальное вещество, которое не поглощает и не отражает падающее излучение, делая их невидимыми.

Некрупные, но достаточно массивные, и семьсот восемнадцатый знал почему. Это знание заставило улыбнуться. Почеловечески. Он слишком долго был человеком.

Единые остановились.

Они ходили на четырёх гибких лапах, которые при необходимости превращались в цепкие руки. С телами могли происходить и другие интересные метаморфозы, в этом чле-

ны отдела борьбы были чем-то похожи на аномалов. Но только этим и только отчасти.

"Я пришёл к вам как к другу, – голос звучал в голове, – вы поможете мне, я помогу вам. Мы разные – вы и я. Но мы хотим одного".

"Всё верно, – подумал сто восемнадцатый, так, чтобы те не услышали, – единый организм – поэтому “я”".

И снова воспоминания.

Будто прорвало плотину, и лава наполнила земли, сжигая всё на своём пути. Он чуть не упал, настолько резко почувствовал.

"Семьсот восемнадцатый, скоро придёт Воплощение".

Сквозь дыхательные ямочки на щеках входил и выходил воздух. Трёхпалые ноги вдавились в землю. Органеллы единого раздражали нервные центры того существа, в которое он превратился, и в кровь попадали частички, которые заставляли сердечные трубки сжиматься всё чаще и чаще. Они уменьшали время реакции и изменяли спектр излучения, которое принимали органы чувств. Семьсот восемнадцатый и не думал, что у крылатых столь мощная регуляция, что она происходит внезапно, не как у людей. Такое он ощутил впервые.

Аномал понимал, почему единый сказал именно так, отстраненно и в то же время доброжелательно. Государство знало, как крылатые относятся к потеряшкам, как боятся к ним подходить, какого мнения о тех, кто разбросал артефак-

ты. Потому и начало свой разговор так, как начало, осторожно и примирительно.

"Мы поможем друг другу, – семьсот восемнадцатый старался держать тот же тон, – я проведу в Лабиринт."

Защитники сели. И опустили головы.

Язык тела у народов, населяющих мир, различен, но этот жест понимают все. Жест уважения и послушания. Ты отдаешь себя в руки другого, понимая, что тот, другой, не сделает плохо.

Что же, продолжим.

Семьсот восемнадцатый чуть приподнял свои крылья. И который раз удивился, насколько они невесомы. Летать было просто, проще, чем даже ходить. Крылатые были созданы для полёта.

Поняв с полужеста, защитники повернули назад. Шаг за шагом, медленно ступая по грунту, исключая любое случайное обстоятельство. Слишком важной казалась миссия, слишком ценным их наполнение.

Летающий аппарат, в который сели защитники, ничем выдающимся не отличался. Семьсот восемнадцатый узнал его сразу. Всё та же модель, что и раньше, надёжная и неизменная. Он помнил её с инкубатора, эту модель использовали всюду, для коротких, для длинных перелётов, для самых обычных и необычных целей.

Единые любили стандарты. Стандарты – это порядок. А порядок скрепляет. Порядок служит основой любого объ-

единения.

"О море огня".

Семьсот восемнадцатый полетел.

И старался уже не оглядываться, не смотреть туда, где рождались воспоминания. Ведь воспоминания, помноженные на чувства крылатых, весьма острые и плохо изученные, заставляли его трепетать. То есть вибрировать.

А это опасно – за тобою летят единые, не просто единые, а единые из Цеха Иммуниитета, который истребляет подобных тебе.

"Семьсот восемнадцатый, скоро придёт Воплощение..."

Ниша, в которую он влетел, была огромна. Внутри стояла машина. Чёрная, словно уголь, с вытянутой лопатообразной мордой, острыми короткими крыльями и загнутым, будто коготь, хвостом. Прямо за машиной – площадка, похожая на утёс, висевший над огромной пещерой. И в этой пещере – жизнь.

Аппарат приземлился.

Единые вышли наружу.

"Нам вниз" – сообщил семьсот восемнадцатый, и резко махнул рукой.

Слева открылась ещё одна ниша, уже небольшая, квадратная. Стены блестели металлом, серебристым и гладким. Внутри горел свет и светились две кнопки – одна зеленая, другая красная.

"Туда" – сказал аномал.

Единые как-то съежились. Поджав свои ноги, втянув голову внутрь, превратившись в подобие шарика. Их тела засветились и начали исчезать. Вначале они стали прозрачными, словно желе, потом как будто из воздуха, который дрожал. И, наконец, пропали совсем.

"Маскировка" – подумал семьсот восемнадцатый.

И включил ультразвук. Надеюсь, что что-то увидит.

Но не увидел.

"Я не исчез, – раздалось в голове, – я рядом, с тобой".

"Я в восторге" – съязвил семьсот восемнадцатый. Он знал, что те не поймут. Да и крылатые бы не поняли. Способность к сарказму присуща лишь людям. Ну, и ещё, может, верхним. Тому же Трёхглазому.

Ниша закрылась и стала спускаться.

Всё ниже и ниже.

Находиться в замкнутом помещении, с теми, кто служит другому пути, с теми, кто сразу тебя уничтожит, как только узнает, кто видит тебя, и кого ты не видишь, опасно. Тем более, если мысли, рождённые аномалом, воздействуют на нервную систему крылатого, а та реагирует, тут же.

И ты боишься, что что-то случится, и путь оборвётся. Внезапно. У самого финиша.

Когда этот лифт наконец открылся, семьсот восемнадцатый выдохнул (как человек). Он вышел наружу, и, несмотря на звуковую и оптическую маскировку единых, каким-то неведомым чувством почувствовал, что те вышли тоже. Не

звучком, не зрением. Чувства крылатых были богаты, гораздо богаче человеческих, и, наверное, он не со всеми ещё был знаком.

"Мне нужно туда, где причина" – напомнил единый.

"Мы рядом, – сказал аномал, – мы скоро придём. Мы у цели".

"Здесь много пришельцев" – защитник засомневался.

Пришельцами они называют людей, вспомнил семьсот восемнадцатый.

И тут же ответил:

"Их много. Есть те, что живут на равнине, есть на холмах, а эти в пещере. С хранителями."

"Они помогали хранителям?"

"Раньше. Теперь уже нет".

Путники погрузились в тоннель, идущий под городом. Тоннель был высоким и тёмным. Ноги стояли в воде, а может быть, в чём-то похожем. Запах стоял ужасный, но крылатые могли отключать чувство запаха. Так же, как закрывали глаза или уши. Прощупывая ультразвуком пространство, он приближался к цели – той, которую выбрал. Вернее, не он, когда-то она его выбрала.

"Два начала ведут этот мир – объединения и распада". Социдания и разрушения. Кооперации и свободы...

Семьсот восемнадцатый улыбнулся. По-человечески. Он слишком долго был человеком.

"Здесь" – произнёс аномал. Точнее, подумал.

"Здесь" – повторили, как эхо, едныи.

Он даже почувствовал, как напряглись их отростки. На коронах, венчающих головы.

"Ты не успеешь уйти" – раздалось в голове.

"Я останусь".

Он должен остаться. Он должен закончить свой путь.

"Ну что же, похвально. Мы сделаем это. Единый, пришельцы, крылатые. Мы уничтожим Лабиринт".

Лабиринт...

Лабиринт далеко.

"Ничто не остановит эксперимент, – говорил Трёхглазый, – единственные, кто могут помешать, ну, я имею в виду, теоретически, – верхний подчеркнул это слово, – находятся в городе. Ты понимаешь?"

Семьсот восемнадцатый понимал.

Да, это так. У горожан технологии, которые, если их верно использовать, в одном шансе из тысячи, могут разрушить их планы.

Поэтому уничтожение города и себя вместе с ним – лучшее завершение пути. Когда ты знаешь, что прошёл его полностью. До конца...

Все приготовления были закончены. Тяжёлые тела единых, наполненные взрывчаткой, не просто взрывчаткой, а взрывчаткой, использующей одну из самых разрушительных сил – силу связи двух поколений материи, запустили отсчёт.

И в миг, когда был повернут пускатель, и пути назад не

было, семьсот восемнадцатый вдруг изменился. Его конечности вытянулись, глаза покрылись сеточкой, на голове появилась корона.

Отростки поднялись вверх.

Аномал вдруг завыл в неизбывном экстазе, в том не сравнимым ни с чем наслаждении, которое наполнило тело. Он кончал, сильно и страстно, он трясся, так, что уже ничего не чувствовал, кроме счастья, великого и последнего.

– О море огня, я готов!

Едины всё поняли.

И кто перед ними, и что он хотел.

Поняли они и то, что ничего уже не изменишь.

От этого стало больно.

От этого стало мучительно.

Но боль продолжалась недолго.

– Всё, что казалось прочным, пошло вразнос, – Шестой нарисовал три круга, соединённые линиями – символ гильдии стражей.

Новости и правда неутешительные.

В Заводье собрался Совет и объявил о реформе. Точнее, свободе. Совести, как они говорят.

Хотя выражение звучало нелепо. Совесть нельзя изменить, совесть не подчиняется, она свободна от чьих-то желаний. Совесть обычно мешает.

Каждый живущий в Заводье теперь может выбрать веру,

какую сам пожелает, любого бога, пусть даже семейного, выбрать и поклоняться. Как в "Приключениях". Листик попадает в Страну белых узоров, где каждый живущий богат. Потому что у каждого бог. И задача этого бога – исполнять желания одного единственного человека.

Заступник вздохнул.

Заводье не Длиннолесье, его не возьмёшь. Повстанцы разрушат мосты над ущельем, и всё – самый богатый ресурсами край станет самым неприступным. Был бы Заговорённый, он бы придумал. Хоть что-то. Этот бы точно придумал.

Но Заговорённый ушёл. Пару часов назад он сам подписал увольнительную. Потому что обещал, а обещания надо держать – так говорит совесть. Или расчёт? Нет, пожалуй что совесть. Опять эта совесть, кругом эта совесть. Зараза...

Заступник вздохнул.

В Приморье набирала силу новая религия. Или ересь (так, пожалуй, точнее – религия не может возникнуть внезапно, религия настаивается веками). Читают "Дневник", молятся девочке, будто богине, считают праматерью. На днях сожгли корабли и во всём обвинили стражей.

Заступник вздохнул.

– Знаешь, что это за символы? – спросил он у Серого. Вопрос риторический, поэтому Серый молчал, – первый круг – стражи, второй – воины, третий – народ. Который хочет порядка, – Шестой приподнял свою трость и аккуратно затёр две из линий, – народ отпадает. И что? Что остаётся? Ган-

тель...

Заступник вздохнул.

– Народ по-прежнему хочет порядка, – сказал секретарь, – сегодня у гильдии должны появиться новые последователи.

– Прихожане, ты хочешь сказать, – поправил Шестой, – прихожане и последователи – это немного разные понятия. Последователи – они всегда где-то рядом, а прихожане – те могут уйти. И прийти. И снова уйти. Пришли, посидели, ушли. Прямо как в басне.

Заступник вздохнул.

– Прихожане – как лишняя ноша, это стадо, а стадо нужно держать, – он сжал свою руку, – чем больше голов, тем больше мороки. За каждым следи, загоняй. Прихожан у нас много, с последователями проблема. С последователями проблема, – повторил старик тихо. И снова вздохнул, – Особенно после "Дневника". Да и последователи бывают разные. Одних хочется выкинуть, – заступник смотрел на ногу, – другие... не так и плохи, но наивны.

– Идут.

Заступник опёрся на трость и поднялся, медленно, будто надеясь, что больная нога не заметит, да так и останется у скамейки. Куда там. Заметила. Да еще и заныла. О Всемогуший, как же она заныла, зараза...

Чем ближе виднелась процессия, тем громче становилось вокруг.

Впереди, гудя, словно стая летящих стриклов, тянулась

повозка. Сама, без какого бы то ни было животного, с железками вместо колёс, точнее, колёсами, обутыми в железки (что стало видно, как только повозка приблизилась).

На повозке лежало что-то, что-то серое, в основной своей массе, с белыми и цветными вкраплениями, напоминавшее то ли торт (иногда на ярмарке в Междуречье бывают такие торты), то ли макет.

Как только заступник понял, что это последнее, он не на шутку встревожился. Словно художник, которому хочет показать свою работу другой, не менее известный художник. Он опасался (но при этом догадывался), что этот макет затмит его собственные.

Чем ближе подъезжала повозка, тем более грандиозным казалось творение. Тем более кислым становилось выражение лица самого могущественного человека. В конце концов Его Святейшество плюнуло и перестало смотреть на макет. Заступник смотрел на дорогу.

По дороге тянулись люди.

Пешком.

Все идущие были одеты в одежду разнообразных бесцветных оттенков – серую, белую, черную, как и тот, сплюснутый рудокоп.

Горожане.

– Они хотят на равнину... И идут ни к какому-то дядьке, а к нам. Значит, мы ещё держимся.

Всем телом нависая над тростью, вытянув вперёд своё

хищное заострённое лицо, старик походил на коршуна, который изучает добычу. Хотя, на самом то деле, и поза, и взгляд – всё было вынуждено, а если сказать более точно, то вымучено. Оперевшись на трость, он тем самым немного, но успокаивал ногу, а подавшись вперёд, пытался увидеть. В деталях. Когда-то, ещё в пору юности, он мог разглядеть одинокого воспа, впавшего в спячку. В раскидистой кроне деревьев. Но годы не те, глаза видят плохо, приходится всматриваться.

А всматриваться было интересно.

За повозкой шли горожане, а за горожанами будто еще две повозки. Тоже не маленькие. Грузёные шкод знает чем. Возможно, это дары, а, возможно, и личные вещи.

Первое радовало – как никак, а дары – проявление уважения. На этом можно сыграть, и у гильдии появится будущее. В последнее время это не будущее, это, скорее, туман.

Второе не очень. Если вся эта орава осядет в Прихолмье, просто сидеть она не захочет. И всё зависит от того, что эти самые горожане собираются делать.

Но, в любом случае, то, что они пришли, да не к кому-то, а именно к стражам, само по себе не плохо. Само по себе вдохновляет.

– Заступник, мне нужно идти, – раздался вдруг голос.

Старик обернулся.

– Прислали гонца. Важные вести, – Заговорённый держал письмо.

– Ну что же, идите, – ответил Шестой, – могли и не спрашивать. Вы не на службе.

– И всё же.

– Идите.

Воин, теперь уже бывший, откланялся, отдавая последнюю честь – и ушёл.

Вовремя.

Повозка остановилась. Из-за неё показалась группа, человек четверо.

Все четверо носили черные одежды, а на груди, прямо в районе сердца, красовались нашивки. Серебряный шар.

– Экипаж Полной Луны из города Надежды приветствует Вас. Примите подарки, – сказал самый первый.

"Всё же подарки" – подумал старик.

– И первый подарок, от нас, горожан, вам, народу равнины, – человек повернулся к повозке, – этот макет, созданный лучшими мастерами нашего города.

Она стояла, положив ладонь на берёзу. И улыбалась.

Как тогда. Они встретились тоже в берёзовой роще, и навещали её ещё много, много раз. Сидели, болтали, слушали пение птиц, стрекотание ангелов, позёвы саммак.

Но это было давно.

Она исчезла, внезапно. Никто и не думал, что женщина просто ушла, просто взяла и ушла, ни сказав перед этим ни слова. Ни ему, ни даже их дочке, которую они так и называли

– Берёзка. Просто сбежала. В самое тёмное время.

Потом всем посёлком искали. По Лесу, за Лесом. Но не нашли. Какой-то бродяга сказал, будто видел огромную тень, будто она опустилась на землю, и именно к ней направлялась женщина. Суеверные сразу решили, что прилетел чёрный ангел. А те, кого забирал этот ангел, не возвращались.

Дочка плакала, первое время, но после уже успокоилась. Она была маленькая, и, конечно, забыла, как мать её целовала, держала у самой груди, как пела ей песни.

Но он не забыл. И она тоже знала, что не забыл. Поэтому и стояла так, как стояла. Поэтому и встретила с ним в берёзовой роще.

– Ты всё же пришёл, – Любящая глядела так, будто не было этих лет, будто они расстались вчера – и он растерялся, – а я боялась, что не придёшь.

– Ты по поводу дочери?

– Почему ты так думаешь?

– Потому что это единственное, что нас связывает.

– Единственное? – женщина казалась озадаченной. Она будто теряла опору. И только сильнее прижималась к дереву, – хорошо. И что же Берёзка? Ах да, Берёзка в темнице. Ты её бросил.

Заговорённый опешил:

– Странно, что ты говоришь мне об этом.

– Не упрекай, – тихо сказала женщина.

В её глазах читалась мольба.

"Что тебе нужно, – подумал он, – чего же ты хочешь?"
Прошло столько лет, и ты вдруг решила. Встретиться. Поговорить. О чём?

– Я позабочусь о ней, – сказал он так мягко, насколько умел. Насколько позволяли сейчас обстоятельства, – если её и осудят, сидеть она будет недолго. Шестой обещал. Да, он жёсткий, даже жестокий, но обещания держит.

– Шестой... – Любящая улыбнулась. Самой нелепой улыбкой, – ну ладно. Хотя он уже не поможет. Как, впрочем, и стражи...

– Стражи у власти. Всё, что касается бунтовщиков, решают они.

Женщина закивала, в такт собственным мыслям. Она о чём-то задумалась, или к чему-то готовилась...

Заговорённый вспомнил, как и тогда, много-много лет назад они так же стояли у рощи. Втроём – он, она и Берёзка. И Любящая, обычно такая весёлая и игривая, вот точно так же кивала. И думала, думала, о чём-то своём.

А после ушла.

Мужчина почуял недоброе.

Что-то случилось, а, может, случится. Она ничего не делала просто, и если решила встретиться, значит, не только...

Запах масла, знакомый ещё по тем, далёким воспоминаниям, вскружил ему голову. Лишь на мгновение.

– Ты что-то задумала, Люби? – спросил он чуть слышно, – скажи.

– Скажи, Люби, скажи, – подразнила женщина. И почему-то испуганно вскинула брови.

Глаза вдруг забежали, дыхание участилось. Она провела рукой по лицу, по щетине, прикоснулась к губам.

– Молчи. Ты сам всё увидишь. Услышишь. Заги...

Мужчина нахмурился.

– Люби, скажи, что задумала.

– Не я задумала, Заги, не я. Есть более могущественные, есть силы, о которых ты и не слышал. Они нам помогут, Заги. Они сплотят человечество. Скоро. Мы будем единым, Заги. Представляешь, единым. Без боли, страданий, конфликтов. Заги. Так надо. Слушай... – Любящая коснулась груди. Ласково, нежно. С любовью.

И в этот момент что-то ударило, в бок. В небе раздался гром.

Заговорённый упал.

Нет, не гром, думал мужчина, пытаясь подняться. Над ним раскинулось небо, чистое и безоблачное.

Тело заныло, откуда-то снизу – возможно, он рухнул на сучья. Сверху лежала Любящая.

Отбросив лежащую, Заговорённый поднялся. Ноги не слушались. Голова походила на колокол.

Он повернулся, чтобы уйти.

И обомлел.

Вдали, у самого края Леса, там, где стояли посёлки, поднималось облако. Медленно и величественно. Точнее, его

поднималась колонна, такого же пепельно-серого цвета. Как будто бы гриб, но только невероятных размеров. И гриб этот рос.

– Какого... – Заговорённый смотрел на женщину, тупым ошарашенным взглядом.

Та зашаталась. Как пьяная.

– Ну почему это, как? – мужчина запутался.

– Нет больше стражей. Бых-бых. Не надо любить так макеты, в макетах бывают сюрпризы. И собираться всем вместе тоже не надо. Но, – женщина развела свои руки, – выводы делать поздно. Ни стражей, ни команды Полной Луны. Но последнее просто приятная мелочь...

“Просто” было сказано через нос.

Заговорённому стало плохо.

Полностью уничтожить селение?

– Я должен тебя арестовать.

– Нет, ты не сделаешь этого, Заги. У тебя в голове закон, – женщина подошла совсем близко и заглянула в глаза, – и что закон говорит? Правильно – ты не воин, ты больше не служишь стражам. Впрочем, стражам не служит никто. Потому как служить больше некому, – Любящая стала давиться. А может, смеяться.

– Только не говори, что ты это сделала ради дочери, – Заговорённый поморщился.

– Я бы спасла свою дочь. Всё равно. А что насчёт взрыва... Ну да, я в этом участвовала. Но не я принимала решение.

Решение принимали ОНИ. Гораздо более мудрые, чем я, чем ты, чем всё человечество. Они наконец то поняли, что значит стражи, что значит эта маленькая кучка дерьма. Стражи – зло, а со злом надо бороться, – в глазах у Любящей появился блеск, словно у человека во время пылающих, – два начала ведут этот мир – объединения и распада. Любая сила может принять либо одну, либо другую сторону.

– Это не твои слова.

– Не мои. Но они правильные.

– Взрыв – это распад.

– Ошибаешься. Когда в организме опухоль, её вырезают.

Ну иногда прижигают.

– Ты сумасшедшая.

– Я сумасшедшая. Как и ты. Мы оба с тобой сумасшедшие, – Любящая потянулась к мужчине губами, но тот отстранился, – я спасла тебя, бе-зу-мец. Как думаешь, почему?

– Уходи.

Женщина зашипела. Как кошка, в которую бросили обувь.

Губы её задрожали, глаза увлажнились.

– О Боже, – шепнула она, и закрылась в ладони, – ты так и не понял.

– Я понял.

– Нет, ты не понял. Ведь я горожанка, Заги. Я всегда была горожанкой. Тебе не понять.

– Ты ответишь, – Заговорённый вдруг задышал. Часто-часто. И попытался схватить её за руку.

– Даже не думай, – женщина отступила, – я мастер открытой ладони. Меня не поймать.

Мужчина помедлил. Потом повернулся и стал уходить. Всё дальше и дальше.

– Стой! – закричала она.

Но воин не слышал. Он подошёл к прыгуну и начал отвязывать.

И услышал. Оба услышали.

Снова.

Это был взрыв.

Не такой громкий, как первый, но очень и очень далёкий. Где-то в горах, а может, чуть ближе, но там, за холмами. Даже не звук, это был отголосок того, что случилось. Вообразить невозможно, куда бы их разбросало, будь этот взрыв так близко.

Заговорённый всё понял.

И замер, прислушиваясь.

– Лабиринт, – ответила Любящая, – там, где живут эти твари. Вернее, уже не живут. У нас есть друзья, милый Заги. И эти друзья нас спасли.

Мужчина нахмурился.

"Что-то не так, – подумал он вдруг, – это, наверное, дымка. От взрыва. А может..."

И глянул на небо.

Нет, туч, или дымки над головой не было. В небе горело солнце.

Но светило оно словно лампа, в доме с закрытыми ставнями.

В доме без выхода.

Он бежал через лес, через луг, через Поле Ромашек. Ступни, покрытые ранами, лишь подгоняли, но в самом начале. Теперь он не чувствовал боль.

Скоро свершится пророчество.

Бог рассердился. Хлопнул в ладоши. Два раза.

Один раз чуть слышно, второй уже громче.

Он то, Уух, глупый маленький человечек, подумал было, что это гроза, там, где-то за морем. И улыбнулся. И продолжал наслаждаться Аахой.

Но солнце вдруг начало гаснуть.

Ааха отбросила Ууха, провела вокруг шеи, подняла верху палец, и застонала.

Уух задрожал. Он понял, что это конец.

Свершится пророчество. Солнце погаснет. На землю опустится ночь, тёмная и холодная, ночь без конца и без края. К которой они не готовы.

И он побежал.

Оставив Ааху, оставив собратьев, с которыми когда-то спустился на Черные Камни.

Да, ночью на Черных не выжить. Надо бежать. Надо вернуться, пока не стемнеет, броситься ниц перед Великим Жрецом Его Прекраснейшего и Сиятельнейшего тридцать

пятого воплощения Спасённого Морем, и умолять о прощении. Показать, что забрали, насильно, и вот он вырвался, с трудом, но всё-таки вырвался из-под надзора мучителей, и по камням да веткам босой побежал во дворец.

Главное, прибежать самым первым.

Последних постигнет кара, так уже было. Ведь есть изменники, а есть те, кого они совратили. Заблудшие души, так говорит Великий. Заблудших он примет, изменников нет. Изменников ожидает сюрприз. Уух содрогнулся, представив, к каким изошрённым сюрпризам готовят изменников.

Уух уже предвкушал, как будет лежать у ног Прекраснейшего, лизать его пятки. Как Прекраснейший будет хихикать и тыкать под бок. Оо, с каждым таким пинком он будет ближе к прощению. Всё ближе и ближе. Ведь если пинает, то нужен, и, значит, прощён.

Парень бежал и бежал, не чувствуя ног. Не чувствуя боли, усталости. Бежал, чтобы успеть.

И лишь иногда поглядывал вверх, чтобы увидеть солнце.

Эх, зря он поглядывал.

В один из таких моментов земля, небо – всё вокруг перевернулось, и лицо оказалось в грязи.

Уух попытался подняться.

Не смог.

Ногу пронзила боль.

"Как некстати" – подумал Уух, чуть не плача.

И понял, что опоздал.

Когда увидел её, грациозную и красивую. Она пронеслась совсем рядом, как лань, окатив его грязью. Лишь сбоку взглянув на Ууха.

И только прибавила скорость.

Так, словно бежала за Даром, в час своего посвящения.

Да, теперь ей лежать в ногах Прекраснейшего, Сиятельнейшего владыки, а может, ласкать его тело. Ей, не ему.

Мужчина заплакал.

"Ааха, Ааха, Ааха" – хрипело в груди.

А когда увидел собратьев, других, с кем во время Рассвета спустился на Черные Камни, то зарыдал. Во всю свою глотку.

И начал грызть землю.

Уффф...

Ну и события.

Одно за другим, и одно другого ужаснее.

Давайте пока отдохнём.

Расскажу вам историю. О герое, которого вы и так давно знаете.

Герой знаменит, и знаменит он по праву. В самом шумном месте равнины, между Красной и Жёлтой Осью знаменитого Междуреченского рынка стоит статуя. Посвященная – нет, не Шестипалому, не Сутулому, и даже не Богу. Ему. Самому известному путешественнику, персонажу самой читаемой книги, тому, чья удача считалась примером.

Конечно же, Листику.

Да, собственно, кто такой Листик? Что говорят “Приключения”?

Когда-то он был рудокопом. На руднике, в самом центре того самого Острова, которым правил Стратег – правитель, что избирался комиссией из числа влиятельнейших жителей. Стратег жил во дворце, окружённом знаменитыми на весь мир Аллеями, а в конце своего правления отчитывался о достижениях и неудачах. Если первых было больше, его награждали, а иногда даже ставили статую, при жизни, а если наоборот – судили и изгоняли с Острова. Большинство изгнанных попадало потом в Солнечную Страну, жаловалось тамошней королеве, и иногда добивалось успеха. То есть, делало не менее интересную карьеру.

Но Обиженный с ним, со Стратегом.

Я хочу рассказать вам о Листике.

Итак.

Листик был рудокопом.

Работать он не любил, хотя работать ему приходилось, а любил он мечтать.

Сядет, бывало, на камешек, и мечтает. О странах, про которые слышал от матросов. О странах, в которых никто не бывал. О странах, которых никто никогда не увидит.

И вот однажды, ударив кайлом, он что-то услышал. Как будто бы кто-то пищал.

Он ударил опять.

Кто-то крикнул. Тоненько и противно.

Он приподнял свой фонарь (в штольне было темно) и начал искать.

Но никого не нашёл.

Листик махнул и ударил сильнее.

– Оо! – заорал чей-то голос.

Ударил опять.

– Ооо!

– Кто здесь? – спросил рудокоп.

– Я! Под камнем!

– Каким таким камнем?

– В который ты ударяешь.

– Ах, вот как, – Листик опешил, – так значит, ты замурован.

– Вмурован.

– Давно?

– Давненько. Возможно, с начала времён. Точнее, с того, что вы называете временем.

– Ах, вот как.

– Ах, да, – подразнил неизвестный, – нет, ты представляешь? Ты представляешь, как тут одиноко?

– Не представляю. Но как бы догадываюсь.

– Вот то-то, – голос вздохнул, – достань, я прошу.

– Достану. Ты только скажи, кто такой? Быть может, ты демон, запечатанный в камне.

– Я демон, – ответил голос, – запечатанный в камне.

– Вот видишь, – теперь вздохнул Листик. И сел.

– Вот видишь... Достань, человек. А, достань. Достань, ну достань, ну достань...

– Не достану.

– А почему?

– Ты же демон.

– И чем же я плох?

– Тем, что демон.

– А чем плохи демоны?

– Демоны злые.

– Кто говорит?

– Все говорят.

– А кто сказал всем?

– Кто сказал... Боги.

– Теперь всё понятно, – несчастный вздохнул, – мы с ними боролись за право создания мира. Точнее, мы мир создавали. Вместе. Мы создавали, они разрушали. Они создавали, мы разрушали. Это не могло продолжаться. Кто-то должен был победить. Так вышло, что победили боги. Вмуровали нас в камень, а потом оболгали. Если бы победили мы, всё бы было наоборот. Для вас бы боги были плохими.

– Понятно, – сказал Листик, подумав, – но всё вокруг – творения богов. Ваши творения боги разрушили. Ты будешь вредить.

– Не буду. Ведь это бессмысленно.

– Точно? – спросил рудокоп, – кто-то мне говорил про одну теорию. Как будто теория игр, хотя могу ошибаться.

Так вот, получается, что всегда надо мстить. За всё, что тебе причинили.

– О, эта теория действует только при достаточном количестве итераций, а не по отношению к одному единственному акту творения.

– Чего, чего? – не понял Листик.

– Не важно. Просто поверь.

– Это трудно. Мне с малых лет внушали, что демоны – зло.

– Охохо... Мне внушали. Ну ладно... Слушай. Это судьба.

– Это судьба?

– Ты мечтаешь.

– Мечтаю.

– Ты хочешь уплыть. Далеко – далеко.

– Хочу.

– Ты уплывёшь. Это судьба, что мы встретились. Мы на свободе. Я на свободе, и ты. Что пожелаешь, исполню.

Листик вскочил.

– Ты серьёзно? Ты выполняешь желания??

– Выполняю. Если надо что-то подправить, там, в ткани, в картине мира, чуть-чуть изменить узор – я могу. В отдельной локации.

– Ты можешь построить корабль? И дать мне команду? И денег? И...

– Слушай, давай не усердствуй. Я исполняю желания, но только в пределах. Разумных. И с минимумом изменений. Кратчайшим путём в ткани мира. Ты хочешь уплыть в путе-

шествие? Ты уплывёшь. Но для этого не надо выстраивать новый корабль, не надо плодить команду. И не надо на пустом месте создавать кучу золота. Нужен один документ, одна лишь бумажка, которая даёт тебе право отплыть, куда хочешь, с кем хочешь, и с нужным довольствием. Обычно бумажки хватает.

"Обманет, – Листик нахмурился, – конечно, обманет".

Но он так истосковался по изменениям, ему так надоела эта монотонная тупая работа, что руки схватили кайло.

Три уверенных взмаха, три точных удара отделяли демона от свободы.

"Три точных проклятия" – думал рудокоп, шатаясь после таверны.

Когда он пришёл домой и зажёл настольную лампу, то протрезвел. Моментально.

На столе лежала бумага, подписанная Стратегом.

– Это, скорее, спираль, не Лабиринт, – Рубо сидел на корме и рассказывал впечатления, – сооружение очень высокое. Сотня витков, а может, и больше. Витки соединены коридорами, поэтому можно и потеряться, если не знаешь как это строение выглядит, и если не чувствуешь, вверх ты идёшь или вниз. А если подниматься, или спускаться, всё время, то не заблудишься. Рано или поздно пройдёшь Лабиринт и выйдешь к воротам. Либо вверх – тогда выйдешь к верхним, либо вниз – тогда к нижним. А мы плывём ниже, туда, где от

нижних ворот открывается путь в Малый Мир.

– Я раньше входила в верхние, точнее влетала, – Ответила Первая. И улыбнулась. Слабо и как-то растерянно. Да, её приключения – это отдельная книга. Она как листок, который кружится, в начале ночи. Ну или зонтик, который уносит, всё дальше и дальше. В самом начале дня.

И каждое её путешествие всё загадочней и загадочней.

Теперь она в лодке, построенной неизвестно кем, возможно, тем обывателем из пещеры, чьи вещи девушка так заботливо и аккуратно сложила. В сумочку.

Лодка плывёт по реке, уходящей всё глубже, в то время как горы поднимаются выше. Дышится трудно, воздух густой и тяжёлый, но ты об этом не думаешь, ведь всё, что тебя окружает, так необычно.

Окружающее отвлекает и завораживает.

И всё ничего, но ущелье становится уже, стены сжимаются, кажется, что немного, и эти стены сойдутся, лодка застрянет – и всё. Дальше они не пройдут, а обратно не смогут. Против течения не поплывёшь. Ведь река, хотя и спокойна, но воды её уносятся. Всё быстрее и быстрее. Как жирное молоко, которое льётся по желобу.

Говорить приходится тихо, ты пугаешься собственных слов – настолько нереально они звучат. Насколько звонко и громко. Кажется, отразятся в ущелье, и там, чуть подальше, их кто-то услышит. Их кто-то услышит. Услышит...

В воду смотреть не хочется. Ты боишься любого движе-

ния, которое вдруг заметишь, боишься глядеть в эту бездну, гадая, насколько она глубока.

А она глубока, конечно, вне всяких сомнений.

И ты поднимаешь голову, чтобы не опускать, и наблюдаешь всё, что тебя окружает.

И поражаешься.

Звёзд над ущельем нет, здесь потолок слишком низкий, а камень совсем другой. В тонких и частых прожилках, и эти прожилки светятся. То красным, то синим, то вообще непонятным, радужным светом. Чем дальше, тем ярче.

Чем дальше, чем глубже...

"Как странно, – подумала Первая, – горы вздымаются вверх, а мы уносимся вниз. На маленьком утлом судёнышке".

Но нет, лодка казалась прочной. Хотя была маленькой.

Из чего же она изготовлена? Вроде бы дерево, а вроде и нет. Да и кем она изготовлена? Тем существом, что сидело в пещере?

Первая осмотрела находки – бусины из неизвестного материала, нанизанные на нитку, что-то похожее на щипцы, табличка с нацарапанными на ней непонятными символами, и вот, предмет, которым она дорожила, наверное, самый загадочный – коготь от непонятого существа.

Ангела? Нет, этот больше, гораздо, хотя и похож. Пестрокрылого? Вряд ли. Для этих пещера была слишком низкой, а лодка – короткой. Они вдвоём в этой лодке сидели впритык,

уткнувшись в колени. Плыла она одна, ей бы тоже казалось тесно. Значит, существо, владевшее когтем, если это оно построило лодку, было с подростка. А может, и ниже.

– Загадка, – подумала девушка. Вслух.

– Конечно, загадка, – ах, Рубо читал её мысли. Конечно. Зараза. А недавно ведь обещал, ну прямо-таки клятвенно, что делать так больше не будет.

Первая показала табличку.

– Так что же? – спросила она у техника, как можно тише, чтобы не испугаться собственного голоса, – ты можешь прочесть?

– Я? – проводник замигал огоньками, – Вот это? Прочесть? Я не Ово, Великий и Мудрый. Ово бы прочитал. Подумал, а потом прочитал.

– Так попробуйся.

– Нет. Я даже пытаться не буду.

– Понятно, – ответила девушка, пряча находки обратно, – и при этом ты всё же надеешься, что сможешь надуть, и не кого-нибудь, а самих паучков.

При этом она вздохнула, так театрально и безнадежно, что даже Мутный оторвался от своего созерцания и искоса глянул на Первую.

– Да, я смогу, – Рубо подпрыгнул. Его наполняли самые разные чувства. И цвета его тоже переполняли самые разные. Красный, зелёный, синий. Индикаторы просто сходили с ума, – я буду читать их мысли. Я научился. Проникнуть в

мозги хранителей проще, чем в ваши. Об этом я, кажется, говорил.

– Кажется, говорил, – подразнила девушка, – Ну-ну. А ты знаешь – она понизила голос до шёпота, – какие они хитрые? Какие они коварные? Ты знаешь, что эти твари обманули самую умную женщину в мире? Нет, не меня, – она улыбнулась, увидев, как Рубо застыл. По круглому телу техника, лежащему на корме, пробежали красные огоньки, а значит, он думал. Возможно, пытался понять, каким это образом самая умная женщина сумела узнать, что это она самая умная. И только бестолку нагревался.

– Рубо, я так, не буквально. Просто умная женщина оказалась не очень-то умной. Нет, это не я, – Первая посмотрела на Мутного, который снова уставился.

Но, проследив его взгляд, она поняла, что пареньь глядит ЗА неё. Взгляд не мигал, рот приоткрылся, и девушке стало не по себе.

Медленно, готовясь к тому, что увидит, она повернула голову.

И чуть не свалилась в воду.

Река исчезала. Буквально. Она затекала под берег.

За берегом, который покрывал то ли песок, то ли мелкая крошка из непонятого материала, был выдолблен грот. Камни вокруг этого грота светились, похоже, это были те самые камни, которые добывают в Заводье. Но те, что в Заводье, мелкие, и попадаются редко, а эти огромные, собраны

воедино и формируют сияющий свод.

А рядом, чуть сбоку, стояло существо, наверное, самое неприятное из всех неприятных существ. Нет, там, маара или склизняк, ну, или, допустим, какой-нибудь таракан – всё это мерзость. Но те хотя бы молчат. А эти стрекочут, пищат, скрипят, с таким умным видом, с таким чувством собственного достоинства, что хочется взять и засунуть. Обратно. В яйцо.

Да, это стоял паучок. У паучка была палочка. И концом этой палочки паучок показал на лодку.

А лодка летела. Буквально. И задержать эту лодку могло только чудо.

"Оо. Началось" – подумала девушка, постаравшись сгруппироваться.

Но, к счастью, удар был не очень. Лодка вонзилась мягко.

Путники вышли и попытались пройтись. Конечности затекли и стали немного чужими.

"Вы кто?" – услышала девушка. Нет, не услышала, получила, будто пакет. Взяла и открыла.

Техник мигнул, как-то вяло (сдерживается, подумала Первая, он всё же умеет сдерживаться), и, видимо, что-то сказал. Точнее, послал в ответ.

Паучок начал булькать.

"Мы в Малый Мир, – продолжал думать Рубо, на этот раз он посылал хранителю мысли, которые слышали все, возможно, считая, так думала Первая, что это невежливо – раз-

говаривать только вдвоём, – Я провожаю двух аномальных. К Сиятельному".

"О, к Сиятельному, – хранитель процокал, – дело хорошее."

"Он хочет кого-то из этих. Ну, чтобы войти во вкус".

"О, во вкус аномальных. Я понял, – паучок постучал своей палкой, и слегка зашипел. "Словно гусь" – подумала девушка, – я обожаю Сиятельного, но зачем ему эта морока? Мы сами исследуем аномальных".

"Возможно, Сиятельный сделал нелёгкий и трудный выбор. Как Старый Хэлой из легенды. Он сам воплотился в ползунчика, а из тела вылезли новые".

"Новые избранные. Да, – просвистел паучок, – и эти избранные стали на путь Искупления. Они искупили грехи первых предков".

"Так и Сиятельный" – тихо промолвил техник.

"Но я удивлён, что ты слышал о наших легендах".

"Нет, я не слышал. В меня вложили".

"В тебя вложили. Как мудро. Зная легенды, знаешь прошлое, а зная прошлое, можно конструировать будущее. Разбирая прогнозы назад, строить прогнозы вперёд."

"Будущее становится определённым" – дополнил Рубо.

"О бог наш Обиженный, – подумала девушка, – с нами то он ребёнок. А тут экой важный".

"Ну что же, – стражник мотнул своей мордой, – не буду задерживать. Ты, как я вижу, новенький, таких железных по-

мошников я раньше не видел".

"Выпускают на двадцать девятом уровне, – послал информацию Рубо, – я первый. Но нас будет много. Как только погаснет солнце, завод запустят по полной."

"О, солнце гаснет. Уже" – прокричал хранитель.

"Уже??" – изумилась Первая. Их миссия стала еще более трудной – не просто не дать чему-то случиться, а направить это случившееся обратно. Во времени.

"О да, аномальная, да. Как много же с вами мороки, – хранитель стучал своей палкой, – какие-то вы очень сложные. Но раз уж Сиятельный сам решил вас исследовать... Скажи" – повернулся он к Рубо.

"Четвёртого пятого третьего шестого седьмого девятого наступит седьмая четвёртая шестая девятая пятая и скажут четвёртому первому седьмые восьмые девятые пошли нас на первое пятое седьмое восьмое четвёртое"

Конечно же, это был пароль, и, конечно же он состоял из цифр. Должен признаться, что цифры были не те, что написаны в тексте, но чтобы продемонстрировать всю красоту и текучесть сказанного, их пришлось изменить. Да, когда хранители произносят, а, правильнее будет сказать, думают вслух, всё, что касается математики, звучит словно музыка. Или стихи.

"Мои последние сомнения отпали, – ответил охранник, – я открываю вам путь. О Малый мир, как я хочу снова там оказаться. Как же тебя не хватает" – он заскрипел, как телега,

которая прошла очень долгий и трудный путь.

Потом приподнял свою палку, и стал опускать.

Но в этот момент что-то случилось.

Послышался гул, который заполнил всё – и уши, и ноздри, и голову. Снаружи и внутри, каждая прожилка в камне, каждая клеточка тела как будто встряхнулись. Снова и снова.

Вода накатила на берег.

"Быстрее, быстрее, – скрежетал беспокойный хранитель, показывая на дверь. Та неожиданно сдвинулась, обнажая проём, заполненный светом, – Это был взрыв, скоро придёт вода и грот окажется под водой".

"Что же случилось?"

"Не знаю. Но взрыв очень мощный".

"А ты?" – спросил неожиданно Рубо. Зелёные огоньки замигали, не кучно, но быстро. Да, он действительно переживал, не за кого-то знакомого, за существо, которое видел впервые. Рубо, такой восприимчивый техник.

"Не бойтесь, я выживу, – ответил охранник, – Из каких только случайностей не вылезал Серый Фахус. Удачи. И вам, аномальные, тоже" – он цокнул, потом присвистнул, а после чуть клацнул.

Так грустно, что Первая вдруг поняла – Фахус тоскует. Нет, не боится, тоскует. По Малому Миру. Она знала, что именно так хранители называют свой дом. Как она поняла, каким таким чувством? Ведь хранители выражают всё по-другому, это не люди. Но вот поняла.

“Возможно, они не такие плохие, эти хранители, – думала девушка, после того, как кабинка закрылась. Они полетели, почти невесомые, вниз, – возможно, их обманули. Ведь обмануть доброго проще, чем злого. И по белому легче чертить, чем по-чёрному”. Так говорила бабушка. И была, конечно, права.

Она посмотрела на Мутного.

Парень стоял, точнее, висел в их кабине, погружённый в какие-то мысли. Если спросить, в чём же дело, он не ответит.

Её раздражала эта ненужная замкнутость, которая последнее время как будто окутала парня. Всецело.

Девушка посмотрела на Рубо, и вспомнила, как однажды тот говорил об одном предположении, которое высказал Создатель. В сообщении, посланном миру, Создатель пытался понять, что случилось, там, у горы, когда он исчез. Это предположение её поразило, одновременно и простотой и загадочностью.

"Кто-то замкнул вход на выход".

Теперь, смотря на того, с кем она связала последние годы, Первая вдруг догадалась. Она вдруг постигла весь смысл этой фразы.

Да, в Мутном что-то замкнуло.

– Мы собрались здесь, все вместе, чтобы еще раз подумать – что же случилось и что же нам делать, – сказал председатель.

– Что произошло и как с этим бороться, – добавил Холёный, – мы постоянно вот так собираемся и постоянно пытаемся думать.

Это был не сарказм.

Совет понимал – то, что сказал самый колкий из всех сопричастных, серьёзно. Случилось страшное, а они всё сидят и решают.

Время заседаний прошло, будущее неопределённо, и теперь Узкий Круг действительно похож на сборище мудрецов, что заперлись в замке и ждут каких-то знамений.

– Я понимаю, – Хриплый вздохнул, – бывший формат заседаний исчерпан. Он не соответствует всей напряжённости ситуации. Но я так же знаю и мудрость – всегда, в любом деле, нужно хранить хладнокровие. Да, солнце погасло. Город взорвали, а вместе с ним знания, которые мы надеялись получить. Гильдия стражей оказалась не той самой гильдией, которая может сплотить наш народ. Я виноват, – председатель прокашлялся, – долгое время моя вера в Шестого, возможно... возможно, я знал его с детства, поэтому верил, поэтому не видел то, что видели другие. Как в стихотворении Темнобрового: "Хорошо видно то, что далёко". Извините за лирику, лирика сейчас, конечно же, не уместна... я просчитался, – Хриплый выдержал паузу, ожидая реакции. Но молчание было глубоким, – что ж... Говорить всё-таки надо. Заложить основу того, что позволит перейти уже к действиям. Средний?

– Согласен, – сказал сопричастный, – события, которые произошли, я бы назвал судьбоносными. В чём-то ужасными. Но выход, конечно же, есть. Поэтому давайте суммируем то, что известно. Тогда будем знать, от чего же отталкиваться, на чём строить планы. Итак, – Средний нагнулся вперёд, чтобы свет, идущий от люстры, освещал и лицо, – солнце погасло. Единственным выходом из создавшейся ситуации представлялось уничтожение Лабиринта, комплекса, построенного теми, кого называют хранители. В этом комплексе, предположительно, находится установка, которая запускает эксперимент.

– Извините, – Холёный решил вмешаться, – предположительно согласно чему?

– Согласно простой человеческой логике.

– Человеческой?

– Да. Другой не имеем. Если кто-нибудь что-нибудь делает, разумно предположить, что он это делает там, где находится. Вам, как бывшему законнику, это известно.

– Принцип локальности, – согласился Холёный, – но в данном случае, дорогой сопричастный, он не работает. Мы не знаем, все ли экспериментаторы в Лабиринте. Вполне разумно предположить, что Лабиринт лишь одно из строений, а установка находится там, где находится.

– Возможно и так. Но наш источник, на данный момент единственный, говорит нам о том, что Лабиринт колоссален. Поэтому "вполне разумно предположить", – Средний обыг-

рывал своего собеседника, – что в этом месте сосредоточено всё. В том числе и установка.

– Установка, установка, – небрежно отмахнулся Холёный, – мы даже не знаем, что это такое. И есть ли она вообще. Возможно, это вовсе не механизм, возможно, что-то подобное магии.

– Магия тоже предполагает предметы. Катализаторы и умножители силы. Взрыв бы разрушил и их. Вообще то, в данных условиях это было единственное, что мы могли совершить.

– Дорогой мой стратег, – Холёный сказал это громко, – единственное, до чего мы додумались, не значит единственное вообще.

– Хорошо, – согласился Средний. Его спокойствие не могло прошибить ничто, даже страстная напористость собеседника, – что предлагаете Вы?

– Я? – не растерялся последний, – я вовсе не предлагаю. Я в данный момент уточняю. Чтобы фразы звучали правильно. Возможно, у членов Совета есть мнения, и, возможно, они могли бы их высказать. Нам всё равно придётся об этом думать. Мы всё равно что-нибудь упустили. Поэтому, ещё раз – единственное, до чего мы додумались не значит единственное вообще. И нам необходимо это принять. Если, конечно, мы хотим что-то делать. Потому что сидеть и ковыряться в носу мы умеем, и действовать грубой силой – убить там, взорвать, кажется, тоже. Но иногда нужно действовать

тонко. Пинцетом.

– Да, – сказал председатель после молчания, – мы об этом подумаем. У Любящей есть человек в Лабиринте. Возможно, он что-то подскажет.

– Возможно, – Холёный вздохнул, – самое важное слово. И самое неопределённое... Ладно, простите, за то, что вмешался. Но я хочу одного – чтобы каждый из нас думал гибко. Мы обладаем властью, и властью не маленькой. Власть предполагает ответственность, и каждое наше решение должно быть обдуманно.

– Решение о взрыве принимали не мы, – подсказал председатель.

– Да, и в конце концов это было достаточно обоснованное решение, – вывернулся Холёный, – оно могло увенчаться успехом, если бы не случилось то, что случилось. Но есть и другие решения, которые ждут.

Председатель прокашлялся:

– Средний.

– Продолжим, – ответил докладчик, – Почему взрыв случился не там? Первая мысль – обманули. Первая и единственная. Пестрокрылый либо отвёл удар от Лабиринта, либо хотел уничтожить город. Возможно, и то и другое.

– Возможно, обманули самого пестрокрылого, – предположил Холёный.

– Возможно, – добавил человек с озёрным акцентом, – песцрокрылые – народ непонятный. Их цели нам неизвест-

ны.

– Как бы то ни было, случилась беда, – Средний сказал это ровно, так, будто бы вёл монолог, – уничтожен город, с которым у нас были особые отношения. Город с важными знаниями и технологиями.

– Кто-то выжил? – спросил председатель.

– Статистики мы не знаем. Пока. Возможно, что-то подскажет Любящая. И третье, – Средний сказал это быстро, видимо, опасаясь, что упоминание самой противоречивой женщины вызовет пересуды и уведёт общение в сторону, – это стражи.

В зале зашевелились.

– Мы не должны подвергать сомнению решения Россыпи, – лектор выдержал паузу, – в данном случае, всё было сделано правильно. Стражи бы не ушли, ни сами, ни под давлением. Шестой оказался безумным. Пожар в Длиннолесье, резня у излучины, сожжение кораблей...

– Извините, что перебею, – сказал председатель, – но есть достаточные причины сомневаться, что последнее сделала гильдия.

– Согласен, – Средний кивнул, – но, думаю, всем нам понятно, насколько она прогнила. Теперь это опухоль, которую вырезали. Правление стражей прошло, и нам выбирать, что же делать. Как всё собрать воедино.

– Выбор в руках Белой Россыпи, – заметил Холёный, – и нам выбирать, ковыряться в носу или нет.

– Прошу, без сарказма, – сказал председатель, – я знаю, что виноват. Долгое время я верил Шестому, наверное, потому, что знал его с детства. И теперь прошу прощения, перед каждым из членов Совета, – Хриплый казался подавленным, – в качестве наказания я слагаю свои полномочия, – в зале задвигались, – я покидаю Совет. Следующее заседание пройдёт в обновлённом составе.

– Я полагаю, ваше решение согласовано? – спросил чей-то голос, с придыханием, похожим на кузнечные меха.

– Белая Россыпь знает. Они согласны. Россыпь предлагает кандидатуру, пускай и противоречивую, но в нынешних условиях правильную.

– На место члена Совета? – поинтересовался Холёный, – или на место председателя?

– На место председателя и на место члена Совета. Одновременно.

– Во как? Сразу и в председатели? Кто же это? Невинный?

– Невинный пропал, – добавил Средний, как всегда бесстрастно и почти равнодушно.

– Так всё же Невинный? – Холёный, казалось, не слышал.

– Белая Россыпь предлагает только одну кандидатуру, – Хриплый выдержал паузу, зная, что то, что он скажет, вызовет неприятие, – женщина, которая знает о том, что случилось, больше всех остальных.

Кто-то присвистнул.

– Понятно, – продолжил Хриплый, – думаю, не стоит на-

зывать это имя.

– Причём, как я понимаю, это не двойное, а тройное название, – добавили "меха", – в сопричастные, в члены Совета и сразу же в председатели.

– Логика Россыпи понятна. Ситуация тяжёлая. Назначение соответствует ситуации, – ответил Холёный.

– И всё же тревожно, – добавил тихий и вкрадчивый голос, – мы превратились из Ордена в группу поддержки. Только Россыпь и Любящая. Мы ничего не решаем.

– Решаем, – добавил Холёный, – мы можем размазывать сопли, а можем съесть.

"Меха" рассмеялись. Но остальным не зашло. Шутка была неприятна.

Хотя всё-таки это была не шутка. Холёный, обычно весьма остроумно шутивший, в этот раз говорил серьёзно. И Хриплый понял.

– Вы правы, – сказал председатель, – мы знаем так мало, что остаётся ждать. И слушаться тех, кто знает больше.

– Спасибо, – ответил Холёный, – сейчас такой непростой период. Мы часто спорили, но если бы я выбирал, я бы оставил Вас. Ваше умение находить компромиссы и гнуться там, где это необходимо, было удачным сочетанием. В более спокойные времена. Возможно, даже сейчас. Но возможно и то, что Россыпь права – теперь нужна более твёрдая рука, более бескомпромиссные решения.

– Теперь нужны яйца, – сказали "меха", – которых у нас,

увы, нет.

– У неё они есть, – заметил Холёный, и добавил, – я думаю, каждый сидящий здесь понял. То, что случилось – не вызов, не новые обстоятельства, и даже не хрень, какой бы бредовой она ни казалась. То, что случилось – катастрофа. Поэтому и решения соответствующие.

Он проснулся после глубокого сна.

Проснулся, и начал думать.

Надо было прокрутить в голове последние события, с той поры как он принял решение до того самого места, где оказался.

А место было пугающее. Если представить, где это место находится, как глубоко оно спрятано, если вспомнить, что происходит. Хочется заползти, глубоко-глубоко, или бежать, без оглядки, как брума в закрытом кольце. Пускаешь туда эту бруму, и бьёшь. По поверхности. Зверёк начинает бежать, встаёт на колеса, катится, всё быстрее и быстрее, но спастись он не может. И только несётся, не останавливаясь, испуганный, ошалевший. Пока не падёт.

Он сам наблюдал это в детстве, сам запускал в трубу, стучал и смеялся со всеми. А брума летела, слепая от страха, который она испытала. Не в силах понять, что случилось.

Да, брума понять не может.

Но человек – не брума, человек понимает.

Он думал, он долго думал и сделал свой выбор. Осознан-

но. Теперь отступить уже поздно, да он и не хочет.

Он выдержит, он одолеет. В первую очередь страх. Ведь впереди самое ценное, что может быть в мире.

Впереди знания.

Он на пороге новых, невиданных знаний. И он их получит. Он сделает всё, но получит.

Все удовольствия жизни, правильно сказать – все остальные её удовольствия лишь обрамление, лишь дополнение к самому главному, то, что может помочь добраться до сути. И если отказ от этих удовольствий ведёт к более глубоким, более фундаментальным знаниям, то сомневаться не стоит.

Поэтому, взяв себя в руки, Пытливый поднялся.

И огляделся.

Чтобы увидеть маленький замкнутый куб, все стороны которого – стены, пол, потолок светились противным молочным светом. Вернее, сиянием.

И это сияние стало ярче...

Душа опустилась.

Всё, значит, скоро, совсем уже скоро придут. Замечательно.

Теперь ты во власти маленьких умных тварей, теперь ты во власти хранителей.

Он вспомнил о том, как упрашивал горожанина, которого, кажется, звали Кобольд, чтобы провёл в Лабиринт. И тот согласился, как только увидел. Нет, не какие-нибудь городские замусоленные бумажки, а самые настоящие равнинные

деньги. Монеты. Чирики, вырики, гирики – горожане с ума посходили от денег равнин. Что-то купить в этом городе было проще простого. Но почти все его сбереженья кончились. И тогда-то он понял – пора. Пора уходить.

Он высыпал своему провожатому то последнее, что ещё оставалось в его кошельке, высыпал без сожаления, словно прошлое, в которое он не вернётся. Ведь он покупал тот самый билет, о котором мечтал.

И попал.

в Лабиринт.

Не зная, что это такое. Не понимая, почему его приняли. Не задавали вопросов, а приняли, сразу. Правда прощупали странным прибором, с головы до ног, но потом пропустили.

И дверь затворилась.

Навеки.

Хлопнула жизнь, разрываясь на равные части, а может, не равные – прошлое, определённое, такое понятное, тёплое прошлое, и будущее. Будущее, которого он не знал.

Его повели в большую, светлую залу, с высоким таким потолком, в которой, как будто домики, только без окон, стояли заградки. И эти заградки были закрыты.

Он поначалу не понял, чем же воняет. А может быть, понял, но не хотел признаваться. А когда вдруг признался, когда осознал, стало жутко. Так пахло в разделочной, куда он ходил вместе с дядей, где были подвешены туши – свиной, коз, баранов, с которых содрали кожу.

"Зримые так не пахнут" – подумал Пытливый, – так пахнут только незримые".

И от понимания того, что человек то ведь тоже незримый, ему стало дурно.

Но почему он подумал об этом? С чего это вдруг? Там были козы. И свиньи. А может, другие животные, ведь у хранителей есть свой, собственный скот. Вот и свежуют.

Но потом они прошли в следующее, длинное, почти бесконечное помещение, коридор, с обеих сторон которого стояли прозрачные клетки, типа больших террариумов, в которых лежат ползуны. Но ползунов в клетках не было. В клетках сидели люди. Люди, полулюди, недолуды, те, что походили на людей, но только отчасти.

В коридоре стоял мерзкий запах. Неубранных испражнений, грязных невымытых тел. Настолько тошнотный, что Пытливого вырвало. Сразу. И прямо на идущего впереди.

Тот заскрежетал, словно дверь на несмазанных петлях, зашипел, затряс своей мордой. Сморщенной, словно усохшее яблоко. Пока его не опрыскали жидкостью, тоже вонючей, но уже по-другому. Хранители тут же подняли морды, как будто принюхиваясь, и при этом свистели, сопели, булькали.

Все эти звуки искатель считал языком. Поначалу. Параллельным тем образом, что посылали хранители, своеобразным их дополнением. Возможно, и так. А возможно, всё было проще. Может быть, криканья, рыканья, клацанья – выражение эмоций. Своеобразная мимика, которой у тех, конеч-

но же, не было. Какая может быть мимика у усохшего яблока?

То, что эти усохшие вытворяли, заставляло желудок сжиматься. Особенно когда ему показали тех, бритоголовых, со швом, окаймляющим голову.

"Мы вырезаем их мозг, грамм за граммом, – булькал его провожатый, – разные зоны. И смотрим, как изменилось их поведение, какие тесты он больше не в силах пройти, на что он не в силах отреагировать."

"Чудовища, – думал Пытливый. Так, чтобы твари не слышали, – Зачем. Они. Это. Показывают?"

Страха ещё не было. Было отторжение, брезгливость, но только не страх. Искатель был поражён. Само неприятие виденного не позволяло перекинуть мостик между ним и всем окружающим, думать, что с ним могут так же.

Пытливый вспомнил свой стол, который стал рыхлым от всех его опытов. На котором он резал, кромсал, свеживал. Твердотелок, лягушек, носатиков. Резал, кромсал, свеживал.

О Всемогущий Обиженный!

Как же похоже всё это на то, что он видел. Теперь.

Где-то на середине этого жуткого пути к нему подошёл человек, средних лет, средней комплекции, но запредельного настроения. Нет, не из куба, не из-за ширмы. Со стороны.

Он был опрятно одет, аккуратно подстрижен и, в общем, держал себя в форме. Нормально так и качественно держал.

Концы его усов были заужены, и чуть поднимались вверх.

Рубашка как будто прилипла к телу, как у других горожан, и кончалась чуть ниже талии. Весь облик так диссонировал с окружающим, что само окружающее стало казаться нереальным. И тошнота отступила.

– О, рад приветствовать, рад приветствовать, – подошедший раскрыл объятия и похлопал искателя по спине. Он был доволен, и вправду доволен, такой цветущей физиономии Пытливый не видел. Давно, – я слышал, Вы сами пришли в Лабиринт? С равнины?

– Нет, с города, – процедил сквозь зубы искатель. Слова давались с трудом.

– Ах да, – незнакомец сиял, – но вы родились на равнине. У Вас говор такой. Вы тя-тя-тя-тяните речь. Горожане, они говорят быстрее.

Пытливый кивнул.

– Тюльпан, – человек протянул запястье, – о, как же я рад. Вся циничность и запредельность происходящего поражала.

Потом, в отдельном помещении, который представлял из себя внутренность куба, Тюльпан рассказал о себе.

Он попал в Лабиринт ещё в юности. Собственно, вызвался, сам. Его предшественник, советник Кр, состарился, а хранителям нужен был кто-то, кто сможет давать советы. Люди – слишком сложные организмы, и изучать их необходимо осторожно.

Со временем заинтересовался, стал давать более смелые,

более дерзкие советы, сам обосновывал опыты, сам в них участвовал, короче, увлёкся.

Всё это Тюльпан рассказывал буднично, за кружечкой пьянящего напитка, закусывая какими-то палочками и местной кашицеобразной гадостью.

– Здесь хорошо, – говорил он, прожёвывая, – вот Вам, конечно, оно не понятно. Пока. Но есть определённое сходство между двумя народами. Ну, нами, – Тюльпан вытер руки, – и ими. Хранителями. Тут дело в строении. То есть хиральности. То есть... Как это лучше сказать?.. Короче, мы с ними похожи, и можем питаться одним и тем же... Кушайте, кушайте, – советник смотрел на Пытливового, – Как говорят в нашем городе – за всё переплачено.

Желудок был пуст, но желания что-то попробовать не было.

– С непривычки, понятно, – кивнул собеседник. И подмигнул, – а так, это же целая кухня. Малого Мира.

– Малого мира? – Пытливый моргнул.

– Это место, – Тюльпан облизал свои пальцы, – откуда хранители вышли. Их дом. Ну мы, то есть, вышли с Острова, а они вот оттуда.

– Это наш мир?

– Ннни совсем, – советник прищурился, – это... Как объяснить. Это пузырь, но только другой. Не наш. Он мммельче, гораздо. Там, как я понял, даже видна кривизна. Вот наш огромен, – Тюльпан растянул свои руки, – на одном конце

– Белая Россыпь, – он посмотрел на одну, потом на другую из рук, – на второй находимся мы. А у хранителей мир, ну, вот, мааахонький, – советник прищурился, будто пытался чего-то увидеть, и сблизил два пальца, – и солнца там нет, как я понял. Есть что-то подобное солнцу, но только не солнце. И всё то там светится. Всё. Не ярко, конечно, но светится. Вот как-то примерно вот так.

– Понятно, – Пытливый сглотнул.

– Ну что, говори. Чего хочешь? – Тюльпан облизал свои губы и приготовился слушать.

Говорить было трудно. Вначале.

Но потом понесло.

Словно сломало плотину, и всё, что копилось, вышло.

Он говорил.

О желании знать, о желании добывать эти знания, о неуёмной, безграничной вере в науку, вере в то, что познание мира – главное, ради чего стоит жить.

Советник казался задумчивым.

Потом он ушёл.

А Пытливого поселили в кубе, таком же прозрачном, как те, в которых сидели несчастные. Но прозрачным он оказался снаружи, внутри было мутно. С пола, стен, потолка лился свет, унылый, как всё, что его окружало. В углу стояло что-то похожее на кровать. И всё. Куб и кровать.

Ему приносили пищу. Он поначалу не ел. Потом по чуть-чуть.

Потом он заснул.

Потом он проснулся.

О, перевёрнутый миг пробуждения, когда ты, беззащитный, выходишь из сна, такой ещё тихий, спокойный, и вдруг понимаешь...

О, ужас.

Искатель начал дрожать. Мелко-мелко. От страха, от осознания, что попался, как твердотелка, прилипшая к кокону, что он всецело во власти чужих. Что он препарат.

И только желание знать, натянутое, словно струна, было стержнем, вокруг которого еще собиралось его содержимое, тем стеблем, который тянулся.

В дверях появился Тюльпан.

Пытливый вздрогнул. Он даже не знал, кого бы страшился больше – тварей из Лабиринта или этого человека.

– Ну что же, – Тюльпан прислонился к стене, и посмотрел на искателя, словно прицениваясь, – Твоё желание знать будет выполнено. Я говорил с самым главным, его зовут Шэа, он мудрый и щедрый хранитель, и Шэа согласен. Можно провести замечательный, ну просто-таки выдающийся эксперимент, – советник причмокнул, – вопрос лишь один. Какую цену ты готов заплатить?

ГЛАВА 10.

ПРЕДСКАЗАНИЕ АЯДЫ

Расскажу я вам легенду, красивую, как узоры Аяды, и глубокую, как история мира.

Давным-давно, когда не было еще ни воздуха, ни земли, а царила одна пустота, тёмная и тягучая, решила великая Хэа, что так продолжаться не может. Мир не стоит на месте, сказала она, мир должен меняться.

Тогда закрыла она глаза и представила Хуру. А когда их открыла, Хуру стояла рядом, жевала жвалами и поедала пустоту.

Долго поедала Хуру пустоту, а вымя её становилось всё больше и больше. Пока не набухло так, что не могла она уже двигаться. Легла в пустоте и стала звать Хэа.

Наклонилась Хэа над Хуру и стала доить. Много собрала Хэа уума. А чтобы уум не испортился, решила сварить аук.

Сварила она аук и стала ждать, когда он созреет.

Аук созревал и появлялись в нём пузырьки. Разные пузырьки. Были большие, были поменьше. А один оказался маленьким.

Смотрела Хэа и радовалась. До чего же красивый получился аук. Закрыла глаза и представила.

И всё, что только не представляла Хэа, появлялось в аукe. Представляла горы, озёра, реки, представляла самых разных созданий, и все они появлялись.

А про самый маленький пузырьёк Хэа забыла. Самый маленький и самый первый.

Но потом спохватилась, и снова закрыла глаза. И создала своё самое главное и самое красивое представление. Свой самый последний замысел.

Так появился наш мир.

Последний замысел Хэа, легенда Малого Мира

– Рубо, расскажи что-нибудь о мире.

– О мире можно рассказывать бесконечно. Мир огромен.

– Вот и расскажи.

– А можно чуть-чуть поточнее?

– Расскажи о существах, что живут в этом мире.

– Их очень и очень много. Зачем нагружать ваши процессоры?

– О существах, что умеют строить, создавать.

– Типа Вас и типа ушедших?

– Да.

– Их тоже очень и очень много.

– Ага... Любящая тут рассказывала про каких-то уродцев с квадратными телами. И вместо рук ног какие-то присоски...

– Давай поподробнее.

– Всё. Много она не рассказывала. Кубик с присосками, без головы.

– Подобных вам или пестрокрылым десятки. Подобных ушедшим. Но кубиков я не знаю. Я мало знаю, особенно в этой части. Мир огромен. Мир очень огромен. Это не Малый мир, куда мы летим. Тот маленький, но в нём тоже всего очень много. Вот увидишь...

Рубо вдруг стал прозрачным. Потом замерцал.

И исчез.

Первая открыла глаза.

В углу сидел Мутный.

Всё то же помещение, в котором они летели, просто квадратный мешок, без стульев, стола, остального.

Хорошо хоть свет не забыли. И...

– Рубо, – девушка посмотрела на техника. Техник валялся и не подавал никаких признаков деятельности. Обычно он мигал, всегда, хоть немного, но всё же мигал. А тут...

– С ним что-то случилось. Давно так лежит, – сказал парень.

– И что теперь делать?? – Первая испытала шок, который испытывает маленький ребенок, понимая, что родителей нет.

Да, у них была странная миссия. Они отправились неизвестно куда, неизвестно за чем. Но их вёл техник, железный шарик с мозгами. Собственно, он всё и делал.

Теперь этот техник лежит.

Первая взяла Рубо в ладонь и взвесила.

Так, не тяжёлый.

Постучала слегка по поверхности. Ещё и ещё. Сильней.

– Осторожно, – ответил Мутный, – так ты его сломаешь.

Девушка фыркнула.

– И что теперь делать? – спросила она.

Парень пожал плечами.

– Что с ним случилось?

– Возможно, он долго не ел.

– Не ел, – удивилась Первая, – ему нужно есть?

– Всем нужно есть

– Но он же железка...

– И что?

– Так что ему есть? И чем ему есть? – Первая крутила

Рубо в руках, и пыталась найти хоть что-то, хоть какой-то намёк на отверстие.

Но не нашла.

– Я не знаю, – ответил Мутный.

– Не знаю. Но ты же сказал. Ведь это ты сказал, что у него обморок.

– Нет, я не говорил.

– Да как не говорил?! Говорил.

– Я сказал, он, возможно, не ел.

– Да что ты заладил! Не ел... Может, причина не в этом.

– А может, и в этом, – Мутный вздохнул.

Первая чуть не запустила в него железкой. Правда, оду-

малась.

– Ооо, что же делать? – спросила девушка, – вот мы подыдемся... Подыдемся? – удивилась она.

– Да, мы поднимаемся.

– Но мы же спускались.

– Теперь поднимаемся.

– Почему?

– Потому что такое строение мира.

– Строение?

– Мира. Такое.

– Что-то ты разговорчивый, – заметила девушка, – то слова не вытянешь. А то говоришь, говоришь.

– Успокойся. Ты спрашиваешь, я отвечаю, – Мутный казался невозмутимым. Непрошибаемым.

"Откуда в нём столько спокойствия? – подумала Первая, – вот нас сейчас встретят. На той стороне. А дальше? Что будет дальше? Мы в мозг не залезем, пароль не узнаем. Что делать? Куда нам идти? Что искать?"

От отчаяния девушка чуть снова не бросила Рубо.

– Давай, – Мутный забрал железку и спрятал в мешок, – ты не заметила?

– Что?

Он показал на пол, на потолок. Снова на пол, снова на потолок.

Думать было непросто.

В конце концов Первая догадалась.

Свет, что светил по периметру потолка, теперь оказался у пола.

– Мы перевернулись? – спросила она.

– Перевернулись. Поэтому мы поднимаемся.

Они помолчали.

Каждый пытался что-то понять. Что-то осмыслить. Но в голове у девушки стояла такая каша, такая мешанина всего и вся, что добавить что-то ещё, какую-то новую мысль было непросто.

– Так что же, мы едем обратно? – спросила она наконец.

– Если верить, что мы живём в полых и круглых нишах и ходим по их поверхности, – у Мутного с головой был как будто порядок, – так и должно было быть. Где-то на полпути наш домик перевернулся.

– Домик?

– Домик. Телега, карета, корабль...

Проводница задумалась.

"Ладно, – решила она, – будь что будет. В конце концов хоть кто-то из нас соображает. Это уже хорошо".

В этот момент Первая почувствовала лёгкость. В животе стало пусто, лишняя тяжесть ушла.

– Значит, скоро мы будем на месте, – решила она.

И встала.

От мысли, что домик откроется и там встретит ЧТО-ТО, стало не по себе. Живот наполнился снова.

Парень встал напротив дверей. Спокойный, как будто они

направлялись на праздник.

Первая встала рядом.

Она почувствовала, как рука легла на плечо и притянула к себе. И это было кстати, как никогда раньше, как ни в один другой момент её жизни.

Двери открылись.

Они оказались в пещере.

Здесь протекала река, чем-то схожая с той, что текла наверху. Или внизу. Тот же каменный пол, те же своды.

Но на этом сходство кончалось.

Пещера была наполнена светом.

Свет исходил отовсюду, как будто какой-то маляр из школы чародеев (того же Дальнего города) аккуратно намазал всё светом. Или нет, свет был свойством здешнего воздуха, его составляющей. Неяркий, но равномерный, он освещал всё, от пола до потолка, и потому не казался тусклым.

И еще одно свойство пещеры отличало её от всего, что Первая видела прежде. Пещера была чёрно-белой. Никакой цветовой палитры, лишь чёрный, белый и серый. И всё. Как в темноте, когда ты движешься между предметов, освещённых слабым мерцанием далёкой лампы и не различаешь цветов. Но света было достаточно, и бесцветность вокруг изумляла.

Это изумление не давало погрузиться в уныние.

Светилось всё. Даже река. Вода была прозрачная, прозрачнее, чем озёра Озёрного Края, и дно не казалось глубо-

ким. Но девушка знала, что это не так. Она уже раньше обманывалась, когда ныряла в прозрачное озеро, за раковиной какой-нибудь твердотелки. Казалось, вот оно дно, совсем рядом, в буквальном смысле рукой подать. Но она всё ныряла, ныряла и не могла опуститься на дно.

На дне были камни, и эти камни светились. Ненавязчиво, так, будто лишь отражали попавший с поверхности свет. А может, светилась вода.

Всё это было загадочно.

Первая с Мутным стояли и как ошалевшие смотрели вокруг, так, что только после заметили остальное. Воздуха здесь было мало. Сам воздух тёплый, но не удушливый, как будто большую часть этого воздуха откачали, а то, что осталось, нагрели. Дышать было трудно, но, в общем, терпимо. Пока.

Но самое удивительное случилось потом. Когда они наконец пошли. Медленно, боясь оступиться, прислушиваясь к своим ощущениям. Казалось, что под ногами не камень, а что-то податливое.

Девушка испугалась.

Она вспомнила, как отец рассказывал о странных песках, что находятся ближе к Заводью. Эти пески могут втянуть, с головой, так, что был человек – и его уже нет. Не остаётся, причём, ничего, даже воронки, пески смыкаются, словно поверхность воды.

Но это был не песок. Это был камень, твёрдый и цельный,

и Первая успокоилась, приписав ощущения некоей взвинченности, нервозности, страху перед неведомым.

Однако, когда парень влип, по самую голень, девушка вскрикнула.

Эха она не слышала.

Осознав это краем сознания, Первая посмотрела на Мутного. С тревогой за них обоих. Оказаться замурованной в камне, как демон из "Приключений", ей не хотелось. Но парень спокойно и даже слегка безучастно воззрился на ногу. "Бог мой Обиженный, ведь это опасно, – подумала девушка, – откуда столько спокойствия?"

Казалось, что камень сомкнулся. Но это только казалось. Вытянуть ногу не составило ни малейшего труда.

Но странности не кончались. Ни впадины, ни воронки, ни трещины. Камень остался нетронутым. Гладким, как зеркало озера, когда убираешь ногу. Но даже зеркало озера становится гладким не сразу. "Пески, – подумала девушка, – это пески".

– Но нет, подери меня шkodник, – сказала она в полный голос, – это же камень.

– Камень, – ответил парень. Спокойно, – надо куда-то двигаться.

– Но куда? – девушка огляделась. Ходить по пескам-камням слишком страшно. "Была бы здесь лодка, – взмолилась она, – О Всемогущий Обиженный, была бы здесь лодка".

– Лодка, – заметил парень, показав на корыто, напоминав-

шее таз, но только большой.

Но Первая ликовала так, словно это был вовсе не таз, а корабль. Как Листик, когда впервые увидел “Веточку”.

– О Всемогущий Обиженный, – повторяла она, осторожно шагая по камню.

Судно светилось, как камни, как всё в этой пещере, хотя с виду казалось деревянным, сделанным из какого-то странного серого дерева, более деревянным, чем та самая лодка, на которой они плыли раньше.

Внизу. Или вверху. "Как же всё это сложно".

– Если мы поплывем по течению, мы поплывём вглубь, – сказал Мутный, внимательно изучая механизм, находящийся сбоку. Верхняя часть механизма торчала, а нижняя уходила под воду. И эта нижняя заканчивалась чем-то похожим на ветрячок – детский флюгер, сделанный из лёгких материалов. Что-то подобное Мутный видел, когда рассматривал творения Невинного.

– Если следовать логике нашей пещеры, – добавила Первая, – то надо плыть против.

Парень кивнул.

Не смотря на то, что дышать было трудно, а страх еще сдавливал внутренности, девушка начала соображать – а значит, не всё было плохо, тем более, если рядом есть тот, кто думает трезво. И не боится. Ну, или боится, но только скрывает. И, надо сказать, гениально.

К девушке стал возвращаться азарт, и она это чувствовала – азарт проводницы, которой щедро заплатили за путешествие. Долгое и опасное. И пускай в кошельке было пусто, но само путешествие было невиданным, а значит, бесценным. Дороже горь того золота, что находилось в пещере дракона. И если они никуда не придут и ничего не получают, оно того стоит...

– Посмотрим, как это работает, – Мутный стал дёргать и нажимать. Вначале рычаг, потом кнопку.

Таз загудел, словно стая рассерженных стриклов, и Первая вздрогнула. Но в то же время обрадовалась. А когда они поплыли, вверх по течению, она закричала. Разбрасывая остатки страха.

Было странно не слышать эхо. Как будто ты не в пещере, а в маленьком домике. Но так даже лучше, так не услышит никто, и можно кричать и кричать.

Мутный взглянул. Всё так же бесстрастно. Но теперь она была благодарна.

– Я, кажется, понял, к чему это здесь, – парень дёргал рычаг то вправо, то влево, и лодку стало шатать, – как вожжи, или штурвал. Двигаешь вправо – плывёшь, значит, вправо. Двигаешь влево – влево.

– Так просто, – девушка посмотрела в глаза, словно чего-то искала.

И вроде нашла.

Но ненадолго. Лодка качнулась, и Первая взвизгнула, кое

как удержав равновесие.

– Не бойся, – парень схватил управление, – тазик устойчивый. Как только покинем пещеру, оторвёмся по полной.

Они и не почувствовали, как выплыли. Что снаружи, что внутри было светло. Одинаково. Всё те же краски, вернее, отсутствие красок, те же тона, от чёрного к белому.

Остановить их ревущее судно Мутный не смог. Как не пытался. Нажимая, куда только можно, вырвав рычаг и тупо смотря на железку, оставшуюся в руке.

Лодка неслась на камни.

Но, как ни странно, только приблизившись к берегу, механизм замолчал, и лодка коснулся дна. Мягко и плавно.

Первая с Мутным спустились.

Землю покрывали растения. Маленькие, приземистые, похожие на беглянки в предгорьях, а еще на узоры. Такие ткут в Междуречье на знаменитых местных коврах – у них на Посту есть похожий. Но тот не светился. А этот не просто светился, этот ещё шевелился, и шевелился он не от ветра.

Чуть ярче светились растения, похожие на пузыри, или грибы, что появляются после дождя. Может, это и были грибы. Разных размеров, крупные, маленькие, которые почковались на крупных – словно пушистики перед самым началом ночи, размером с кулак, размером с напёрсток. Они тоже будто бы двигались, медленно-медленно, словно улитка или твердотелка-ползунья. Может, они проползали брюшком, а

может, катились. Но также возможно, стояли на месте. Всё вокруг было так необычно, воздуха не хватало, и, движение вполне могло показаться.

Первая потрясла головой, вправо-влево. И мигнула, раз-два.

Но картинка осталась та же.

Все тот же ковёр, те же пузыри, а дальше деревья – высокие, но с очень кривыми стволами. Некоторые ветви спускались вниз, изогнутые, но крепкие, словно лапы у стрижков – и тут же вращались в землю. Возможно, это были не ветви, а корни, но начинались они над землёй. Те, что ветвились выше, тянулись к небу, от них отходили другие, эти тоже ветвились, сплетались с ветвями деревьев, что росли по соседству, и так же, почти незаметно, но двигались. Как всё в этом мире.

Между деревьев, у которых лишь слабо светилась листва, а так же в их кронах, горели огни. Скорей, огоньки. Круглые шарики, зависшие в воздухе. В основном были мелкие, но попадались и крупные, размером с кулак. Они перемещались быстрее, чем трава или ветви, но медленно, намного более медленно, чем огоньки в их собственном мире – огоньки-твердотелки. Те пролетали, а эти кружились. Но тоже горели, ярко, гораздо ярче, чем трава, ярче, чем...

Первая посмотрела на небо.

И ахнула.

Дыхание, слишком частое, сбилось. А сердце стало сту-

чать.

В небе висел шар. Огромный, гораздо больше, чем солнце, и гораздо, гораздо ближе к земле. Но всё-таки высоко.

Казалось, немного, и он упадёт. Раздавит своей громадой.

По телу шара ветвились прожилки, похожие на вихри, что образуются, если рисовать на воде. Но только бесцветные, как всё – как трава, как пещера, как лес. Эти вихри светились, делая окружающий мир ещё более ярким.

Первой вдруг показалось, что где-то она это видела. Но где? И когда? Да и могла ли она видеть ЭТО?

Над головой пролетела птица. А может, и ангел. Скорее, ни то, ни другое. Длинные шея и хвост, такие же длинные крылья. Существо не светилось, и увидеть его удалось лишь тогда, когда оно пролетало на фоне шара.

– Вот это да, – заметила девушка и задышала так быстро, как будто только что совершила пробежку.

– У нас закончилась пища, – заметил Мутный, – остатки оставили там, – он показал на пещеру.

– Всё равно они не спасут, – ответила Первая. Возвращаться, в самом начале нашего приключения, это как если раздеться и снова одеться. Бессмысленно.

– Как сказать, – Мутный присел на траве, – если нам будет нечего есть, плыть обратно – единственный выход.

– Обратно, – Первая фыркнула, – опять проходить через Фахуса. Плыть долго и против течения.

– Ну хорошо. Ты то что предлагаешь?

– Я? – девушка растерялась. Всё вроде складывалось неплохо, и Мутный, такой уверенный раньше, теперь соби-
рался обратно. Но, может, он прав? Если нечего есть, что им
делать? Ложиться и спать?

Где-то прыгала живность. Быть может, съедобная. Может
быть, вкусная.

Желудок сдавило – не страхом, страх остался в пещере.
Желудок сдавило голодом. И теперь, когда Мутный сказал,
а природа напомнила, она понимала, насколько ей хочется
есть.

– Здесь есть съедобная пища. Так сказал Рубо.

– А он не сказал, что съедобно?

– Нет, не сказал.

Они помолчали.

– Идём, – парень взял её за руку.

– Куда? – Первая сначала не поняла, чего хочет Мутный.
Уходить, вот теперь, не хотелось. Теперь, когда столько. Все-
го. Загадочного. "Ты, девушка, засунешь свои пальцы в лю-
бое тесто", – говорила ей бабушка, и была, конечно, права.

– Куда? – Мутный задумался, – я думаю, в сторону леса.
Там много всего. Надо пробовать.

Осторожно, боясь неожиданностей, которых здесь, как в
любом другом мире, должно быть немало, смотря себе под
ноги, вправо, влево, назад, поднимая голову вверх, они во-
шли в местный лес.

И пошли по тропинке. Тропинке? Возможно, по ней не ходили, давно, ну или почти не ходили, но это была не тропинка, скорее, дорожка, покрытая узорами местных растений.

По обоим её сторонам поднимался подлесок. Попадались растения, похожие на большой рассечённый лист, растения, чьи листья были собраны в метелки, как у тянучек во время дождя, растения-усики, растения-башмачки. Попадались грибы (если это были грибы) с пятнистыми шляпками, как у мухоморов. Сходство было разительным. Единственное, что смущало, это всё те же чёрно-белые тона. Как будто творец, когда создавал Малый мир, не нашёл своих красок. Или не кончил работу.

Деревья здесь были особенными. Врстая в землю своими многочисленными корнями, начинавшимися высоко от земли, они не просто росли, они изгибались, как будто достать до самого верха сложно, и вот они тянутся, тянутся, выворачивая стволы. Между деревьями были натянуты нити, похожие на веревки. Что это – растения, которые перебросили себя с дерева на дерево, паутина, которую сплёл гигантский паук или гусеница, или, может, по этим нитям деревья общаются, передают свои соки, как в Говорящем Лесу "Приключений" – всё это было загадкой. Деревья раскидывали ветви, изогнутые самым причудливым образом, и на этих ветвях шевелились листья, похожие на те самые растения, что покрывали дорожку.

Да, шевелились. Девушка была в этом уверена. И шевелились они не от ветра. Ветра здесь не было. Возможно, ветер дул выше, в кронах, но, скорее всего, листья двигались, сами собой, как лепестки знакомых крушинок, как усики фисточек, как тянучки, когда им нужно сложиться перед дождём. Двигалось ВСЁ, но очень лениво, не прилагая чрезмерных усилий.

И ещё было что-то в воздухе.

Пепел.

А может, не пепел.

Первая пригляделась. Да, словно бы хлопья, серые, тёмно-серые, белые, размером с монету. Они кружились, настолько сложно, непредсказуемо...

Почему?

Ветра здесь не было. Танец по воле ветра – понятно. Но если нет ветра, то пепел ложится, просто ложится на землю. А эти кружатся. Как будто живые.

И когда один такой лоскуток сел на плечо, а потом вдруг вспорхнул, словно бабочка, девушка вскрикнула.

– Они живые, – сказала она.

– Кто – они? – спросил Мутный.

– Вот эти вот, мелкие. Хлопья.

Парень нахмурился:

– Видимо. И что же тут странного? Бабочка бабочкой.

– Ты приглядишься.

Парень поймал и начал глядеть, прикрывая ладонями.

Первая наклонилась.

Существо трепыхалось. Но это была не бабочка. Это было крыло, всего лишь крыло, с одним закруглённым, другим острым краем, и всё. Ни тельца, ни каких-то других частей не было. Не было. Ни глаз, ни брюшка. Ничего.

– Да уж, действительно, – Мутный нахмурился, – да уж.

И отпустил создание в воздух.

– Чем они видят? – спросил он у девушки, – где у них мышцы? где рот?

– Чем они живут? – продолжила та. И пожала плечами, – не знаю. Может, они не питаются. Есть же бабочки, которые не питаются?

– Да, но всё остальное – где?

Девушка посмотрела вокруг. Лепестки-недобабочки-хлопья кружились, и, кажется, не переживали по поводу “недо”. Совсем.

Идти было легко, даже слишком.

– Я от голода стала лёгкой, – заметила девушка.

– От голода? Я так не думаю, – парень остановился, – смотри. Видишь, прыгают?

Мелкая живность, кто-то размером с кошку, кто-то с ладонь мелькала в подлеске. Покажется и исчезнет. Покажется и исчезнет.

Словно озёрный прыгунчик.

Или нежданчик с кузнечиком.

– Почему, как ты думаешь? – парень смотрел в глаза, а она улыбалась. То ли от голода, то ли от того, что ей не хватало воздуха, а может, от концентрации всего удивительного, втиснутого в такое короткое время. Но думать было непросто.

– Прыгни, – попросил её Мутный.

И Первая прыгнула.

А после сама испугалась, с какой высоты пришлось приземляться.

– Вот видишь, ты стала легче, – заметил парень.

И прыгнул сам.

Выше её головы.

– Потрясающе, – девушка была очарована, – мы стали легче.

– В том домике. Помнишь, мы поднимались. То есть, спускались. Вначале мы были легче, потом тяжелее. Потом снова легче.

– Но то от движения. Я понимаю. А здесь... просто... видимо...

– Видимо, здесь очень просто, – добавил парень. И улыбнулся.

– Какой ты загадочный, – ответила девушка, – для меня это ты самая большая загадка. Не этот шар, не вот эти деревья, – в порыве какой-то щенячьей радости Первая ударила Мутного в грудь.

И отлетела. Упав на подлесок.

Лепестки, что лениво порхали рядом, отлетели подальше.

Падая, девушка пыталась во что-то вцепиться, и сорвала башмачок.

Это растение было похоже на злак, на котором раскрылся цветок, напоминающий лодочку, ну, или лёгкую обувь.

– Смотри, – показала Первая, – цветок. Самый настоящий. Почти как у нас.

– Здесь много чего как у нас, – Мутный кивнул на подлесок, – вот мухоморы. Деревья. Напоминают незримые.

– Дуб, – согласилась девушка, – но только кривой. И развесистый.

– И с корнями. А может быть, ветками, растущими вниз.

– Прямо в землю.

– Ага. Удивительно... Словно мы в сказке.

– Ну или в "Приключениях".

– Листика?

– Да. Там много всего.

– Спорим, у нас будет больше.

Первая посмотрела на парня:

– Давай перекусим.

– Давай. Но вначале... – он взял её на руки и понёс.

Они опустились под дерево.

Дыхание, и так слишком частое, стало почти лихорадочным. Но это было прекрасно.

– Ты видишь? – заметила девушка.

– Что?

– Цветочек двоится, – и показала Мутному башмачёк, ещё зажатый в руке. От него, словно тень, отделялась душа, и медленно покидала растение. Яркая, душа эта казалась раскрашенной, не в пример всему остальному, и не была похожа на дымку, что испускают зримые души.

Мутный слегка покосился:

– Возможно. Момент Расставания.

– Но тогда цветок зримый.

– Ну зримый.

– И не съедобный.

– Не знаю, – парень схватил башмачёк и запихал себе в рот, – проверим.

– Негодник! – Первая перевернула партнёра, – ты съел мой цветок.

И замолчала.

Под небом, где властвует шар, похожий на огромный мистический камень, в сказочном лесу, где живут удивительные прыгучие твари и летают загадочные лепестки, в котором шевелится всё, даже ветви, в мире, который лишили красок, два иноземных существа, шедшие непонятно куда и непонятно за чем, решали свои проблемы, и получали от этого удовольствие.

– Мы получили от этого удовольствие. «Разве не хорошо?» —спросил Мутный.

– Я сказала "нехорошо"? – девушка наклонилась над пар-

нем. Она разглядывала лицо, покрытое недельной щетиной. Щеки девушки, от той же самой щетины, горели, – просто я зверски хочу что-то съесть. Я бы съела...

Она замолчала.

Какой-то зверёк, размером с кошку, один из тех прыгучих тварей, что так волновали воображение, остановился рядом с их ложем и смотрел на лежащих своими большими тёмными глазами. Глазами носатика, или совы. Зверёк стоял на задних, коротких, но крепких лапах, а передние держал перед собой. Эти передние были дугообразно изогнуты книзу и кончались двумя такими же загнутыми когтями. Сзади торчал довольно мясистый хвост, который, казалось, поддерживал тело больше, чем задние лапы.

Как и всё в этом мире, зверёк был бесцветным. И с виду неагрессивным.

Дугорукий зверек

Однако, зная, что каждая тварь выражает эмоции по-разному, и не всегда то, что кажется агрессией человеку, напомнит агрессию пестрокрылому, Первая смотрела с осторожностью.

Мутный присел.

– Вот тебе и ответ, – сказал он на ушко, – может, съедим?

– Ты поймай, – ответила Первая, – а после зажарь. И вообще, я об еде и не думала.

"А теперь думаю" – заметила девушка, чувствуя, как слюны стекают внутрь, раздражая бурчащий желудок.

– Кремень, кресало и трут – всё у меня при себе, – парень смотрел не мигая, – и поймать я тебя в состоянии.

Он приблизился. Ближе. И ближе. И ближе. Медленно, медленно, чуть сокращая дистанцию. Приблизится, остановится, приблизится, остановится.

И в один из моментов зверёк вдруг исчез.

Мутный растерялся. Так, что даже не смахнул лепесток, севший на нос.

– Где? – спросил он у Первой.

– Там, – девушка прыснула, – он тебя перепрыгнул.

– Слишком уж быстро. Я даже не понял.

– Да ладно. С кем не бывает.

– Ни с кем. Такое впервые.

– Ну знаешь, – Первая хохотала.

– Если не получается с фауной, значит, попробуем флору, – сказала она, успокоившись.

– Я попробовал.

– Ну и как?

– Ну какого-то такого отторжения не было. Но... – Мутный задумался, – я будто бы ел и не ел. Что-то съел, пока-

залось, что душу, ну... так показалось. А всё остальное выплюнул. Вроде не жёсткий, но не жевался.

– Как? – удивилась девушка, – башмачок же был мягким.

– Не знаю, – парень вздохнул, – надо пробовать.

И они стали пробовать.

Первые плоды были крупные. Как будто бы груша, но только крупнее.

Первая держала эту грушу в руках и разглядывала.

– Давай подождём, – попросила она, – когда отлетит душа, тогда и попробуем.

– Но я-то съел душу.

– Съел душу?

– Да, башмачка.

– Не придумывай. Это тебе показалось.

Парень пожал плечами и впился в свой плод. Сочная мякоть приятно так хлюпнула и с подбородка стало стекать.

Девушка не могла на это смотреть и тоже вонзилась в свой.

Плод был пресный и будто пустой. Всё так, как рассказывал Мутный. Но Первая была голодна. Она закрыла глаза, и с наслаждением ела, забыв обо всём, вонзаясь зубами в свежую мякоть фрукта.

Пока не доела.

– Аа! – вскрикнула девушка.

Плод, чуть помятый, но целый, лежал в ладонях. Плот-

ный, целый, хотя и помятый.

Она сжала руки, почувствовав, как пальцы вонзились в мякоть.

Вонзились и вышли.

А плод оказался нетронутым.

– Как и в пещере, – заметил Мутный, – когда провалился ногой.

– Но что это, шкодник меня ты зарежь, происходит, – девушка глядела на плод и пыталась понять, – я что-то ела, я ела, я точно знаю, что ела. Но что?

– Возможно, ты ела душу. Мне так показалось. Вот ты её съела, а остальное осталось.

– Я ела душу? Я маара??

– Не знаю, – парень задумался, – всё это, конечно, странно, – он посмотрел на кучу плодов, – видишь эти. Они уже не двоятся. Значит, душа улетела. Попробуй.

Первая взяла плод в руки плод и начала пробовать...

Но пробовать было нечего.

Зубы прошли оболочку и тут же сомкнулись друг с другом. Лязгнув, как челюсти черепа.

Плод оказался цел.

"Я маара, – твердила девушка, – я маара, я маара..."

Пришлось сожрать целую кучу душ, прежде чем голод, хотя бы немного, ушёл. Теперь Первая понимала всю ненасытность бродячей души шептуна, то, насколько она голодна,

понимала, а значит, сочувствовала.

Сорванный фрукты лежали холмиком, которые девушка, в силу присущего ей символизма, окрестила холмиком съеденных душ.

Парень зевал, и она соглашалась. Время они провели непростое, впереди было самое трудное, а потому непонятное. Точнее, не так, непонятное, поэтому трудное. Мысли цеплялись за мысли, руки за руки, и они повалились.

Под деревом, на котором росли плоды. Круглые, и, может быть, вкусные. Но душа у них так себе, пресная, как и любая душа на свете.

– Мама, – Лучистый кричал из соседней комнаты, – купишь раскраски?

Первая взбивала масло. Она не любила, когда её отвлекают.

– Вот папа приедет и купит, – сказала девушка.

И бросила маслобойку.

"Папа".

Зачем? Ну зачем она это сказала? Что с ней не так?

Девушка села на стул.

– Мама, ну купишь? – мальчик показался в дверях.

– Куплю, – Первая повесила фартук и позвала Лучистого.

– Я купила, – сказала она, поцеловав его в голову.

– Как? – мальчик расцвёл, – ты уже и купила?

– Так да. Я волшебница.

– Как в "Приключениях"?

– Лучше, – девушка взяла сына на руки, – разве ты не знаешь, что твоя мама – самая известная путешественница? И о твоей маме скоро напишут книжку.

– Ух ты, – Лучистый взял её щеки и стал растирать, – ты такая смешная.

Первая прошла в соседнюю комнату, постояла у дверцы, и с колотящемся сердцем открыла шкаф, в котором однажды, со временем надеялась собрать свою собственную библиотеку. Из шкафа она вынула книжку.

Один из художников был так впечатлён путешествием девушки, что с её собственных слов нарисовал множество самых разнообразных рисунков.

Без красок. Она сама попросила.

– Что это? – мальчик глядел на огромный расписанный шар, занимавший полнеба.

– Это Навус, Луна Малого мира.

– Луна?

– Луна – это из "Приключений". Я тебе рассказывала.

– И он такой большой?

– Нет, в "Приключениях" меньше.

– А этот огромен, – Лучистый раскрыл свои руки, – и ты там была?

– Да, была, – ответила девушка.

Сердце не переставало стучать, наоборот, оно забилось ещё сильнее, предчувствуя следующий вопрос.

– С папой?

– Да, с папой.

– Эх, с папой, – мальчик схватил карандаш и начал раскрашивать.

Он рисовал аккуратно, слишком аккуратно для своего возраста, превращая бесцветный, но сказочный мир в еще более сказочный, но раскрашенный.

С нажимом, вдавливая свой карандаш как можно глубже, насупившись, стараясь, пыхтя.

И Первая знала почему.

"Навус" – шепнула она и проснулась.

Первое, что увидела девушка, как только открыла глаза, это шар. В прожилках, покрывавших его беспокойное тело. И над прожилками вихри.

Шар стремился упасть, но не падал.

Вихри кружились, медленно, но постоянно. Потоки стекали к центру и растекались по краям, растекались от центра и стекали вовнутрь. Теперь они стали ярче. Прожилки, узоры стали отчётливей.

Но, самое главное, каждый вихрь, каждая область этого шара раскрасилась в краски, яркие и насыщенные. Зелёные, жёлтые, синие. Шар стал цветным.

Как всё в этом мире.

Девушка огляделась.

Навус

Да. Будто творец, пока они спали, доделал работу. И мир стал другим.

Живот заурчал, и она потянулась за фруктом. Зелёный, в красных прожилках, теперь он казался сочнее и мягче. Желаннее.

"Мне не познать, – вздохнула она, огорчаясь, – тебе, моя девочка, оставили пресную душу".

И откусила.

Этот вкус. Объемный. И острый, и сладкий, и кислый. Как помидор с чесноком. Или нет. Ни на что не похожий. Она смаковала, впиваясь зубами, урча, как голодная маара, ещё не пытаясь понять, что случилось.

Доев до конца, девушка облизала пальцы.

"Как вкусно".

И посмотрела вокруг.

Зелёного было больше. Разных оттенков, от светло-зелёной листвы и беглянок до темно-зелёных стволов. И между этих стволов, среди их ветвей висели жёлто-оранжевые огоньки. Висели в воздухе. Яркие, словно кусочки солнца, они переливались, а может, крутились, и становились то жёлтыми, то оранжевыми.

А лепестки...

Теперь они стали действительно лепестками. Зелёные, красные, жёлтые. Они всё так же кружились вокруг, особенно там, где висели огоньки, но теперь это был не пепел, не хлопья. Теперь это были бабочки. Точнее, крылья светящихся бабочек.

Мухоморы оказались мухоморами, как ни странно. Белая

ножка и красная шляпка, с жёлтыми пятнами.

И между этими мухоморами, между зелёным подлеском скакали прыгунчики. Разных цветов, от голубого до красного.

Буйство красок бросалось в глаза.

Но было что-то ещё...

Стало ярче.

Как будто лампа, горевшая вчетверть накала, разгорелась по полной.

Нет, что-то ещё...

Узоры растений, что покрывали тропинку, стали ещё красивее. Даже толстые нити, похожие на верёвки, натянутые между деревьями, оказались не просто зелёными нитями, а косичками, сплетёнными из нитей поменьше, а приглядевшись, можно было увидеть листочки, которые их покрывали.

И Первая понимала, что это не мир сделался ярче, богаче, цветастее, это она изменилась. Она стала лучше видеть. Да и не только видеть, она стала слышать. То, что казалось немым, вдруг запело. Первая слышала трели, слышала ахи и охи, слышала шёпот. Далёкий, но чёткий. Она стала лучше дышать. Даже лучше, чем в том, верхнем, нижнем, не важно, но в том, своём мире. Воздух был чистый. И вкусный.

Девушка ахнула.

Если и есть где-то сказка, то вот она, рядом.

Окружающее захватило, завлекло её так, что Первая не увидела самого главного, самого значимого изменения –

Мутный исчез.

Она оказалась одна.

– Мутный! – крикнула девушка, заметив пропажу, – Мутный!

– Тише, – раздался голос.

– Я тут решил поохотиться, – парень показал свой улов – несколько мелких существ. Размером и цветом как белка, с одним большим глазом на мордочке, плоской и круглой, как блин, с длинными задними лапами, как у озёрных прыгунок, и маленькими передними.

– Ты их поймал, всех и сразу? – спросила девушка, приподнимая передние лапки. Каждая такая лапка заканчивалась острым кривым коготком.

– Не всех и не сразу. Вначале поймал одного, потом второго, третьего, – парень стал разводить огонь, – я понял, как их приманить. Начал свистеть – они прискакали. И знаешь, когда я поймал самого первого, остальные стояли и молча смотрели.

– Ты шутишь?

– Нет. Честно.

– Может, они тут непуганы.

– Может.

Одноглазка оказалась нежной. Как кролик. Вкус необычный, как будто с душиком, но терпимо.

– Я походил, присмотрелся, – рассказывал Мутный, – та-

кие чудеса. Не читал "Приключений", но знаешь...

Первая фыркнула.

Всё, что её окружало, уже превзошло "Приключения". За исключением Дальнего города. То, что творилось там, превзойти невозможно. Хотя, если так будет и дальше, Дальний поблекнет.

Девушка обглодала косточку и посмотрела на парня. Сытая и довольная:

– Говори.

– Тут в небе висят кристаллы. Ты представляешь. Висят.

– Просто висят? Без опоры?

– Да. Без опоры.

– Ах, вот как? За что они держатся? – Первая говорила обычным будничным голосом. Сытость наполнила тело, и всё казалось обыденным – и кристаллы, и шар, висящий над головой, и этот ковёр из беглянок.

– За воздух... Не знаю. Ну, может, как струйки. Как огоньки.

– Посмотрим?

– Посмотрим. Но после...

Девушка улыбнулась.

В животе разлилось ожидание.

Неужели, чтобы спасти отношения, только это и было нужно – проникнуть в соседний мир и начать его поедать? Такая малость.

– И правда. Висят.

Кристалл был не просто сияющий. Его цвета менялись, от голубого до сине-зелёного. Переливались, перетекали один в другой, отдельными сторонами, разными участками этих сторон. Медленно, как и всё в этом мире.

Такое она не видела. Да, есть в мире камни, разные грани которых светят по-разному, если их повернуть. Но тут кристаллы висели не двигаясь. Казалось, камень живёт, своей особой размеренной жизнью. Ведь и цвета менялись совсем без порядка, весьма хаотично, по воле висящего камня.

Висящего без всякой опоры.

– Я трогал, – ответил Мутный, – пытался сдвинуть.

– Не получилось.

– Не получилось.

– А может не надо трогать и двигать всё, что увидишь?

Вдруг это опасно?

– Ты права, – парень вздохнул, – это, наверное, в природе человека – всё трогать и щупать.

– Такие мы, люди.

– Такие... Он за всё это время не сдвинулся. Видишь? –

Мутный показал на веточку, торчащую под кристаллом, – воткнул, когда ты спала. Кристалл как висел, так и висит, строго над палкой.

– Может, разочек, ещё, под кристаллом? – девушка в ожидании посмотрела на парня.

Мутный отвёл глаза:

– Сама говорила – опасно. Мир не знакомый. Кристалл... Кто его знает, что за кристалл? Как он подействует? Надо идти, выполнять своё предназначение. Так говорил Рубо.

Первая фыркнула:

– Рубо... Это тот, который и сам то не знал своего предназначения? Ладно, – проводница схватила мешок, – идти так идти. Удовольствия после. Так говорит Мутный.

Кристаллы росли по всему местному лесу. Продолговатые, разных размеров – маленькие, с ладонь, средние. И большие. Эти, высотой с небольшую башенку, висели выше, на высоте в два или три человеческих роста.

И на самых больших кристаллах росли деревья. В прямом смысле слова. Обхватив их своими корнями, вонзившись в их плоть и буквально всосавшись. Деревья эти были особенные, и отличались от обычных росших поблизости тем, что их кроны, казавшиеся более пышными, светились ярче.

Все кристаллы переливались, но не все казались здоровыми. Пару раз им попались мутные и почти поблекшие. Поверхность их почернела, на ней появились неровности, трещины, сколы. В основном это были кристаллы, на которых росли, или судя по лежащим поодаль сгнившим стволам, когда-то росли деревья. Дерево выпило жизнь, и кристалл заболел, заметила Первая.

– Куда мы идём? – задавала она вопрос. Не ожидая ответа, скорее так, размышляя, вслух.

Мутный молчал.

Однажды девушка испугалась, когда на плечо село существо, похожее на загадочного скорпиона из "Приключений". Но голова у него была круглая, как у человека, а лапки длинные и чешуйчатые. И на этих лапках такие же длинные и весьма цепкие пальцы.

Существо противно так стрекотало, как огромный кузнечик, и вращало своими глазами, похожих на два тёмных шарика, вставленных в голову.

– Ааа! – крикнула девушка и крутанулась корпусом.

Где там. Недозверёк-недонасекомое крепко вцепилось в плечо и вертело своим мерзким блестящим хвостом.

Хватать его рукой было противно, а кроме того, и боязно. Слава Обиженному, у Мутного на этот счёт были другие мысли.

– Спасибо, – сказала Первая, у которой неожиданно брызнули слёзы, – оно такое уродливое.

– Мы для них тоже, – философски заметил Мутный, – возможно, оно перепугалось, увидев тебя, потому и вцепилось.

– Спасибо... на добром слове, – Первая зарыдала.

Пришлось её успокаивать.

Заточив прямую и длинную ветку, Мутный изобрёл копьёцо. И этим копьёцом они добывали пищу.

Девушка предлагала "Милосердие" – кинжал, с которым она никогда не расставались, но тот показался коротким.

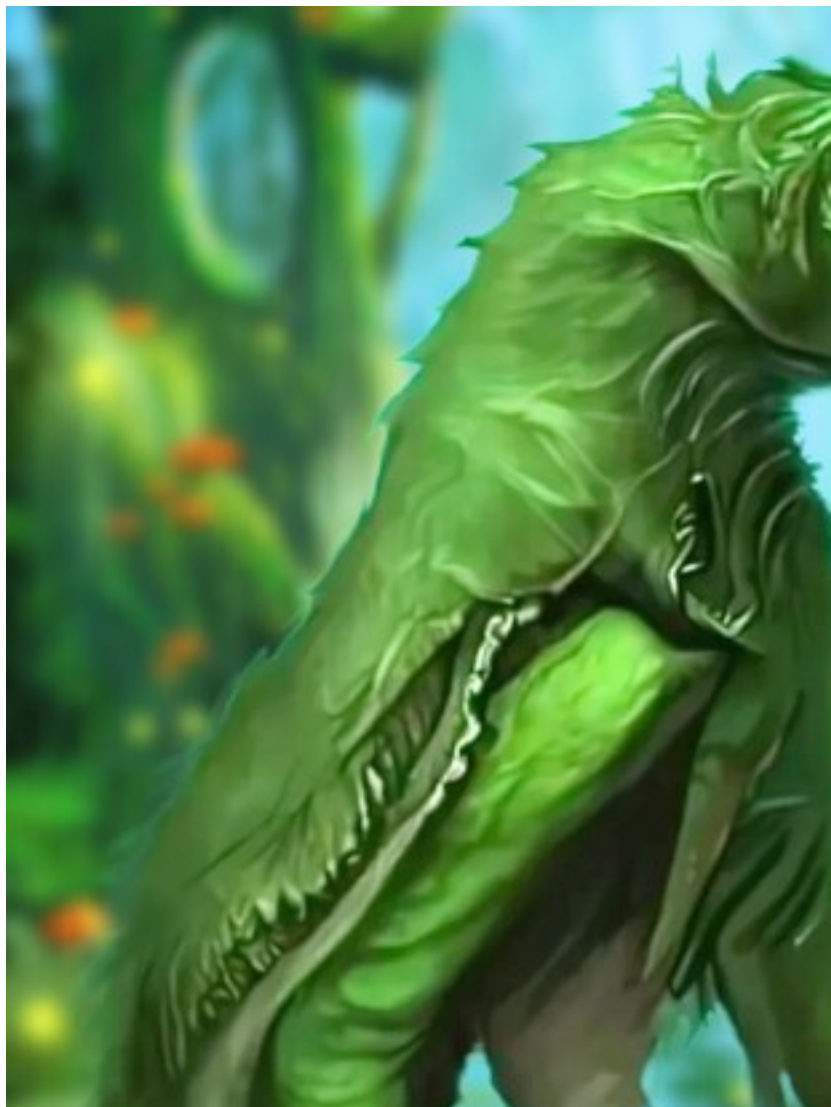
Широким. Броским. А может, то отговорки, и всему виной честолюбие – так подумала Первая.

Животные и впрямь казались непуганые. Охота приносила удовольствие, и, что не менее важно, ласкала мужское начало. Мутный свистел, скрипел, цокал, издавал всевозможные звуки, пока не находил тот, который приманит зверька. И, если зверёк приходил, пронзал его веткой.

– Ничего личного, – говорил он обычно, наблюдая трепыхающуюся тельце, – но нам нужно есть.

Следующим на трапезу попал страж – так прозвала Первая необычное зелёное существо, пока сдирала с него шкурку и чистила “Милосердием” внутренности.

С носом и лапами, напоминавшими ветки, телом, похожим на крупный стручок, узкими красными глазами, начинившимися у носа и кончавшимися чуть ли не на затылке. И на этот светлый стручок натянут тёмно-зелёный плащ, совсем как у стражей, с многочисленными оборками, складками и изгибами.

Вкус у него был противный, а после трапезы долго крутило живот. Первая, сидя в подлеске, понимала, что это далеко не последний подобный случай, и сетовала на то, что одноглазок так мало – с тех самых пор, как они попробовали их мясо, зверьки куда-то пропали.

Девушка посмотрела на небо, и вспомнила.

"Навус".

Откуда пришло это слово, и что оно значит? И почему она вспомнила это сейчас?

Загадка...

Загадки плодились, их было много, но девушка верила – самое загадочное ещё впереди.

– Куда мы идём, не знаю, – сказала она, как только вернулась к Мутному, – но хочу тебя познакомить – Навус.

И вскинула руки.

Впереди вырастал новый лес – и лес уходил в небеса, так, будто они поднимались. Хотя идти было легко, и путники не предавали этому значения.

Но однажды, ступив на поляну и поправив заплечный мешок, Мутный сказал:

– Это так.

– Это так?

– Да. Нам всегда будет казаться, что мы внизу. Посмот-

ри, – он обернулся.

Позади поднимались холмы, покрытые лесом.

Девушка посмотрела вперёд.

Впереди поднимались холмы, покрытые лесом.

– Чудеса.

– И что тут чудесного?

– Мы на дне. Хотя поднимались.

– Мир круглый, и маленький, – парень начертил круг, – мы внутри, – он начертил человечков. Мы будем внизу. Всегда. Куда бы ни шли.

– Постой. А как же наш мир? Как же мир "Приключений"?

– Мир "Приключений" не знаю. Возможно, он плоский. А наш, – парень задумался, – наш мир большой. Потому тоже кажется плоским.

– А знаешь, – задумалась девушка, – горы то поднимаются. Высоко-высоко. Даже слишком. У нас точно так же.

– Да нет, это горы. Хотя... Возможно, ты и права.

– Вот видишь, – та засияла, – я тоже бываю смышлёной.

– Вот видишь, я тоже, – подразнил её Мутный и поймал лепесток. Зубами.

Тот трепыхался, но после затих.

Парень взял его тело и принялся изучать.

– Эх, жаль, нет прибора, что был у Пытливого. «Помнишь?» —спросил он у Первой.

Но та лишь поморщилась.

– Ты сделал ужасное, – сказала она.

– Я сделал ужасное, – согласился Мутный. И съел лепесток, чем заставил девушку отвернуться.

Они зашагали дальше.

Несмотря на то, что спины были нагружены, а шли они долго, ноги не уставали. Всё в этом мире казалось лёгким и близким.

Путники перепробовали, наверно, пол леса. Так что с дегустиацией можно было завязывать. Можно, но не хотелось.

Впрочем, они уже знали, что тут съедобно. Всё оказалось просто – пищу синих и красных оттенков есть можно, зелёных – нельзя. Это касалось животных, и это касалось растений, среди которых попадались необычные и в то же время очень лакомые плоды.

Мухоморов было много, но мухоморы они не ели. Только понюхали и попробовали сломать. Так и выяснили, что это никакие не мухоморы.

Но внешнее сходство было разительным, и искушать судьбу не хотелось.

– Ты слышишь? – парень остановился.

– Что именно? – девушка слышала. Трели, какие-то вздохи, позёвы, слышала треск, далёкий и редкий, слышала шёпот.

– Шёпот. Он становится ближе.

– Да, – Первая согласилась, – но это, возможно, журчанье. Реки, водопада.

– Нет. Слишком прерывисто. Слышишь?

Действительно. Шёпот слегка умолкал, а потом становился громче.

– Возможно, там живут паучки, – предположила девушка, – и что-нибудь делают.

– Возможно.

– Странно, что мы до сих пор их не видели.

– Чего же тут странного? Живут они, скорее всего, так же компактно, как люди, в селениях, и далеко не отходят.

– Наверно.

– Смотри, – парень показал куда-то рукой.

Девушка пригляделась.

И увидела.

Существо размером с саммаку. Голубого и серого цвета, тело покрыто прыщами, а, может быть, ямками. Но удивительнее всего казались конечности и голова. Конечностей у животного было три, длинных, уродливых, и поставлены они были... Обиженный их знает, как они были поставлены. Или одна нога справа, две слева, или наоборот, или все посередине. Впрочем, ещё был хвост, поднятый кверху, похожий на четвертую лапу, растущую из спины. А голова... Головой эти твари напоминали хранителей. Овальная, сморщенная, с черными бусинами глаз. Вылезай она из яйца, сходство бы было разительным. За исключением ног.

– Уродец, – сказала девушка, – потерял свою лапку.

– Я так не думаю, – Мутный показал на другого. Тот вы-

ходил из подлеска, на тех же трёх лапах, и с любопытством разглядывал путников.

Как и первый.

– Я попытаюсь их приманить, – парень стал цокать, свистеть, сжимал, разжимал свои губы, скрипел, стрекотал... Бесплезно. Животные не приближались.

Они продолжали смотреть, так, как он бы смотрел на них. Если бы они вытворяли, то же.

Мутный взял свою палку.

Но не успел он её поднять, как охота закончилась. Животные убежали, достаточно резво. И как-то бочком. При этом казалось, что тела этих странных существ земли не касались, а лишь проплывали чуть выше, слегка помогая лапами.

– Они какие-то умные, – парень казался подавленным.

– Ладно, хватит оправдываться, – девушка приблизилась к Мутному и взяла его голову в руки, – ты мой добытчик. Не получилось, сладенький? Не получилось, миленький? Ну, ты не расстраивайся. Не расстраивайся...

Всё закончилось как обычно.

У них последнее время всё только так и заканчивалось.

– Интересно, – Мутный лежал, заложив за голову руки. Небо рождало загадки.

Почему это вблизи у поверхности оно светлое, а выше, около шара, тёмное? Если мир – это полость, и на обратной стороне леса, то эти леса тоже должны светиться, хотя бы

чуть-чуть.

Но шар. Этот шар, нависший над ними. Его прожилки были похожи на вены чудовищного исполина, который силится разорвать свои путы, силится, но не может. Путы же крутят-ся, путы вихряются, сжимая тело.

Первая лежала рядом.

Но думала она о другом.

Ей нравился этот мир. Мир, который подарил новые, небывалые ощущения. Сказочный мир. Чужой. В лучшем смысле. Чужой мир хорош хотя бы тем, что не надо искать что-то укромное, чтобы уединиться. Сам мир – одно большое укромное место.

– Интересно, там кто-то бывал? – спросил Мутный у девушки.

– Ты имеешь в виду Навус?

– Навус, так Навус, – парень смотрел не мигая. Ему хотелось лучше разглядеть движение вихрей, как будто, поняв их движение, он проникнет в их тайну, – где ты нашла это слово?

– Сама не знаю. Может, из снов. А может, придумала.

– Мне сны не снятся.

– Всем снятся. Но все забывают. Кто-то сразу, кто-то потом. "Сны – это жизнь внутри жизни" – говорила бабушка.

– Ты на неё похожа?

– Папа говорит – нет. Говорит, я ни на кого не похожа. Одна. Такая. Знаешь, как папа звал меня в детстве?

Мутный не знал.

– Стрикляточка.

– Ну... Это имя тебе подходит. Ты много гудишь.

– Ах, негодник, – Первая притворилась рассерженной.

– Расскажи что-нибудь из "Приключений", – попросил парень, – я знаю, там тоже был шар. Типа... Навуса.

– Ну, шар, и не шар, и не всегда только шар. Иногда половинка.

– Ах, да. Любящая рассказывала.

– Но в "Приключениях" месяц был полный. И, бывало, горел очень ярко, так, что было светло. И по ночам можно было читать. Без лампы.

– А ночи там были короткие.

– Да, очень короткие. И вот, в одну из ночей Листик увидел город. Освещённый так, что ему показалось, что это не город, а море огня. Такой огромный, что уходил за холмы и за холмами терялся.

– Дальний город.

– Да. Так назвал его Листик. В этом городе у каждой вещи была душа. Души фонарей зажигали фонари по ночам, души повозок двигали повозки, души мельниц мололи муку. Как все, получали деньги и отдыхали после работы.

– То есть они уставали и не могли работать всё время?

– Не могли. Как и обычные люди, их в Дальнем городе тоже было немало. Но зато фонари горели без масла, в телеги никого не впрягали, а мельницы крутились без ветра. Или

воды.

– Это удобно, – заметил Мутный.

– Конечно.

– То есть все в этом городе работали и получали за это деньги?

– Кроме чародеев. Но чародеи тоже не сидели без дела. Они следили за порядком, балансом магии, и магическим источником. Получается, тоже работали.

– И этот источник иссяк?

– Почему ты так думаешь?

– Предполагаю. Если в сказке есть источник, с ним обязательно что-нибудь происходит. Как в сказке об обнаглевшей саммаке.

– Из сказок Длинного Леса, – добавила Первая, и вздохнула, – ну да, источник иссяк. И с городом случилась беда.

– И кто его спас? Листик?

– Откуда ты знаешь?

– Предполагаю. Главный герой обычно спасает.

Первая фыркнула:

– Ты, наверно, читал.

– Нет, не читал.

– Вот нахал. Прямо как этот, Трёхглазый.

– О, ты вспомнила.

– Интересно, где он теперь?

– Где угодно. Это же шкодник. Очарованный.

– Так сказал Висмут.

– Так сказал Висмут.

– Интересно, где он теперь? – проводница вздохнула. И посмотрела на парня.

Тот отвернулся.

– Чего?

– Ничего.

– Ты обиделся.

Мутный молчал.

Девушка развернула к себе его голову, и молча поцеловала.

Шёпот стал ближе.

– Он ближе, – парень поставил мешок.

– Мы всё идём и идём, а он всё ближе и ближе, – после долгого перехода Первая начала уставать. Поэтому с удовольствием рухнула рядом.

– Нет, – Мутный прислушался, – шёпот шептуна.

– Шептуна? – удивилась девушка.

– Да нет, – парень покачал головой, – я не о том. Шептуна здесь нет. Да и не похоже. Не знаю, говорил я тебе? Шептун – он не шепчет. Шептун... как это сказать то правильно... бормочет. А то, что он шепчет, придумали люди. Я о другом. "Шёпот" шептуна очень низкий, как у ангела, когда он клёкает, горлом. Не стрекочет, а именно клёкает. И это клёканье слышно везде, даже там, где ничего больше не слышно. Так и шептун. То есть чем ниже звук, тем дальше слышно.

– Хотя это не шёпот, – поправила девушка.

– Да.

– И большинство людей эти звуки не слышат.

Мутный вздохнул:

– Я тоже не слышал. Слышал деревья. А животных стал слышать только тогда, перед ночью. И знаешь, возможно, не только я. Мне кажется, здесь с нами что-то случилось, мы стали другими. Видим и слышим, что раньше не видели и не слышали.

– И шёпот.

– И шёпот. Ты заметила, какой он гулкий?

– Заметила.

– И знаешь. Он изменился, прямо сейчас. Это как с шептуном. Когда я к нему подходил, звук менялся. А это значит, мы близко.

Первая улыбнулась.

"Как это он умудряется так говорить, что простое становится сложным? – подумала девушка, – сказал бы просто – звук изменился, значит, мы близко. Почему, спросила бы я. Да потому, ответил бы он, что я знаю, я же слухач. И всё."

– Нам скоро спать, – сказала она.

– Пройдём чуть вперёд, – Мутный надел свой мешок, – там вроде поляна.

– Пройдём, – согласилась Первая. Всем своим видом давая понять, что не согласна. Поляна, поляна. В лесу спать удобнее. В лесу не боишься, что этот огромный Навус сейчас

упадёт и раздавит.

Но впереди была не просто поляна.

Впереди было озеро.

– О, озеро! Озеро! – девушку охватил восторг.

Она сможет помыться, впервые. Не так, из ручья и частями, а вся, целиком. Полностью. Окунуться, нырнуть.

Первая начала раздеваться.

– Ты со мной? – кричала она, врезаясь в тёплую воду.

Но Мутный уже бежал, следом.

Наверное, это были лучшие минуты, которые они провели. Потом, по прошествии времени, Первая часто возвращалась к этим своим ощущениям. И понимала – да, это и правда были лучшие минуты.

Взявшись за руки, счастливые и удовлетворённые, они выходили на берег.

И в это время произошло ещё одно событие, которое добавило красок и оправило эти мгновения в прямо-таки сказочный ореол.

На них слетелись огоньки.

Нет, не те, что летали в лесу, лениво перемещаясь с места на место.

Эти были маленькие, вроде песчинок, и песчинки роем спустились на путников. Спустились, и стали кружиться. Вокруг обнажённых после купания тел, всё ближе и ближе, легонько касаясь, и вызывая чувство какого-то особого щемя-

щего удовольствия. Которое не испытываешь, даже лёжа на самой мягкой постели. “О, мягкой постели”, – подумала Первая.

И заглянула в себя.

Ей показалось, что тело щекотят, пёрышком. Но не снаружи, а изнутри. Прикасаясь к самым чувствительным зонам.

Двигаться, что-то делать – нет, не хотелось. Но Первая была любопытна. Девушка приподняла ладонь и зачерпнула из роя. А после разжала и стала смотреть.

Медленно, словно мелкий, очень мелкий песок, огоньки протекали сквозь пальцы и снова влетали в рой.

– Чудеса, – сказала девушка вслух.

И посмотрела на парня.

Обычно такой равнодушный и даже бесчувственный, Мутный закрыл глаза. И куда-то уплыл.

– Быть может, останемся здесь? – спросил он у Первой. После того, как очнулся.

– А как же предназначение? Как же Рубо, в конце концов?

Парень вздохнул.

Да, был соблазн – забыть обо всём и остаться. Здесь. Навсегда. Среди огоньков, что кружатся роем.

Но девушка была права – надо идти. И она не жалела об этом своём решении. Особенно когда узнала, что это были за огоньки.

Они заснули у озера. Нагие, в обнимку, забыв обо всём.

А проснувшись и удовлетворив свои насущные потребности, оделись и снова пустились в путь.

Который раз в этом мире.

Идти было легко, пока ещё достаточно легко, но всё же не так, как в самом начале.

– Плыли бы по реке, – сказал парень, – тогда бы мы не устали. Идём неизвестно куда неизвестно зачем, поэтому разницы нет.

– И правда, – ответила девушка, – чего это мы?

– А я предлагал.

– Ты предлагал?

– Да, на лодке. Но ты мне сказала "зачем?". Велела причаливать.

– Я велела причаливать?? – девушка остановилась, – да это я предлагала плыть!

И побежала за парнем, потому что тот только прибавил шаг.

– Ты что это вдруг? – спросила она.

Мутный не отвечал. Он рисовал самое подлое состояние, которое только мог рисовать – человека, который знает, что прав, и не хочет тратить усилия на ненужные споры.

Но всё же остановился.

– Послушай, – сказал он Первой, и замер, прислушиваясь, – шёпот левее. Значит, туда.

– Через лес?

– Да. Ты же хочешь узнать, что это за шёпот?

Девушка фыркнула:

– А я об этом не говорила. Это ты обратил внимание.

– Но узнать то ты хочешь?

– Нет, не хочу, – девушка сморщила нос.

– Ха, – сказал Мутный, – ну ладно. Пойдём по тропинке.

– Пойдём.

И они пошли по тропинке.

Всё шли и шли. И казалось, тропинка не кончится. Никогда.

Но она кончилась.

Потому что кончился лес.

– Этот мир удивляет всё больше и больше, – Первая не могла надышаться. Воздух, легкий и влажный одновременно. Теплый, но не удушливый. Как запах равнины после дождя.

И на этой равнине росли цветы. Огромные, с человеческий рост. Или грибы. Или и то и другое. Или не то, не другое. Как странно...

– Как странно, – сказала девушка, – этот мир удивляет всё больше и больше.

– Что же тут странного, – Мутный пощупал стебель. Твёрдый как дерево, – любой мир это мир. А значит, богат и не похож на другие. И любой удивляет.

– И что же? Не удивляться? Смотреть трезвым взглядом? Ты после озера так не считал.

Парень задумался:

– Огонёчки... ну, это что-то вроде местного алкоголя.

Они меняют мышление. Воздействуют на восприятие.

– Даа?? – теперь усмехнулась Первая, – а всё, что мы видим, не воздействует на наше восприятие? Да по-моему это и есть восприятие.

– Хорошо. Я согласен. Меня это тоже всё удивляет. Но мы на чужой, совершенно чужой земле, здесь за каждым кустом может таиться опасность, та, про которую мы даже и думать не смеем, что это опасность. Поэтому просто так восхищаться не выход. Надо смотреть на всё трезво.

Парень взял с земли камень, круглый и достаточно крупный, в светящихся серых прожилках. Он бросил этот камень в цветок, снизу вверх, и невольно отпрянул – один из отростков, который казался красивой частью цветка, схватил этот камень, и, повертев, отпустил.

– Вот видишь, – продолжил Мутный с серьёзным задумчивым взглядом, – здесь всё опаснее, чем в лесу. Мне почему-то сразу так показалось. Может, потому что всё здесь цветастее и извилистее. Не знаю, – Мутный пожал плечами.

– Да, скорости здесь не те, – Первая сопоставила медлительность леса с быстротой реакции цветка, – но, возможно, цветок не опасен. Возможно, он просто спасался от камня. Ну, или играл.

– Ключевое слово – возможно. Не забывай, что мы в чужом мире. Даже Белая Россыпь к нам ближе. Не по рассто-

янию, по родству. В конце концов, с Россыпью мы дышим одним и тем же воздухом.

"Боже, как ты умеешь опошлить прекрасное" – Первая готова была обидеться. Но окружающее сглаживало негативные эмоции, окружающее волновало больше, чем нудность самого близкого человека, и вместо того, чтобы обидеться, девушка улыбнулась.

– Пошли, – предложила она.

– Куда? – Мутный казался растерянным, – тропинка то кончилась.

– Прямо. Или на звук.

– погоди, – сказал парень и начал смотреть по сторонам, словно что-то выискивал, – надо запомнить место. Чтобы вернуться.

"Вернуться... Хорошее слово" – подумала девушка, помогая искать упавшие ветки. Чтобы потом отыскать это место, Мутный решил устроить шалаш. Хотя, возможно, и зря. Можно пройти этот мир, и ничего не найти, и вернуться обратно, по кругу. Знать бы еще, чего они ищут.

Идти под огромными растениями, похожими на гигантские тянучки, на самой вершине которых растут такие же гигантские цветы. О, это чувство.

Первая представляла себя маленькой твердотелкой, вроде нежданчика. Это ощущение приятно щекотало, и, как ни странно, успокаивало. Если ты маленький, тебя не найдут,

ты сможешь спрятаться от любого великана.

Но великанов не попадалось. Цветы росли большие, а вот животные... животные прыгали маленькие. Как и в лесу. До сих пор путники не встретили кого-то крупнее тех самых уродливых трёхлапых недопаучков.

Под ногами начало хлюпать.

– Мы попали в болото, – сказала Первая.

– Давай снимем обувь, – предложил Мутный после того, как хлюпать стало в ботинках.

Вода была тёплая, а покров из беглянок мягкий, и шли они быстро.

– Стой, – произнёс парень, так тихо, что Первая вздрогнула – он что-то увидел.

И пригляделась.

Впереди стояло существо, то самое голубое существо, которое в первые сутки их путешествия так смешно перепрыгнуло через Мутного.

Девушка чувствовала дыхание парня и понимала, что в нём зыграло. Мутный хотел отыграться за ту, самую первую неудачу.

Они приближались.

– Оно? Не оно? – парень пытался понять. Вроде такие же лапы. Но существо было меньше и при этом как будто... не то.

"Какая разница" – хотела сказать девушка, делая вид, что не понимает стараний спутника. В последнее время их отно-

шения стали казаться морем, бушующим в непогоду. После часов самой чувственной близости, на гребне волны, следовали впадины какого-то шkodливого настроения, когда хотелось достать, раззадорить, унизить. Причём с обеих сторон. И да, это было гораздо лучше того мёртвого штиля, что недавно сковал их корабль.

Корабль. Это было прекрасное сравнение. Чувствовать, что под тобою корабль, разрезающий волны чужого моря...

Девушка вскинула брови.

Впереди происходило кое-что странное.

Существо изменялось.

У него появилась шея. Лапы выпрямились и встали друг к другу. Передние конечности, наоборот, стали дальше и переместились на бока, вместо когтей на них выросло пять разновеликих отростков. Голова стала круглой, бугорок под глазами вытянулся, рот стал шире и уже.

– Человек, – ахнула Первая.

– Человечек, – поправил Мутный.

С крупными ладонями, слишком большими глазами и голубой кожей, в остальном это был вполне правдоподобный ребёнок.

– Оно имитатор, – добавил парень, – вначале превратилось в то дугорукое, теперь в нас.

– Оно копалось в мозгах?

– Не думаю. Просто смотрело. Если бы копалось, еще бы и разговаривало.

– Как Рубо, – вздохнула девушка, – как его не хватает. Рубо бы нам объяснил.

– Что? – парень занервничал, – ну что бы он тут объяснил? Он же здесь не бывал.

– Ты ревнуешь к железке, – Первая фыркнула.

– Я ревную к железке? – парень задумался, – я ревную к железке, – ответил он утвердительно.

Существо оставили в покое. И обошли, аккуратно, по кругу, чтоб не испугнуть.

Луг казался огромным. Так же как лес. Хранителей не было. Ни строений, ни звуков. Ничего, что бы выдавало присутствие разумного существа.

Да и что бы им дало это присутствие?

Первая уже понимала, что их затея не приведёт. Ни к чему. Был бы Рубо, он бы придумал. Хоть что-то. Нашёл бы хранителей, погрузился в их мысли. А так...

– Ты слышишь? – Мутный остановился, – шёпот стал громче.

– Ой, он давно уже громче, – ответила девушка, – ты говорил, мы близко.

– Ну да, близко. Мы этот шёпот прошли. Он теперь где-то слева. И сзади. Но, возможно, мы сами чуть сдвинулись влево. А может, ни чуть.

– Случайно?

– Не думаю. Мы стремимся туда попасть, и невольно туда

поворачиваем.

– Тогда мы сделаем круг и выйдем назад, сами того не понимая, – предположила девушка.

– Всё может быть. Что же делать? – парень задумался. Он посмотрел на Навус, словно в узорах таинственных вихрей скрывался ответ, – давай так. Дойдём до шёпота. Остановимся, и будем идти от него.

Девушка пожала плечами:

– Пожалуй. Но лучше начать после сна.

– А как же. Конечно, – парень приблизился.

И прижал её тело к себе.

– Мутный! – кричала Первая.

Подымаясь всё выше и выше. Цепляясь за сколы, вставая на выступы.

"Только не смотри назад, – твердила себе проводница, – только не смотри".

Лес, луг, всё милое и прекрасное осталось позади. Позади осталось озеро, рой огоньков, кристаллы, висящие в воздухе и растения, похожие на гигантские цветы.

Впереди было мрачно. Впереди было холодно. И, чтобы добраться в эту холодную мрачную местность, нужно взобраться на скалы. Рискую сорваться, упасть. Каждый миг.

Хотелось спуститься, в тот сказочный красочный мир, яркий и тёплый. Хотелось остановиться и прекратить этот мучительный подъём. Но спускаться было нельзя. Спускаться

было рискованно, очень. Спуститься – значит сорваться.

Да и не может она спускаться. Не имеет на это право.

Но девушка поднималась. С трудом, исцарапав в кровь свои руки, в ссадинах и порезах, но выше и выше. И лишь иногда, когда дыхание не выдерживало, останавливалась. Отдышаться, передохнуть, глянуть вверх, где безраздельно царил Навус – огромная Луна этого странного многоликого мира.

– Мутный! – кричала Первая, – Мутный!

И знала, что он не ответит.

Он умирает, он умер, и если она не успеет, то уже никогда не возьмёт его голову в ладони, не прикоснётся к губам. Никогда...

Первая проснулась в поту.

Да, последнее время ей снятся кошмары.

Но почему, почему?

Девушка повернулась на бок, надеясь увидеть лицо. Увидеть и успокоиться.

Но не увидела.

Она повернулась в другую сторону.

– Мутный, – сказала Первая, тихо, но после воскликнула, – Мутный!

Тишина.

И в этой тишине слышался шёпот, громкий, отчётливый. Казалось, стучит в голове. Девушка слышала отдельные

странные звуки. "Эо... Хахаэ... Уоаха вихохоххх..."

Первая огляделась.

Всё тот же сказочный луг, всё те же цветы со стволами гигантских тянучек. Всё те же лепестки, порхающие под ними. Всё то же небо, в котором сияет Навус. Всё то же, всё так же, но что-то не так.

Предчувствие опустилось как ночь, которой нет в этом мире. Накрыло собою день, которого тоже нет.

– Мутный! – крикнула девушка. Как можно громче и яростней, – Мутный!!

Нет, всё не так. Он не появится, нет.

Девушка побежала.

Надеясь успеть. Боясь, что она не успеет. И понимая, что в эти минуты решается всё. Всё!

"Почему, почему, почему ты решила бежать? – стучало в висках, – ведь он придёт, он придёт, он придёт. А ты убежала. Зачем?"

И девушка соглашалась.

Да, он придёт. Мутный охотится. Да, он придёт. Как было. Не раз.

Так зачем я ушла, зачем?

Но что-то гнало и гнало. Вперёд. На этот зловеший шёпот. Всё ниже и ниже.

Она спускалась в низину.

Пока не спустилась.

Это была котловина.

С высокими краями, окружавшими скалы, покрытые чем-то зелёным, и пологим спуском, с той стороны, через который она вошла.

Из котловины слышался звук, похожий на шёпот. Или дыхание. Нет, всё же на шёпот, осознанный, с паузами между слов. Чужих, непонятных. Как будто шептала земля.

Шёпот сдавливал голову, проходил через пятки и поднимался, по мышцам, по нервам. Низкий, глубокий, пронзающий.

И в самом центре той котловины стоял он. Стоял и не двигался.

– Мутный! – крикнула девушка и подбежала.

Страшась увидеть, но зная, что всё же увидит. Развернув его тело к себе. И заглянув в холодные безжизненные глаза.

– Мутный, Мутный! – кричала девушка, – Мутный, очнись!

Парень дышал, рука была тёплая. Но этот взгляд.

Глаза смотрели в глаза. И не видели.

Она огляделась.

Котловина была огромна. Отвесные стены этой чудовищной пасти были покрыты мхом, а может, чем-то похожим на мох, и это что-то шевелилось. Не так как всё остальное в этом странном и чуждом мире, спокойно и почти незаметно. Мох шевелился как червь, которого режешь на части.

В небе кружились твари, с длинными острыми крыльями, таким же длинным хвостом и шейей, те, кого поначалу она назвала острокрылами. Кружились по кругу, молча. Казалось, что круг сужается, словно удавка, и скоро сожмётся, а твари сорвутся вниз.

Вниз...

Первая поняла, что успела.

Да, это была котловина. Но не совсем. Где-то там, впереди, в самом центре зияла яма, и приблизиться, заглянуть за края этой ямы было чудовищно страшно.

Шёпот вползал в её ноги, клубился внутри, в животе, сдавливал голову. И надо было спешить, надо было уйти, и увести с собой Мутного.

– Слышишь? Ты слышишь?

Она взяла его за руку, и повела, всё дальше и дальше, из этого гиблого места. Медленно, будто ребёнка.

Краем глаза Первая видела камень, свалившийся в яму, и вдруг поняла, что это не камень. Это одна из тех тварей, тех острокрылов, что молча кружили над бездной.

В глазах защипало, но девушка вновь посмотрела на Мутного.

И вновь опустила свой взгляд.

Потому что Мутного не было.

"Что мне делать?" – подумала Первая. Место она оставила в спешке, когда побежала. Но вот, будто чудом нашла. Прак-

тически сразу.

Вещи лежали, так, как она их оставила. Два мешка, в основном с одеждой, один лёгкий (это её), другой тяжёлый (его, кроме одежды, там валялась всякая всячина, она даже не знала, что именно, да и не хотела знать). Девушка отстегнула сумку, что висела у парня, и пристегнула к себе.

В сумке лежало огниво, несколько кусочков сушёного мяса (оставшихся, как ни странно, с самого начала их путешествия – то ли случайно, то ли нарочно), какая-то линза, кусочек ткани, пара монет, которые, скорее всего, не нужны, и копьёцо. Копьёцо торчало наружу.

Первая села на землю и обхватила колени руками. Мир стал другим. Из доброго, сказочного, он превратился в чужой и опасный.

Летали лепестки. Летали и садились. На камни, на вещи, на Мутного. Как на ещё одну безжизненную деталь окружающей обстановки.

"Что же мне делать?" – спросила девушка.

Самые страшные волнения остались позади. Рассудок возвращался. Но какого-то плана, как дальше двигаться, не было.

Мутного надо вести, под руку, Мутный ребёнок. Мутного надо кормить. Но как это сделать?

Девушка взяла кусок мяса, тот самый, что лежал в его сумке, и сунула в зубы. Парень начал жевать.

Хорошо.

Дальше.

Надо идти. Но куда? Возвращаться назад, к шалашу?

Пожалуй, это был выход.

Пожалуй, единственный.

Дойти до реки, сесть в лодку и плыть. Как включить механизм, она знает. Да по течению лодка и так поплывёт, без всякого механизма. Но как открыть домик...

У Первой забилось сердце.

Обратно займёт больше времени. Мутный не может идти, так, как раньше, Мутного надо вести.

Но Бог мой Обиженный, если она и дойдёт, если сядет в корыто, подыметя вверх (или вниз), пройдёт это чудо на ножках и выплывет, где-то в Заводье...

А дальше то что? Что же ей делать?

Кормить его с ложечки? Ждать, когда он очнётся?

А если он не очнётся, уже никогда?

Первая вспомнила людей из лечебницы, тех, кого однажды тронули небеса. Попадались разные. Кто-то был тронут отчасти и помогал по хозяйству. Кто-то чуть больше.

Но были такие как Мутный. Те, чей рассудок угас. Большинство из них ели, ходили, спали и... всё. До конца своей жизни они только ели, ходили и спали. До конца своей жизни...

На глаза навернулись слёзы.

За что? За что ты вот так? Зачем ты туда пошёл? Негодник...

Ведь я там была, ведь со мной всё нормально. Почему же с тобой то всё плохо? Почему?

Девушка зарыдала.

Лепестки порхали вокруг головы, и, казалось, пытались утешить. Но Первая чувствовала себя вдовой.

О каком-то спасении мира не могло быть и речи. По крайней мере пока.

Конечно, зря они дальше пошли, зря вообще затеяли это путешествие. Мир под Навусом невелик, не такой, как их собственный, но что-то искать в этом мире, когда даже не знаешь, что ищешь... Безумцы.

Первая чистила тушку и с грустью смотрела на Мутного.

Тот сидел, как ни в чём ни бывало, и глядел в никуда. Спокойный и чистый, как лист, на котором никто не писал. Она мельтешила перед глазами, хлопала в ладоши то справа, то слева, щипала под бок.

Бесполезно.

Парень не видел, не слышал, не чувствовал.

Девушка сделала вертел, одела только что освежёванную тушку и стала держать над костром. Мясо оказалось сочным, оно шипело, с него стекал жир. Пара минут, и тушка покрылась хрустящей румяной корочкой.

Она уселась напротив Мутного. Бывали случаи, когда после пылающих люди смотрели на что-нибудь монотонное – горящий костёр или бегущую воду, и к ним возвращался рас-

судок. Случаи редкие, хотя кто его знает, то, что случилось, не буднично.

Но парень сидел словно камень, статуя на морском берегу далёкого (теперь уже очень далёкого) Приморья.

С ещё не остывшего мяса Первая сорвала кусок и с каким-то отчаяньем сунула в зубы. Парень начал жевать. С уголков приоткрытого рта стал стекать сок, вперемешку со слюнями, но жевал он сам, без какой-либо помощи, сжимая и разжимая челюсти. Молча.

Такие молчаливые обеды у них будут долго. Хорошо хоть вот ест, ходит и спит... Что он ещё то делает? Ну, носит с собой свой мешок, как топтун-однодневка.

Прекрасно.

Девушка усмехнулась. Не терять чувство юмора, это, конечно же, здорово, да и что ей ещё остаётся, но ситуация... Оставалась надежда, что Мутный очнётся, вдруг, неожиданно, как всё в этой жизни бывает, что-то щёлкнет в его голове, и очнётся. Станет таким же, как прежде. Таким же занудой.

"Чуть правее", – думала девушка, когда они возвращались. Мутный шёл очень медленно, и она постоянно смотрела под ноги, не свои, а его, смотрела, чтоб не споткнулся. Она знала, что они запетляли. Вот только насколько серьёзно, и что было главной причиной – шёпот, узоры на Навусе, который крутился влево (да, крутился сам Навус, вихри только стекались и растекались), а, может быть, луг, расположение этих гигантских цветов, которые росли будто в ряд, но вроде

не очень то в ряд, а, может, совсем и не в ряд, возможно, в спираль или окружность... Не зная всех этих поправок, она не могла рассчитать их маршрут. Всё это было непросто, ох как непросто, учитывая то, что смотреть приходилось под ноги, а не вперёд, а голова просто отказывалась соображать.

Первая села на землю, вынула Рубо и, стала с ним говорить. Обрисовала проблемы, как можно яснее и чётче, и попросила совета. Рубо не отвечал, Рубо был просто куском металла. А она говорила.

Но в голове прояснилось, мысли направились в русло, и девушка начала думать.

Через цепочку ориентиров они добрались до леса. Теперь бы найти тропинку. Дальше идти по тропинке – и всё, дело сделано, они у реки.

"Дело сделано". Девушка усмехнулась собственным мыслям. Потом у них лодка, потом пещера, путешествие в собственный мир, Фахус, пещера, лодка. Лишь бы очнулся Рубо. Быть может, очнётся, там, наверху (точнее, внизу), вызовет Танги, а то как же им плыть, против течения, под горами? О, как всё сложно...

Девушка шла и шла, вдоль кромки леса, выискивая шалаш, и понимая, что надо идти и идти, шаг за шагом, а там – будь что будет.

Пока не заметила, что на неё кто-то смотрит. Не так, как это бывает, обычно – зверёк вытянет голову, покрутит ей и ускачет.

Нет, этот не просто смотрел. Этот держал своим взглядом. Как хищник, цепляясь за жертву.

Девушка поняла это сразу. И медленно, стараясь не делать резких движений, повернулась на взгляд.

Крупное коричневое существо, ростом примерно по грудь, для этого мира почти великан, похожее на горбатую собаку, вставшую на задние лапы. У существа были крупные глубоко посаженными глаза, и этими самыми глазами оно и глядело на девушку. Глядело не шевелясь.

Коричневое существо

Но самыми странными у зверя казались лапы, передние. Толстые, как будто обрубленные, кончавшиеся короткими зубьями по краю тупого обрубка.

И этот обрубок вращался. Не быстро, не медленно, он вращался достаточно, с определённой на что-то рассчитанной скоростью. И не хотелось думать, на что эта скорость рассчитана.

Итак, оценить ситуацию.

Бежать она не сможет, тем более с Мутным. Бросить Мутного здесь, на съедение этой твари и уйти без него? Это, конечно, можно, скорее всего, это выход. Но она так не сделает. Потому что не сможет. Не сможет. Не сможет... О, боже...

Существо приближалось.

Держа впереди свои лапы, боясь случайным неосторожным движением вспугнуть свой обед, смотря этому обеду в глаза и готовясь к броску.

Но девушка тоже готовилась.

У нее есть копьё, маленькое, но острое, сделанное из ветки дерева, чья древесина похожа на камень. И есть "Милосердие". Длина копья больше, чем длина этих лап, и в нужный момент надо ударить. В нужный момент, в нужное место и с нужным усилием.

План идеальный, в теории, но сложно осуществимый на практике. Руки дрожали. И унять эту дрожь невозможно.

Существо смотрело в упор своими большими темными глазами. Убивая одним только взглядом.

Копьё рисовало круги, настолько сильна была дрожь. Но девушка приготовилась.

И ударила.

Существо завылло и прыгнуло, сбив её с ног и придавив своим телом. "Сильная тварь" – подумала Первая. И поняла, что единственная попытка что-то поменять в соотношении сил провалилась, и теперь надежда на "Милосердие".

Но кинжал был отброшен. Тут же.

"Скотина" – подумала девушка, напрягая все мышцы.

И услышала голос.

"Не двигайся".

Голос звучал в голове. А может, и нет.

Но она покорилась. Какой-то частью своего сознания Первая верила голосу, хотя в ситуации, похожей на эту, совет казался нелепым.

Существо вдруг качнулось, и тут же упало набок.

Дрожа после пережитого, только сейчас испугавшись по полной, девушка встала на ноги. Кое-как, потому что ноги не слушались.

И посмотрела вокруг.

В голове и глазах стучало, но она увидела.

Возле корней самого первого дерева стоял паучок. С какой-то железкой в руках, но без палочки.

"Хранитель" – подумала девушка и упала.

Свет, что падал на веки, был похож на свет лампы. Туск-

лый, но не навязчивый.

Глаза открывать было боязно.

Для начала ей надо вспомнить.

Девушка отмотала назад основные события, начиная от спасения до внезапной болезни Мутного, и дальше, вплоть до того момента, как впервые увидела Рубо. Нет, Первая не забыла, просто сейчас нужно было увидеть события сразу, прокрутить в голове, чтобы понять, всё ли сделано так, как нужно, и чтобы принять решение, что делать дальше.

Из их команды осталась она. И всё. Один превратился в железку, другой в растение. А Первую подобрали хранители. И что дальше делать? Бежать? Вместе с Мутным?

Она открыла глаза.

Да, свет тусклый, но ровный, не такой, как от лампы. Это было небольшое помещение с деревянными (вроде бы) стенами и лестницей, ведущей наверх.

Девушка лежала на каком-то матрасе, набитом шкод знает чем, но чем-то мягким и лёгким. И в то же время упругим.

В комнате было окно, небольшое, прямоугольное, и из окна лился свет, достаточно слабый, был светильник, похожий на шар, подвешенный к потолку, и низкий приземистый стол, стоявший под этим светильником. У стола таз с чем-то светящимся, но только более мутно, а на самом столе тазик поменьше.

Рядом стоял паучок, лез лапами в тазик и что-то купал.

Первая зашевелилась.

"Очнулась?" – спросил чей-то голос.

"Очнулась" – ответила девушка.

"Кто ты?" – спросили опять.

В руках паучка оказался шар, более светлый, чем те, что лежали в тазу. Он держал его в лапках и протирал.

Говорил, наверное, он, но в их разговоре что-то было не так. Девушка стала думать и вдруг поняла.

Тишина.

Хранитель думал, но думал без скрипов, шипений и про-чего хлама. Он думал молча, и посылал свои мысли.

"Я человек, – сказала она, не зная, как объяснить, – из мира... другого".

"Он понял, – ответил хозяин, – и понял, что ты не зна-ешь".

"Так что же ты спрашиваешь?"

"Ему надо понять, что тебе известно. Ты очень похожа на Хэа", – паучок положил светлый шар в большую закрытую ёмкость и потянулся за новым.

"Он, ему, – девушка удивилась, – то есть, тебе. Ты говоришь о себе как будто о постороннем."

"Так легче понять окружающее, если это окружающее слишком сложно для понимания".

"Ты знаешь наш мир?"

"Да, знает, – хозяин взял мутный шар и начал тереть, – избранные должны это знать. Но они никакие не избранные. Теперь."

"Ты говоришь загадками" – Первая села.

Комната казалось небольшой, потолки низкими. Но, при-
мерив к жилищу рост паучков, девушка поняла. Жилище что
надо.

Да, хранитель говорил загадками. Но в данный момент её
волновали две вещи – растрёпанные волосы, в которых засе-
ло шкод знает что и отсутствие Мутного.

"Он знает, что ты не Хэа, – сказал паучок, – а, значит,
ты не поможешь. И всё останется прежним. Но ты пришла
с целью, и цель, вероятно, важная. С тобой оглушённый ни-
зиной".

"Низиной? Пожалуй..."

"Вы не местные. Поэтому и попали в ловушку. Здесь мно-
го ловушек, с тех пор, как случилось... то, что случилось.
Случилось давно, – хранитель задумался. При этом он дер-
жал в своих лапках светящийся шар, – какие тёмные доны.
Отмыть не проблема, но почему они тёмные?"

"Вот это я точно не знаю, – Первая фыркнула, – я тут не
местная".

"Ты тут не местная, – подтвердил паучок, – но ты при-
шла".

"Хэа, – вспомнила девушка, – ты сказал Хэа".

"Так они называют первое воплощение создателя. Кото-
рое им явилось".

"Ээф?"

"Ээф. Так называют существа в твоём мире его последнее

воплощение".

"Но первое был человек?"

"Человек. Такой же как ты. С длинными тёмными волосами. Они зовут её Хэа"

"Но мы прибыли с Острова".

"С Острова, – хранитель остановился. Он перестал чистить шар, и, глядя на ещё не отмытую поверхность, пытался о чём-то вспомнить, – скажи, что тебе известно?"

Первая посмотрела в окно.

В жилище влетел лепесток, и начал кружиться. Как бабочка. словно от той осталось лишь крылышко, но это крылышко помнило целое, и всё порхало, порхало, порхало...

"Вы будто не знаете, – ответила девушка. Она сжала руки в кулак и вдавила в матрас, – сами всё это затеяли, и сами не знаете".

"Знают" – хранитель казался спокойным. Хотя... Он не шипел, не цокал, не фыркал. Этот паучок отличался от тех, знакомых ей паучков. С палочками. Ещё и тем, что палочку не держал. Понять, что чувствует существо, было непросто.

"Хорошо. Тогда скажет он" – хозяин потёр свои лапки. И обернулся.

Гостя посмотрела по сторонам, ожидая увидеть третьего, настолько необычна была манера, с которой общался хозяин. Но в конце концов поняла, что он говорил о себе. Хранитель приблизился, встал перед девушкой и посмотрел ей в лицо. Своими блестящими чёрными бусинами.

В это время лепесток, что кружился в жилище, сел на светящийся шар.

Хозяин проследил за ним взглядом и хлопнул передними лапками. Лепесток улетел. При этом он не порхал, как безумный, не тыкался в стены, а сразу нашёл окно.

"Ииды выпивают свет, и доны чернеют, – объяснил паучок, – ииды ненужные гости".

"Доны?" – спросила девушка.

"Доны растут на деревьях, на берегу озера. Они собирают доны на лодках, когда те падают в воду и их прибивает у берегу. Дон светит долго, четыре цикла. Цикл, – добавил хозяин, увидев непонимание, – это время, в течение которого Великая река несёт свои воды от Родника до Зелёных пещер"

"Спасибо, стало понятнее".

"Он оценил. Он понял, что тебе непонятно" – сказал паучок.

"Эти доны больше тех, что летают в лесу".

"То не доны, то эсы, – поправил хранитель, – но ииды вредят и им".

"Ииды питаются светом, – девушка была очарована, – у вас тут красиво и тихо. Так что вы забыли у нас? Зачем вы пришли? Что вам нужно?"

Хранитель молчал.

"Да, это не просто, – ответил он девушке, – ты видела тех, изменённых Демоном".

"Демоном?"

"Существом, что проник в Малый мир. Когда он пришёл, многие избранные были уверены, что это пришествие Бога. Они ошибались. Демон хотел навредить, и навредил, хотел сделать больно, и сделал. Его настоящие помыслы нам не известны. Но Демон приносит страдания. Они были избранными, но теперь они никто. Печальные жертвы Уура".

"Уура?"

"Так называют Демона"

"Давай поподробнее" – девушка запуталась в конец. Мало того, что спутались волосы, мысли запутались тоже. То, что сидит в голове, отказывалось шевелиться.

Хранитель оторвался от пола, он был лёгкий, очень лёгкий, и Первая догадалась, для чего тем, верхним, нужна была палка. Чтобы стоять на земле.

"Тебе надо знать" – ответил он Первой.

Давным-давно, рассказывал паучок, жил Создатель. Создателю было скучно и он придумал миры. Похожие, но всё-таки разные.

В народе осталась легенда о Хэа и Хуру, первом воплощении Создателя и его первом создании. Хуру дала уум, Хэа сварила аук, и в нём появились миры. Тёмные и пустые.

Тогда Хэа закрыла глаза и начала представлять. И всё, что она представляла, вдруг появлялось.

Все миры заполнила Хэа, всё оживила.

Но остался один, самый маленький. И он оказался пу-

СТЫМ.

Тогда Хэа снова закрыла глаза и воплотила последний замысел.

Так, по легенде, возник Малый мир.

Самый маленький, но самый красивый.

В небе этого мира горел Навус, огромный шар, который раскрашивал небо в свои необычные краски. В Синих горах бил Родник, рождая реку, которую называли Великой. Эта река водопадом падала с Родника и текла по всему Малому миру, исчезая в Зелёных пещерах. Мир был наполнен красками, весь, за исключением маленькой области, которую называют Слепым пятном представления Хэа.

Легенда красивая, но она не рассказывает о главном.

О том, что скрывалось за этой задумкой, насколько важен был замысел.

Паучок замолчал.

Послышался шум, тихий, будто в подпол залезла брума. А может быть, мышка. Снизу появилась сморщенная голова, яйцо, а за ними конечности. В комнату вплыл паучок. Хранитель, что разговаривал с девушкой, повернулся, и с минуты они стояли, созерцая друг друга. Наверное, разговаривали.

"Снизу в жилище ведёт ещё одна лестница" – подумала девушка.

"Хотела спросить, – перебила она разговор, – как это вы

сумели поднять меня наверх?"

"Тебя привёл оглушённый низиной. Его попросили".

"Значит, он был в состоянии? Не только есть или спать, но выполнять разные просьбы??"

"Оглушённые первое время способны на многое. Даже работать. Но собственной воли нет. Оглушённый не убежит даже от смертельной опасности и будет стоять словно камень, пока не умрёт от голода".

Девушка вздрогнула:

"Первое время?"

"Да. Спустя доли цикла оглушённый перестаёт выполнять волю тех, кто находится рядом. В том числе двигаться. А потом замирают все остальные процессы в его организме".

"Остальные процессы?? – Первая не соображала, – какие такие процессы?"

"Замирает всё".

"Как это всё??"

"Если есть сердце, оно не бьётся".

В живот словно кинули камень. Во рту стало горько. Зачем, ну зачем они согласились? Зачем пошли неизвестно куда? Без Рубо, ну что им тут делать? Надо было вернуться, а лучше сидели бы на Посту, тихо, мирно...

"Вы можете вылечить Мутного?" – спросила она с отчаянием.

"Нет, – сказал паучок, разрушив остатки надежды, – оглушённого вылечить невозможно. Сколько они не пытались".

“Ну что можно сделать?”

Хозяин молчал.

“Тот, кто сидит в Синем лесу. Однажды, чтобы показать свои силы, он отправил вспять воды Великой реки. Он многое может. Возможно, и вылечить”, – прозвучал в голове новый голос. Возможно, вошедшего гостя.

“Кто сидит в Синем лесу?” – спросила она. Сердце при этом стучало как бешеное. Но Первая понимала, что ради Мутного она способна на многое. Была способна, способна теперь и будет способна всегда. Что-то было в этом угрюмом мужчине, что-то, что не давало покоя. Как-то же сердце – оно, бывает, мешает, своим стуком, своей ненормальной реакцией. Но без которого трудно. Точнее, никак.

“Там сидит Демон, о котором я говорил, – продолжил за гостя хозяин, – они называют его Уур. Уур извратил их учение, сделал слугами тех, что были избранными и наполнил болью соседние миры”.

“Тогда мне тем более надо к нему, – ответила Первая, удивляясь, как уверенно это сказала, – он погасил наше солнце”.

“Я попрошу вернуть солнце на место, и исцелить моего парня, – подумала она, уже про себя, – я сделаю так, что он согласится.”

“Ты пришла с важной целью, – ответил хозяин, – ты правильно пришла”.

“Вы мне поможете” – попросила девушка. Вернее, не по-

просила, потребовала. В случившемся была вина этих созданий, и создания это чувствовали. Девушка знала, что они ей помогут.

"Помогут, – сказал ей второй, – но они не пойдут к Демону. Из тех, кто ходил в Синий лес, никто не вернулся. Он приглашает испить напиток, который меняет их восприятие, но отказаться испить невозможно. Ты другая. Тебя не коснулась низина, возможно, тебя не изменит и Демон”.

"Вы приведёте меня туда, или покажете путь" – Первая встала. Голова при этом упёрлась, и ей пришлось наклониться. Со стороны выглядело так, будто стоит королева и смотрит на подданных. И эти подданные молчали. Быть может, они вспоминали Хэа. Быть может...

"Теперь я хочу видеть Мутного" – добавила девушка.

Он как-то съежился и закрылся, как будто ему холодно. Хотя в Малом мире тепло.

Первая подошла и пощупала руку.

Тёплая.

Так чего же он ёжится.

Сердце сжалось от жалости к этому угрюмому и, как ей казалось, не очень чувствительному человеку

Но да, это только казалось.

Мутный пошёл за ней на край света, шагнул через край, без сомнений и колебаний, и она знала, почему. Не ради спасения мира, нет. Он это сделал ради неё. Потому что знал,

что ей нужно, ценил её дерзкий характер и уважал тот выбор, который она сделала. Она была безрассудна и часто отчаянна, нарывалась на разные неприятности, и он бы её не оставил. Одну. Даже шагни она в бездну, он бы шагнул за ней, но, скорее всего, удержал бы. На самом краю.

"Чего это он?" – девушка опустила ладонь и посмотрела в глаза. Зрачки были сужены, так, будто смотрели на солнце. Но свет был не ярким, рассеянным.

"Это низина, – ответил хранитель, – она не пускает. Большого я не знаю. С тех пор как она зашипела, многие попадали в ловушку. Возможно, низина просит. Вернуться."

"Но как же она возникла? Кто создал низину?"

"Демон".

Девушка опустилась на землю.

Деревня хранителей находилась в Зелёном лесу. Те же огоньки, лепестки и деревья.

Но только деревья были гораздо толще, и их стволы покрывала кора, подобная той, что покрывает сосны и ели в её родном незримом лесу. Листики тоже подобны еловым, такие же острые, но только как будто мягче. Деревья соединяли нити, толстые, созданные переплетением нитей поменьше, как и в других, более знакомых местах этого большого зелёного леса.

Внутри эти большие рельефные стволы были пустыми, точнее, совсем не пустыми – там находились жилища. На разных этажах.

Во всю высоту этого многоэтажного дерева тянулись окна, в окнах горел свет, скорее всего, от донов, не очень яркий, но достаточный, принимая во внимание то, что в лесу было светло.

Снизу деревья пускали корни, похожие на конечности древоходца, но гораздо более толстые. Эти корни тянулись по лесу, сплетались друг с другом, но оставляли тропинки, свободные от корней, которые уходили в разные стороны этой деревни.

Всё это было замечательно, но ей нужно знать. Ей необходимы подробности. Ведь теперь от этого Демона, про которого только и говорили, зависело многое, если не всё.

"Он понимает" – сказал собеседник и начал.

Малый мир был последним и самым важным замыслом Создателя, – рассказывал хранитель.

К этому времени другие миры были созданы и в них развивалась жизнь.

Но Малый мир развивался быстрее, и поэтому скоро в нём появились те, кого Хэа во время пришествия назовёт своим избранным народом.

Эти существа будут следить за тем, чтобы последнее творение Хэа осталось не просто творением. Чтобы оно воплотило замысел, который в него заложен.

Проходили циклы.

И вот однажды в их мир вошёл Демон, страшное и ковар-

ное существо. Чтобы показать свою силу, оно подошло к Великой реке и повернуло вспять её воды. И многие избранные уверовали, что это пришёл Создатель, или существо, Создателю равное.

Они преклонялись пред Демоном и пили напиток, который тот предлагал.

Напиток был вкусный, но коварный. Тот, кто его отведал, слушался волю Уура, или Сиятельного, нового Бога покорных – так называли обманутых те, что сумели уйти. Они укрылись в Зелёном лесу, в то время как те, что поверили Демону, остались жить в Синем.

Уур извратил учение избранных, пять добродетелей сделал грехами. Наблюдение своих поступков со стороны и самостоятельность собственных решений он заменил послушанием старшим. Созерцательность обозвал бездеятельностью, сдержанность – молчаливостью, а любовь, когда избранные трутся телами – похотью, вредной и безобразной. И еще он придумал трости, сделанные из древесины деревьев мёртвого леса, тяжёлой, как камень, чтобы покорные только ходили, и не смели летать.

Всё это было сделано не случайно. Слуги Уура должны были думать о цели, поставленной Демоном, а сокрытие собственных мыслей и собственных эмоций, наличие дел, не согласованных с целью – всё это считалось преступлением.

Для чего это делалось, было неизвестно.

Пока окружающие миры, один за другим, не стали ме-

няться.

Светила гасли, океаны пересыхали, холод сменялся жарой, а жара становилась холодом.

Ты видела низину, и слышала шёпот, что вытекает из ямы. Но что в этой яме?

Когда-то в том самом месте был вход в большой и прекрасный мир, подобный тому, из которого ты пришла. Но слуги Уура проникли в тот мир и стали его изменять. Так, что мир оказался наполнен зловещей и странной материей, которая лезет, шипит и затекает сюда, словно шёпот.

Это всё Демон.

Тех, что когда-то считались избранными, он превратил в покорных, и всё для того, чтобы достичь своей цели.

Но что это за цель?

Он не знает.

Первая догадалась, что хранитель сказал о себе.

Он не знает. Она не знает. Никто не знает. Но как же начать разговор с этим злом? Чтобы общаться с Демоном, нужно понять его помыслы.

А чтобы понять его помыслы, надо знать помыслы Хэа. "В чём заключался замысел?" – хотела она спросить.

И не спросила.

"Не двигайся" – услышала гостя.

И заметила, краешком глаза, как с плеча, а, может быть, с головы, что-то упало. Размером с белку.

Первая отскочила.

Хранитель взял упавшее тело передними лапками и показал его девушке.

На лапках лежало создание, размером действительно с белку, светло-коричневого, почти жёлтого цвета, с четырьмя лапками, длинным хвостом, но одной заметной деталью. У создания было две головы, сидящих на длинных шеях. Первая слышала рассказы матросов, вернувшихся с моря, о рыбах с двумя головами, о рассечённых надвое парусниках, читала о трёхголовых змеешейках из "Приключений", но, чтобы так, вживую...

"Это двуглавка, – объяснил ей хранитель, – в коготках её лапок содержится яд. Коготки сейчас спрятаны, но, если они вонзаются, яд попадает в жертву".

"Яд двуглавки смертелен, – добавил кто-то, – для избранных точно".

"Спасибо, – ответила девушка, – что спасли мою жизнь. Смотрю, тут так много опасностей. А мы то, по простоте душевной, гуляли, словно в Саду Синих Фруктов" – был такой в "Приключениях".

"Кроме двуглавки и дикого выра, который напал на тебя... Есть яма, наполненная огнём. Посмотри на небо, – девушка глянула, – видишь это светлое жёлтое пятнышко немного правее Навуса? – паучок посмотрел в сторону шара, и, ожидая реакции, глянул на Первую, – Там вход в самый страшный и самый пугающий мир. Для нас. Но там живут духи,

огненные, и кажется, неплохо живут. Об этом нам говорила Хэа в свой последний приход. До того, как покинула нас, навсегда, – хранитель взгрустнул, и Первая это чувствовала, – близко туда подходить не стоит. И если быть аккуратным, яма совсем не опасна. Есть предметы, которые трудно разбить, уничтожить, но в яме они сгорают, до мельчайших частиц. Есть и другие опасности, – добавил хранитель, – опасайся озёрного роя. Он похож на группу маленьких эсов, тех огоньков, что ты видишь. Но только те огоньки очень маленькие, размером с песчинку, и обитают у озера. Озёрный рой – это личинки эсов, но если эсы безвредны, то их личинки опасны. Когда этот рой касается тела, приятно. И даже щекотно. Но щекотно потому, что рой кусает сонное тело, кусает немного. При этом он выделяет газы, смягчающие боль и влияющие на восприятие, и тебе становится хорошо. Но если часто купаться в рое, можно потерять это тело. Уже навсегда.

Девушка фыркнула:

"Надо же, самое приятное в этом мире оказалось опасным".

"Многие их собратья купались в рою. Собратья приходили на озеро снова и снова, чтобы испытать ни на что не похожие ощущения. Пока не теряли сонное тело".

"Сонное тело?" – спросила девушка. Снова загадки.

"Когда наступает смерть, сонное тело исходит" – ответил хранитель.

"Это душа", – поправила девушка.

"Это душа, – сказал собеседник, – если душа это тело, второе. Оно помогает первому, повторяя его строение, и, когда оно повредится, его исцеляет. Есть в мире краски и звуки, которые видит лишь сонное. Есть чувства, подвластные только ему".

"У нас оно есть?"

"У всех оно есть. Но в больших мирах всё меняется и основное тело становится сонным, а сонное основным".

"Понятно, – сказала девушка, немного подумав, и удивилась тому, что ещё на это способна, – теперь мне всё ясно. Теперь понятно, что произошло в этом мире. Когда мы проснулись".

"Да, ваши тела поменялись".

Хранитель начал рассказывать о других всевозможных опасностях, которые могут подстеречь впереди. Первая слушала, слушала, и, по мере того, что она узнавала, ей становилось тревожно. Опасностей было немало, мир, казавшийся милым и ярким, оказался коварным. В её собственном мире опасностей было меньше. Но, может, так только казалось?

"Они дадут вам олуна, – сказал наконец хранитель, – Он поможет идти. За Синим лесом стоит Фиолетовый. Не идите к Демону сразу, посетите тот лес. Там растёт дерево Аяды, праматери избранных. Когда-то она его посадила, своими руками, и сама за ним же ухаживала. Дерево кажется

мёртвым, но это не так. В его опустевшем стволе собирается влага, и эта влага живительная. Испейте её, и вы увидите узоры".

"Чем эти узоры помогут?"

"Они создают помехи всему, что следит, всему, что может мешать. У Демона есть приборы, у него очень много приборов, они излучают лучи, но эти лучи ломаются, если встречаются узоры".

"Всё, хватит, – перебила рассказчика девушка, – у меня голова идёт кругом. Надо помыться, поесть, и в путь".

"Глупо всё это, конечно – сказала она себе, – мы идём к абсолютному злу, и что-то хотим просить. А может, убить это зло, задушить вот этими пальцами?" – девушка посмотрела на руки.

И вздрогнула.

Надо чуть успокоиться. Да, это страшно, но что остаётся? Выхода нет. Точнее, он есть, но его надо найти.

Как говорила бабушка, препятствий на пути не бывает, бывают лишь ситуации.

Эх, бабушка, бабушка, как мне тебя не хватает...

Перед самым уходом ей показали ползунчиков, которые ползали в загоне – маленьких, размером с ладонь, и подростов, почти как хранители. Это были длинные, похожие на гигантских чёрных гусениц существа, без конечностей и с телом, разделённым на отдельные сегменты. Чем-то они на-

поминали шестилапов в самом начале развития. Но голова была страшная. Тупая морда кончалась кольцом, по всему краю которого были посажены зубы. Мелкие, похожие на маленькие заострённые пирамидки. Это кольцо сжималось и разжималось, становилось то меньше, то больше, наводя на не очень приятные размышления. Вокруг первого круга располагался второй, представлявший собой ожерелье из красных точек. Глаз, как ей объяснили.

Похожих существ, но не таких крупных, она встречала, в подлесе, но не приглядывалась. И хорошо, что не приглядывалась. Ползунчики были хищниками, которые могли откусить кусок плоти, внезапно, потому что хотели есть.

А ещё они были существами, в телах которых подрастало потомство. Молчаливых и умных хранителей. Придёт время, их оболочка порвётся, и наружу вылетят паучки, маленькие, невесомые, словно пушистики, только оторвавшиеся от материнского тела, пока без яйца, с неокрепшими лапками, а точнее, с зачатками этих лапок.

А пока ползунчики кушали, и кушали, надо сказать, преотвратно, сжимая и разжимая круглые рты. Первую чуть не вырвало, когда она глядела на мясо, которое резали зубы. Но хранители, наоборот, были благодущны, и как будто с умилением смотрели на трапезу. "Вот он, разрыв шаблона" – подумала девушка, вспомнив, что так говорил ей отец, когда они случайно увидели, как нежно шептун целует детёныша. Своими пухлыми мясистыми губами.

"Ползунчики – вечные спутники избранных, – говорил паучок, – Точнее, тех, кто ими считался. Когда они любят друг друга и трутся телами, ползунчики получают любовь и начинают расти. Потом сползают на землю. Их забирают и помещают в питомник, пока не появятся детки."

Всё это думал хранитель, а Первая слушала, слушала, и понимала, с каким удовольствием он это рассказывает. И все эти звуки, все эти цоканья, свисты – всё оказалось ненужно. Любви не нужны пояснения, любовь – её видно.

“Есть легенда о Старом Хэлое, – продолжал паучок, – красивая и поучительная. Было время, когда избранные забыли о пяти добродетелях, давили землю, шумели, не знали цену своим поступкам и цену явлениям мира. Смотрели, но не видели, делали, но не творили. Тёрлись не ради любви, а чтоб успокоить свой зуд. Остался один только праведник, и звали его Хэлой. Был он старый и дряхлый, никто не хотел его слушать, собратья грешили и веселились у него на глазах. "Как стыдно" – подумал Хэлой, и воззвал тогда к Хэа, а Хэа его услышала. Наделила она праведника великими способностями, в том числе превращаться в любого зверя и принимать любую пищу. Обратился Хэлой ползунчиком и стал пожирать грехи. Пожирал, пожирал, пока не понял, что с грехами пожрал и собратьев. Потому что всё, что собратья делали, было греховным. Решил Хэлой умереть, чтоб унести пороки в могилу. И умер. А из тела праведника вылетели новые, уже чистые избранные, которые не грешили.“

Скрип-скрип... Скрип-скрип...

Во дворе показалась телега, небольшая, но всё же достаточная, чтобы им путешествовать. Вёз эту телегу... нет, не топтун. И даже не лошадь. Существо, на которое были надежды оглобли, стояло на четырёх коротких, но крепких лапах, чуть расставленных по бокам. У него было круглое, словно бочонок, тело, большая голова, которая сидела на хорошо заметной, но толстой шее, длинные ушки (или рожки? Да, пожалуй, что рожки), крупный лоб под этими рожками и красивые, как огромные капли, глаза.

"Это олун, – ответил хранитель, – он поможет идти. А это помощник странствий" – в руке паучка появился предмет, похожий на компас. Такая же стрелка, которая всё время показывала одно и то же направление.

"Великий Родник, – сказал паучок, – он всё время показывает на место, откуда берёт начало Великая Река. Иди по стрелке. Пройдя Синий лес, чуть правее, увидишь Дом. На высоком холме. Ты поймёшь, что это за дом. Линии не округлые, плавные, как всё в этом мире, а острые, словно изрезанные. Там живёт Демон. Перед тем, как отправиться в Дом, не забудь зайти в Фиолетовый лес, дерево Аяды откроет узоры, и эти узоры спасут".

"Но вас то они не спасли, – заметила девушка, – вы то не ходите к Дому"

"Мы то не ходим" – ответил хранитель, спокойно. Он не заметил сарказма.

Первая фыркнула.

Ладно, откуда ей знать, что да как? Может, они не боятся, может, и правда не могут. Демон же умная тварь, этот Демон меняет миры, и он же продумал защиту.

Девушка вдруг поняла, что пытается их оправдать, этих мелких молчаливых существ. Будто, оправдывая их, она оправдывает и собственную миссию.

Было ощущение, что на неё возлагают надежду, возможно, последнюю, и груз этой надежды давил. Груз надежды и груз ответственности, которые судьба положила на плечи маленькой хрупкой проводницы.

Особенно когда всё селение высыпало наружу и смотрело, не двигаясь, как на картине, на повозку, которая тронулась.

"Обратно возвращайтесь по Великой реке, к Зелёным пещерам, вернётесь, откуда вы вышли, – услышала она самое громкое и самое последнее напутствие, – Да пребудет с вами мудрость Хэа, плодовитость Аяды и добродетель Хэлоя".

"При чём здесь плодовитость", – подумала девушка.

И нахмурилась.

Мутный лежал на повозке и немигающим взором смотрел на светящийся Навус. Теперь он казался ярче, потому что лес, по которому топал олун, становился темнее. Но ещё оставался зелёным. Вернее, сине-зелёным. Появились другие оттенки, близкие к синему, огоньки светились голубоватым (хотя были и жёлтые), деревья стали потоньше, а кри-

сталлы почти исчезли.

Растительный мир изменился. Беглянки куда-то спрятались, а те, что остались, светили тускло. Зато попадались красивые и высокие, почти по пояс, цветы, которые девушка назвала колокольчиками. Из их склонённых головок струился свет, похожий на свет от лампы. Он освещал поредевший подлесок, и Первая пригляделась, заметив прыгающих, но маленьких существ, размером с насекомых или твердотелок. В богатом подлеске более яркого леса их попросту не было видно, а здесь, освещённые колокольчиками, как на арене театра, они занимались разнообразными и, вероятно, важными для их маленькой жизни делами. Маленькой не потому что ничтожной, а потому что действительно маленькой. Среди этих малышей попадались ползунчики, но эти ползунчики были размером с гусеницу, и она не пугалась.

От долгого немигания у парня краснели глаза, и их приходилось смачивать. Жевал он уже с неохотой, а однажды, поднимая его с повозки, девушка заметила, что тело стало тяжёлым. Парень не смог сам подняться, и мешком повалился обратно. Сердце забилося. Первая вспомнила, что сказали хранители, села на толстый извилистый корень, и зарыдала.

Пищи хватало, охотиться было не нужно. Правда, кое-какая еда вызывала отвращение, и девушка оставила её на потом, на самое последнее время.

Олун мычал, и она не знала, что это значит – то ли он голоден, то ли хочет распрячься, то ли просится в путь. Рожки

на лбу светились, тем ярче, чем темнее становилось вокруг.

Распрягать олуна девушка боялась, инструкций по этому поводу не получала, а потому не снимала упряжь. Только водила, там, где могла проехать повозка, и наблюдала, как животное ест. Она уже знала его предпочтения, и приводила туда, где предпочтений было достаточно.

Первая посмотрела на небо.

И ахнула.

Та половина, что осталась за ней, горела ярким жёлто-зелёным светом, а впереди небосклон почти не светился.

"Ну вот и разгадка, – подумала девушка, – вот что значит светлая и тёмная стороны. Светлая там, позади, впереди только тёмная".

И будто в ответ на возникшие мысли, сел лепесток. Не жёлтый, зелёный и красный, что порхали в Зелёном лесу, а голубой, с фиолетовым краешком.

Первая взяла помощник странствий, сверила направление и посмотрела на Мутного. Потом подобрала вожжи, натянула (она уже чувствовала силу, с которой стоит тянуть), и, вздохнув, отправилась в путь.

Слёзы мешали смотреть, но тропинку девушка видела. И напевала песенку, чтобы совсем не расклеиться. "Мы опять, мы опять на холмы пошли гулять..."

Она идёт на тёмную сторону мира, о котором раньше не знала. О котором никто раньше не знал. Чтобы найти там чудовище, встретиться с этим чудовищем и попросить о ми-

лости. Ну или вырвать её, эту милость. Прямо. Из. Пасти. Чудовища.

Лицо у девушки перекосилось, в какой-то отчаянной страшной гримасе.

– А-а-а-а!! – закричала она во весь голос, и дёрнула вожжи так, что олун замычал.

Синий лес оказался сумрачным.

Но красивым.

Деревья были тоньше, но с такими же причудливо изогнутыми стволами. От этих стволов тянулись ветви раскидистой кроны, менее густой, чем в Зелёном, но в сумраке даже более чарующей.

Стволы и ветви деревьев почти не светились, но в кроне горели листочки, или цветы, горели мягким сиреневым, иногда фиолетовым светом. Они были тоненькие, и собирались вместе, как лепестки распустившегося цветка. И этих мелких цветков было много, цветки заполняли собой верхние ярусы леса, и соперничали в яркости со светло-голубыми огоньками и лепестками, порхавшими в лесу.

Подлесок светился слабо. Синий, иногда фиолетовый, за исключением колокольчиков, которые росли и здесь, добавляя необычные для этого леса красно-жёлтые краски.

Свои цвета добавляло и небо – Навус с волшебными вихрями и та часть небосвода, что была за спиной.

Да, Навус. Находясь у хранителей, в её голове вспыхнуло

это слово. И Первая испытала щемящее чувство. Как будто её коснулось пророчество. Нет, будто она коснулась пророчества. Хранители называли шар Навусом. И так же, когда-то, назвала его и она. Но она то откуда узнала? Из сновидения? Из случайно услышанной фразы? Но от кого?

Девушка ещё удивлялась – каким это образом хранители дают окружающему человеческие названия? Навус, Хэа, Хэлой. Ведь сами то они эти звуки не издают. "Ты получаешь от нас наши мысли и превращаешь в слова. Ты услышала непонятное, и назвала непонятное словом" – сказал паучок.

В синем лесу всё было мельче. И тоньше. Здесь было тише.

Тишина и сумрак казались угрожающими. К тому же Первая знала, от тех, сидящих в Зелёном, что здесь можно наткнуться на деревню других, преданных Демону существ.

И если бы окружающий мир не был настолько красив, если бы своей красотой не успокаивал нервы, хотя бы отчасти, девушка, возможно, повернула бы назад. Бросила всё и повернула.

Да, она храбрая. И безрассудная. Но у храбрости есть предел, и этот предел почти осязаем, настолько близко находится. А она не герой, нет, она проводница, маленькая заплутавшая проводница.

Мутный лежал без движения.

Недавно она сумела опустить ему веки, и смачивать ро-

говяцу необходимость отпала. Есть он почти не ел, только пил, и девушка переживала, что парень не выживет. И часто, плача, сидела у изголовья, в то время как олун всё шёл, шёл, и шёл...

Состояние животного беспокоило. Он мычал, и чем дальше они уходили, тем больше. Он всё чаще петлял зигзагами и будто бы с неохотой. Пару раз свернул с тропинки и побрёл в гущу леса, на корни. Как будто ослеп.

"Что с ним такое?" – подумала Первая. И решила дать отдых. Заодно и поспать. Последнее время спала она редко, ведь спать можно было только остановившись. В пути олун мог свернуть не туда. А надо было спешить, надо было спешить, надо было спешить...

Закутавшись в тонкое одеяло, еще с того, большого далёкого мира, девушка задремала.

Проснулась она внезапно.

Проснулась, и поняла, что что-то случилось. Что-то важное и нехорошее.

Последнее время девушку часто терзали предчувствия. Одно такое предчувствие, когда Мутный ушёл в низину, спасло ему жизнь. По крайней мере пока.

И вот теперь...

Первая спустилась с повозки.

Олун лежал.

"Странно, – подумала девушка, – он никогда не лежит".

Животное могло только стоять и идти. Всегда на несогнутых лапах.

Она подошла и стала смотреть в глаза. Постучала по шее. Легонько. Немного сильнее. Сильнее. Сильнее.

"Что же я делаю?" – девушка наклонилась к тому самому месту, где во время дыхания выходил воздух.

Тихо.

Послушала снова.

Ещё и ещё.

"Какая я дура, – Первая ударила по земле, – какая я всё-таки дура". Рожки животного не светились. А значит, и думать нечего.

Олун уже не проснётся.

Да он и не спал. Никогда.

Она подошла к повозке, достала карту и развернула.

Лес, поляны, ручей...

Голова не соображала.

Ей толковали, что, где и как. Но она не могла даже понять, в какой части Синего леса находится – в начале или в конце. И ещё собирается к Демону. Бог мой Обиженный...

Первая распрягла мёртвое тело и стала рыться в вещах. Нужно оставить то, что уже вряд ли ей пригодится, и взять только самое-самое. Но вот мешок Мутного... Нет, этот мешок она разбирать не будет. Не она собирала – не ей разбирать.

Девушка рылась, рылась...

И вдруг поняла, что она не просто обычная дура. Она дура полная. Окончательная. Такая, которых не лечат. Потому что таких, как она, вылечить невозможно.

На дне повозки лежала ткань. И Первая вспомнила, что это за ткань, и зачем она там лежит. Вспомнила и заплакала.

Когда она собиралась в деревне, то так погрузилась в мысли, что опустила всё, что сказал ей хранитель.

А тот говорил, что олуны спят. Так, как и люди. Но, чтобы заснуть, им нужно закрыть глаза. Когда на животном упряжь, оно само эти глаза не закрое, потому что не сможет свернуться клубком, а век, как у людей или многих других, у этих животных нет. Поэтому Первой и дали ткань, которой можно прикрыть глаза. Ты прикрываешь – и олун засыпает, мгновенно.

Но проводница забыла. Потому что думала о другом. Потому что в её голове всё носилось, роилось, как в потревоженной улье.

Девушка застонала. От того, что уже не вернуть. Ни события, ни мозги. Ничего.

Но повозку нужно запрячь, Мутного не оставишь.

И Первая встала в оглобли.

"Хорошо, – подумала девушка, чтобы хоть как-то унять свои мысли, – в этом мире мы весим не так, как в своём". И вздохнула, понимая, что это – да, утешение, но утешение слабое.

Она пошла по тропе, умоляя Обиженного, Хэа, Ээфа и

всю остальную братию вывести её наконец из этого леса, показать тот холм, на котором стоит Дом, в котором живёт Демон...

Она умоляла.

И он показал.

То, что там живёт Демон, девушка поняла. Сразу.

Хотя домишко и был небольшой.

Стоял он, действительно, на отдельном холме, и достаточно далеко, хотя с поляны казалось, что близко.

Разглядеть что-то было непросто, но Первая пригляделась.

Крыша была приподнята, словно материя, которую держали за край. За все четыре угла. Эти углы поднимались, напоминая домики с четырьмя острыми башенками, которые можно встретить в богатых селениях Междуречья.

В доме горел свет. Желтоватый, как будто от лампы, или, скорей, жёлто-белый. Свет не казался ярким, хотя на холме других источников света не было. Ни деревьев, ни донов, ни тех же беглянок. Впрочем, в этой части Малого мира даже совершенно неосвещённые уголки уже не казались мрачными. В небесах было светло, и девушка знала почему. Потому что мир круглый, и, поднимая голову кверху, она видела его светлую сторону.

Достав карту, Первая постаралась сориентироваться.

По мере приближения к цели она стала мыслить быстрее,

ясность и трезвость вернулись. Может, её голова понимала опасность, таящуюся за лесом, а может, она тянула телегу, и физическая нагрузка каким-то образом подтягивала и мысленную? Шкод его знает. Во всяком случае, голова начинала соображать.

Девушка отыскала на карте точку, дерево той самой пра-матери, которую звали Аяда, и взяла направление.

Идти было дальше, чем до холма, но идти было нужно. Демон владеет знаниями, этот демон коварный и умный, раз уж сумел уничтожить Ээфа. Надо действовать осторожно.

Мутный был плох, и проводница всё чаще припадала к груди – дышит ли он, бьётся ли сердце. А после, вздыхая, впрягалась. И тащила, тащила повозку. Последнее время она как-то подуспокоилась. Может, смирилась, а может, её голо-ва научилась... себя контролировать, что ли?

Скрип-скрип... скрип-скрип...

Интересно, как там дела, в том большом и далёком мире? Как папа и мама? Как на Посту? Как в Длиннолесье? Идёт ли война?

Хотелось вернуться. Даже ни с чем. Просто вернуться. Надеяться на то, что простая проводница каким-то неведомым образом сумеет не просто приблизиться к Демону, но заставит того развернуться, вернуть всё как было, конечно же, глупо. Ладно, она попытается, пускай даже ценой своей жизни. Но если появится выбор – спасти ли ей Мутного или спасти целый мир, то что она выберет? Что?

Фиолетовый лес, в который вступила девушка, оказался мрачней и пустыннее Синего. Светился подлесок, чуть-чуть, листочки деревьев, редкие огоньки и... всё. Лепестков было мало, и они были тёмные.

Сквозь листву пробивался свет, исходящий с неба, но пробивался он слабо. Всё-таки кроны деревьев были расположены так, чтобы листва поглощала всё, что приходило с небес. Как в зримом Лесу.

Попадалось много сухих, лишённых листвы ветвей. Это были те ветви, что оказались в тени других, более высоких, получивших свою долю света. Листва им была не нужна, потому что внизу царил полумрак.

Было немного холодно, стал появляться туман. Туман стелился в ногах, очень низко, подошвы терялись в дымке. Как будто идёшь по дну мелководья, и скоро погрузишься глубже, и ведь действительно – туман поднимался.

Девушка открыла мешок и достала тёплые вещи – кофту, которую одевала во время своих первых ночных путешествий, ещё с бабушкой, плотные штаны и... нет, пожалуй, что рано. В этих ботах идти будет трудно.

Из мешка, который нёс Мутный, она достала то мягкое, что смогла там найти. Приодев и закрыв свой самый дорогой и самый ответственный груз, проводница вздохнула и снова отправилась в путь.

Туман, что стелился снизу, становился всё гуще, при том он светился, красивым фиолетовым светом. Этот свет вызы-

вал сонливость и мешал двигаться дальше. "Зачем? Зачем? – клубился туман, – приляг, отдохни, не спеши..."

Но девушка спешила. Какой-то туман, шевелящийся в сумраке, не может стреножить ту, которая видит цель, которая следует цели и которая не отступит.

Аяда, прагматерь хранителей.

Дерево, которая она когда-то посадила, казалось мёртвым.

Невысокое, с широким стволом и низкой, раскидистой кроной, представлявшей собой ветви, изогнутые самым причудливым образом.

Внутри ствол был пуст, и сквозь расщелину в этом стволе можно было увидеть полость.

Самый низ этого дерева скрывался в тумане, похожем на сливки сказочного фиолетового молока, густые и жирные. Сверху раскинулись кроны других, обычных деревьев этого леса, которые оказались необычно высокими и раскидистыми, а их кроны – более плотными, потому что ни один лучик света не пробивался снаружи.

Первая заглянула в расщелину.

"Кто ты?" – услышала девушка голос.

И отшатнулась. Настолько внезапно он прозвучал.

Этот голос не был похож на тот, которым говорят хранители. Более женственный, что ли. Вспоминая слова паучков, Первая понимала, что, возможно, она сама облекла его в

женские формы, и, скорее всего, сама так решила, что будет Аяда женщиной, хотя у хранителей нет различения полов, и собратья – по сути такие же сёстры.

Дерево Аяды

"Я Аяда, – сказало дерево, – а ты?"

"Я человек, – ответила девушка, и встала как можно прямее, – пришла из большого мира. Мне нужно встретиться с Демоном".

"Ох, – вздохнула праматерь (прямо вздохнула, Первая это чувствовала), – многие ходили к Демону, и многие брали узоры. Но никто не вернулся, я знаю. Демон как жил, так и живёт на высоком холме, – она помолчала, а после добавила, – наклонись, я увижу".

Девушка наклонилась.

"Что же, – Аяда коснулась её головы (Первая это почувствовала), – вижу, что ты издалёка. Я вижу солнце, которое гаснет. Я вижу страдания. И ключ от этих страданий находится там, на высоком холме."

"На холме" – повторила девушка

"Да, – подтвердила Аяда, – но одолеть Демона трудно. Я вижу его погибель, но эту погибель принесёт не один. Эту погибель принесут трое".

"Один из нас здесь, в этом мешке" – торопливо сказала Первая.

"Техник? – спросило дерево, – Рубо прекрасен, и живет любого живущего. Но это не Рубо."

"Так может, олун? Он погиб. Может, сходить за ним, чтобы нас было трое, буквально?"

"Я вижу, что ты смеёшься. Даже встречая опасность. Это

хорошо. Как говорила твоя бабушка, смех – это лучшее лекарство, тем более смех, который держишь при себе".

"Ты знаешь мою бабушку?" – сердце у Первой стучало в рёбра.

"Я прикоснулась к мыслям. В твоей голове".

"Прямо как Рубо" – подумала девушка. Про себя.

"Прямо как Рубо" – подтвердила Аяда.

Первая рассмеялась. Звонко, но нервно.

"Смейся, – сказала праматерь, – смейся".

И засмеялась тоже. В мыслях.

Но засмеялась.

ТОЖЕ.

"Спасибо, – сказала девушка, после того как утихла, – ты умеешь вселять надежду".

"Прямо как Рубо" – заметил голос.

"Прямо как Рубо... И всё-таки, значит, трое".

"Да, трое. Я слышу биение трёх сердец".

"Биение трёх, – проводница задумалась, – Так может, я не покончу с Демоном, – сказала она, – а просто добыюсь. Того, что мне нужно".

"Не знаю, – Аяда задумалась тоже, – но я готова помочь... Запусти руку в расщелину. Туда стекает вода".

Первая запустила.

"Умойся этой водой. И умой оглушённого".

"Мутного" – подумала девушка и исполнила сказанное.

Перед взором заиграли узоры, прозрачные, но отчётли-

вые. Розовые, светло-сиреневые, они петляли вокруг невидимых веточек, словно стебли лозы, тянулись вверх, опускались и исчезали. Но появлялись новые, и тоже петляли. На стеблях распускались цветы, с лепесточками, такими же розовыми, чтобы исчезнуть и вновь появиться.

"Идите, – продолжил голос праматери, после того как Первая умылась сама и умыла Мутного, – и да поможет вам..."

"Плодовитость" – закончила девушка.

"При чём тут плодовитость?" – спросила Аяда.

И рассмеялась.

До холма приключений не было. Да и шаг был другой, более бодрый.

Возможно, помогли узоры, которые ещё не растаяли, возможно, её вдохновил разговор. С Аядой было приятно, девушка получила ощутимый заряд, и несла этот заряд в приподнятом настроении.

Уже подходя к холму, девушка стала нервничать.

Сам холм был покрыт мхом, похожим на тот, что покрывал и низину. Но этот не шевелился и не горел ядовитым светом.

"Спасибо ему и на том" – фыркнула Первая.

Склон оказался крутым, и пару раз девушка всё же упала, и исцарапала руки. Как оказалось, мох был не только противным, он весь был в каких-то иголочках, от которых чеса-

лись ладони. Но повозку она удержала, и упрямо продолжила путь. Всё выше и выше.

Всё выше и выше.

Пока не оказалась у дома.

С виду жилище казалось обычным. Деревянным, с окнами, занавешенными какими-то полупрозрачными занавесками и крышей, края которой и вправду тянулись кверху. Возможно, доски, из которых была сделана крыша, были изогнуты. Или согнулись, со временем. Хотя, шкод их знает, было ли это досками.

Девушка подобралась к окну и посмотрела сквозь занавески, чтобы хоть краешком глаза увидеть, что её ждёт. Но ничего не увидела.

Только свет, желтоватый, как будто от лампы. Или от солнца.

С сердцем, готовым выпрыгнуть из груди, она отворила дверь. Которая даже не скрипнула.

Хорошо.

В коридоре было темно, а в самом конце коридора, из-под двери на другой стороне, пробивался свет.

"Как он выглядит, этот демон?" – подумала Первая. Хранители ничего не сказали, а может, сказали, да только она прослушала, погрузившись в тяжёлые мысли, а может, устав.

Девушка ещё раз вздохнула и нажала на дверь, ту, на другой стороне коридора.

И чуть не упала, без чувств.

Она опустилась под землю, прошла Лабиринт и одолела полмира, чтобы увидеть. Его.

Развалившись на кресле, похожем на трон (на таких сидят коронованные короляки рудокопов), держа в руке чашу и заложив ногу на ногу, перед Первой сидел самый чудаковатый и, как ей казалось раньше, безвредный паяц.

– Трёхглазый, – промолвила Первая и прислонилась к стене.

Девушка сама была в замешательстве, но она заметила, как растянулось лицо Трёхглазого – на какое-то время, но растянулось, как замерла чаша в руке, которую тот спустя лишь мгновение снова поставил на стол.

– Ну, что же, садись, – небрежно сказал хозяин, как будто ему безразлично, как будто бы всё идёт своим ходом, а эта встреча – одна из огромного множества встреч, и придавать ей особого смысла не стоит.

Всё это пронеслось в голове стремительно, словно стая летящих стриклов. Туман, что покрывал её мысли, развеялся, и эти мысли стали похожи на кубики, те самые, из которых она так любила отстраивать башенки, ещё тогда, в своём детстве, ещё там, на Посту.

– Сидеть не охота, – ответила девушка.

И правда, сидеть не хотелось. Всё там, в глубине, собралось, ответственность зашкаливала, и позволить себе передышку Первая не могла.

– Может, выпьешь?

– Нет.

Трёхглазый взял свою чашу и медленно пригубил. Подчёркнуто медленно.

– Хорошая встреча, – хозяин вытянул ноги и постарался расслабиться. Ну или сделать вид, что ему всё равно. Не получилось ни то, ни другое, – хорошая встреча... как та, на Посту. Ну, и в предгорьях. Как видишь, я помню.

– Да, память тебя не подводит.

– А здесь хорошо. Холмик, света как раз сколько надо, никого больше нет. Сидишь, попиваешь напитки. Прекрасно.

– Так ты отдыхаешь?

– Ну да, отдыхаю. А как же ж? Надо иногда отдыхать.

– Да, тяжело это, видно, бродить по мирам, продавая услуги.

– Ну да... тяжело.

Наступило молчание.

Один развалился на кресле, всем видом давая понять, что в полном порядке. Вторая стояла, касаясь стены, не зная, как подступить.

"Если не знаешь, куда тебе бить, бей в упор" – говорил ей отец, когда они вместе играли в мяч, а в воротах стоял Прыгучий. Совет ей помог. Прыгучий отпрыгнул влево, и мяч залетел.

Но теперь здесь не мяч, и то, что сейчас происходит, уже не игра. И всё-таки девушка понимала, что с Трёхглазым

нельзя по-другому. Заговорит, уведёт её в сторону, запутает мысли. И, пока на её стороне преимущество (она знала, что это так, хотя, казалось бы, какое там преимущество – всемогущий шkodник и маленькая проводница), ей нужно действовать.

– Я пришла не случайно, – сказала она, вслух называя то, что и так было ясно, но этим давая понять, что разговор будет честным, – в нашем мире погасло солнце, и нужно его вернуть. Иначе последствия будут ужасными.

– Вот как, – ответил Трёхглазый. После молчания, во время которого думал, – ну и... чего же ты... собираешься делать?

– Я – ничего. Изменить ход событий я не сумею.

– Но ты же пришла. Значит, что-то решила. Значит, наверное, есть какой-нибудь план. Признавайся, – шkodник играл в дурака.

"Он хочет перехватить инициативу", – подумала Первая.

– Я пришла попросить, – девушка посмотрела в глаза, – верни всё как было.

– Да? – Трёхглазый казался озадаченным, – каким это образом?

– Я не знаю каким. Но если это возможно, сделай.

– Это невозможно, – шkodник как клещ зацепился за сказанное.

Девушка прикусила губу. "С этим надо поосторожнее. Хотя бы не стал отпираться. Впрочем, доказать, что ничего не

вернуть, проще, чем уверять, что ты ни при чём. В этом он прав".

– Но зачем? – Первая выпрямилась, – Зачем ты всё это начал?

В её душе закипало что-то, что-то такое, что начало действовать само по себе. В безвыходной ситуации это что-то взяло себе её мысли, её голос, её движения. И это что-то не было отчаянием, то, что в ней закипало, казалось, знало, куда и в какую сторону закипать.

– Зачем? – переспросил хозяин.

И вдруг стал серьёзным. Настолько серьёзным, что, не зная она так хорошо, как он выглядит, то могла бы решить, что это другой, совсем другой человек.

– На всё есть причины, – шкодник слегка наклонился, – и, знаешь, всё во вселенной меняется. И это что-то меняют те, кто находится выше. А не желай они это менять, не играй в свои игры, то ничего бы и не было. Не было бы даже той пустоты, про которую здесь говорят. В которой какая-то Хэа подоила какую-то Хуру. Всё это создано, чтобы жить, превращаться, чтобы те, что вверху, играли бы с этим всем и получали от этого удовольствие.

– Игры, – ответила Первая, – для тебя это игры. Для тебя этот мир – городок, который кто-то построил, а ты разбиваешь.

– Ну почему разбиваешь. Я изменяю.

– Скажи той низине, которая убивает.

– Ну, это... – Трёхглазый завёл руки за голову, – я только учусь. Пока не попробуешь, пока не потыкаешься, ничего не получится. Сапожник ведь тоже не сразу становится сапожником.

– Сапожник не режет чужую обувь, и не пытается из обрезков выкроить новую... Ну что же, пускай. Это только игра. Вы там, наверху, поиграли, посмеялись и разошлись по домам, – девушка ещё раз отметила позу, слегка напряжённую, а, может быть, не слегка, но которую этот доморощенный Демон пытался расслабить, и заглянула в глаза, – вот только я в это не верю, – сказала она, улыбаясь, – в играх игроков не убивают.

– А, ты про этого, – Демон улыбнулся в ответ. Весьма неопределённо, – жив, этот жив. Я просто слегка... позабылся. Вывел его из игры, так сказать. На время.

– На время чего?

– Не важно, – Трёхглазый занервничал.

– Не важно. "На всё есть причины". Ну-ну.

Они помолчали.

Демон за это время несколько раз поменял свою позу.

"Не важно."

– Пора по домам, – сказал наконец Трёхглазый, – поговорили и хватит. Иди до реки, там лодка, поплывёшь к Зелёным пещерам, а дальше – домой. В Лабиринте пропустят... Как говориться – желаю здравствовать.

– Я не уйду.

– Чо-чо-чо? – шkodник пытался сменить свою тактику. Теперь он хотел напугать. Теперь он впервые походил на того страшного демона, которого рисовали хранители. Вернее – впервые казался.

Первая не боялась. От слова совсем.

– Да я не уйду никуда, – сказала она спокойно.

– Никуда, – Трёхглазый задумался, – но зачем? – спросил он тихим, заботливым тоном, – ведь вспять ничего не вернёшь. Что сделано – сделано. Пришла бы сюда чуть пораньше, ещё до начала всех этих вот дел, мы бы подумали. И, может быть, что-то решили. А теперь уже поздно.

Шкодник взял в руки чашу и стал отпивать. Медленно-медленно, делая вид, что наслаждается каждым глотком. Каждым глотком. Делая вид...

Но на душе его было тревожно. И девушка это чувствовала. Он не был похож на того довольного игрока, который построил городки, а теперь смотрит на то, что построил и медленно отпивает из чаши. Ветер сейчас налетит и разрушит построенное. И этот ветер – она.

"Значит, не всё так плохо, – подумала Первая, – значит, есть выход".

– Ты мог бы избавиться от меня. По щелчку, – девушка щёлкнула пальцами, – Я ведь такая зануда, мешаю тебе расслабляться. Но ты не избавишься. А почему? Хочешь ответу?

Трёхглазый молчал.

– Потому что не можешь, – ответила девушка, – ты не все-силен. Ты просто обычный шкодник. Вроде Безухого, – она подошла ещё ближе. Напряжение было такое, что казалось, сейчас они схватятся, – но ты мог бы исчезнуть сам. Убрал бы свой образ отсюда и воплотился... Ну, даже не знаю. В предгорьях. Собирал бы грибочки. Ты мог бы, я знаю, что мог бы. Я бы тут покрутилась, чуток, и ушла. А ты бы вернулся... Но ты не уйдёшь. Почему?

Трёхглазый молчал.

– Хочешь скажу? – Первая понизила голос, – потому что боишься. Потому что я могу помешать. Здесь, в этой комнате, находится что-то, что может сорвать твои планы. Если я это что-то найду.

Последние слова девушка сказала с улыбкой, настолько открытой и победоносной, что рука, державшая чашу, замерла и глаза уставились в точку.

"Да, да! – сердце забилося, уже не тревожно, – я не ветер, я палка, которая летит, и он понимает, что летит она в городки".

Шкодник догадался, что выдал себя, своим взглядом, своим оцепенением, своей неестественной позой. И перестал смотреть в точку. Теперь он ёрзал на стуле и взгляд его бегал. "О, дурень, – подумала девушка, – ты так долго был человеком, что все твои реакции стали человеческими, слишком человеческими. Но, как ребёнок, ты ещё не научился их контролировать. Тебе надо было стать кем-то другим, на-

пример, паучком. Дурень".

На лицо вернулась улыбка, кривая, насмешливая, но торжествующая. Первая вела этот разговор, она задавала вопросы, она сделала ход, который оказался правильным, и она сделает следующий. Такая игра...

Девушка посмотрела вокруг. В комнате был бардак. Скорее, творческий. Это когда постоянно в ней что-нибудь делаешь, и знаешь где что лежит. А всего было много. Так много, что даже посвящённый в эту дурную игру вряд ли бы что-то нашёл.

– Когда я жила на Посту, ещё девочкой, – Первая отошла к стене, чтобы видеть всё помещение, – к нам однажды пришёл человек и попросил о помощи. Его попутчику стало плохо, и нужно было его оставить. Потом он вернулся, забрал этого попутчика, которому стало лучше, и они выехали. Но тут мой отец заметил, что на Посту пропали компасы. Все. Взяли вдруг разом, все, и пропали. Ситуация серьёзная. Кто-то забрал самое ценное, но кто? Подозрение пало на того самого человека, который лежал и притворялся больным. Их догнали. Переворошили карету, но компасов не нашли. И знаешь, что сделал отец? Он сел в этой самой карете, напротив "больного", и стал на него смотреть. Тот, конечно, смотрел по сторонам. От предмета к предмету, и взгляд нигде не задерживался. Кроме одного. Одного места. Так вот, именно в этом месте и были запрятаны компасы. Понял?

Первая улыбнулась, ещё более криво.

Шкодник молчал. И двигал глазами.

Шкодник. Который почти уничтожил Бога. Который творил с созданными этим Богом мирами всё, что хотел.

Этот шкодник сидел и молчал. Словно ученик, которого учит учитель.

Всё это Первая поняла краем сознания, а сама в это время следила.

Внимательно.

Ведь на кону было всё. Весь тот мир, в котором она жила, который любила и который надеялась спасти.

– Ты выдал себя, дорогой, – тихо сказала девушка, – ты слышал, что я говорила, и смотрел куда угодно, только НЕ ТУДА. Теперь я возьму этот предмет, и уйду, а ты оставайся.

И она шагнула вперёд.

Трёхглазый вскочил как ужаленный, и бросился в правый угол, тот, где стоял маленький синий ящичек. От ящичка отходили нити, их было много, и все эти нити тянулись по комнате. Он встал перед этим ящичком и угрожающе посмотрел.

– Вот теперь ты себя и выдал, – сказала та, улыбаясь всё более открыто, – тот, который долго был человеком. Дурень...

Она потрогала ножны. "Милосердие" было на месте.

Кинжал остановит Трёхглазого, но ненадолго. Как сказали хранители, воплощение можно убить, но оно появится снова. Оно снова войдёт в этот мир. Здесь же, на этом же месте.

Но этих секунд, а, может быть, долей секунды, должно

хватить, чтобы забрать этот ящичек и попробовать убежать. Подперев ту дверь, что вела наружу. Узоры, дарованные Аядой, ещё не совсем погасли, и, возможно, она сумеет добраться до пылающей ямы...

Первая бросилась к Демону, одним лишь прыжком, благо здесь это было возможно. Вложив в этот прыжок всю свою силу, весь свой оставшийся вес.

Но шкодник оказался сильнее.

Повалив девушку на пол, он ударил по Милосердию кулаком.

Кинжал завертелся в воздухе. А вместе с ним и надежда.

– Дура, – шипел Трёхглазый, брызжа слюной и поднимая окровавленный кулак, – ты думала, заберёшь ящичек и всё? Думала, я не могу принести сюда новый? Да по щелчку этого пальца, – с пальца стекала кровь, и он брызнул в лицо. Девушка заморгала, – Мне просто не нравится, когда кто-то мелкий, какая-то блошечка мешает делам. Прыгает и мешает, – он сжал свой кулак и приготовился им ударить.

"Вот и всё, – подумала Первая, – я пыталась. Не получилось. Но я пыталась".

Девушка закрыла глаза. Она молилась Обиженному, молилась Ээфу, молилась Хэа, Аяде, тем, троим, про которых та говорила. Они придут, эти трое, они изгонят Трёхглазого, и появится солнце, оно обязательно появится".

Она всё молилась, молилась... и вдруг поняла, что молится долго. Да, в сложные, критические моменты время растя-

живается, но не настолько.

Никто её не держал. Никто над ней не сопел. Не ругался, не брызгал слюной или кровью.

Тишина.

Девушка ещё полежала, боясь испугнуть ту удачу, что неожиданно на неё свалилась, но больше, наверное, боясь разочароваться, когда вдруг откроет глаза, а он здесь. Да он и должен быть здесь.

Но просто лежать было глупо. Шкодник стоит, совсем рядом, а она не пытается даже подняться, не то, что сбежать.

Вспомнив, в какой стороне находится дверь и готовясь к рывку, Первая открыла глаза.

И расслабилась.

В комнате было тихо.

Шкодник ушёл/рассосался/исчез.

А в дверях стоял ОН. Стоял и улыбался. Своей кривой непонятной улыбкой.

– Мутный, – сказала девушка, – я про тебя забыла.

Парень стоял на ногах. Но почему он не падал, почему он стоял, шатался, но всё же стоял, шкод его знает.

Глаза красные, как после похмелья, челюсть отвисла. Сам худой, отощавший. Как после запоя. Эти сравнения были не к стати, но только они почему-то и лезли.

– Ты жив, – промолвила девушка, тихо, боясь испугнуть этот образ, который, возможно, только возник у неё в голо-

ве, – но как так случилось?

– Не знаю, – голос был хриплый, надрывный, как будто недавно Мутный кричал. Или плакал.

У девушки сжалось сердце.

– Нам надо идти, – сказала она очень тихо, – демон вернётся.

– Нет, – парень сполз по стене и добавил, – он не вернётся.

– Он не вернётся?

– Он не вернётся, – Мутный хотел улыбнуться. Но вышел оскал. Как будто во рту была горечь.

– Но что же случилось?

– Со мной? Не знаю. Я был в той низине. И... нет, – он помотал головой, – я упал. И поднялся. А тут... Я слышал, как ты говорила, вот с этим вот... Ты молодец.

– Я молодец, – подтвердила девушка, скорей, машинально, – но это же чудо. Ты жив, это чудо. О Бог мой Обиженный, чудо...

В глазах было мокро.

Да, это прекрасно. Всё, что случилось, прекрасно. Но только она вот такая вот стерва, такая эгоистка, просила за мир, за солнце, а о парне забыла. Ни слова о том, чтобы вылечить. Почему?

Мутный пожал плечами:

– Если так, – ответил он тихо, – тогда, возможно, случилось необыкновенное. Как сказал бы Пытливый, менее вероятное событие. Как-то он рассказывал об одной такой тео-

рии. Какой-то искатель... Телесный? Горный? Не помню... Короче, придумал теорию. Вот, если вкрадце, – парень вдохнул и медленно выдохнул, – предсказания бессмысленны. Миров очень много, и любое невероятное событие где-нибудь да случится. Любое предсказание где-нибудь сбудется.

– Так сказал Пытливый.

– Благодаря ему мы сейчас говорим.

– Благодаря ему? – переспросила Первая. Она опустилась на пол, рядом с Мутным, и погладила волосы. Такие, такие... Как мех у пушистика. Мутный...

– Помнишь, мы были в предгорьях? – парень закрыл глаза, – там, ещё, был прибор. У Любящей. Который убил Ээфа.

– Не убил, – улыбнулась Первая, продолжая поглаживать. Волосы, щёчки, затылок.

– Не убил. Хорошо, – согласился парень, – она хотела потом его бросить, в ущелье. Но я попросил. Хотел подарить.

– Пытливому?

– Да. И забыл, – парень опять вздохнул, может, от слабости, а может, и от поглаживаний. Первой хотелось верить в последнее, – а как мы сюда отправлялись, вспомнил. И вот. Это он. Я бросил его в мешок, перед тем как отправиться.

– Это он, – Первая гладила, гладила, – ты спас меня, милый. Милый, – она прикоснулась к губам.

– Как прекрасен Навус, – сказала Первая, поддерживая Мутного за руку.

Да, Навус был прекрасен. Несмотря на облака, которые набежали, и грозили закрыть его полностью. Вообще, облака были редкостью, а дождя она в этом мире не видела.

– Мне хочется есть, – сказал парень, – давай поохотимся.

– Нет. Посмотри.

Девушка развернула мешок и показала всё то, что дали хранители. Точнее, всё, что осталось.

Мутный накинулся.

"Как тогда, в той карете" – вспомнила девушка. "Кушай, кушай, любимый, – хотела она сказать, – когда мы вернёмся, я буду готовить тебе каждый день. Вот увидишь".

Но не сказала.

Давать обещания, тем более пустые, ей не хотелось. Да и вообще не хотелось сейчас говорить, хотелось наблюдать. И улыбаться.

– Как мы пойдём? – спросил Мутный, после того как наелся, напился и полежал у неё на коленях.

– Мы поплывём. По реке, – ответила девушка, – но сначала мы уничтожим всё это, – она показала рукой на приборы.

– Этот, понятно, мы уничтожим, – парень кивнул в сторону синего. Оттуда, словно лапы паука-сенокосца, тянулись нити. Оборвать эти нити было непросто, и Первая понимала, что её план, если бы она и пронзила Трёхглазого, мог не сработать...

– Мы отнесём его в яму, – ответила девушка, – огненную. Но по пути Мёртвый лес. Слепое пятно представления Хэа.

И по этому лесу идти.

– Ты не боишься?

– Какое?? Теперь, и бояться? – Первая рассмеялась.

– А тот, который помог? – настаивал парень, – его, я надеюсь, не выкинем? Вдруг пригодится?

– Нет, – отрезала девушка и посмотрела на Мутного, – хватит. Мы не играем во все эти игры.

Тот улыбнулся, задорно и весело. Тот, который когда-то казался занудой.

– Ты точно уверена, что мы не играем? – спросил он у девушки, – даже в эти? – и притянул её тело.

“О Бог мой Обиженный, – думала девушка, – как же прекрасен Навус...”

– Скажи, – спросила она у Мутного, когда они, голова к голове, сидели на вершине холма и смотрели на небо. Облака убежали, а Навус, большой и красивый, предстал во всей своей наготе, – ты сразу догадался что нужно делать?

– Ты о чём?

– О приборе.

– У меня хорошая память.

– Ты спас меня.

– Ты спасла меня дважды.

– Трижды, – поправила Первая и смахнула с плеча двуглавку.

– Спасибо, – ответил парень.

– Пожалуйста, – пожала плечами девушка, – рада помочь.

Дождя они всё же дождались.

После огненной ямы, которая, казалось, иссушила всю жидкость в их организме, путники вступили в самое странное место Малого мира. Хотя в этом мире и так всё казалось странно.

Но только здесь, в этом месте, росли и жили кристаллы.

Нет, они не лежали, и не висели. Здесь они ЖИЛИ.

Кристаллические деревья, тонкие и прямые, кристаллические кусты, а однажды Первой показалось, что она видела кристаллическое животное, которое пробежало где-то в сторонке

Возможно, это ей показалось, но, возможно, и нет. Место было загадочное.

Со всех сторон они слышали звон, будто друг друга касались маленькие хрустальные палочки, подвешенные за нити. Звон шёл отовсюду, негромкий, но частый. Быть может, это распускались листья или цветы, которые тоже рождались кристаллами, может, стучали маленькие кристаллические веточки, уступая дуновению ветра...

Именно здесь на нагретых огненной ямой путников хлынул дождь. Частый и мелкий, он промочил их насквозь и добавил музыки лесу.

И вот сразу за этим лесом они слышали шум.

Это был он.

Великий водопад, что падал с Великой скалы, на самой вершине которой бил Великий родник, рождавший Великую реку.

Под водопадом река бурлила, пенилась, орошала всё брызгами, но дальше текла спокойно.

Возможно, до самых Зелёных пещер.

Под водопадом было прекрасно.

Казалось, лепестки, которых порхало особенно много, специально слетелись, чтобы подставить тело под брызги. Красные, жёлтые, оранжевые, они садились на нос, на щёки, на голову, заставляли жмуриться, чесаться, трясти головой. Но, Бог мой Обиженный, им это нравилось.

Вода была голубая, но светилась, как поняла это девушка, не вода, светились камни. И именно они придавали воде чистый голубоватый оттенок.

Листья деревьев и огоньки горели более синим, насыщенным светом, и это сочетание синего с голубым казалось удачным.

– Рубо, ты видишь? – девушка подняла техника вверх, настолько её потрясло увиденное. Она даже слегка понадеялась, что тот оживёт, ведь техник такой восприимчивый, быть может, его очарует увиденное, и этот, как он его называл, процессор вдруг заработает. Ведь если и есть волшебство, то вот оно, здесь, в самом волшебном месте самого волшебного мира.

Она понимала, что техник, даже лёжа в мешке, вдохнов-

лял её одним своим присутствием. Она хотела встретиться с ним после всего, что случилось, хотела похвастаться, хотела увидеть, как замигают его индикаторы и как он закружится. В возбуждении.

Но Рубо молчал.

– Мы ходим по чуду, мы собираем его пачками, как грибы, – сказал Мутный. Казалось, его окатило, и он стал другим. Оживлённым, весёлым и восприимчивым, – ты говорила про предсказание Аяды. Так вот, оно и сбылось. Рубо – тот самый третий.

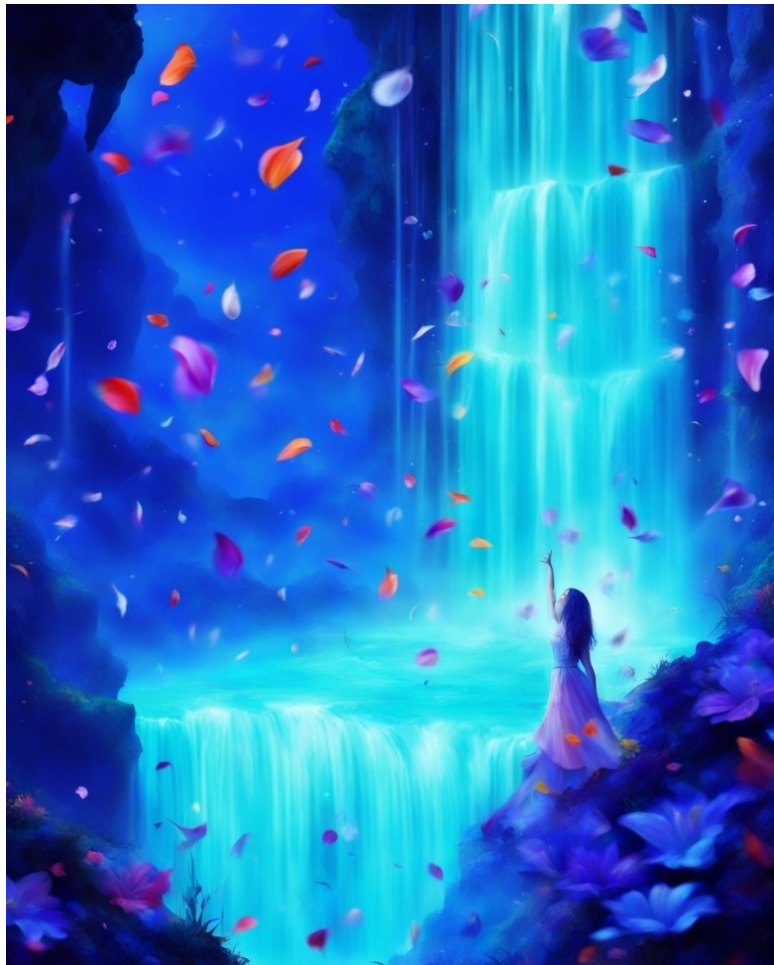
– Нет, – ответила девушка тихо, и закричала, – нет!

– Так кто это, кто? – закричал в ответ Мутный, перебивая шум водопада, – неужели Аяда ошиблась?

– Нет, не ошиблась, – ответила Первая.

– Так кто же, кто этот третий?

– Узнаешь.

Великий водопад

ГЛАВА 11. РЕШЕНИЯ

Доброго времени!

Сразу хочу сказать Вам спасибо. Никто бы и не узнал, от чего я отталкивался при создании мира, как так получилось, что, добавив всего лишь одно свёрнутое измерение, и, чуть переделав другое, я сумел создать нечто оригинальное. Различные домыслы и неправильные предположения всё множились бы и множились.

Если бы не Вы.

На самом деле, большей частью всего, что мной создано, я обязан отцу. Основа его, и именно с ней я работал. Не будь я его сыном, он мог бы судиться. Я попросту украл/своровал/присвоил его идею. И только чуть-чуть доработал.

Так что никакой я не гений. Я сын гения [смайлик].

В одном вы не правы.

Да, последнюю нишу моего мира, которую кое-кто прозвал моим "последним замыслом", я создавал отдельно. Для того, чтобы другие были между собою связаны.

В том мире, который я создал, путешествовать между различными частями общего целого проблематично. Нужно прорубать тоннели, настолько длинные, что это ну просто нереально, на каком бы технологическом витке развития не находилась условная цивилизация.

Но сделать их замкнутыми я не мог.

Ну, вы понимаете.

Получился бы не мир, а множество замкнутых миров, просто созданных на одном носителе.

И тогда я придумал следующее.

Я создал еще одну, новую нишу, гораздо меньше других. И ввёл еще одно измерение.

Оно оказалось свёрнутым во ВСЕХ нишах, в том числе и в этой, последней.

Вот тут вы не правы. Вы написали, что в последней я его всё же развернул.

Нет, там оно тоже свёрнуто. Но свёрнуто по-особому.

Я хочу, чтобы вы объяснили это читателям.

Для простоты предлагаю следующую аналогию.

Время мы отбрасываем. Остаются три пространственных измерения.

Представим, что их не три, а два.

Тогда отдельная ниша похожа на плоский лист бумаги.

Теперь представим, что эти листы (ниши) покоятся в этом самом измерении (которое в них самих свёрнуто, поэтому они двумерны, опять же, для аналогии).

Ниш много, но они исчислимы. В новом измерении всё это выглядит стопкой бумаг.

Так вот. Мой "последний замысел" заключался в следующем – создать новую нишу, новый листок, который подобно ножу проходил бы через листы (лежащие в стопке) и та-

ким образом их соединял. То есть, через этот лист, как через загадочный портал, можно путешествовать из мира в мир, из ниши в нишу.

Если использовать эту аналогию применительно к Вашему объяснению, то получается, что последняя ниша совсем не двумерна, получается, что она трёхмерна (потому как последнее измерение, по-Вашему, в ней всё же развёрнуто), и проходит не как невидимый нож, а как невидимый кубик.

А я всего то изменил константы этого последнего свёрнутого измерения в моей последней задумке ("последнем замысле").

Это то, что я хотел рассказать.

Ещё раз.

Спасибо.

За Ваш труд, за Вашу любовь. За всё.

P.S. Да, язык у меня косный. Поэтому написанное редактировал мой отец [смайлик].

Из письма программиста Хээфа своему личному популяризатору. Выложено в открытом доступе.

– Мы собрались здесь... – начал Холёный.

И рассмеялся. Настолько резко, что даже закашлял. За ним, как это часто бывает, закашляли остальные.

– Простите, – сказал сопричастный, когда успокоился, –

простите, сударыня, но тут и к гадалке не ходи. Мы так часто здесь собираемся и заседаем так важно и долго, что... Даже не знаю. Если бы кто-то писал про нас книгу, он бы каждую новую главу начинал с этого заседания. Я уже даже не говорю, что мы достовернейшая и абсолютнейшая копия мудрецов – я имею в виду “Приключения”. Нет, правда, как будто нас обстрегал сам Шестой, прости Обиженный его душу, – Холёный снова закашлял.

– В одном вы не правы, – заметила Любящая. В этот раз она сидела на месте Хриплого, – мудрецы не пришли ни к какому решению. А мы решение примем.

– Примем, конечно, примем, – мужчина вздохнул, – взорвали полмира. Осталось взорвать ещё где-то столько.

В зале наступило молчание.

– Иногда мне кажется, что Вы ни член этого Ордена, а просто приглашённый, со стороны, – ответила женщина, – кстати, артефакт то у Вас при себе?

– Конечно, – Холёный сказал это небрежно и быстро, как будто спросили о чём-то само собой разумеющемся, – я полноправный член Ордена. Ни "этого", как Вы только что имели неосторожность высказаться, а "нашего". Это для Вас он "этот". Причём до сих пор.

– Прошу прощения, – Любящая склонила голову, как будто справляясь с чувствами, – ну что ж... перейдём к делам. По окончании встречи мы примем решения, и эти решения изменят наш мир. В этот раз действительно изменят.

– Попробуем, – небрежно вставил Холёный.

На самом деле, женщина ему симпатизировала. Воле этой горожанки позавидовал бы мужчина. Любой. Подвергая насмешке сам факт нахождения в зале, он чувствовал, что тем самым лишь раззадорил её, сделал сильнее, и теперь с улыбкой ждал действий. Решительных действий.

– Солнце погасло, – продолжила Любящая, – эксперимент идёт полным ходом. А наши решения не привели к результату. Вопрос – почему?

– Ну кто же знал, – ответили справа, – что пестрокрылый окажется сволочью.

Женщина опустила голову.

Напоминание о случившемся вызывало у неё спазмы. Тупой ярости. Но держать себя в руках она научилась, ещё девочкой, когда с улыбкой рассказывала матери о том, как повстречала пещерного монстра, и как этот монстр забавно пофыркивал.

Через пару секунд женщина снова была в порядке.

– То, что случилось, ужасно. Вдвойне. Город был взорван, – Любящая сглотнула, – Лабиринт оказался цел. Наш агент у Хранителей утверждает, что те обо всём этом знали. Заранее. знали. Поэтому уничтожение города, – у Любящей непроизвольно дёрнулась мышца, – не дело одного человека, а тщательно спланированный план. Получается, что пестрокрылые вступили в сговор с экспериментаторами. Это наиболее правдоподобная версия

– Но почему? – спросил голос, похожий на кузнечные меха, – это не в их интересах.

– Мы не знаем всех интересов всех сопричастных. Я имею в виду не Орден. В этой игре слишком много участников.

– Но победитель один, – ответили справа, – и победитель известен.

– Да. Уж. Вполне, – добавил Холёный.

Женщина посмотрела на говорившего, ожидая продолжения мысли. Ей нравился этот человек, несмотря на свой противоречивый характер. Но углубляться в свои мысли по этому поводу она не могла. Она не имела права. Сейчас не время, случилось ужаснейшее, миру грозит опасность, и, похоже, они единственные, кто может вмешаться. И попытаться вернуть время вспять.

– Да уж, – подразнила она говорившего, – это те самые слова, которые приходят на ум. Но мы забываем, кто мы такие и кто нас сюда послал. Я имею в виду не Орден, я имею в виду человечество, – она оглядела собравшихся, – что говорит легенда? А легенда нам говорит прямо – Бог принёс сюда Остров, и принёс с одной целью – помешать эксперименту.

– Не помешал, – прошипели "меха".

– Откуда вы знаете? – женщина обернулась на голос, – возможно, ещё не поздно. Возможно, противоядие существует, но мы не знаем какое. Пока, – женщина помолчала, тем самым добавляя весомости, – Создатель не дал рекомендации. Значит, он опасался утечки, и, значит, он знал, что мы дога-

даемся. Ответ должен быть, – добавила она очень медленно.

В зале задвигались.

– Да, – сказал Средний, – я тоже об этом думал. Но где тот ответ, и где гарантия, что мы догадаемся?

– Гарантии нет, – ответила Любящая, – но думать мы будем.

– Потому что нет и другого выхода, – закончил мужчина.

Воцарилось молчание.

В огромном тёмном зале, с единственным светлым пятном, которое выхватывало стол с разложенной картой, сидело восемь человек, представлявших собой Совет самого влиятельного Ордена. Сидело и делало вид, что думает. А может, и вправду пыталось думать. Но мысли были тяжёлыми.

– Моё мнение следующее, – сказал наконец Холёный, – возникновение Острова остановило эксперимент, остановило на время. Очень долгое время. Это стало известно из тех докладов, которые посылал этот... как его, ваш...

– Агент, – подсказала женщина, – имени называть не будем.

– Прекрасно, – одобрил мужчина, – значит, я думаю следующее. Само появление Острова изменило планы хранителей. Значит, цель была именно в этом. Отчасти. Да, всё-таки, только отчасти. Эксперимент начался, а, значит, достичь цели полностью не получилось. Хотя, возможно, Создатель на это и не надеялся.

– Но почему тогда то, что случилось, остановило экспери-

мент? – спросил тихий, вкрадчивый голос.

– Трудно ответить, так быстро и сразу. Я не копался в мозгах хранителей, и не знаю, как они думают. Но из того, что я слышал, это очень щепетильные и аккуратные существа. Что-то начать, не будучи уверенными, что задумка сработает, начать просто так, эти твари не могут. И тут на помощь приходит аналогия. Короче, – Холёный сложил свои руки, – представьте, Вы покупаете дом. Красивый, большой. И всё ничего, да только перед самой покупкой узнаёте, что там поселился кто-то, скажем так, посторонний. Даже не посторонний – потусторонний.

– Тёмные души шkodников, – добавил кто-то.

– Ну да, привидения. Условия изменились. Что ждать от этих, других, Вы не знаете. И тормозите покупку. Начинаете изучать обстоятельства, проверяя, насколько это опасно. Это один вариант. Второй – если Вы отменили покупку, и тут же уходите. По-моему, – продолжил Холёный, – Создатель надеялся на последнее. Но сработало первое.

– Неплохо, – сказала Любящая после небольшого молчания, в течение которого каждый пытался осмыслить сказанное. Казалось, она поставила оценку одному из своих учеников, – но есть и другие мнения.

– Позвольте, – сказал сопричастный с очень громким и звучным голосом, – всё это, конечно, понятно. Но люди не привидения. Привидений боятся за то, что те непредсказуемы.

– Люди тоже, – заметил Холёный.

– За то, что с ними нельзя договориться.

– С людьми очень трудно договориться.

– За то, что они могут появиться внезапно.

– Люди тоже появились внезапно, – Холёный улыбнулся.

– Мне всё-таки больше нравится мнение, что люди не просто статисты, – ответили справа, – а принимают участие, непосредственное.

– Это единственное мнение, которое нам подходит, – поддержала говорившего Любящая, – ведь если это так – выход есть. Но только если это действительно так.

– Это не так, – ответил Холёный и вяло вздохнул, всем видом показывая, что выхода нет, и надо смириться.

Но тем самым подбадривал Любящую, бросая ей вызов. "Давай же, давай" – говорили глаза. И женщина улыбнулась.

– Это так, – сказала она, – я верю, что это так. Мы игроки этой драмы, извините за пафос, но мы активные игроки. И мы эту драму закончим. Тот агент, – председатель поморщилась. Казалось, что в горло попала горчинка, – рассказывает, что экспериментаторы постоянно копаются в наших мозгах.

– Как... копаются? – спросил чей-то голос.

– Буквально, – ответила женщина, – буквально копаются. Будто что-то выискивают. Это значит, что они не всё ещё поняли, и чего-то боятся. Правильно боятся, – добавила она уже жёстче.

Воспоминания о городе, и понимание, что во всём вино-

ваты те, кто когда-то привёл их в предгорья, не давали покоя. Она хотела действовать, найти что-то такое, что, пускай не остановит эксперимент, но положит конец этим тварям. Решительный жирный конец.

– Простите, – сказала женщина и закрыла глаза. И так ещё долго сидела, борясь с теми чувствами, что не давали покоя.

В зале молчали.

Даже Холёный, обычно вставлявший колкости, просто откинулся в кресле.

– Мы полетим к Острову, – продолжила Любящая, после того как очнулась, и, словно ничего и не было, посмотрела на окружающих, – мы найдём, мы из-под земли достанем то, что нам нужно. Подробности потом. А пока поговорим о равнине. Стражи ушли, и в наших руках её будущее.

Здесь было темно и тихо.

Настолько темно, что казалось, что ты ослеп. Открывай, закрывай глаза – бесполезно, видел ты одинаково, точнее не видел.

Тишина не была такой полной. В тишине слышались звуки, редкие и, по большей части, далёкие. Но он боялся тех звуков, от которых можно было ждать всё, что угодно, и быстро, но осторожно, спотыкаясь об обломки, тела и всякую вонючую хрень, уходил подальше. Уходил на дрожащих конечностях.

Штанов уже не было, вместо рубашки обрывки. На боку

зияла огромная рваная рана после встречи с пещерным монстром.

После единоборства. Кто кого. В темноте, в которой единственным источником света были красные бусины глаз – обрuch страха, как называли его горожане.

Если бы вдруг победил монстр, он бы его съел, вгрызаясь в тело ожерельем своих зубов и медленно перемалывая в фарш. Таких изъеденных было много, их останки валялись всюду, добавляя мерзости тому запаху, что царил в этой мрачной клоаке.

А так. Это монстр стал его обедом. Его источником жизни.

Телец сел на камень. Точнее, на обломок плиты, когда-то бывший стеной. Сел, нащупав ногами.

Руины.

Той самой тюрьмы, в которую он отправлял заключённых, и в которой сам оказался.

Поначалу здесь слышался стон, он раздавался повсюду, он был вездесущим, закономерным продолжением хаоса. Но стоны утихли, почти, и уши наполнил крик. Слепой, безнадёжный. И чавканье. В тюрьме, чьи клетки сломали, словно черви в куске полежалого мяса появились монстры, их было много и обручи страха кружили, вселяя ужас, который не давал тебе спать, и ты не мог ни стоять, ни сидеть, ни лежать, и, обезумив от страха, вопя какие-то матерные молитвы, носился по этой клоаке с обломком в руке, и дрожал.

Монстры ушли, возможно, дальше, возможно в сам город. Кто умирал – тот умер, кому повезло – пообедал. Но большинство были съедены.

Так что же случилось?

Что-то ударило, громко, это был взрыв, и здесь, на самой окраине города, в подвалах, где в запертых камерах держали преступников, рухнуло всё – потолок, стены, решётки. Сразу же стало темно, и мрак, который не освещал ни один лучик света, наполнился стонами.

Теперь тишина. Тёмная и зловещая. Нарушаемая редкими звуками, скорее всего, таких же как он, счастливчиков. Счастливчиков, которые боятся малейшего шороха и расползаются.

Нога ныла так, как будто её пожирали. Во рту оставался вкус мяса, сырого, вонючего, терпкого, которое он резал обломками и разрывал зубами. Да, бывший охотник, он уже пробовал это мясо, и знал его мускусный запах, его вяжущий горьковатый вкус, но его нежную консистенцию. Словно сырая рыба, которую бывший охотник тоже когда-то пробовал, только горькая и вонючая.

Усталость сразила как молот, голова упала на грудь, и он задремал. Но как только проснулся, вскочил, пытаясь взглянуть широко открытыми глазами. Бесполезно. Открыты, закрыты, Телец ничего не видел. Тьма была полной.

Почему за ними никто не приходит?

Он взял кусок мяса, которое заранее повесил на шею, и

начал жевать.

Пока не услышал шаги.

Не такие, робкие, осторожные, которыми передвигались немногочисленные выжившие, те, что потеряли однажды всё, а теперь получили свободу, и свобода эта оказалась хуже любой самой жуткой неволи.

Нет.

Кто-то шёл, быстро, уверенно, и кто-то шёл сверху.

Телец приподнял свою голову.

И увидел свет.

Глаза от неожиданности зажмурились, но он их открыл, усилием воли, открыл, чтобы видеть. Хромая, запинаясь о лежащие обломки, падая, но тут же вставая, Телец приближался. К свету, к спасению, к жизни.

– Есть кто живой? – спросил чей-то голос.

– Я, я здесь живой, – ответил Телец, чуть не плача. Он выпрямил тело, прижал руки к сердцу, и умолял, умолял...

Стоявший направил луч света.

И вдруг произнёс, как будто на выдохе:

– Ты??

– Да, я, я, несчастный, да, это я, – Телец упал на колени, – спаси, умоляю, спаси....

– Смотри, – человек посветил на себя.

– Смотри, о спаситель, смотрю... О спаситель...

Телец взгляделся в черты, столь знакомые, сколь ненавистные, и содержимое желудка попросилось наружу.

Зачем, ну зачем, о Великий?

Предательство, камера, взрыв... И вот... это... теперь.

– Спаси, – сказал он негромко, почти против воли, – вытащи.

– Уже вытаскивал, – мужчина остался стоять.

Телец захотел закричать, от отчаянья, от ненависти, от обиды. Но сжал зубы, так, что прокусил губу, и начал жевать своё мясо.

"Ну зачем, ну зачем, ну зачем?.."

– Держи, – сказал человек, и бросил верёвку.

Он хотел повернуться, и убежать, туда, в этот страх, в темноту, попытаться спастись, не так, по-другому...

Но вместо этого схватился за конец и намотал себе на руку. Уверенным движением охотника.

– Ветер, – прохрипел Телец, когда вылез. Но ничего не добавил. Он не мог сказать это слово, он не мог поблагодарить человека, который его унизил, растоптал, смешал с грязью. Который забрал самое ценное, что было в жизни – честь, уважение, доброе имя. Который высасывал их по капле с того момента, когда вытянул в ту самую вонючую пещеру. Забирал днём, забирал ночами, через воспоминания, через знакомые лица. Чтобы сейчас раздавить, словно гниду. Словно личинку монстра.

– Города нет, – сказал Ветер, так, будто он говорит в пустоту, – тюрьма в стороне, за бетонными плитами. Но город разрушен полностью. Выжили те, что ушли...

Он посмотрел себе под ноги, и так стоял, с минуту, без-
движный и молчаливый.

– Певец, я тебя не нашёл, – добавил мужчина, – а вместо
тебя нашёл ЭТО.

И повернулся спиной.

В этот момент в мозгу что-то щёлкнуло, Телец схватил
самый острый осколок, который нашёл в поле зрения, и уда-
рил. Вкладывая в удар всю свою силу, всю ненависть, боль.

– За честь, которую ты забрал, за жизнь, которую разда-
вил, за то, что я гнида, за то, что не быть мне таким, как ты!

Ветер уставился в потолок пустыми глазами, но глаза эти
вздрагивали, и безжизненный взгляд носился по потолку,
вместе с головой, и голова эта тряслась, как у тряпичной кук-
лы, потому что осколок кромсал, осколок бил и кромсал его
тело...

– Лес не задело. Всё-таки поселения Прихолмья стоят в
стороне. Вот если бы в Длиннолесье...

Заговорённый почти не слушал.

Внутри словно ползали черви и съедали его по кусочку.

Не потому, что случилась трагедия.

И даже не потому, что главных виновников случившегося
никто не преследовал. Никто. Повинуясь чьей-то невидимой
воле.

Нет.

Он знал, что в случившемся есть и его вина. Знал. И, вгля-

дываясь в лица, понимал, что и другие думают так же.

Эта вина съедала, и Заговорённый чувствовал, что покоя ему не будет. Никогда. Хотя покоя давно уже не было, с тех пор, как молодой, но повзрослевший воин вернулся из Девятого, и из Задорного стал Заговорённым.

Солнце погасло.

Для жителей Прихолмья, тех, кого затронула трагедия, но кто в это время был далеко и потому не погиб, это оказалось к лучшему. На деревьях зримого Леса распустились цветы, ещё не опавшие с окончания ночи, и селяне вернулись в свои опустевшие ночные посёлки. Которые так и останутся почти опустевшими.

А он? Куда он вернётся?

В Длиннолесье, посёлок воинов? Чтобы встретить косые взгляды тех, кто знает, что он проиграл. Да, он выиграл битву, но он проиграл войну. Стражей не будет, Заговорённый уже это понял, стражей не будет нигде, эра их власти прошла. Той пощёчины репутации, после которой последовал мощный, мощнейший удар в самое сердце, гильдия не переживёт. А Совет Старейшин Длинного никогда не простит того, кто пришёл к ним с войной.

О, всемогущий Обиженный, ты видишь, я не хотел этой крови! То, что случилось у Быстрой, и то, что случилось здесь, просчитать я не мог. Никто бы не мог, командуй даже Сутулый, даже он со своим даром предвидения.

Или мог?

Последняя мысль съедала.

А значит, он виноват...

– Вчера приехал Смуглый, – слова Картавого вывели из задумчивости, – теперь он за главного.

– И что говорят?

– Говорят по-разному. Но Совет Прихолмья считает, что гильдии нет, – воин встретился взглядом со своим командиром. Теперь уже бывшим. Теперь командир Картавый, теперь ему решать, куда и за кем идти.

– Старейшины Прихолмья? – удивился Заговорённый. Мужчина кивнул.

– А ты, ты что думаешь?

– Я? – начал Картавый и посмотрел себе под ноги.

И Заговорённый понял. Теперь уже окончательно понял – эра стражей прошла.

– Можешь не отвечать, – сказал он с улыбкой, – я знаю, как это трудно.

Как это трудно.

Да, трудно говорить то, что думаешь, когда другие не хотят это слышать.

Он говорил то, что думал. Жил, повинуюсь долгу, всю свою жизнь. Чтобы не было больно и стыдно. Но сейчас он прошёл этот путь, и ему больно и стыдно.

– Я пойду, командир? – Картавый назвал его командиром. Скорей, по привычке. А, может быть, отдавал ему дань уважения. А может, лишь делал вид.

– Иди, – Заговорённый пожал запястье, – может, увидимся.

Тот уходил, а мужчина смотрел ему вслед.

Из этого выйдет неплохой, даже очень неплохой командир. Гибкий, добрый к своим подчинённым, но всё-таки честный.

Он так не мог. Заговорённый был твёрдым, как камень, так он однажды услышал. Ему тогда льстило сравнение.

Только позже он понял, что твёрдый не значит прочный. Если из камня выточить гвоздь, и ударить потом молотком, камень сломается. А гибкую ветку из ивы ничто не сломает. Она будет гнуться, но вновь возвратит свою форму.

Заговорённый шёл между домов, в которых когда-то жили самые важные люди, те, что принимали решения, по которым жили другие.

Настало время новых решений. Кто и когда их примет... увидим.

Возможно, равнина станет разрозненной, и, может быть, это к лучшему.

Он сказал эти слова, которые раньше боялся сказать, и понял, что сказал их легко, без какого-то отторжения. Возможно, он станет другим. Возможно...

Но куда, куда он пойдёт?

Быть может, в Заводье? Самый красивый край, где светятся камни и рождаются реки.

В Заводье находится Острый. Да, бывший капитан ничего

не скажет, не покажет своё порицание.

Но встречаться с ним всё равно, что встречаться с ней. Брат и сестра, они так похожи. Заговорённый вздохнул.

Однажды Острый узнает, кто он такой, и как он на это посмотрит?

По той же причине закрыт и Девятый. Да и не только по этой. То, что случилось у Бурной, ему не простят. Он сам себе не простит. Да, не его вина, не его, но, бог мой Обиженный, это не так.

В Приморье сожжённые корабли.

В Озёрном его арестуют.

В Долине убьют. Он слишком хорошо знал нравы тамошних кузнецов.

Остаётся Прихолмье.

Заговорённый прошёл по широкой тропе, по которой когда-то прогуливался Шестой, мимо дома, в котором заступник любил вырезать. Последний заступник равнины, теперь уже точно последний.

Мужчина остановился.

Ему захотелось взглянуть на работы. Когда-то тот их показывал, но это было давно. Прошло столько лет, столько всего изменилось.

Понять человека можно лишь там, где он оставляет душу. Так говорил Шестипалый.

И Заговорённый вошёл.

На полках стояли звери. Стояли и жили.

Шептун с зелёными глазами, зевающая саммака, острокрыл, севший на ветку, ангел, поднявший крылья и глядящий на бывшего воина так, будто сейчас полетит. И обнимет. Своими мягкими крыльями.

У другой стены стояли мельницы, домики с башенками, звонницы, кареты, запряжённые топтунами, Пост с его смотровой башней, над которой застыл маленький жестяной кораблик.

Заговорённый прошёл коридор, и медленно сдвинул дверь, которая вела в большую центральную комнату.

И понял, что ещё не видел ничего более прекрасного.

Тогда, много лет назад, Шестой только начал свою самую большую, самую тонкую работу. Своё самое лучшее творение. Он только собирался построить макет, на котором с удивительной достоверностью были переданы самые мелкие детали.

Вот кузница с маленьким кузнецом, который, который держит клещи с зажатым в их губках металлом. Металл раскалён и его поверхность не ровная. Вот женщина, несущая во двор важного раздутого пыхчика. Вот семья сидит на площадке высокой изящной башенки и пьёт какой-то особенно вкусный напиток. И то, что он вкусный, видно по лицам. Но каждое это лицо – особенное, каждое выражает удовольствие по-своему.

Все детали этой насыщенной невероятно подробной картины были прорисованы безукоризненно, каждая часть го-

ворила о чём-то своём, об отдельной, иногда слабо заметной стороне человеческой жизни, а все вместе они и составляли эту самую жизнь.

Шестой не был тонким политиком. Он предпочитал действовать грубо. Грубо в его понимании значило уверенно. Иногда топорно, непрофессионально, как сказали бы члены ремесленных гильдий. В политике заступник остался любителем.

Но здесь, в доме, наполненном жизнью, его талант раскрывался, здесь, среди этих макетов, моделей, игрушек заступник становился профессионалом.

Сзади чуть скрипнула дверь.

"Странно, – подумал мужчина, – у стражей обычно всё смазано, ничего не скрипит".

– Какие дела, дорогой, – раздался вдруг голос.

– Какие дела, – повторил мужчина.

И обернулся.

Медленно, как будто ничего необычного нет, как будто присутствие женщины, той самой женщины, здесь, в этих стенах – просто малозначительное событие. Хотя где-то с месяц назад подобное казалось немыслимым – что одна из старейшин Девятого Леса окажется в святой святых самой влиятельной гильдии.

– Темноволосая. Какими судьбами? – мужчина глядел на вошедшую. Верхнюю часть лица скрывал капюшон, но, несмотря на тень, отбрасываемую материей, можно было

увидеть шрам – толстый, почти с кулак, на том месте, где когда-то выросла шишка, – ты бы прикрылась.

– Зачем? – женщина подняла свои брови, – теперь всё изменится. Не будет Шестого, не будет Заговорённого.

– Ну да. Я ушёл.

– Ты ушёл, – повторила Темноволосая, – с тобой уходит эпоха. Эпоха стражей и воинов. Эпоха ненависти.

– Эпоха мира.

– Ну... Это как посмотреть. С какого угла. Ты уже думал, куда пойдёшь?

– Я остаюсь. Здесь, в этом месте. Девятый меня не пустит. А так бы поехал в Девятый, – Заговорённый пытался казаться. Спокойным, уверенным. Но, как всегда, казаться у него получалось не очень.

– Нет, – женщина улыбнулась, настолько горькой и слабой улыбкой, что на улыбку она была непохожа, – ты не пошёл бы в Девятый. В Девятом жила она.

ОНА.

Заговорённый опустил свою голову.

– Зачем ты пришла? – спросил бывший воин, – я знаю, ты шла за мной.

– Я пришла рассчитаться, – ответила женщина, – ты знаешь.

– Я знаю, – мужчина сглотнул, – я виноват. То, что случилось на Быстрой, можно было остановить. Но я побоялся.

– Все мы когда-то боимся, – ответила Темноволосая.

Заговорённый услышал щелчок.

Так раскрывается нож, самый острый, самый убийственный нож на равнине, нож, который кузнецы из Девятого Леса вытачивают годами. Нож чёрного стрикла.

– Не сейчас, – сказал бывший воин, и, развернувшись, движением корпуса припечатал женщину к полу.

Да, не сейчас. У него ещё много дел, он должен начать новую жизнь, жизнь с чистого листа, хотя с таким багажом это вряд ли получится.

Мужчина вышел во двор.

Фиолетовый свет острокрылок не был тем светом, который нужен. Ему бы взбодриться, почувствовать силы.

Он пошёл по тропе, всё дальше и дальше, понимая, что жить ему трудно. Просто жить в этом мире становится трудно. Правильно сказала Темноволосая. Он отголосок эпохи, которой нет, и чужд тому новому, что приходит на смену.

Заговорённый прошёл ещё пару шагов.

И замер.

В спину ударила боль. Ударила, и начала разливаться. Чем-то горячим и вязким.

"Ну вот, – Заговорённый упал на колени и стал задыхаться. Стрела пронзила насквозь, её заострённый конец торчал под рубашкой.

Внутри стало жарко...

Он не верил в мифический Остров, на который возвращаются души, после того как умрёшь. Он даже не верил в таин-

ство Расставания, и считал, что у незримых ничто и никуда не уходит, а тело съедают черви.

Но теперь, на границе двух сред – того, что было, и того, что будет (вернее, не будет), он вдруг почувствовал облегчение, как будто знал, что возвращается к ней, той, о которой не забывал. Не забывал никогда. Боль от разлуки не проходила, с годами она стала отчётливей. Словно он обрисовывал контур. Рисовал по воде, но рисунок не исчезал.

Задорный превратился в Заговорённого, потому что думал о ней. Он только о ней и думал.

– Чёрненькая, – прохрипел мужчина, сделав последний вздох.

И называя её по имени.

В тюрьме с ней обращались корректно. Быть может, потому что она дочь самого Заговорённого, великого воина, разгромившего мятежников. Быть может, потому что она женщина. Хотя для стражей это значения не имело.

Да и тюрьма...

Помещение напоминало жилище селянина. Стол, на котором лежала бумага и аккуратно отточенные карандаши, стул, похожий на кресло-качалку, шкафчик, где были сложены нужные вещи, кровать, часики с боем, звучавшим раз в сутки (что было удобно, потому как, живя в этом замкнутом помещении, она могла потеряться во времени). Был даже пыхчик, который сопел и посасывал пыль.

Всё, как в обычном доме.

За исключением одного.

Достаточно было взглянуть на решётку, закрывавшую окна, чтобы понять, где ты и что это за место.

Да, забыться, представить, что ты на свободе, не получалось.

Как не получалось не думать о герцоге. Как он, куда его спрятали?

У Длинноногого не было влиятельного и уважаемого отца. Зато врагов предостаточно, особенно важных, таких, для которых сломать человека что плюнуть.

Быстрорукая даже не знала, что происходит. Пару раз заходил следователь и подчёркнуто вежливым тоном пытался допрашивать. Только пытался. Допрос получался обратный. Мужчина уклонялся от задаваемых ею вопросов, будто от стрел, потом понимал, что всё происходит не так, как хотелось, и уходил. Бормоча что-то стражнику.

Девушка слышала звуки. Как будто что-то обрушилось или взорвалось. Что-то огромное. Шкаф зашатался, пыхчик захрюкал. Она подбежала и попыталась его успокоить. Успокоить и приласкать.

Был и второй, более тихий звук. Этот уже походил на гром, далёкий, но мощный.

Потом случилось и вовсе уж странное. Хотя, судя по последним событиям, ничего в этом странного не было. Да и случилось оно не внезапно. Быстрорукую не покидало ощу-

щение, что что-то надвигается. Что-то большое и нехорошее.

Стало темнее.

Девушка поначалу не волновалась. Ну набежали там тучи и набежали. Подумаешь.

Но сумрак стал гуще, плотнее, насыщенной.

И опустилась тьма.

Стражник принёс ей лампу. Принёс и сказал, чтобы готовилась.

Она собиралась. Стояла у зеркала, смотрела на вещи. Сво-
рачивала их, разворачивала, снова сворачивала.

Ей приносили еду, приносили воду, масло для лампы, масло для тела, туалетные принадлежности.

Никто ничего не говорил. Не объяснял. Не разговаривал.

Девушке стало тоскливо.

Она рисовала. Она писала длинные письма, для герцога, хотя и знала, что пишет впустую. Делала упражнения.

Стояла, лежала, сидела.

Масло сгорало быстро и приходилось сидеть в темноте.

Стоять, лежать и сидеть.

Сидеть, лежать и стоять.

Быстрорукая стала нервничать. Стала переживать. За себя, за герцога, за других заключённых, о судьбе которых не знала.

И вот однажды в дверь постучали. Постучали и выдернули засов.

Девушка пошла открывать, зная, что там, снаружи, будет

стоять всё тот же стражник, и всё так же попросит горшок. И пыхчика. Попросит глазами. И почему-то благодарно кивнёт, когда она принесёт и то, и другое.

Но на пороге стояли люди. Одетые богато, со вкусом. Стояли и улыбались.

– Ваше высочество, – сказал самый первый, называя её титулом, которым её уже давно никто не называл, – вы свободны.

Быстрорукая сглотнула.

– Совсем, совсем свободна? – из горла вырвался хрип. За время, проведённое в этой тюрьме, она почти что не разговаривала.

– Вы абсолютно свободны, – сказал человек.

И поклонился. Так, как кланяются только правителям. Но, даже будучи герцогиней, Быстрорукая не видела, чтобы ей кто-нибудь когда-нибудь кланялся. Тем более так подчёркнуто. Даже заступнику редко кто кланялся, особенно в Длиннолесье, особенно среди воинов. Она читала об этом в книгах, например, в "Приключениях". Так, наверное, кланялись королеве Солнечной страны.

Девушка усмехнулась. Тоже подчёркнуто.

– Вы удивляете, – сказала она, – кто вы такие? Постойте... торговцы, – незнакомцы носили красные плащи и такие же красные шапочки, – как могут торговцы кого-то освобождать?

– Могут, сударыня, могут, – человек улыбнулся. Подобно-

страстно, но торжествующе, – мы все, здесь присутствующие, – он показал рукой, все пальцы которой венчали перстни, – Совет Торгового Дома Междуречья. И, в то же время, члены самого могущественного Ордена. До недавнего времени разглашать эту информацию было нельзя. Но Вам, Ваше высочество, мы обязаны всё рассказать. Особенно учитывая последние обстоятельства. Угодно ли Вам пройти внутрь?

– В тюрьму? – усмехнулась девушка.

Торговец замялся:

– Если угодно говорить здесь?

– Угодно, – ответила Быстрорукая. Голосом, не допускавшим возражений, – я насиделась. Где, кстати, стражи? Где мой охранник?

– Охранника мы отпустили, – ответил другой, более высокий торговец, выступая вперёд. Лицо говорившего казалось высеченным из камня, – гильдия стражей осталась в прошлом. Вам нужно принять правление.

– Селением Червивого?

– Равниной. Ваше величество.

Незнакомец снял шапку и опустил свою голову. В свете лампы блеснула лысина.

Один за другим, торговцы снимали шапки.

Потом, как по команде, вся эта братия опустилась на землю. Встав на колени.

“О, Бог мой Обиженный, – подумала девушка, – я много чего ожидала. Но только не это”.

И тут вдруг заметила, что что-то не так. Макушка мужчины светилась, но светилась со всех сторон.

Быстроукая посмотрела на небо.

И увидела солнце. Ещё слабое, такое неяркое, как в самом начале дня, но всё-таки солнце.

Уух плакал в подвале. Тёмном, сыром и холодном. Плакал, а в перерывах зевал, потому что уснуть он не мог.

Глупый маленький человечек.

Зачем ты отдался Аахе, зачем поддался на уговоры собратьев, зачем сбежал на Чёрные камни?

Ааха его соблазнила, коварная злая девка. Ааха его соблазнила. А после, оставила, бросила... Ох...

Уух кусал свои пальцы.

Ну, ладно, оставил он, если быть честным, он первым бежал ко дворцу. Но она то, она, она то его обежала. Как горько и как обидно.

Ей теперь хорошо. Она вьётся у ног Прекраснейшего. Она принимает в себя его семя. А если родит, и ребёнок окажется во власти Пылающих, то сможет стать следующим воплощением Спасённого.

Ооо... Уух приподнял свою голову и стал завывать. Ааха родит Прекраснейшего. Ооо. Неужели это случится? Простая дрянная девчонка, с которой он бегал в Садах, родит воплощение.

От этой мысли побежали мурашки. Парень привстал и

ударился головой.

Ну почему он такой возбудимый?!

Вот и сейчас от одной только мысли о том, что Ааха родит Воплощение чуть не разбил себе голову.

Как он забыл, что в подвале стоять невозможно? Только сидеть или ползать. И всё. Ну или лежать. Но тогда заболят бока. Пол то каменный, да ещё и неровный.

Но удар головой отрезвил, и Уух стал умнее.

"Дурья башка! О чем ты подумал? – бил он ладонью по лбу, – да у Прекраснейшего столько детей, сколько семян в головке подсолнуха. И не тебе рассуждать, который из них окажется Воплощением. Это решится в Пылающие".

Обычным человечкам, таким, как он, Пылающие безразличны. Но Прекраснейший сеял семя, и у него много, очень много детей. И тот, кто во время Пылающих вдруг зарычит, закричит и будет взывать, значит, в того воплотился Спасённый. А если их много, рассудит лишь он, Великий жрец Его Прекраснейшего и Сиятельнейшего тридцать пятого воплощения Спасённого Морем.

Уух осторожно пополз в другой угол, всем телом дрожа от холода, ощупывая камни, и при этом строя гримасы. Ладони были изранены в кровь, как и ступни. Где-то она засохла, где-то сочилась. Он знал, что камни специально затачивают, большие и маленькие, особенно самые мелкие камешки. А потом их заботливо склеивают. Чтобы те, что сидят в подвале, не могли разгрести себе место, чтобы их ступни и

их ладони болели, чтобы они не лежали, не спали, а думали, думали, думали... И становились лучше...

За дверью послышался шум.

Щёлкнул замок. Нет, вдалеке.

Но щелчки становились всё ближе, и с замиранием сердца Уух вдруг увидел, как хлынул свет в его камеру, заставляя зажмуриться.

У входа маячил охранник, косматый, заросший, а, значит, давно не грешивший, и знаками велел вылезать.

Мужчина пополз. Не чувствуя боли. На свет и тепло, туда, где он сможет подняться.

Когда же он выполз и с наслаждением расправил плечи, преодолевая усталость затёкших в подвале мышц, по его пустой бестолковой башке ударила дубина. "Спасибо" – знаками показал Уух, понимая, что стражник старался, что этим самым он учит, даёт понять, ему, глупому маленькому человеку, что прощения нет, прощение необходимо ещё заслужить. Стражник увидел "спасибо" и знаками показал "пожалуйста".

Стояла ясная ночь. В небе горели звёзды, сверкало светлым пятном Ожерелье Правителей Неба. словно летучая мышь.

Показалось, что Ожерелье как будто скукожилось, стало неярким, нечётким. "Сердятся, видно, Правители, – думал Уух, – я сам виноват. Не надо было бежать на Чёрные Камни, с Аахой, с братьями. Получил бы сорок плетей, и меня бы

простили".

В племени было холодно, но всё же не так, как в подвале, горели факелы, воздух был свеж, и парень опять начал радоваться.

И опять получил по башке.

Его провели на площадь, самую главную площадь перед Дворцом, от которой уходят Аллеи, и Уух изумился – вся площадь была забита народом.

Стояли ВСЕ, все жители племени. Кто-то на площади, кто-то стоял во Дворце, высыпав на балконы, заполнив окна, кто-то дальше, в Аллеях.

И все глядели на Небо.

Уух пригляделся, и понял, что не заметил главного.

Чуть в стороне от Ожерелья плыли шары. Шары, которые были подсвечены, потому что под этими шарами, в корзинах горел огонь. И стояли люди.

"О Правители Неба, что это, что??" – изумился Уух.

И с содроганием сердца понял, что это спасение.

Возвращались те, кого забрали Правители Неба. Возвращались безбожники.

Значит, скоро зажжётся солнце. Зажжётся, ведь так говорило пророчество.

Высоко на помосте стоял Великий жрец Его Прекраснейшего и Сиятельнейшего тридцать пятого воплощения Спасенного Морем. Стоял и громко жестикулировал. Громко, потому что при этом кричал. То, что хотели услышать.

"Да, – показывал жрец, – это возвращаются те, которых забрали Властители Неба – мудрые существа с восемью конечностями. Прячущиеся в яйцо от грехов наших предков и держащие посох судьбы. Ох, согрешили мы, люди, но будет спасение. Спасение нам и спасение душам нашим. Зажжётся солнце на небе, пусть не сейчас, но зажжётся. Ведь если вернулись безбожники, то и нам, малым грешникам, наступит прощение. Но не сейчас. Быстро приходит лишь кара. Прощенье приходит не сразу.

"Почему же не сразу??" – подумал Уух. Он уже видел солнечный диск, расцветавший в небе.

По площади прокатился рокот. И шум. Это жители города в едином порыве пали на землю. Точнее, на камни.

– Ооо! – закричал в исступлении жрец, как только увидел солнце, – ууу... Аааа... Ыррыр...

"Мы прощены, – сказали руки Великого, – мы прощены..."

Ему снилось Заводье.

Ущелье, в котором бурлила вода. Домики рудокопов.

Заводье, самое живописное место равнины, которое он однажды покинул и куда не вернётся.

Обрывки последних событий ещё волновали, ещё будоражили мысли.

То, что случилось, когда стражи, вдруг, в одночасье, исчезли, предоставив Советам старейшин самим выбирать

своё будущее.

Жители Длинного Леса, Заводья, Приморья, бóльшая часть Долины отмечали это как праздник.

Гильдия давно стала источником зла, и те несчастья, что обрушились на равнину – следствие их правления. Пожары в Приморье и Длиннолесье, кровавая битва у Бурной, а теперь этот взрыв... Нужны были изменения, и изменения эти последовали.

Смуглый, оставшийся главным после смерти заступника только потому, что был первым в иерархии выживших служников, подписал документ, который провозглашал начало новой эпохи.

Гильдия стражей всё.

Так говорили в народе, так в народе здоровались, так поднимали бокалы.

Но что будет дальше? Останутся ли главными только Советы старейшин, или эти осколки сплотит новая, свежая сила? Об этом судачили, об этом строили предположения, и в разговорах всё чаще всплывал некий Орден, среди членов которого оказались самые уважаемые люди равнины, чьё влияние, помноженное на деньги, простиралось от Заводья до Озёрного Края.

Говорили, что члены Советов, в том числе и озёрники, уже склонились к объединению, и оставалось последнее, самое непростое решение – кто примет власть, под чьими знамёнами это объединение свершится.

Бескостный устал от пересудов, от кривотолков, он хотел тишины, он хотел погрузиться в своё созерцание и снова начать творить. Он хотел возвратиться назад, к древоходу. К Миле. Без которой не мог видеть жизнь в её чистых незамутнённых красках.

Мила, его вдохновение. Сине-зелёная струйка с маленьким фиолетовым пятнышком на головке.

Он так долго жил без людей, так долго без них справлялся. А люди прекрасно справлялись сами, не замечали его отсутствия, и жили насыщенной жизнью.

Место художника здесь, среди озёр далёкого края, среди древоходцев и струек.

Бескостный проснулся, умылся, опустошил часть запасов, лежащих в мешке, и снова отправился в путь.

Он предвкушал эту встречу, с той самой, которая дарила свои картины, и которая постоянно будила, как только он засыпал, потому что струйки не спят, а значит, считают, что сон – это что-то подобное смерти.

"О Мила, я так скучал" – думал художник, шагая по тёмной равнине. Хотя, не такой уж и тёмной. С тех пор, как его благословил древоходец, он научился видеть. Теперь даже мрачный и скрытый от глаз уголок не был мрачным, а самый чёрный предмет – абсолютно невидимым. Мир получил свои краски.

Но что-то было не так.

Художник остановился.

Всё в этом мире светилося, будто оно излучает. Всё отражало свет.

Всё вокруг стало чётче. Туман, который висел над равниной, развеялся.

Бескостный глянул на небо. Уже зная, что он увидит.

Солнце сияло.

Пока ещё раннее, слабое, оно поглотило ночные краски, и отдало свои.

– Делегация Свободного Края.

– Матёрый?

– Он самый, – секретарь Совета старейшин сказал это тихо, словно присутствие главного первосвященника было приятной, но неожиданностью.

Многоперстный неспешно поднялся с качалки и подошёл к окну.

За кругом камней стояли люди. Один, два, три, четыре, пять человек.

Кто из них Матёрый, старейшина понял сразу. Этот выделялся среди собравшихся, своей густой, абсолютно седой растительностью и более крупным телосложением. Первосвященник носил серый, совершенно непритязательный плащ – жители Края не любят яркие броские краски, а скромность считают достоинством. Видимо, благодаря своей скромности, где-то переходящей в скупость, они и достигли того благосостояния, которому могли позавидовать чле-

ны самой богатой гильдии – гильдией торговцев.

А вот и они.

Красные плащи, красные шапочки. Озёрники никогда не оденут красное.

Один высокий, черты лица грубые, будто вытесаны из камня. Двое других поменьше. По размеру, но, как понимал Многоперстный, совсем не по важности. Одного старейшина знал. В лицо. Главный казначей гильдии торговцев, человек, которого между собой называли серым заступником. У которого занимали все, тем самым привязывая себя незрими нитями, и который время от времени за эти нити подёргивал.

Пятый...

Мужчина сглотнул.

Подчёркнуто яркий зелёный плащ мог означать лишь одно – в Девятый Лес пожаловал страж, что было, мягко говоря, нежелательно. А говоря более сухо, и невозможно.

Многоперстный мигал глазами, но наваждение не исчезло. Страж оставался на месте.

– Ты видишь? – спросил он у Зоркого.

– Вижу, – сказал секретарь, начиная собирать свои вещи – бумагу, печати, перо. В Девятом Десу не любили карандаши, которыми пользовались на равнине, и продолжали писать чернилами. Может, потому, что написанное пером дольше держалось на бумаге, а след от карандаша, при очень большом желании, можно стереть.

Что имел в виду старейшина Первой деревни, секретарь понял сразу. Даже не глядя.

– Дааа... Видать, плохи дела у гильдии, – Многоперстный погладил бородку, – видать, совсем плохи, – добавил он после.

– Хуже некуда, – поправил его секретарь, – ну что, приглашаем?

– Зелёный?

– Придёт, только позже.

– Другие?

– Придут.

– Так значит, без них?

– Значит, так.

– Хорошо. Если пришли и все сразу, значит, грядут перемены.

Секретарь вышел за дверь.

Через пару минут она отворилась, и в приёмное помещение просторного гостевого дома зашли по порядку – Матёрый, торговцы и страж.

– Смуглый, – ответил последний, краснея. Понимая, что он первый из стражей, прибывший в Обитель Зла – так во время особо торжественных встреч называли Девятый в гильдии.

– Многоперстный, – старейшина кивнул и даже слегка поклонился. Но руку не протянул, – неприязнь между стражами и благословенными, как называли себя поселенцы Без-

вестного Леса, была непреодолима.

– Других пока нет, – добавил мужчина, – Если хотите поесть, пожалуйста, – он показал на гардину, за которой располагалась харчевня.

– Спасибо, – ответил Матёрый, – но мы пообедали. Возница тот ещё повар.

– Тогда подождём, – сказал Многоперстный, – остальные в пути.

Его волосы, собранные в косичку, покачивались в такт движениям головы, что придавало старейшине особую галантность.

– Мы хотим пообщаться с Вами, – продолжил первосвященник, – чтобы заручиться поддержкой.

– Вот как? – старейшина чуть приподнял свою бровь, – вы высокого мнения обо мне. Вам нужен Зелёный. Его голос имеет вес.

– И всё-таки, – ответил высокий, вырезанный из камня торговец, – мы на пути нового будущего. И поэтому смотрим вперёд. Зелёный – прошлое, его решение может и важно, ведь он председатель. Но в будущем мы будем иметь отношения с новым Советом, и у вас самые высокие шансы его возглавить.

– Вот как? – Многоперстный задумался, – не знал, не знал, – он посмотрел на Весёлого, того самого казначея, который, сколько бы веса не имели другие участники делегации, был первым среди собравшихся. В его руках деньги,

большие деньги, а в ситуации неопределённости, в которую погрузилась равнина, количество денег решало.

– Садитесь, – старейшина указал на длинный, вырезанный из древесины саммачьих деревьев стол, и, только вошедшие сели, сжал руки в замок и приготовился слушать.

– Как Вы, вероятно, слышали, случились события, – начал Матёрый, – важные события. Шестой оказался политиком, мягко говоря, негибким, и настроил против себя почти всех своих старых приверженцев. Заводье, Приморье, Долина, а до того Длиннолесье... Спасибо, – добавил старик, когда слуга, лавируя между участниками, поставил по правую руку стакан и налил в него воду. Благословенные обычно не торопились и на своих заседаниях сидели подолгу, поэтому пили воду. Иначе в горле пересыхало, и под конец заседания голос хрипел, – так вот, вслед за Длиннолесьем, Советы старейшин этих Лесов высказались против каких-либо дел со стражами. Пожары в Приморье, резня у Быстрой... кстати, приношу свои глубочайшие соболезнования, – Многоперстный кивнул, – поставили гильдию вне закона.

– Вы хотите сказать, что за стражами остались Прихолмье и Междуречье?

– Вы слышали о взрыве? – спросил первосвященник. Мужчина кивнул, – кто совершил этот взрыв, мы не знаем. Стражи настроили против себя всю равнину. Но в результате случившегося гильдия оказалась обезглавлена. Единственный выживший служник присутствует здесь.

Многоперстный взглянул на Смуглого. Тот сидел, положив на колени ладони, и часто-часто моргал, как ученик, который не выучил урок.

Матёрый выпрямился, после чего его голос начал звучать по-особому:

– Гильдия стражей распущена. Советы старейшин оказались предоставлены сами себе, и в нынешней ситуации это тревожит.

– Почему? – спросил Многоперстный.

Действительно, почему? Ведь озёрники жили сами. Без дополнительного подчинения кому бы то ни было. И жили неплохо. Почему же другие не могут?

Матёрый зажмурился

– Всё это так, – сказал он, подумав, – Свободный Край жил отдельно. Но мы уступали, уступали любые спорные моменты, отдавали рудники, отказывались от ресурсов. Предоставляли услуги посредничества между вами, – старик поглядел на двудушного, – и остальной равниной. Лавировали как только могли. И всё для того, чтобы сохранить свою веру, – первосвященник заговорил своим звучным внушительным голосом, – теперь равнина свободна. Каждый из вас может прийти в любое селение мира. Каждый живущий на равнине человек может верить в то, во что посчитает нужным. Стражи ушли, равнина осталась. Теперь, – Матёрый взглянул на торговцев. Весёлый кивнул, – теперь всем нам нужен гарант веротерпимости. Гарант безопасности. Мы хотим

быть уверенными, что ни в одном из селений не возникнет что-то подобное стражам. Каждый Лес будет открытым для каждого живущего, любые споры между селениями, территориальные или ресурсные, будут решаться мирно, верховным судом упомянутого мною гаранта, и подобного страшной войне не случится.

За столом воцарилось молчание.

– Хорошо, – старейшина чуть сдвинул брови, – зачем Вы сюда пришли?

– Девятый Лес такая же часть равнины. Мы просим войти в Союз.

– И об этом вы будете просить остальных членов Совета?

– Будем, – ответил старик, – Союз в интересах Девятого. Он откроет новые, небывалые возможности. Торговля, ремёсла. Девятый не будет отдельной зажатой между холмами и морем областью, которой пугают и которой боятся. Он станет такой же частью равнины, как Междуречье, Долина или Прихолмье, – Матёрый вздохнул, – или Свободный, теперь уже просто Озёрный край, – он посмотрел на торговцев и чуть заметно кивнул.

– Преимущества объединения лежат на поверхности, – продолжил Весёлый, – теперь об издержках. Издержки сопровождают любое дело, и нашей гильдии это известно, наверное, больше других. Но в данном случае мы делаем предложение – не только вам, мы сделали это предложение Советам старейшин всех остальных Лесов. И получили согласие.

Первые пять лет после объединения гильдия берёт на себя все расходы, будь то создание общих структур или налоги, которые идут на этих структур содержание. Пять лет вы не даёте ни гирика.

Многоперстный задумался:

– Щедрое предложение. Я бы хотел спросить – что сама гильдия будет иметь, но, боюсь, это невежливо.

– Почему же? – Весёлый скрестил свои пальцы.

На каждом блеснули перстни, в оправе которых горели яркие хорошо огранённые камни, что отличалось от рук Многоперстного, унизированных крупными, но тусклыми печатками. Непосвящённому человеку стало бы сразу понятно, кто предлагает, а кто принимает предложенное. Тем более, что руки Весёлого покоились на груди, а двудушный сидел, положив их на стол.

– Мир и единство равнины целиком в интересах гильдии, – продолжал казначей, – какой торговец пустится в путь, если будет знать, что его ограбят, а пошлины, введённые местным Советом, съедят возможную прибыль? Государство предполагает отсутствие пошлин, свободу торговли и безопасность путешественников.

– Государство? – переспросил Многоперстный.

– Государство – лучшее решение, – ответил Весёлый, – а лучшее государство – монархия. Монарх выступает гарантом, абсолютным и постоянным. Солнечная Страна в "Приключениях" – пример процветания и стабильности. Поэтому

наше решение – королевство.

– Решение гильдии или решение Ордена?

– Решение гильдии – это решение Ордена, – ответил высокий торговец, до той поры не произносивший ни слова. Слова старейшины его не смутили. Ничуть.

– Так кто же король?

– Король и Королева, – ответил Матёрый, – эти люди бросили вызов гильдии стражей, когда их власть казалась абсолютной. Они пошли против родственных отношений, против измены близких, и когда стоял выбор – продолжать борьбу, или отступить, ценой собственной свободы – они сохранили жизни подданных и отступили.

– Длинноногий и Быстрорукая, – произнёс Многоперстный.

Он помолчал, и добавил:

– Допустим. Мы согласимся. Где гарантии, что Советы старейшин согласятся на это? Девятый Лес на равнине считается проклятым.

– Эти гарантии здесь, – произнёс третий, самый тихий торговец, вытаскивая из сумки несколько свитков.

"Пять-шесть-семь-восемь" – считал старейшина, – восемь согласий.

И посмотрел на собравшихся:

– Я говорю "да", но, опять же, что скажет Зелёный? Что скажут другие старейшины?

Торговец покопался в дорожной сумке и вынул письмо.

– Прочтите, – сказал он чуть слышно и кинул его через стол.

– "Совет Девятого Леса" ... – двудушный сорвал печать и начал читать. Про себя.

Глаза пробежали раз, пробежали другой.

– Зелёный сложил полномочия, – произнёс он растерянно.

– Времена меняются, – ответил Весёлый, играя пальцами.

Грани камней засверкали. Он был похож на торговца, который близок к заключению своей самой выгодной сделки.

– Зелёный вручил его лично? – спросил Многоперстный, – или через посыльного?

– Лично.

– Но письмо адресовано мне.

– Адресовано, – Весёлый кивнул.

– Своим преемником он рекомендовал меня, – удивился старейшина, – Совет обычно прислушивается к рекомендациям председателя.

– Вот видите, – улыбнулся торговец, – я думаю, точнее, надеюсь, что он прислушается и к Вашей.

Дождался? Глупый маленький человечек...

Ух стоял в своей клетке.

Рядом, в один длинный ряд, располагались другие, примерно с десяток. В половине стояли такие же, как он, глупые человечки, которые дожидались прощения.

Они шумели внутри своих клеток, хватались за прутья,

обнажённые, а потому открытые перед Небом, всем своим нетерпением показывая собравшимся (а собравшихся было море, здесь собрались все свободные жители племени), что готовы принять новый вызов. Сразиться с безбожниками, которых однажды забрали Властители, священные пауки, те, что ткут паутину судеб. Забрали, но после вернули. На суд.

Вернувшиеся сидели тут же, в другой половине клеток. Такие же раздетые и накормленные, как он и его соплеменники. Сидели, понунив головы, уткнувшись в колени, стыдясь наготы, а может, своих чёрных дел – ведь они-то безбожники, а, значит, дела у них чёрные.

Одной оказалась женщина, с длинными тёмными волосами, как у Аахи. С виду она старовата. Но ничего, он бы её... Уух облизал свои губы.

Если достанется эта, то он её победит, и отымеет, у всех на виду. И заслужит прощения. А после убьёт. Потому что выживший должен остаться один – тут либо смерть, либо прощение.

Но Властители Неба отдали слабейших. Они не стояли, не дёргали прутья, не рвались на бой. Они сидели, забившись в угол.

И Уух был уверен, что всё ещё будет. И рокот зала, и поздравленья братьев, и плевков от Прекраснейшего. Тот самый плевок, который заслужит сильнейший. А значит, прощённый.

Уух завыл в предвкушении.

Сотни его соплеменников делали ставки, и мужчина напрягся. Он сжал кулаки, распрямил свои плечи. А потом закричал.

Крик подхватили другие, руки в кровавых ссадинах схватились за прутья, и клетки стали качаться. Одна раскачалась так, что упала. Тут же сбежались стражники, лохматые, а, значит, давно не грешившие, и, тыкая палкой сидевшего, поставили всё на место.

Раздался удар, громкий и гулкий, и стоявшие рядом собратья, как по команде, прислушались. Прислушались зрители. Даже безбожники, которых вернуло Небо, оторвали лицо от коленей и посмотрели вокруг.

Ууух... Ааа... Ууур... Хэ-хэ-хэ, – жестикулировал жрец.
"Сейчас, ооо, сейчас..."

Сердце Ууха забилося.

Один за другим выходили собратья, и один за другим побеждали. Бросали безбожников на помост, ломали руки и ноги, сворачивали шею. Те, конечно, пытались сопротивляться. У кого-то почти выходило. Но борьба жидкого пламени была той борьбой, которую знали все, но только не возвращённые.

Один за другим победители получали овации, крики своих соплеменников, один за другим подбегали к трибуне и подставляли лицо, чтобы поймать тот плевок, тот долгожданный плевок, что отпустит Прекраснейший. Ловили не все, и не все уходили счастливыми, но кому посчастливи-

лось... Ооо ... они просто выли от счастья.

Он ждал, глупый маленький человечек, ждал своей очереди. Грыз кулаки.

И вот.

Жрец объявил.

Да, остались лишь двое – он и она, та самая возвращённая, которую он хотел.

Орган Ууха поднялся, вызывая одобрителный гул, стражник сорвал замок, и мужчина, закричав что есть мочи, взбежал на помост.

Стражник приблизился к женщине, намереваясь огреть её палкой, если она вдруг не сдвинется. Ведь те, другие, не двигались, другие вжимались в угол.

Но возвращённая поднималась. Сама.

И спокойно взошла на помост.

Голая и красивая, хотя и потрёпанная.

Уух оскалился.

Женщина оскалилась тоже.

Она не была похожа на тех, других возвращённых, она не боялась. И Уух на секунду задумался. Но лишь на секунду.

Не желая терять ни мгновения, он превратился в язык. Жгучего жидкого пламени.

...Но попал не туда.

И рухнул. Словно мешок с костями.

Тут же поднявшись, Уух подлетел к возвращённой.

Чтобы упасть и снова подняться.

“Что за...” – подумал парень, вновь поднимаясь с помоста.

И не поднялся.

Ногу сдавила жгучая боль.

Ух посмотрел на женщину и зарычал.

Вкладывая в рычание всю свою ненависть, всю обиду, на себя, на Ааху, на жизнь.

И тут же увидел удар, ломавший лицо.

Уже погружаясь в ничто, он догадался, что это была последняя, самая злая насмешка судьбы.

Дождался? Глупый маленький человечек...

Женщина зарычала.

Она показала руку, которой убила несчастного, и воззвала к сидевшим.

Но большая часть сидевших не встала. Большая часть переживала случившееся. Ведь все поставили на Уху, а он проиграл. Все, за исключением одного, который стучал себя в грудь. У него будет много, так много ракушек, ведь он поставил на слабого, и он (единственный!) выиграл.

Но всё изменилось, когда Прекраснейший, расталкивая локтями всех тех, кто сидел на трибуне, поднялся и побежал. На помост.

Тряся своим жиром, рыча на охранников, он подбежал к возвращённой и начал её хватать. Начал лапать. За сиськи, за жопу.

Народ загудел.

Жрец приподнял свой сияющий посох и приготовился что-то сказать.

Но опустил.

Потому что случилось невероятное. Невозможное.

Женщина размахнулась и ребром своей правой ладони ударила в шею.

Прекраснейший повалился.

Мягко и хлопко. словно бурдюк, наполненный жидкостью...

Зрители перестали кричать. Перестали подбадривать, гукать.

Возвращённая стояла над телом, а остальные взирали, молча и как-то напугано.

Кто-то должен был объяснить, что это значит, и этот кто-то опёрся на посох.

И думал.

Прекраснейший может погибнуть. Может умереть от болезни. Может оступиться и разбить себе голову. Может. Но если это случилось, значит, угодно Небу, значит, так решили Властители. И, значит, им нужен другой. Новый Прекраснейший.

Тридцать пять раз выбирали они Прекраснейшего и процесс этого выбора сомнений не вызывал. Тот, кто не узнаёт себя в зеркале, более мудр, чем другие. Он видит не отражение, он видит Небо. И если таких будет много, то выбирают

того, кто зарычит и первым плюнет в вошедшего.

С этим проблем не будет.

Но как всё-таки быть, если это орудие Неба не камень и не болезнь, если орудие человек. Возвращённый.

Возвращённый, чтобы исполнить волю Властителей.

Да, объяснение есть...

Жрец расширил глаза и вскинул свой посох.

– Уууурррааа!! – закричал он, указывая на женщину.

Свершилось.

Небеса сами прислали того, вернее, ту, которая станет новым, тридцать шестым воплощением спасённого морем.

Нану сидел под большой тихоходкой. Её конечности двигались, но двигались медленно, а крона давала тень. Этим тихоходка напоминала деревья, величественные неподвижные организмы на другом конце мира. На том конце, откуда Рубо вернулся. Перед учителем раскинулось озеро, то самое идеально круглое озеро, которое они полюбили, на берегу которого Нану прочёл так много полезных лекций. Техники любили объекты, которые похожи на строгие геометрические фигуры и линии которых можно выразить простой математической формулой. Рядом и думалось лучше, и мысли не уходили в сторону.

– Нану! – воскликнул Рубо, и завертелся волчком. Как несучка, которая крутится над водой и собирает мелкую живность.

– Рубо. Как ты провёл это время? – тихо спросил учитель, даже не скрипнув суставами.

Даже не скрипнув суставами!

Отправляясь на другой конец этого большого, невероятно большого мира, техник не думал, что там неожиданно встретит существ, чьё восприятие жизни будет настолько созвучно. Которые окажутся такими же раздражительными и восторженными. И у которых эти состояния будут сменяться так же быстро и так же непредсказуемо, как у него. А иногда беспричинно, как говорили техники. Но, побывав в мире людей, Рубо понял, что на всё есть причина, просто её надо видеть.

– Я знаю, почему ты зелёный, – ответил вдруг Нану.

– Почему же, учитель?

– Я спокойно сижу и даже ничуть не поскрипываю. За время, проведённое рядом, я научился тебя понимать. Пускай это даже непросто.

– Нану, забудь. Я рад тебя видеть, Нану, и всё.

– Я тоже рад тебя видеть, Рубо.

Техник сказал это так, как говорил бы Джуз, принимая заказ у очередного несуществующего клиента.

Рубо вздохнул.

Он научился вздыхать, не имея воздушных мешков, как у тех, у других, на другом конце мира.

– Твоя поездка успешна, – сказал ему Нану, – солнце горит, как и раньше.

– Я знаю. Но я оказался не к месту.

Нану согласно мигнул.

– Ово ошибся, – ответил учитель, – твой процессор не смог работать в том мире, куда вы спустились.

– Великий Ово ошибся, – повторил вслед за техником Рубо.

В это так сложно поверить. Прогнозист, который в расчётах так точен и так скрупулёзен, вдруг допустил ошибку...

Техник мигал, всеми своими цветами. Такой невозможной казалась мысль.

– Одна из констант чуть-чуть изменилась, – добавил Нану, – поэтому Вы и спустились туда очень быстро. Видимо, был в этом мире особый замысел.

– Великий Ово ошибся... – у Рубо начинались повторы. Такой восприимчивый техник.

– Расскажи мне о тех, с кем провёл это время, – попросил его техник. Чтобы как-то отвлечь внимание. Он слишком долго знал Рубо, и, даже не зная, что с тем происходит, умел вернуть его в русло.

– Я недолго был с ними. Большую часть этого времени я пролежал в мешке, – техник вздохнул (конечно же, мысленно), – но я их понял. В той степени, в которой могу так считать, – Рубо опустился на травку, – они не такие как мы. Вначале казалось, что этим существам, похожим на живунчиков или тех же ушедших, легче чувствовать себя счастливыми. Ведь счастье они могут найти во многом. Они сами придумывают предназначение, а потом ему следуют. И одна-

жды я понял, что это непросто. Ведь можно его так и не найти, свое ИСТИННОЕ предназначение. Но только истинное делает счастливым. Теперь я думаю по-другому. Я думаю, в каждого из них что-то заложено, так же как в нас, но не каждому дали инструкцию. И счастливыми стать им не просто.

Он замолчал.

Нану смотрел на воду.

Рубо смотрел на Нану.

И оба молчали.

– А ты? – спросил наконец учитель, – ты нашёл своё предназначение?

– Да, – ответил техник, – нашёл. Моё предназначение общаться, когда это нужно. Я спутник существ, которым необходимо общение.

– Значит, оно так и есть, – спокойно продолжил Нану.

Рубо замигал огоньками.

– Великий Ово сказал, уже после того, как ты улетел. Он сказал, что твоё предназначение – радость. Ты отдаёшь её тем, кому не хватает.

Он чувствовал свои ноги, свои руки, своё тело.

Ощущения были те, да не те. Да и вовсе не те.

Ведь у него и не было всего того, что было раньше. Под этой оболочкой из мягкого эластичного материала, напоминавшего кожу, находилось что-то твёрдое, на ощупь совсем не похожее на мышцы.

Хотя сходство, особенно внешнее, поразительно.

Когда Пытливый глядел на себя в зеркало, он видел Пытливого. Несмотря на то, что всё, что он видел, даже глаза, было искусственно создано этими тварями, повернутыми на всяких там опытах. Их кропотливыми ручками.

Или лапками.

Он стал другим. Полностью.

Он даже не ел.

Не спал.

Не справлял свои нужды.

Но в остальном остался таким же, как был.

Почти.

Иногда ему было страшно, иногда любопытно (хотя, скажем прямо, любопытно Пытливому было всегда), иногда он замыкался в себе, а иногда хотел поболтать.

Он чувствовал ноги и руки, чувствовал тяжесть внизу, если сидел, и в ногах, если стоял. Улыбался, шутил. Почти.

Но это "почти" было важно.

Теперь он мог силой мысли выключить окружающее, и тогда, вместо того чтобы заснуть, производил вычисления, искал решения тех задач, которые раньше считал нерешаемыми, и, когда эти решения находил, снова включался в происходящее. Ему казалось, прошла уйма времени, но проходило каких-нибудь пять или шесть, может быть, десять минут. И за эти вот пять или шесть или десять минут он находил ответ там, где раньше мог думать годами.

Его существо, как объяснили хранители, запечатали в отдельную очень важную пластину, которая находилась в голове, а всё остальное служило лишь дополнением, всё остальное помогало двигаться и чувствовать происходящее.

Сложнее было с эмоциями. Эмоции человека регулируются веществами, которые попадают в мозг. И всему этому надо было придумать замену. Всё это нужно было перевести из аппаратной части в программную.

Но хранители справились. Настолько, насколько они покопались во всё человеческом. Покопались буквально.

Если понимание человека, как утверждали эти мелкие любопытные твари, было глубоким и достаточно полным, значит, копия окажется неотличимой от оригинала. Ну или почти неотличимой.

И этой копией оказался Пытливый.

Надо сказать, поработали они аккуратно.

За исключением того, что он не чувствовал урчания в районе желудка, дыхания, сердцебиения и некоторых других знакомых движений, всё остальное осталось прежним.

Да, он скучал по этим движениям, но, как однажды сказал Терпеливый, его первый учитель, “наука, парень, это дорогое удовольствие”.

Ведь то, что в него положили, все эти знания, к которым он получил теперь доступ, по договорённости со своими выателями, и та способность мыслить, которая у него появилась – всё это требовало платы. А платить он мог только од-

ним. Своим телом.

Но всё изменилось.

Теперь уже всё изменилось...

Как долго к нему не ходили.

Первое время он не мог даже сесть и забыться, чтобы, отключившись от внешнего мира, разобраться во вложенных знаниях, собрать их в систему. Искатель копался в пластинке, искал манускрипты, сдувал с них пылинки, читал (такие были ощущения), и вдруг – раздавался голос, манускрипт летел на пол, и он открывал глаза.

Эти мелкие твари проводили какие-то измерения, заставляли его стоять, сидеть, закрывать глаза, спрашивали об ощущениях в области паха, и подчёркнуто громко расстраивались, когда узнавали, что никаких ощущений нет. "Недоработка" – сокрушались они, опять же подчёркнуто громко.

Но теперь он сидел в этой своей библиотеке, читал её многочисленные тома, всё читал и читал, но его не будили.

Тогда Пытливый осторожно оттуда вылез, протопал к шкафчику и взял небольшой браслет.

Браслет давил на запястье, и, пускай боли не было, а сосуды, которые можно перетянуть, отсутствовали, но он привык ощущать себя так, как ощущал ещё раньше, в той далёкой далёкой жизни. Поэтому и браслет одевал лишь тогда, когда выходил.

Было тихо.

Подозрительно тихо.

Двери открыты.

Пытливый шёл мимо комнат, мимо кубов, и вдруг, по остаткам запаха понял, что он идёт там, где когда-то сидели люди, ну, не совсем даже люди, скорее, то, что от этих людей осталось. Сидели, а теперь не сидят.

Так он прошёл Лабиринт, сверху донизу.

Прошёл, удивляясь.

Свет горел всюду, но никого нигде не было.

Исчезли даже звери, размещённые в клетках. Клетки остались, а звери исчезли.

Хранители ушли, забрав с собой всё здесь живущее и оставив свои механизмы, в том числе и его.

И ЕГО.

Совершенный, созданный аккуратно, с любовью, но МЕХАНИЗМ.

Все эти мысли зажглись мгновенно.

Он понял.

Всё.

Сразу.

Преимуществом нового состояния было ещё и то, что мыслил он быстро, и, если даже какая-то мысль вызывала у него отторжение, он её не купировал, а старался понять.

Пытливый прошёл в верхний уровень.

Выход оказался открыт.

Он знал, из тех же вложенных знаний, куда и в какую сторону двигаться. Как попасть на холмы, а потом на равнину.

К людям.

Как попасть к ней.

Но зачем?

Что там делать?

"Недоработка" не давала почувствовать голод, тот самый голод, который он раньше испытывал. Голод мужчины, который звал его к женщине.

Всё, что ему было нужно – разобрать свои знания, сравнить, дать им место и сложить ту мозаику, которая... окажется самым началом новой, ещё большей мозаики.

Да, процесс познания бесконечен. Пытливый понимал – это так, и не тешил иллюзии, что когда-нибудь всё же дойдёт до конца, точнее – начала, до той сердцевины, где наконец отдохнёт.

От чего?

От того, что нравится?

Он повернул обратно...

Теперь это сооружение, колоссальное и пустое, принадлежит ему, только ему.

Всё.

Без остатка.

– Молчать! Суд идёт, – рявкнул судья. Он помолчал, прислушавшись к залу и ожидая тишины, в которой Его Зоркость, Бесстрастность и Честность развернутся по полной, – слушается дело... Дело... Что это вы подсунули?? – судья с

омержением посмотрел на бумагу.

– Ваша Зоркость, – сказал секретарь, – это оно.

– Что оно?

– Дело. То самое дело, которое мы разбираем. Просто ответчик ещё не совсем отошёл от последствий... как бы сказать... своего возможного преступления. И при знакомстве помял.

– Помял? – судья напустил благодушие, – вот это мне нравится. Дело казалось таким скучноватым, ммм... но все эти возмутительные подробности обещают интересное продолжение. Итак. Слушается дело программиста Хээфа против программиста Трокула. Вышеозначенный истец просит покарать вышеозначенного ответчика так сильно, как это только возможно. То есть так, как посчитает нужным Наша Зоркость, Бесстрастность и Честность, – судья оглядел собравшихся. Истец, его отец, представитель его интересов и по совместительству главный свидетель, ответчик со своим адвокатом, префект, сын префекта, главные наблюдатели от города, парочка-тройка свидетелей и обыватели, много обывателей, пришедших сюда для массовки, – ну что, – судья навалился на стол, – скажите, голубчик, что знаете.

– Ваша Зоркость, – начал отец, – я буду краток. Дело известно...

– Я протестую! – взревел адвокат, – дело еще не известно. Мы только что начали.

– Протест принят, – ответил судья, радуясь первому

столкновению. И громко ударил, – поосторожнее, голубчик, поосторожнее.

– Я буду краток, – отец был спокоен, – каждый раз, когда небо меняется, объявляется конкурс. Все участники создают свой мир, и ставят таймер на его медленное раскрытие. Не развитие, а именно раскрытие. То есть первоначальное развитие проходит быстро, а когда оно достигает созревания, запускается медленное раскрытие.

– Вы обещали кратко, – судья наклонился, – а говорите развёрнуто. Давайте быстрее. Условия конкурса мне известны.

– Конечно. Это я так, остальным, чтобы было понятно. Так вот, – отец оглядел собравшихся, – когда мой сын сделал оценку развития, уже после раскрытия, то выяснилось, что разнообразие мира не увеличивается, а, наоборот, уменьшается.

– Ну так понятно, – ответил судья, – с кем не бывает. Я сам, бывало, в ранние годы баловался всяким там миротворчеством. Что-то жизнеспособное возникает редко. Эх, молодёжь...

– Ваша Зоркость, изначальная оценка развития мира предполагала богатое и всестороннее раскрытие.

– Оценка в самом начале?

– Да. Но оценка постфактум, полученная из Центра расчётных технологий.

– Там, на сто двадцатой третьей, – сказал секретарь.

Судья даже не шелохнулся.

– Расчёт говорит однозначно, – продолжал отец, – было вмешательство. Извне. Кто-то нарушил четвёртый закон.

– Четвёртый закон. Интересно, – Его Зоркость, Бесстрастность и Честность задумалась, – знаю я этот четвёртый закон. Ну, так уж и быть, напомните, здесь сидящим, не мне, я-то знаю, – повторил он чуть тише, – здесь сидящим напомните, что за закон.

– С удовольствием, – отец оглядел полный зал, – вмешательство в развитие мира со стороны лиц, не причастных к созданию, повлекшее изменения в его раскрытии. Так вот, вмешательство было, и виновник сидит в этом зале.

– Протестую! – вскочил адвокат, – вина не доказана.

– Протест принимается, – вяло промямлил судья, – давайте, голубчик, скорее. То есть поосторожнее. Ну и скорее... давайте.

– Я буду внимательным, Ваша Зоркость. Так вот. Чтобы уменьшить вмешательство и по возможности исправить раскрытие был нарушен пятый закон.

– Напомните. Вот, для них, – судья показал на собравшихся.

– Проникновение создателя в созданный мир, повлекшее нарушения в развитии. Проникновение было с зачатием.

Зал загудел.

– Наглое, подлое проникновение, – добавил адвокат.

Секретарь что-то шепнул Его Зоркости, и судья вдруг рас-

цвёл:

– Проникновение считается обоснованным, – ответил он мягко, – нарушение пятого закона накладывается на нарушение четвёртого и потому правомочно.

– Ещё не доказано! – вскричал адвокат.

– Ах да. Не доказано, – судья растерялся, – как, не доказано?

– Да, Ваша зоркость, – шепнул секретарь, – не доказано.

– Мы это хотим доказать?

– Нет, мы хотим, точнее они, – секретарь показал на отца и сидящего сына, – хотят доказать, что имело место нарушение четвёртого закона. Просто если его вдруг не было, нужно будет начать новый процесс... Ну, Вы понимаете, – прошептал он чуть слышно.

Чем поставил в тупик. Его Зоркость казался задумчивым.

– Не важно, – сказал секретарь, – продолжайте.

– Мой сын ввёл инъекцию, используя мир, который я создал ранее.

Судья посмотрел на отца:

– Вы давали согласие?

– Да, Ваша Зоркость, давал, – соврал говоривший.

– Вопрос, – судья посмотрел на сына, – вы знали о внешнем вмешательстве? Когда вводили инъекцию.

Отец подтолкнул того локтем.

– Знал, – тихо промямлил сын.

– Не знал, – заржал адвокат, – он всё врёт, Ваша Зоркость.

Ничего он не знал.

– Я... разберусь, – ответил судья, – суд разберётся, – повторил он корректно.

– Вопросы к ответчику...

Хээф поплыл.

Он ждал этого суда. Как торжества справедливости. Он шёл в этот зал, как в то самое место, где справедливость живёт. Но чтобы добиться желаемого, им надо врать. Ещё и ещё.

Сын посмотрел на отца. Тот говорил, задавал вопросы. Спокойный и рассудительный.

Адвокат ответчика хищно нависал над собравшимися.

Судья... туповатый.

Секретарь себе на уме. Как понимал Хээф, от него то всё и зависело. Это он шептался с судьёй и поправлял его речь – и тело, когда тот валился, грузный, обрюзгший, на стол.

Ещё он смотрел на отца, а отец смотрел на него. И эти взгляды Хээфу не нравились.

Но больше всего его раздражал ответчик. Трокул, старый приятель, с которым они когда-то бежали по верхней площадке и любовались небом, оказался мошенником. Предателем. Нет, пожалуй, всё же мошенником.

Он разрушал его мир, методично и скрупулёзно, скрываясь внутри, а всё для того, чтобы выиграть.

Если бы не отец, и, если бы не стечение обстоятельств, Хээф не знал бы, в чём дело. Он завалил бы свой конкурс,

и всё.

Хотя он и так его завалил.

Если и выиграет в суде.

Изменений, вмешательств так много, чистоты миротворчества нет, так что работу не примут.

Но Хээф всё же надеялся, что ему отдадут его кубик. Носитель, в котором живёт его мир, вернее, миры. Большие и маленький, тот самый маленький мир, который оказался последним творческим замыслом.

– Итак, – голос судьи, на этот раз громкий, вывел из мыслей, – больше вопросов нет. У суда. У меня. У нас. Суд удаляется.

Его Зоркость, Бесстрастность и Честность откинулся и впал в неопределённое состояние.

Состояние длилось минуту.

– Суд возвращается, – судья повернулся к собравшимся и наклонился к секретарю.

– Да, – сказал секретарь. Очень тихо.

– Вверенной мне властью, записанной на самых рельефных скрижалях самой высокой башни повелеваю, – слово "повелеваю" судья произнёс так тихо и так нечётко, что сидящим в зале послышалось другое. К примеру, "плеваю", – итак... – Его Зоркость смотрел на ответчика, – программист Трокул, – тот встал, – вы проговариваетесь к шестистам брюликам штрафа.

Зал загудел.

– За что?! – Трокул взмолился, – о милостивый Верхний, за что такое суровое наказание?! Он, – ответчик глянул на сына префекта, – разрушил десятки миров, в то время как веселился на сервере, в то время как пьянствовал со своими приятелями! И что? Какое ему назначили наказание? Предупреждение, выговор, всё??

– Почему? Почему он об этом сказал? Почему он напомнил? Папа... – сын префекта зарылся в отца.

– Не надо, не надо, не плачь. О, сынок... о сынок... Негодяй! – префект зарычал на Трокула, который в ответ зашипел, – негодяй! Смотри, что ты наделал! Он плачет... Повеселился сынок, ну и что? Он не хотел, он просто чуть покачнулся.

– Ага, и при этом качнул чьи-то кубики! – ответчик орал, гневно, открыто, безжалостно.

В воздухе стало душно.

– Пойдём, – отец повернулся к сыну, – здесь делать нечего.

– Кубик тебе отдадут, – сказал он ему, когда они вышли из здания, – пока он с тобой, никто в твой мир не проникнет. Пожалуйста, будь аккуратным. Больше не вмешивайся. Пусть всё идёт как идёт, своим чередом. Это главное. Расскажу я историю. Слушай. Жил программист, и создал он мир. Создал, и стал любоваться. Как ладно, как складно всё скроено. Мир раскрывался, как самый красивый цветок. Не мог программист насмотреться, всё наблюдал, наблюдал. И однажды увидел, как что-то случилось, и мир стал другим.

Как будто бы стал разрушаться. “Всё, – решил он тогда, – мир идёт к катастрофе.” Схватился за голову, начал вводить инъекции, точно удалял объекты – всё тщетно. Расстроился программист, так расстроился, что все его части, из которых было построено тело, потеряли друг с другом связь и стали лежать по отдельности. Тогда он заснул. Спал, спал, долго, наверное, спал, но после проснулся. И видит он, значит, что всё хорошо, мир, который прошёл катастрофу, стал другим, совершенно, но даже лучше и краше, чем был. Преодолеl мир невзгоды, и сам изменил себя к лучшему. А катастрофа была лишь началом больших изменений. Обрадовался создатель, собрал свои части в целое, и больше в свой мир не вмешивался... Нам, родителям, это известно. Мы часто учим детей, контролируем их поведение, любим встречать в их дела и давать им советы. Но они, предоставленные себе, сами решают проблемы. Поэтому лучше не вмешиваться. Лучше смотреть. И любить.

Отец приподнял своё щупальце, и ласково тронул сына.

ГЛАВА 12. САМАЯ КОРОТКАЯ

Днём на равнине светло.

Солнце постоянно над головой.

Тянучки, злаки, крушинки, деревья зримые и незримые – всё живое раскрылось, расправило стебли и листья, тянется к солнцу.

Если закроешь глаза, можно наслаждаться и звуками.

Пение птиц, стрекотание ангелов, жужжание твердотелок и насекомых, позёвывания саммак. Музыка, созданная природой. Бесконечная и бесконечно красивая музыка.

Мутный взглянул на девушку.

Здесь, на самом краю равнины, где она плавно переходила в холмы, дул лёгкий прохладный ветер. Он играл с волосами, подхватывал их, уносил, возвращал, снова подхватывал.

Парень смотрел и не мог оторваться.

Пока его не дёрнули за штанину.

– Лучистый, – позвал сына Мутный.

И увидел руки, которые тот протягивал. Значит, просится. Значит, его нужно взять, иначе расстроится.

Но никого расстраивать не хотелось. И папа забрал.

Два года прошло с той поры, как они вернулись. Казалось, прошла целая вечность.

Равнина преобразилась.

Гильдия стражей распалась, унося с собой целую эпоху, от самой кровопролитной войны до самой большой катастрофы.

Оставшиеся в живых жители города ушли на равнину, по большей части в Прихолмье. Другие ушли на Посты и влились в гильдию проводников, потому как прикрытых среди горожан было больше. Сказалась жестокая селекция во время жизни на Острове.

Любящая пропала, а вместе с ней ещё четверо. Говорят, они улетели на Остров.

Самое интересное, что таинственный Орден, членом которого являлась горожанка, ничего не предпринял для её возвращения. Говорят, не случайно. Говорят, так решили их высокие покровители, но кто они были и где?

Говорят, говорят...

Слухи множились.

Самое главное – солнце светило. Как прежде. Целых два года. Никто не знал, сколько продлится день, с какого времени начинать исчисление.

Если забыть те месяцы ночи, то два, точнее, два с половиной года. А если больше, то три.

О своём путешествии они не рассказывали, ну, может быть, только Лучистому, и то только так, как будто бы сказку.

Зачем?

Набегут, станут спрашивать, а может, посчитают мошенниками, которые ради славы или возможных денег го-

товы обманывать слушателей. Первая уже обожглась однажды, когда вернулась от пестрокрылых. Её закрутили так, что оставалось одно – запереться на том же Посту и раскручиваться в обратную сторону.

Люди считали, что всё исправил Обиженный, и приверженцев веры в него стало больше. Особенно больше их стало, когда рухнула гильдия стражей, и Обиженный стал обычным божком. Заботливым, добрым, нетребовательным. Таким же, как святая праматерь с Острова или Бог Озёрного края, который, в принципе, тот же Обиженный, только немного другой.

Немного другой...

Таких, немного других, появилось много. С тех пор, как новая власть, пока что временное правительство объявила о свободе совести. Каждый теперь мог верить во всё, что он хочет, и верований расплодилось множество. В какие-то верило лишь одно небольшое селение, а были такие, которые ограничивались семьёй.

По сути говоря, то, во что верили они, Мутный и Первая, тоже можно считать религией. Своеобразной. Закрытой.

Они же верили в то, что увидели, в то, что услышали, во все эти воплощения Бога, начиная от Хэа и кончая Ээфом, в Малый мир, оставшимся последним, финальным замыслом, в праматерь Аяду, которая дала сокровенное и такое значимое предсказание, в яму огня и много чего ещё.

Верили так, как не верил никто. И ни с кем не делились

верой.

Их вера смыкалась с той верой, в которую верили пестрокрылые, и они понимали, что только те и поверят, если им рассказать. Ну, может, ещё на Посту, ну, может, в селении Светлого. И всё.

Проверять не хотелось. Хотелось держать при себе. Как источник, который нашли, и который является их семейным источником.

Семейным источником. Боги...

– Надо успеть на коронацию, – прервала молчание Первая.

– Осталось...

– Четверо суток. Почти.

– За нами пришлют. Они обещали.

– А если вдруг не пришлют?

– Ну не пришлют – не пришлют. Чего мы теряем?

– Ну мне интересно, – ответила девушка, – это ты у нас нелюдимый. А мне интересно, – сказала она уже мягче.

– Да, – Мутный не мог поверить. До сих пор. Его бывшая, которая когда-то оставила шрам над его правым глазом – королева. КОРОЛЕВА РАВНИНЫ. Вместе с герцогом, выскочкой, которому просто везло. Всю его жизнь.

Быть может, он ревновал?

Мутный смотрел на Первую, и понимал, что нет, не ревнует.

– Что? – проводница не поняла.

– Так, ничего, – парень поправил Лучистого. Тот начал играть со щетиной и пытался кусить за нос.

– Герцог – счастливчик, – сказала девушка, словно читая мысли, – всю жизнь нарывался на неприятности и оставался сухим.

– Ну... не совсем и сухим, – Мутный смотрел на холмы, – за решёткой его помяли.

– Оно того стоило.

– Да. УЖ, – парень раскрыл глаза. Широко-широко.

– Ты о герцогe?

– Нет... – он взял кулачок у Лучистого и показал им на небо, – смотри...

Первая повернулась туда, куда указывал кулачок. И чуть не упала.

Сердце забилось, на лицо заползла улыбка, и девушка закричала:

– Э-Э-Ф!!

От радости она стала прыгать и хлопать в ладоши. Как девочка.

Лучистый захлопал тоже.

Невероятное существо с длинным гибким телом и большой головой, за которой развевалась густая светлая грива. Это существо летело по небу, слегка изгибаясь, как долгоносик, предвестник удачи, и оно летело на них.

– Ааахв, – Ээф приземлился и тут же зевнул.

– Ээф! – закричала девушка и подбежала.

– Эф, – сказала она уже тихо.

И погладила гриву.

– Как управлять этим телом? Отвык, – пожаловался Создатель.

И поклонился Лучистому, новому жителю этого мира.

ЭПИЛОГ

– Солнце вернулось, уже навсегда.

– Ты так думаешь?

– Думаю. Свершилось пророчество. Нам помогли, и сделали это те, о ком говорил Господь, – ответил Коэ.

– Это они?

– Они. Я уверен, – пестрокрылый смотрел на небо. Ясное, без единого облака, в котором безраздельно царило самое яркое и самое нужное явление природы.

– Значит, мы спустимся? На равнину, к тем, кто помог и кого нас просили принять. Как братьев, – Луы выжидающе замер.

Коэ собирался сказать.

Но не сказал.

– Значит, не спустимся, – ответил Луы. За старшего.

– Да. Мы будем жить на холмах, так, как и жили. А равнину оставим людям.

– Но почему? Я не знаю причины.

– Многоцветная стая знает. И скоро узнают все. Люди во власти подкидышей.

Холод от слова проник словно ветер, в далёких предгорьях. Луы поплотнее закутался.

Теплее не стало.

– Я думал, мы братья... – начал он робко.

– Мы братья, – ответил Коэ.

– Но мы не поможем?

Старший молчал.

– Мы не поможем, – сказал пестрокрылый, уже утвердительно.

– Да, – Коэ опустил свою голову, – стаи не в силах помочь. Мы потеряем волю, мы потеряем себя, мы станем рабами. И нам остаётся смотреть. Наблюдать. И надеяться.

– На что остаётся надеяться? Что зло уничтожат? И люди станут свободными?

– Нет, – продолжал Коэ, – тот, кто владеет подкидышем, обречён. Он капля за каплей стекает, пока не исчезнет. Народу Холмов надо надеяться, что зло остановится, там, на равнине, и к нам не пойдёт.

Он замолчал и только плотнее закутался.

Земля на холмах греет не так, как внизу, но солнце светило ярко и прогревало. Мир был наполнен светом, мир был наполнен теплом.

А пестрокрылые кутались в крылья.

От холода.